STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

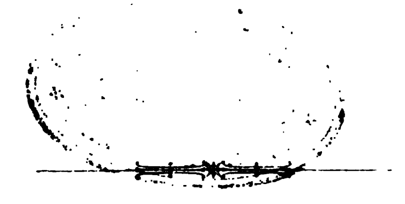
ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12
1891

Оглавленіе.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Списокъ

членовъ И. Р. Географическаго и Неофилологическаго Обществъ, а также нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ постороннихъ,—приславшихъ сочувственныя «Живой Старинѣ» заявленія, въ отвѣтъ на предварительно разосланное Отдѣленіемъ Этнографіи предложеніе объ ея изданіи [1]).

А. Лица, заявившія о готовности внести свыше подписной платы:

				Р.	К.
1.	Ламанскій, Е. И.	1	экз.	600	—
2.	Вильмсъ, З. Г.	3	»	100	—
3.	Ламанскій, В. И.	1	»	85	—
4.	Бильбасовъ, В. А.	1	»	55	—
5.	Ровинскій, Д. А.	1	»	55	—
6.	Бунге, Н. Х.	1	»	50	—
7.	Толстой, графъ М. М. (Одесса)	1	»	50	—
8.	Пыпинъ, А. Н.	2	»	50	—
9.	Вахрамѣевъ, И. А. (Ярославль)	1	»	30	—
10.	Веселаго, Ѳ. Ѳ.	1	»	30	—
11.	Галкинъ-Врасскій	1	»	30	—
12.	Гротъ, К. К.	1	»	30	—
13.	Небольсинъ, П. И.	1	»	30	—
14.	Галинъ, А. М. (Екатеринбургъ)	1	»	25	—
15.	Корниловъ, Ѳ. П.	1	»	25	—
16.	Оржевскій, П. В.	1	»	25	—
17.	Соболевскій, А. И.	1	»	25	—
18.	Будиловичъ, А. С.	1	»	20	—
19.	Подвинцевъ, Е. Е. (Кочкарь)	1	»	15	—
20.	Толстопятовъ, А. М. (Москва)	3	»	25	—
21.	Таскинъ, А. Н.	3	»	20	—
22.	Анучинъ, Д. Н.	1	»	10	—
23.	Бруннеманъ, Ю. В.	1	»	10	—
24.	Глуховской, П. И.	1	»	10	—
25.	Григорьевъ, А. В.	1	»	10	—
26.	Дурново, А. В. (Вытегра)	1	»	10	—
27.	Истоминъ, Ѳ. М.	1	»	10	—
28.	Кидошенковъ, Н. В.	1	»	10	—
29.	Кирпичниковъ, А. И. (Одесса)	1	»	10	—
30.	Кленшъ, Э. Э.	1	»	10	—
31.	Лавровскій, Н. А. (Рига)	1	»	10	—
32.	Ламанская, М. Н.	1	»	10	—
33.	Лиліенфельдъ-Тоаль, Н. Ѳ.	1	»	10	—
34.	Маркевичъ, А. И. (Одесса)	1	»	10	—
35.	Милютинъ, графъ Д. Л. (Мисхоръ, Тавр. губ.	1	»	10	—
36.	Половинкинъ, И. Н.	1	»	10	—

[1]) Печатаются группы А и Б, въ которыхъ произошли измѣненія и дополненія.

				Р.	К.
37.	Полѣнова, О. И.	1	экз.	10	—
38.	Ровинскій, П. А. (Цетинье)	1	»	10	—
39.	Семевскій, М. И.	1	»	10	—
40.	Титовъ, А. А. (Ростовъ, Яросл. г.)	1	»	10	—
41.	Успенскій, Ѳ. И. (Одесса)	1	»	10	—
42.	Флоринскій, В. М, (Томскъ)	1	»	10	—
43.	Шидловскій, С. И. (Ворон. г.)	1	»	10	—
44.	Шиманскій, А. И.	1	»	10	—
45.	Друри, И. В.	1	»	8	
46.	Веневитиновъ, М. А. (Воронежъ)	3	»	20	—
47.	Софіано, Л. П.	2	»	11	—
48.	Дондуковъ-Корсаковъ. князь Н. А.	1	»	6	—
49.	Дриновъ, М. С. (Харьковъ)	1	»	6	—
50.	Милютинъ, Ю. Н.	1	»	6	—
51.	Потебня, А. А. (Харьковъ)	1	»	6	—
52.	Чарыковъ, Н. В.	1	»	6	—
53.	Шишковскій, К. (Кочкарь)	1	»	6	—
54.	Марксъ, А. Ф.	1	»	5[1])	—

Б. Лица и учрежденія, заявившія о готовности подписаться на «Живую Старину» свыше одного экземпляра:

				Р.	К.
1.	Суворинъ, А. С.	100	экз.	500	—
2.	Бобринскій графъ, А. А.	10	»	50	—
3.	Славянское Благотв. Общество	10	»	50	—
4.	Мазингъ, М. К. (Асхабадъ)	5	»	27	50
5.	Рахманиновъ, И. И. (Кіевъ)	5	»	27	50
6.	Мусинъ-Пушкинъ, графъ А. А.	5	»	25	—
7.	Смитъ, Т. С. (Москва)	3	»	16	50
8.	Батюшковъ, Ѳ. Д.	2	»	10	—
9.	Добровольскій, В. Н. (с. Данькова, Смол. г.).	2	»	10	—
10.	Кибальчичъ, Т. В. (Кіевъ)	2	»	11	—
11.	Мандельштамъ, І. Е.	2	»	10	—
12.	Ольденбургъ, С. Ѳ.	2	»	10	—
13.	Романовъ, П. М.	2	»	10	—
14.	Слюнинъ, Н. В. (Кронштатъ)	2	»	10	—
15.	Соколовъ, И. И.	2	»	10	50
16.	Струве, Н. Б.	2	»	10	—
17.	Университетъ, Имп. Варшавскій.	2	»	11	—
18.	Флери, И. И. . . . , , , ...	2	»	10	—

Въ послѣдующихъ выпускахъ будутъ печататься лишь новѣйшія пополненія къ группамъ А и Б, т. е. списокъ лицъ, кои благоволятъ внести въ фондъ «Живой Старины» сумму, превышающую подписную плату, или подписаться на нѣсколько экземпляровъ.

[1]) Съ предложеніемъ безплатнаго помѣщенія въ журналѣ «Нива» объявленій о подпискѣ на «Живую Старину»—на 200 руб.

ОТДѢЛЪ I.

ПИСЬМА П. И. ПРЕЙСА М. С. КУТОРГѢ, И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ, П. О. ШАФАРИКУ, КУРШАТУ и друг.

(1836—1846).

М. С. Куторгѣ.

Прага. 29 Августа 1840 г.

На письмо твое отъ 7 мая отвѣчаю теперь, любезный Мишель. Прости мнѣ согрѣшеніе мое! Я полагалъ, по предварительномъ и основательномъ разсужденіи, лучше поручить Иноземцову сообщеніе о всемъ, что касается моего житья-бытья. Уповательно, онъ передалъ все, что вѣдати вамъ слѣдовало.

Прими паки и паки мою благодарность за дружескую твою заботливость, которая трогаетъ меня до глубины сердца:—въ многоглаголаніи нѣсть спасенія. Тебѣ, anima candida! обязанъ я, если мнѣ за границею идетъ такъ, что я совершенно compos voti.... Къ дѣлу.

Въ Берлинѣ я видѣлся съ Попечителемъ, который принялъ меня съ распростертыми объятіями и лобзаніями, наговорилъ мнѣ съ три короба комплиментовъ и обѣщалъ посѣтить меня въ Прагѣ, что до сего дня еще не случилось. Мнѣбы очень пріятно было, еслибы онъ заглянулъ въ Прагу. Быть можетъ онъ бы увѣрился отъ Шафарика etc. въ томъ, что я не недостоинъ той довѣренности, которою я, по видимому, у него пользуюсь. О Берлинѣ ни слова. Только о Риттерѣ и Боппѣ, Бенари и т. д. Риттеръ такъ полюбилъ меня, что я не знаю, чѣмъ и какъ я заслужилъ его расположеніе. Все, что мнѣ нужно было, онъ доставлялъ съ величайшею готовностью, приглашалъ меня въ Берлинскія собранія ученыхъ, знакомилъ меня со всѣми, кого я знать хотѣлъ. Наконецъ онъ вызвался быть моимъ адвокатомъ у Короля по дѣлу съ Чшоппе, который, въ противность законамъ, отказалъ мнѣ въ просьбѣ самой законной. Я желалъ имѣть копію съ акта XIII столѣтія, хранящагося въ Кенигсбергѣ и относящагося къ Исторіи Литвы и получилъ отказъ изустный, въ самыхъ грубыхъ выраже-

ніяхъ, не смотря на то, что Ранке весьма большой другъ Чшоппе и отрекомендовалъ меня съ самой выгодной стороны. Это дошло чрезъ Ранке до свѣдѣнія Риттера, которому я совѣстился передать разсказъ о поступкѣ мерзавца Чшоппе со мною. Риттеръ просилъ меня черезъ три мѣсяца (когда онъ воротится изъ Швеціи, куда онъ теперь отправился) прислать ему просьбу о снятіи мнѣ копіи съ упомянутаго акта. Съ этой просьбою онъ намѣренъ отправиться къ Королю, къ которому онъ близокъ. Я просилъ Риттера о позволеніи присоединить нѣсколько замѣчаній объ устройствѣ Прусскихъ Архивовъ, объ устройствѣ, которое чрезвычайно стѣснительно для людей ученыхъ. — Т.-е. я намѣренъ поставить на видъ необходимость отдѣлить въ Государственныхъ Архивахъ историческіе акты отъ собственно дипломатическихъ, которые пожалуй пусть остаются тайною, пока Исторія не потребуетъ ихъ для своихъ соображеній.

До полученія отъ тебя письма, я передалъ Риттеру твое сочиненіе, за которое онъ тебя благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ.

Съ Боппомъ я сошелся также очень хорошо, не смотря на то, что весь мой разговоръ составлялъ оппозицію его мнѣніямъ. Замѣчанія мои на его сравнительную Грамматику я доставилъ ему письменно; онъ былъ ими очень доволенъ. Изъ Праги, какъ только удосужусь, пошлю ему еще нѣсколько замѣчаній, какъ кажется, дѣльныхъ, тѣмъ болѣе, что въ Берлинѣ я могъ писать только при помощи моей памяти. Притомъ, теперь вышелъ первый томъ его Санскритскаго Словаря, въ которомъ онъ далъ мѣсто и Славянскимъ языкамъ. Нельзя же оставить безъ Gegen Bemerkungen.

Съ Agathon Benary я только разу (sic) три видѣлся. Это прегордая, пренадутая фигура.—Я однажды доѣхалъ его какъ нельзя больнѣе. Шла рѣчь о Славистахъ, nec non о Копитарѣ, о которомъ онъ себѣ позволилъ сказать, что Копитаръ по всей вѣроятности недалекъ въ Церковно-Славянскомъ. Я не утерпѣлъ. Желательно бы было, отвѣчалъ я, чтобы Индологи такъ основательно знали Санскритскій, какъ Копитаръ Славянскій. Это значило—ранить Бенари въ пяту.—Поттъ въ Галле сказалъ мнѣ, что замѣчаніе мое не могло быть пріятно Бенари: это де истина.

Братецъ его Ferdinand Benary—соня и лѣнтяй. Слава Богу, что наша Академія Наукъ лишилась его: его было хотѣли помѣстить на мѣсто Ленца—Санскритиста, да самъ отказался, за что премного благодарны.—

Съ Ранке я познакомился въ послѣднее время, жалѣю, что не удалось ранѣе съ нимъ сойтись. Это—огонь да полымя. Мнѣ онъ очень понравился.—

Часто, очень часто сходился съ писательницею Robinson, (извѣстною подъ именемъ Talvj). Съ нею я читалъ Русскія пѣсни, которыя она мастерски переложила на Нѣмецкій. Хотя ученыя дамы и не по вкусу мнѣ, при всемъ томъ

она составляетъ исключеніе. Какъ ее обрадовало, когда я сказалъ, что знаніемъ Сербскаго я ей обязанъ. — Это не былъ комплиментъ, а сущая правда. Не имѣя лексикона, я съ помощью ея перевода навострился въ Сербскомъ.

Finis и Берлину. Мы уже въ Галле, гдѣ я пріятно провелъ время 1) въ осмотрѣ заведеній Франка: это цѣлый городъ; 2) въ бесѣдѣ съ Поттомъ, съ которымъ я очень часто сходился. Мы представляли изъ себя школу взаимнаго обученія въ лицахъ. Поттъ не только человѣкъ знающій, но и человѣкъ съ рѣшительнымъ филологическимъ дарованіемъ; при томъ превосходная душа. 3) паки въ бесѣдѣ съ Дункеромъ, которому я вручилъ твое сочиненіе, принятое съ благодарностью между прочимъ и за память о немъ. Онъ страшный Гегеліанецъ, какъ и весь Берлинъ, гдѣ мнѣ гегеліанствомъ ужасно надоѣлъ Мюллеръ, иже написа книжицу: Der Ugrische Stamm. Дункеръ, такъ какъ и Эрдманнъ читаютъ безъ тетради, а это рѣдкость въ Германіи. Къ сожалѣнію Эрдманнъ имѣетъ привычку свои лекціи учить наизустъ, отъ того его Vortrag (хотя и не Inhalt и Gehalt), похожъ на Vortrag Елпатьевскаго, блаженныя памяти. Извѣстно-ли тебѣ сочиненіе Дункера: Origines German.? Наконецъ у меня были конференціи: 4) съ Гезеніусомъ по поводу Боговъ, упоминаемыхъ Несторомъ и съ которыми у меня весьма благополучно обстоитъ. Мои догадки не только объясняютъ мѣсто у Нестора, но вмѣстѣ съ тѣмъ озаряютъ неожиданнымъ свѣтомъ нѣкоторыя стороны исторіи Арійскихъ народовъ. При всемъ томъ я еще недоволенъ своими изслѣдованіями. Предметъ очень сложный и требуетъ изысканій многостороннихъ, которыми я и занимаюсь неутомимо. Надѣюсь этимъ оказать нѣкоторую услугу Русской исторіи, Миѳологіи и Славянской Филологіи вообще.—

Во все пребываніе мое въ Галле я посѣщалъ лекціи Гезеніуса: у него постоянно около 300 слушателей. Нынѣ онъ объясняетъ Книгу Бытія и читаетъ еще Еврейскую Археологію. Лекціи его чрезвычайно поучительны. Жаль, что онъ диктуетъ, всеобщей модѣ подражая.—Впрочемъ дома онъ еще интереснѣе, нежели на лекціяхъ.

Сверхъ того я свелъ знакомство съ Roepell'емъ, молодымъ ученымъ, который занимается усердно Исторіею Славянъ, особенно Польской, и принадлежитъ къ числу немногихъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые для этой цѣли изучаютъ самые языки. Онъ вскорѣ намѣренъ издать исторію Польши для Укертъ-Гереновой: «Geschichte der Europäischen Staaten».

Совершенно неожиданна для меня была встрѣча въ Галле двухъ Словаковъ Венгерскихъ, встрѣча, которая была для меня очень полезна, доставивъ предварительныя свѣдѣнія о странѣ, въ которую я увы! долженъ былъ вскорѣ въѣхать. Не повѣришь, какъ меня радовало, что я вполнѣ понималъ ихъ, когда они говорили по-Богемски. Звуки этого языка слышалъ въ первый разъ въ жизни. Не мало и ихъ удивило мое замѣчаніе, когда я имъ указывалъ

на не—Богемскія особенности ихъ языка. Они болѣе говорятъ Словацкимъ, нежели Богемскимъ нарѣчіемъ. Я не въ первый разъ благодарилъ душевно Я. Гримма за методу: только строгое сравнительное изученіе Слав. языковъ могло мнѣ дать нить для странствованія по лабиринту діалектовъ.

За симъ прощай Галле и несносный воздухъ этого соловареннаго города. Въ Лейпцигѣ я убѣдился, что есть государства лучше Пруссіи.—Тутъ совершенно иной духъ: Легіоны чиновниковъ не бросаются въ глаза; какъ полиція выглядитъ, не знаю. Иду въ паркъ, около города насажденный, и не вижу огромныхъ досокъ съ прописаніемъ семи смертей за то и то, какъ въ Пруссіи вездѣ, даже въ Тиргартенѣ, гдѣ—о варварство—запрещено курить. Лейпцигская надпись просто гласитъ: Diese Anlagen werden der Sorgfalt aller achtbareren Bürger empfohlen (а кто бы не захотѣлъ быть achtbarerer Bürger?). Въ этомъ родѣ все въ Саксоніи: благословенная страна. Въ Лейпцигѣ я пробылъ три дня, познакомился съ оріенталистомъ Флейшеромъ и Палеографомъ-Археологомъ Beer'омъ. Сей послѣдній—вообрази себѣ—имѣетъ ежегоднаго доходу съ небольшимъ 100 талеровъ, по собственному его признанію—и не смотря на то не умеръ еще съ голоду. Отъ слушателей онъ получаетъ въ годъ около 15 талеровъ, прочее заслуживаетъ, какъ корректоръ Восточныхъ книгъ. Надобно при этомъ не забывать, что онъ по смерти Коппа теперь едва ли не первый Палеографъ Оріентальный. Теперь онъ допечатываетъ свое объясненіе надписей, которыя находятся на горѣ Синаѣ. Къ сожалѣнію, догадка Френа о сходствѣ Синайскихъ надписей съ письменами Руссовъ, сохраненными намъ Арабскимъ Писателемъ, Недимомъ не подтверждаются.

Сверхъ того я нашелъ въ Лейпцигѣ нѣсколькихъ Славянъ изъ Лузица, которые также пробудились отъ сна. Усердно хлопочутъ о изданіи своихъ народныхъ пѣсенъ, составленіи Словаря и Грамматики. У нихъ уже существуетъ Литературное общество, издающее свои труды уже не на нѣмецкомъ языкѣ. Разумѣется, что въ молодомъ поколѣніи—главные дѣятели. Здѣсь я нашелъ рукописный словарь Верхне Лузацкаго нарѣчія и—разумѣется—проглотилъ его цѣликомъ.

Въ Дрезденѣ я нашелъ моего сослуживца Германна и—къ вящей моей радости — Бидермана, который отправился однакоже тотчасъ въ Карлсбадъ. Сожалѣю, что мнѣ очень рѣдко удавалось съ ними видѣться. Въ Библіотекѣ я нашелъ нѣсколько рукописей, которыя привлекли мое вниманіе. Не только утромъ (съ 9 до 1 ч.) я былъ въ библіотекѣ, но и послѣ обѣда (съ 3 до 7) приходилъ добрый Klemm (отъ котораго прошу передать поклонъ П. И. Кеппену) замыкалъ меня въ Библіотеку и отпиралъ опять для выпуска этого книго и рукописе-яднаго животнаго.

При всемъ томъ я успѣлъ посѣтить все въ Дрезденѣ, подъ предводи-

тельствомъ Klemm'а и Германна. Описывать не намѣренъ. Вы все это вѣдаете. Въ окрестностяхъ не удалось быть. Хотѣлъ съѣздить въ Тарантъ, да побоялся встрѣтиться съ однимъ Дерптскимъ полузнакомцемъ, Салеманомъ, однимъ изъ обломковъ Шмальцевскаго хутора въ Кустовѣ. Я имѣлъ несчастіе съ нимъ встрѣтиться въ театрѣ, провесть съ нимъ нѣсколько убійственныхъ часовъ. Послѣ этого я не рѣшился въ Тарантъ, гдѣ онъ живетъ, и гдѣ бы съ нимъ непремѣнно столкнулся: онъ живетъ собственно на улицѣ. — Столкновеніе съ нимъ отравило бы удовольствіе, которое можно себѣ обѣщать въ Тарантѣ. Какъ несправедливо сказалъ Поэтъ: и дымъ отечества пріятенъ; по моему: дымъ вездѣ дымъ!

Я предпочелъ ѣхать въ Прагу на наемныхъ и не раскаялся. Оно и дешево и выгодно въ томъ отношеніи, что по Богеміи пріятно катиться по маленьку. Къ счастью и спутники мои были люди славные: Купецъ изъ Вѣны съ сестрою, въ которой только и было хорошаго и умнаго, что она или молчала или спала.—Братецъ ея познакомилъ меня и еще другого попутчика моего со всѣми тайнами австрійскихъ таможенныхъ чиновниковъ.—Притомъ онъ тѣшилъ насъ двоихъ своими нѣкоторыми забавными поговорками, каковы, напр. «das ist das» или «das ist ausgemacht». Эти два выраженія ежеминутно были у него на языкѣ.—Кто же былъ четвертый? Не потаю: то былъ Dom candidat Reichelm (Рейхгельмъ) изъ Берлина. Онъ мнѣ сказывалъ, что видывалъ тебя у Дункера въ домѣ, и разсказывалъ мнѣ, какой fureur ты дѣлалъ въ Берлинѣ, такъ что, по словамъ Reichelm'а, изъ за тебя доступу не было до дѣвицъ.—Я очень благодаренъ случаю, что онъ свелъ меня съ этимъ Theolog'омъ. Въ Теплицѣ и Прагѣ мы занимали даже общій нумеръ. Ни мнѣ, ни ему не показалась Австрія, слѣдовательно брани довольно было.

На границѣ, въ Peterswalde отъ насъ потребовали пашпортъ. Явились мы въ присутствіе, въ рукѣ держа по нѣскольку крейцеровъ. Чиновникъ, прописывавшій пашпортъ, протянулъ, при врученіи онаго, руку, въ которой судорожно зазвенѣли Австрійскіе крейцеры. Моментъ небывалый въ жизни: у меня тряслись руки какъ у преступника. Мой Берлинецъ былъ въ отчаяніи. Купецъ изъ Вѣны съ своею сестрицею стоялъ совершенно спокойно, даже смѣялся надъ нами.—

Передъ Прагою таже Geschichte съ тою разницею, что я не самъ вручалъ деньги таможенному, а возложилъ эту гнусную обязанность на извощика. Ты знаешь, что я въ подобныхъ дѣлахъ никогда не бывалъ, знавъ ихъ до сихъ поръ только по слухамъ; и можешь себѣ вообразить, каково было впечатлѣніе! Другая вещь, которая меня бѣситъ въ Австріи, это палки, которыми вооружены солдаты и полицейскіе. Что за мерзость!

на не—Богемскія особенности ихъ языка. Они болѣе говорятъ Словацкимъ, нежели Богемскимъ нарѣчіемъ. Я не въ первый разъ благодарилъ душевно Я. Гримма за методу: только строгое сравнительное изученіе Слав. языковъ могло мнѣ дать нить для странствованія по лабиринту діалектовъ.

За симъ прощай Галле и несносный воздухъ этого соловареннаго города. Въ Лейпцигѣ я убѣдился, что есть государства лучше Пруссіи.—Тутъ совершенно иной духъ: Легіоны чиновниковъ не бросаются въ глаза; какъ полиція выглядитъ, не знаю. Иду въ паркъ, около города насажденный, и не вижу огромныхъ досокъ съ прописаніемъ семи смертей за то и то, какъ въ Пруссіи вездѣ, даже въ Тиргартенъ, гдѣ—о варварство—запрещено курить. Лейпцигская надпись просто гласитъ: Diese Anlagen werden der Sorgfalt aller achtbareren Bürger empfohlen (а кто бы не захотѣлъ быть achtbarerer Bürger?). Въ этомъ родѣ все въ Саксоніи: благословенная страна. Въ Лейпцигѣ я пробылъ три дня, познакомился съ оріенталистомъ Флейшеромъ и Палеографомъ-Археологомъ Beer'омъ. Сей послѣдній—вообрази себѣ—имѣетъ ежегоднаго доходу съ небольшимъ 100 талеровъ, по собственному его признанію—и не смотря на то не умеръ еще съ голоду. Отъ слушателей онъ получаетъ въ годъ около 15 талеровъ, прочее заслуживаетъ, какъ корректоръ Восточныхъ книгъ. Надобно при этомъ не забывать, что онъ по смерти Коппа теперь едва ли не первый Палеографъ Оріентальный. Теперь онъ допечатываетъ свое объясненіе надписей, которыя находятся на горѣ Синаѣ. Къ сожалѣнію, догадка Френа о сходствѣ Синайскихъ надписей съ письменами Руссовъ, сохраненными намъ Арабскимъ Писателемъ, Недимомъ не подтверждаются.

Сверхъ того я нашелъ въ Лейпцигѣ нѣсколькихъ Славянъ изъ Лузица, которые также пробудились отъ сна. Усердно хлопочутъ о изданіи своихъ народныхъ пѣсенъ, составленіи Словаря и Грамматики. У нихъ уже существуетъ Литературное общество, издающее свои труды уже не на нѣмецкомъ языкѣ. Разумѣется, что въ молодомъ поколѣніи—главные дѣятели. Здѣсь я нашелъ рукописный словарь Верхне Лузацкаго нарѣчія и—разумѣется—проглотилъ его цѣликомъ.

Въ Дрезденѣ я нашелъ моего сослуживца Германна и—къ вящей моей радости — Бидермана, который отправился однакоже тотчасъ въ Карлсбадъ. Сожалѣю, что мнѣ очень рѣдко удавалось съ ними видѣться. Въ Библіотекѣ я нашелъ нѣсколько рукописей, которыя привлекли мое вниманіе. Не только утромъ (съ 9 до 1 ч.) я былъ въ библіотекѣ, но и послѣ обѣда (съ 3 до 7) приходилъ добрый Klemm (отъ котораго прошу передать поклонъ П. И. Кеппену) замыкалъ меня въ Библіотеку и отпиралъ опять для выпуска этого книго и рукописе-яднаго животнаго.

При всемъ томъ я успѣлъ посѣтить все въ Дрезденѣ, подъ предводи-

тельствомъ Klemm'а и Германна. Описывать не намѣренъ. Вы все это вѣдаете. Въ окрестностяхъ не удалось быть. Хотѣлъ съѣздить въ Тарантъ, да побоялся встрѣтиться съ однимъ Дерптскимъ полузнакомцемъ, Саламановымъ, однимъ изъ обломковъ Шмальцевскаго хутора въ Кустовѣ. Я имѣлъ несчастіе съ нимъ встрѣтиться въ театрѣ, провесть съ нимъ нѣсколько убійственныхъ часовъ. Послѣ этого я не рѣшился въ Тарантъ, гдѣ онъ живетъ, и гдѣ бы съ нимъ непремѣнно столкнулся: онъ живетъ собственно на улицѣ. — Столкновеніе съ нимъ отравило бы удовольствіе, которое можно себѣ обѣщать въ Тарантѣ. Какъ несправедливо сказалъ Поэтъ: и д ы м ъ о т е ч е с т в а п р і я т е н ъ; по моему: дымъ вездѣ дымъ!

Я предпочелъ ѣхать въ Прагу на наемныхъ и не раскаялся. Оно и дешево и выгодно въ томъ отношеніи, что по Богеміи пріятно катиться п о м а л е н ь к у. Къ счастью и спутники мои были люди славные: Купецъ изъ Вѣны съ сестрою, въ которой только и было хорошаго и умнаго, что она или молчала или спала.—Братецъ ея познакомилъ меня и еще другого попутчика моего со всѣми тайнами австрійскихъ таможенныхъ чиновниковъ.—Притомъ онъ тѣшилъ насъ двоихъ своими нѣкоторыми забавными поговорками, каковы, напр. «das ist das» или «das ist ausgemacht». Эти два выраженія ежеминутно были у него на языкѣ.—Кто же былъ четвертый? Не потаю: то былъ Dom candidat Reichelm (Рейхгельмъ) изъ Берлина. Онъ мнѣ сказывалъ, что видывалъ тебя у Дункера въ домѣ, и разсказывалъ мнѣ, какой furour ты дѣлалъ въ Берлинѣ, такъ что, по словамъ Reichelm'а, изъ за тебя доступу не было до дѣвицъ.—Я очень благодаренъ случаю, что онъ свелъ меня съ этимъ Theolog'омъ. Въ Теплицѣ и Прагѣ мы занимали даже общій нумеръ. Ни мнѣ, ни ему не показалась Австрія, слѣдовательно брани довольно было.

На границѣ, въ Peterswalde отъ насъ потребовали пашпортъ. Явились мы въ присутствіе, въ рукѣ держа по нѣскольку крейцеровъ. Чиновникъ, прописывавшій пашпортъ, протянулъ, при врученіи о н а г о, руку, въ которой судорожно зазвенѣли Австрійскіе крейцеры. Моментъ небывалый въ жизни: у меня тряслись руки какъ у преступника. Мой Берлинецъ былъ въ отчаяніи. Купецъ изъ Вѣны съ своею сестрицею стоялъ совершенно спокойно, даже смѣялся надъ нами.—

Передъ Прагою таже Geschichte съ тою разницею, что я не самъ вручалъ деньги таможенному, а возложилъ эту гнусную обязанность на извощика. Ты знаешь, что я въ подобныхъ дѣлахъ никогда не бывалъ, знаю ихъ до сихъ поръ только по слухамъ; и можешь себѣ вообразить, каково было впечатлѣніе! Другая вещь, которая меня бѣситъ въ Австріи, это палки, которыми вооружены солдаты и полицейскіе. Что за мерзость!

Первымъ моимъ дѣломъ было отыскать **Шафарика**, который ласково меня принялъ, такъ какъ и прочіе здѣшніе Литераторы, особенно кавалеръ ордена Св. Владиміра[1]).—Ты спросишь меня, какъ мнѣ понравились Прагскіе ученые? Пока я ими очень доволенъ. Всѣхъ болѣе мнѣ полюбился Шафарикъ, человѣкъ въ высшей степени скромный, полный души и сердца и вовсе не фанатикъ, какимъ его изображаютъ многіе изъ нашихъ. Я вижусь съ нимъ каждый день, сообщаю ему замѣчанія свои на счетъ его труда. Онъ принимаетъ спокойно, видя, что я изучалъ его трудъ глубже, нежели его панегиристы. Онъ часто спрашиваетъ моего мнѣнія о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, изложенныхъ имъ въ разныхъ его сочиненіяхъ. Я отвѣчаю ему, какъ меня Богъ создалъ, прямо, откровенно, о чемъ не имѣю положительнаго мнѣнія, говорю, что не изучилъ еще этого предмета.

Другой ученый, съ которымъ я также ежедневно схожусь за обѣдомъ, это Палацкій—глубоко изучившій Исторію Богеміи и пока единственный ея знатокъ. Онъ сожалѣетъ, что здѣсь онъ ведетъ объ исторіи Богеміи монологъ съ самимъ собою: некому передать своихъ мыслей, нѣтъ людей, отъ которыхъ бы могъ услышать Gegen Bemerkungen. Сверхъ того Палацкій отличный знатокъ искусствъ. Теперь онъ печатаетъ древніе акты на Богемскомъ языкѣ: это совершенно новая матерія.

О Челяковскомъ говорили мнѣ, что онъ насмѣшникъ, сатирикъ; по мнѣ это добрый весельчакъ, что разумѣется нельзя сказать о Шафарикѣ, котораго Богъ не благословилъ здоровьемъ, необходимымъ для его тяжелыхъ трудовъ. Отъ этого онъ нѣсколько пасмуренъ, но не тяжелъ.

О прочихъ не могу еще говорить. Отчасти, не знаю ихъ хорошо, отчасти они не замѣчательны.

Теперь я занимаюсь Богемскимъ и составленіемъ Грамматики и Лексикона Булгарскаго діалекта на основаніи тѣхъ пособій, которыя мнѣ досталъ Шафарикъ. Этотъ трудъ необходимо обдѣлать до поѣздки въ Булгарію, куда ни Бодянскій, ни Срезневскій не дерзнули отправиться. Имѣя готовый, хотя и несовершенный матеріялъ, я безъ особеннаго труда могу на мѣстѣ дополнять, поправлять и т. д. Предметъ чрезвычайно любопытный!

Но еще надобно воротиться въ Берлинъ. У **Ровальда** я былъ, но твоего письма не нашелъ. Министру я писалъ два раза: изъ Кенигсберга и Берлина и вскорѣ опять долженъ буду взяться за перо. Дункеру все равно, какъ-бы ты не переслалъ денегъ, лучше-бы, замѣтилъ онъ, прямо на его имя.

На Рейнъ я не поѣхалъ, хотя и зналъ, что сдѣлаю тебѣ неудовольствіе. Ты скажешь: экой варваръ! поцеремонился и т. д. Пусть такъ, теперь

---

[1]) Т. е. Ганка. *В. Л.*

на сердцѣ у меня одна благодарность: отправься я на Рейнъ, то тутъ бы присусѣдилось еще нѣчто, о чемъ и думать страшно.

Далѣе.—

По пріѣздѣ въ Прагу я надѣялся найти диссертацію Басторскаго. Неужели она не вышла. Кстати о Басторскомъ. Здѣсь онъ оставилъ по себѣ очень не добрую славу. Шафарикъ былъ пораженъ, узнавъ, что онъ и временно занимаетъ каѳедру Слав. — При имени Басторскаго всѣ, знавшіе его въ Прагѣ, хохочутъ.—Всѣ они утверждаютъ, что онъ ровно ничего не дѣлалъ по вышереченному предмету.—Я очень радъ, что могу отдѣлаться замѣчаніемъ: видѣлъ де только Басторскаго и потому ничего не могу сказать ни pro, ни contra его.— Здѣсь о немъ разсказываютъ множество презабавныхъ казусовъ, особенно смѣшно—слушать ихъ изъ устъ Челяковскаго.—Впрочемъ все это между нами.

Выдалъ-ли Востоковъ каталогъ Румянцовскаго музея? Есть-ли надежда, что Синодъ дастъ позволеніе къ напечатанію Остромирова Евангелія? Вышелъ-ли Венелина сборникъ Болгарскихъ грамматъ и вообще что новаго по Русской исторіи?—Пришли чрезъ П. И. Кеппена диссертацію Колмакова.

Пора впрочемъ за Богемскіе уроки, которые я предварительно беру у Франты (Ш.[1]) потомъ обращусь къ Челяковскому. — Тяжело привыкнуть къ Австрійскимъ деньгамъ (меня уже не разъ надували), да и вообще тяжело привыкнуть къ Австрійскому духу: я часто думаю о Пруссіи и Австріи, и говорю съ волкомъ Крылова, но про себя: Не такъ, какъ здѣсь, хоть съ отличной дичью И не засни спокойно на ночлегѣ.

И такъ прощай! Будь здоровъ и обрадуй меня длиннымъ письмомъ. Ты о братѣ ничего не пишешь, также о его семействѣ. Кланяйся всѣмъ.

Твой *Прейсъ*.

Отъ Шафарика поклонъ Виктору Степановичу. Prag, Breite Strasse, № 750, im 3 Stock.

М. С. Куторгѣ.

Прага, 12 января 1841.

Любезный Мишель! Обрадовался я «радостію веліею зѣло», получивъ твое письмо и увидѣвъ твою руку на конвертѣ. Раскрываю письмо, начинаю читать и гнѣваться гнѣвомъ веліимъ зѣло. Ты опять страдалъ —и, какъ вижу, по собственной неосторожности (Шила въ мѣшкѣ не скроешь). Скажи мнѣ на милость, когда ты начнешь себя щадить? Довести себя до того, чтобы лежать «безъ голоса и почти безъ движенія» —что можетъ быть этого ужаснѣе? Это мѣсто въ твоемъ письмѣ—признаюсь—было для моего сердца ножемъ обоюдо-

[1]) Вѣроятно Франта Шумавскій.

острымъ.—Прошу тебя и заочно: будь осторожнѣй, береги себя. Ты долженъ знать, что жизнь твоя всего менѣе принадлежитъ тебѣ.—Сдѣлай милость, положи за твердое правило, хотя въ этомъ пунктѣ слушаться брата безпрекословно.—Ты былъ, право, человѣкъ порядочный, пока жилъ въ домѣ Штикса и Тремера, подъ крѣпкимъ началомъ Степана Семеновича.—Кажется, мое здоровье не твое, а посмотрѣлъ бы ты, какъ я его берегу.—Къ тѣмъ качествамъ, которыя мнѣ такъ дороги въ тебѣ, прибавь: самообладаніе.—Вотъ тебѣ NB.

Ты любишь писать по пунктамъ, я же—какъ и что въ голову придетъ.

Не сожалѣю, что еще въ Прагѣ, хотя и скоро надобно будетъ удалиться отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ. Причина тому главнѣйше Шафарикъ. У него столько собрано превосходныхъ матеріяловъ, печатныхъ и рукописныхъ, что я почелъ долгомъ не пропустить случая заняться—елико возможно—изученіемъ ихъ. Сверхъ того, многое нашлось и въ здѣшнемъ Музеѣ. Прибавь къ этому древне-и ново-Болгарскія изученія и т. д. Все это требовало времени. Я прошелъ съ Шафарикомъ его «Древности», и почти на каждой страницѣ представлялся случай къ замѣчаніямъ, поправкамъ, дополненіямъ и т. д. При этой оккaзіи я имѣлъ возможность наблюдать этого человѣка, какъ человѣка и какъ ученаго. Въ первомъ отношеніи онъ едва ли не болѣе меня удовлетворилъ. За исключеніемъ Юнгманна и Пресля никто въ Богеміи съ нимъ не выдержитъ сравненія какъ лице нравственное.

Что тебѣ сказать вообще о Литературѣ Чешской? Восторгаться я успѣхами ея, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ, не могу; я ѣхалъ въ Прагу съ невыгоднымъ мнѣніемъ объ этой статьѣ, какъ тебѣ и Виктору Семеновичу вѣдомо. Im Ganzen я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи; при всемъ томъ думаю, что было-бы дѣломъ несправедливымъ не замѣтить въ Чешской Литературѣ благотворнаго движенія. Все зависитъ отъ «stanowiska» (Standpunkt), съ котораго будешь смотрѣть на предметъ. Литературы Чеховъ нельзя сравнивать ни съ литературою Польскою, ни съ Русскою: она не выдержитъ сравненія. Надобно взять другое stanowisko. Я разсматриваю Литературу Чеховъ въ отношеніи ея къ самой себѣ—и вижу успѣхъ и движеніе.—Литераторамъ и языку прежде всего надобно сбросить ярмо Нѣмецкихъ взглядовъ, Нѣмецкаго Синтаксиса и проч.—Нельзя не пожелать, чтобы Чехи болѣе, короче познакомились съ Исторіею Литературы Польской, Русской, даже съ собственною своею древнею Литературою, особенно же съ народностію. Тутъ есть чему поучиться. — Едва вѣришь собственнымъ ушамъ, когда слышишь говорить жителей Праги. Въ этомъ Богоспасаемомъ градѣ — за исключеніемъ можетъ быть 6 литераторовъ—всего хуже говорятъ по Богемски! Этого я не ожидалъ.

Къ сожалѣнію, большая часть литераторовъ не имѣетъ опредѣленныхъ понятій о томъ, что имъ надобно дѣлать. Можно-ли ожидать добра Литера-

турѣ отъ переводовъ съ Нѣмецкаго т. е. съ такого языка, который имъ нерѣдко лучше извѣстенъ, нежели свой собственный. Если уже переводить, то скорѣе съ другихъ языковъ Европейскихъ, знаніе которыхъ недовольно распространено между пишущими въ Богеміи.—Критики Литературной почти не существуетъ: однѣ только Anzeigen.—Кто въ состояніи писать хорошія критическія статьи, отправляется въ «Geselschaft». Зачѣмъ? Дангубити (kurzweilen)—употреблю превосходное Сербское выраженіе.—Добровскій, которымъ Чехи недовольны безъ всякаго основанія, не хотя нанесъ имъ много вреда.—Не имѣя его ума, многіе изъ Чешскихъ Литераторовъ погрязли въ пучинѣ этимологій и «новословокованій». Такъ, напр., Челяковскій, которому musa dedit rotundo loqui ore—занимается составленіемъ этимологическаго Чешскаго Словаря, вещи очень прекрасной, но не своевременной.—Въ Богеміи ожидаютъ этого Словаря какъ Мессіи, полагая, что при его помощи можно освободиться отъ ярма Нѣмецкаго языка.—Замѣчательно, что всѣ Литераторы Чешскіе,—отъ мала до велика—раздѣляютъ этотъ предразсудокъ.—Напиши Челяковскій книгу той величины, какой будетъ Словарь, и Литература выиграла бы несравненно болѣе.—Такъ я думаю и говорю всюду и вездѣ.—Почти ежедневно я имъ читаю проповѣди объ этомъ предметѣ. Срезневскій того же мнѣнія.—Наше пребываніе въ Прагѣ будетъ полезно молодому поколѣнію Литераторовъ.—

Молодежь здѣшняя куритъ дрянной Австрійскій табакъ, пьетъ хорошее—какъ говорятъ—Пражское пиво, играетъ въ бильярдъ и т. п.

Чешскій театръ, о которомъ я столько слышалъ, дается здѣсь—какъ бы тебѣ сказать—изъ милости. Нѣмцы имѣютъ удовольствіе каждый день ходить въ театръ; Чехи разъ въ недѣлю—въ воскресенье и въ большіе праздники.—Притомъ замѣть, что представленія Чешскія съ Мая по Сентябрь прекращаются.—Словомъ: въ годъ бываетъ съ небольшимъ до 30 представленій. Театръ начинается послѣ обѣда въ 4 часа, а въ 6 долженъ быть конченъ. Время очень удобное! Фарсы еще идутъ кое-какъ; порядочныя пьесы также играются, но ощутительно плохо. Особенныхъ талантовъ не имѣется, за исключеніемъ двухъ, много трехъ, и тѣ принадлежатъ обоимъ театрамъ, Нѣмецкому и Чешскому. Пьесы большею частью переводныя и опять съ Нѣмецкаго. «Ad majorem Dei gloriam», я хожу въ Чешскій Театръ. но рѣдко съ удовольствіемъ.—Подробности о театрѣ Чешскомъ будутъ сообщены, въ «Отечественныя Записки» Срезневскимъ.—Я объ этомъ его просилъ: это по его части. Будьте этими извѣстіями довольны.

Нѣмецкій театръ здѣсь не дуренъ, особенно Опера. Но признаюсь Австрійскій выговоръ Нѣмецкаго невыносимъ для моего слуха. Очень пріятно слышать Kram вмѣсто Gram, Kriechen вмѣсто Griechen. Выговоръ Вѣнскій, какъ слышу, еще ужаснѣе.

Срезневскій, къ большему моему удовольствію, находится въ Прагѣ. Я очень доволенъ имъ: мы дополняемъ другъ друга. Онъ любитъ настоящее; занимается болѣе народомъ, этнографіею вообще; я же—какъ извѣстно—стариною, прошедшимъ.—Настоящее преимущественно интересуетъ меня тогда, когда оно объясняетъ прошедшее.

Въ лѣтніе мѣсяцы я часто ѣздилъ и ходилъ по окрестностямъ Праги въ обществѣ съ Шафарикомъ.—Мѣста, къ которымъ прикованы воспоминанія историческія, не трогали моего сердца. Не то было въ Познани, въ Литвѣ. Поэзія и исторія (писанная на языкѣ родномъ) давали пищу сердцу и воображенію.—То же дѣйствіе произведутъ на меня многія мѣстности въ Сербіи: народная пѣсня сдѣлала ихъ для меня родными. Въ Богеміи другое дѣло: исторія писалась и пишется по Нѣмецки; народныхъ историческихъ пѣсенъ нѣтъ. Коротко сказать: Чехи лучше знаютъ Исторію Швеціи, нежели собственную.—Чувство историческое (если позволено такъ выразиться) у Чеховъ пятое колесо въ телѣгѣ. Это очень больно.—Слѣдовательно на мои чувства Богемія могла дѣйствовать одной живописностію положеній—а это самая слабая сторона у меня. Вышеградъ и гора Ржипъ шевелили сердце: есть пѣсни о нихъ, есть преданія. Но въ нынѣшнемъ сознаніи все уснуло.—Объ этомъ въ другой разъ.

Нынѣшнею зимою въ Прагѣ не очень-то пріятно живется для-ради холоду. Я едва успѣвалъ отогрѣвать руки. Пока печь топится—тепло; выгорѣла—и комната превращается въ волчью яму. Житье плохое! Въ самые жестокіе холода (здѣсь было даже 18° вмѣсто обыкновенныхъ 5°) мнѣ пришлось писать отчеты, которые да будутъ прокляты. Я, право, не зналъ иногда, что дѣлать. «To je hruza» придется сказать съ Чехомъ.

26 Декабря отправлены отчеты: къ Министру и въ Совѣтъ Университета. Будутъ-ли ими довольны, не знаю; знаю впрочемъ одно: они мнѣ стоили много хлопотъ при перепискѣ. Ты себѣ вообразить не можешь, какой я несчастный писецъ. Чѣмъ болѣе стараюсь не ошибиться, тѣмъ вѣрнѣе то описка, то пропускъ. Non juvat meminisse!

Изъ Праги отправлюсь въ Вѣну, гдѣ не думаю долго замедлить, буде не найду здѣсь Вука Стефановича.—Если же онъ въ Вѣнѣ, то необходимо съ нимъ поближе сойтись. Можетъ быть у него удастся мнѣ взять нѣсколько уроковъ. Притомъ никто не знаетъ такъ хорошо Сербіи и Болгаріи, какъ Вукъ. Сверхъ того, нужно будетъ сблизиться съ Копитаромъ, котораго, къ сердечному моему сожалѣнію, могу теперь только уважать какъ ученаго.—Какъ человѣкъ, онъ потерялъ въ моихъ глазахъ всю свою цѣну. Довольно прочесть его «Hesychius», чтобы убѣдиться, куда самолюбіе увлекло этого человѣка. Не говорю уже о томъ, что молва разноситъ о немъ по всему Славянскому свѣту: этому, разумѣется, нельзя довѣрять вполнѣ. Онъ не безъ враговъ.

Меня очень порадовали твои извѣстія объ Университетѣ и членахъ его. Дай Богъ, чтобы наши Университеты все болѣе и болѣе удалялись отъ своего первообраза (т. е. Австрійскаго), по которому они первоначально учреждены.— Здѣшніе семинаристы въ одеждѣ, пріемахъ и т. д. точь въ точь — наши. Въ Венгріи они называются: togati—и мнѣ зѣло полюбилось это названіе.

Какъ мнѣ досадно, что я теперь не въ Берлинѣ, гдѣ, какъ знаешь, поселился мой Jacobus Grimm.—Сверхъ того вскорѣ, можетъ быть, воспослѣдуетъ учрежденіе при Прусскихъ Университетахъ Славянскихъ профессуръ. Объ этомъ—какъ слышно—идутъ толки въ Прусскомъ министерствѣ. Спасибо за это дѣло Риттеру, Боппу, Ранке, особенно же превосходной Talvj. J. Grimm будетъ, вѣроятно, также полезенъ этому начинанію. Какъ-то этотъ пунктъ понравится Австріи!

Нѣчто о твоихъ Германцахъ. Говоря о неудовлетворительности, съ которою Булгаринъ (зри: Россія въ etc.) изложилъ состояніе древней Германіи, Heeren говоритъ и о тебѣ: Götting. Gelehrte Anzeigen. 1840. May Stück 7, 6; S. 751. Это меня порадовало.

Мои сборники миѳологическіе, грамматическіе, лексикальные, юридическіе растутъ, растутъ: я ихъ принужденъ оставить въ Прагѣ, по крайней (мѣрѣ) большую часть.—Я ихъ показывалъ Шафарику; онъ очень ими доволенъ, особенно моимъ древне-Славянскимъ и древне-Русскимъ Словаремъ, изъ которыхъ и на его долю не мало перепало.—

Бумага не кожа: не тянется, а потому къ заключенію, въ которомъ и прошу мнѣ выслать, какъ можно скорѣе, деньги въ Вѣну, гдѣ надѣюсь скоро очутиться, тѣмъ болѣе, что Копитаръ намѣренъ отправиться въ Парижъ для изданія полнаго fac-simile съ Реймскаго Евангелія—что, по моему мнѣнію,—роскошь безполезная.—Если можно черезъ П. И. Кеппена, которому поклонъ, выслать мнѣ Угро-Валашскія грамматы Венелина, то учини.—Это бы меня не разъ избавило отъ лишней переписки.—

Съ новымъ годомъ, съ новымъ здоровьемъ, съ новыми силами всѣхъ васъ, иже во Святыхъ!... Вашъ, отъ всего сердца вашъ

П. Прейсъ.

И. И. Срезневскому.

10-го Февраля 1841 года.

Послѣднее воскресеніе (7-го Февраля) было для меня праздникомъ: 1) я получилъ отъ Васъ вѣсточку, и 2) случилось нѣчто, о чемъ пункты слѣдуютъ:

Ваше дорогое psaníčko получилъ я изъ рукъ Шафарика передъ самымъ уходомъ въ Чешскій театръ, гдѣ Манетинская должна была явиться Бенефи-

ціанткою. Я успѣлъ только пробѣжать Ваше письмо; говорю: пробѣжать, потому что не привыкъ еще къ Вашей рукѣ. Многое осталось для меня гіероглифомъ; нѣкоторыя полу-разобранныя мѣста подняли мой «нутръ» a sedibus imis.—Обезпокоенный отправился я съ Шафарикомъ въ театръ. Давалась фрашка: Шапочка Доктора Фауста. Несносно! опять фрашка. Не пошелъ-бы, не будь бенефисъ Манетинской. Дѣлать нечего: ad majorem Dei gloriam—иду. Впрочемъ, думалъ я, что испортитъ фрашка, поправитъ Oll Bull.

Я въ театрѣ и въ досадѣ: письмо Измаила Ивановича не разобрано, а тамъ столько жгучаго и колючаго. Манетинская, по афишкѣ, играетъ роль самую подчиненную—служанку въ корчмѣ. Поднимается занавѣсъ: досада увеличивается. Манетинская на сценѣ, сказываетъ нѣсколько словъ и исчезаетъ. И только-то!

Остаются на театрѣ: разбойники, Помѣщикъ, его будущій зять, владѣлецъ шапочки Доктора Фауста (Грабингеръ). Идетъ разговоръ, меня едва интересовавшій: я думалъ о Вашемъ письмѣ. Вдругъ отворяется окошко: изъ него вылѣзаетъ Манетинская съ толпою солдатъ, которые вяжутъ разбойниковъ, освобождаютъ тѣхъ, которыхъ жизнь висѣла на волоскѣ. Манетинская спасительница многихъ душъ.—Она близка помѣщику, избавленному ею отъ смерти; она дочь его, вовсе не зная того.—Можете себѣ представить, какъ неожиданъ былъ для меня такой ходъ піэсы.—Этотъ оборотъ дѣла обернулъ и меня.—Понимаю: торжество таланта Манетинской теперь только начинается. Дворовая дѣвка, козачка (въ Псковскомъ смыслѣ) въ корчмѣ—и съ тѣмъ вмѣстѣ дворянка, дочь богатаго и знатнаго барина—двѣ натуры, изъ которыхъ одна другую уничтожаютъ, одна другую исключаютъ. Любопытно. Co to będzie? Но не cicho wszędzie. Ждутъ втораго акта; публика гремитъ отъ нетерпѣнія; даже я, спокойный зритель, моима ногама habe etwas beigetragen. Желаніе публики исполнено: піэса идетъ. Но со мною что дѣлается? Я, я дрожу: больше ничего не умѣю сказать. Манетинская играла такъ, что и Вы бы не въ состояніи были описать ея игры: Bitte um Verzeihung! Блаженъ, кто молча былъ поэтомъ. Пустая, Вѣнская фрашка—genre ненавистный—сдѣлался для меня предметомъ, трогающимъ душу, сердце. Вы подумаете: она превзошла самую себя. Ни мало! Она была естественна. Но какъ? А такъ, что Вы должны были думать, что это не театръ, а дѣйствительность, что Вы на сценѣ, что это Ваши знакомые. Вы не можете рукоплескать: это не водится въ обществѣ съ знакомыми.

Ко всему этому нужно было, чтобы Грабингеръ пѣлъ, чтобы Манетинская пѣла. Вы знаете, какъ это интересно. Грабингеръ и Манетинская начинаютъ разговоръ: она спрашиваетъ, что дѣлается въ Прагѣ, гдѣ ей когда-то случилось быть. Вопросы ея невинны, наивны: вопросы деревенской дѣвушки.

Грабингеръ разсказываетъ ей, что Чешскій языкъ въ Прагѣ цвѣтетъ; что только дураки стыдятся говорить по-Чешски; что «kokrhanj» Чеховъ по-Нѣмецки затихаетъ. Далѣе-далѣе: разговоръ переходитъ къ чешскому балу, «по которомъ Чешки томятся», потомъ къ театру Чеховъ. Грабингеръ разсказываетъ ей, что сегодня въ Прагѣ въ пользу какой-то Нины Манетинской будутъ представлять «Шапочку Dr.. Фауста», что Oll Bull въ Прагѣ, что онъ любитъ Чешскую публику и т. д. Невинность сама, деревенская невинность спрашиваетъ наконецъ, кто теперь всѣхъ лучше играетъ на Чешскомъ театрѣ комическія роли? За этимъ неожиданнымъ, плутовскимъ вопросомъ Грабингеръ посылаетъ Манетинскую за отвѣтомъ къ публикѣ: они бѣгутъ за кулисы—и публика въ эту минуту превосходно исполняетъ свою ролю. Это было и землетрясеніе и буря, то и другое, въ одно и то же время.

Минуты незабвенныя! И такъ я жилъ нѣсколько часовъ въ свободномъ, непринужденномъ обществѣ Чеховъ. Зачѣмъ Васъ не было! Всѣ знавшіе Васъ, томились по Васъ: живо представляли себѣ Вашъ восторгъ. Шафарикъ замѣтилъ: этотъ день былъ-бы для Васъ сатисфакціею. Вы знаете, поднять меня со дна не легко.—Я потерялъ свой центръ, равновѣсіе и по окончаніи представленія бросился цѣловать Вячеслава Вячеславича.—Подтверждаю еще разъ, если я забылъ сказать, что все это шло такъ естественно, было такъ просто, какъ—сравненіе не ложится подъ перо—какъ народная пѣсня. Не преувеличиваю, если говорю, что я не былъ въ театрѣ, я былъ въ обществѣ добрыхъ, веселыхъ знакомыхъ.—Да—Славяне одарены необыкновеннымъ, чудодѣйственнымъ общественнымъ талантомъ.—Можетъ быть, въ этомъ талантѣ, какъ въ зернѣ, лежитъ ихъ будущность.—Это Французы съ прибавкою увлекающаго добродушія, отъ котораго таешь.

Я изъ числа животныхъ, жующихъ жвачку: вотъ уже четвертый день, а еще жую жвачку. Вы завидуете мнѣ—и я слабъ. Я не въ силахъ погрозить Вамъ пальцемъ и сказать: это недостойно Васъ. Напротивъ, мнѣ хочется сказать: Вы правы. Не разъ заломитъ меня по этимъ минутамъ.

Но мое донесеніе не кончилось. Вышелъ Oll Bull на сцену: онъ уже въ другой разъ является на Чешской сценѣ. Заигралъ и я молчу, не потому, чтобы онъ меня тронулъ своею игрою: грѣхъ сказать! Всего менѣе былъ я способенъ въ эту минуту внимать ему и понимать его.—Вы знаете, переходъ отъ одного чувства къ другому не скоро у меня совершается. Не игра, но онъ самъ, его особа меня занимали.—Слыханное ли дѣло, чтобъ Виртуозъ, подобный Oll Bull'ю рѣшился выступить на Чешскую сцену? А онъ уже является во второй разъ, былъ и на Чешскомъ балѣ, гдѣ я погрѣлся около него. — Этотъ представитель искуства, это искуство само (какъ говорятъ знатоки) совершенно безъ искуства.—Это замѣчаніе относится къ Oll Bull'ю,

какъ къ человѣку: о виртуозѣ судить не мое дѣло: ученому и книги въ руки.

Oll Bull не совсѣмъ чуждъ Чехамъ. Не забудьте, что онъ Норвежецъ и слѣдовательно: сердце сердцу вѣсть даетъ.—Не трудно себѣ представить, какъ вниманіе его къ Чехамъ трогаетъ, умиляетъ ихъ. Въ первый разъ, когда представленіе на Чешскомъ театрѣ было въ пользу Шкраупа, Шпрингерова поднесла ему вѣнокъ, а партеръ засыпалъ его цвѣтами и оглушилъ музыкою ногъ и рукъ, хотя и далеко уступающею его игрѣ, но тѣмъ не менѣе пріятною его сердцу. Oll Bull, поднявъ съ полу нѣсколько цвѣтовъ, отправился съ вѣнкомъ къ Шкраупу и вручилъ ему о н ы й, какъ его принадлежность. Новыя рукоплесканія—и за этимъ онъ проигралъ народную Чешскую пѣсню. Въ прошлое Воскресеніе Oll Bull три раза былъ вызываемъ и, когда онъ вышелъ во второй разъ, то съ неба полетѣли печатные листки: это были стихи, въ честь ему сочиненные. Я ихъ еще не читалъ.

Довольно. Театръ кончился: было уже болѣе половины седьмаго. Едва ли успѣли п р о в ѣ т р и т ь театръ! Пришедши за $^1/_4$ часа, я едва успѣлъ пробиться до своего мѣста.

Изъ театра къ Шафарику и провелъ тамъ вечеръ пріятно. Очень весело сердцу, когда видишь, что наше пребываніе въ Прагѣ по крайней мѣрѣ для Манетинской осталось не безъ пользы. Теперь всѣ обратились къ православію (даже Шафарикъ) и величаютъ её.—Дай Богъ, чтобы Чехи болѣе не убивали своихъ пророковъ.—

Сколько уже разъ Вы саркастически улыбались, читая эти строки, и думали: я влюбленъ въ Манетинскую. Вы не ошиблись. Кто богатъ и тароватъ, кто не скрываетъ своего таланта, кто исчерпываетъ себя на пользу или для наслажденія другихъ, тотъ м о й, тотъ предметъ моего сердца, или какъ говоритъ Жуковскій:

Тебя любить—одна мнѣ радость!
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость!

Такъ я люблю многихъ заочно и воочію. Число ихъ, благодаря Бога, не убываетъ. Довольны ли они помѣщеніемъ у меня, не знаю, но я радъ дорогимъ гостямъ. Приходите только: мѣста вдоволь.

Теперь нѣсколько словъ о балѣ. Балъ былъ блестящій, званныхъ чрезъ мѣру было много. Весь Адресъ-Календарь Пражскій присутствовалъ; «въ силу каковаго §»—и нашъ Проф. Чешской Литературы. Не то было въ прошломъ году...

Да не о томъ ужъ рѣчь.

Я явился спозаранку: мнѣ хотѣлось, чтобы эта масса людей прошла предъ моимъ испытующимъ глазомъ по каплѣ, не разомъ. Возможность обозрѣть цѣлое была для меня не отрѣзана. Вы видите, что правила моей сціентифической жизни прилагаются и къ правиламъ общественной жизни. И такъ частности осмотрѣны и остаются безъ описанія. Цѣлое (только: женскій полъ): толпа съ красными, румяными щеками, съ глазами, въ которыхъ не добьешься толку: текстъ писанъ на Арабскомъ, языкѣ мнѣ неизвѣстномъ. Если никому не нравятся «кожа да кости», то сколько же могутъ быть по вкусу: «мясо да кровь», другими словами: мясная лавка. Народъ, теряя понятіе о самомъ себѣ, теряетъ свой цвѣтъ, дѣлается физіогноміею безъ выраженія, безъ души. Безо́бразный и безобра́зный—синонимы, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Просвѣщеніе, чувство человѣческаго достоинства можетъ дать физіогноміи смыслъ, значеніе. Подобныя физіогноміи—очень естественно—могутъ являться кое гдѣ спорадически, всего менѣе тамъ, гдѣ чувственность есть идея жизни, гдѣ только полицейскія добродѣтели суть единственныя добродѣтели: счастіе человѣка.

Впрочемъ, пора на балъ; впрочемъ, нѣтъ правила безъ исключенія: по крайней мѣрѣ мнѣ, Манетинская и здѣсь показалась выходящею изъ обыкновеннаго уровня, хотя она вовсе не хороша собою. Мнѣ показалось, что она будто въ какомъ-то замѣшательствѣ, затрудненіи, что она въ новой, чуждой для нея сферѣ. Это замѣшательство очень походило на скромность, которая произвела пріятное впечатлѣніе. Такъ ли, не такъ ли было въ самомъ дѣлѣ—не знаю; но такъ мнѣ видѣлось.—Я доволенъ, что мнѣ такъ видѣлось, что мнѣ могло такъ видѣться. По статурѣ своей занимала меня и Neureiterowa.

Самою пріятною партіею бала была раздача входящимъ дамамъ маленькой книжечки: Pomněnky na rok 1841. Вся изъ 20 стихотвореній на 20 страницахъ, писанныхъ 20 Чешскими писателями. Всего болѣе мнѣ понравилось стихотвореніе Барона Виллани. Онъ, если и не Божій угодникъ, чѣмъ Поэту быти надлежитъ, то по крайней мѣрѣ достойный дамскій угодникъ.

Впрочемъ (что помню—Ваше) не одна дама была въ затрудненіи отъ этихъ «помнѣнокъ». Куда ихъ дѣвать во время танцевъ? Вопросъ важный! Онъ могъ быть рѣшенъ двоякимъ образомъ: нѣкоторыя безъ церемоніи спрятали «Помнѣнки» за пазуху (виноватъ въ выраженіи), другія предпочли ихъ оставить въ рукахъ. Можете себѣ вообразить, какова была «wyhljdka» на сихъ послѣднихъ. Плывя по залу, онѣ, казалось, держатся за доску, за «Pomněnky»—какъ за послѣднюю надежду во время кораблекрушенія (Образчикъ моей поэзіи).

Я ушелъ съ балу въ половинѣ 3-го. Я бы долѣе остался, но негдѣ было присѣсть. Не шутка быть на ногахъ съ 6-ти до $^1|_2$ 3-го. На бѣду, меня еще тревожили мозоли.

Поправьте ваши статистическія data о Прагѣ: народонаселеніе ея увеличилось: сыномъ въ семействѣ Шафарика, и дочерію у Челяковскаго.

Теперь только начинаю замѣчать, что я отступилъ отъ основнаго своего правила: отъ генетическаго порядка.—Что случилось послѣ, стоитъ впереди, начало же назади.—На этотъ разъ память моя шкатулка: задній ящичекъ является послѣ всѣхъ на сцену. Ошибка усмотрѣна; надобно исправиться, повторить зады.

Вы въ Вѣнѣ и можетъ быть забыли, что «колысь мѣшкали» въ Прагѣ. За то Васъ здѣсь не забыли. При каждой «прилежитости» Срезневскій на сцену.—Вечеръ, въ день Вашего отъѣзда, какъ Вы знаете, я провелъ въ театрѣ. Теперь я уже не помню, что именно давали. Знаю, что это была «Posse» Вѣнская, т. е. ни рыба, ни мясо. Нельзя ни смѣяться, ни сердиться. Только бываешь недоволенъ собою: за чѣмъ тебя принесло сюда? («А Шапочка Dr. Фауста (прервете Вы) развѣ не Вѣнская фрашка»? Виноватъ: Purgmistrowá dcera—Slawy dcera, и ничего не имѣетъ общаго съ Вѣнскою фрашкою [1]). Ни даже миленькое личико Dlle Zängl не примирило меня съ этою «Posse». Всему виноваты Вы: зачѣмъ пошелъ въ театръ, зачѣмъ былъ не въ духѣ.

На другой день, идучи въ Tempel, завернулъ я на большой рынокъ. О ужасъ! Гдѣ Русью пахло, гдѣ Русскій духъ водился, тамъ выставлены окна, какъ въ запустѣломъ замкѣ. У Мельцера одинъ (Челяковскій теперь, по причинѣ наступавшихъ и наступившихъ родовъ жены рѣдкій гость)—и вся обуза иностранныхъ дѣлъ лежитъ на мнѣ.—Вы все разогнали: даже почтенный Комитетъ Нѣмцевъ—Политиковъ, собиравшійся на границахъ Славо-Россіи (удачное подражаніе Чехо-Славянамъ), разошелся:

Er kam und niemand weiss woher,
Er ging und niemand weiss wohin. (Помните-ли это мѣсто въ «Nathan der Weise»).

Только разъ въ полномъ собраніи было разсуждаемо о Французахъ—и разумѣется они побиты: «бѣгѫть, ни кымь же не гонимы», какъ сказано въ Священномъ Писаніи. Особенно маленькій подполковникъ-старичекъ (надѣюсь, онъ живо рисуется передъ Вами) жестоко нападалъ на «die Franzen». Немалую надежду на разбитіе «Franzen» подавалъ ему слухъ о собранныхъ Русскихъ силахъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ же былъ и не безъ оружія: шутите съ нами! Вы помните, я думаю, его артиллерійскій снарядъ, его кро-

---

[1]) «Адвокатъ»! Замѣчаніе читателя (внизу страницы).

хотную трубочку. Она была распалена не менѣе своего Артиллериста. Побоище страшное! Страшно и вспомнить!

Потомъ домой, за работу, которая—какъ извѣстно—есть нѣчто въ родѣ «perpetuum mobile». Потомъ конференція съ самимъ собою: Итти-ли въ театръ? Даютъ Hans Heiling'а. Пойти? Нѣтъ, не пойти! Пойти, пойти, пойти,— говоритъ нѣчто и—пойдешь. Впрочемъ со времени Вашего отъѣзда мало давали Оперъ, на которыя стоило подивоваться. Когда лучшіе Актеры и Актрисы играютъ роль Королей, Королевъ и прочихъ Потентатовъ—я не ходилъ: знаете, каково исполненіе. Давали оперу: «Der Schnee». Гроссерова («а все таки Гроссерова, говорите Вы. И Манетинская, прибавляю я, и Zängl, прибавляю я— и... но не все же Вамъ открывать. Не равно состарѣетесь, а это, знаете, для будущихъ успѣховъ—какъ то не ловко), еще разъ повторяю: Гроссерова

«tournez s'il vous plait» [1])

играетъ компаньјонку какой-то преважной особы (Подгорской). Она навѣрно будетъ мила. Сердце мое вѣщунъ, оно не обманываетъ и не обмануло. Но вотъ бѣда: я начинаю заговаривать съ ближайшимъ сосѣдомъ, который одѣтъ порядочно и «видъ его пріятенъ». Несчастный! я раскрылъ Пандоринъ ящикъ! Это былъ Landjunker—какъ говорятъ въ Остзейскихъ губерніяхъ—т. е. въ родѣ Русскаго недоросля. Нѣтъ! Еще хуже: даже не смѣшонъ. Съ этой поры я взялъ съ себя зарокъ, клятву только съ Срезневскимъ говорить въ театрѣ о театрѣ.

Изъ Вашего письма я вижу, что Вы намѣрены пробыть болѣе 8-ми дней въ Вѣнѣ.

Такъ. Я говорилъ, что К.(опитаръ) обаятель, что онъ: «прѣпьиєть иозѣ ваши», что... но мое

Сбылось пророчество ужасно.

Изъ вашего же письма усматриваю довольно ясно, что наканунѣ давно, нетерпѣливо ожиданнаго свиданія съ К., я долженъ похоронить его въ моемъ сердцѣ, похоронить—можетъ быть—навсегда. Се горько!

Долгъ красенъ платежемъ и я надѣюсь Вамъ заплатить исправно за Гассельбартъ (если не ошибаюсь въ имени) тогда, когда Вы будете въ Харьковѣ, (повторите еще разъ: въ Харьковѣ), а я въ Петербургѣ. «Голосъ ея не чета Гроссеровой»—и Вы думаете, что я такъ добръ и забылъ это мѣсто въ Вашемъ письмѣ. Ошибаетесь. За это выраженіе Вы поплатитесь дорого,

[1]) Затѣмъ слѣдуетъ новый листъ письма. *В. Л.*

больно. Месть, месть и еще разъ месть непримиримую.—Профаны... Скиөы въ дѣлѣ музыки осмѣливаются возвышать свой голосъ! Quos ego...

Вы замѣчаете, что я могу «не дожидаться ни минуты любой дозволенной газеты: тридцать разомъ берите». Вы очень милостивы—и я очень согласенъ, но прежде обѣщайте, что я въ Вѣнѣ найду хотя одного человѣка по сердцу. Если Вы готовы на это обѣщаніе—sine qua non,—то я готовъ читать тридцать журналовъ, хотя бы Австрійскихъ. Останьтесь до конца Февраля въ Вѣнѣ, и договоръ будетъ ратификованъ и исполненъ лучше Лондонскаго отъ 15 іюля 1840 года. Мы не будемъ дебатировать о укрѣпленіи нашихъ отношеній.

Вижу—надобно кончить. Чего добраго, Вы уѣдете изъ Вѣны, а мое письмо останется пожалуй неконченнымъ. Если Вы были такъ добры и дочли мое psaniще [1]), то поздравляю Васъ съ совершеніемъ подвига (Писать не люблю—Вы знаете меня). Можете сходить въ театръ и покачаться на зыбяхъ голоса Гассельбартъ. Дѣло возможное, что безъ чтенія этого письма Вы бы не почувствовали необходимости отдыха. Слѣдовательно я еще обязалъ Васъ infiniment, слѣдовательно Вы у меня въ долгу. Я ожидаю платы скорой, немедленной.

Оглядываюсь на пройденное перомъ «поприще» и ужасаюсь будущности! «Бога великога!» Полюбивъ Васъ, я подвергаюсь опасности—сдѣлаться писателемъ. Напасть да и только: сколько изволилъ написать! Простите невольное мое согрѣшеніе! Поручаю себя Вашимъ молитвамъ. Въ комнатѣ у мена зима, въ сердцѣ тепло: за послѣднее приношу мою живѣйшую благодарность. Да у меня въ ретивомъ новый житель — одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ — если не лѣнь—смотри выше.

Все выше:

Къ трисіянному свѣтилу
Блага, истины, красы.

Еще разъ простите за болтовню и прощайте до свиданія, si Dis и Вамъ placet.

Вашъ *Прейсъ*.

Прага. 1841.
Февраля 10-го.

P. S. Шафарикъ, Челяковскій кланяются Вамъ; Вячеславъ Вячеславичъ и Іорданъ поклонятся Вамъ сами—какъ слышу

Сдѣлайте одолженіе, не шалите и не шутите здоровьемъ: оно большею частію важнѣе головы.—И такъ слышите: Васъ просятъ, умоляютъ.

---

[1]) «На основаніи § 23 свода трактатовъ о Латино-Кирилловской орөографіи». (Шутл. зам. Прейса).

Поздравляю и я Васъ искренно и благословляю собственною рукою. Въ другій разъ болѣе и я напишу Вамъ, теперь нѣтъ досуга; родилась мнѣ дочка [1]).

И. И. Срезневскому.

22-го февраля 1841 г. Прага.

Незабвенный Измаилъ Ивановичъ! письмо Ваше опять получилъ я передъ уходомъ въ Чешскій театръ. Содержаніе его такъ меня взволновало, что я забылъ отправиться туда, куда намѣревался.—Не пошелъ и къ Шафарику вечеромъ: Ваше предложеніе сковало меня по ногамъ и по рукамъ. Только сегодня—ни свѣтъ, ни заря—(почти всю ночь продумалъ) я бѣгомъ, летомъ къ Шафарику, чтобы онъ:

«Взялъ на часъ терпѣнье
Рѣшить мое сомнѣнье».

Дѣйствительно Ваше предложеніе вскружило мнѣ голову; вмѣсто того, чтобы угодить въ самое сердце Вашего предложенія, я сталъ нѣжиться поэзіею путешествій съ Вами и Вукомъ и тѣмъ, что изъ этого или послѣ этого произойдетъ. Слушали въ общемъ собраніи и положили: съ восторгомъ принять Вашъ планъ съ слѣдующимъ непремѣннымъ условіемъ: 1-го Мая всѣмъ уговаривающимся сторонамъ быть въ Тріестѣ. До того всякій располагаетъ своими дѣлами и обстоятельствами по крайнему разумѣнію и по отношенію къ 1-му Мая, слышите, 1-го Мая.

И такъ со вздохомъ повторяю: мы увидимся не ранѣе 1-го Мая.—Въ Вѣнѣ буду въ первыхъ числахъ Марта и оттуда въ Хорутанамъ; а потомъ увидимся, обнимемся.

Что можетъ быть прелестнѣе того, что намъ предстоитъ? Кажется, насъ любитъ Небо: развѣ это не даръ Неба—возможность путешествовать съ Вукомъ. Вукъ—«огриjâно сунце»; Сербскія пѣсни—Иліада нашего времени—Сербскій языкъ—прелесть прелестей.—

Въ жару моего восторга я заврался—виноватъ.—Что Вамъ еще писать? Я нахожусь въ положеніи, которое такъ оригинально выражено въ Нѣмецкой поговоркѣ: ich sehe vor dem Walde keine Bäume! Но не я одинъ взволнованъ. Шафарикъ, добрый Шафарикъ также. Онъ повѣсилъ голову, задумался. «Я не въ духѣ, сказалъ онъ; я не могу вамъ сопутствовать». Воображаю себѣ, какъ онъ чувствовалъ въ эту минуту тяжесть обстоятельствъ, бремя судьбы.

---

[1]) Приписка должно быть Челяковскаго. *В. Л.*

Поклонъ отъ него и Челяковскаго: отъ сего послѣдняго въ Клагенфуртѣ Вы найдете письмо.—

Пожалуйста, сообщите Вуку подробности Вашего путешествія въ промежутокъ времени отъ 26 Февраля до 1-го Мая. Прошу объ этомъ потому, что буду имѣть возможностъ писать къ Вамъ изъ Вѣны при первой возможности и случаѣ. Надобно же знать, куда адрессовать письма къ Вамъ.

А propos! Вы мнѣ столько наговорили комплиментовъ въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ, что я не знаю, куда и дѣваться отъ нихъ.—Слово: «комплименты» Вамъ не понравится—предвижу. Но не думайте, чтобы я хотя на минуту сомнѣвался въ искренности Вашей: я слишкомъ далекъ отъ этого.— Напротивъ, я очень понимаю, что извѣстія Пражскія не могли Васъ не порадовать.—Въ радости сердца Вы смѣшали меня съ Прагою, въ чемъ я конечно не виноватъ.—Не случись здѣсь балу, Oll Bull'а и т. д. и я бы вѣроятно Вамъ написалъ нѣсколько строчекъ.—Здѣсь, какъ Вы знаете, все идетъ прозаическимъ шагомъ, не такъ, какъ у насъ послѣ 1-го Мая. О Вук, огриjâно сунце! повторяю я безпрестанно, купно съ другимъ именемъ. Но такъ какъ «nomina odiosa sunt», то и умалчиваю о немъ.

Боюсь, не разберете моей руки. Смотрю въ туманну даль не съ отцвѣтшею душею, какъ поетъ молодежь на Руси, но съ разцвѣтающею душею.— Отъ этого смотрѣнья или глядѣнья иногда встрѣтятся нѣкоторые «недописы» или тому подобное. Но къ влюбленнымъ надобно имѣть снисхожденіе; а Вы источникъ о н а г о.—Предполагая, что Вы, если не все, то многое въ состояніи простить мнѣ, я дѣлаюсь нерадивымъ: ничего не можетъ быть вреднѣе дружескихъ отношеній!

Но пора, пора на почту: звучатъ рога.—Прощайте, будьте здоровы; путешествуйте счастливо и будьте къ 1-му Мая въ Тріестѣ. Это Алфа и Омега.—Прощайте.

Вашъ *Прейсъ*.

И. И. Срезневскому.

Вѣна 1841 г. Марта 22.

Наконецъ давно ожиданныя письма Ваши получены къ невыразимой нашей радости.—Я уже боялся за Ваше здоровье; думалъ, что Вы занемогли и поэтому молчите. Опасеніе мое не совсѣмъ было несправедливо. Проклятая зубная боль и притомъ еще въ дорогѣ! Что можетъ быть непріятнѣе. Молю Бога, чтобъ это зло бѣжало отъ Васъ за тридевять земель въ тридесятое царство. и т. д. Заговариваю раба Божія и т. д.—Признаюсь, плохое дѣло жить

въ Австріи безъ зубовъ и хорошо варящаго желудка: это значитъ—жить праздное, Сколько я понимаю Вѣну, то кажется въ семъ не ошибаюсь.—

Я выѣхалъ изъ Праги и былъ въ Вѣнѣ въ первыхъ числахъ Марта, но къ сердечному сожалѣнію моему не засталъ Васъ здѣсь. — Къ счастію моему, въ Вѣнѣ еще: Вукъ и Надеждинъ, и Копитаръ. Въ обществѣ ихъ мнѣ очень пріятно.—Главное однако же мое занятіе въ библіотекѣ. Пока еще сличаю мои выписки изъ Георгія Амартола и Аѳанасія съ подлинниками, здѣсь хранящимися въ рукописи, которую съ трудомъ еще читаю.—Занятіе полезное для моего лексикона древне-Славянскаго. На этой недѣлѣ кончу это сличеніе и примусь за славянскія рукописи.—Каждый день вижусь съ Вукомъ (и Копитаромъ) и профитирую отъ него въ отношеніи къ Сербскому. Съ Курельцемъ еще не видѣлся. Палацкій въ Прагѣ [1]) и я съ нимъ вижусь ежедневно въ библіотекѣ и въ Брнѣ (трактирѣ, что подлѣ самой Библіотеки).

Въ театрѣ былъ два раза: видѣлъ Луцеръ и въ другой разъ едва ли пойду ее слушать. Можетъ быть знатокъ музыки можетъ остаться ею вполнѣ доволенъ: я же изъ третьяго дѣйствія бѣжалъ—домой. Гроссерова Нѣмка и остается ею: Луцеръ Чешка—и корчитъ Италіянку, и слѣдовательно уничтожаетъ то впечатлѣніе, которое можетъ произвести на человѣка ея голосъ. Въ другой разъ былъ въ Joseph-stadt (кажется такъ). Меня затащили туда Княжевичъ и Надеждинъ. Давали фрашку и я былъ очень доволенъ игрою. Московскіе калачи надобно ѣсть въ Москвѣ.—Вѣнскую Поссе—въ Вѣнѣ. Punctum, ибо вотъ мои подвиги въ Вѣнѣ.

Теперь ad rem, къ путешествію, которое намъ предстоитъ.—По письму полученному мною отъ Васъ изъ Вѣны, я не предполагалъ, чтобы поѣздка наша была такимъ сложнымъ вопросомъ.—Изъ письма Вашего къ В. В. Ганкѣ я усмотрѣлъ, что насъ можетъ быть поѣдетъ не трое, а пятеро и т. д. По пріѣздѣ въ Вѣну я еще болѣе убѣдился въ томъ, что едва-ли планъ нашего путешествія состоится. Княжевичъ получилъ отсрочку и ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Италію. 1-го Мая онъ будетъ въ Тріестѣ и тутъ соединится съ Вукомъ для дальнѣйшаго слѣдованія по пути. Княжевичъ, у котораго въ планѣ только прокатиться, взглянуть на то, на другое, не товарищъ намъ, если не ошибаюсь. Притомъ и Вукъ—какъ слышу отъ него самого (зачеркн.)—всегда былъ далекъ отъ намѣренія ѣхать съ ними на Острова. — Все это вмѣстѣ взятое въ соединеніи съ тѣмъ, что для краткости опускается, значительно модифицируетъ нашъ планъ.—При всемъ томъ я остаюсь вѣренъ слову: въ первыхъ числахъ буду въ Тріестѣ и тамъ переговоримъ окончательно, т. е. или поѣдемъ вмѣстѣ по островамъ, или съ Вуко—Княжевичемъ, или наконецъ

[1]) Такъ, но это по ошибкѣ, слѣдуетъ читать «въ Вѣнѣ». *В. Л.*

я отдѣлюсь отъ Васъ въ Фіуме, поѣду въ Карлштадтъ, Загребъ, Ессекъ, Землинъ и отсюда по Дунаю въ Болгарію.

Вы поручаете мнѣ писать «къ Іордану о путешествіи въ Далмацію. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, да и для него лично еще лучше», и прибавляете: пусть увѣдомитъ меня о своихъ планахъ.

Отъ Іордана я слышалъ объ этомъ его путешествіи,—но вовсе не знакомъ съ ходомъ и подробностями э т о г о (зачеркн.) дѣла.—Значатъ Ваши слова, чтобъ Іорданъ ѣхалъ въ Далмацію, но когда? Я буду къ нему писать; онъ можетъ по крайней мѣрѣ увѣдомить меня о своихъ планахъ.

Относительно денегъ, которыми Вы были такъ добры меня ссудили, не знаю, что писать. 50 гульденовъ, которые я получилъ отъ Васъ, не тронуты: я напрасно безпокоилъ Васъ моею просьбою. Пріѣхавъ въ Вѣну, я нашелъ вексель на мое имя.—Вы пишете, что пробудете въ Аграмѣ 8 дней. Письмо Ваше отъ 14-го Марта и получено 21-го; слѣдовательно 8 дней уже прошло. Я боюсь, что это письмо не застанетъ Васъ въ Аграмѣ, а по-этому не осмѣливаюсь вложить денегъ—и это меня безпокоитъ и мучитъ. Я рѣшился, послѣ продолжительнаго Hin-und Her-Denken—самъ вручить деньги въ Тріестѣ, если Вы не напишете мнѣ выслать ихъ туда и туда.—

Прочія Ваши порученія исполнены или будутъ исполнены тотчасъ. Оставляю мѣсто Вуку дописать сей листикъ.

Прощайте, вѣчно присущный сердцу моему Измаилъ Ивановичъ. Отъ души желаю, чтобы письмо мое застало Васъ въ полномъ здоровьи.

Вашъ *П. Прейсъ.*

Ево вам поздрава и од мене. Ако Бог да, састаћемо се у Триjесту 1 Маjа, пак ћемо за остало видjети, као што вам пише Г. Преиз. Поздравите ту приjатеља и кажите им, да ће пjесама тамо с к о р о бити.

Вук.

Съ письмомъ Прейса послано было и письмо Н. И. Надеждина.

И. И. Срезневскому.

Вѣна 10 (22) марта 1841 г.

На силу-то вы подали отъ себя голосъ, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ! А мы ужъ ждали, ждали, ждали!—Жаль, что дорога вамъ не посчастливилась, какъ бы вы желали. Но что дѣлать. So geht's in der Welt! Вотъ и мы примѣромъ будучи—все еще сидимъ въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Віеннѣ, хотя каждый день сбираемся выѣхать. Къ концу недѣли авось

впрочемъ это желаніе исполнится.—Изъ прилагаемыхъ писемъ вы видите, какъ располагаются или правильнѣе предполагаются дѣла. Вукъ хочетъ ѣхать въ Тріестъ къ 1-му мая н. с. и дождется тамъ насъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ Далмацію, Ч. Гору (можетъ быть), Боснію и Сербію. Дай Богъ, чтобъ и Вы присоединились къ намъ, равно какъ П. И. Прейсъ, въ которомъ я нашелъ отличнаго, достойнаго всякаго уваженія и всякой любви Славянина, или лучше Русака!—Впрочемъ, предадимъ вся сія во власть Божію. Вы только будьте въ Тріестѣ къ сроку, что обѣщаетъ сдѣлать и Прейсъ.—Поклоны ваши передалъ Д. М—чу и его супругѣ, которые вамъ равно кланяются; eben so wie Мельгуновъ, который NB вчера при мнѣ въ первый разъ всталъ на ноги! Я же обнимаю васъ отъ всей души, въ полной надеждѣ, что судьба, которая свела насъ такъ случайно у подошвы Лысой Горы, вѣрно не откажетъ намъ въ удовольствіи еще разъ увидѣться на берегахъ Адріатики.

Душевно уважающій и любящій васъ

Н. Надеждинъ.

— Книги Вы можете послать въ Одессу на имя Дмитрія Максимовича, или на мое. Какъ заблагоразсудится! Ихъ примутъ въ обоихъ случаяхъ, и сохранятъ, какъ слѣдуетъ, до нашего прибытія.

— Копытарю поклонюсь.

М. С. Куторгѣ.

Вѣна. 29-го марта, 1841.

Прочитавъ одно мѣсто въ твоемъ послѣднемъ письмѣ, я долженъ былъ сказать: нашего полку убыло!—и задумался. О чемъ я думалъ, знать тебѣ не слѣдуетъ: ты отрѣзанный ломоть хлѣба, и слѣдовательно не поймешь меня. И до того ли теперь? Ты счастливъ, совершенно счастливъ. Какъ мнѣ ни тяжело, но я понимаю, что ты счастливъ, и долженъ тебя поздравить съ этимъ счастьемъ, съ этимъ блаженствомъ, раемъ на землѣ. И такъ, по возвращеніи моемъ—твои слова—я буду принятъ у тебя, уже не какъ у холостяка.—А я съ чѣмъ возвращусь? Съ моимъ насущнымъ хлѣбомъ! Но ты теперь поэтъ, и хотя земной, но

«Земнаго чуждъ».

и опять не поймешь насъ. При словѣ «насъ», я думалъ о Викторѣ Степановичѣ, не безъ страха.—Дурные примѣры чрезвычайно какъ распространяютъ зло. Безцѣнный Викторъ Степановичъ! не соблазняйтесь, не слабѣйте въ своемъ мужествѣ. Потерпите, я пріѣду къ вамъ на подмогу.—

Сказанное мѣсто въ твоемъ письмѣ произвело на меня особенное дѣйствіе. Ты знаешь, что улицы для меня пусты: иду и ничего не вижу. Теперь онѣ

для меня населены. Я все кого-то ищу, безпрестанно пишу въ воображеніи своемъ портреты. Ты вспомнишь, что я очень любопытенъ, что я люблю узнавать неизвѣстное. Теперь эта работа принадлежитъ къ самымъ настойчивымъ моимъ занятіямъ.—

Я боюсь распространяться объ этомъ предметѣ: не равно захочется въ рай. Да не будетъ!

Обращаюсь къ путешествію. Тотчасъ по полученіи твоего письма я не могъ писать по слѣдующей причинѣ.

Въ Прагѣ я составилъ было слѣдующій планъ: Изъ Вѣны ѣхать въ Крайну, Аграмъ, отсюда въ Землинъ. Здѣсь сѣсть на пароходъ и отправиться въ Болгарію. Планъ этотъ рушился еще въ Прагѣ. Изъ Вѣны я получилъ письмо отъ Срезневскаго, который увѣдомлялъ меня о возможности ѣхать вмѣстѣ съ Вукомъ Караджичемъ по землямъ Сербскаго населенія. Можешь себѣ представить, какимъ я себя почиталъ счастливцемъ, получивъ такое извѣстіе.—Мой отвѣтъ на предложеніе Срезневскаго былъ: ѣдемъ! Положено было 1-го Мая быть въ Тріестѣ; отсюда отправиться по островамъ, Приморью въ Черную Гору—и если можно—чрезъ Боснію въ Сербію—и не забудь въ обществѣ съ Вукомъ. Пріѣзжаю въ Вѣну, являюсь къ Вуку, добрѣйшему, любезнѣйшему и умнѣйшему человѣку въ мірѣ.—По справкѣ оказалось не то.—Срезневскій—душа, какихъ не много на бѣломъ свѣтѣ—свѣтреничалъ: не переговорилъ объ этомъ дѣлѣ обстоятельно.—Въ Вѣнѣ живетъ Одесскій Попечитель Княжевичь и Н. И. Надеждинъ. Они также имѣли въ виду почтеннаго Вука, хотѣли съ нимъ проѣхаться по Сербскимъ землямъ—и какъ теперь узнаю—предупредили насъ.—Княжевичь однакоже не могъ рѣшительно располагать планомъ своего путешествія. Срокъ его вышелъ; онъ подалъ просьбу объ отсрочкѣ, которая все не приходила да не приходила. А между тѣмъ, если замѣчаешь, время шло да шло. Я съ своимъ планомъ былъ in suspekso. Думалъ было уже оставить мысль ѣхать вмѣстѣ съ Вукомъ. На бѣду, ожидаемыя отъ Срезневскаго письма не являлись: я не могъ ему писать, не зная, гдѣ онъ. (Онъ выѣхалъ изъ Вѣны до моего пріѣзда). Наконецъ открылось его мѣстопребываніе и въ то же время получена Княжевичемъ отсрочка. Прояснилось нѣсколько, по крайней мѣрѣ до 1-го Мая. Положено сказаннаго числа въ Тріестѣ быть всѣмъ: (Княжевичу, Надеждину, Вуку, Срезневскому и мнѣ).—Здѣсь окончательно будетъ заключенъ нашъ договоръ. Дѣло возможное, что я съ Срезневскимъ отправлюсь по островамъ и потомъ изъ Фіуме чрезъ Аграмъ, Карлштадтъ, Ессекъ и Землинъ переберусь на Дунай для слѣдованія въ Болгарію. — Всего вѣроятнѣе я не отстану отъ Вука. Въ семъ послѣднемъ случаѣ мы отправимся въ Черную Гору; на пути туда будемъ ѣхать то сухимъ путемъ, то моремъ. — Это доставитъ случай посѣтить

нѣкоторые острова, ближайшіе къ матерой землѣ. Изъ Черной Горы прямая дорога въ Сербію идетъ чрезъ Боснію, никѣмъ еще не посѣщенную ради опасностей. Есть надежда, что Паша Боснійскій дастъ намъ конвой. Иначе нельзя рѣшиться на проѣздъ чрезъ Боснію.—Въ случаѣ же невозможности путешествія чрезъ Боснію, мы должны будемъ отправиться изъ Черной Горы въ Аграмъ, и такимъ образомъ попасть въ Сербію. Отсюда я намѣренъ отправиться въ Болгарію до Аѳонской горы. Мои здѣшніе Болгарскіе знакомцы увѣряютъ меня, что путешествіе по этой, для меня обѣтованной, странѣ, не сопряжено съ опасностями.—Дай-то Богъ!

Крайне сожалѣю, что изложенныя обстоятельства не позволили мнѣ тотчасъ писать къ тебѣ. Что касается до кредитива, то я право не знаю, что и сказать.—Изъ Вѣны я выѣду чрезъ нѣсколько дней и побывавъ въ Грацѣ, Клагенфуртѣ, Лайбахѣ, буду 1-го Мая въ Тріестѣ. Можетъ-ли Брюкенеръ на этотъ городъ дать мнѣ кредитивъ? Но прежде выслушай мнѣніе Вука, знающаго мѣстныя обстоятельства. Онъ думаетъ, что С. П. Бургскій Банкиръ долженъ выслать въ Тріестъ на мое имя вексель съ poste restante, или кредитивъ на имя какого-нибудь Банкира, который обо мнѣ можетъ справиться у Русскаго Консула.—Въ послѣднемъ случаѣ я долженъ—по мнѣнію Вука—взять по кредитиву столько денегъ, сколько нужно для поѣздки въ Черную Гору etc. Остальную часть могу взять въ Землинѣ или Бѣлградѣ. Тріестскіе Банкиры имѣютъ сношенія съ этими городами, по крайней мѣрѣ съ первымъ изъ нихъ навѣрно.—По самому вѣроятному расчисленію я не ранѣе Августа могу вступить въ предѣлы Болгаріи.

Вотъ подробности моего дальнѣйшаго путешествія, подробности не вполнѣ опредѣленныя. Но можетъ ли быть иначе? Это не Германія или Франція: Надобно соображаться съ обстоятельствами.—Повторяю: до самой Сербіи я вѣроятно спутникъ Княжевича и Вука.—Правда Княжевичъ ѣдетъ въ эти страны изъ удовольствія и любопытства, слѣдовательно будетъ спѣшить.—Онъ намѣренъ примѣрно пробыть около 2-хъ мѣсяцевъ съ половиною.—Какъ ни незначительно это время, все я думаю сдѣлать подъ руководствомъ Вука болѣе, нежели въ четыре мѣсяца, путешествуя одинъ. Не сомнѣваюсь, что не разстанусь съ Вукомъ, хотя долженъ въ такомъ случаѣ оставить попеченіе объ островахъ и даже не попаду въ Аграмъ, если удастся изъ Черной Горы проѣхать въ Сербію чрезъ Боснію.—Надобно лично знать Вука, чтобы судить о томъ, какую онъ пользу можетъ принести мнѣ въ путешествіи. — Но, чтобы не потерять возможности ѣхать съ нимъ, мнѣ непремѣн [1]) но должно быть въ Тріестѣ въ

[1]) Возстановляю по догадкѣ. тутъ вырѣзанъ небольшой клочекъ письма съ подписью Прейса. *В. Л.*

1-хъ числахъ Мая.—Для высылки сюда къ этому времени векселя или кредитива, думаю, я еще не замедлилъ моимъ письмомъ.

Вѣною я очень недоволенъ, какъ можно было ожидать. Еслибы не Вукъ и Надеждинъ, то хоть въ воду.—Къ душевному моему сожалѣнію съ Копитаромъ я видѣлся раза два, три: онъ боленъ и не на шутку. Это мнѣ очень непріятно.

Жаль, что ты не означилъ по крайней мѣрѣ года Ausland, въ которомъ помѣщена искомая статья. Когда я буду въ Лембергѣ, не знаю; а потому какъ скоро отыщу Ausland—то напишу къ Шафарику письмо, который въ семъ городѣ имѣетъ отличнаго корреспондента. Я буду просить Шафарика, чтобы онъ по полученіи означенной статьи не преминулъ извѣстнымъ ему путемъ выслать копію въ Петербургъ къ П. И. Кеппену.

Исполняю твое желаніе и пишу къ Александрѣ Герасимовнѣ [1]).—Прошу быть снисходительнымъ къ письму: die weltmännische Censur wird viel an ihm auszusetzen haben.—Но развѣ недостается и мнѣ отъ этой цензуры, не только моимъ письмамъ? Одно могу сказать: это письмо писано мною въ самомъ веселомъ расположеніи духа, въ какомъ я уже давно не былъ.—Въ устной бесѣдѣ я бы вѣрно ничего не сказалъ: ты знаешь мою застѣнчивость.—На бумагѣ же болѣе, нежели надобно.

Кажется, я все написалъ, что слѣдовало. Сердце имѣетъ нужду начать бесѣду иного рода. Но ты велишь мнѣ молчать—и я долженъ повиноваться, какъ ни тяжело это для меня. Будь по твоему! Не могу однако же умолчать объ одномъ историческомъ фактѣ: Если я никогда не слабѣлъ въ вѣрѣ въ моей въ людей и жизнь; если эта вѣра и въ 30 лѣтъ также тверда какъ въ 16 лѣтъ, если я до сихъ поръ неопытенъ, какъ упрекаютъ меня, то кому я обязанъ этимъ счастіемъ? Будь счастливъ, anima candida, въ новомъ періодѣ твоей жизни. Блаженъ, кто переполовилъ жизнь цѣлый, неизломанный, неисковерканный, — и перешедъ за эту грань — не имѣетъ нужды повторять «избави насъ отъ лукаваго».

Твой *П. Прейсъ.*

Поклонъ всѣмъ. Что дѣлаетъ Степанъ Семеновичъ, Каролина Борисовна, младенецъ-дочь? — Что Викторъ Степановичъ? Не знаю, почему; но мнѣ думается, что онъ сдѣлался съ моего отъѣзда серьознѣе прежняго. Правда-ли? Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ! Но вмѣсто приближенія, я удаляюсь отъ васъ!

---

[1]) Куторга, рожд. Устрялова.

И. И. Срезневскому.

Вѣна. 10 Апрѣля 1841.

Любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ! Вчера зашелъ я къ Вуку—и «чуда великога» нахожу Ваше письмо. Изъ него я—къ неудовольствію нашему—узналъ, что Вы не получили нашего общаго посланія (писали трое: Вукъ, Надеждинъ и я), отправленнаго къ Вамъ въ Загребъ 23 Марта въ отвѣтъ на Ваше, которое получено было здѣсь 21 Марта.—Мы даже застраховали наше письмо по заведенному здѣсь обычаю, т. е. франкировали. Отъ чего Вы не получили его въ Загребѣ, ждавъ до конца Марта—сего мы не понимаемъ.

Мы писали, что непремѣнно будемъ въ первыхъ числахъ Мая въ Тріестѣ, гдѣ переговоримъ о дальнѣйшемъ путешествіи окончательно.—Для каковой причины я запасся—послѣ нѣкоторыхъ непріятностей—надлежащимъ viso со стороны нашего Посольства. Имѣете-ли Вы его? Если на Вашемъ Пашпортѣ не написано «въ Тріестъ, Далмацію, Черную Гору и Сербію», то Вамъ могутъ встрѣтиться затрудненія, едва ли побѣдимыя.—Полиція визируетъ пашпорты въ Черную-Гору тогда только, когда Русское Посольство дастъ визо съ своей стороны. Я не знаю, имѣетъ ли право дать надлежащее визо Тріестскій Генеральный Русскій Консулъ.—Увѣдомляю Васъ объ этомъ съ тѣмъ, чтобы Вы взяли, въ случаѣ надобности, зависящія отъ Васъ мѣры.

Сегодня вечеромъ или непремѣнно завтра рано утромъ я отправляюсь въ Градецъ, гдѣ пробуду два, три дня и оттуда—буде возможно—покачу въ Клагенфуртъ и Мозбургъ, чтобъ познакомиться съ Ярникомъ, которому столько обязанъ.—Если же дорога дурна и проѣздъ до сказаннаго города представитъ затрудненія (о чемъ Вы намекнули въ Вашемъ письмѣ), то придется держать путь прямо въ Любляны—и тогда свиданіе съ Ярникомъ и съ Вами еще in dubio.

Княжевичъ и Надеждинъ уѣхали уже въ Римъ и обѣщали въ первыхъ числахъ быть въ Тріестѣ.

Относительно проѣзда чрезъ Боснію можемъ положительно узнать только въ Черной Горѣ. Нѣкоторая надежда впрочемъ, имѣется: Черногорцы заключили миръ съ Пашею Боснійскимъ, какъ сказываютъ газеты.

Къ Іордану я писалъ и увѣдомилъ его обо всемъ, что Вы мнѣ поручали: я привелъ Ваши ipsissima verba. Отвѣта отъ него надобно ожидать въ Тріестѣ.

Копитаръ заболѣлъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ другой разъ и хвораетъ

по сей день. Я, къ душевному моему сожалѣнію, не могъ съ нимъ видѣться и говорить, столько, сколько душа требовала.—

Вукъ здравствуетъ и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе. Заикинъ еще въ Вѣнѣ и кланяется Вамъ. До свиданія.

Вашъ *П. Прейсъ.*

М. С. Куторгѣ.

Тріестъ. Мая 19-го 1841.

Сижу у моря и жду погоды, т. е. письма твоего, дорогой мой Михаиле. Жду и не дождусь. Неудивительно, если иногда и задумываюсь крѣпко.—Мнѣ часто приходитъ въ голову вопросъ: получилъ-ли ты мое посланіе отъ 29 Марта? Ёсли не получилъ, то увы мнѣ грѣшному!

Внемли, аще письмо мое не успѣло добѣжать до Питера, хотя Вѣнская почта и выдала мнѣ квитанцію о томъ, что я оное «подалъ и заплатилъ» того-то дня и года. И такъ внемли:

Устраняю обстоятельства, о которыхъ уже писалъ и не писалъ.— Дѣло въ слѣдующемъ: Одесскій Попечитель Княжевичъ, Надеждинъ, Сербскій литераторъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Срезневскій и meine Wenigkeit положили съѣхаться въ первыхъ числахъ Мая въ Тріестѣ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ путь по Далмаціи, Черной горѣ и Сербіи. — Какъ только всѣ эти переговоры, довольно сложные, были кончены, я поспѣшилъ писать къ тебѣ: въ письмѣ моемъ отъ 29 Марта изложено это дѣло подробно.—На счетъ кредитива, который ты мнѣ хотѣлъ выслать въ Вѣну, я справлялся всюду: свѣдѣнія, собранныя мною объ этой статьѣ, убѣждаютъ меня въ томъ, что Вукъ правъ. Съ кредитивомъ за пазухой почти нѣтъ возможности ѣздить по тѣмъ землямъ, въ которыя мнѣ теперь слѣдуетъ отправиться.

Написавъ письмо къ тебѣ, я отправился въ Штирію и Крайну.—Какъ мнѣ ни было тяжело, но должно было спѣшить. Отъ этого я не успѣлъ въ этихъ странахъ воспользоваться всѣмъ, чѣмъ бы можно было располагать. 5 Мая я прибылъ въ Тріестъ вечеромъ. Утромъ бѣгу на почту, спрашиваю письма и нѣтъ его. Подождемъ—думаю—Вукъ уже былъ въ Тріестѣ. Княжевичь и Вукъ дали знать о себѣ, что пріѣдутъ 10 Мая.—Въ третій день послѣ моего пріѣзда примчалъ и Срезневскій.—«Не худо бы намъ съѣздить въ Венецію до возвращенія Княжевича и Надеждина изъ Италіи» замѣтилъ мнѣ Срезневскій, которому я съ своей стороны замѣтилъ, что не имѣю къ тому возможности за недостаткомъ пѣнязей.—И не взирая на это преважное обстоятельство, мы были въ Венеціи цѣлые четыре дня и возвратились въ Тріестъ къ сроку. Какъ это случилось? спросишь ты. Отвѣтъ: ты человѣкъ ученый и

знакомъ съ conjectural'ной критикой, слѣдовательно ученому и книги въ руки.— Будь доволенъ этимъ намѣкомъ; громко говорить не смѣю. Неравно сосѣдъ мой услышитъ въ ближайшей комнатѣ; услышитъ—разсердится.

Изъ Тріеста въ Венецію очень легко съѣздить.—Стоитъ только перемѣнить постель въ квартирѣ, въ которой остановился, на койку парохода, стоитъ только ровно въ 10 часовъ вечера зѣвнуть и заснуть, потомъ къ 7-ми часамъ утра опять зѣвнуть и ты уже въ Венеціи.—Такъ по крайней мѣрѣ сдѣлалъ Срезневскій съ товарищи.—Мнѣ показалось лучше провесть время на палубѣ—въ чемъ и не раскаиваюсь.

Вотъ мы опять въ Тріестъ, опять бѣгу на почту и опять нѣтъ письма. Княжевичъ, Вукъ и Надеждинъ отправились уже въ путь; Срезневскій и я отдѣлились отъ нихъ, чтобы гдѣ нибудь съѣхаться съ ними.—Теперь мы живемъ на вольной квартирѣ, занимаемъ двѣ комнаты и пишемъ отчеты.

Вотъ все, что я могу тебѣ разсказать.—Ни одного дня не пропускаю сходить на почту; справляюсь: нѣтъ-ли? и получаю въ отвѣтъ: нѣтъ.—Это меня сильно безпокоитъ; еслибы не было при мнѣ Ангела-Утѣшителя, Срезневскаго, я бы не зналъ, что и дѣлать. Скажу тебѣ все, что думаю о положеніи дѣла. Мнѣ думается.

1) Ты могъ выслать письмо въ Вѣну до полученія отъ меня отвѣта (отъ 29 Марта).

2) Или ты по письму моему отъ 29 Марта отправилъ деньги въ Тріестъ.

3) Или наконецъ, не получивъ моего Вѣнскаго письма отъ 29 Марта, ты не сдѣлалъ еще никакого распоряженія.

Эти три возможности мнѣ безпрестанно представляются. Имѣя ихъ въ виду, я почитаю нужнымъ сообщить тебѣ слѣдующее:

1) Если деньги совсѣмъ не посланы, то прошу—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше—послать ихъ въ Аграмъ, откуда мы предполагаемъ выѣхать въ Сербію не позже первыхъ чиселъ Августа. Если же деньги уже посланы въ Вѣну, то распорядиться такъ, чтобы я могъ ихъ получить въ Аграмѣ. Впрочемъ такъ какъ деньги могли уже быть посланы въ Тріестъ прямо изъ Петербурга или изъ Вѣны, то я, на всякій случай, оставлю прошеніе на почтѣ и въ Тріестскомъ консульствѣ о пересылкѣ писемъ на мое имя въ Аграмъ. А чтобы лучше въ томъ увѣриться, посланы или не посланы деньги въ Вѣну, пишу письмо туда, прося меня увѣдомить о положеніи дѣла—и если на почтѣ въ Вѣнѣ получено на мое имя письмо, то переслать его мнѣ по назначенію.

Вотъ что сообща могли мы придумать. Съ недѣлю мы еще пробудемъ въ Тріестѣ и потомъ отправимся въ Истрію и по островамъ.—На обратномъ пути изъ Черной Горы мы намѣрены ѣхать сухимъ путемъ по Далмаціи и чрезъ Аграмъ въ Сербію.—

Не скрою, что мнѣ очень тяжело становится, какъ только подумаю о тѣхъ без-

покойствахъ, которыхъ я виною.—Мысль эта тѣмъ тяжела для меня, что я съ одной стороны понимаю всю великость твоихъ жертвъ, а съ другой чувствую, что недостоенъ этой материнской заботливости.

Но ты уже сердишься на меня за эту откровенность—и я опять принужденъ молчать и не мѣшать твоему счастію, не отнимать у тебя дорогихъ минутъ.—Привѣтствую Васъ всѣхъ, мои вѣчно любезные.

Вашъ *П. Прейсъ.*

М. С. Куторгѣ.

Аграмъ. 19 Августа 1841.

Вотъ я и въ Аграмѣ съ 10 Августа. Выслушай короткое донесеніе о томъ, какъ я сюда попалъ.

Воротившись изъ Венеціи въ Тріестъ, мы (т. е. Срезневскій и я) предположили отправиться въ дальнѣйшій путь, а именно: въ Истрію, Далмацію съ островами, и Черную Гору.

Поѣздка въ Венецію объяснила мнѣ многое въ сказанныхъ мѣстахъ. Города, поступавшіе во власть Венеціянъ, получали видъ Венеціи, если не in folio, то по крайней мѣрѣ in 12°. Отъ этого въ городахъ, подвластныхъ нѣкогда Республикѣ, всюду замѣтно большое однообразіе: лоджетта; левъ—прибивавшійся гдѣ только возможно; площадь передъ соборною церковью на манеръ площади Св. Марка; ѣзды нѣтъ по улицамъ, нѣтъ шума и пыли; за то нечистота и вонь. Кое-гдѣ сходство въ постройкѣ церквей, но болѣе всего одинаковость архитектуры домовъ.—Вообще города имѣютъ довольно печальный видъ. Жаль мнѣ, что я не зналъ о большой распространенности Италіянскаго языка въ городахъ Далмаціи и Истріи.—Нѣмецкій здѣсь вовсе неизвѣстенъ; въ школахъ ему учатся только желающіе.—Съ Сербскимъ однакоже и кое-гдѣ съ Латинскимъ, можно очень хорошо всюду пройти. Рѣдко намъ встрѣчалось, чтобы мы были приняты не радушно.—Всего чаще пріемъ намъ дѣланъ былъ превосходный, сверхъ ожиданій.

И такъ изъ Тріеста въ коляскѣ въ Capo d'Istria, отсюда попеременно то на ослѣ, то на конѣ въ Corte d'Isola. Отсюда верхомъ въ Buje и St. Lorenzo. Это былъ самый трудный переѣздъ. Около 9 часовъ надо было ѣхать по жару. На бѣду еще въ этотъ день я не совсѣмъ былъ здоровъ.—Всего непріятнѣе было для насъ то, что, пріѣхавъ въ полночь, мы не могли найти ночлега.—Если бы не гостепріимство Славянскаго крестьянина, пришлось бы ночевать въ чистомъ полѣ.—На другой день пѣшкомъ въ Valé и Перой. Въ послѣднемъ мѣстѣ около 200 лѣтъ существуетъ колонія Чер-

ногорцевъ, сохранившихъ свою вѣру, нравы и языкъ. Здѣшній Священникъ, Маричевичъ, человѣкъ рѣдкій. На другой день мы поскакали верхомъ въ Полу, чтобы взглянуть на остатки гигантскаго Римскаго амфитеатра, на porta aurea и на храмъ Діаны. Воротившись въ Перой, мы простились съ почтеннымъ Маричевичемъ и чрезъ Dignano, Barbano прибыли вечеромъ въ Pisino. Утромъ изъ Pisino въ Fiume въ одинъ день т. е. 7 миль Нѣм., кои я совершилъ per pedes apostolorum. Это бы еще ничего: большую часть дня надобно было употребить на подъемъ на Monte-Majore и потомъ на спускъ съ этой горы.—Поздно вечеромъ мы добрались до Fiume и спали такъ, что чудо.—Отдохнувъ здѣсь нѣсколько дней, водою чрезъ Portoré на островъ Veglia, гдѣ еще обѣдню служатъ по Глагольски.—Здѣсь мы въ первый разъ путешествовали водою. Прошедши весь островъ изъ конца въ конецъ, опять водою въ Сѣнь (Zeng) и отсюда въ Границу (Militär-Grenze), т. е. Брлогъ, Оточацъ, Госпичь и Carlopago.—Между Сѣнемъ (Zeng) и Carlopago почти безпрерывно тянется горный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Велебита. Противъ Carlopago находится островъ Pago—дивной формы: туда! Прошли его насквозь пѣшкомъ.—Отсюда перебрались на Далматскій берегъ; хотѣли было въ Nona отдохнуть на ночлегѣ, но насѣкомыя всякаго рода не дали ни на минуту заснуть. Ходивши цѣлый день пѣшкомъ по жару и цѣлую ночь не смыкавши глазъ, пришлось опять per pedes итти далѣе, т. е. въ Zar'у, гдѣ ничего не нашли для себя.—Изъ Зары въ телѣгѣ по дорогѣ большею частью убійственной въ Kistagne съ поворотомъ въ Православный монастырь Крчкій (Kerka), гдѣ имѣли счастье найти превосходнаго Игумна и пару хорошихъ Ц. Слав. рукописей.—Изъ Крки, сѣвъ на коней, мы отправились въ Дернисъ (Dernis), гдѣ были приняты семействомъ Мијовича, auf das Beste; но еще лучше въ Scardon'ѣ въ домѣ почтеннаго, гостепріимнаго, радушнаго Синобада. Здѣсь, подлѣ Scardon'ы находится знаменитый водопадъ.—

До Sebenico мы доѣхали водою: этотъ городъ всего болѣе напомнилъ мнѣ Венецію, даже самый крикъ торговцевъ и торговокъ.—Чтобы избавиться отъ жару, мы отправились въ Traù ночью въ экипажѣ, нѣчто въ родѣ качалки, и отсюда на баркѣ въ Spalato, заключающій въ себѣ огромные остатки Римскаго господства.—Изъ Spalato посѣтили Casteli, коихъ семь.—Между тѣмъ пріѣхалъ пароходъ и мы, наскучивъ пока путешествіемъ земноводнымъ, рѣшились съ паромъ отправиться далѣе. Пароходъ останавливался около острововъ: Lesina, Curzola и въ Рагузѣ. — Здѣсь путешествіе не многое представляетъ для глазъ. Лучшее — это плаваніе по заливу Катарскому, въ углу котораго лежитъ Катаро, городишка чистенькій, имѣющій гостинницу, какой мы еще не находили въ Далмаціи. Въ Катаро, если отворотишься отъ

моря, то долженъ итти въ гору и притомъ въ Черную Гору. Укрѣпивши себя сномъ, мы начали карабкаться на эту Черную Гору. До границы Черногорской только тропинки, по которымъ подниматься въ Іюлѣ мѣсяцѣ задача немаловажная. Очень не легко итти нѣсколько часовъ такъ, что каждый шагъ впередъ есть шагъ выше и притомъ шагъ крутой, если можно такъ выразиться. Съ границы Черногорскихъ владѣній до Цетинья проведена дорога, но только для всадника или пѣшехода. Туда и назадъ совершилъ я путешествіе пѣшкомъ.—Въ Цетиньѣ, столицѣ Черногорскаго Владыки, мнѣ понравилось все, кромѣ башни увѣшанной головами Турковъ.—Владыка и самъ противъ этого «дикаго, безчеловѣчнаго обычая», но не хочетъ приступить къ уничтоженію его, чтобы «не обидѣть своего народа». Къ сожалѣнію, въ Черной Горѣ мы могли провести не болѣе дня. На другой день Владыка долженъ былъ ѣхать въ Катаро и мы съ нимъ. Что сказать о Владыкѣ? Приходишь въ удивленіе, слушая его и разговаривая съ нимъ. Человѣкъ красоты мужественной, росту исполинскаго. Въ одеждѣ онъ мало отличается отъ своихъ подданныхъ; но не носитъ оружія и не брѣетъ бороды, какъ лице духовное. О Черной Горѣ въ свое время болѣе.

Изъ Черной Горы съ Владыкою и его свитою въ Катаро; отсюда водою въ Castel-Nuovo и здѣсь ночлегъ; до наступленія еще ночи мы успѣли побывать въ православномъ монастырѣ Савинѣ, гдѣ однакоже ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго въ числѣ рукописей.—Вставши утромъ рано, возсѣли на коней, и переѣхавъ черезъ Турецкую границу и чрезъ прекрасную долину Конавле, мы прибыли въ Рагузу Старую, гдѣ, нанявъ лодку, поѣхали въ другой разъ въ Рагузу. Найти здѣсь квартиру очень трудно. Гостиница одна, но въ ней житья нѣтъ отъ насѣкомыхъ разнаго рода.—И намъ бы пришлось остаться въ обществѣ реченныхъ насѣкомыхъ, еслибы человѣкъ, намъ вовсе неизвѣстный, не предложилъ намъ своего дома въ полное распоряженіе, сказавъ: ви сте господари (т. е. вы хозяева). Въ нѣкоторомъ отношеніи очень непріятно обязываться, но съ другой стороны обязываться такъ составляетъ мою внутреннюю радость.—

Какъ ни пріятно было въ нѣкоторомъ отношеніи оставаться въ Рагузѣ, при всемъ томъ надобно было спѣшить далѣе. Съ ночи на баркѣ во время неблагопріятнаго вѣтра мы отправились въ Stagno, ѣхали цѣлую ночь и слѣдующее утро при пѣніи нашихъ гребцовъ. Изъ Stagno пѣшкомъ черезъ перешеекъ, опять въ лодку, мимо Турецкой границы (Klek); ночлегъ на морѣ и къ утру по рѣкѣ Narent'ѣ въ Fortopus, гдѣ воздухъ такъ вредоносенъ, что намъ совѣтовали sine mora далѣе.—Притомъ комаровъ такое множество, что лѣзутъ въ ротъ. Того ради мы и поспѣшили сѣсть въ барку и отправиться далѣе. Ѣхали мучительно медленно день и ночь: было безвѣтріе. Къ утру съ зарей

кое-какъ добрались до Макарской, откуда снова въ ночь при противномъ вѣтрѣ и даже бурѣ потащились въ Almissу, гдѣ и засѣли на три дня для списыванія актовъ и грамотъ, относящихъ(ся) къ Исторіи Республики Полйцы.

Срезневскій на конѣ, я пѣшью изъ Almissы въ Spalato, гдѣ на другой день сѣли на пароходъ и такимъ образомъ домчались до Fiume.—Вотъ тебѣ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ трудно путешествовать по Далмаціи.

Потѣешь днемъ отъ сильнаго жару, особенно во время пѣшешествія. Ожидаешь съ нетерпѣніемъ, когда сядетъ солнце. Вотъ, думаешь, приближается ночлегъ и отдыхъ. Не тутъ-то и было: въ комнатахъ душно, жарко; на дворѣ нѣтъ ни малѣйшей прохлады или свѣжести. Потѣешь ночью какъ и днемъ, при движеніи и безъ движенія. Каждый часъ слѣдовало бы перемѣнять бѣлье, если бы было возможно. Отъ жару появляются на ногахъ, рукахъ и т. д. прыщики (calori), которые съ вечера начинаютъ зудѣть невыносимо.—Чтобы преполнить чашу золъ, которую долженъ пить путешественникъ по Далмаціи, надобно присоединить легіоны насѣкомыхъ, особенно въ нынѣшнее сухое и жаркое лѣто. Италіянцы живутъ не очень чисто; въ этомъ пунктѣ и Славяне имѣютъ много общаго съ ними. Нечистота всего ощутительнѣе въ гостиницахъ, гдѣ, по собственному признанію содержателей, разъ въ годъ моется полъ. Подобные полы мы впрочемъ видѣли и въ домахъ людей очень порядочныхъ. Удивительно ли послѣ этого, если комнаты полны насѣкомыхъ всякаго рода и званія. Въ одно и тоже время чувствуешь дружное нападеніе клоповъ, блохъ, комаровъ, мухъ, слышишь и видишь мокрицъ, тараканов. Многихъ изъ насѣкомыхъ я и назвать не умѣю.—Въ Рагузѣ я познакомился съ однимъ животнымъ, длиннымъ, тонкимъ, быстрымъ въ своихъ движеніяхъ и имѣющимъ ногъ—видимо-невидимо. Его называютъ стоножка (родъ Scolopendra).—Когда ѣдешь верхомъ, нападаютъ и овода.

Путешествіе по Далмаціи «per terra» сопряжено съ трудностями всякаго рода. Дилижансовъ нѣтъ. Когда есть возможность ѣхать въ экипажѣ, то изволь платить ужасныя деньги. Проѣзжихъ дорогъ очень мало. Что остается дѣлать? Гдѣ можно, нанимаешь барку и ѣдешь моремъ; въ другомъ мѣстѣ идешь пѣшкомъ по тропинкамъ, усѣяннымъ камнемъ, крупнымъ и мелкимъ, или ѣдешь верхомъ, что для меня утомительнѣе, нежели итти пѣшкомъ. Проведши цѣлый день на ногахъ, на водѣ или на конѣ—и при томъ день жаркій, Далматинскій, ищешь отдыха и нѣтъ его!

Сверхъ того не вездѣ можно имѣть ночлегъ: гостиницы рѣдки и въ городахъ. Надобно имѣть рекомендательныя письма къ тому или другому человѣку, который бы тебѣ далъ уголокъ.

Что сказать о мучительной жаждѣ, которая томитъ варварски. Хорошая

вода рѣдка. Если бы не вино, дешевое и превосходное, то хоть пропадай.—Испыталъ я также пользу куренія. Табакомъ не разъ приходилось очищать гадкій запахъ комнатъ.—

При свиданіи разскажу, что такое въ Далмаціи Преторы и Sanità: это не легче комаровъ.

Одно хорошо: въ Далмаціи нѣтъ пыли.

Все, что намъ говорили объ опасностяхъ путешествія по Далмаціи, есть сказка. Далматинцы народъ добрый, привѣтливый, услужливый.—Въ этомъ пунктѣ можно быть вполнѣ ими довольнымъ.

Во все пребываніе наше въ Далмаціи дождя ни капли. Нынѣшнее лѣто по сушѣ и жару и для природныхъ Далматинцевъ тяжело. Виноградъ идетъ еще кое-какъ, но маслины, главнѣйшее богатство Далматинцевъ, погибли.

Вся Далмація пересѣчена горами голыми, каменистыми. Отъ этого видъ большею частію однообразный, печальный; только берега залива Катарскаго очень хороши.

Но о Далмаціи satis superque.

Пріѣхавъ въ Fiume, я заболѣлъ: стучало въ голову, жаръ былъ сильный. Я легъ въ постель, спалъ и потѣлъ, да ничего не ѣлъ и выздоровѣлъ. Изъ Fiume въ Гомирье—православный монастырь—гдѣ нашли отличнаго Игумна и sonst nichts; потомъ въ Карлштадтъ, гдѣ, взявъ мѣста въ Stellwagen, покатили въ Аграмъ. Не успѣлъ пріѣхать въ этотъ городъ и опять заболѣлъ—и тутъ уже моя домашняя медицина мнѣ не помогаетъ. Вотъ уже десятый день, что я страдаю лихорадкою—Krobatisches Fieber.—Теперь лучше и я думаю, что искуство медика, который меня пользуетъ, скоро выгонитъ этого непріятеля. Съ этой стороны я спокоенъ, но вотъ, что меня безпокоитъ: отъ тебя нѣтъ писемъ!

Всюду я на почтахъ оставлялъ прошенія, чтобы письма на мое имя были пересылаемы въ Аграмъ—и въ Аграмѣ ничего не нашлось. Какъ это могло случиться, я не постигаю, но прихожу въ отчаяніе: у Срезневскаго денегъ столько, чтобы одному съѣздить въ Сербію и потомъ по Дунаю на пароходѣ пріѣхать въ Вѣну.—Обратиться съ просьбою къ людямъ чужимъ? Не знаю, буду ли имѣть успѣхъ. Между тѣмъ время идетъ: немного осталось мѣсяцевъ, когда можно дѣлать разъѣзды; съ наступленіемъ зимы ихъ надобно прекратить и засѣсть гдѣ нибудь въ ожиданіи весны.

Сегодня я пишу въ Вѣнскій почтамтъ и прошу увѣдомить меня, не получены ли на мое имя письма и въ случаѣ положительномъ, переслать ихъ сюда, также буду писать въ Консульство Тріестское.—Авось добуду сколько нибудь свѣту въ этомъ темномъ дѣлѣ.—Съ самаго Тріеста мучитъ меня одна мысль: твое письмо затерялось на почтѣ—и эта мысль студенитъ кровь мою.

Ничего другаго себѣ не могу представить, ни придумать для объясненія этого непріятнаго случая.—

Впрочемъ надежда меня не оставляетъ; я думаю, что письмо на дорогѣ и затрудненіе мое разрѣшится скоро.

О болѣзни моей не безпокойтесь: я въ хорошихъ рукахъ. Жаль только время: восемь дней я ничего не могъ дѣлать, особенно отъ головной боли.—

Посылаю вамъ всѣмъ мой «поздрав» и надѣюсь, что письмо это застанетъ васъ веселыми и здоровыми.—Засвидѣтельствуй мое почтеніе невѣстѣ или супругѣ: сколько времени прошло, что я не получалъ отъ тебя писемъ?

Хотя мнѣ сегодня и лучше, но все таки я усталъ, писавши эти строки. И такъ до слѣдующаго посланія.

Твой *П. Прейсъ.*

И. И. Срезневскому.

29 Сентября 1841 г. Аграмъ.

Здравствуйте, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичь!

Черезъ недѣлю съ небольшимъ послѣ Вашего отъѣзда получилъ я наконецъ отъ Куторги письмо—съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что по причинѣ Банкрутства Геймюллера и я Банкротъ, т. е. что я потерялъ 2000 fl. Münze.— Первое впечатлѣніе было убійственно. Потеря денегъ— какъ писалъ Куторга— не возвратима. Ужасно, но еще ужаснѣе то, что далѣе писалъ Куторга; онъ хотѣлъ черезъ два дня выслать свѣжихъ денегъ. Это было для меня мучительно. Откуда ему взять деньги, тѣмъ болѣе, что онъ недавно только справилъ свадьбу.—

Но—на другой день по полученіи перваго Куторгина письма—меня ищетъ здѣшній Банкиръ, который получилъ изъ Вѣны порученіе выплатить мнѣ 2000 гульд. Münz. Но не выплатилъ злодѣй всего сполна: 40 fl. пошло на «Spässen», и это вовсе не Spass.—

Слава Богу, что и это спасено, въ чемъ я не сомнѣвался. Ибо Петербургскій Банкиръ долженъ былъ выплатить мнѣ то, что получилъ отъ Куторги. Мнѣ до Геймюллера и дѣла нѣтъ.

Отъ чего произошло замедленіе, я еще до сихъ поръ непонимаю. Изъ письма Куторги видно, что деньги (или Кредитивъ) посланы были въ Тріестъ не на мое имя, а на имя Банкира. Меня не нашли въ Тріестѣ; потомъ банкрутство Геймюллера и застой слѣд. оборотовъ, были причиною замедленія.— При всемъ скажу откровенно, я не понимаю дѣла. Куторга и во второмъ своемъ письмѣ повторяетъ, что я виноватъ, уѣхавъ изъ Тріеста и не дождавшись его отвѣта.—

Второе его письмо говоритъ совершенно другое на счетъ денегъ: онъ переговорилъ между тѣмъ съ Банкиромъ и вышло, что я не могъ потерять денегъ, какъ и здравый разсудокъ повелѣваетъ мыслити.

Изъ извѣстій имъ сообщаемыхъ суть слѣдующія memorabiles: По смерти Шишкова Академія Россійская уничтожена; вмѣсто нея при Академіи наукъ будетъ особенной классъ для Славянскихъ дѣлъ, если позволено такъ выразиться.—При Петербургскомъ Университетѣ открыты двѣ новыя каѳедры, обѣ для Польскаго Права. Это очень пріятно. Сенковскій издаетъ 2 журнала: «Библіотеку для чтенія» и «Сынъ Отечества», и «завладѣлъ ими совершенно», прибавляетъ Куторга.—Гречь и Кукольникъ издаютъ «Русскій Вѣстникъ»: «плохо»; Погодинъ «Москвитянина»: «плохо». Полевой пишетъ Исторія (sic) Петра В.—satis.

Гай все погуливаетъ, такъ, что я до сихъ поръ не могъ ему доставить книгъ, взятыхъ у него Вами.—Бабукиħ также укатилъ.—Я живу теперь Lange-Gasse и вѣроятно черезъ недѣлю покачу по дорогѣ въ Сербію. Вѣроятно увидимся.—Если мнѣ придется писать къ Вамъ съ дороги, то потрудитесь справиться въ Бѣлградѣ у Русскаго Консула, котораго я намѣренъ просить о пересылкѣ или доставленіи Вамъ писемъ.

Вотъ все, что въ скорости могъ вспомнить и положить на бумагу. Спѣшу послать Вамъ деньги 300 fl.—Въ долговой книгѣ стоитъ: не 280, а 285 fl. 3 kr.— Боюсь, застанетъ-ли мое письмо Васъ въ Бѣлградѣ.

Вы видите, я не благодарю Васъ за то, чѣмъ Вы по вѣкъ меня обязали. Отъ подобныхъ душъ, какъ Вы, словами грѣшно отдѣлываться или платить.—Надобно на дѣлѣ доказать то, что чувствуешь. О еслибы какъ можно скорѣе представился случай—исполнить то, въ чемъ я себѣ далъ слово.

Я еще не сомнѣваюсь, что мы встрѣтимся и можетъ быть, если Богамъ угодно, побываемъ вмѣстѣ въ Болгаріи. До свиданія или до слѣдующаго письма.

Вашъ *П. Прейсъ.*

Я такъ спѣшилъ, что и не знаю, разберете-ли.

И. И. Срезневскому.

(Изъ Загреба (Аграма) полов. или конца Окт.? 1841 г.)

Любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ! извините, я рѣшился вскрыть Ваше письмо: Вы вѣрно одобрите мою рѣшимость.

Поздравляю Васъ съ Монаршею милостію.—Ваше желаніе исполнено. Спасибо Сергію Семеновичу[1]).

---

[1]) Это мѣсто и время обозначены мною по соображенію. Ср—ій получилъ отъ министра (Увар. С. С.) продленіе командировки. *В. Л.*

Вы не пишете: не хорошо. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, получили ли Вы мое письмо съ деньгами, посланное мою въ Земунъ.

Не зная, гдѣ Вы находитесь, я рѣшился адресовать это на имя Генеральнаго Консула въ Бѣлградѣ.

Отъ Гая получилъ я посылки изъ Праги. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Facsimile письма Жижки, 10 экземпляровъ } отъ

2) Оттиски Вашей статьи о Иллирской Литературѣ и Резянахъ } Ганки,

3) Maly Sserb (отъ Смолера).

4) Das Königliche Museum vaterländischer Alterthümer. Von Ledebur (отъ Калиновскаго).

Все это я оставляю у себя, и пошлю съ своими вещами, куда слѣдуетъ.

Потомъ Вы получили письма отъ 1) Маменьки, 2) Ганки, 3) Смолера, 4) Іордана, 5) Покасовскаго.

Все это препровождается у сего.

Вы удивляетесь, что я въ Загребѣ.—Переписывать отчеты дѣло не легкое Сверхъ того я списалъ Винодольскій, Терсачкій законъ и т. д. Гай сообщилъ и сообщаетъ мнѣ многое изъ своей Библіотеки.—Кстати о Гаѣ. По отъѣздѣ Вашемъ долго я не имѣлъ случая сойтись съ Гаемъ; наконецъ, случай этотъ представился. Спокойно, строго высказалъ я ему по пунктамъ все, что у меня лежало на сердцѣ; не щадилъ лица, гдѣ оно мѣшало дѣлу; жалобы на прочихъ литераторовъ были устранены мною рѣзкимъ замѣчаніемъ.—Эта бесѣда тронула его: онъ сталъ со мною сближаться. Мнѣ было это пріятно: я могъ ему развивать все, что прежде въ общихъ чертахъ было высказано.—Между тѣмъ противниковъ я подгонялъ къ работѣ. Pregled кристализовался: приступилъ и Вукотяновић. По плечамъ даны работы и младићамъ.—Наконецъ будущіе редакторы отправились къ Г., как къ типографу.—Послѣдовало объясненіе благотворное для обѣихъ сторонъ.—Каждый получилъ удѣльное княжество на свою долю; владѣй имъ подъ собственною отвѣтственностію и безъ зависимости отъ Великаго Князя.—Врагамъ внѣшнимъ, общему—общія усилія.—Слѣдовательно раздѣленіе водѣ и сушѣ.

Далѣе—я имѣю довольно твердую надежду на то, что Вразъ примется за изданіе Дубровчанъ.—Для первыхъ тетрадей найдутся средства, а далѣе—Богъ дастъ.—Гай готовъ служить своими сокровищами не только для этого предпріятія, но и для Преглєда.—Кажется, онъ начинаетъ убѣждаться, что раздѣленіе труда, а слѣдовательно и славы необходимо. Дай Богъ!

Вотъ и эти дѣла требовали времени, котораго я не почитаю потеряннымъ. Ибо что мы будемъ на каѳедрѣ безъ пособій, безъ матеріяловъ? — Впрочемъ, я не почитаю своихъ надеждъ прочными. Все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Относительно моего дальнѣйшаго пути скажу слѣдующее: черезъ двѣ недѣли я надѣюсь кончить все въ Загребѣ и поспѣшу въ Сербію и вѣроятно безостановочно. О если бы мнѣ можно было Васъ поймать тамъ, и хоть на минуту заглянуть въ Болгарію.—Будьте здоровы.

Вашъ *П. Прейсъ.*

Вразъ, Раковацъ Вамъ кланяются.

М. С. Куторгѣ.

Аграмъ. 1841 г. Октября 1-го.

Рече—и бысть свѣтъ! Этимъ были для меня твои два послѣднія письма, безцѣнный Мишель!

Первое твое письмо успокоило меня совершенно. Твои опасенія не были моими опасеніями. Проѣхавъ Австрію отъ границы Саксонской до Черной Горы, я могу смѣло утверждать, что письмо, адресованное на мое имя, не могло меня миновать.—Нѣтъ меня въ Тріестѣ, почта имѣла записку, по которой могла переслать письмо, куда слѣдуетъ.—Не оставь я и записки, почта наводитъ справку въ полиціи, и письмо бѣжитъ отъ города до города. Срезневскій почти съ каждымъ письмомъ испытывалъ это. Адресовано письмо на имя Банкира, онъ обязанъ узнать, нахожусь ли я въ Тріестѣ. Отъ кого? Отъ Полиціи. Мнѣ такъ думается, и съ этимъ согласны всѣ, съ кѣмъ я говорилъ объ этомъ предметѣ.—Меня нѣтъ въ Тріестѣ и Полиція (Австрійская!) не знаетъ, куда я дѣвался,—не слѣдовало ли Банкиру тотчасъ—посредственно или непосредственно—писать о томъ въ Петербургъ. Къ пріѣзду моему въ Аграмъ я бы имѣлъ все.

Ты пишешь, что я уѣхалъ изъ Тріеста, обѣщавъ здѣсь ждать письма отъ тебя.—Это—недоразумѣніе непонятное для меня, если припомню себѣ содержаніе моихъ писемъ изъ Вѣны (19 Марта) и изъ Тріеста (19 Мая). Это недоразумѣніе—естественно—должно было представить тебѣ мой отъѣздъ изъ Тріеста въ другомъ видѣ, нежели какъ онъ мнѣ представляется.—Мнѣ кажется, что пишу положительно, ясно, а все-таки не безъ того, чтобы не вышло недоразумѣніе. Впрочемъ, объ этомъ при свиданіи.

Но твоя тревога, любезный Мишель, твой ужасъ, слезы твоей супруги—и я всему виною! Боже мой! какъ это тяжело!

Письмо это однако же должно тебя успокоить. На Руси съ голоду никто не умиралъ, говоритъ пословица. Она прилагается ко всѣмъ Славянамъ.—Въ короткихъ словахъ я разсказалъ тебѣ о пріемѣ въ Рагузѣ. Но это не въ первый—и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ. Пріѣхавъ въ Аграмъ, мы остановились въ трактирѣ. Наступили Саборъ (въ родѣ Дворянскихъ выборовъ) и ярмонка. Вся

Кроація съѣхалась въ Аграмъ.—Трактирщикъ гонитъ насъ съ квартиры. Я боленъ. Срезневскій пошелъ искать квартиру,—и не нашелъ: все занято.—Человѣкъ неизвѣстный, свѣдавъ о нашемъ затруднительномъ положеніи отъ нашихъ знакомцевъ, отдаетъ въ наше распоряженіе свой загородный домъ (отъ средины города разстояніемъ ближе, нежели отъ Адмиралтейства до Аничкова Дворца)—и разумѣется безъ платы. Подумавъ да погадавъ, мы по неволѣ должны были согласиться на предложеніе.—Загородный воздухъ, садъ, тишина—все это вмѣстѣ—сюда же помощь лекаря—произвело на меня благотворное дѣйствіе. Мнѣ стало легче. Послѣ того однако же послѣдовалъ новый припадокъ лихорадки въ слабой степени, потомъ еще разъ и всему конецъ.—Я теперь здоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало.—Докторъ явился ко мнѣ, непрошеный, незваный. Срезневскій оставался долѣе, нежели какъ онъ и я предполагали. И когда онъ уѣхалъ, я получалъ столько денегъ отъ одного пріятеля, сколько мнѣ было нужно.—

Ты ошибаешься, полагая, что я нахожусь «между дикарями».—Мнѣ здѣсь отраднѣе, нежели въ Берлинѣ, Дрезденѣ etc.—Не говорю о впечатлѣніи, которое производитъ на меня привѣтливость, услужливость—большая рѣдкость въ Германіи.—Вотъ тебѣ факты другаго рода: Въ Кроаціи за семь лѣтъ ничего не было. Теперь же въ одномъ Аграмѣ работаютъ двѣ типографіи безъ устали; выходятъ двѣ газеты (Политич. и Литературн.) на Иллирскомъ (или что все равно на Сербскомъ); къ новому году число повременныхъ изданій увеличится вдвое; въ каждомъ нѣсколько значительномъ городѣ устроены кабинеты для чтенія (читальницы): ихъ теперь уже 6; скоро будетъ основанъ въ Аграмѣ Музей и учено-литературное общество при немъ; въ Аграмѣ-же заведенъ постоянный театръ Иллирскій; по городамъ странствуютъ труппы.—Мысль—не отстать отъ прочихъ собратій одушевляетъ всѣхъ: Мадьяры чрезвычайно какъ помогаютъ имъ. Молодежь возбуждена къ дѣятельности живой, патріотической. Если мѣрить Европейскимъ аршиномъ, то конечно сдѣланное не Богъ знаетъ что, но—ради Бога—можно ли болѣе сдѣлать въ продолженіе 7-ми лѣтъ? Не забудь еще, что все это творится усиліями частныхъ людей и большею частью людей не богатыхъ, не безъ борьбы съ старымъ поколѣніемъ и съ непріятелями разнаго званія и происхожденія.

Все это вмѣстѣ взятое веселитъ душу, особенно, когда видишь, какъ общество выигриваетъ при этомъ движеніи, какъ жизнь, нѣкогда пьяную, обжорную, буйную замѣняетъ жизнь съ требованіями удовольствій благородныхъ, утонченныхъ.—

Теперь ко второму твоему письму.—

И такъ твои опасенія—благодаря Бога—не оправдались. Аграмскій Банкиръ выдалъ мнѣ деньги черезъ два дня по полученіи твоего перваго письма; слѣдовательно я былъ нѣсколько успокоенъ на счетъ ожидаемаго отъ тебя втораго: ибо боялся—ты пришлешь деньги.—Stametz пишетъ мнѣ: die Suspension des Hauses Geymüller und Ihre plötzliche Abreise von Triest ohne dass man daselbst erfahren konnte, wohin sie sich begaben, verhinderten etc... Первая причина мнѣ не ясна въ отношеніи ко времени. Geymüller обанкрутился 18 Іюля; вторая же причина, если не ложь, то невѣроятность въ сажень. Суди самъ. Не виню Stammetz'а: виноватъ его коммиссіонеръ въ Тріестѣ. Но объ этомъ при свиданіи.

Скажу одно: мнѣ горько, больно, что озабочиваю и тревожу тебя моими дѣлами. И въ какое время! Если я согласился на твое предложеніе—пересылать мнѣ деньги, то это случилось по одному незнанію моему хода подобныхъ дѣлъ. Легче терпѣть самому, нежели заставлять другихъ терпѣть—и къ тому еще кого?

Относительно путешествія моего скажу тебѣ слѣдующее: Не понимаю, какъ я могъ написать, что намѣренъ «чрезъ Сербію ѣхать въ Вѣну». Я всегда только и думалъ о томъ, какъ бы попасть чрезъ Сербію въ Болгарію, а не въ Вѣну, которая мнѣ въ недѣльное пребываніе надоѣла хуже горькой рѣдьки.—Въ Сербіи—сколько теперь могу видѣть,—для меня нѣтъ особенной поживы: Вукъ Стефановичь Караджичь et Comp. выловили важнѣйшее притомъ въ Далмаціи языкъ, обычаи, нравы тѣ же, что въ Сербіи за исключеніемъ весьма немногихъ разностей. Впрочемъ autopsia — дѣло велико. Все-таки главное остается Болгарія. Но какъ туда попасть? Тебѣ извѣстна новѣйшая Tagesgeschichte. Когда мы хотѣли было пробраться изъ Черной горы въ Герцеговину и Боснію, и просили совѣта у Владыки Черногорскаго, то сей отвѣтствовалъ: безъ двухъ головъ въ запасѣ на это нельзя отважиться. Можешь себѣ представить, что авторитетъ Черногорскаго Владыки важенъ. Прочитай я книгу Boué, который въ добавокъ путешествовалъ въ обществѣ съ людьми, объѣзжавшими Турцію по порученію Турецкаго Правительства. Если въ Сербіи мнѣ отсовѣтуютъ ѣхать въ Болгарію и если мнѣ не удастся отыскать надежнаго спутника изъ простыхъ Сербовъ (мысль Вука Стефановиħа), то—естественно—придется ограничиться возможнымъ: на границѣ Сербіи и Болгаріи дѣлать наблюденія среди тѣхъ Болгаръ, которые перебѣжали изъ Турціи. Перспектива неутѣшительная! Довольно двухъ мѣсяцевъ—и Болгаринъ корчитъ Серба какъ нельзя лучше. Это испыталъ я въ Вѣнѣ. Мутный источникъ!

И такъ до Бѣлграда я ничего не могу сказать положительнаго на счетъ Болгаріи; но знай одно: увѣрюсь я, что до Аѳонской горы доберусь съ го-

ловою на плечахъ, то часть осени и зимы проведу тамъ или въ другихъ приступныхъ мѣстахъ. Я бы былъ счастливъ, если бы могъ провѣрить мой Болгарскій сборникъ: два квартанта! Вѣнскіе Болгаре-купцы увѣряли меня, что изъ Виддина въ 10 дней можно попасть на Аѳонскую гору и притомъ безопасно. Но это еще было до возстанія Болгаръ. Что теперь тамъ дѣлается?

«Оно Господ боље (лучше) зна
Него (нежели) они што кажу.»

поется въ одной Сербской пѣснѣ. И едва ли пѣсня лжетъ.

Твои извѣстія меня очень порадовали, особенно женидьба Сухачева.

«Чуда великаго» я этого не чаялъ. Это новость для меня и при томъ «превосходящая всякое вѣроятіе». Но ты пишешь и слѣдовательно должно быть такъ. Такъ да буди же онъ счастливъ. Я душевно радъ. Вотъ праздникъ для сердца, котораго я не ожидалъ.

Но еще неожиданнѣе—было для меня было извѣстіе о Дитлерѣ. Я остолбенѣлъ, читалъ нѣсколько разъ и не вѣрилъ глазамъ, читалъ вслухъ и не вѣрилъ ушамъ. Какъ ты дурно сдѣлалъ, что оставилъ меня въ невѣдѣніи на счетъ этого дивнаго случая.—

Еще нѣсколько словъ: Поѣздка въ Венецію, житье въ Тріестѣ около 3 недѣль, путешествіе по Истріи, Островамъ Адріатическаго моря, по Далмаціи до Черной Горы, обратный путь чрезъ Фіуме въ Аграмъ и житье здѣсь до 16 Сентября (когда Срезневскій уѣхалъ) составляетъ на мою часть съ небольшимъ 280 гульденовъ Münze, которые я уже отправилъ куда слѣдуетъ.

Но теперь спрашиваю тебя: сколько я тебѣ долженъ! Мысль объ этомъ меня тревожитъ; ты столько принесъ для меня жертвъ! Ты пишешь также, что заплатилъ за меня Северину сполна. Сдѣлай милость, увѣдомь меня объ этомъ.

Срезневскій просилъ меня узнать отъ васъ, знакомыхъ съ дѣлами подобнаго рода, какъ ему всего лучше переслать въ Россію изъ Вѣны, Праги, Лайбаха книги, купленныя имъ за границею. Онъ особенно желалъ бы узнать, нельзя ли ихъ переслать на имя Харьковскаго Университета?

Почему пишу рѣдко, имѣю причины, особенно въ послѣднее время.

Узнавъ въ Бѣлградѣ подробности касательно путешествія въ Болгарію, я буду писать къ тебѣ. Если понадобится отсрочка, то вразуми меня письмомъ въ Бѣлградъ (Србскій), къ кому и кому слѣдуетъ отнестись съ просьбой?—Каково устройство почтъ въ Сербіи, я не знаю, а потому лучше всего, мнѣ кажется, адрессовать письмо на имя Бѣлградскаго Русскаго консула съ просьбою передавать ихъ мнѣ. Впрочемъ Фалькнеръ будетъ знать куда пересылать твои письма.

Мой путь лежитъ теперь черезъ часть Кроаціи, Славонію въ Землинъ и Бѣлградъ.—Постараюсь соединиться съ Срезневскимъ: находясь вмѣстѣ, мы составляемъ одно цѣлое.

Поручаю себя Вашей дружбѣ и съ сожалѣніемъ прибавляю прощай и будь здоровъ.

Твой *П. Прейсъ.*

Душевный «поздравъ» твоей супругѣ, брату, Порошину, Дитлеру.— Жду писемъ отъ моихъ родныхъ. [1])

9-го Ноября 1841 г. Загребъ.

Только что получилъ дорогое Ваше psanjčko, и спѣшу отвѣчать на него сердечнымъ спасибо.

Меня дрожь проняла, когда прочелъ то мѣсто Вашего письма, въ которомъ упоминается о лихорадкѣ.—Что за напасть! Я очень боюсь за Васъ: не поспѣшили ли Вы выходомъ, не выздоровѣвъ совершенно. Ради Бога, слѣдуйте правилу: береженаго и Богъ бережетъ. Если бы можно было мнѣ послать Вамъ часть моего здоровья.

Меня удивляетъ, что письмо мое отъ 21-го Сентября съ деньгами еще не получено.—Неужели оно не успѣло дойти въ Землинъ въ продолженіе столь долгаго времени.

Сегодня отправляю отчеты въ Университетъ и къ Уварову. Вы спрашиваете: «ужь не Адріатическій-ли отчетъ»? Нѣтъ, нѣтъ и abermals нѣтъ». Мы вѣдь погодили написать общій отчетъ и сіе остается свято и ненарушимо. Я все еще не теряю надежды съ Вами увидѣться. — Оставьте въ Землинѣ у Маріановича записку о дальнѣйшемъ Вашемъ путешествіи и гдѣ думаете провести зиму.

Я на этой недѣлѣ ѣду и надѣюсь въ непродолжительномъ времени быть въ Землинѣ. Увы, какъ мнѣ хочется быть дома—этого Вы себѣ и представить не можете.

---

[1]) Это къ сожалѣнію послѣднее письмо Прейса къ М. С. Куторгѣ изъ заграницы. За годъ слишкомъ (съ окт. 1841 г. по 26 января 1843 г.) въ коллекціи М. С. Куторги не имѣется ни одного письма. Надо предполагать утрату нѣсколькихъ писемъ: невѣроятно, чтобы Прейсъ за все это время ничего не писалъ столь близкому ему Куторгѣ. Въ бумагахъ Срезневскаго имѣется за это время (послѣ 9 ноября 1841 г.) только одно письмо къ Срезневскому, но уже изъ Варшавы, на пути въ Петербургъ. Впрочемъ со Срезневскимъ Прейсъ опять сошелся въ сѣверной Венгріи, у Словаковъ, гдѣ онъ сильно заболѣлъ и имѣлъ несчастье попасть въ руки невѣжественнаго врача (въ Щавницѣ). *В. Л.*

Что касается до Загребчанъ, то при свиданіи многое. Враза ищутъ, чего ради онъ поѣхалъ въ Градецъ.

Раковацъ проситъ Васъ о слѣдующемъ: ему-бы очень хотѣлось имѣть отъ Маріановића статью для первой книжки. Употребите Ваше краснорѣчіе. Чѣмъ болѣе явится сотрудниковъ, тѣмъ лучше для книги.

И такъ до свиданія.

Вашъ *П. Прейсъ.*

И. И. Срезневскому.

(4 или 5 ноября 1842).

Ето насъ и у Варшави! При вашем полазку из Шћавнице, мени било боље, него што пре тога. Але, велике несреће! изишла на читавомъ телу богиња, коју шћавнички лекар није знао, како да излечи. Страдао и патио доста и од капље.—Наконац морао оставити Шћавницу и одпутовати у бањску Бистрицу, где и добио моје пређашње здравље. Сада, фала Богу, јесам и жив и здрав, и у петак ове недеље мислим ити кући.—Из Петрограда имаћете од мене—ако Бог да—доста дугачко письмо. До тога времена молим вас мало причекати и имати стрпења,—Бољовати у туђинству је страховита ствар, то сам искусио као што треба.

Желим Вам здравља. Ова жеља иде из сердца.

Ваш *П. Прејс.*

П. П. Посље дугог очекивања: «Kolo» изишло у Загребу.—Штур—као што чуо—веђ добио допуштење на издавање словачки новина. Фала и превелика фала Богу [1]).

---

1) Вотъ мы и въ Варшавѣ! При вашемъ отъѣздѣ изъ Щавницы мнѣ было лучше, чѣмъ передъ тѣмъ. Но великое несчастье—затѣмъ показалась на всемъ тѣлѣ сыпь, которой не умѣлъ вылѣчить щавницкій докторъ. Я настрадался и измучился порядочно и отъ апоплексіи (?), (быть можетъ од кашља, чѣмъ тогда страдалъ Прейсъ).—Наконецъ я долженъ былъ оставить Щавницу и уѣхать въ Баньскую Быстрицу, гдѣ и возвратилъ себѣ прежнее здоровье. Теперь слава Богу я живъ и здоровъ и въ пятницу на этой недѣлѣ расчитываю ѣхать домой.—Изъ Петербурга Богъ дастъ Вы получите отъ меня довольно длинное письмо. До той поры прошу васъ подождать и имѣть терпѣнье. Хворать на чужбинѣ страшная вещь; я испыталъ это какъ слѣдуетъ.

Желаю Вамъ здоровья. Желанье идетъ отъ сердца.

Вашъ П. Прейсъ.

Послѣ долгаго ожиданья «Kolo» (учено-литературный Хорватскій періодическій сборникъ) вышелъ въ Загребѣ.—Штуръ—какъ я слышалъ—получилъ дозволеніе на изданіе Словенской газеты. Благодаренье и великое благодаренье Богу.

Письмо П. П. Дубровскаго И. И. Срезневскому.

(вмѣстѣ отправл. съ предъидущ. сербск. письмомъ Прейса)

5 (17) ноября. 1842. Четвергъ.

Незабвенный Измаилъ Ивановичъ.

Какъ Васъ Богъ милуетъ? Нѣтъ объ Васъ никакого слуху; а мы объ Васъ часто вспоминаемъ съ Ѳедоромъ Степановичемъ. Пріѣхалъ къ намъ и Петръ Ивановичъ Прейсъ, которому я очень обрадовался; при немъ возобновились для меня тѣ пріятные дни, когда вы были въ Варшавѣ.—Денница усердно Вамъ кланяется и протягиваетъ къ Вамъ руку просящую. На слѣдующій годъ она будетъ издаваться по тому самому плану, который мы начертили въ общемъ собраніи;—помните-ли?—Статья ваша о Челяковскомъ напечатана мною безъ измѣненія. Не забывайте насъ, добрый Измаилъ Ивановичъ, да и Денницу также.

Отъ Запа я получилъ письмо, въ которомъ онъ ничего не пишетъ касающагося до васъ.—Содержаніе вашей карточки, съ дороги, я передалъ ему немедленно съ дипломатическою точностію.—Особенныхъ славянскихъ новостей не слыхать, съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали.

Jutrnička Іордана вышла въ новомъ видѣ (in 8°). 5 кн. въ годъ.

Вотъ содержаніе 1-й книжки... (перечислены главныя статьи).

Въ Прагѣ уже открытъ новый Чешскій театръ. Въ Познанѣ Польскій только что открывается.

Прощайте. Пишу наскоро, понукаемый Ѳедоромъ Степановичемъ. Крѣпко обнимаю васъ; остаюсь душевно вамъ преданный

Дубровскій.

Письма Ор. и Ѳ. Ст. Евецкихъ И. И. Срезневскому.

Спасибо за пріятное знакомство, доставленное намъ тобою, любезнѣйшій Измаилъ Ивановичъ.—Г. Прейсъ пришолся какъ-то намъ всѣмъ по душѣ. И превеликое еще спасибо за письмо твое, которое мнѣ доставилъ г. Прейсъ.—Оно показываетъ, что ты иногда на чужой сторонѣ вспоминалъ о своемъ сoскамейникѣ университетскомъ.—Премного благодаренъ за память и дружбу.

Весь твой Орестъ Евецкій.

Любезный другъ Измаилъ! Я поторопился послать къ тебѣ предъидущее письмо: надо было подождать еще немного, хотя мнѣ казалось, что и два мѣсяца довольно было ждать: всему виною наша русская привычка откладывать до послѣдняго времени. Я получилъ на дняхъ письмо, милое письмо отъ Г. Бодянскаго; пишетъ ко мнѣ о разныхъ вещахъ, между прочимъ, что онъ засталъ въ Москвѣ министра, что тамъ было много суеты, что онъ приго-

товляетъ вступительную лекцію, на которую, какъ онъ слышалъ, собирается видимая и невидимая, и что по всѣмъ этимъ причинамъ онъ не могъ раньше ко мнѣ написать. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я получилъ, чрезъ здѣшняго банкира Розена, и всѣ деньги 125 р. сер. Если, вслѣдствіе моего предыдущаго письма, ты ничего еще не писалъ въ Москву, я буду очень радъ.— А ты, другъ Измаилъ, извини меня, если мое письмо было для тебя непріятно.

Денница издается на 1843 г. по тому плану, какой мы вмѣстѣ обдумали: изящн. слов., проза, стихи; цѣль—знакомить съ лучшими беллетристами: стихи въ подлинникѣ и переводахъ;—далѣе ученыя статьи, библіографія, народн. литература, смѣсь. Денежныя дѣла Денницы не совсѣмъ хороши; можно надѣяться, что въ слѣдующемъ году они будутъ еще хуже, если Министръ не поддержитъ. Прейсъ скромный, пріятный, милый человѣкъ, съ большими свѣдѣніями, какъ кажется, и хорошо разсказываетъ о томъ, что видѣлъ, то что знаетъ. Мы его очень полюбили.

Твой навсегда *Федоръ Евецкій.*

Мацѣіовскій и Кухарскій свидѣтельствуютъ тебѣ свое почтеніе.

Три года въ Якутской области.

Этнографическіе очерки.

ГЛАВА IV.

Отношеніе зажиточныхъ къ бѣднымъ.—Общественное самоуправленіе.—Сватовство, свадьба, калымъ.—Отношеніе къ свекру и свекрови.—Обычаи при беременности, родахъ и безплодіи.—Болѣзни и мѣстныя средства лѣченія.—Проказа.—Мнярія—нервное растройство отъ поселенія злаго духа въ душу человѣка.—Страданіе солитерами.—Предупредительныя мѣры противъ повальныхъ болѣзней.

Годъ у якутскихъ инородцевъ равняется шести мѣсяцамъ: съ Сентября начинается зимній годъ, а съ наступленіемъ тепла, въ Мартѣ, начинается другой, лѣтній. Окончивъ сѣнокосы и другія лѣтнія работы и промысла, Якутъ перебирается въ зимники на острова: занятія его сосредоточиваются вблизи юрты; только болѣе зажиточный, у котораго есть что продать, ѣдетъ въ городъ; небольшая часть идетъ въ работники, въ извозъ для доставки товаровъ въ сѣверные округа или провизіи на пріиски. Многіе идутъ въ тайгу на промыселъ пушнаго звѣря. Зимой такимъ образомъ общеніе между инородцами бываетъ рѣже, и имъ мало выпадаетъ случаевъ удовлетворить своему любопытству. Между своими они чрезвычайно общительны, болтливы и веселы: сойдутся хотя бы и незнакомые—первая рѣчь: откуда, что знаешь—разсказывай! Садятся къ пылающему камельку, закурятъ трубочки, и разговорамъ за горячимъ чайникомъ нѣтъ конца. Разговариваютъ очень громко: съ непривычки и не понимая языка можно подумать, что они ругаются; говорятъ о совершенныхъ пустякахъ, и остается только удивляться, какъ самыя незначительныя причины возбуждаютъ въ нихъ самый заразительный хохотъ. Усталый и голодный, напьется онъ своего жидкаго чаю или поѣстъ болтушки и, если она не черезъ мѣру жидка, тотчасъ начинаетъ болтать и хохотать безъ умолку. Добродушны Якуты чрезвычайно. Увидѣть, чтобъ Якутъ билъ ребенка или жену—рѣдкость; ссоры бываютъ, но до драки дѣло никогда не доходитъ; при ссорахъ орутъ неистово, но проклятій, которыми сыпятъ на каждомъ словѣ Поляки, Венгры, Мадьяры, или ругательствъ, извѣстныхъ въ нецензурной рѣчи славянскихъ языковъ, у нихъ нѣтъ. Не ошибусь, если съ увѣренностію скажу, что отношенія якутскаго инородца къ женѣ, дѣтямъ и

всему окружающему—несравненно человѣчнѣе, мягче и сердечнѣе, нежели у многихъ культурныхъ народовъ.

Жизнь бѣднаго Якута во время зимы гораздо труднѣе, чѣмъ лѣтомъ: промысловъ и заработка меньше; потребности въ пищѣ и дровахъ больше, и по неволѣ не имѣя теплой одежды и перевозочныхъ средствъ, сидитъ бѣднякъ передъ своимъ каминомъ и покуриваетъ трубочку; а нѣтъ табаку, что случается зачастую, строгаетъ внутреннюю часть чубука (для чего и дѣлается онъ изъ двухъ перевязанныхъ половинокъ), сдабриваетъ никотиномъ древесныя стружки и затягивается ими до одурѣнія, мурлыча свою скрыпучую, тоскливую пѣсню, импровизируя про пріятность сытно и жирно поѣсть, тепло и мягко выспаться. Жизнь богачей, какъ и вездѣ, другая. Свѣтлая и просторная юрта даетъ много тепла; ихъ не гложетъ забота о насущномъ пропитаніи: у зажиточнаго есть кому присмотрѣть за сытымъ скотомъ и выполнить всѣ необходимыя домашнія работы; жена, невѣстки присматриваютъ по дому, а онъ, хозяинъ, совершенно свободенъ, и ничто не удерживаетъ его при семьѣ. Скучно ему, онъ сѣдлаетъ коня или запрягаетъ иноходца въ маленькія, легкія санки и уѣзжаетъ къ сосѣдямъ, къ дальнимъ знакомымъ, или куда глаза глядятъ,—«джарбая бардымъ», говоритъ онъ. Скучно ему дома, а ѣхать не хочется,—всегда найдется изъ обширнаго штата рабочихъ балагуръ-сказочникъ, или за такимъ можно послать за десятки верстъ. Слушаютъ сказку всѣ домашніе безъ различія возраста, пола, положенія. Вниманіе всѣхъ сосредоточивается на разсказѣ, всякій поощряетъ утомляющагося сказочника понуканьями. Сказка для Якута—многое: въ ней онъ видитъ своихъ собратьевъ побѣдителями самыхъ невозможныхъ препятствій; отрѣшаясь отъ своей грустной дѣйствительности, слушатель совершенно переносится въ міръ фантазіи. Рѣчь всякаго вводимаго въ сказку лица говорится на распѣвъ, нотъ мало, но за то онѣ тянутся долго при непрерываемомъ продыханіи, вибраціи голоса. Съ постепеннымъ угасаніемъ камина сгущается окружающій мракъ; утомленные слушатели сквозь сонъ понукаютъ еще болѣе утомленнаго разсказчика и только къ утру всѣ забываются, повторяя въ своихъ сновидѣніяхъ поразившія ихъ воображеніе обстоятельства разсказа. Слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ богатые Якуты такъ благодушно проводятъ свое досужее время. Большинство изъ нихъ занимается вообще пріумноженіемъ своихъ богатствъ подрядами, торговлею, скупомъ по мелочамъ предметовъ промышленности. Многіе, заручившись двумя, тремя тысячами рублей, ведутъ обороты на 10 т. р., къ великому огорченію и зависти своихъ довѣрителей или соперниковъ. Способы эксплоатаціи слишкомъ просты, скорѣе грубы и дики. Такъ, напр., одинъ богачъ въ Намскомъ улусѣ всю общественную наслежную землю отдавалъ въ кортомъ скопцамъ въ теченіе 8 лѣтъ, не позволяя сородичамъ сѣять, или отда-

вать отъ себя эту землю подъ посѣвъ и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ нѣсколько тысячъ рублей; этотъ способъ наживы продолжался бы и по нынѣ, если бы земля не была отведена въ надѣлъ скопцамъ, причемъ Якутъ этотъ протестовалъ на отводъ земли, какъ несправедливый, во имя блага наслежныхъ инородцевъ.

Рабочіе у зажиточныхъ Якутовъ получаютъ плату скудную: два рубля въ мѣсяцъ и ежедневную чашку кислаго молока (тара), разбавленнаго на половину водой, съ примѣсью горсти муки и, только изрѣдка, въ большіе праздники, лакомятся кускомъ мяса или масла. Одежду рабочій долженъ имѣть свою. У зажиточнаго хозяина и работникъ одѣтъ лучше, а про работника у бѣдныхъ хозяевъ нечего и говорить: куртка изъ телячьей шкуры, штаны (ыстанъ) изъ конской кожи, торбаза изъ той же кожи (тысъ-этэрбесъ)—и только; черезъ эту то, нисколько не грѣющую, одежду сквозитъ мѣстами худое, желтое и заскорузлое тѣло бѣдняка. Съ работниками обращаются хорошо, въ томъ смыслѣ, что ихъ не бьютъ. Одежда богачей мягка, тепла и сравнительно чиста: въ ней не кишатъ миріады всевозможныхъ паразитовъ, не дающихъ покоя голодному бѣдняку. Очень часто приходится видѣть совершенно голаго Якута, растягивающаго свою одежду надъ огнемъ; дальше нужно бѣжать отъ него, иначе все населеніе, не поджарившееся на огнѣ, разлетается во всѣ стороны, ища своего спасенія. Пойманное насѣкомое инородцы раскусываютъ на зубахъ, словно орѣхи, и меня разъ поразило щелканье цѣлой семьи, пока, оторвавшись отъ своихъ занятій, не увидалъ объясненія этого страннаго явленія. Главный доходъ Якута-хозяина получается, конечно, отъ скотоводства, а у простого рабочаго — отъ заработка. Богачи извлекаютъ еще доходъ, ссужая бѣдняковъ жизненными продуктами подъ условіемъ расплаты работой, доставки скота, молочныхъ продуктовъ, упромышленнаго звѣря. Даютъ товаръ по дорогой цѣнѣ: такъ въ Намскомъ улусѣ даютъ весной по 1 р. 50 к. съ обязательствомъ доставить лѣтомъ или осенью пудъ нельмы, а зимой она обыкновенно продается по 4 — 6 рублей. Сами рыболовы рѣдко лично являются продавцами своего промысла на базарѣ, запродавъ много раньше свою будущую добычу. Богатые выплачиваютъ за бѣдныхъ повинности, подати, пользуясь за то ихъ покосными и пахатными мѣстами. Доходы богачей сравнительно съ затрачиваемыми ими трудами и капиталами—громадны. Положимъ, якутскій сельскій рабочій получаетъ въ годъ 30—40 рублей (въ городѣ больше 90—140 рублей), на хозяйскомъ содержаніи; изъ нихъ онъ долженъ истратить до 15 р. на одежду; 5 р. на подати, если онъ или семейные его пользуются покосами; 2 р. на табакъ; затѣмъ остальное онъ долженъ отдать въ семью. Деревенскій хозяинъ средняго достатка тратитъ на содержаніе своего рабочаго въ годъ отъ 47—50 рублей; изъ нихъ на чай—6 р., му-

ку—15 р., масло—12 р., молоко—6 р., таръ—3 р., мясо—5 р. 50 к., и кромѣ того деньгами отъ 30—40 рублей, которые рѣдко не возвращаются въ его карманъ, или просто удерживаются имъ за продукты, взятые работникомъ для прокормленія своей семьи. Чѣмъ больше у хозяина скота, тѣмъ дешевле обходится ему содержаніе работника, пользующагося только отъ продуктовъ скотоводства.

Тоже, что итимджи̂ въ Верхоянскомъ округѣ, въ Якутскомъ округѣ кумала̀ны. Это просто нищіе, увѣчные и больные, которыхъ пропитываютъ родовичи своего наслега. Они ходятъ изъ юрты въ юрту болѣе зажиточныхъ хозяевъ, которые кормятъ ихъ по нѣскольку дней; нищихъ этихъ въ Якутскомъ округѣ сравнительно немного, но дѣло не въ томъ, нищіе вездѣ есть; большее вниманіе обращаетъ на себя общая бѣдность, скудная производительность края, первобытный способъ эксплоатаціи труда и почвы, суровый климатъ края. Рѣдко встрѣчаются богачи, имѣющіе до 300 штукъ скота; цѣна имъ до 2 т. р., которыхъ ему никто не дастъ. Богаты такіе хозяева только въ глазахъ якутскихъ инородцевъ и едва-ли найдется больше двухъ десятковъ купцевъ въ Якутской области, которые обладали бы капиталомъ свыше 10 т. рублей [1]).

Общественныя должности въ каждомъ улусѣ отправляются по выбору общества и состоятъ изъ слѣдующихъ степеней: улусный голова, кандидатъ по немъ, три члена управы — выборные и кандидатъ по нихъ — это члены, засѣдающіе въ инородной управѣ; наслегомъ управляетъ староста, но такъ какъ всякій наслегъ дѣлится еще на рода, то послѣдними управляютъ старшины. Сверхъ того, въ каждомъ наслегѣ избираются для общественныхъ нуждъ десятникъ, сборщикъ податей (называется капралъ) и разсыльный (скороходъ). Кромѣ перечисленныхъ должностей, по усмотрѣнію членовъ инородной управы, нанимается улусный письмоводитель съ помощникомъ, а въ наслегахъ, по усмотрѣнію членовъ родоваго управленія — наслежный писарь. Въ инородныхъ управахъ постоянно присутствуетъ дежурный членъ, а въ родовыхъ управленіяхъ — староста. Улусныя общественныя собранія состоятъ изъ должностныхъ лицъ улуса и назначаются для выбора новыхъ членовъ управы, для составленія смѣтъ годовой росписи дохода и расхода, а наслежныя собранія, на которыхъ имѣютъ право присутствовать всѣ жители наслега, рѣшаютъ дѣла, требующія постановленій своего наслежнаго общества. Каждое общество сбирается по распоряженію членовъ своего управленія. Члены управъ и родовыхъ управленій, обязанные постоянно присутствовать въ своихъ управленіяхъ, завели между собой очередное

[1]) По мнѣнію одного мѣстнаго богатаго купца въ г. Якутскѣ, должно положить одного купца—съ 200 т. капитала, трехъ—съ 100, 150 т., четырехъ по 50 т., и пять, шесть человѣкъ отъ 10 до 20 тысячъ рублей.

дежурство, но, отрываясь по дѣламъ собственнаго хозяйства, оставляютъ вмѣсто себя свою печать, и писарь, который завѣдуетъ всѣми дѣлами управленія, только прикладываетъ печать отсутствующаго члена, такъ что послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, не знаетъ, на какихъ и какого содержанія бумагахъ приложена его печать.

На общественныхъ собраніяхъ рѣшенія постановляются большинствомъ голосовъ, которое часто клонится къ поддержанію мнѣнія богачей, всегда имѣющихъ на своей сторонѣ большинство. Всякій сколько-нибудь зажиточный Якутъ старается быть выбраннымъ въ какую-либо должность, тратится для пріобрѣтенія голосовъ въ свою пользу, а вступивъ въ должность старается возвратить понесенные расходы, и пріобрѣсти правительственныя награды, что̀ въ глазахъ общественниковъ даетъ ему болѣе уважительный голосъ на собраніяхъ. На общественныхъ собраніяхъ больше разсуждаютъ люди вліятельные, съ которыми безъ особенныхъ протестовъ соглашаются остальные. Такіе вліятельные люди называются въ своей же средѣ улусъ-тутахтара, или улусъ-басылыктара, бастахъ-киселеръ, т. е. люди съ головой, думные люди. Вообще улусомъ заправляютъ десятка два, а то и менѣе лицъ, нерѣдко одинъ, два человѣка; остальные ровно ничего не знаютъ, а бѣдняки буквально ничего не понимаютъ даже въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, не знаютъ даже о размѣрѣ слѣдуемыхъ съ нихъ податей и повинностей и сами зовутъ себя безголовыми — баса-хохъ-кисилеръ. Примѣръ намскаго богача, пользовавшагося въ теченіе 8 лѣтъ общественной землей, наглядно доказываетъ возможность вліянія одной головы на цѣлое общество. Кромѣ богатства требуется конечно ловкость, родовитость и имѣніе правительственныхъ наградъ. При приведеніи къ присягѣ главныхъ должностныхъ лицъ, послѣднія устраиваютъ малагынъ, т. е. угощаютъ общественниковъ водкой.

Болѣе важныя дѣла, разбирающіяся инородческимъ судомъ, — дѣла о выдачѣ наслѣдства, приданаго, о кражахъ, не превышающихъ цѣною 30 р., о калымѣ. Изъ старинныхъ юридическихъ обычаевъ нѣкоторые примѣняются и понынѣ въ инородческомъ судѣ по дѣламъ о конокрадствѣ. Ловкій конокрадъ скоро пріобрѣтаетъ извѣстность между своими, которые всегда готовы защитить его на судѣ: одни защищаютъ конокрада по участію съ нимъ, другіе — изъ боязни мести со стороны вора укрываютъ его отъ преслѣдованія правительства, и воръ попадаетъ въ руки правосудія только въ крайне-рѣдкихъ случаяхъ, когда уже трудно освободить его отъ уликъ. Съ этою цѣлью весьма старательно поддерживается обычай судить конокрадовъ инородческимъ судомъ, что̀ въ прямыхъ выгодахъ старостъ и головъ, получающихъ львиную долю въ дѣлежѣ покраденнаго, а нерѣдко и самихъ правильно занимающихся этимъ ремесломъ. Общее правило то, что воровать можетъ только богатый и вліятельный Якутъ. Бѣдному не мыслимо украсть сколько нибудь крупную

скотину: спрятать ее негдѣ и съѣсть ее нельзя: сейчасъ замѣтятъ, что ѣстъ мясо. Конокрадствомъ занимаются зажиточные, для котораго бѣдный служитъ только исполнителемъ, орудіемъ преступленія; украденное немедленно передается богатому, который всегда остается правъ, имѣя за себя ходатаевъ предъ начальствомъ въ лицѣ писарей, старостъ, если самъ по себѣ не достаточно имѣетъ способовъ избѣжать подозрѣнія или преслѣдованія. Попадается только бѣднякъ, не воспользовавшійся даже украденнымъ. Бѣдный только тогда рѣшается на конокрадство самостоятельно, когда онъ такъ сказать артистъ своего дѣла; къ такому артисту примыкаетъ цѣлая шайка, которая въ случаѣ доказаннаго преступленія уплачиваетъ за него положенный штрафъ; если бѣднякъ, не имѣя за собой такой шайки, а слѣдовательно гарантіи въ уплатѣ, въ случаѣ обвиненія, то ему угрожаютъ арестантскія роты, заключеніе въ тюрьмѣ. Башкиры, Киргизы, Татары, даже Евреи, сосланные въ область по суду и по приговорамъ своихъ обществъ за конокрадство, стали отбивать эту профессію отъ туземцевъ и съ такимъ дерзкимъ искусствомъ, что сначала привели въ полное уныніе завзятыхъ конокрадовъ, а затѣмъ возбудили противъ себя смертельную ненависть мирныхъ обывателей, страдающихъ невинно. Багарадскій наслегъ издавна славился конокрадствомъ, и виновныхъ не отыскивалось, пока шайка не перессорилась: обнаружено было до 40 человѣкъ виновныхъ, замѣшаны были выборныя сельскія власти; доказана была покража нѣсколькихъ сотъ головъ за нѣсколько лѣтъ; родоначальники рѣшили разсмотрѣть дѣло своимъ судомъ, и въ результатѣ получилось, что обѣднѣвшіе за послѣднее время отъ конокрадства, получивъ покраденный у нихъ скотъ и штрафъ въ тройномъ размѣрѣ противъ покраденнаго у нихъ, сразу обогатились, а другіе, слывшіе зажиточными, лишились всего своего скота. О вліяніи богатыхъ Якутовъ въ средѣ своего общества будетъ мной упомянуто въ рубрикѣ о луговомъ хозяйствѣ.

Наклонность къ воровству вообще у Якутовъ сильная; понятіе о чужой собственности—слабое, въ особенности по отношенію къ съѣстному. Жившіе долго между Якутами положительно утверждаютъ, что нельзя поручиться ни за одного Якута, чтобъ онъ не воспользовался плохо лежащимъ; что въ цѣломъ улусѣ можно поручиться за двоихъ, троихъ, что не украдутъ мелочи. Разсказываютъ, что одинъ хорошо грамотный зажиточный Якутъ выразился такъ: «съѣстное Якутъ обязанъ украсть», желая выразить тѣмъ и сочувствіе къ крайности вѣчно голоднаго Якута и убѣжденіе, что пища, кому бы она ни принадлежала, должна быть достояніемъ голоднаго. Когда Якутъ увидитъ, что другой ѣстъ, глазъ его не можетъ оторваться отъ пищи, слюна бѣжитъ у него, и ему приходится постоянно сплевывать. Голода безъ пищи не утолить, а достать пищи—нѣтъ возможности. Русскіе, живущіе въ Якутской Области,

съ презрѣніемъ говорятъ о воровствѣ Якутовъ, но не слѣдуетъ забывать, что эти Русскіе, по преимуществу торгаши, скупщики, были виновниками паденія нравственности Якутовъ. Нравственность и добрая совѣсть этихъ торгашей,—принявъ во вниманіе ихъ матерьяльныя средства, ихъ общественное положеніе,—нисколько не выше, чѣмъ у этихъ Якутовъ. Напротивъ, растлителями чистыхъ, патріархальныхъ нравовъ инородцевъ области были тѣ же купцы. Кто разрушаетъ ихъ семейное спокойствіе, кто продаетъ свой гнилой товаръ, мѣряя аршиномъ въ 12 вершковъ? Мнѣ разсказывали случай про одного отставного чиновника, значительнаго ранга, занявшагося кулачествомъ, что онъ не брезгалъ загонять въ свой дворъ послѣдній возъ изъ якутскаго обоза съ провизіей, быстро сваливалъ съ своими рабочими кладь съ него и въ нѣсколько кнутовъ выгонялъ лошадь съ пустыми санями на улицу. Если люди съ извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, въ глазахъ Якута — Тоенъ, грабятъ его среди дня въ городѣ, то на сколько долженъ быть снисходителенъ приговоръ для Якута, пробивающагося изъ-за насущнаго пропитанія?

Общія качества Якута:—трусливость, недовѣрчивость, лукавство, лѣность, праздность, корыстолюбіе, жадность и неблагодарность. Но они находятъ себѣ оправданіе въ исторіи и обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ невзгодамъ и угнетеніямъ, которыя приходилось и приходится испытывать и переносить бѣдному Якуту.

Какъ на хорошія стороны якутскихъ инородцевъ слѣдуетъ указать на общую ихъ способность къ разнымъ мастерствамъ, которыя они перенимаютъ быстро, съ большою сообразительностію и ловкостію. Они смѣтливы, въ большинствѣ расчетливы, простодушны и крайне незлобивы. Тягость своего незавиднаго положенія они переносятъ съ покорностію, достойною лучшей участи.

Тяжелая борьба за существованіе, климатическія, экономическія и соціальныя условія жизни не способствовали развитію послѣдовательнаго, упорнаго труда, не развивали активнаго напряженія силъ, стремленія подчинить природу, а сосредоточивали всѣ мысли только на самозащитѣ, пассивныхъ, оборонительныхъ пріемахъ.

Какъ на преобладающія страсти среди инородцевъ области можно указать на пьянство, азартныя игры и воровство...

Сватовство, свадьба, калымъ.

Сватать невѣсту посылаютъ старшаго и почетнѣйшаго изъ родственниковъ жениха; передъ отъѣздомъ къ отцу невѣсты женихъ наказываетъ свату—тюнгюрь: бу минь киий кысыгаръ тангъ буоллахпына,

биссигиній холботунъ, сюряхтярбитинь кытардынъ быэрбытынъ, эньпитинь да хаммытынъ биссенинь холботунъ, т. е. если я его дочери ровня, пусть насъ соединитъ, сердца наши сообщитъ, печень, тѣло и кровь нашу соединитъ. Если между родителями жениха и невѣсты была раньше какая-либо вражда, или ссора, то женихъ черезъ свата проситъ передать отцу невѣсты: бу минь тугу урукку эёттюбярь эппипинь сананымна, олъ буоллагына олъ тыллары билигинь этярбярь тылымъ эрьгійбэть, санынэхпынъ эюмъ да кэльбять, т. е. что я ранѣе сего говорилъ, было сказано необдуманно, но теперь тѣ слова выражать языкъ мой не повернется, а подумать и на мысль нейдетъ. Все это сватъ по пріѣздѣ къ отцу невѣсты передаетъ и, получивъ согласіе отца и матери, возвращается къ жениху съ радостною вѣстью. Если же существовала раньше вражда, то женихъ черезъ свата посылаетъ родителямъ невѣсты подарокъ отъ 3 р. до 20, смотря по средствамъ. Это называется сынахъ-хонгорута, т. е. дали слово, учинили сговоръ. При передачѣ подарка сватъ говоритъ: бу кини тыла тугууррутъ сангарбытынъ, ону билигинь эппятинь, ээ даганы кинeня тёнюньнюнь урукку ютё санатыгаръ, т. е. пусть его языкъ, что ранѣе произносилъ, того теперь не произноситъ и воображеніе его вернется къ прежнимъ добрымъ мыслямъ. Если отецъ невѣсты согласенъ на примиреніе, то принимаетъ подарокъ и затѣмъ заключаютъ словесное условіе относительно калыма или кысъ-сулута — дѣвичьей цѣны, послѣ чего бьютъ по рукамъ. Изъ условленнаго калыма тесть получаетъ двѣ части, а третью оставляетъ въ подарокъ будущимъ внукамъ. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, смотря по обстоятельствамъ, по приготовленіи приданаго и выплатѣ калыма, женихъ вмѣстѣ со сватомъ пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, привозятъ съ собой для свадьбы мясо, муку, чай, водку. Сватъ входитъ въ юрту первый и вѣшаетъ въ переднемъ углу подарокъ—лисицу, песца или соболей, опять по достатку жениха. Послѣ этого отецъ невѣсты выходитъ во дворъ, приводитъ жениха въ юрту и сажаетъ рядомъ съ невѣстой. Если же подарка этого не было, то и сговоренный не можетъ входить въ юрту тестя, не имѣетъ супружескихъ правъ, а приходя повидаться съ своей сговоренной невѣстой, стучитъ въ дверь, и она выходитъ къ нему, угощаетъ его тутъ же въ сѣняхъ. Такъ продолжается до принесенія обычнаго подарка, который въ большинствѣ случаевъ приносится, послѣ чего бракъ считается заключеннымъ, и тесть, получивъ подарокъ, сажаетъ жениха рядомъ съ невѣстой, они пьютъ и ѣдятъ, веселятся, а затѣмъ молодой увозитъ въ свою юрту жену съ приданымъ. Молодая беретъ изъ своей юрты три палочки и, войдя въ домъ мужа, подходитъ къ пылающему камину сбоку (съ Сѣв.) и, бросая въ огонь эти палочки, говоритъ: минь кля-

лимь дже джели алъ отто, т. е. я пришла хозяйкой очагомъ управлять; затѣмъ кланяется земно свекру и свекрови, садится за приготовленный столъ, и начинается пиршество, по окончаніи котораго молодые уходятъ въ свое отдѣленіе (ордн). Приведенный свадебный обычай соблюдается строго у Якутовъ сѣверныхъ, вообще патріархальныхъ и строго нравственныхъ. Въ Якутскомъ округѣ этотъ старинный обычай рѣдко примѣняется и самая нравственность отошла въ область преданій. Вообще Якуты очень разсчетливы: родители на бракъ своей дочери смотрятъ, какъ на возможность хорошей торговой сдѣлки, а мужъ ищетъ жену—неустанную работницу въ домъ, и чѣмъ меньше онъ заплатитъ за нее калыма, тѣмъ лучше. Обыкновенно калымъ составляютъ: три лошади, три быка, три коровы, что называется сылгы-юся, кромѣ того еще отъ 6—9 кобылъ—курумъ и нѣкоторая часть деньгами. Если родители жениха очень богаты, то они выплачиваютъ родителямъ невѣсты вдвое и втрое больше противъ договореннаго, что уже называется сылгы алтата, или сыглы тогуса. Бѣдные же высватываютъ почти безъ платежа калыма, причемъ родители невѣсты стараются только выручить затраты на платье невѣсты и не упустить случая выпить и закусить.

Протестъ взрослыхъ дочерей противъ предлагаемаго жениха, если онъ имъ не нравится, во вниманіе родителями не принимается; о нравственныхъ качествахъ жениха, о его домашней обстановкѣ родители невѣсты рѣдко стараются разузнавать, — это отходитъ на второй планъ, а главное — калымъ, его выгодность; при опредѣленіи его размѣра бываетъ настоящій торгъ: сватъ выговариваетъ возможно меньше, а родители невѣсты спокойно указываютъ на невыгодность уступки дочери за такой выкупъ. Обыкновенно и невѣста присутствуетъ при этомъ торгѣ, но участія не принимаетъ. Родители невѣсты дѣлаютъ ей приданое въ размѣрѣ выговореннаго калыма.

Въ южныхъ округахъ области женихъ имѣетъ право входа въ домъ своей невѣсты на правахъ мужа, причемъ въ каждое свое посѣщеніе обязанъ привезти невѣстѣ и роднымъ ея какой-либо подарокъ, водкой, скотомъ и по безмолвному согласію родителей остается за то ночевать у своей невѣсты. До сихъ поръ ведется въ нѣкоторыхъ семьяхъ старинный обычай, что въ первую ночь у изголовья новобрачныхъ (если не выплатилъ всего калыма, то въ домѣ невѣсты, а если выплаченъ, то въ домѣ жениха) ставится чашка съ саламатой (мука, поджаренная въ кипящемъ маслѣ). Смотря по тому, какъ нашелъ свою будущую жену ея женихъ, саламата или вся съѣдается, или остается нетронутой. На утро родители молодыхъ осматриваютъ чашку подъ большимъ секретомъ, въ предупрежденіе позорнаго для себя разглашенія, что саламата осталась нетронутой. Подарки жениха не входятъ въ разсчетъ буду-

щаго калыма. Въ каждую такую поѣздку женихъ возитъ съ собой своего дружку, который охотно пользуется оказываемымъ ему гостепріимствомъ. У васъ, Русскихъ, говорятъ Якуты, мужъ и жена узнаютъ одинъ другого только послѣ вѣнчанія, когда уже невозможно разойтись; у насъ лучше: поживутъ между собой годъ, два и, если не сойдутся, расходятся добровольно, безъ затрудненія и, не приходится быть женой немилаго по неволѣ. Ниже увидимъ, что это однако не совсѣмъ такъ бываетъ. Нужно замѣтить, что Якуты вообще характера спокойнаго, а потому въ семьѣ своей уживчивы, и женѣ больше, чѣмъ мужу, приходится стараться входить съ нимъ въ соглашеніе, такъ какъ на основаніи обычая съ саламатой необходимо все таки заключить, что Якуты придаютъ извѣстное значеніе ея поведенію до брака, слѣдовательно послѣ домашняго разговора ей труднѣе разсчитывать на новаго жениха, а кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду угрожающую необходимость возвращенія калыма.

Въ назначенный для свадьбы день женихъ со своими родными и звaными ѣдетъ въ домъ невѣсты и вмѣстѣ съ собой пригоняетъ остатокъ калыма и привозитъ угощеніе для свадьбы: скотъ, водку и пр. Гости остаются до тѣхъ поръ, пока не истребятъ всего припасеннаго для свадьбы; при этомъ только небольшая часть съѣдается гостями на мѣстѣ, а остальное дѣлится между ними и увозится домой, какъ гостинецъ—кягй (Kjagi). Вечеромъ молодыхъ торжественно провожаютъ въ ихъ отдѣленіе; черезъ нѣсколько дней мужъ увозитъ жену къ себѣ въ юрту, въ сопровожденіи ея родителей; такіе проводы называются кысъ-сюгюннярярь. Въ домѣ жениха продолжается празднованіе свадьбы, а при отъѣздѣ родныхъ жены зять даритъ ихъ деньгами и съ честью провожаетъ. Черезъ годъ или болѣе, если молодые живутъ согласно и не расчитываютъ расходиться, то родители ея, при одномъ изъ своихъ посѣщеній, отдариваютъ ее за тѣ подарки, которые получили отъ зятя, иногда вдвое и втрое противъ полученнаго. Такое путешествіе къ дочери и отдариваніе называется теркюттю. Не смотря на перекрестные подарки, женихъ все таки въ большинствѣ случаевъ остается въ убыткѣ.

Овдовѣвшій Якутъ, немедленно послѣ похоронъ жены, начинаетъ искать себѣ невѣсту, и поиски эти не бываютъ продолжительны. Сдѣлки по части женитьбы у Якутовъ доходятъ до смѣшного и печальнаго. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ близъ Якутска былъ случай, что родители справляли сговоръ своихъ семилѣтнихъ жениха и невѣсты; родители, пируя, оставили играть молодыхъ; женихъ забылъ дома соску—емсяхъ, которую по якутскому обычаю сосалъ очень долго. (Мнѣ самому приходилось видѣть дѣтей, приблизительно того-же возраста, не разстававшихся съ грудью матери). Не найдя своей

соски, женихъ выхватилъ такую же изо рта невѣсты; произошла ссора, и невѣста отказалась идти за своего обидчика, но происшествіе только подбавило веселья родителямъ, продолжавшимъ свою пирушку. Такіе сговоры не бываютъ обязательны, въ особенности, если калымъ не былъ выплоченъ, а такъ какъ съ теченіемъ времени измѣняются отношенія между родителями, мѣняется ихъ имущественное положеніе, игравшее первенствующую роль при брачномъ договорѣ, то и давній сговоръ сводится, въ концѣ концевъ, къ простому случаю погулять, повеселиться въ пріятномъ обществѣ и увѣрять лишній разъ во взаимной неразрывной дружбѣ, скрѣпляемой щедрыми лобызаньями въ пьяную минуту; если же при сговорѣ дѣтей былъ уплоченъ калымъ сполна, то дѣвочку отвозятъ къ родителямъ ея нареченнаго, гдѣ она и доростаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Между Якутами встрѣчаются случаи неравныхъ по лѣтамъ браковъ, при чемъ мужъ бываетъ моложе своей жены; неравенство это доходитъ иногда до крайности, такъ что мужъ продолжаетъ еще заниматься игрушками, а жена перешла уже зрѣлый возрастъ. Повидимому, родители жениха, сознавая за нимъ всю неспособность вести самостоятельно собственное хозяйство по недозрѣлости, желали придать ему руководителя, вполнѣ заинтересованнаго въ хозяйствѣ такого ребенка-мужа. Такой мужъ, помимо того, что поддается вліянію своей перезрѣлой жены, въ силу одного лишь несоотвѣтствія своихъ лѣтъ, даже подросши, слишкомъ быстро увядаетъ силами и, минуя возрастъ бодрой возмужалости, еще въ юныхъ годахъ превращается въ старца. То же преждевременное увяданіе бываетъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, при бракахъ обоихъ малолѣтнихъ супруговъ: съ наступленіемъ времени возмужалости уже начинаются жалобы на судьбу, на старческую слабость мужа, и всѣ ссоры и неудовольствія кончаются разводомъ, хотя и не офиціальнымъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ. Жена уходитъ къ другому, а мужъ ищетъ себѣ новую подругу, вчинаются взаимные иски о возвращеніи подарковъ, калыма, разбираемые обществомъ Якутовъ и восходящіе постепенно до губернатора, Эти безконечные счеты, взаимныя обвиненія въ увозѣ имущества едва-ли когда и кто былъ въ состояніи разобрать. Физически разслабленные раннимъ вступленіемъ въ супружество, супруги не уживаются, расходятся; хозяйство приходитъ невольно въ раззореніе, а дѣти, родившіяся отъ подобныхъ браковъ, уже отъ рожденія своего носятъ зачатки захудалости, предстоящаго вымиранія. Въ виду свободныхъ и легко расторжимыхъ браковъ не считается преступленіемъ противъ нравственности несохраненіе дѣвственности: ни семья, ни общество, ни даже мужъ не относятся враждебно къ женамъ своимъ, имѣвшимъ до брака съ ними дѣтей, и послѣднія не навлекаютъ на себя презрѣнія, а при выходѣ матерей ихъ замужъ охотно усыновляются, т. е. принимаются въ новую семью на правахъ законнорожденныхъ. Обратное встрѣчается рѣдко. Вообще говоря,

Якутовъ нельзя назвать сладострастными, и причиной тому крайняя бѣдность. Бѣденъ мужъ, бѣдна и жена его, и имъ по неволѣ приходится мириться съ необходимостію; бѣдные по неволѣ невзыскательны, и половое сношеніе въ ихъ понятіи — такое-же отправленіе организма, какъ и всѣ остальныя, доставляя лишь единственное возможное наслажденіе. Богатые, свободные отъ гнетущей мысли о защитѣ своего тѣла отъ голодной и холодной смерти, сытые и совершенно обезпеченные развращаются съ молоду безо всякой извинительной причины; жены также не отстаютъ отъ мужей своихъ. Строго говоря, даже и тутъ нельзя видѣть разврата, а простое слѣдствіе обезпеченной праздности, лишенной другихъ развлеченій. У пригородныхъ женщинъ замѣтна проституція, въ улусахъ-же о ней не можетъ быть и рѣчи.

Безсиліе мужчинъ при усиленной борьбѣ съ голодомъ и холодомъ, при раннемъ совокупленіи—понятно, но еще больше страдаютъ женщины отъ тѣхъ же причинъ, осложняющихся при отсутствіи гигіеническихъ мѣръ и тѣхъ пособій, которыя оказываются родильницамъ при неправильныхъ родахъ.

Изъ предъидущаго станетъ понятнымъ, что у якутскихъ женщинъ не можетъ быть побужденій къ искусственнымъ выкидышамъ, или къ умерщвленію дѣтей, прижитыхъ внѣ брака. Въ статьѣ: «Участь бѣдныхъ дѣтей Якутской области» (Извѣстія В.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ. 1884) авторъ говоритъ: «До начала нынѣшняго столѣтія, какъ гласитъ народная молва, бѣднякъ-Якутъ, не имѣя чѣмъ прокормить своего многочисленнаго семейства, избавлялся отъ новорожденныхъ, вѣшая ихъ на деревья въ берестяномъ турсукѣ (корзинкѣ), обшитомъ оленьей шкуркой; такой поступокъ не преслѣдовался и не осуждался сородичами бѣдняка, ибо разсматривался какъ вызванный суровою необходимостію.

Около того-же времени Русскіе стали пріобрѣтать якутскихъ дѣтей за долги; такъ относительно одного крестьянина говорятъ, что у него изъ взятыхъ такимъ образомъ дѣтей образовалась цѣлая дворня. Цѣна дѣтей достигала 90—100 руб. асс. Въ послѣдствіи обыкновеніе покидать дѣтей стало преслѣдоваться администраціей, и дѣти беднѣйшихъ родителей кормились на счетъ цѣлаго наслега; они должны были переходить для пропитанія изъ одной юрты въ другую, оставаясь у богатаго три ночи, у зажиточнаго двѣ, а у бѣдняка одну ночь; такія дѣти стали носить особое названіе — кумоланъ. Съ недавняго времени изъ такихъ дѣтей нѣкоторые Якуты стали покупать дѣвочекъ и бо́льшую часть направляли въ Олекминскій округъ. Обыкновенно торговецъ даетъ за дѣвочку-подростка 30 или 40 рублей родителямъ, а потомъ перепродаетъ въ другія руки съ барышемъ; напр. октемскій Якутъ Василій Трапезниковъ купилъ у своего сородича Петра Лиханова дочь Анну 15 лѣтъ за 30 р. и продалъ ее въ Олекмѣ за 60 р., а новый хозяинъ перепродалъ

шеній въ самомъ существѣ ихъ при отсутствіи какихъ-либо нравственныхъ убѣжденій, понятія о совѣсти, стыдѣ, или страха наказанія здѣсь или въ загробной жизни.

Для улучшенія быта духовенства съ одной стороны, а съ другой въ огражденіе инородцевъ отъ излишнихъ поборовъ со стороны духовенства хотя и установленъ такъ называемый ружный сборъ, но мѣстное духовенство, взимая за требы по своему произволу, отягощаетъ населеніе, требуя для своихъ разъѣздовъ неограниченное число безплатныхъ подводъ. Рѣдкій священникъ обвѣнчаетъ, не истребовавъ впередъ 5—50 рублей, требуя въ придачу скота, водки, пушнины. Въ гор. Якутскѣ извѣстенъ одинъ престарѣлыхъ лѣтъ протоіерей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, который при похоронахъ Якута прикладываетъ ухо къ крышкѣ забитаго гроба и затѣмъ объявляетъ родственникамъ умершаго, что покойникъ приказываетъ выдать ему такой-то скотъ, тамъ-то находящійся. Другой священникъ, посвященный уже въ пожилыхъ годахъ изъ ямщиковъ, не иначе крестилъ якутскихъ дѣтей, какъ прерывая слова молитвъ при таинствѣ тѣми бранными словами, противъ которыхъ существуетъ извѣстное поученіе Василія Великаго. Свидѣтелемъ этихъ отвратительныхъ ругательствъ священника я бывалъ самъ не разъ, живя на квартирѣ въ его домѣ, но присутствіе посторонняго не смущало бывшаго ямщика. Кромѣ поѣздокъ самого священника ѣздятъ отдѣльно по приходу и дьячки его — за сборомъ новины, т. е. по времени года, за пушниной, за рыбой, масломъ; ѣздятъ кромѣ того и матушки-попадьи, на подводахъ, гостить по инородцамъ, сбирая что̀ можно и выпрашивая, что̀ увидятъ, развозя кромѣ того съ собой спиртъ, которымъ беззастѣнчиво прибыльно торгуютъ. При такихъ условіяхъ трудно ожидать добраго вліянія духовенства на нравственность инородцевъ; напротивъ — всѣ способы къ быстрому и безвозвратному развращенію.

Обычаи при беременности, родахъ и безплодіи.

Для беременныхъ женщинъ установленъ особый кодексъ, регулирующій ихъ поведеніе въ этотъ періодъ. Всѣмъ ограниченіямъ и правиламъ вмѣстѣ съ беременной женой подчиняется и ея мужъ; такъ, напр., у сѣверныхъ Якутовъ: если по берегу ходятъ дикіе олени, то строго воспрещается беременной выходить изъ юрты или смотрѣть въ ту сторону; также воспрещается ей переплывать протоку или переходить черезъ дорогу, по которой олени направляются: въ противномъ случаѣ олени уходятъ и уже не возвращаются къ тому мѣсту. Беременная женщина и ея мужъ не должны ѣсть отъ убитаго оленя внутренностей, головы и ногъ, а мужъ, кромѣ того, не можетъ ходить

на промыслъ. Женщина считается нечистою во время извѣстныхъ періодовъ, а съ нею вмѣстѣ въ то же время и мужъ ея.

Если беременная женщина блѣдна въ лицѣ и чувствуетъ давленіе подъ ложечкой, то примѣчено, что нужно ожидать рожденія дочери; если же женщина въ лицѣ не мѣняется, а чувствуетъ давленіе внизу живота, то родившійся будетъ мальчикъ. Если мужъ или беременная его жена видятъ во снѣ серебряныя деньги, ножницы, наперстокъ, серьги и другія женскія украшенія и принадлежности—родится у нихъ дѣвочка; если же видятъ во снѣ икону, ножъ, огниво, топоръ, горбушу (косу̀) и подобное—родится мальчикъ.

Когда женщина ожидаетъ наступленія родовъ, собираются знакомые ея мужа и, садясь передъ каминомъ, подливаютъ въ огонь масло, желая умилостивить небеса, чтобъ Аигытъ—подательница благъ, уменьшила страданія матери и благосклонно приняла рождающееся дитя.

Обыкновенно Якутки рождаютъ безъ особенной помощи; иногда же приглашаютъ повивальную бабку, роль которой беретъ на себя любая Якутка, нисколько не смущаясь, что дѣло это ей нисколько не знакомо. Для родовъ устраиваютъ въ юртѣ особую трапецію на аршинъ отъ земли, на двухъ столбахъ: когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, она становится на колѣни, закинувъ руки на эту перекладину, а бабка растираетъ ей животъ теплымъ масломъ, сдавливая его къ низу.

При благополучномъ разрѣшеніи мужъ закалываетъ жеребенка двухъ или трехъ травъ сивой или желѣзной масти безъ пятенъ; жеребенка разрѣзываютъ на части, не разрубая костей, не употребляя топора.

Варятъ все мясо безъ исключенія, ничего не оставляя. Сваренное кладутъ въ разукрашенныя берестовыя посуды (туиса̀), кладутъ все, даже и кости. На передней постели (биллирикъ) стелютъ коверъ изъ бѣлыхъ конскихъ шкуръ, окаймленный въ четверть шириной черной конской-же шкурой. На этотъ коверъ ставятъ туиса̀ съ мясомъ и чашу (кыта̀хъ), вмѣщающую до 15 ф. топленаго коровьяго масла. Въ ожиданіи предстоящей ѣды, тѣ, которые будутъ въ ней участвовать, не ѣдятъ до трехъ дней.

Въ перекладину, на которую опиралась родильница, втыкаютъ желѣзный наконечникъ копья (охъ-оногосъ)—если рожденный былъ мальчикъ и ножницы (кыптый) — если родилась дѣвочка. При рожденіи мальчика отецъ дѣлаетъ маленькій лукъ со стрѣлой.

На третій день послѣ родовъ мужъ родильницы сзываетъ родственниковъ и почетныхъ частей и угощаетъ ихъ приготовленной кониной. Послѣ ѣды семеро изъ приглашенныхъ выходятъ изъ юрты, взявъ съ собой тальниковыя палочки, полъ-аршина длиной и толщиной въ палецъ, и строгаютъ ихъ; въ

это время отецъ строитъ въ юртѣ маленькую урасу, высотой въ аршинъ, ставитъ къ ней вырѣзанныхъ изъ дерева жеребца съ кобылицей и пустой горшокъ; семеро, строгавшіе тальникъ, увѣдомленные, что все въ юртѣ готово, входятъ, со своими стружками, положивъ ихъ въ горшокъ, снова выходятъ изъ юрты; бабка приглашаетъ присутствующихъ женщинъ сѣсть вокругъ урасы; садятся по старшинству; затѣмъ призываютъ съ улицы мальчика, который зажигаетъ стружки; какъ скоро покажется пламя, женщины распускаютъ волосы и мажутъ ихъ приготовленнымъ масломъ, мажутъ руки и лицо и кричатъ уруй (ура) съ громкимъ хохотомъ. Мальчикъ изъ приготовленнаго лука стрѣляетъ въ привязанную къ урасѣ кобылицу и, если попадаетъ, то вызываетъ восторженное уруй, повторяемое нѣсколько разъ. Затѣмъ бабка приглашаетъ войти въ юрту семерыхъ мущинъ, собираетъ кости жеребенка, обертываетъ ихъ берестой и вѣшаетъ на сукъ лиственницы, а лукъ, стрѣлы и прутья отъ урасы вѣшаютъ на кудрявую березу. Коверъ и чашу съ оставшимся масломъ беретъ въ свою пользу бабка, которая произноситъ слѣдующее привѣтствіе: «Эехсыты кытта эсиль бат-чага кёрсёхъ учигяй-дикъ, далбарай дайда кёрягяй кёт-тя», т. е. съ благимъ ангеломъ (поздравляю)! на будущій годъ въ это время счастливо встрѣтиться и также благополучно помочь разрѣшенію.

Вскорѣ послѣ родовъ совершается обрядъ провожанія добраго духа Ангыть, помогавшаго въ благополучномъ разрѣшеніи. Подруги родильницы сбираются въ ея юрту, съ распущенными волосами становятся вокругъ у ярко пылающаго камина на колѣни и, ударяя въ ладони, сначала медленно и тихо, а затѣмъ учащая и усиливая удары, начинаютъ громко хохотать, причитая просьбы богинѣ Ангыть (Aïhyt). Имъ подаютъ растопленное масло, и каждая съ хохотомъ подливаетъ его въ огонь въ жертву Анъ Дарханъ-Тоёну; при вспыхиваніи его хохотъ усиливается. Послѣдній доводитъ нервныхъ женщинъ до истерики, до обморока, и ихъ въ безпамятствѣ разносятъ по юртамъ. Въ Намскомъ улусѣ, Якутскаго Округа, собравшіяся женщины мажутъ себѣ масломъ лицо и усерднѣе изъ нихъ безплодныя, съ цѣлью получить плодородіе. Описанный обрядъ Ангыты (Aïhyty) атараръ совершается Якутами въ увѣренности, что женщина не будетъ обречена духами на дальнѣйшее безплодіе, а рожденный ребенокъ будетъ долговѣченъ.

Со смертью ребенка Якуты вырѣзаютъ куклу изъ коровьей или лошадиной бабки, окутываютъ ее, смотря по состоянію, шкуркой дорогого звѣря и украшаютъ серебряными бляхами. Передъ этой куклой ставятъ лучшіе куски пищи, перемѣняя ее ежедневно. Въ куклу эту вселяется духъ умершаго, и духу этому нужно угождать, иначе разсердившись онъ можетъ причинить много вреда оставшимся въ живыхъ родственникамъ, можетъ наслать даже падучую болѣзнь. Чтобы болѣе обезпечить себя отъ гнѣва такихъ духовъ,

куклу, въ которую по времени уже долженъ былъ поселиться духъ, задѣлываютъ въ дупло дерева и уже заключенному, такимъ образомъ, духу приносятъ въ жертву скотину.

Чтобы ребенокъ жилъ долговѣчнѣе, передъ тѣмъ какъ положить его въ колыбель, въ ней качаютъ щенка, а на дно колыбели кладутъ на крестъ ножикъ и ножницы, причемъ другой ребенокъ произноситъ: «ладно, согласенъ». При омовеніи новорожденнаго не употребляютъ никакихъ обрядовъ, но пупокъ обрѣзываютъ вмѣстѣ съ сѣномъ, со словами: оту быса быны—траву рѣжу. Смѣхъ и плачъ ребенка во снѣ объясняется мученьями, причиняемыми ему злымъ духомъ.

Когда у кого въ семьѣ не живутъ дѣти, то родившагося отдаютъ на воспитаніе въ другую семью, болѣе счастливую, или совершаютъ обрядъ сити быг(h)оръ, т. е. приглашаютъ шамана или шаманку, протягиваютъ черезъ юрту въ разныхъ направленіяхъ волосяную тонкую веревку, къ ней прикрѣпляютъ берестяное солнце, луну и маленькую птичку; женщину одѣваютъ въ лучшее платье и сажаютъ на постель. Шаманка съ причитаньями обматываетъ вокругъ живота женщинѣ такую же веревку, заклинаетъ добраго духа ниспослать плодъ, а злого духа—не причинять смерти зародышу, причемъ шаманствующій быстро подходитъ къ женщинѣ и острымъ ножемъ разрѣзаетъ веревку и птица должна упасть на постель. Веревка, протянутая по юртѣ, съ солнцемъ и луною обозначаетъ много жизней; птичка—душу ребенка, имѣющаго родиться, а веревка вокругъ живота—козни злого духа. Разрѣзавъ веревку, шаманъ увѣряетъ, что разрушилъ тѣмъ цѣпи дьявола, а подрѣзавъ веревку, протянутую по юртѣ — выдѣлилъ изъ множества жизней предстоящую жизнь ребенка и упавшая на постель птичка означаетъ, что дитя будетъ жить въ семьѣ. Птичку эту завертываютъ въ заячью шкурку и кладутъ въ заранѣе приготовленное гнѣздо. Затѣмъ, когда ребенокъ родится, примѣчаютъ, что когда ребенокъ здоровъ, и птичка въ гнѣздѣ остается въ покоѣ; поворотится птичка, и ребенокъ боленъ; умираетъ ребенокъ,—и птичка лежитъ въ своемъ гнѣздышкѣ брюшкомъ къ верху. Якуты безусловно вѣрятъ въ силу обряда сити—быг(h)оръ и въ доказательство приводятъ наблюдаемые ими факты.

Также въ семействахъ, въ которыхъ мрутъ дѣти, иногда даютъ новорожденному какое нибудь несоотвѣтствующее его полу прозваніе, съ цѣлью обмануть злаго духа, напримѣръ мальчику—кусачанъ-кысъ—худая дѣвка.

Для предотвращенія безплодія совершается также особый обрядъ: приглашаютъ шамана, который отвозитъ безплодную женщину въ лѣсъ, выбираетъ дерево съ вѣтвями только на верхушкѣ—орукъ-масъ, подъ нимъ растилаетъ бѣлую конскую кожу—асъ-тяллахъ и, посадивъ на нее женщину, заклинаетъ духовъ, танцуя вокругъ дерева. По увѣренію шамана, къ нему спу-

скаются небесные духи и ведутъ съ нимъ бесѣду, причемъ соглашаются на его просьбу дать просительницѣ ребенка; тихій вѣтерокъ дуетъ въ темя женщины, отчего и происходитъ самое зарожденіе. Родившееся такимъ образомъ дитя носитъ названіе орукъ-оготò, т. е. сынъ воздуха, причемъ народная молва утверждаетъ, что такое дитя обыкновенно имѣетъ неровную походку и качаетъ головой. На такой обрядъ обыкновенно сбираются всѣ подруги безплодной, и имъ предлагается обильное угощеніе.

Если у кого умираютъ дѣти, то женщина, почувствовавъ беременность, отправляется въ сопровожденіи подругъ въ лѣсъ, располагаются подъ деревомъ, вѣтви котораго образуютъ навѣсъ, разстилаютъ шкуры, разставляютъ лучшія кушанья и ѣдятъ ихъ съ весельемъ и хохотомъ. Если сверху спустится червякъ на паутинѣ, то беременная должна его съѣсть. Рожденный ребенокъ будетъ жить до старости, но въ ненастье и при сильномъ вѣтрѣ бываетъ безпокоенъ.

Съ появленіемъ на свѣтъ ребенка, его встрѣчаетъ разомъ масса невзгодъ, съ которыми природа его не въ состояніи бороться, а помощи ему родители оказать не могутъ, какъ по незнанію, такъ и по неизбѣжности; крикъ ребенка очень часто объясняется голодомъ: мать, сама питаясь скудно и неудобоваримой пищей, не въ состояніи удѣлить потребное количество молока, и кормитъ ребенка соской изъ неудобоваримыхъ веществъ; и безъ того неспособный къ перевариванію даже материнскаго молока, дѣтскій желудокъ твердѣетъ и послѣ недолгой борьбы только увеличиваетъ громадное число дѣтскихъ смертей. Единственная въ области аптека при больницѣ въ Якутскѣ, не обязанная отпускать лекарства болѣющимъ внѣ этой больницы, не имѣетъ часто даже такого простого средства, какъ касторовое масло, и въ 1884 г., во время осенней эпидеміи, смертность увеличилась, по неимѣнію въ городѣ разрѣшающихъ желудокъ пособій.

Остается удивляться, какъ вѣчно бродячія Тунгуски и жены Чукочъ, разрѣшившись отъ бремени среди пурги и въ трескучій морозъ, омываютъ ребенка снѣгомъ и, давъ ему соску изъ черкасскаго табаку, немедленно садятся на оленя и перекочевываютъ на новыя мѣста, болѣе богатыя мохомъ, единственнымъ кормомъ оленей, ихъ кормильцевъ и поильцевъ. Среди сѣверныхъ инородцевъ не рѣдкость встрѣтить дѣтей пятилѣтняго возраста, продолжающихъ питаться грудью матери, въ виду того, что желудокъ ихъ не можетъ переваривать рыбы, безъ соли и хлѣба. Немногіе счастливые родители могутъ предоставить своимъ дѣтямъ коровье и оленье молоко: сѣвернѣе Верхоянска жители не имѣютъ коровъ, а оленей имѣютъ только немногіе изъ зажиточныхъ, которые сберегаютъ молоко, въ замороженномъ видѣ, до предстоящаго лѣта. Сѣвернѣе Верхоянска, въ особенности по Охотскому тракту, очень часто встрѣ-

чаются дѣти совершенно голыя, но за поясомъ ихъ виситъ трубка съ кисетомъ, и, вѣроятно, куреніе позволяетъ ребенку, какъ и взрослому, забывать мучающій ихъ голодъ. На сколько родители имѣютъ понятіе о томъ пособіи, въ которомъ нуждаются ихъ больныя дѣти, доказываетъ фактъ, бывшій въ г. Якутскѣ въ зиму 1884 г., что родители, думая облегчить страданія своего ребенка, метавшагося въ сильномъ жару, держали его надъ отвореннымъ подпольемъ. Послѣдствія такой помощи были печальны и крайне для родителей неожиданны.

Болѣзни и мѣстныя средства лѣченія.

Изъ болѣзней, встрѣчающихся преимущественно между сѣверными инородцами, слѣдуетъ упомянуть во 1) цынгу. Д-ръ Мед. Бунге, бывшій нѣсколько лѣтъ въ Якутской области, въ качествѣ члена Усть-Ленской и начальника экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова, высказывалъ мнѣніе, что люди болѣе южнаго климата, жившіе ранѣе мускульнымъ трудомъ, въ особенности тѣмъ, который вызываетъ при работѣ сильное выдѣленіе пота, трудно переносятъ сѣверный климатъ, такъ какъ при сильныхъ морозахъ, не имѣя случая потѣть, бываютъ склонны къ заболѣванію цынгой. Всякій другой, человѣкъ не физическаго труда, ведя ранѣе въ болѣе тепломъ климатѣ мало подвижную, комнатную жизнь, не пріучившій свое тѣло къ усиленному выдѣленію пота, остается и на сѣверѣ въ тѣмъ же условіяхъ и, не потѣя, не несетъ ущерба и тѣмъ избѣгаетъ цынги. Средствомъ противъ цынги служатъ куреніе черкасскаго табаку, закладываніе его за щеку,—дикій лукъ,—черемша [1]), употребляемая въ заквашенномъ видѣ, какъ квасится капуста, и главное—усиленное движеніе при ограниченномъ снѣ. Syphilis—иногда въ очень застарѣлыхъ формахъ—ostitis, periostitis, т. е. воспаленіе кожи вокругъ кости и самой кости. При этой болѣзни Якуты употребляютъ сулему, но въ какихъ дозахъ, дознаться трудно, такъ какъ держится знахарями въ секретѣ; но во всякомъ случаѣ нужно думать, что въ большихъ, такъ какъ очевидцы удостовѣряютъ, что бывали случаи отравленія отъ этихъ пріемовъ. Сулему принимаютъ въ тѣстѣ, и послѣ пріема разноситъ щеки больного. Сулемой же лѣчатъ чирій-огневикъ, головную боль; въ этихъ случаяхъ употребленіе лѣкарства бываетъ наружное. Сулема и сассапарель считаются Якутами лѣкарствами—по преимуществу. Больные дурной болѣзнью—кусаганъ-юэрѣ—всегда скрываютъ свое состояніе отъ стыда до послѣдней возможности; живя же тѣсно, куря изъ одной трубки, питаясь изъ одной посуды,

---

[1]) Не Allium ursinum, а другой видъ полеваго лука,—foliis fistulosis, растущаго въ изобиліи на островахъ р. Лены; морошка — и какъ противоцинготное средство и какъ мочегонное.

имѣя полное общеніе съ окружающими, усиленно распространяютъ эту заразительную болѣзнь. Якуты очень боятся этой болѣзни и, когда больные начинаютъ заживо гнить, то здоровые удаляютъ ихъ въ особыя юрты, или же оставляютъ ихъ въ тѣхъ же юртахъ, а сами перекочевываютъ въ другія мѣста; такъ на о-вѣ Сагастырѣ видны были въ 1882 году остатки брошенныхъ юртъ, откуда населеніе перешло на о-въ Кытахъ, черезъ протоку. Favus— желтый лишай, плѣшивость; Neuralgia, Rheumatismus acutus, Catarrhus resicae (пузыря); Leucarrheo urinairaea, Catarrhus gastricus—отъ непривычной пищи, объѣденія.

Conjunctivitis—воспаленіе слизистыхъ оболочекъ глазъ очень распространенная болѣзнь и лѣчится растворомъ купороса. Долгая зимняя трехмѣсячная ночь, при вѣчно пылающемъ каминѣ, разстилающійся въ низкой и сырой юртѣ дымъ при сильныхъ пургахъ—первыя причины слезотеченія и нагноенія въ глазахъ. Приглашенный знахарь—отосутъ—отводитъ больного въ уголъ, пристально смотритъ въ глаза больного и вдругъ вскрикиваетъ; если больной вздрогнетъ—есть надежда на выздоровленіе, такъ какъ злой духъ, сидѣвшій въ больномъ, тоже испугавшись, оставитъ его. Тотъ же пріемъ употребляется при лѣченіи ячменя на глазу. Coxitis—воспаленіе бедренныхъ костей—хромота. Atherom—а кашечная шишка на тѣлѣ. Chorea imitatoria — миряченье. Накожныя сыпи лѣчатъ огнемъ, или прокладывая зажженый трутъ, или посыпая на больное мѣсто искрами огнива. При боли въ головѣ, рукахъ или ногахъ пускаютъ кровь особымъ топорикомъ, въ видѣ ланцета, въ томъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется боль. Для подобныхъ операцій приглашаются особые знахари. Опухоли смазываютъ медвѣжьею желчью, растворенной въ теплой водѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ на опухоли ставятъ такъ называемое тёнь, т. е. на мѣсто сильнѣйшей боли кладутъ въ 1/2 дюйма высоты кусочекъ трута, который и зажигаютъ: образуется волдырь — черезъ него-то болѣзнь и выходитъ наружу. Между Якутами встрѣчаются искусные костоправы. Противъ гонореи, а также дурной болѣзни, пьютъ въ теплой водѣ порошокъ, соскобленный съ моржеваго зуба, отваръ перелойной травы—Parnassia palustris L. Противъ гонореи принимаютъ въ водѣ порошки сушенаго penis медвѣдя. При лихорадкѣ — порошки, наскобленные съ черепа человѣка. Какъ мочегонное — морошка, отваръ можжевельника, ягодъ толкуши, отваръ листьевъ шиповника. Чтобъ утолить зубную боль, надо держать въ зубахъ клювъ дятла. Отъ порѣзовъ — эрбяг (h) инь — аптекарская кашка (Achillea millefolium L.).

Отъ боли въ животѣ, отъ заваловъ, тошноты и поноса пьютъ настой на водкѣ травы ыттылà (собачій языкъ), растущей на поляхъ въ іюлѣ и августѣ; вкусъ травы горькій. Отъ давленій въ животѣ пьютъ настой корней

ымыя (Sangi sorba alpina Bunge) — черноголовника, растущаго на поляхъ въ іюлѣ и августѣ. Отъ ранъ и порѣзовъ употребляется попутникъ—Plantago major, растущій въ іюлѣ и августѣ. Какъ лѣкарства употребляются еще: Бѣлоголовникъ—Spiraa ulmaria—растетъ по берегамъ Лены, въ видѣ настоя, Actaea spicata (Crytrocarpa var. B.), съ плодами краснаго цвѣта, собранными въ грозди. Якуты называютъ ихъ красный воронецъ; по ихъ словамъ встрѣчается и бѣлый воронецъ—(Actaea spicata).

Порѣзы, вывихи и другія простѣйшія болѣзни, происходящія отъ видимыхъ причинъ, лѣчатся особыми знахарями посредствомъ различныхъ снадобій. Болѣе сложныя болѣзни, происходящія подъ вліяніемъ злыхъ духовъ, которые мучатъ больного, какъ неподдающіяся этимъ простымъ средствамъ, излѣчиваются шаманами посредствомъ мистерій.

Докторъ Проскуряковъ, въ прекрасной статьѣ своей «О Средне-Вилюйскомъ улусѣ Вилюйскаго округа и о господствующихъ въ немъ болѣзняхъ», помѣщенной въ Этнографическомъ сборникѣ, изд. Имп. Р. Геогр. Общ. вып. VI, С.-Петербургъ, 1864 г., свидѣтельствуетъ: «Озеръ здѣсь особенно много; почти на каждыхъ пяти верстахъ можно встрѣтить два, три, и болѣе озера; между ними есть огромныя, напр. такъ наз. Нешели, простирающееся въ длину на 70 и въ ширину на 20 верстъ. Всѣ озера большею частію илистыя или покрытыя травой. Понятно, что и качество воды въ нихъ существенно измѣняется. Такъ есть озера, отъ которыхъ постоянно не только лѣтомъ, но даже и въ теченіи зимы бываетъ гнилой запахъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого множества воды и такого качества—то, что и самый воздухъ портится, наполняется болотистыми вредными газами и дѣлается неспособнымъ для настоящаго окисленія крови. Ближайшимъ же и вѣрнѣйшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ Средне-Вилюйскомъ улусѣ почти повсемѣстно господствуетъ болѣзнь, извѣстная подъ именемъ проказы—Lepra, которая не есть-ли скорбутъ въ соединеніи съ другими худосочіями, каковы: лишайное, золотушное, ревматическое, отчасти венерическое и другія?... Здѣсь, изъ 14 наслеговъ нѣтъ почти ни одного, въ которомъ бы не было больныхъ, одержимыхъ этою болѣзнію, главное свойство которой и заключается именно въ дурномъ качествѣ крови и въ незначительной степени ея окисленія.... Кромѣ упомянутой формы болѣзни, сколько здѣсь встрѣчается другихъ неизвѣстныхъ Правительству!» — «Я самъ, продолжаетъ д-ръ Проскуряковъ, былъ очевидцемъ подобныхъ примѣровъ: проѣзжая къ мѣсту своего назначенія, я встрѣтилъ въ одномъ наслегѣ въ домѣ старосты трехъ больныхъ—одну женщину и двухъ дѣвушекъ. У одной болѣзнь продолжалась уже другой мѣсяцъ и достигла высшаго развитія, какъ я замѣтилъ: это было безпамятство, постоянный бредъ, совершенная глухота, и, не смотря на все это, больная оста-

валась безъ всякаго пособія. Такое невниманіе къ больнымъ исключительно происходитъ оттого, что инородцы гораздо скорѣе прибѣгаютъ къ помощи шамана, чѣмъ врача»... Кромѣ того д-ръ Проскуряковъ, указывая на способъ постройки якутскихъ жилищъ съ ихъ каминами, нищенскую одежду изъ плохо выдѣланныхъ шкуръ, неопрятность, зловоніе отъ скота, постоянно ѣдкій дымъ, сырость, переходъ изъ натопленной юрты на рѣзкій холодъ, не только не питательный, но даже вредный выборъ пищи, заключаетъ, что все это имѣетъ конечно не маловажное вліяніе на ихъ здоровье, а потому неудивительно, что едва родившійся ребенокъ носитъ уже въ себѣ зачатки всѣхъ болѣзней.

Вслѣдъ за мнѣніемъ ученаго врача умѣстно будетъ привести сужденія природнаго Якута Инкокентія Степанова Говорова, письмоводителя Борогонской инородной управы, дѣдъ котораго Михаилъ Семеновъ Говоровъ, бывшій засѣдателемъ степной думы и головой Борогонскаго улуса, которому въ 1884 г. было отъ роду 89 лѣтъ,—большой знатокъ якутской старины.

Молодой Говоровъ сообщилъ мнѣ: Якуты вѣрятъ, что шаманы при мистеріяхъ исцѣляютъ страдающихъ острыми болѣзнями, общее названіе которыхъ — т а р ы м м а̀, что̀ значитъ въ переводѣ посѣщеніе, и случаи исцѣленій такихъ болѣзней объясняютъ магнитической силой шамана и вѣрой больного въ эту силу; при чемъ утверждаютъ, что большое вліяніе на больного имѣетъ обстановка мистерій: ночь, мерцаніе камелька, шумъ бубна, глухое завыванье шамана и утомленіе больного отъ продолжительности мистеріи.

Болѣе распространенною изъ цѣлаго ряда болѣзней этого рода является м я н я р і я—нервное разстройство, происходящее отъ душевныхъ потрясеній и органическаго недомоганія. Несчастное замужество, часто по принужденію, потеря близкихъ любимыхъ родственниковъ, неправильные роды и маточныя страданія—начало этой болѣзни. Припадки мяняріи бываютъ періодически: у однихъ еженедѣльно, съ другими рѣже, а съ третьими даже разъ въ годъ; больные дѣлаются безпокойными, обыкновенно вялая физіономія ихъ выражаетъ энергію, движенія становятся рѣшительными, глаза горятъ и сила мускуловъ сверхъестественная—въ противоположность состоянію шамана во время мистерій, у котораго лицо бываетъ блѣдно, неподвижно, глаза напряжены куда-то въ пространство, какъ-бы въ созерцаніи чего-то, ему одному откровеннаго. У молодыхъ припадки повторяются чаще и изступленіе бываетъ напряженнѣе и продолжительнѣе и чаще весной и лѣтомъ, нежели зимой. Происхожденіе мяняріи объясняется преданіемъ о знаменитомъ Ю ё р ѣ Б а х с ы-Т о ё н о. Въ очень древнее время въ Якутскомъ округѣ, Мечинскаго улуса, Бахсинскаго наслега жилъ богатый К и н я с ь Д я л л я г я й; онъ велъ большое скотоводство и одного коннаго скота у него было 9 жеребцовъ (каждый жеребецъ водитъ свой табунъ).

Вздумалъ Дяллягай отнять у сосѣдняго Курбусатскаго наслега покосное мѣсто (оласъ) подъ названіемъ Имиряттяи для того послалъ своихъ людей выкосить тамъ сѣно и камышъ (осоку); Курбусатскіе Якуты на такое своеволіе принесли жалобу по начальству, но Дяллягай, не обращая на это вниманія, продолжалъ сгребать скошенное. Обиженный, не могши сопротивляться насилію, обратился къ могилѣ своего дѣда, шамана Мундулàхъ удукўй и, постукивая въ его гробъ (корчàхъ), просилъ себѣ защиты противъ обидчика. Поднялся вихрь и разметалъ все собранное сѣно по озеру, а затѣмъ повалилъ самого Дяллягая и вертѣлъ его до такой степени, что изорвалъ на немъ рысью шубу; съ того времени Дяллягай сталъ болѣть, впадая по временамъ въ изступленіе и бѣшенство. И такъ страдалъ онъ 9 лѣтъ. Послѣ его смерти горный духъ, похитивъ его душу (кутъ), сдѣлался знаменитымъ и грознымъ Юѣр'емъ Бахсы-Тоёно. Нѣтъ мѣста, куда бы не пробрался этотъ Юёрь, и нѣтъ болѣзни, въ причиненіи которой онъ не былъ бы виновникомъ. Горный духъ этотъ живетъ на мѣстѣ, называемомъ ильбистяхъ; тамъ два высокихъ холма, и, когда кто въ окружности умираетъ, на одномъ изъ нихъ образуется провалъ.»

То, что я называю Юёрь, Слѣпцовъ въ своей статьѣ «О вѣрованіяхъ Якутовъ Як. области» (Извѣстія Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общ. т. XVII №№ 1, 2, ст. 131), называетъ Ерь. и говоритъ: «Болѣзнь наступаетъ отъ тяжкихъ болѣзней различныхъ видовъ; такъ похищенная дьяволомъ душа и заключенная временно въ темницу выпускается на волю, въ небесное пространство, до новаго воплощенія, а буде умершій или умершая до настоящаго крайняго возраста пользовались въ обществѣ и семействѣ своемъ почетомъ, тогда злой духъ, похитившій душу его, воплощается въ него (въ духъ) и блуждаетъ по землѣ, называясь Ерь и причиняетъ такія-же тяжкія болѣзни, отъ какихъ умерло то лицо. Изъ этого видно, насколько многочисленны должны быть эти Ери; въ старину, говорятъ, въ каждомъ семействѣ бывало по нѣсколько Ерь. Еря не любятъ и не уважаютъ, но нѣкоторыхъ въ особенности сильно страшатся; страхъ этотъ доходитъ иногда до степени обожанія, такъ, напр., въ Батурускомъ улусѣ цѣлый улусъ не могъ безъ страха произнести имя Сыгалабытъ (Ерь-Якутка), въ Мегинскомъ улусѣ имени Делля гай (бывшаго наслежнаго старосты) и почти во всей области—Чонакъ, крещеное имя которой Аграфена, съ ея сестрами. Дѣти не выносятъ приближенія къ нимъ злаго духа—душа ихъ улетаетъ на небо въ видѣ птички и тамъ, по повелѣнію Бога, должна снова воплотиться». Объ Аграфенѣ я буду имѣть случай говорить особо, сообщая о своемъ плаваніи къ устью р. Лены.

Ин. Сем. Говоровъ передавалъ, что случаи мяняріи, или посѣщенія человѣка злымъ духомъ Юёремъ бываютъ и притворные; такъ женщина, отданная

въ замужество за немилаго, не выдерживаетъ накопившейся въ ней горечи, злобы на свое безсиліе, на своего мужа, а такъ какъ все случившееся во время припадка почитается невмѣняемымъ и ей въ осужденіе не ставится, то несчастная пользуется этимъ и подъ маской потери сознанія выражаетъ свое горе и любовь къ постороннему, который конечно здѣсь присутствуетъ; послѣдній, по обычаю, если онъ хорошо принятъ въ семьѣ, долженъ вмѣстѣ съ родственниками принять участіе въ успокоеніи больной, ухаживать за ней. Говоровъ былъ лично свидѣтелемъ случая мяняріи. Ему пришлось посѣтить своего знакомаго Якута, одного съ нимъ улуса. Женѣ хозяина было на видъ лѣтъ 30, она казалась здоровою и дѣти ея были крѣпки. Вечеромъ хозяйкѣ сдѣлалось дурно, она впала въ обморокъ; домашніе перепугались, попрятали все острое: ножи и топоры, и какъ-бы выжидали послѣдствій. Мужъ оставался спокойно сидѣть у камелька и убѣждалъ смутившихся не шумѣть и не безпокоить заболѣвшую. Спустя минутъ 10, больная начала метаться, кричать и пѣть звонкимъ пріятнымъ голосомъ. Она сбросила съ своей головы платокъ, распустила волосы, что̀ при мужчинахъ, въ особенности постороннихъ, считается предосудительнымъ, и, мотая головой, пѣла, что въ нее вошелъ юёрь Дяллягяй Бахсы-Тоёно; подражая говору юёря, по преданію заики, она описывала свои любимыя и нелюбимыя мѣста, знакомыхъ; пѣла про мѣста, гдѣ родился и умеръ юёрь; отъ имени его пророчила свою судьбу и сосѣдей; предсказывала несчастія и болѣзни, назначая срокъ наступленія ихъ; кусала руки свои до крови, бросалась въ огонь, искала чего-нибудь остраго, чтобъ зарѣзаться, и наконецъ потребовала себѣ, отъ имени присутствующаго въ ней духа, водки, масла и дыму отъ конскихъ волосъ. Въ огонь плеснули водки, бросили масла со словами: тоёнъ-эся, ылъ бесь тарбахъ беримнитя: ахтахъ— арыгыны, арагасъ-арыны! т. е. почтенный дѣдъ, прими даръ пяти пальцевъ: крѣпкаго напитка и желтаго масла, а ей поднесли дымящіеся волосы конской гривы; вдохнувъ горячаго дыма, больная упала въ обморокъ. Очнувшись, она снова впала въ припадокъ, причитая, что её посѣтилъ другой юёрь; второй припадокъ былъ короче перваго и закончился требованіями масла, водки и веревки; когда ей подбросили веревку, она крѣпко обвила ею свою шею и снова впала въ безчувствіе. Такъ припадки, смѣняясь обмороками до десяти разъ, длились въ сложности часовъ шесть. На утро она встала здоровой, безъ признаковъ утомленія.

Страданія мяняріей у различныхъ лицъ отличаются числомъ повторяющихся одинъ за другимъ припадковъ, продолжительностію каждаго изъ нихъ и большей или меньшей силой возбужденія. Замѣчено, что страдающіе этой болѣзнью, живя въ различныхъ мѣстностяхъ и, повидимому, не имѣя между собой сношенія или знакомства, во время посѣщенія ихъ извѣстнымъ юёремъ

поютъ одинаковыя причитанья, съ особымъ, соотвѣтствующимъ каждому юёрю, мотивомъ. Называли лицъ, которыхъ часто посѣщаютъ юёри, но они провожаютъ ихъ, не отрываясь отъ своего обычнаго домашняго дѣла.

Женщинъ, страдающихъ этой болѣзнью, вообще много, больше чѣмъ мужчинъ; бываетъ, что женщины собираются въ лѣтникъ со всей околицы, и одна изъ нихъ, впавъ въ припадокъ, начинаетъ пѣть, а другія ей вторятъ совершенно согласно, такъ что цѣлый околодокъ тянетъ пѣсни юёрямъ, одну за другой.

Когда заболѣваетъ кто скоропостижно и необъяснимой болѣзнью, то приглашаютъ стараго мянярика въ тѣхъ видахъ, что если больного посѣтилъ какой-нибудь юёрь, то старикъ, узнавъ юёря по причитаньямъ больного, опредѣлитъ, что̀ нужно принести ему въ жертву для освобожденія больного отъ страданій.

Непонятныя явленія природы: пурги съ ихъ завываніями, сѣверныя сіянія, блуждающіе огни, наконецъ страшныя сновидѣнія—пугаютъ воображеніе дѣтей дикой природы и заставляютъ ихъ вѣрить въ блужданіе цѣлыхъ легіоновъ духовъ среди ихъ человѣческаго общества и убѣждаться въ возможности сношенія съ ними чрезъ особо довѣренныхъ лицъ—шамановъ и мяняриковъ.

Якуты вѣрятъ въ переселеніе душъ, не только временное, но и постоянное, а потому при лучшихъ пожеланіяхъ говорятъ: «да переселится въ тебя духъ такого-то (знаменитаго) твоего пращура»!

Мнѣ кажется, что кромѣ высказаннаго Д-ромъ Проскуряковымъ мнѣнія и причинъ, которыя Якуты считаютъ располагающими къ заболѣванію мяняріей, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на поголовное почти страданіе въ Якутской области солитерами (Taenia medicanellata—среднеканальный цѣпень и Bothriocephalus latus — широкосуставчатая ленточная глиста). Употребленіе сырого мяса, дурно-просоленой, квашеной, вяленой, а чаще и совершенно сырой рыбы, отсутствіе зачастую ключевой и проточной воды для питья—условія, легко способствующія развитію различныхъ нервныхъ болѣзней: падучей, истерики, витовой пляски и пр. Суевѣріе, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ извѣстныхъ стереотипныхъ формахъ, укрѣпило и до сихъ поръ поддерживаетъ вѣру въ юёрей, установивъ для каждаго изъ нихъ своего рода каноны. Суевѣріе это, думаю, совершенно бы исчезло, еслибъ населеніе области располагало большимъ числомъ врачей, а наличные не отказывались бы отъ посильной помощи населенію, рекомендуя доступныя средства. Думаю, что врачи, излѣчивая Якутовъ отъ глистовъ, косвеннымъ образомъ очистили бы путь къ утвержденію болѣе здравыхъ понятій, съ которыми теперь такъ успѣшно конкурируютъ различные юёри на почвѣ непрогляднаго невѣжества.

Якуты вѣрятъ въ силу и могущество слова; доказательствомъ служитъ игра о т ъ - а т а х ъ. Берутъ нѣсколько сухихъ стеблей травы-мятлика, нарѣзываютъ ее палочками, сгибаютъ въ колѣнцы и подвѣшиваютъ на что нибудь; затѣмъ берутъ бѣлое перо куропатки и тонкую бересту; нагрѣвъ надъ огнемъ перо и бересту, потираютъ одно объ другое и быстро подносятъ къ былинкѣ съ словами: а л ъ у о т у н а н ъ а л ы э с т а т ы м ъ а р а г а с ъ т о с у н а м ъ а р ч и л а т ы м ъ, о т ъ а т а х ъ, т я п ь! т. е. огнемъ освѣтилъ, бѣлымъ перомъ подарилъ, соломенная ножка, лягайся! и соломенная ножка отскакиваетъ; скажутъ, чтобъ ножки былинки сдвинулись, и онѣ сдвигаются; отсюда и поговорка: онногоръ отъ аттахъ иччияхъ, т. е. даже и въ соломенной ножкѣ духъ сидитъ! Какъ же послѣ этого не вѣрить Якуту въ шамана, силу его дѣйствій и вліянія юёрей?!

Предупредительныя мѣры противъ повальныхъ болѣзней.

Чтобы перейти къ изложенію религіозныхъ вѣрованій Якутовъ, мнѣ остается сказать еще о мѣрахъ, принимаемыхъ Якутами противъ распространенія оспы и затѣмъ объ обычаяхъ при похоронахъ.

Въ предупрежденіе повальныхъ болѣзней Якуты новѣйшаго времени приняли обычай рисовать на окнахъ юрты и хлѣва кресты, обычай, усвоенный ими только съ нѣкоторой обрядной стороны, чтó нисколько не умаляетъ ихъ шаманскихъ обычаевъ. Эпидеміи наводятъ на Якутовъ паническій страхъ, и при развитіи оспы, кори, сифилиса и другихъ болѣзней здоровые инородцы иногда оставляютъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы, сами перекочевавъ отъ нихъ въ другія мѣста, подальше. Оставшись безъ всякаго ухода, больные разумѣется чаще всего умираютъ, а бывали случаи, что, оправившись, шли разыскивать свои семьи. Юрты, оставленныя съ больными, иногда на далекое разстояніе разносятъ гнилостный запахъ. Если же больные остаются среди своихъ, то не можетъ быть и рѣчи о діэтѣ больного или о какихъ нибудь предохранительныхъ мѣрахъ противъ зараженія здоровыхъ: пьютъ холодную воду въ горячечномъ состояніи, ѣдятъ сырую или проквашенную въ ямахъ, смердящую рыбу, спятъ рядомъ, раздѣваясь на ночь до гола. Только постоянно поддерживаемый въ каминѣ огонь спасаетъ отъ удушливости заражающей атмосферы, отъ скученнаго сожительства. Якутскіе инородцы не знаютъ бани, тѣла никогда не моютъ, бѣлье носятъ только нѣкоторые пригородные и вообще зажиточные, а одно и то же платье не снимается съ плечъ до износу, пока не истлѣетъ отъ поту; исключеніе, конечно, составляютъ зажиточные, которые все таки чистоплотнѣе, сравнительно.

По понятіямъ Якутовъ, эпидеміи суть злые духи, въ видѣ безобразной русской старухи, посылаемой разгнѣванными богами за грѣхи людей. Они не иначе называютъ оспу и корь, какъ матыской (матушкой) или бабуской. Для умилостивленія старухи-оспы нѣкоторые Якуты ставятъ на столѣ угощеніе, состоящее изъ аладьевъ, лепешекъ, масла и водки, вареной говядины и дичи. Старуха, невидимо переносящаяся съ мѣста на мѣсто, хотя и безъ плоти, но требуетъ пищи, и на перекресткахъ, въ пустой юртѣ, въ амбарахъ съ отворенной дверью ей ставятъ лодочку или санки (миніатюрныхъ размѣровъ); старуха, утомившись въ пути, наѣдается, напивается, засыпаетъ, а сани или лодка везутъ ее далѣе, въ сторону отъ жилищъ, для чего сани и лодка оборачиваются въ сторону противоположную отъ жилья. Въ Дюпсинскомъ улусѣ (Як. окр.) есть писарь, онъ же и староста своего наслега, зажиточный и вполнѣ грамотный и очень развитой; чтобъ не зашла къ нему непрошенная бабушка, онъ, по соглашенію съ своимъ обществомъ лѣтомъ 1883 года, когда была сильная оспа, очистилъ по дорогѣ къ нимъ изъ Якутска юрту, накололъ дровъ, навозилъ льду (для воды) и оставили юрту эту незапертою, приготовивъ ее для отдыха бабушки.

Случилась холодная погода, и моему знакомому пришлось укрыться въ этой юртѣ; воспользовавшись дровами и льдомъ, онъ, уѣзжая и желая поблагодарить хозяина юрты, оставилъ на столѣ чаю, сахару и кое-что изъ провизіи. Проѣзжая же черезъ нѣсколько дней обратно, онъ уже не нашелъ этой юрты: инородцы сожгли ее, въ полной увѣренности, что чай, сахаръ и прочее оставила имъ бабушка. Другой случай былъ съ тѣмъ же старостой и въ то же лѣто. Онъ у себя на дворѣ очистилъ амбаръ, поставилъ въ немъ столъ съ аладьями и водкой для оспы. Пріѣхалъ къ нему знакомый Русскій, пріѣзжій изъ Россіи, продрогшій и проголодавшійся; пока хозяинъ, встрѣтившій гостей во дворѣ, любезно распоряжался приготовленіемъ самовара для гостя, послѣдній, не желая безпокоить домашнихъ хозяина, зашелъ въ отворенный амбаръ и очень былъ радъ найти водку и свѣжія оладьи. Вернувшійся хозяинъ обомлѣлъ отъ ужаса, увидавъ гостя въ амбарѣ, приготовленномъ для оспы и безпощадно уничтожавшимъ приготовленное для бабушки, вполнѣ увѣренный, что злая старуха отомститъ за то, но, къ счастью, опасенія гостепріимнаго хозяина не оправдались, и онъ съ своими семейными здоровъ.

Тотъ же способъ отвлеченія бабушки отъ жилыхъ мѣстъ повторяется и иначе, съ небольшой варіаціей. Запрягаютъ маленькія, игрушечныя санки, вырѣзаютъ лодку, сажаютъ въ нихъ изображеніе старухи, снабжаютъ ее дорожными припасами, даютъ ей въ видѣ гостинцевъ на дальнюю дорогу разноцвѣтныхъ тряпочекъ и выносятъ на дорогу, въ утѣшеніе приговаривая: «по этой дорогѣ поѣзжай, матуска, тамъ найдешь себѣ новыя мѣста, богаче и лучше нашихъ».

Въ Намскомъ улусѣ (Як. Окр.) у богатаго Якута, во время оспы, угощеніе для бабушки было поставлено на кругломъ столѣ передъ образами; образа были тщательно завѣшаны, а угощеніе состояло изъ водки и трехъ куропатокъ, подпертыхъ на палочкахъ, въ видѣ треножника.

Инородцы откровенно признаются, что они боятся прививать присылаемую имъ оспенную матерію, потому что, по ихъ наблюденію, ее даже опасно прививать, во время эпидеміи въ особенности, такъ какъ бабушка мститъ привившему, схватывая его въ свои горячія объятія, въ которыхъ тотъ задыхается. Свѣжая лимфа, по мнѣнію инородцевъ, еще хуже: она заражаетъ кровь непосредственно, даже безъ участія злой воли старухи. Олекминскій исправникъ разсказывалъ мнѣ случаи, какъ одинъ фельдшеръ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, побывавшій въ Россіи и потому выдававшій себя на окраинѣ за врача, прививалъ оспу, приготовляя ее изъ разболтанной муки, за что съ каждаго паціента взималъ корову или быка. Если оспа, привитая ученымъ сородичемъ, не приносила желаемаго обезпеченія отъ заболѣваній, то Якуты еще болѣе убѣждались въ безсиліи человѣка бороться съ непонятнымъ и грознымъ явленіемъ, представляющимся имъ въ образѣ злой и безобразной русской бабуски.

Похороны.

Видѣть во снѣ вырытую яму или новую юрту значитъ быть въ семьѣ покойнику; видѣть разрушенный камелекъ—смерть хозяина или хозяйки юрты; видѣть во снѣ кровь—смерть близкаго родственника.

Если кто проснется отъ того, что его будто звали, тому долго и счастливо жить.

Если разговоръ идетъ про промыселъ и зачешется у кого икра ноги, будетъ удачный промыселъ; если же говорили въ то время про больного, ему умереть.

Со смертію крещенаго Якута, если случится по близости священникъ, покойнаго хоронятъ по обрядамъ церкви, но весьма часто умершаго хоронятъ безъ священника, который, проѣзжая по паствѣ, отпѣваетъ умершихъ на ихъ могилахъ, креститъ уже взрослыхъ дѣтей и въ то же время вѣнчаетъ ихъ родителей, вообще исполняетъ всѣ требы по обстоятельствамъ, давно перешедшимъ въ дѣйствительность. При отсутствіи священника Якуты безпрепятственно выполняютъ всѣ свои похоронные старинные обычаи: не привыкнувъ даже къ обрядамъ церкви, они по неволѣ смѣшиваютъ незабытыя шаманскія повѣрья съ христіанскими обрядами.

При похоронахъ Якуты закалываютъ любимую лошадь покойнаго, которую тутъ же съѣдаютъ; покойника одѣваютъ въ лучшія платья и, положивъ въ гробъ, закапываютъ въ землю. Въ старину покойниковъ въ землю не закапывали, а, положивъ трупъ въ деревянный ящикъ и въ долбленную колоду, ставили на дерево; позднѣе такъ продолжали хоронить только почетнѣйшихъ; подъ деревомъ закапывали живого коня. Преданіе говоритъ, что будто-бы при похоронахъ мужа закапывали и жену его, но Якуты совершенно отвергаютъ случаи закапыванія живыхъ людей при похоронахъ. Гробницу на деревѣ я видѣлъ лично въ Устьянскомъ улусѣ, близъ с. Казачьяго; вѣтрами и непогодой она была разрушена на столько, что крышка и часть боковыхъ досокъ лежали на землѣ; оставались только черепъ и желѣзныя украшенія отъ шаманскаго кушу̀ и бляхи отъ женской шапки, что и указывало на трупъ шаманки; остальныхъ костей не было; вѣроятно, онѣ были растасканы птицами и животными. Другую подобную же гробницу видѣли до послѣдняго времени въ Намскомъ улусѣ, верстахъ въ ста отъ г. Якутска. Въ главѣ о шаманствѣ я упоминаю, что въ гробъ покойника клали предметы его обыденной жизни и запасъ его любимой пищи, говорю также о вѣрованіяхъ Якутовъ въ загробную жизнь и въ мытарства души на землѣ въ первые дни послѣ смерти. Могилы на деревьяхъ наводятъ ужасъ на Якутовъ, они всѣми мѣрами стараются объѣхать ихъ; по поводу ихъ разсказываютъ различныя легенды о привидѣніяхъ.

Въ сороковыхъ годахъ производилось слѣдствіе о разграбленіи могилы. Показаніе обвиняемаго вкратцѣ состояло въ слѣдующемъ: «Умершій, могилу котораго я разрылъ, былъ мой прадѣдъ. Родные нерѣдко говаривали о его богатствѣ и пышности похоронъ. Самъ я бѣденъ, и часто задумывался, что, можетъ быть, со старикомъ похоронены драгоцѣнности. Въ крайнемъ случаѣ расчитывалъ на его теплую одежду: похороненный въ мерзлой землѣ покойникъ и его платье не должны были истлѣть. Покойный былъ мнѣ родня, а потому я былъ увѣренъ, что онъ не будетъ пугать меня; одежда пропала-бы даромъ, а я могъ ею воспользоваться; эта мысль долго преслѣдовала меня и наконецъ я рѣшился исполнить задуманное. Выбравъ темную ночь, я раскопалъ могилу, нашелъ срубъ; могила была глубока, какъ хоронятъ обыкновенно богатыхъ. Въ ногахъ гроба, въ срубѣ лежали: ножъ, ложка, мѣдный котелъ съ масломъ и кадушка съ вареннымъ конскимъ мясомъ; оно не казалось испорченнымъ, и я, голодный, поѣлъ того и другого. Мясо было дрябло и безсочно, но масло было положительно свѣжее и вкусное. Съ трудомъ отбивъ крышку гроба, я увидалъ трупъ дѣда; онъ былъ большаго роста, въ рысьемъ саныяхѣ (доха), лицо было закрыто рысьей шкуркой, которую я и взялъ. Трупъ былъ свѣжъ. Не найдя ничего кромѣ одежды, я всталъ въ ногахъ гроба и убла-

жалъ дѣда не сердиться на меня, жаловался ему на свою бѣдность, голодъ, и только послѣ этого я приблизился къ нему. Тутъ только замѣтилъ я на его указательномъ пальцѣ серебрянный перстень, который рѣшилъ снять. Обрадованный предстоящей добычей, я забылъ испросить на это разрѣшенія дѣдушки и приступилъ прямо къ дѣлу. Рука прадѣда была холодна; я сильно трусилъ, морозъ пробиралъ меня, колѣни тряслись; но, поборовъ страхъ, я сталъ снимать перстень, и лишь потянулъ я его за руку, какъ онъ сжалъ пальцы, и мои руки опустились. Взглянувъ на лицо старика, я ясно видѣлъ, что онъ смотритъ на меня и смотритъ сердито, даже что-то бормочетъ, чего я не могъ разобрать. Испугавшись, я вылѣзъ изъ могилы и не помню, какъ прибѣжалъ домой. На утро люди увидали разрытую могилу, донесли начальству; такъ я и не успѣлъ зарыть могилу и повторить свою попытку снять перстень».

Въ настоящее время рѣдко соблюдается старинный обычай, чтобы послѣ похоронъ члена семьи остальные покидали эту юрту и перекочевывали въ новую мѣстность; слѣды перехода въ новую юрту остались только въ толкованіяхъ сновидѣній. До сихъ поръ соблюдается обычай, чтобы сани, на которыхъ привозятъ покойника, лопата, которой роютъ могилу, и колыбель похороненнаго ребенка оставлять на могилѣ.

На устьѣ Лены мертваго кладутъ на лѣвый бокъ, головой къ сѣверу. Самыя гробницы здѣсь не одинаковы; такъ на о. Сагастырѣ, вслѣдствіе того, что земля подъ мохомъ вѣчно мерзлая и не оттаиваетъ, мертвыхъ клали въ выдолбленныя лодки, снабжая покойниковъ для загробной жизни веслами, деревяннымъ черпакомъ, которымъ вычерпываютъ воду, набравшуюся въ лодкѣ; клали и въ ящики, сколоченные изъ досокъ, принесенныхъ рѣкой съ верховьевъ, и ставили на высокіе козлы, въ защиту отъ песцовъ, медвѣдей и др. хищниковъ; на четырехъ углахъ ящика на палкахъ насаживались деревянныя птицы, подобныя тѣмъ, которыя употребляются при шаманствѣ (стерхъ-гагара). На другомъ островѣ, Кытахъ, чрезъ протоку отъ Сагастыря, расположено постоянное селеніе и устроено новое кладбище; жители, пріобрѣтая топоры, кайлы и прочее, получили уже возможность вырывать могилы до полутора аршинъ глубины, и надъ могилами стоятъ уже изящные и высокіе памятники изъ плавника.

Заговоривъ о кладбищахъ, остановлюсь еще на трехъ кладбищахъ по р. Ленѣ, о которыхъ сохранилось у меня воспоминаніе. Въ Жиганскѣ, когда-то славномъ городкѣ, теперь селеніи, въ которомъ проживаютъ на перечетъ шесть человѣкъ, при очень хорошенькой церкви, содержимой въ идеальномъ порядкѣ и чистотѣ, кладбище въ порядкѣ и въ томъ обыкновенномъ видѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть.

На югъ отъ Булуна, въ 390 верстахъ отъ него, на правомъ берегу Лены при впаденіи въ нее р. Натары, на высокомъ лѣсистомъ мысу, расположено старинное кладбище; сюда привозятъ хоронить изъ далекихъ окрестностей: гора высока, покойнику ближе къ небу и дальше отъ суетнаго міра. Тутъ же стоятъ двѣ рубленыя юрты: одна запертая на замокъ, съ запасами теплой зимней одежды, а другая, безъ двери, съ нартами, оленьими сѣдлами и прочей сбруей. Присвоеніе чужой собственности здѣсь если и случается, то только по отношенію пищи, въ которой всегда, круглый годъ, бываетъ недостатокъ. Третье кладбище—въ Булунѣ, селеніи верстахъ въ 300 отъ устья, на правомъ берегу Лены, на высокой крутой горѣ; по мѣстному обычаю, надъ могилами построены шестиугольныя кіоски съ настланнымъ внутри поломъ. Кладбище заросло густой травой, и хотя было только 3 августа, но растенія уже отживали, не желтѣя, а краснѣя.

Выпишу одну эпитафію съ могилы на Булуни, съ соблюденіемъ подлинной ороографіи на камнѣ:

«Покойся нѣжное дитя, твой кре-
покъ сонъ, отъ слезъ родительскихъ
не преврется онъ, въ объ ятияхъ Ма-
тери одна, какъ ангѣлъ милый
цвѣла Блистала разумомъ неполѣ-
тамъ, надежда счастіе намъ
Сулила, и Унесла ихъ къ небесамъ,
ты плакала о смерти супруга
своего ислезы скорби ускорили
смерть твою. Скоро скоро та же
Учесть Злая постигнетъ и меня.
прости Любезна дочь моя до
радостнаго дня всѣхъ дня, Здѣсь
покоится прахъ Коллежской Секре-
тарши Софіи Михайловны прото-
поповой поживши въ мирѣ и въ
Замужествѣ 4.. (?) года и 6 мѣсяцевъ во
вдовствѣ 2 года скончавшейся
въ 23 день Маія 1844 г. тезоимѣ-
нитство ея Бываетъ 1 сентяб.»

Права по наслѣдству.

Вчинаемыя весьма рѣдко дѣла о наслѣдствѣ большею частію кончаются судомъ своего общества. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ пишется духовное завѣщаніе и словесныя распоряженія умершаго, даже незакрѣпленныя свидѣтельскими удостовѣреніями, строго исполняются наслѣдниками при дѣлежѣ имущества. Обыкновенно умирающій, въ особенности изъ состоятельныхъ людей, призываетъ священника (если онъ по близости) и родственниковъ и имъ передаетъ свою послѣднюю волю. Вообще имущество дѣлится такъ, что если при жизни отца женится который изъ сыновей, то отецъ на свой счетъ беретъ всѣ свадебные расходы и уплату калыма, а послѣ женитьбы отецъ удѣляетъ ему извѣстное количество по усмотрѣнію. Такимъ выдѣломъ отдѣленныя дѣти всегда остаются довольны и рѣдко, чтобъ послѣ смерти отца заводили рѣчь о добавленіи ихъ наслѣдства. Послѣ смерти главы семейства, все имущество его остается младшимъ, еще не отдѣленнымъ, дѣтямъ и дѣлится ими между собой, какъ братьями, такъ и сестрами поровну, причемъ части сестеръ берутъ братья себѣ, за что обязываются содержать ихъ до замужества, сдѣлать имъ приданое за полученный отъ жениха при выходѣ замужъ калымъ. Хотя обязательство это вовсе не убыточно для братьевъ, тѣмъ не менѣе входитъ въ форму обязательства. Если родятся у такой сестры дѣти внѣ брака, то они признаются полноправными и наслѣдуютъ въ части имущества, принадлежащаго ихъ матери. Само собой разумѣется, если дѣло семейнаго раздѣла переносится въ судъ, то послѣдній рѣшаетъ дѣло по общимъ законамъ Имперіи.

Вдова, если о ней распорядился мужъ при жизни, остается жить при дѣтяхъ; ей рѣдко выдѣляютъ что нибудь въ собственность и она пользуется всѣмъ готовымъ въ хозяйствѣ своихъ дѣтей; съ выходомъ замужъ вторично, она не получаетъ ничего изъ имущества покойнаго мужа, унося съ собой самое необходимое. На сколько отецъ полновластный господинъ своихъ дѣтей и безапелляціонный судья ихъ дѣйствій, на столько мать безправное существо, не имѣющее почти никакого вліянія на дѣтей, въ особенности на взрослыхъ сыновей. Какъ любимая и нѣжная мать, она никогда не перестаетъ пользоваться внѣшнимъ почетомъ и всѣми признаками уваженія и дѣтской любви; тѣмъ не менѣе мать-вдова не повелѣваетъ дѣтьми; напротивъ, ей приходится подчиняться имъ, признавать въ лицѣ ихъ ту власть хозяина, которая перешла къ нимъ послѣ смерти ея мужа, а ихъ отца. Пока мать-вдова живетъ при дѣтяхъ, до тѣхъ поръ послѣднія являются по отношенію къ ней кормильцами и полными попечителями. Положеніе вдовы далеко безотраднѣе, если она бездѣтна; овдовѣвъ, она почти всегда бываетъ обобрана родственниками покойнаго. Въ видѣ особой милости, ей могутъ выдѣлить часть скота на прокор-

мленіе и, по мнѣнію общества, она даже не можетъ заявлять правъ на такую долю, а потому для нея выгоднѣе подчиниться добровольно своей участи, если не захочетъ искать своей законной части по суду. Старики пользуются особеннымъ почетомъ и уваженіемъ, но не ради прожитыхъ ими лѣтъ и пріобрѣтенной сѣдины, а въ виду ихъ житейской мудрости и честнаго отношенія къ окружающему. Имъ вездѣ принадлежитъ почетное мѣсто лучшій, и болѣе жирный кусокъ; ихъ слово во всякомъ случаѣ имѣетъ рѣшительный вѣсъ, и никто никогда не рѣшится противорѣчить имъ, развѣ изъ самыхъ безшабашныхъ головъ.

Церковные праздники и календари. Похороны.

Якуты, живущіе по близости церквей, соблюдаютъ храмовые праздники, всѣ двунадесятые, которые они хорошо помнятъ; не зная мѣсяцевъ, они связываютъ, какъ и наше простонародье, происшедшее событіе съ днемъ, въ который празднуется чтимый ими святой; напр. говорятъ: «это было за нѣсколько дней или столько-то недѣль послѣ (мученицы) Евдокіи (1 марта). Близость къ храму способствуетъ къ запоминанію празднествъ, установленныхъ церковью. Въ каждой юртѣ подъ образами или вообще въ переднемъ лѣвомъ углу, самомъ почетномъ мѣстѣ, виситъ календарь, хоть на недѣлю, въ которомъ обозначены семь дней и на каждый день особая дырочка: воскресенье вверху и съ крестикомъ, и по солнцу идутъ кругомъ слѣдующіе дни недѣли; если календарь деревянный, то хозяинъ каждое утро переставляетъ колышекъ въ слѣдующую по солнцу дырочку; если тотъ-же календарь мѣдный, то передвигаетъ мѣдную-же стрѣлку. У богатыхъ встрѣчаются календари на цѣлый годъ. Тогда они дѣлаются или на доскѣ, квадратной, вершковъ 6-ти, или-же биркой; на доскѣ обыкновенные дни обозначены выдолбленной дырочкой, воскресенье — дырочкой съ крестикомъ; отдѣльные праздники — всегда особыми, условленными знаками [1]). На доскѣ дни идутъ отъ лѣвой руки къ правой, сверху внизъ, какъ мы обыкновенно читаемъ; на биркѣ-же (квадратной) особо: сперва идетъ счетъ сверху по лѣвой сторонѣ, — дойдя до конца, счетъ идетъ снизу вверхъ по правой сторонѣ; напр. на бирочномъ календарѣ за 1883 г. у Якутовъ въ Устьянскѣ обозначено:

Суббота 1-го янв. Новый годъ, знакъ V

Четв. 6-го янв. Богоявленіе, знакъ =(-

Вторн. 18-го янв. Аѳанасьевъ день, знакъ —

Воскрес. 30-го янв. Трехъ Святителей: Василія Вел., Григорія Б., Іоанна Зл., знакъ III

[1]) О такого рода календаряхъ см. «Сѣверный рѣзной календарь». Историко-этнограф. изслѣдованіе Вячеслава Срезневскаго. СПБ. 1874. V+108 стр. въ 4° со мног. изображен.

Среда 3-го февр. Срѣтеніе, знакъ —
Вторн. 1-го марта. Мученицы Евдокій, знакъ
Среда 9-го марта. Сорока мучениковъ, знакъ ÷
Четв. 17-го марта. Алексѣя Б. чел., знакъ —
Пятн. 25-го марта. Благовѣщенье, знакъ —●—
Суббота 26-го марта. Соб. Архангела Гавріила, знакъ
Воскрес. 10-го апрѣля. Вербное Воскресеніе, знакъ
Воскрес. 17-го апрѣля. Пасха, знакъ
Суббота 23-го апрѣля. Георгія Поб., знакъ
Воскрес. 24-го апрѣля. Закрытіе царскихъ вратъ, знакъ ═
Вторн. 26-го апрѣля. Родительскій день, знакъ ++ Елбпотъ Христово.
Воскрес. 8-го мая. Ап. Іоанна Богослова, знакъ +
Понед. 9-го мая. Николая Угодника, знакъ
Среда 11-го мая. Преполовеніе, знакъ
Суббота 21-го мая. Константина и Елены, знакъ
Четв. 26-го мая. Вознесеніе Господне, знакъ
Воскрес. 29-го мая. Муч. Ѳеодосіи, знакъ + бу кюнгя балыкъ санить.
Воскрес. 5-го іюня. Троицынъ день, знакъ
Понед. 6-го іюня. Св. Духа, знакъ —
Четв. 23-го іюня. Владимірской ик. Б. Матери, знакъ ●—
Пятн. 24-го іюня. Рожд. І. Предтечи, знакъ от юльгюль.
Воскрес. 26-го іюня. Тихвинской ик. Б. Матери, знакъ —●
Среда 29-го іюня. Апост. Петра и Павла, знакъ
Пятн. 9-го іюля. Велкм. Прокопія, знакъ Промькелъ утокъ.
Пятн. 16-го іюля. Кирика, Іулиты, знакъ —
Вторн. 20-го іюля. Пророка Иліи, знакъ
Понед. 1-го августа. 1-й Спасъ, знакъ
Суббота 6-го августа. Преображеніе Господне, знакъ ‡
Понед. 15-го августа. Успеніе, знакъ
Вторн. 16-го августа. Нерукотвореннаго образа, знакъ
Пятн. 19-го августа. Донской ик. Б. Матери, знакъ тыбы Ангела.
Пятн. 26-го августа. Влад. иконы Б. Матери, знакъ —
Понед. 29-го августа. Усѣкновеніе главы Іоанна Пр., знакъ
Четв. 1-го сентября. Преп. Симеона Ст., знакъ —
Четв. 8-го сентября. Рождество Богородицы, знакъ

Среда 14-го сентября. Воздвиженіе креста, знакъ

Суббота 1-го октября. Покровъ Пресв. Богородицы, знакъ

Суббота 22-го октября. Казанскія ик. Б. Матери, знакъ Арыгытаръ таксаръ времъ.

Среда 26-го октября. Велкм. Дмитрія, знакъ

Вторн. 8-го ноября. Соборъ Арх. Михаила, знакъ

Понед. 14-го ноября. Ап. Филиппа. Начало Рожд. поста, знакъ — Асъ Кябисяръ.

Понед. 21-го ноября. Введеніе во храмъ Пр. Богородицы, знакъ

Среда 23-го ноября. Митрофана, еп. Воронежскаго, знакъ —

Суббота 26-го ноября. Св. Иннокентія Иркутскаго, знакъ +

Вторн. 6-го декабря. Св. Николая, знакъ

Понед. 12-го декабря. Св. Спиридона, знакъ —

Воскрес. 25-го декабря. Рождество Христово, знакъ

Недѣльный календарь деревянный.

Недѣльный календарь мѣдный.

Годовой квадратный календарь на доскѣ.

Примѣрное изображеніе календаря—бирки.

Времяпрепровожденіе въ обыкновенные церковные праздники ничѣмъ особеннымъ не отличается у Якутовъ: одѣваются въ лучшія одежды, у кого она есть (у большинства, которые очень бѣдны, всего только одна одежда, которая не снимается, пока не извотшаетъ на плечахъ), не работаютъ, ходятъ другъ къ другу въ гости, собираются посидѣть на лужайкѣ, или гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, покуривая свои трубочки.

Мнѣ не пришлось самому записать названія мѣсяцевъ, но приведу нѣсколько несходныя между собой свѣдѣнія, сообщаемыя бывшимъ протоіереемъ Хитровымъ, въ послѣдствіи епископа Якутскаго Діонисія — въ его брошюрѣ «описаніе Жиганскаго Улуса», напечатанной повидимому около 1853 г., и въ статьѣ «о вѣрованіяхъ Якутовъ Якутской области», засѣдателя Якутскаго округа Слѣпцова, а именно:

По брошюрѣ Хитрова.	По Слѣпцову.
Мартъ. Олуннию ый.	Мартъ. Кулунъ-тутаръ — жеребенка имать.
Апрѣль. Колунъ-тутаръ (жеребенка на привязи держать).	Апрѣль. Бусь устаръ — ледоходъ.
Май. Бусъ устаръ ыя — ледоходъ.	Май. Бясь ыя — сосну сдирать.
Іюнь. Эмъ ыя — рыба икру мечетъ.	Іюнь. Ыэмъ ыя — рыба икру мечетъ.
» Бесъ ыя — сосновую корку сдирать.	
Іюль. Сара ыя — ленный мѣсяцъ.	
« Отъ ыя — сѣнокосный мѣсяцъ.	Іюль. Отъ ыя.
Августъ. Атыржахъ ыя — вилы брать.	Августъ. Атыржахъ ыя — вилы брать сѣно.
Сентябрь. Тордюнню ый — 4-й мѣсяцъ.	Сентябрь Балаганга-киряхъ — въ зимники перебираться.
Октябрь. Бесинни ый — 5-й мѣсяцъ.	Октябрь. Алынни — 6-й мѣсяцъ.
Ноябрь. Алынни ый — 6-й мѣсяцъ [1]).	Сентябрь. Сятинни — 7-й мѣсяцъ.
Декабрь. Сятянни ый — 7-й мѣсяцъ [1]).	Декабрь. Ахсынни — 8-й мѣсяцъ.
Январь. Ахсыни ый — 8-й мѣсяцъ [1]).	Январь. Тохсунню — 9-й мѣсяцъ.
Февраль. Тохсунню ый — 9-й мѣсяцъ [1]).	Февраль. Олунню — 10-й мѣсяцъ.

Различіе названій мѣсяцевъ можетъ быть объяснено различіемъ мѣстностей, въ которыхъ названія употребляются, а такъ какъ Слѣпцовъ сообщалъ несомнѣнно названія у Якутовъ, ближайшихъ къ г. Якутску, то тѣ-же самыя явленія, отъ которыхъ получили названія самые мѣсяцы, являются на сѣверѣ, въ Жиганскомъ улусѣ, болѣе запоздалыми, чѣмъ на югѣ той-же области.

В. Л. Приклонскій.

[1]) Эти мѣсяцы называется черными—солнце за горизонтомъ.

Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ.

ГЛАВА I [1]).

Остяцкая эпическая поэзія.

Наши свѣдѣнія объ остяцкой эпической поэзіи.—Характеристика нынѣшнихъ Остяковъ и ихъ страны.—Остяцкія былины и при какихъ случаяхъ онѣ поются.—Ихъ древность.—Героическія сказанія болѣе новыхъ временъ. – Объясненіе названія былины т ӑ р н ы н-ӑ р а.—Музыкальные инструменты «лебедь» и «домбра» служатъ аккомпаниментомъ для былинъ.—Языкъ остяцкихъ былинъ.—Особенности одной былины.

Судьба Сѣв.-Зап. Сибири и культура ея прежнихъ обитателей до водворенія здѣсь Русскихъ намъ почти совершенно незнакомы, а между тѣмъ довольно богатая, но сравнительно очень мало изслѣдованная, поэзія живущихъ здѣсь племенъ Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ предметъ. Мы остановимся исключительно на поэзіи Остяковъ и притомъ южнаго племени. Но и въ этой области мы ограничимся только двумя видами ихъ народнаго творчества: былинами или героическими пѣснями и героическими сказаніями, которыя имѣютъ тѣмъ большій интересъ, что въ нихъ довольно ясно отражается жизнь прежнихъ Остяковъ.

Эти виды остяцкой народной поэзіи остались до сихъ поръ совершенно

---

[1]) Передавая остяцкія слова и выраженія при помощи русскаго алфавита, считаемъ необходимымъ сдѣлать указанія, какимъ образомъ Остяки произносятъ отдѣльныя буквы.

Гласныя: а, е, і, о, у произносятся какъ соотвѣтствующія буквы въ русскомъ (е всюду какъ э). Кромѣ того въ остяцкомъ языкѣ имѣются мягкія гласныя: ӓ, ӧ и ӱ, произносимыя, какъ нѣмецкія: ä, ö и ü. Остяцкая буква ы, соотвѣтствующая русскому ы, отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что всегда кратка. Дифтонги: аі, еі, оі обыкновенно выговариваются какъ ай, эй, ой.

Согласныя: б, в, ж, м, н, р, х, ц, ч, ш и твердыя: к, л, н, с, т, д выговариваются, какъ соотвѣтствующія русскія буквы. Мягкія: к, л, н, с, т, д и мягкое г произносятся, какъ кj, лj, нj, сj, тj, дj, гj. Мы ихъ обозначили знаками: к', л', н', с', т', д', г'.

Г передъ а, о, у, ы и въ концѣ слоговъ произносится какъ малорусское г въ словѣ «гора».

Кромѣ того, въ остяцкомъ существуютъ слѣдующія буквы: j, ӈ, з', g', изъ коихъ первая произносится, какъ нѣмецкое j, а остальныя, какъ слѣдующія сочетанія русскихъ: ӈ = нг; з' = дз; g' = дж.

Подробнѣе о произношеніи южныхъ Остяковъ см. у Кастрена («Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre стр. 4—7.

незатронутыми. Кастренъ и нѣкоторые другіе намекаютъ на существованіе у этихъ народцевъ героической поэзіи, но почти не приводятъ никакихъ образцовъ. Венгерецъ Регули записалъ ихъ множество на вогульскомъ языкѣ и на сѣверо-остяцкомъ нарѣчіи, но преждевременная смерть его и отсутствіе ключа къ его записямъ сдѣлали его обширный матеріалъ на продолжительное время мертвымъ.

Извѣстный финнологъ, теперь покойный, профессоръ Гельсингфорскаго университета Альквистъ совершилъ три путешествія въ Сѣв.-Зап. Сибирь, составилъ небольшую, первую, христоматію для остяцкаго языка; въ ней онъ помѣстилъ переводъ Евангелія Св. Матѳея и заповѣдей, нѣсколько бѣдныхъ по содержанію сказокъ и пѣсенъ новѣйшаго времени, но ничего не говоритъ объ остяцкихъ богатырскихъ пѣсняхъ, а онѣ во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ неизмѣримо выше остальныхъ видовъ остяцкой народной поэзіи. Тоже самое можно замѣтить и про другую книгу его, гдѣ онъ говоритъ о поэзіи Остяковъ и Вогуловъ. По всему вѣроятію, этотъ типъ угорской поэзіи былъ ему мало знакомъ [1]).

Въ 1888—89 году Западную Сибирь посѣтили двое мадьярскихъ ученыхъ: М. Папай и Б. Мункачи, которые занимались: первый — этнографіей Зап.-Сибирскихъ народцевъ, второй—Вогульскимъ языкомъ. Мункачи собралъ богатый матеріалъ образцовъ народной словесности Вогуловъ, между прочимъ и большое количество былинъ.

Объ остяцкихъ же былинахъ до сихъ поръ нигдѣ ничего не было напечатано. Въ виду этого я позволяю себѣ представить небольшое изслѣдованіе о стародавней остяцкой жизни и ея богатыряхъ, составленное на основаніи собранныхъ и переведенныхъ мною остяцкихъ былинъ и сказаній [2]). На остяцкомъ языкѣ у меня имѣются 3 былины и 2 сказанія и кромѣ того около 15 краткихъ разсказовъ, записанныхъ по-русски.

Земля Остяковъ или сѣверная часть Тобольской губерніи представляетъ изъ себя низменную равнину, прорѣзанную двумя мощными рѣками: Обью и Иртышемъ и ихъ многочисленными притоками. Правые берега этихъ рѣкъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя террасы болѣе или менѣе возвышенныхъ плоскогорій, которыя тянутся далеко вглубь страны и за исключеніемъ самой сѣверной части края покрыты почти сплошными, но сильно по-

---

[1]) Это явствуетъ уже изъ слѣдующей фразы его: „An Armuth u. Unvollkommenheit des Gesanges stehen die Ugrer jedoch nicht tiefer, als die anderen ostfinnischen Völker, denn die wenigen Bruchstücke, welche man bei diesen unter dem Namen Volkslieder aufgezeichnet hat, sind ebenso geistesarme u. stümperhafte Versuche, wie die ostjakischen Recitative. Erst an der Dwina u. am Ladoga schuf der finnisch—ugrische Volksgeist im karelischen Runengesange eine dem Inhalt u. der Form nach schöne Volksdichtung, die sich an Innigkeit des Gefühles, am Reichthum der Fantasie u. an sprachlicher Formvollendung mit jeder anderen Volkspoesie messen darf". („Unter Wogulen u. Ostjaken" S. 173).

[2]) Будутъ изданы особо.

страдавшими отъ огня лѣсами. Лѣвый берегъ, почти всюду низменный, состоитъ изъ испещренныхъ ключами, рѣчками и озерами сѣверныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ здѣсь «сора̀ми», а также изъ гривокъ, покрытыхъ лиственными деревьями, и плоскихъ песчаныхъ холмовъ, носящихъ на себѣ сосновые боры. Но наибольшую часть всей этой страны, какъ въ ея болѣе возвышенныхъ частяхъ, такъ и въ болѣе низменныхъ, занимаютъ обширныя болота: моховыя, торфяныя, осоковыя, покрытыя на значительной части своего протяженія корявыми березками и сосенками. Таковъ лѣтній видъ этой глухой страны сѣвера. Зимой 2-хъ аршинный снѣгъ устилаетъ сплошной пеленой всѣ неровности почвы, густымъ слоемъ покрываетъ деревья и кусты и дѣлаетъ еще болѣе однообразной грустную картину природы Сѣв.-Зап. Сибири.

Иной видъ принимаетъ опять этотъ край весной, когда разлившіяся рѣки затопляютъ низменныя площади лѣваго и отчасти праваго берега на десятки и сотни верстъ во всѣ стороны. При небольшомъ даже вѣтрѣ эта громада водъ уже бушуетъ, какъ море, и горе путнику, котораго непогода застигла на пути. Единственное его спасеніе, если онъ найдетъ убѣжище гдѣ нибудь на холмѣ, выступающемъ изъ воды на подобіе острова, или прямо причалитъ къ вершинѣ торчащаго надъ поверхностью воды ивоваго дерева и уцѣпится за него. И въ подобномъ положеніи приходится иногда провести день, два и болѣе, пока буря не затихнетъ.

Такова страна Остяковъ, но для нихъ этотъ бѣдный и угрюмый край сѣвера кажется страной обѣтованной и ни одинъ изъ нихъ не покидаетъ своей родины добровольно. Да, впрочемъ, имъ въ этомъ не представляется и надобности. Населеніе ихъ въ 20.000 душъ обоего пола, или около того, живетъ на огромныхъ пространствахъ, которыя при всей бѣдности сѣверной природы могутъ прокормить значительно болѣе густое населеніе.

Остяки, какъ и Вогулы, являются единственными представителями въ Сибири обширнаго финскаго племени. Вмѣстѣ съ Мадьярами они составляютъ угорскую его вѣтвь.

Источниками пропитанія служатъ Остякамъ главнымъ образомъ рыболовство и звѣроловство. Самые южные Остяки, живущіе по Иртышу, занимаются кромѣ того въ весьма небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ, а жители крайняго сѣвера—оленеводствомъ.

Съ 1715 г. Остяки исповѣдуютъ православную вѣру, но, мало знакомые съ началами христіанскаго ученія, исполняютъ лишь нѣкоторые обряды ея. Напротивъ, почти всюду они еще сильно придерживаются своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій, а на сѣверѣ Березовскаго округа извѣстная часть бродячихъ Остяковъ и понынѣ пребываетъ въ язычествѣ.

Остяцкая культура, если такъ можно выразиться, съ каждымъ годомъ все больше падаетъ. Въ болѣе южной части этой области они уже давно ведутъ образъ жизни мало отличный отъ образа жизни сосѣднихъ Русскихъ, но за послѣдніе годы стали пропадать и послѣдніе немногіе остатки ихъ прежней культуры.—Типичный женскій костюмъ, еще весьма недавно бывшій всюду въ употребленіи, замѣнился русскимъ платьемъ и платкомъ, «лебедь» и «домбра» вытѣсняются «бандуркой» и балалайкой, остяцкія пѣсни и пляски—русскими. Вмѣстѣ съ этимъ и родной языкъ все болѣе и болѣе забывается и вытѣсняется русскимъ. Благодаря этому всеобщему обрусѣнію, падаетъ и остяцкая народная поэзія и принимаетъ иной характеръ: пѣсни, которыя теперь поются на Оби, составлены въ духѣ русскихъ рыбаковъ и воспѣваютъ подвиги рыбопромышленниковъ или любовныя похожденія Остяковъ и Остячекъ. Языкъ ихъ весьма неизященъ и испещренъ русскими словами и выраженіями, а нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію скорѣе напоминаютъ наборъ словъ, чѣмъ пѣсню. Сказки тоже потерпѣли сильное вліяніе отъ русскихъ и, хотя и выиграли при этомъ, но за то утратили часть своей самобытности. Одни только былины и героическія сказанія остались безъ перемѣны, но въ слѣдствіе этого они и пропадаютъ.

Изъ 72 остяцкихъ юртъ Тобольскаго округа они сохранились лишь въ 3—4-хъ, но и здѣсь постепенно забываются въ слѣдствіе того, что русѣющее молодое поколѣніе мало старается перенимать ихъ у своихъ отцевъ.

Лучшіе знатоки ихъ проживаютъ въ настоящее время въ Шумиловскихъ и въ Красноярскихъ юртахъ Меньше-Кондинской волости; въ послѣднемъ селеніи однако сохранились только героическія сказанія; далѣе—по Демьянкѣ въ Лумкоевскихъ и Цингинскихъ юртахъ. Говорятъ, что по р. Салыму, въ предѣлахъ Сургутскаго округа, и въ бассейнѣ Васъ-югана въ Томской губерніи есть знатоки былинъ, что̀ весьма возможно по захолустью края.

Героическія сказанія болѣе новыхъ временъ сохранились въ весьма многихъ мѣстахъ, но по своимъ мыслямъ, по своему стилю и по чистотѣ языка они значительно уступаютъ былинамъ и старымъ героическимъ сказаніямъ.

При какихъ-же обстоятельствахъ поются былины? Если обыкновенныя пѣсни съ эпизодами и картинами ежедневной жизни поются при всякомъ удобномъ случаѣ, то былины, по своему серьезному и болѣе возвышенному содержанію, а также и въ слѣдствіе своихъ значительныхъ размѣровъ требуютъ особаго вдохновенія и напряженія со стороны пѣвца. И дѣйствительно, поются онѣ весьма рѣдко, всего нѣсколько разъ въ годъ. Такими днями бываютъ большіе остяцкіе праздники: Николинъ день, Крещенье и Петровъ день, когда они уплачиваютъ ясакъ и деньги за гоньбу и по этому случаю проводятъ цѣлые дни въ кутежѣ. Въ эти праздники у нихъ обычай ѣздить другъ къ

другу въ гости и не по одиночкѣ, а цѣлымъ селеніемъ, и принимать столь-же многочисленныхъ гостей. Водка, хотя ея привозъ оффиціально и запрещенъ, льется при этомъ рѣкой, особенно въ хорошіе года. Среди общаго веселья Остяки всегда любятъ вспомнить старину, и звонкій «лебедь» звенитъ день и ночь. Всякій, умѣющій пѣть или играть, показываетъ теперь свое искусство, причемъ наибольшее вниманіе сосредоточиваютъ на себѣ пѣвцы былинъ. Выпивъ изрядное количество водки и вдохновившись, какъ слѣдуетъ, они начинаютъ жалобнымъ голосомъ воспѣвать подвиги своихъ отцевъ.

Любятъ эти пѣсни также и иные богатые русскіе рыбопромышленники, хорошо знакомые съ остяцкимъ языкомъ. Они тоже иногда пріѣзжаютъ въ юрты «погулять» и случалось, что въ припадкѣ великодушія за пропѣтыя Остякомъ 2—3 былины они прощали ему его долгъ.

Изрѣдка, при отсутствіи водки, пѣвецъ для большаго воодушевленія съѣдаетъ передъ началомъ пѣнія нѣсколько мухоморовъ 7—14—21 [1]), т. е, число кратное семи: отъ нихъ онъ просто приходитъ въ изступленіе и походитъ на бѣсноватаго. Тогда всю ночь на пролетъ дикимъ голосомъ распѣваетъ онъ былины, даже и давно, казалось, забытыя, а утромъ въ изнеможеніи падаетъ на лавку. Мало тронутые его безпомощнымъ состояніемъ, слушатели бываютъ довольны, что услышали пѣсни своихъ отцевъ, пропѣтыя съ такимъ чувствомъ.

Происхожденія былины довольно древняго и относятся, по всей вѣроятности, къ тому періоду времени, когда сѣверная часть Тобольской губерніи еще не испытала на себѣ нашествія Татаръ, которые, какъ извѣстно, здѣсь появились раньше Русскихъ; однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, описываемыя въ нихъ событія относятся къ періоду времени между XIV и XVI столѣтіями, а частью, можетъ быть, и къ XIII-му.

Въ самомъ дѣлѣ, въ былинахъ нигдѣ не упоминается о Татарахъ или Русскихъ, хотя десятки и сотни стиховъ повѣствуютъ—о войнахъ Остяковъ съ Самоѣдами и Остяковъ между собою. Всѣ эти походы Остяковъ другъ на друга, на Самоѣдовъ и обратно имѣли исключительно характеръ хищническихъ набѣговъ, а не завоеваній, почему и трудно предположить, чтобы остяцкіе пѣвцы ничего не упомянули о врагахъ, болѣе сильныхъ, которые не только разоряли страну, но и покорили ее.

У меня есть одно сказаніе про походъ на сѣверъ двухъ остяцкихъ князей изъ городка Т'ӑпаръ-вошъ, слѣды котораго и понынѣ сохранились на красивомъ холму около Цингалинскихъ юртъ (Нарымск. вол.). Этотъ городокъ былъ потомъ занятъ Татарами. Имъ, вѣроятно, онъ и обязанъ своей значи-

---

[1]) По словамъ Кондинскихъ Остяковъ, болѣе 21 мухомора не можетъ съѣсть самый привычный Остякъ.

тельной недоступностью. Около этого городка и теперь видна небольшая ямка, почитаемая Татарами за святыню. Они полагаютъ, что здѣсь покоится прахъ святой дѣвицы Хатица-бибй, дочери ахуна Аллогула, пришедшаго сюда вмѣстѣ съ другими святыми людьми изъ Бухары для распространенія вѣры Пророка. Мѣсто это называется у Татаръ, какъ и другія подобныя священныя мѣста, именемъ «âстâнâ» [1]). Несмотря на такіе явственные слѣды пребыванія здѣсь Татаръ и на значительные размѣры остяцкихъ сказаній и на ихъ подробности относительно жизни Остяковъ и Самоѣдовъ, мы не находимъ никакихъ упоминаній о новомъ и чужомъ, пришломъ съ юга, народѣ, покорившемъ Остяковъ и Самоѣдовъ.

Если мы обратимся къ исторіи, то узнаемъ, что первымъ татарскимъ завоевателемъ остяцкой страны былъ Ногайскій (?) князь Онъ или Онсомъ, основавшій Сибирское княжество на развалинахъ Кипчакскаго царства, распавшагося въ половинѣ XIV столѣтія [2]). Онъ, по преданію, господствовалъ не только надъ Татарами, но и надъ Остяками и Вогулами. Дѣло его продолжалъ сынъ (?) его Тайбуга, который во время правленія князя Чингиза, въ качествѣ его военноначальника, покорилъ Обскихъ Остяковъ. Такимъ образомъ завоеваніе Татарами долины Иртыша, о которой идетъ рѣчь, могло совершиться въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка.

По Карамзину, занятіе южной части Тобольскаго округа Татарами совершилось позже, именно въ XVI ст. Это онъ доказываетъ тѣмъ фактомъ, что Московскія войска, воюя въ 1483 г. на берегахъ Иртыша, еще не застали Татаръ въ этихъ мѣстахъ. Крѣпость Сибирь существовала уже тогда, и въ ней властвовалъ князекъ Лятикъ, безъ сомнѣнія, остяцкій. Возможно, однако, что вторженіе Тюрковъ въ страну Остяковъ произошло еще въ концѣ XV ст. Что-же касается до распространенія на сѣверѣ магометанства, то оно относится къ болѣе позднему періоду, къ концу XVI и даже къ началу XVII столѣтія, когда страна была уже покорена Русскими.

Намъ извѣстно, что власть Татаръ на сѣверѣ держалась недолго и при прибытіи Русскихъ вліяніе Татаръ едва-ли простиралось далѣе къ сѣверу за р. Демьянку; но все-же вѣроятно, первое время послѣ завоеванія страны Татарами Остяки, хотя-бы болѣе южные—Иртышскіе, платили имъ дань. Между тѣмъ, объ этомъ нѣтъ и намековъ въ былинахъ, да и вышеописанное предпріятіе двухъ остяцкихъ князей изъ города Т'âпар-вошъ на сѣверъ врядъ-ли могло-бы имѣть мѣсто, если-бы Иртышскіе Остяки находились тогда подъ властью

---

[1]) Вѣроятно отъ персидск. слова âstân, âstânâ—seuil, mausolée d'un santon (dict. persan-franç, A. Bergé).

[2]) A. Castren. «Ethn. Vorles» S. 105. По Миллеру, Онсомъ былъ современникомъ Чингисхана († 1224) «Ист. Сиб.» стр. 33.

Татаръ. Въ другой былинѣ князья изъ Карыпоспат-урдат-вошъ [1]) предпринимаютъ далекій походъ въ полуденныя страны (Морда-мыг) и возвращаются назадъ съ добычей. Изъ этого тоже можно заключить, что Остяки въ то время были еще независимы и что въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ къ югу еще не жили племена сильныя, въ родѣ Татаръ. Такимъ образомъ можно принять, что былины и сказанія сложились ранѣе нашествія Татаръ. Если Карамзинъ вѣрно опредѣлилъ время этого событія, то былины остяцкія имѣютъ не меньшую, чѣмъ 300-лѣтнюю давность.

Возможно, что зап. сибирскія былины складывались въ теченіе столѣтій. Иныя изъ нихъ воспѣваютъ подвиги 3-хъ и болѣе поколѣній князей. Описываемыя въ нихъ событія иногда охватываютъ періодъ времени болѣе чѣмъ въ 100 лѣтъ, какъ напр. въ былинѣ о Сонгхушѣ.

Къ тѣмъ же выводамъ относительно древности былинъ Остяковъ можно прійти на основаніи исторіи завоеванія Сибири Русскими.

Непосредственныя сношенія Русскихъ съ Югрою возникли уже въ XI в., когда Новгородцы утвердились на берегахъ Бѣлаго моря. Съ этихъ поръ начались и ихъ походы въ страну Югры. Изъ походовъ московскихъ войскъ въ Сѣверо-Западную Сибирь до Ермака намъ извѣстны бывшіе въ 1483 и 1499 годахъ. Что касается до зависимости Югры отъ Новгорода и Москвы, то она продолжалась лишь короткое время, послѣ каждаго похода, а затѣмъ была только номинальная.

Въ виду того, что эти походы длились лишь короткое время и затѣмъ Остяки въ продолженіи долгаго времени ничего не слыхали о Русскихъ, они могли и не отразиться въ ихъ героическомъ эпосѣ, тѣмъ болѣе, что въ долину Иртыша, откуда происходятъ почти всѣ мои былины, Русскіе, насколько извѣстно, проникли лишь однажды (въ 1483 г.) [1]).

Начало прочнаго русскаго владычества надъ Остяками можно отнести къ 1581 году, главнымъ образомъ къ походу Богдана Брязги, который покорилъ всю долину Иртыша и часть Оби до Бѣлогорскихъ юртъ, а въ 1586 г. около устья Иртыша былъ воздвигнутъ Мансуровымъ первый русскій острогъ въ остяцкой землѣ. Семь лѣтъ спустя (въ 1593 г.) были основаны Пелымъ, Березовъ и Сургутъ. Прекратилось ли процвѣтаніе героическаго эпоса задолго до пришествія Русскихъ, мы не знаемъ, но только несомнѣнно, что съ этихъ поръ остяцкая страна уже не производила ни богатырей, ни былинъ, которые такимъ образомъ во всякомъ случаѣ имѣютъ давность по крайней мѣрѣ въ 300 лѣтъ.

Подтвержденіемъ этого могутъ служить и всѣ наши былины и прежнія героическія сказанія. Напр. вышеупомянутое сказаніе о походѣ остяцкихъ князей

---

[1]) См. ст. г. Оксенова «Политическія отношенія Моск. гос. къ Югорской землѣ (1455—1499)» въ «Ж. М. Нар. Пр.» 1891, февр. стр. 245—272. Ред.

на сѣверъ уже потому не могло относиться къ болѣе позднему періоду, что, во-первыхъ, они въ немъ дѣйствуютъ какъ совершенно самостоятельные властители и, во-вторыхъ, безпрепятственно проѣзжаютъ весь путь между Цингалинскими юртами и самоѣдской страной (къ сѣверу отъ острова Конавыта), гдѣ уже въ концѣ XVI ст. были воздвигнуты русскіе остроги.

Другая былина передаетъ о походѣ князей изъ города Емдер-вошъ (ок. Эмдерской протоки) на городъ Кары-поспат-вошъ, расположенный въ нижнемъ теченіи Конды. Чтобы попасть изъ названной протоки въ Конду, они тоже должны были проѣхать мимо того мѣста у устья Иртыша, гдѣ былъ русскій острогъ, котораго тогда слѣдовательно еще не было. Наконецъ въ былинѣ о богатырѣ Сонгхушѣ говорится, что онъ посѣтилъ во время своихъ походовъ всѣ 7 концевъ земли, что̀ тоже говоритъ въ пользу полной независимости остяцкихъ князей отъ кого бы то ни было.

Къ сожалѣнію самые южные Остяки, которые первые пришли въ столкновеніе съ Татарами и Русскими и могли бы въ своей поэзіи сохранить много любопытныхъ данныхъ изъ этого времени, частью исчезли, частью подверглись сильному вліянію побѣдителей, лишь кое-гдѣ сохранивъ свой языкъ, но окончательно забывъ старыя дѣдовскія преданія.

Правда, въ былинахъ встрѣчаются изрѣдка слова татарскаго и даже русскаго происхожденія, нынѣ входящія въ составъ остяцкаго языка, но они могли быть вставлены въ нихъ позднѣйшими разсказчиками.

Древнее происхожденіе былинъ доказывается и ихъ старымъ языкомъ,— цѣлые обороты теперь совершенно непонятны Остякамъ и передаются на память,— и значительной чистотой самаго языка сравнительно съ настоящимъ разговорнымъ. Конечно не всѣ части этихъ поэтическихъ произведеній одинакой древности...

Изъ періода татарскаго и отчасти русскаго владычества до насъ тоже дошли сказанія и разсказы, но, будучи сравнительно новѣйшаго происхожденія, они носятъ уже другой характеръ. Они всѣ безъ исключенія передаются прозою и притомъ новымъ языкомъ съ нѣкоторыми заимствованіями изъ старыхъ былинъ.

Разница между прежними былинами и прежними героическими сказаніями, заключается въ томъ, что первыя изложены стихами, вторыя—прозою, но языкъ тутъ и тамъ старый, цвѣтистый и образный. По мнѣнію самихъ Остяковъ, часть этихъ старыхъ богатырскихъ сказаній прежде тоже была облечена въ форму былинъ, но съ теченіемъ времени и по мѣрѣ обрусѣнія Остяковъ, складъ стиховъ былъ забытъ, хотя удержались всѣ ихъ особенности, эпитеты, фигуры и обороты рѣчи. Это предположеніе имѣетъ за собою не мало основаній.

Словомъ, «былина» мы передаемъ остяцкое выраженіе та̂рный-а̂ра (вог. тэрній-эрі), которое состоитъ изъ словъ та̂рный и а̂ра. Послѣднее

значитъ, «пѣснь», первое же требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Подъ словомъ «та̂рн», (та̂ран, та̂рын),—оно непонятно нынѣшнимъ инородцамъ,—прежніе Остяки безъ сомнѣнія подразумѣвали злое божество [1]), сѣющее всюду распри, наводящее войны, болѣзни и опустошающее страну. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ былинъ, можно еще прибавить, что божество это было женскаго пола. Въ какомъ видѣ его представляли, неизвѣстно. Можетъ быть на это прольетъ нѣкоторый свѣтъ его эпитетъ: ей-вет'пе кіт-та̂ран, что значитъ: «двойственная Тарнъ съ однимъ ликомъ». Отличалась ли эта богиня красотой, мы тоже не знаемъ, ибо весьма рѣдко кому удавалось ее лицезрѣть. Про человѣка, прошедшаго, какъ говорится, огонь и воду, прежде говорили, что онъ видѣлъ лицо Тарнъ [2]). Олицетворяли ее въ видѣ самой разрушительной стихіи—огня. Такъ, на цвѣтистомъ языкѣ былинъ и сказокъ слово «огонь» обыкновенно замѣняется цѣлымъ выраженіемъ: а̂р н'а̂тмапе Та̂ран тут [3]), что вѣроятно означаетъ «многоязычный ротъ (дѣвы) Тарнъ». Къ этому выраженію иногда присоединяютъ еще слова: най анка [4])—«дѣва, женщина», употребляемыя здѣсь тавтологически, но дающія намъ указанія на полъ божества.

Въ послѣдствіи слово Та̂рн, равно какъ и его производное кіт-та̂ран, получили еще переносное значеніе «распри» и «войны». Та̂рный есть прилагательное отъ Та̂рн, и можетъ въ данномъ случаѣ значить «военный». И такъ все выраженіе та̂рный-а̂ра можетъ быть передано по русски: «военная пѣснь». Такъ мнѣ переводили его и Остяки; не зная точнаго смысла слова Та̂рн, они по естественному чутью догадывались, что̀ оно приблизительно означало.

Былины поются подъ аккомпаниментъ мѣстныхъ музыкальныхъ инструментовъ «лебедя» или «журавля» (то̂роп-jух) и «домбры» или «тарнобоя» (на̂рес-jух; у вог. шанул'теп), изъ коихъ въ предѣлахъ Тобольскаго округа болѣе древнимъ можно считать домбру. Сохранившіяся на Кондѣ мелодіи былинъ имѣютъ не болѣе пяти тоновъ, что̀ соотвѣтствуетъ 5 струнамъ этого инструмента. Сами Кондинскіе Остяки утверждаютъ, что у нихъ въ прежнее время не было «лебедей» и что они получили ихъ отъ жителей береговъ Оби. «Лебеди» и теперь еще называются на Кондѣ «Обской музыкой».

---

[1]) Первый высказалъ печатно это предположеніе въ предисловіи къ своей грамматикѣ сѣверо-остяцкаго нарѣчія венгерскій ученый, проф. Гунфальви. Французскій переводъ этого предисловія помѣщенъ въ «Revue d'Ethnographie et de Philologie». 1878.

[2]) Та̂ран вет', хут' вет' уjсм—«видѣвшій лицо Тарнъ и лицо рыбы (?)». Первое—символъ огня, второе вѣроятно—воды.

[3]) Тут (тўт) означаетъ «ротъ» и «огонь».

[4]) Мы на томъ основаніи перевели здѣсь слово най черезъ «дѣва», а не «огонь» что̀ оно тоже значитъ,—выраженіе най анка» встрѣчается часто въ былинахъ и означаетъ лицо женскаго пола, напр. На̂нк-хуш-хой а̂й най, а̂й анка—«мужа Нангъ-хуша младшая дочь, дѣвица». Анка нынѣ означаетъ почти исключительно «мать».

Домбра состоитъ изъ продольнаго ящика съ крышкой, сдѣланнаго изъ тонкаго еловаго дерева. Форма ея, какъ и толщина струнъ, значительно мѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ, но въ общемъ домбра сходна съ финскими «кантелѐ», на которыхъ прежніе Финны распѣвали свои величественныя руны. Зачатками ихъ, по вѣрному замѣчанію Кастрена, и являются остяцкіе т ȃ р н ы й-ȃ р'ы. Струны дѣлаются изъ сухожилій оленя и покрываются рыбьимъ клеемъ. Онѣ настраиваются при игрѣ, какъ начало мажорной или минорной гаммы, причемъ на Кондѣ былины чаще поются въ мажорномъ тонѣ.

«Лебедь» состоитъ изъ подобнаго же ящика, имѣющаго отдаленное сходство съ тѣломъ большой птицы, но съ одного изъ его концовъ перпендикулярно или подъ тупымъ угломъ къ нему прикрѣпленъ длинный кусокъ дерева, оканчивающійся грубымъ подобіемъ птичьей головы. Эта часть представляетъ изъ себя якобы шею и голову лебедя или журавля. Между шеей и верхней крышкой ящика натянуто 9 мѣдныхъ струнъ. Настраиваются онѣ подобнымъ же образомъ, какъ и у домбры, но только, благодаря своему значительному числу, онѣ даютъ цѣлую гамму и часть другой, являясь, такимъ образомъ, инструментомъ болѣе усовершенствованнымъ.

Остяцкія былины не имѣютъ рифмы, хотя и не лишены нѣкотораго подобія со стихами; такъ, каждая фраза ихъ заканчивается обыкновенно словомъ, имѣющимъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, чѣмъ уподобляется европейскому стиху съ дактилехореемъ на концѣ. Кромѣ того, въ нихъ избѣгается стеченіе нѣсколькихъ односложныхъ словъ съ удареніемъ. Оно достигается такимъ образомъ: къ односложнымъ словамъ присоединяются лишнія частицы или самое слово растягивается при помощи вставки гласныхъ [1]). Величина отдѣльныхъ стиховъ весьма разнообразна: короткіе, средніе и длинные слѣдуютъ другъ за другомъ въ перемежку, а въ связи съ этимъ и размѣръ музыкальной фразы постоянно мѣняется.

Красоту стиля остяцкій пѣвецъ стремится увеличить тѣмъ, что подбираетъ рядомъ однозвучныя и близкія по смыслу слова, выраженія и цѣлыя фразы [2]). Этотъ же пріемъ употребляется и въ сказкахъ и героическихъ

---

[1]) Напр. вм. тіт'-вȃх, кам-вȃх. говорятъ: тід'ет-вȃх, камет-вȃх; вм. ţаӣа пӯн сыкій нујат јокȃјем—тайем пӯну сыкій нујат јокеȃјем (см. ниже) и т. д.

[2]) Это будетъ ясно изъ нижеслѣдующаго отрывка былины о богатырѣ Сонгхушѣ:

«Сой-хуші ӱн ȃвыт муӣна ȏмдȃй.
«Томай воч отыӣна тȃрым кур мечеда хоје вȏрмȏт?
«Сой-хуш-хой, тȃрым ӱрт, јігем вȏрмȏт.
«Тȃбет мыг суӣеда сȇвей ȇва јім-тіндып тȃнта јȃнхȏт.
«Т'ув јȃнхем ȃр тагет, Тӱрым тȃдем јемый мыг
«Мыгет пете, јінкет пете чокен хейг'ȏт...
. . . .

сказаніяхъ. Онъ не составляетъ впрочемъ особенности творчества однихъ азіатскихъ Финновъ, но, судя по образцамъ тюркской поэзіи, собраннымъ академикомъ Радловымъ, свойственъ и этой послѣдней, а также русскимъ сказкамъ и былинамъ.

Эти постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ съ разными прилагательными, или разныхъ словъ и выраженій съ однимъ значеніемъ затрудняютъ до извѣстной степени переводъ произведеній остяцкой народной поэзіи и дѣлаютъ его довольно тяжелымъ. Другой причиной трудности перевода былинъ на европейскіе языки есть отсутствіе собственныхъ именъ у людей и урочищъ, которыя замѣняются разными прозвищами иногда въ 4—6, до 10 словъ, причемъ смыслъ ихъ часто могъ быть понятенъ только для лицъ, знавшихъ причину, почему то или другое лицо или урочище получило данное прозвище [1]). Примѣры мы встрѣтимъ ниже.

Въ остяцкихъ былинахъ и героическихъ сказаніяхъ встрѣчаются въ изобиліи разные эпитеты, фигуры и тропы, свойственные поэзіи и другихъ народовъ. Кромѣ случайныхъ эпитетовъ, имѣются и постоянные, напр. земля—мыг постоянно употребляется съ эпитетами «сôгой, пӯный»—«кожистая, шерстистая», такъ какъ поверхность ея, поросшая лѣсомъ, уподобляется кожѣ, покрытой шерстью. Постоянными эпитетами слова сегер—«цѣпь» являются карт, вâх—«желѣзо». Карт сегер, вâх сегер значитъ—«желѣзная цѣпь». Слово каттый—«пристань» сопровождается всегда прилагательнымъ нырый—«жердяной (ая)» (нырый каттый) и т. д. Что же касается до фигуры сравненія, то, по чистотѣ, и изяществу ея остяцкая поэзія далеко уступаетъ творчеству многихъ восточныхъ народовъ, напр., Персовъ.

«Тâбет мыг суйсдіва тâбет най, тâбет анка вејідôт.
«Тâбет най, тâбет анківа сйметта нѣй
«Јôхтет каттем јôхтый-кетпе хојет ӯрт, погот-па ту ент тівôт,
«Јінтпет каттем туі тей вѣрмай най, анка-па ту ент тівôт!»

«Въ большомъ городѣ Сонгхушѣ мы проживали.
«На краю того города какой крѣпконогій въ колѣняхъ (мужъ) выросъ?
«Князь Сонгхушъ, сильный богатырь, мой отецъ, здѣсь выросъ.
«На 7 концевъ земли сватать косатыхъ дѣвицъ за хорошій выкупъ онъ ходилъ.
«Послѣ его походовъ во многія страны, на священной, опущенной Богомъ, землѣ
«Едва осталась площадь суши и воды (имъ неизвѣданная).
. . . .
«Съ семи концевъ земли онъ взялъ въ жены семь дѣвицъ.
«И отъ семи дѣвицъ, семи женъ ни отъ одной
«У него не родилось ни сына, мужа-богатыря, держащаго лукъ въ рукѣ, привычной къ луку,
«Ни дочери-дѣвицы, держащей иглу и работающей концами пальцевъ».

[1]) Напр., старый князь гор. Карымпосната прозывался: Хӯдем сôт ôт тѣтідом лулей-мôх тохтой-мôх кыней ӯрт-іга т. е. «300 лѣтъ гнившій дѣтенышъ малой гагары, дѣтенышъ большой гагары гнилой богатырь-старикъ».

Форма былинъ постоянно мѣняется съ теченіемъ времени, хотя сюжетъ ея и неизмѣненъ. Происходитъ это отъ того, что ихъ не заучиваютъ наизусть, какъ стихи, а запоминаютъ лишь ихъ содержаніе, главные обороты и выраженія, остальное же все варьируется и дополняется фантазіей пѣвца. Въ виду этого, иногда одну и ту же былину въ разныхъ мѣстахъ поютъ иначе, причемъ бо̀льшее изящество той или другой версіи ея зависитъ единственно отъ способности пѣвца и умѣнья его излагать красиво свои мысли. Въ виду значительныхъ размѣровъ былинъ, въ которыхъ числится до 300 и, можетъ быть, болѣе стиховъ, весьма часто послѣдняя часть ихъ, иногда половина, излагается прозою, но и то пропѣть и передать большую былину требуетъ такого напряженія голоса, что разсказчикъ, оканчивая ее, является часто охрипшимъ.

Содержаніемъ былинъ и героическихъ сказаній служатъ почти исключительно военные походы остяцкихъ князей или богатырей другъ противъ друга и противъ Самоѣдовъ ради добычи невѣстъ, или война съ напавшими на нихъ, ради той же цѣли, сосѣдями.

Изъ имѣющихся у меня былинъ и героическихъ сказаній, одной былиной я почти не пользовался, такъ какъ и по содержанію и по тѣмъ понятіямъ, которыя въ ней встрѣчаются, она имѣетъ мало общаго съ сѣверно-угорскимъ героическимъ эпосомъ. Возможно, что сюжетъ ея заимствованъ отъ сосѣднихъ Тюрковъ или отъ болѣе южныхъ и теперь исчезнувшихъ Остяковъ, жившихъ въ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ смежныхъ кочевниковъ.

Въ этой былинѣ мы, наприм., встрѣчаемъ облака черной пыли, поднимающіяся къ верху при движеніи богатырей, что̀, правда, было бы характерно для южныхъ черноземныхъ степей Ишимскаго и другихъ округовъ Тобольской губерніи, но ни въ какомъ случаѣ не для лѣсистаго и болотистаго Тобольскаго округа и, въ частности, для области р. Демьянки, гдѣ записана эта былина. Въ настоящей странѣ Остяковъ не только нѣтъ чернозема, но и почти не существуетъ другаго сообщенія кромѣ воднаго. Далѣе, въ ней часто являются крылатые кони, хотя вѣрнѣе предположить, что и простые кони не водились въ данной странѣ въ прежнее время; напротивъ, олень, главное домашнее животное бывшихъ Остяковъ, въ ней совершенно не упоминается. Богатыри здѣсь умѣютъ укрощать дикихъ крылатыхъ коней, которые ихъ уносятъ подъ облака. Побѣжденнаго врага они зашиваютъ въ 7 конскихъ шкуръ и привязываютъ къ хвосту коня и т. д., однимъ словомъ, все эпизоды скорѣе изъ жизни кочевниковъ, чѣмъ оленеводовъ и охотниковъ. Наконецъ, въ ней встрѣчается масса понятій, чуждыхъ прежнимъ Остякамъ и только въ послѣдствіи заимствованныхъ ими отъ Русскихъ, Зырянъ и Татаръ; напр., коромысло

(кујанда; по татарски: кујанта), столъ (песан; по зырянски пӱзан), аршинъ, бутылка, стаканъ, водка (віна) и т. д. Однимъ словомъ, эта былина совершенно не гармонируетъ съ тѣми представленіями, которыя можно было себѣ составить на основаніи разныхъ другихъ данныхъ относительно жизни прежнихъ Остяковъ.

ГЛАВА II.

Княжества и ихъ центры—городки.

Дробленіе остяцкой страны на мелкія княжества.—Городки, какъ ихъ центры.—Ихъ устройство.—Категоріи городковъ.—«Мѣдные» городки.—Селенія, какъ мѣста жительства «простыхъ» людей.—Землевладѣніе на родовыхъ началахъ у нынѣшнихъ Остяковъ и Вогуловъ.—Въ основаніе прежняго княжества легло родовое начало.—Разселеніе родовъ.—Прежнія княжества суть «волости» историковъ.—Южные Остяки не были кочевниками.

Та часть остяцкой страны (мыг, пӧлек), которая служила ареной для событій, воспѣтыхъ въ былинахъ и сказаніяхъ, т. е. Тобольскій и южная часть Березовскаго округа Тобольской губерніи, представляла въ отдаленныя времена рядъ независимыхъ другъ отъ друга мелкихъ политическихъ единицъ. Центромъ каждаго такого небольшаго «княжества» (âвыт?[1]) служилъ «городокъ» (вош, воч, ваш; у Вог.: уш), а верховнымъ властителемъ его былъ жившій въ немъ «князь» (јôр, ур, ӯрт[2]); Вог.—âтер, ôтер). Всѣ остальные жители маленькаго княжества были его подданными; называются они въ былинахъ мыгдат—јах, т. е. земляными людьми.

Число княжествъ и городковъ было прежде весьма значительно; это уже показываетъ то обстоятельство, что мнѣ удалось въ бытность мою въ Тобольскомъ округѣ насчитать не менѣе 63[3]) такихъ городковъ, изъ коихъ около $^2|_3$ безъ сомнѣнія принадлежали Остякамъ, а Абрамовъ приводитъ ихъ въ Березовскомъ округѣ болѣе 40, хотя почти навѣрное значительная часть ихъ еще по-сейчасъ скрыта въ дебряхъ и среди болотъ.

Характеръ этихъ городковъ нѣсколько иной на югѣ округа и далѣе къ сѣверу. На югѣ они принадлежатъ Тюркамъ, болѣе искуснымъ въ сооруженіи укрѣпленій, и отличаются болѣе значительными размѣрами; на сѣверѣ—они меньше и принадлежатъ Остякамъ.

---

[1]) Слово âвыт (âут) означаетъ небольшую область, иногда употребляется повидимому какъ синонимъ слова воч «городъ», напр. въ приведенномъ выше отрывкѣ былины.

[2]) Назывался онъ также «главой города» воч-ӯх и вочум-вôрт-іга.

[3]) Обозначены на картѣ, представленной въ Имп. русск. Арх. Коммисію.

Опишемъ вкратцѣ такой городокъ. Какъ Остяки, такъ и Татары старались выбирать подъ укрѣпленіе мѣсто возвышенное и до извѣстной степени господствующее надъ сосѣдней мѣстностью, а главнымъ образомъ надъ лежащими внизу низменными равнинами и водами рѣкъ и озеръ, которыя, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, служатъ почти единственной дорогой для сообщеній въ здѣшнемъ болотистомъ краѣ. Значительная часть городковъ, лежащихъ около болѣе или менѣе крупныхъ рѣкъ, расположены ради этого на нагорномъ берегу ихъ или яру и занимаютъ преимущественно мыски, которые образуются глубокими оврагами, пересѣкающими кое-гдѣ этотъ берегъ. Особенно удобны для этой цѣли мѣста впаденія въ большую рѣку притоковъ. Здѣсь часто бываютъ мыски, весьма подходящіе для устройства городка, уже въ виду того, что отсюда открывается широкій кругозоръ и что можно легко наблюдать за людьми, ѣдущими по главной рѣкѣ и по нижней части притока. Если къ тому же такой мысокъ былъ отрѣзанъ оврагомъ отъ остальной части горы, то иногда со стороны низменности или рѣки, надъ которой онъ возвышался, устраивали еще небольшой подъемъ, и укрѣпленіе было готово.

Въ болѣе крупныхъ, вѣроятно татарскихъ, городахъ подъемы представляли изъ себя ребро двуграннаго угла, образующее съ поверхностью земли и воды весьма пологій уголъ (въ 35°). Такіе удобные подъемы значительно облегчали восхожденіе на высокія террасы, возвышающіяся иногда на 25—30 с. надъ окружающей мѣстностью, и по настоящее время ими пользуется мѣстное крестьянское и инородческое населеніе тамъ, гдѣ по близости имѣются городки. Также и скотъ легко восходитъ по нимъ, чтобы искать корма въ произрастающихъ на возвышенностяхъ лѣсахъ. Городки такого устройства встрѣчаются около Цингалинскихъ юртъ (Нар. вол.), около дер. Чугасной (Денщ. вол.), около татарскаго выселка Самтелѐ (Караг. вол.) и т. д.

Въ военное время вышеописанные подъемы большой опасности не представляли, такъ какъ по узкой тропинкѣ могли двигаться одновременно не болѣе двухъ человѣкъ въ рядъ и защитники всегда имѣли возможность сбросить ихъ внизъ. Самыя-же площади двуграннаго угла или боковыя стороны мыска были болѣе отвѣсны и составляли съ поверхностью земли болѣе тупой уголъ, около 50°, и тѣмъ затрудняли восхожденіе. Эти площади двуграннаго угла, какъ и ребро его, служащее подъемомъ, въ большинствѣ случаевъ были устроены геометрически правильно. Въ виду того, что уголъ, образуемый подъемомъ съ поверхностью земли, меньше угла паденія многихъ сыпучихъ тѣлъ (песка, супеси), самый подъемъ почти всюду хорошо сохранился, боковыя-же площади, которыя, какъ сказано, имѣютъ сравнительно болѣе тупой уголъ, частью изъѣдены обвалами, но тѣмъ не менѣе почти всюду позволяютъ видѣть прежнее устройство городка. Тамъ-же, гдѣ мысокъ не былъ укрѣпленъ

подобнымъ образомъ и гдѣ стѣны его остались отвѣсными, какъ были прежде, —этотъ типъ встрѣчается почти только на сѣверѣ—тамъ ежегодные обвалы до того измѣнили фигуру мыска, что сдѣлали городокъ неузнаваемымъ.

Мѣстами встрѣчаются подъемы и болѣе простаго устройства. Основаніемъ имъ служитъ какой-нибудь небольшой смежный оврагъ, который ради этой цѣли выравнивали и дѣлали слегка покатымъ. Такіе подъемы встрѣчаются у городковъ Чувашъ, Касимъ-Тура и др.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мысокъ укрѣпляли еще искусственно. Со стороны суши его перекапывали рвами и изъ выброшенной земли устраивали валы (урâм). Чаще всего городокъ имѣлъ одинъ ровъ и одинъ валъ, иногда же два концентрическихъ ряда валовъ. У татарскихъ городковъ мы встрѣчаемъ кое-гдѣ и три ряда ихъ.

Тамъ, гдѣ по близости не было мыска, выбирали просто мѣсто на берегу рѣки или озера, по возможности возвышенное, и окапывали его кругомъ рвомъ и укрѣпляли валомъ или нѣсколькими рядами ихъ. Но въ данномъ случаѣ работы было больше, такъ какъ приходилось дѣлать земляныя работы на большемъ протяженіи. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ берегъ рѣки не возвышался болѣе или менѣе значительно надъ уровнемъ воды, приходилось дѣлать почти круговые окопы, такъ какъ самый берегъ не представлялъ въ данномъ случаѣ достаточной защиты. Таковы, напр., городки, расположенные около Эбытъ-ега, притока р. Конды, Рут'-вош (Русскій городъ), Јам-вош [1]) и др.

Размѣры городковъ, ихъ валовъ и рвовъ, значительно больше на югѣ округа, чѣмъ далѣе къ сѣверу. Именно здѣсь встрѣчаются городки съ верхней площадью (внутри валовъ) въ 500—700 кв. с., какъ, напр., Сибирь или Искеръ, Чувашъ (Махметъ-кула), Касимъ-тура и др. [2]). На сѣверѣ-же, въ области Остяковъ, городки болѣе миньятюрны и чаще всего имѣютъ 70—140 кв. саж. въ соотвѣтствующей площади, и рѣдко болѣе 180 кв. с.

Валы и рвы тѣхъ и другихъ городковъ находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ размѣрами. У татарскихъ городковъ ширина рвовъ на верху 1½—2 с. и глубина 1½ арш. до 1½ с. до вершины валовъ. У остяцкихъ—ширина отъ 2 арш. до 1½ с., при глубинѣ отъ 1 арш. до 1 саж. Въ разрѣзѣ болѣе сохранившіеся рвы имѣютъ всюду фигуру треугольника, иначе ихъ стороны

[1]) Въ 2-хъ верстахъ отъ З. Пуштинскихъ юртъ (М. Кондинск. вол.).

[2]) Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ южныхъ городковъ остяцкаго происхожденія и что они только потомъ были заняты и увеличены Татарами; напр., о существованіи городка Сибири въ XV ст. сообщаетъ Карамзинъ, названіе другаго городка Чувашъ тоже выдаетъ его остяцкое происхожденіе (в а ш—городъ). Предположеніе же историковъ, что этотъ городокъ обязанъ своимъ именемъ поселенію Чувашъ, не имѣетъ основаній.

образуютъ двугранный уголъ. Валы, обыкновенно, мало выражены и образованы изъ земли вынутой, изъ рвовъ. Они расположены и передъ рвомъ, и съ внѣшней стороны его, но болѣе значительны первые. Ширина ихъ колеблется между 1 с. и 3 с. Послѣднiй случай имѣетъ мѣсто, если валъ находится между двумя рвами. Высота валовъ надъ уровнемъ площади городка въ настоящее время обыкновенно не превышаетъ: у Татаръ—1 арш., у Остяковъ $^1/_2$—$^3/_4$ арш.

На валахъ строили еще въ большинствѣ случаевъ деревянный частоколъ (сiттай-вош), снабженный воротами (вош-хŏтой). Помѣщался онъ, по всему вѣроятiю, внутри земляныхъ укрѣпленiй. Около городковъ, какъ и около селенiй, были устроены жердяныя пристани (ныры̆ каттый) и помостки для причаливанiя лодокъ (нарпай-вош).

Нѣкоторые изъ этихъ городковъ воспѣваются въ былинахъ и описываются въ сказанiяхъ и получаютъ, такъ сказать, историческое значенiе. Въ предѣлахъ Тобольскаго округа изъ такихъ городковъ назовемъ Т'âпâр-вош (Вож-охта), около Цингалинскихъ юртъ, и Карыпоспат-ŷрдат-вош, чтò значитъ «богатырскiй городъ у Стерляжьей протоки», такъ какъ онъ расположенъ около южнаго берега нижней Конды надъ самой Стерляжьей протокой. Въ Березовскомъ округѣ можно назвать Емдер-вош, около Ендерской протоки, и Нâнк-хуш-вош и Сой-хуш-вош гдѣ-то на нижней Оби. Отъ немногихъ другихъ городковъ сохранились кое-какiя преданiя (Хŷт-вош [1]) и Туй-пох-вош [2]) по Иртышу, отъ другихъ только названiя (Јам-вош, Рут'-вош, Елiй-âвыт-вош по Кондѣ, Охâјâн-вош [3]) по Иртышу и т. д.). Отъ большей-же части не осталось въ памяти народной никакихъ воспоминанiй, но они просто называются городками (вош) или городищами (вош-пай).

Если эти городки и оказывали большую услугу защитѣ въ немъ живущихъ, особенно при внезапномъ появленiи враговъ, то нерѣдко при ожиданiи набѣга болѣе сильныхъ непрiятелей, жители городка покидали его и искали убѣжище въ укрѣпленiяхъ болѣе надежныхъ. Такими укрѣпленiями были «мѣдные города» (пытыр-вâх-вош) былинъ, которые представляли изъ себя небольшiя крѣпости, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими палисадами и крытыя сверху мѣдными листами. Когда, въ военное время, ихъ запирали, то въ нихъ оставалось всего два отверстiя: одно въ верху для свѣта и другое — съ боку, только достаточное, чтобы войти богатырю въ кольчугѣ. Въ одной изъ имѣющихся у меня былинъ описывается подобный городъ, находившiйся

---

[1]) Около прежн. Колпуховскихъ юртъ (Нар. вол.).
[2]) На Камснномъ мысу около с. Самарова.
[3]) 5 вер. (по зимн. пути) вверхъ отъ Надвинск. юртъ, противъ дер. Н. Филатовой.

въ бассейнѣ средней Конды, на р. Еврѣ, въ мѣстности, которая теперь составляетъ часть Туринскаго округа. О подобныхъ-же городкахъ упоминается и въ самоѣдскихъ сказаніяхъ, образцы которыхъ приводитъ Кастренъ. Конечно сомнительно, чтобы въ странѣ, гдѣ не добывается мѣди, первобытный народъ, какъ Остяки, былъ въ состояніи выстроить изъ нея крышу надъ цѣлымъ городомъ. Но, какъ мы себѣ не будемъ объяснять устройство столь оригинальныхъ сооруженій, весьма вѣроятно, что иные изъ городковъ были сравнительно гораздо лучше укрѣплены искусствомъ или природой, такъ что брать ихъ было не подъ силу даже могучимъ богатырямъ. Что такіе городки дѣйствительно существовали, свидѣтельствуетъ исторія. Даже и такой опытный воинъ, какъ Брязга, въ продолженіи 3-хъ дней не могъ взять остяцкаго городка, который находился вблизи нынѣшняго села Демьянскаго (Дем. вол.), и только благодаря случайности ему удалось овладѣть имъ. И, съ другой стороны, остяцкія былины всюду такъ вѣрно и точно сообщаютъ топографическія свѣдѣнія, что можно не безъ основанія предположить существованіе подобнаго крѣпкаго городка и на р. Еврѣ, гдѣ мнѣ однако не удалось побывать.

Въ каждомъ маленькомъ княжествѣ первоначально имѣлся всего одинъ городокъ; болѣе укрѣпленныхъ мѣстъ не было. Но въ послѣдствіи, черезъ соединеніе подъ одной властью двухъ княжествъ [1]) или при посредствѣ дробленія одного владѣнія на два безъ окончательнаго раздѣленія ихъ на двѣ части произошли княжества съ двумя и болѣе городками.

Если обширные городки Татаръ, хорошо укрѣпленные и снабженные удобными подъемами, и могли служить убѣжищемъ для довольно значительнаго числа людей, то небольшія и слабо защищенныя укрѣпленія Остяковъ могли вмѣстить всего небольшое число жилищъ. Легко себѣ представить, что въ нихъ жили только князь, его родные, слуги и небольшая часть жителей и только при большой опасности въ нихъ укрывался и народъ [2]). Главная-же часть населенія, судя по всему, группировалась около городковъ въ видѣ селеній (п ŷ г о т; Вог.—п а у л'), состоявшихъ изъ бо́льшаго или меньшаго числа жилищъ и расположенныхъ часто у подножія такихъ террасъ, на которыхъ находились городки. Это видно какъ изъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ и изъ мѣстныхъ преданій. Такъ атаманъ Богданъ Брязга, во время своего похода внизъ по Иртышу, часто встрѣчалъ

---

[1]) Напр. историки сообщаютъ, что къ Туртасской волости принадлежала и Уватская.

[2]) Слишкомъ односторонне смотритъ на городки историкъ Миллеръ. («Ист. Сиб.» стр. 129). Посѣтивъ городокъ у Самарова (Т у й - п о х - в о ш), который отличается своею неприступностью, но весьма малыми размѣрами, онъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что городки служили убѣжищемъ только для женъ и дѣтей во время нашествія враговъ и что народъ въ нихъ не укрывался, но ожидалъ непріятеля въ полѣ или въ своихъ жилищахъ. Этотъ общій выводъ на основаніи одного городка довольно произволенъ и расходится съ данными, сообщаемыми остяцкимъ героическимъ эпосомъ и исторіей.

селенія Остяковъ вблизи городковъ; напр., Цингалинскія юрты, расположенныя въ двухъ верстахъ ниже городка, у самой рѣки. Подобное-же сообщаетъ и народное преданіе о Колпуховскомъ городѣ (Хӯт-вош) и селеніи. Это-же подтверждается и былинами. Въ нихъ говорится, что при предстоявшихъ народныхъ собраніяхъ глашатай обходилъ каждый домъ и созывалъ хозяевъ, что не могло-бы имѣть мѣста, еслибъ они жили разсѣянно и на большомъ пространствѣ.

Возможно, что небольшая часть жителей обитала вдали по рѣчкамъ и озеркамъ. Въ виду своей удаленности отъ центра, они, вѣроятно, принимали менѣе участія, какъ въ общественныхъ дѣлахъ, такъ и во всѣхъ предпріятіяхъ князей.

Весьма вѣроятно, что въ основу дѣленія страны на отдѣльныя независимыя княжества легло родовое начало. Конечно, наличныя данныя не позволяютъ утверждать, что всѣ лица такого княжества были членами одного рода, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно предположить, что такой союзъ состоялъ изъ немногихъ родовъ, чѣмъ изъ большаго числа ихъ. Это отчасти явствуетъ изъ остатковъ прежнихъ формъ землевладѣнія въ Тобольскомъ округѣ, гдѣ селенія, расположенныя въ глухихъ мѣстахъ и сохранившіяся до извѣстной степени отъ внѣшнихъ вліяній, и теперь состоятъ изъ одного или двухъ родовъ и представляютъ намъ примѣръ владѣнія земли на родовыхъ началахъ. Такая форма землевладѣнія встрѣчается еще нынѣ у Кондинскихъ Вогуловъ. У нихъ каждая дача составляетъ принадлежность особаго рода. Его представители являются единственными законными владѣльцами дачи, независимо отъ того, живутъ-ли они въ одномъ селеніи или въ двухъ, и, наоборотъ, живутъ-ли два рода въ одномъ селеніи. Подобная-же форма землевладѣнія была въ прежнее время и у Остяковъ, но теперь сохранилась лишь въ немногихъ мѣстахъ. Такъ, напр., с. Болчарово, на Кондѣ, собственно состоитъ изъ двухъ селеній, изъ юртъ Болчарскихъ и Магатскихъ, причемъ каждое изъ этихъ селеній состоитъ изъ представителей особыхъ родовъ и владѣетъ разными дачами.

Но и тутъ это родовое устройство мало-по-малу разрушается. На ряду съ вымираніемъ членовъ обоихъ родовъ, въ ихъ среду стали проникать разныя посороннія лица: Русскіе и Остяки, частью по усыновленію, частью по пріемнымъ приговорамъ. На Иртышѣ уже нигдѣ нѣтъ остяцкихъ селеній съ представителями одного или двухъ родовъ, а, напротивъ, въ слѣдствіе вышеуказанной и другихъ причинъ, ихъ число всюду велико и только кое-гдѣ отдѣльнымъ родамъ удалось удержать свои старыя родовыя земли отъ захвата со стороны своихъ односельцевъ, напр., въ Цингалинскихъ юртахъ. Въ этомъ селеніи кромѣ бщей дачи, которою пользуются всѣ на общинныхъ началахъ, отдѣльные роды

имѣютъ еще свои особыя «вотчины», перешедшія къ нимъ частью непосредственно отъ предковъ, частью путемъ купли или завѣщанія отъ лицъ, владѣвшихъ этими землями; изъ нихъ нѣкоторыя принадлежали даже къ смежнымъ юртамъ М. Кондинской волости. Документовъ на эти земли почти ни у кого не имѣется и никогда не было. Въ слѣдствіе бездѣтности значительной части жителей этого вымирающаго селенія, упомянутыя вотчины постоянно переходятъ изъ рукъ въ руки. Большая часть населенія этихъ юртъ всѣми мѣрами добивается обратить ихъ въ общественныя. Сомнительно, однако, чтобы имъ удалось этого достигнуть, ибо Управленіе Гос. Им. смотритъ на эти земли, какъ на выморочныя и подлежащія перейти въ казенное вѣдомство. Когда послѣднее совершится, тогда въ этихъ юртахъ и почти всюду по Иртышу прекратится у инородцевъ владѣніе на родовыхъ началахъ.

Родовыя владѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдующія:

1) Рѣчка Чагрова съ прилегающими землями (около Ягодной протоки) принадлежитъ 7 семьямъ родовъ Чагровыхъ и Подлиныхъ.

2) Р. Чилимка, притокъ Конды съ правой стороны, съ прилегающими угодьями. Составляетъ принадлежность 2-хъ семей и одной женщины изъ третьей—рода Дусматовыхъ.

3) Р. Вачкіева съ прибрежными угодьями (въ верховьяхъ Калмадаевскаго сора). Владѣльцами ея являются 3 семьи родовъ Каскиныхъ (2) и Мамкаевыхъ (1).

4) Озеро и рѣчка Калмадаевы, впадающія въ р. Чилимку, составляютъ владѣніе двухъ семей рода Кушлиныхъ, изъ коихъ пользуется ими только одна, такъ какъ другая перешла на жительство въ Айдарскія юрты (по Салыму).

Скажемъ къ слову, что подобное смѣшанное землевладѣніе, представляющее сочетаніе общиннаго съ родовымъ, въ настоящее время довольно распространено у русскихъ крестьянъ волостей, расположенныхъ по нижнему теченію Иртыша и по смежной части Оби (Уватской, Юровской, Демьянской, Денщиковской, Самаровской). Здѣсь родовое владѣніе, очевидно, произошло нѣсколько инымъ путемъ, именно исключительно при помощи купли и пріема въ закладъ отдѣльными семьями участковъ земли отъ коренныхъ жителей данныхъ мѣстъ—Остяковъ. Этими такъ называемыми «вотчинами» пользуются лишь представители того рода, къ которому онѣ принадлежатъ. Документы, свидѣтельствующіе совершенныя сдѣлки, имѣются почти у всѣхъ владѣльцевъ; имъ, какъ пришлому населенію, необходимо имѣть возможность доказать свои права на землю.

Въ остальныхъ селеніяхъ, какъ почти всюду въ Тобольскомъ округѣ, установилось, благодаря вліянію Русскихъ, землевладѣніе на общинныхъ началахъ, т. е. земля сдѣлалась принадлежностью всего селенія, изъ сколькихъ бы родовъ оно ни состояло.

Вышеуказанная прежняя форма землевладѣнія и наводитъ насъ на мысль, что дробленіе страны на небольшія самостоятельныя единицы находилось въ связи съ дѣленіемъ остяцкаго народа или, вѣрнѣе, каждаго его племени на роды. Прежде, когда вся страна находилась во власти Остяковъ, не было столько причинъ, мѣшавшихъ развитію патріархальнаго быта. Весьма вѣроятно, что роды были крупнѣе и число ихъ въ каждомъ владѣніи не велико.

И дѣйствительно, мы и по сейчасъ застаемъ нѣчто подобное у Обдорскихъ Остяковъ. Кастренъ сообщаетъ [1]), что они «распадаются на множество мелкихъ родовъ, изъ коихъ каждый образуетъ самъ по себѣ маленькое княжество или вѣрнѣе большое семейство», и эти семейства или роды иногда считаютъ сотни и даже тысячи душъ въ своей средѣ. То же замѣчается и у Самоѣдовъ. Большая часть членовъ отдѣльныхъ родовъ, конечно, не могутъ доказать своего родства между собою, но тѣмъ не менѣе смотрятъ другъ на друга какъ на родственниковъ, не вступаютъ между собою въ брачные союзы и оказываютъ другъ другу матеріальную поддержку.

Изъ мѣстныхъ преданій мы узнаемъ, какимъ образомъ иногда дробились и раздѣлялись роды и какъ иногда два рода соединялись въ одинъ союзъ. Напр., въ нынѣшнихъ Чиликанскихъ юртахъ (Т о н х - х ô т) [2]) прежде правилъ одинъ храбрый князь, который много охотился и воевалъ и потреблялъ такую массу стрѣлъ, что за нимъ всегда возили цѣлую подводу ихъ. Наконечники для этихъ стрѣлъ ковалъ онъ самъ, а перья должны были доставать его подданные. Извѣстно, что для этой цѣли годятся только перья орла и филина, птицъ немногочисленныхъ, и поэтому добыть большое число ихъ было дѣломъ не легкимъ. Тяготясь этой повинностью, часть его подданныхъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, покинули мѣсто Тонхъ-хотъ и поселились далѣе къ западу у Зимняго сора, а потомъ перенесли свои жилища на Конду, гдѣ теперь извѣстны подъ именемъ Магатскихъ Остяковъ. Нѣкоторое время послѣ ихъ переселенія они владѣли землей сообща съ Чиликанскими Остяками, а потомъ раздѣлили ее на 2 части. Это—случай дробленія одного рода и принадлежащей ему земли на двѣ части, причемъ мы видимъ, что обѣ половины распавшагося рода носятъ почему-то разныя фамиліи.

Черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства части Остяковъ, оставшіеся приняли къ себѣ часть другаго рода. Произошло это такимъ образомъ. Однажды по р. Чиликанкѣ плыли лодки съ вооруженными людьми, женщинами и дѣтьми. Князь Тонхъ-хота сначала принялъ ихъ за враговъ и хотѣлъ встрѣтить враждебно, но они ему закричали, что у нихъ мирныя намѣренія, что плывутъ изъ

---

[1]) A. Castren: «Ethnol. Vorlcs». стр. 106.
[2]) Меньше-Кондинской вол. Тоб. окр.

Эмдера (Берез. окр.) и ищутъ удобныхъ мѣстъ для поселенія. Князь ихъ принялъ и угостилъ, и такъ какъ имъ понравилось данное мѣсто, то они тутъ и поселились и вмѣстѣ стали владѣть землей. Отсюда, по словамъ Чиликанскихъ Остяковъ, у нихъ и числится два рода или двѣ фамиліи: отъ коренныхъ жителей происходятъ Лумкоткины, отъ пришельцевъ—родъ Галкиныхъ. Для насъ не важно, имѣло ли мѣсто все это въ дѣйствительности, хотя вѣроятно, что это преданіе не есть вымыселъ, но все же оно показываетъ, что и въ отдаленныя отъ насъ эпохи родовые союзы принимали въ свою среду посторонніе элементы и, съ другой стороны, нѣкоторые члены его сами селились у другихъ. Этимъ путемъ увеличивалось число родовъ въ каждомъ владѣніи.

Отдѣльныя княжества были весьма разной величины. Весьма вѣроятно, что въ большинствѣ случаевъ они совпадали съ остяцкими «волостями» (нынѣ: міръ) временъ татарскаго владычества; такъ, историки, повѣствуя о наступательномъ движеніи Русскихъ въ страну Остяковъ, говорятъ, что Брязга покорилъ Курбинскую (тат.), Туртасскую (ост.), Цингалинскую (ост.) и др. «волости» [1]), чтò можно понять только въ этомъ смыслѣ.

При завоеваніи Тобольскаго округа Русскими, по Иртышу были расположены слѣдующія остяцкія волости, начиная съ юга: Туртасская (съ Уватской), Назымская, Демьянская, Цингалинская, Нарымская, Тарханская и еще одна или нѣсколько у устья Иртыша и около прилегающей части Оби, т. е. въ самой сѣверной части округа, которая теперь составляетъ Темлячевскую волость. Можетъ быть, въ вышеприведенномъ перечнѣ и пропущена одна или другая мелкая волость, которая при завоеваніи края Русскими слилась со смежной; такъ, напр., на протяженіи около 240 вер. отъ р. Демьянки почти до устья Иртыша мы насчитали всего 3 волости.

Туртасская и Уватская волости названы у историковъ «татарскими», но вѣрнѣе предположить, что населеніе ихъ состоитъ изъ отатарившихся Остяковъ, чтò показываетъ какъ ихъ типъ, такъ и языкъ, который они отчасти сохранили и который представляетъ нѣкоторыя отличія отъ болѣе сѣверныхъ нарѣчій. И понынѣ главный языкъ ихъ татарскій, который, вѣроятно, и ввелъ въ заблужденіе лѣтописцевъ и историковъ. Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и въ Кондинскомъ краѣ.

Въ настоящее время почти ни одна изъ этихъ волостей не сохранилась до насъ въ неизмѣнномъ видѣ; напротивъ, болѣе мелкія изъ нихъ были соединены по 2—3—4 вмѣстѣ, именно, Туртасская съ Уватской и Назым-

---

[1]) Фишеръ такимъ образомъ характеризуетъ прежнюю волость: «волость, на татарскомъ и монгольскомъ языкѣ «улусъ», значитъ въ Сибири нѣкоторое пространство земли, надъ которымъ поставленъ князецъ или судья, такъ, напр., Татары и Остяки у Иртыша живутъ въ волостяхъ...» («Ист. Сибири II,» стр. 141,. прим.)

ская въ одну Назымскую, Цингалинская, Нарымская и Тарханская въ одну—Нарымскую, такъ что теперешнія «волости» по большей части заключаютъ въ себѣ нѣсколько прежнихъ, что̀ главнымъ образомъ находится въ связи съ вымираніемъ жителей. Но эти прежнія волости, однако, не пропали безслѣдно и въ настоящее время, а во многихъ случаяхъ составляютъ сельскія общества, на которыя бываютъ разбиты нѣкоторыя изъ теперь существующихъ волостей. Туртасское сельское общество представляетъ для насъ еще тотъ интересъ, что всѣ 3 селенія, изъ коихъ оно состоитъ [1]), еще по сейчасъ владѣютъ своими угодьями сообща, какъ было прежде при существованіи Туртасской волости. И эти угодья состоятъ изъ необъятныхъ лѣсистыхъ пространствъ, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Туртаса [2]).

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ владѣній въ Тобольскомъ округѣ было извѣстное, по весьма многимъ сказаніямъ, княжество съ городомъ Т'а̂па̂р-вош во главѣ. Оно, согласно преданію, выставляло въ походъ 300 мужей, что̀ можетъ соотвѣтствовать общему населенію не менѣе чѣмъ въ 1000—1200 душъ обоего пола. Хотя это число и не велико для самостоятельнаго владѣнія, однако намъ кажется, что оно нѣсколько преувеличено, такъ какъ вся Нарымская волость, южную часть котораго составляло это княжество—Цингалинская волость Миллера,—имѣла въ 1816 г., т. е. въ 7 ревизію, всего около 460 душъ обоего пола. Конечно, судя по сильному вымиранію ея жителей, что̀ доказывается точными цифрами ревизій въ разные года, оно и было прежде гораздо значительнѣе. Въ другомъ сказаніи упоминается о небольшомъ владѣніи гдѣ-то на Оби, хотя и безъ точнаго обозначенія мѣста, гдѣ числилось всего 50 воиновъ, что̀ соотвѣтствуетъ, приблизительно, населенію въ 200 душъ, группы жителей и теперь составляющей остяцкую волость средней величины.

Судя по всему, среднее число жителей мелкихъ княжествъ описываемой мѣстности было отъ 60 до 400 душъ обоего пола [3]). Съ этими выводами отчасти согласуются и соображенія, основанныя на данныхъ историческихъ [4]).

---

[1]) Юрты Туртасскія, Уватскія и Алымскія составляли бывшую Туртасскую волость. Въ 1858 г. въ ней числилось 52 м. и 54 ж., а въ 1886 г.—44 м. и 36 ж. Прежняя Назымская волость, существовавшая еще при завоеваніи Сибири Русскими, имѣла до соединенія ея съ Туртасской—5 селеній. Въ 1858 г. въ нихъ числилось 108 м. и 118 ж., а въ 1886 г., вслѣдствіе вымиранія жителей,—всего 70 м. и 69 ж. Теперь эта волость составляетъ Назымское сельское общество Назымской волости.

[2]) Въ 1888 г. почти все это огромное лѣсисто-болотистое пространство перешло въ вѣдѣніе казны.

[3]) Миллеръ упоминаетъ впрочемъ и о такихъ мелкихъ волостяхъ, которыя состояли изъ 3—10 годныхъ мужскихъ душъ.

[4]) По берегамъ Иртыша и Оби городки были расположены на разстояніи 20—60 вер. другъ отъ друга, какъ это видно изъ «книги Большаго Чертежа», которая относится къ концу

Границами всѣхъ владѣній Остяковъ и Вогуловъ и, въ весьма многихъ случаяхъ, Русскихъ и Татаръ служатъ разныя естественныя урочища: озера, рѣчки, лѣсъ и т. д., что̀ безъ сомнѣнія бывало и прежде. Эти межи вѣроятно до извѣстной степени соблюдались и въ старину. Въ сказаніяхъ и былинахъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ войнъ изъ-за захвата земель. Впрочемъ, страна тогда еще была такъ богата дичью и рыбой, а населеніе столь рѣдко, что въ подобныхъ захватахъ особой надобности не представлялось.

Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что и въ періодъ, описываемый былинами и сказаніями, южные Остяки уже жили осѣдло. Однако тѣмъ не менѣе они и понынѣ на оффиціальномъ языкѣ именуются «кочевыми» инородцами на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ кромѣ зимнихъ помѣщеній еще лѣтнія юрты въ урочищахъ, гдѣ они промышляютъ лѣтомъ. Это названіе и потому не выдерживаетъ критики, что подобное явленіе мы замѣчаемъ и у Русскихъ Тобольскаго округа. У нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже имѣются пашенныя и рыболовныя избушки вдали отъ селеній, а между тѣмъ ихъ никто не называетъ «кочевыми». Въ дѣйствительности же южные Остяки, насколько у насъ хватаетъ извѣстій, постоянно жили осѣдло, что̀ уже доказывается присутствіемъ у нихъ городковъ, и только на время промысла расходились по рѣчкамъ и лѣсамъ. Въ этомъ отношеніи они представляютъ большое различіе съ самыми сѣверными своими сородичами, которые дѣйствительно, подобно Самоѣдамъ, ведутъ бродячую жизнь.

ГЛАВА III.

Внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ Остяковъ.

Внѣшній видъ прежнихъ Остяковъ.—Признаки красоты и силы.—Мужская одежда.—Вооруженіе: кольчуги, мечи, луки и т. под.—Жилища: землянки и ихъ устройство.—Общественныя зданія.

Прическа Остяковъ въ старину была довольно оригинальная и отчасти сходная съ прической древнихъ Мадьяръ. Они стригли или брили волосы

XVI или къ началу XVII ст. Слѣдующій отрывокъ изъ этого памятника покажетъ намъ распредѣленіе городковъ въ той части Оби, которая орошаетъ сѣверную часть Тобольскаго округа.

...«А выше Иртыша на Оби градъ Ярдымъ.

«А выше Ярдыма отъ устья Иртыша 30 вер. гор. Мазымъ.

«А выше 30 вер. градъ Лирикъ. А выше Лирика 20 вер.—градъ Лунгулей.

«А выше Лунгуля 25 вер.—Салынра градъ. А выше 60 вер. Салымъ (Салынъ) градъ!..»

Столь тѣсное размѣщеніе городковъ не должно однако считать за признакъ густоты населенія, въ виду того, что въ этой мѣстности оно прежде, какъ и нынѣ, было сгруппировано исключительно по берегамъ рѣкъ.

спереди, а сзади заплетали ихъ въ косы, вѣроятно въ двѣ [1]), какъ оно еще понынѣ водится въ сѣверной части Березовскаго округа. Отсюда происходятъ эпитеты воиновъ и сватовъ ўгот-еудем — «со стриженной головой», и венg'ет-еудем—«со стриженнымъ лбомъ», и прозвище богатыря сêвей ŷрт — «косатый богатырь». Бороду они также носили, хотя она у нихъ, какъ вообще у угорскаго племени, и не отличается роскошнымъ ростомъ.

Своей красотой князья значительно превосходили своихъ подданныхъ, Про одного красавца богатыря (Куі мўрахта сêвей урт, куі мўрахта вегей ŷрт [2]) въ былинѣ разсказывается, что онъ ночью озарялъ комнату на подобіе утренней зари. Характернымъ признакомъ красоты у Остяковъ считалась бѣлизна и прозрачность тѣла. О красивыхъ людяхъ въ сказаніяхъ и сказкахъ говорится, что у нихъ «сквозь кости виденъ мозгъ и сквозь мозгъ видны кости». Но эта прозрачность тѣла считалась въ то-же время признакомъ нѣжности сложенія и физической слабости. Напротивъ отличіемъ силы была плотность и непрозрачность организма. Поэтому вѣщему богатырю было достаточно посмотрѣть сквозь своего противника на солнце, чтобы узнать, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Этимъ путемъ Эмдерскіе богатыри различили въ толпѣ враговъ своего главнаго противника, князя Евра: его тѣло состояло «какъ-бы изъ сплошной массы серебра и золота», настолько оно было непрозрачно; у другихъ-же были видны насквозь всѣ ихъ внутренности. У одного богатыря такимъ образомъ красота преобладала надъ силой, у другого наоборотъ. Но если признаки красоты и силы до извѣстной степени и расходились, то все-же оно не мѣшало богатырямъ—силачамъ имѣть свою особую мужественную красоту.

Относительно простой одежды Остяковъ въ былинахъ и старинныхъ сказаньяхъ нѣтъ прямыхъ указаній, но есть косвенныя; именно, въ одной изъ нихъ говорится, что у одного князя имѣлось два божка, одѣтыхъ въ малицы (кêлеп-тонх). Мы-же знаемъ, что весьма часто инородцы снабжаютъ своихъ идоловъ тѣми-же предметами, которыми пользуются сами. Въ виду этого можно предположить, что прежніе Остяки носили «малицы» (кêле), а можетъ быть и «гуси» и «парки», весьма распространенную въ сѣверной части Березовскаго округа одежду. Съ этимъ согласны и многія мѣстныя преданія. Они говорятъ, что, отправляясь по какимъ-нибудь надобностямъ во вражескій станъ, князья имѣли обыкновеніе одѣвать кольчуги подъ малицы, чтобы не

---

[1]) Мадьяры брили головы и носили 3 косички («Моравія и Мадьяры» К. Грота стр. 318).

[2]) Русскій переводъ этого прозвища будетъ: «Подобный болотной морошкѣ косатый богатырь, подобный болотной морошкѣ сильный богатырь».

быть узнанными среди простого народа. Малицы, гуси и парки дѣлались изъ оленьихъ шкуръ.

Въ виду того, что о сапогахъ (н'ӏр), шапкахъ и рукавицахъ (пôс; двойств. ч. пôсейен) нерѣдко упоминается въ былинахъ и сказаньяхъ, возможно, что ихъ иногда, именно лѣтомъ, носили особо, а не всегда они были пришиты къ зимней мѣховой одеждѣ. Матеріаломъ для нихъ служили звѣрныя шкуры, главнымъ образомъ оленьи, а также шкурки птицъ; въ одномъ сказаньи мы встрѣчаемъ рукавицы, сдѣланныя изъ шкурки филина.

Гр. Новицкій [1]) разсказываетъ, что главная одежда Остяковъ его времени, т. е. начала XVIII в., состояла изъ выдѣланной кожи рыбъ, главнымъ образомъ налима, осетра и стерляди, и что изъ этого-же матеріала они готовили себѣ и сапоги. Кромѣ того, они употребляли для этой цѣли и шкурки лебедей, гусей и другихъ птицъ. Весьма возможно, что подобная одежда дѣйствительно носилась Остяками въ прежнее время, хотя объ этомъ въ народной памяти и сохранилось весьма немногое. Въ сказаніяхъ и сказкахъ только изрѣдка встрѣчаются на это намеки; такъ, въ одной вогульской сказкѣ, которую мнѣ удалось записать, выступаетъ одинъ царевичъ, часто мѣнявшій свою одежду; однажды онъ щеголялъ въ сшитой изъ рыбьей кожи. Кромѣ того, въ былинахъ нерѣдко упоминаются «искусно содранныя шкурки болотной сороки» (јӏмес хорем н'урем сау сôх), «шкурки весенней чайки» (тâу халей сôх) и т. д., которыя вѣроятно тоже шли на одежду.

Богатыри, по словамъ былинъ, носили еще дорогія одежды изъ сукна (нуі), изъ тонкаго шелка (јермак) и изъ пушистаго бархата (пŷный бархат). Послѣдній очевидно принадлежитъ къ области народной фантазіи и составляетъ анахронизмъ. Обыкновенно-же въ былинахъ обувь и одежда богатырей называется вâгай н'ӏр, вâгай сах [2]), чтò значитъ «дорогая обувь», «дорогая одежда», а также «обувь и одежда, украшенная металическими подѣлками». Эти-же выраженія употребляются и для обозначенія обуви и одежды знатныхъ остяцкихъ женщинъ. Вообще у сѣверныхъ народовъ замѣтна лишь небольшая разница въ костюмѣ обоихъ половъ. На головѣ богатыри лѣтомъ носили шапки (міл', кыйыт). Пояса (êндып), на которыхъ носили ножи, были вѣроятно ременные.

Принадлежностью ихъ костюма былъ еще шелковый платокъ (јермак охчам), всегда носимый при себѣ. Имъ завязывали глаза въ случаѣ большой опасности, особенно когда приходилось бороться съ лѣшими и съ Самоѣдами—колдунами. Поступали они такъ, конечио, не изъ страха, незнаемаго богаты-

---

1) «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ», соч. Гр. Новицкимъ въ 1715 г. Спб. 184

2) Также вâгай кырн'а.

рями, а изъ опасенія, чтобы ихъ не сглазилъ союзникъ ихъ неуязвимаго противника—злой духъ [1]).

Вооруженіе остяцкихъ князей состояло изъ кольчуги (т â г а р, т â х р, т ê т; В о г: j у н т ы п т â у л'), меча (â т т а - к ê g' е, н â р), лука (j ô г о т) и стрѣлъ (н' о т). Иногда присоединялись топоръ (т â j е м) и дубинка изъ лиственичнаго или еловаго дерева (н ы р н â н к, н ы р х ŷ т).

Кольчуга и мечъ составляли непремѣнную принадлежность каждаго остяцкаго князя, какъ на войнѣ, такъ и дома, разъ предвидѣлась какая-нибудь опасность. Называлось такое княжеское вооруженіе сложнымъ словомъ т â х р-к ê g' е, въ переводѣ: «кольчуга-ножъ (мечъ)». Простые-же люди не имѣли кольчугъ, да и мечи вѣроятно были доступны немногимъ изъ нихъ.

Кольчуга представляла изъ себя рубашку, сдѣланную изъ металлическихъ колецъ, и имѣла форму остяцкаго «гуся», т. е. была снабжена и руками и шлемомъ; впрочемъ, были кольчуги и безъ верха. Откуда явились кольчуги неизвѣстно, но преданія о нихъ и понынѣ живутъ въ памяти инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Разсказываютъ, что кое-когда находили въ землѣ куски старыхъ кольчугъ и даже цѣлыя, принадлежавшія прежнимъ богатырямъ, о томъ-же сообщаютъ и многіе писатели [2]), но въ бытность мою на сѣверѣ западной Сибири мнѣ не удалось видѣть подобные остатки.

Кольчуга пользовалась у прежнихъ Остяковъ огромнымъ почетомъ и имѣла много названій, ибо дѣлала богатырей почти неуязвимыми. Ее называли «внушающимъ страхъ одѣяніемъ изъ полотна многихъ земель» (â р м ы г т â г а т п е т м а й т ê т), «одеждой, спасающей душу» (т î т ô т т е т а й т ê т) и т. д., не говоря уже о болѣе простыхъ эпитетахъ, какъ, напр., «звенящая кольчуга изъ блестящихъ колецъ» (н' і л е к т у і к ô в л а й т ê т [3]). По всему вѣроятію, онѣ были сдѣланы изъ бронзы, можетъ быть, и изъ желѣза. Самые зажиточные богатыри имѣли, по словамъ былинъ, драгоцѣнныя золотыя кольчуги (с о р н' і й, â л' м а й д е т ê т). Были еще кольчуги съ украшеніями: напр., съ многочисленными торчащими рожками (ô й е т с ô т н ê г е п т ê т) [4])

---

[1]) И теперь у южныхъ Остяковъ считается рискованнымъ для женщинъ, и вообще для непосвященныхъ, смотрѣть на шайтана, что-де легко влечетъ за собой слѣпоту.

[2]) ...«Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шабель, панцеровъ множество обрѣтаются, но вся сія ветхая, а наипаче при кумирахъ, а оттуду являеться, что древнихъ лѣтъ народъ сей упражняшеся воинскими дѣлы» («Кратк. опис. о народѣ остяцк.» Гр. Новицкаго, стр. 44).

[3]) Также: â р - м ы г - х о й т î т ô т т е т а й с ê у т â р ы м - п ô т' п е т ê т—«божественное, душу спасающее одѣяніе съ прочнымъ краемъ». Слова: «А р - м ы г - х о й» составляютъ эпитетъ сына Турома (Н а й р â х т â) и означаютъ: «Мужъ многоземельный», т. е. много странствовавшій. Въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено слово с ê у, означающее вообще «посохъ», «коса»,—мнѣ неизвѣстно.

[4]) Отсюда названія богатырей: «Н' і л е к т у і к ô в л а н т ê т â т т а ŷ р т», «звенящую кольчугу изъ блестящихъ колецъ носящій богатырь»; «ô й е т с ô т н ê г е п т ê т â т т а ŷ р т» и друг.

и т. д. Носили ихъ въ военное время обыкновенно подъ дорогими одеждами и подъ мѣховою и, подобно гусю, надѣвали черезъ голову.

При прибытіи Русскихъ, кольчугъ у Остяковъ повидимому не было, иначе историки сдѣлали-бы намъ какія-либо указанія по этому поводу. Относительно причинъ ихъ исчезновенія можно сдѣлать слѣдующее предположеніе. Сѣверо-западная Сибирь (за исключеніемъ Урала) не производитъ другихъ металловъ, кромѣ желѣза, и жители этого края, судя по всему, никогда не были искусными кузнецами. Почти нѣтъ сомнѣнія, что остяцкіе богатыри получали кольчуги извнѣ; откуда именно—неизвѣстно: съ запада, съ юга или съ востока. Извѣстно только, что не съ сѣвера, гдѣ и тогда обитали дикія орды Самоѣдовъ, стоявшихъ на еще болѣе низкой степени развитія, чѣмъ Остяки. Возможно, что Остяки получали кольчуги черезъ посредство своихъ западныхъ сородичей, Вогуловъ и Зырянъ, отъ Камскихъ Болгаръ [1]), которые вели обширную торговлю съ востокомъ и еще въ XIII в. проживали на берегахъ Волги и Камы. Прекращеніе привоза этого товара въ страну Остяковъ могло зависѣть отъ какого-нибудь сильнаго переворота въ сосѣднемъ государствѣ, съ которымъ они вели торговлю, было-ли то нашествіе другого племени или какое-нибудь другое обстоятельство [2]).

Что-же касается до того, куда дѣлись имѣвшіяся у прежнихъ князей кольчуги, то весьма возможно, что онѣ послѣдовали за ними въ могилу, по обычаю Остяковъ зарывать вмѣстѣ съ покойникомъ его самыя необходимыя вещи. Въ самомъ дѣлѣ кольчуги иногда находятъ въ землѣ вмѣстѣ съ костями людей.

Такимъ образомъ врядъ-ли возможно отсутствіе кольчуги у Остяковъ при нашествіи Русскихъ объяснять тѣмъ, что она существовала только въ народной фантазіи. Кольчуги упоминаются въ *каждомъ* сказаньи и былинѣ Остяковъ, Вогуличей и Самоѣдовъ. Описаніе кольчугъ иногда столь живо, что эти народы дѣйствительно должны были быть знакомы съ нею. Такъ въ одной былинѣ описываются ощущенія, испытываемыя богатыремъ при надѣваніи холодной кольчуги, и сравниваются съ ощущеніемъ человѣка, опро-

---

[1]) Кольчуги были извѣстны Болгарамъ, см. свидѣтельство арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста (стр. 24). Пр. Хвольсонъ замѣчаетъ: «я полагаю, что такія кольчуги ввозились въ Болгаръ съ далекаго запада и оттуда, въ свою очередь, шли на востокъ» («Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ и т. д. Ибнъ-Даста». Перев. съ объясн. Д. А. Хвольсона, стр. 187—188).

[2]) Тамъ-же сообщается о временномъ прекращеніи торговли приволжскихъ странъ съ востокомъ въ XII столѣтіи: «...во время нашествія Татаръ прекратилась торговля и изъ этихъ (т. е. приволжскихъ) странъ не привозили ни черныхъ лисицъ, ни бѣлокъ, ни б[illegible]выхъ шкуръ и никакихъ другихъ товаровъ, которые обыкновенно были привозимы изъ странъ».

кинувшаго себѣ на голову три ковша холодной воды. Когда, надѣвши кольчугу, богатырь гордо ходитъ по землянкѣ, то маленькія дѣти въ испугѣ пятятся назадъ отъ леденящаго холода [1]) желѣза. Все это весьма живо рисуетъ намъ настоящую кольчугу.

Изъ обоихъ названій меча—âтта-kêg'e и нâр—послѣднее слово болѣе старое и употребляется исключительно въ былинахъ и сказаніяхъ, первое-же и въ разговорномъ языкѣ. То-же можно сказать и про названія кольчуги тâгар и тêт. Послѣднее встрѣчается тоже лишь въ эпическихъ пѣсняхъ и то обыкновенно въ сложныхъ словахъ.

Мечъ былъ сдѣланъ изъ желѣза и имѣлъ, вѣроятно, деревянную ручку и такія-же или кожаныя ножны (сôдып). Размѣры его намъ не извѣстны. Богатыри имъ прекрасно владѣли и однимъ взмахомъ его разрубали человѣка на двѣ части. Старые мечи и понынѣ сохранились кое-гдѣ въ глухихъ мѣстахъ Тобольской губерніи, главнымъ образомъ, въ амбарчикахъ, посвященныхъ богамъ, гдѣ въ исключительныхъ случаяхъ, по словамъ инородцевъ, попадаются и кольчуги. Но удостоиться увидѣть божество и его доспѣхи, въ виду недовѣрія жителей, весьма трудно.

Въ одномъ героическомъ разсказѣ описывается еще одна чудесная сабля. Она не терпѣла, чтобы ее обнажали, а разъ это случалось, она, помимо воли владѣльца, рубила направо и налѣво и убивала всѣхъ находившихся вблизи, не взирая на то, были-ли это свои или чужіе, мужчины или женщины. Про эту саблю говорили, что она всегда «сочилась женской и мужской кровью» (нêй вырат, хуй вырат оувôт). Прозваніе ея было: Т'âпâр-jіттай-нâр—«ручная сабля Тяпарскаго (князя)».

Находимые почти въ каждомъ городкѣ куски желѣзной кузнечной окалины намъ показываютъ, что и въ тѣ отдаленныя времена Остяки были отчасти знакомы съ ковкой желѣза и выдѣлкой металлическихъ вещей, какъ, напр., ножей и наконечниковъ для стрѣлъ. Часть этихъ предметовъ впрочемъ еще съ XI в. доставлялась въ область Оби и Иртыша изъ Европейской Россіи. Русскій лѣтописецъ и арабскіе писатели единогласно сообщаютъ, что Югра (Остяки и Вогулы) вымѣнивала у своихъ западныхъ сосѣдей (Русскихъ, Болгаръ) мѣха на желѣзные товары [2]). Что касается мечей остяцкихъ богатырей, то

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что дѣло происходило зимой и въ жилищѣ, неспособномъ держать тепло.

[2]) «Извѣстія Ибнъ-Даста о Хозарахъ и т. д.» пр. Хвольсона, стр. 189: «Арабы знали, что Болгары вели на самомъ сѣверѣ съ Югрою нѣмую торговлю, причемъ они мѣняли мѣхъ на острые желѣзные товары. Объ этомъ слышалъ частью и Несторъ».

Эта торговля, вѣроятно, продолжалась и въ болѣе поздніе періоды и до самаго прихода Русскихъ въ Сибирь. Желая держать инородцевъ въ повиновеніи, послѣдніе, въ 1596 г., запретили купцамъ продавать имъ желѣзное оружіе, топоры и проч., что вызвало сильный

они, безъ сомнѣнія, чужеземнаго происхожденія. Врядъ-ли можно предположить, что прежніе Остяки были въ состояніи ихъ выдѣлывать. Вѣроятно, они тоже получали ихъ съ запада. Это подтверждается и словами арабскаго писателя Абу-Хамидъ эль-Андалуси о томъ, что болгарскіе купцы покупали въ исламскихъ странахъ простые, необдѣланные клинки мечей и возили ихъ въ страну сѣвернаго племени Юра, гдѣ на этотъ товаръ былъ хорошій спросъ [1]).

Искусство выдѣлывать металлическія вещи пало въ Сѣверо-Западной Сибири еще до XVI ст. Русскіе уже не застали остяцкихъ кузнецовъ. Они, по словамъ одной мѣстной легенды, ушли на востокъ, въ Китай. Мало того, теперь на 1,000 верстъ отъ Иртыша и Конды, гдѣ находятся городки, неизвѣстно мѣстонахожденій желѣзной руды.

Лукъ состоялъ, какъ и теперь, изъ двухъ половинокъ разныхъ древесныхъ породъ, склеенныхъ рыбьимъ клеемъ, перевязанныхъ ниткой и обмотанныхъ берестой. Нижняя половинка его дѣлается изъ «кремлевой» сосны, т. е. изъ той части боровой сосны, которая обращена къ солнцу и поэтому отличается особенной твердостью и плотностью, верхняя половинка изъ березы. Тетива дѣлается теперь изъ конопляной бичевы, обмотанной берестой; прежде, вѣроятно, приготовлялась изъ крапивной или изъ жилъ животныхъ. Въ одномъ гимнѣ описывается лукъ божества Па̂йра̂хт'а, тетива котораго состояла изъ 10 пучковъ пряжи, изъ коихъ 5 были крапивные и 5 изъ золотистаго шелка (сорн'а јермак).

Стрѣлы состояли изъ деревяннаго черенка и костянаго или желѣзнаго наконечника. Для строганія черенковъ употребляли какой-то инструментъ вал'шам. Наконечники, безъ сомнѣнія, выдѣлывались у самихъ Остяковъ. Смотря по назначенію, стрѣлы были снабжены разными наконечниками: стрѣла съ тупымъ костянымъ или деревяннымъ концомъ въ видѣ шишки—во̂лып н'от, та̂ма̂р употреблялась и понынѣ употребляется для охоты на бѣлокъ. Стрѣлы съ желѣзнымъ двувилымъ наконечникомъ (леп) предназначались для крупныхъ звѣрей: медвѣдей, лосей, оленей. Для птицъ и мелкаго звѣря употреблялись такія-же, но болѣе мелкія, желѣзныя и костяныя стрѣлы, а также одноконечныя (пус). Военная стрѣла имѣла трехгранную форму и отличалась болѣе крупными размѣрами. Называлась она хахрай н'от пете урый н'от— «стрѣла, граненная на подобіе граней клюва щелкуньи». Наконечникъ ея былъ изъ кости и изъ желѣза.

ропотъ со стороны инородцевъ (Вогуличей), которымъ было трудно обходиться безъ этихъ необходимыхъ предметовъ. Сами-же они въ это время уже не умѣли отыскивать руду и выдѣлывать изъ нея разныя вещи. Запрещеніе черезъ нѣкоторое время было отмѣнено. Только въ 1628 году около р. Ницы, въ Ирбитскомъ округѣ, была устроена первая за Ураломъ плавильня.

[1]) А. Хвольсонъ. Тамъ-же, стр. 190.

Противоположный конецъ стрѣлы былъ снабженъ перьями, которыя сидѣли на черенкѣ тремя продольными рядами. Для этой цѣли употреблялись исключительно перья отъ крыльевъ орловъ и филиновъ, какъ совершенно прямыя.

Кромѣ вышеозначенныхъ обыкновенныхъ луковъ, нѣкоторые богатыри имѣли еще болѣе искусственные, сдѣланные изъ лосиныхъ роговъ, причемъ отдѣльныя части ихъ были скрѣплены винтами. Эти луки были весьма крупныхъ размѣровъ и могли складываться. Таковъ, напр., былъ лукъ Сатыжинскаго князька Китвор-ôтер'а, который, по преданію Ландинскихъ Вогуличей, вѣсилъ 12 пудовъ и былъ столь тугъ, что семеро простыхъ людей не въ силахъ были его натянуть.

Лукъ былъ главнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ Остяковъ. Затѣмъ, какъ сказано, у нихъ были еще топоры, копья и дубинки.

Топоры рѣдко употреблялись въ битвахъ. Они были скорѣе орудіемъ для домашняго употребленія: для заготовленія дровъ, для постройки жилищъ и т. д., но также примѣнялись для разрушенія вражескихъ палисадовъ и во время охоты на звѣря. Изготовлялись они изъ желѣза. У богатырей они были большихъ размѣровъ: величиной съ лопатку оленя (хôр панхеда êне тâјем) и носились за поясомъ.

По словамъ Остяковъ, у нихъ въ прежнее время были еще посохи-топоры (сеу-тâјем), т. е. небольшіе топоры, насаженные на длинную палку. Употреблялись они въ дорогѣ, чтобы при случаѣ приготовить дрова для костра, а также для защиты, но не на войнѣ. Это какъ-бы зачатокъ алебарды.

Копья (суй, ôйда) у прежнихъ Остяковъ, вѣроятно, рѣдко употреблялись на войнѣ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ нигдѣ не упоминается, хотя, съ другой стороны, довольно многочисленныя находки ихъ въ предѣлахъ Тобольскаго округа, напр., около дер. Тòропки (Сам. вол.), и доказываютъ, что они были знакомы прежнимъ обитателямъ края. Эти желѣзные наконечники имѣли отъ 3 до 5 верш. длины и состояли изъ острія и конической трубки, при помощи которой ихъ насаживали на заостренные колья. Нѣкоторые изъ этихъ наконечниковъ настолько невелики, что скорѣе напоминаютъ концы дротиковъ, чѣмъ копій. Главное назначеніе копій (рогатинъ) было прежде, какъ и теперь,— служить оружіемъ при охотѣ на медвѣдя.

Употребленіе щитовъ было неизвѣстно прежнимъ Остякамъ.

Жилища. Главный типъ жилищъ прежнихъ Остяковъ были землянки. Онѣ назывались просто «домомъ» (хôт, хâт). Теперь онѣ вывелись въ Тобольскомъ округѣ и въ южной части Березовскаго и кое-гдѣ сохранились въ его сѣверной части да въ Сургутскомъ округѣ. Въ предѣлахъ Тобольскаго

округа такія землянки строятся только около нѣкоторыхъ водныхъ бассейновъ, гдѣ промышляютъ зимой. По сравненіи съ общеупотребительными въ настоящее время на югѣ деревянными домами (х ô т, х â т) землянки называются теперь м ы г - х ô т, т. е. «земляными домами».

Онѣ представляли изъ себя четыреугольную яму, куда иногда опускали небольшой деревянный срубъ, и имѣли крышу (т а й е т, т ô р о ш) изъ жердей, крытыхъ дерномъ из смлей [1]). Крыша была не сплошная, а имѣла сбоку или по серединѣ довольно большое отверстіе для выхода дыма и для свѣта (х ô т х ô н ы й в ы с). Подобныя жилища въ прежнее время оконъ не имѣли. На ночь это отверстіе обыковенно чѣмъ-нибудь закрывалось: клокомъ сѣна, пучкомъ тростника или шкурой. Съ одной изъ сторонъ землянки былъ устроенъ входъ, къ которому велъ рядъ ступенекъ или просто спускъ. Входъ былъ защищенъ небольшой досчатой дверью (х ô т - о й, х â т - а у). Небольшая площадка передъ дверью, огороженная съ обѣихъ сторонъ жердями для защиты входа отъ вѣтра, вѣроятно, и называлась т ê б ы н — «сѣнями», о которыхъ неоднократно упоминается въ былинахъ. Трудно предположить, чтобы т̥ ê б ы й изображалъ изъ себя особую пристройку передъ входомъ, развѣ только у князей. Сѣни служили любимымъ мѣстопребываніемъ охотничьихъ собакъ.

Около жилищъ находились амбарчики (т а б а с; к ы м а) [2]) на высокихъ ножкахъ, гдѣ хранилась домашняя провизія и разныя вещи. Одинъ изъ нихъ обыкновенно предназначался для домашняго божества и его доспѣховъ.

Внутри землянокъ простѣйшаго устройства, каковы, напр., вышеупомянутыя рыболовныя избушки, все состоитъ изъ земли: полъ (х â т - х â р), скамьи (в а т ' - х â р) и очагъ или чувалъ (т'о г о л), который представляетъ изъ себя небольшую выемку въ земляной стѣнѣ, какъ разъ противъ отверстія крыши, такъ называемаго х ô т х ô н ы н в ы с. Иногда мѣсто для разведенія огня бываетъ посреди комнаты и въ этомъ случаѣ отверстіе для выхода дыма находится въ ея центрѣ.

Въ болѣе усовершенствованныхъ землянкахъ, какими были жилища князей, а, можетъ быть, отчасти и простыхъ людей, скамьи, стѣны и полъ были изъ дерева, причемъ послѣдній имѣлъ даже эпитетъ «дощатый» (п у с ы й х â т - х â р). Чувалъ въ подобныхъ землянкахъ, вѣроятно, тоже имѣлъ деревянный остовъ и былъ покрытъ толстымъ слоемъ глины, какъ это и нынѣ водится на сѣверѣ Сибири.

---

[1]) О подобномъ-же устройствѣ жилищъ сообщаетъ и Миллеръ, при описаніи городка около с. Самарова: «...Внутри видны слѣды двухъ избъ по двумъ ямамъ, надъ которыми тѣ избы до половины въ землѣ и до половины сверхъ земли изъ досокъ были сдѣланы и землею осыпаны, какъ то въ старину у Остяковъ въ обыкновеніи было. Нынѣ такихъ юртъ у нихъ весьма мало осталось». («Ист. Сиб.», стр. 129).

[2]) Возможно, что первое слово заимствовано отъ Русскихъ («лабазъ»), такъ какъ на сѣверо-остяцкомъ нарѣчіи оно произносится т л а б а с. Къ тому-же въ былинахъ оно, повидимому, не встрѣчается и замѣняется словомъ к ы м а.

8*

Небольшой промежутокъ между чуваломъ и стѣной дома, называемый т'о г о л-лох, служилъ мѣстомъ для храненія и сушки дровъ.

Весь домъ обыкновенно состоялъ изъ одной комнаты, гдѣ и помѣщалась вся семья; взрослымъ дѣвицамъ отводили особый уголъ, гдѣ онѣ сидѣли за занавѣсомъ.

Часть дома и комнаты, обращенная къ дорогѣ или улицѣ (х ô р т), называлась «лицевой» или «фасадомъ» (м у т). По этой улицѣ были кое-гдѣ вбиты столбы (â н к е т, в о ш - â н к е т) для привязыванія оленей, иногда изукрашенные зарубками и изображеніемъ человѣческаго лица или животныхъ.

Подобные столбы еще отчасти понынѣ сохранились въ нѣкоторыхъ юртахъ по Кондѣ, причемъ между ними встрѣчаются и довольно оригинальные, съ изображеніемъ, напр., птицы, сидящей на крышѣ. Эта птица вѣроятно ничто иное, какъ почитаемый ими лебедь. Кромѣ своего прямаго назначенія, эти столбы имѣли еще какое-то символическое значеніе, ибо къ нимъ привязывали и теперь привязываютъ жертвенныхъ животныхъ, предназначенныхъ для общественныхъ жертвоприношеній.

Кромѣ частныхъ жилищъ, во многихъ поселеніяхъ имѣлись еще большія общественныя зданія для народныхъ собраній (т'а т' т а й т а ê н е х ô т, м о й т а й т а ê н е х ô т) [1]. Состояли они изъ жердей и были вѣроятно конической формы. Размѣры ихъ иногда были довольно значительны; такъ, въ одной былинѣ разсказывается о такомъ зданіи, состоявшемъ изъ 800 жердей (н і т с ô т - ш у р п е ш у р ы й х ô т). Иногда, впрочемъ, собранія происходили въ обширныхъ помѣщеніяхъ князей.

*С. Патканов*ъ.

(*Оконч. въ слѣд. вып.*).

---

[1]) Т. е. «большой домъ для сбора воиновъ и сватовъ».

Этимологическія замѣтки.

Мр. Багачъ. Мр. багатьтя, жаръ, горячія уголья. Въ значеніи богатства это слово въ мр. кажется утратилось, но сохранилось въ бруссо.: «ёнъ памёръ, а намъ осталося его багацьце», Роман. Бр. Сб. 3, 189; см. также Носовича Слов. Даль напрасно сомнѣвался въ связи этого слова съ богатъ и пр. Его смущало первое *а* въ мр.; но это произвольное мр. измѣненіе неударяемаго *о* подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ *а*: гарячій и т. п. Названіе багатьтя можно сблизить съ представленіемъ жара (горячихъ угольевъ) золотомъ (мое соч. Объясн. мр. пѣс. II 590), съ разсказами о превращеніи жара въ золото и на оборотъ.

Другое мр. (откуда — Курск., Ворон., Дон.), а по Далю и бр. слово для огня и жару, богачь, багачъ, конечно, очень древнее, встрѣтилось въ письменности впервые въ XVII в.: «N почалъ грѣтися ведле богачу»; «N и N, едучи заедно (вмѣстѣ), настигли оних N и N на начлѣзи подъ селомъ N на дуброви. Малаховичь пришолъ до нихъ богачу (т. е. по огонь, оборотъ мр. и литов.) и сталъ погриватися (=шутить), а панъ Нѣринецъ, порвавши хлудину, ударитъ его по езадку: «иди, скурви(й) сину, по дрова, а тутъ негрѣйся!» (1690 г. Акты Стародуб. магистрата). Представленіе огня богачомъ (лицомъ) ср. съ названіемъ въ Ригъ-ведѣ (Агни-домовладыки (гр̥һапати) владыкою богатствъ, «раји̂патû раји̂нâм» (D. Koulikovsky, Les trois feux sacrés du Rig-veda[1]), Par. 1889, 6).

Бдынъ. Востоковъ: «надгробный памятникъ? Прол. XV в., Іюля 11. (Ольга) призва сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрестис(я), а могылы не сути, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти» (Слов.). Тоже повторяетъ Миклошичъ, а Котляревскій (О погреб. обыч. 118—20) думалъ, что это не вообще надгробный памятникъ, а именно срубъ, домикъ для отдохновенія души, «голубецъ» и сближалъ съ буда (см. у Срезн. Сл.). У Срезневскаго (Слов.) вовсе нѣтъ объясненія, но къ цитатѣ Востокова прибавлено: =дына—дыни, годины (?). На основаніи слѣдующаго можно думать, что бдынъ означало не памятникъ или голбецъ, а какой то моментъ поминокъ, отличный отъ тризны: «лѣта 7112, мца октября в 6 день пріѣзжала Өедорова жена Тиханова Марья мужа своего Өедора дынити, и

[1]) Оттискъ изъ Rev. de l'hist. d. relig. XX, 156.

дала она по Ѳедорѣ на столъ полтину да на понахиду шестнадцать алтынъ двѣ денги», (кн. приходная Болдина Дорогобужск. М-ря, Акты отн. до Юрид. б. II, 270).

Бѣлая Русь. Въ нынѣшнемъ значеніи это названіе—у Котошихина: «А пишетца та титла: «всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ» не изстари, вновѣ, при нынѣшнемъ царѣ, какъ учинилась въ вѣчномъ подданствѣ Малая Росія, войско Запорожское, гетманъ Богданъ Хмельницкой съ козаками и со всѣми Черкасскими городами. Великою Росіею прозвано Московское государство; Бѣлая Росія — Бѣлорусцы, которые живутъ около Смоленска и Полотцка и в ыныхъ городѣхъ (2-е изд. 103—4). Но въ разныхъ случаяхъ, напримѣръ, при опредѣленіи происхожденія памятника, названнаго Бѣлорусскимъ, а по язычнымъ признакамъ Малорусскаго, слѣдуетъ принимать въ соображеніе, что въ Москвѣ, въ началѣ XVII в. подъ Бѣлою Русью разумѣлось не только то, что̀ у Котошихина и нынѣ, а и мѣстности малорусскія: Кіевъ, Волынь. Въ «распросныхъ рѣчахъ полоняниковъ въ Патріаршемъ дворцовомъ приказѣ», 1623—4, находимъ: съ одной стороны «N женился въ Могилевѣ, вѣнчалъ Бѣлоруской попъ» (Р. ист. библ. II, 658), съ другой: «свезли-де его N въ Кіевской повѣтъ, жилъ у Бѣлорусца» (ib. 610), «Свели его въ Кіевъ, жилъ у Бѣлорусца» (ib. 630); «родина-де ся въ Бѣлой Руси въ Хвастовѣ» (ib); «Бѣлорусцы: Мих. Ивановъ с. Гулянскій, руское имя Анисимъ, сказалъ, родина-де его въ Острожскомъ повѣтѣ... Ондрѣй Ларивоновъ с. Шкундековъ, русское имя Перфирей, сказалъ, родина-де его подъ Вишневцемъ» (ib 614). (Этихъ обливанцевъ въ Москвѣ не считали православными (какъ и позднѣе, въ нач. XVIII в. попъ Лукьяновъ писалъ «о несогласіи греческомъ съ Восточною церковью», Пут. Лукьян. 45). Патріархъ Филаретъ Никитичъ приказывалъ пришлыхъ съ юга, даже поповъ и игуменовъ, перекрещивать на Москвѣ «въ Православную христіанскую вѣру», откуда у вышеупомянутыхъ второе «русское» имя).

Одно изъ ходячихъ объясненій принимаетъ эпитетъ въ Бѣлая Русь въ его относительно первообразномъ значеніи: эта Русь въ болѣе тѣсномъ этнографическомъ значеніи названа по цвѣту свитъ и яломковъ (шеланковъ, магерокъ[1]). Болѣе обширное значеніе такого названія было бы неточно, ибо южная Русь въ этомъ смыслѣ не бѣлая (въ восточн. мр. бѣлыя свиты носятъ только женщины, а бѣлыя шапки очень рѣдки); но было бы объяснимо тѣмъ, что южнорусская полоса бѣлыхъ свитъ и яломковъ (въ Полѣсьѣ, Чуб. VII 413.

[1]) Пол. magierka—отъ magier, magiór, węgierka (Linde); на Руси—не позже XVII в.: «выѣхали изъ деревни человѣкъ съ 15, а на нихъ магирки литовскія, и почали имъ говорить по литовски (по бѣлорусски?) не утекайте-де!», 1618, Акты Моск. гос. I, 148.

721) и въ Черниго‍в. губ.?) отдѣляютъ Московское государство XVII в. отъ остальной южной Руси. Однако такое объясненіе едвали достовѣрно. Сходное объясненіе термина червоная Русь (невѣжды пишутъ червонная), отъ червца, которымъ до недавняго времени красили ткани, тоже сомнительно. Червецъ водится во всей южной Руси, а не въ одной Червоной, названіе коей (города Червеньсціи, Лавр², 140, подъ 1018), могло пойти отъ города Червена (Лавр², 86, подъ 981). Назв. Бѣлая и Червоная Русь могутъ быть не одновременны и даны не съ одной и той же точки. Если упомянутое объясненіе вѣрно, то Бѣлая Русь во всѣхъ значеніяхъ включала бы нынѣшнія бѣлорусскія мѣстности; между тѣмъ, по свѣдѣнію XVI в., съ польской точки зрѣнія нынѣшняго запада, Русь считалась Чорною, а Великая—Бѣлою: «Ruś pod kniaziem Moskiewskim Białą Rusią nazwano, a tę, która do Polski należała—Czarną» (Gwagnin, Linde, Ruś [1]). Если это такъ, то скорѣе можно думать о бѣлый въ значеніи «вольный»: бѣлое мѣсто, нетяглое (XVI в. Срезн.); бѣломѣстьная грамота (ib); бѣлопашецъ; для бѣлый свѣтъ (міръ) синонимъ вольный свѣтъ, иногда «бѣлый вольный свѣтъ» (Безс. кал. в. 2, 300, 324); бѣлый царь, ставшее названіемъ Русскаго царя, первоначально въ болѣе широкомъ значеніи: «вольный царь» («свѣтъ ты вольный царь Иванъ Васильевичъ», Кир. П. VI, 150); въ посольскихъ рѣчахъ В. к. Литов. Александра крымскому хану Менгли-Гирею: «господине царю, царь вольный! Коли тая прыязнь межи ними» (твоимъ и моимъ отцомъ) «была, тогда вольными цари слыли и многіи земли и государства имъ ся кланивали», 1500, Ак. З. Р. I, 210.

Тоже значеніе эпитета было примѣнено и иначе: Бѣлая Русь, быть можетъ, потому что не была покорена Татарами (Драгомановъ).

Буртальникъ. «Напустиша буртальники Нѣмецкіе вѣтръ на Псковскую силу и на Московскую, и пыль изъ пушекъ и изъ пищалей, Пск. I, подъ 1501 (Срезн. Слов., безъ объясненія). Бурапыльникъ (ib.)—искаженіе предыдущаго слова, быть можетъ подъ вліяніемъ пыль. Это—сопровождавшіе войско колдуны, предсказатели, только не нѣмецкіе, а лотышскіе: лит. burtininkas, предсказатель, т. е. собств. (судя по лотыш. burtnêks, der den kerbstock führt, гуменный, что нарѣзываетъ на биркахъ), метатель жеребьевъ съ нарѣзками; лит. burta, жеребей; лот. Pir verzeichniss, burtas-kôks, бирка; лит. burti, предсказывать, лот. bort, вообще колдовать; лот. burwis, ж.-е., колдунъ, колдунья, лит. лот. слова могутъ быть сродны по

---

[1]) О томъ, что въ XIV в. Поляки и Нѣмцы Прусскіе и Ливонскіе разумѣли подъ Бѣлою Русью нынѣшнюю Бѣлую Русь см. въ Смѣси замѣтку нашу «Бѣлая Русь». Ред.

корню съ бърть, долбленый въ стоячемъ деревѣ улей (значенія: мр. вр. «einschnitt Mikl. Ueb... trъt, 14», я не встрѣчалъ), которое сближаютъ съ лат. forare и пр. Значенія близкія къ forare встрѣчается и въ брати: мр. (угор.): «зумру, зумру въ чуджімъ краю, Кто ми буде брати яму? Гол. II, 238; галиц. «Ой у лісі підъ яворомъ вибрали керницю», ib. 776.

«Бычокъ дристунокъ», на коемъ спасался отъ преслѣдованія герой сказки. Ср. «tradunt in Paeonia feram, quae bonasus vocetur, equina juba, caetera tauro similem (зубръ), cornibus ita in se flexis, ut non sint utilia pugnae, quapropter fuga sibi auxiliari, reddentem in ea fimum, interdum et trium jugerum longitudine, cujus contactus sequentes ut ignis aliquis amburat». Plin, Hist. Nat. VIII, 16.

Вода превращается въ вино въ ночь подъ Рождество или подъ Крещенье (мое соч. Объясн. мр. пѣс. II 389, 392). Повѣрье это перешло къ Славянамъ и Нѣмцамъ вм. съ христіянскимъ календаремъ, но происхожденія оно языческаго: «In Andro insula (Эгейскаго моря), templo Liberi Patris (Вакха), fontem Nonis Ianuariis (5 Января) semper vini sapore fluere Mucianus ter consul credit; Διὸς Θεοδοσία vocatur». Plin. Hist. Nat. II, 106. «Mucianus—Andri e fonte Liberi Patris, statis diebus septenis ejus dei, vinum fluere; si auferatur a conspectu templi, sapore in aquam transeunte», ib. XXXI, 13.

Волотъ (Mikl. Lex.; Срезн. Слов.), мр. вéлетень. Въ Кн. Больш. Черт.: ..ниже Лебедяни на устьѣ рѣки (Красивой) Мечи—Волотова могила (². 42). Въ Брусс. волотками и волоточками называются курганы (Срезн. l. c.). Туземное названіе прилагалось и къ новымъ мѣстамъ: въ Сибири за Тазомъ — Волотово городище (Кн. Б. Черт. 106). Волотова кость: «остатки волотовъ народъ видитъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ» (Даль Сл.); «десь у церкві, у Киеві чи у Львові, стоіть тамъ нога з ідного велетня, и така, кажуть, прездорова, що ажъ до бані (купола) сягає, Драгом. Мр. пред. 383; помнится, въ дѣтствѣ я самъ видѣлъ гдѣ-то въ Ц. польск. въ притворѣ костела ребро кита или другаго большаго животнаго, и слышалъ, что это «z wielkoluda» (Русск. искаженіе этого слова въ Гродн. г.— верблюдъ, Срезн. свѣд. и зам. 6. I, 9); въ вр. заговорѣ отъ половаго безсилія: «Встану я... пойду мимо волотовы кости могила (? sic). Какъ волотовы кости нетропнутъ (?) негнутся, такъ бы у меня р.. б. өирсъ не гнулся», Майк. Вр. Закл. 473.

Названія великана отъ именъ народовъ (въ герм. нар. Iötunn, Enz, Hüne; въ слав. щудъ, можетъ быть исполинъ, obr.—olbrzym) еще не вполнѣ убѣждаютъ, что и волотъ отъ имени народа Велетовъ, Волотовъ (Бусл. Оч. I, 176). Есть мѣсто и другой догадкѣ.

Звукъ *р* передъ конечнымъ ъ и послѣ согласныхъ остается въ быстръ, вѣтръ, пьстръ, хытръ, рьдръ, добръ, хоробръ и др., но исчезаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые едвали кому либо удалось отличить отъ упомянутыхъ. Общепризнанный такой случай въ братъ при братръ, чешск. bratr, польск. braterstwo,—erski. При польск. sprzęt, посуда, стар. sprzętr, sprzetrem, na sprzętrze (Linde). Худъ, стар. малъ, не смотря на лит. kodas, лот. kuds, худощавъ, которыя считаю заимствованными изъ русскаго, считаю тождественным съ др. инд. кшудра, малъ, основываясь какъ на томъ, что кш = осн. ск, а ск, к — х, какъ въ скълз- хълзъ, такъ и на *р*, оставшемся въ польск. chuderlawy, chudorlawy, чешск, chudrlavý мр. вр. худорба, худерба. Миклошичь въ Vgl. Vb., по видимому отказался отъ своего предположенія, что простъ изъ про-стръ, какъ болг. простренъ simplex (V. Gr. ² I, 69), но это предположеніе едвали совсѣмъ устранено. Суф. — та образуетъ съ одной стороны прич. страд. и имена произведеній (молотъ въ «кормить свиней молотомъ» Носовичь, нѣм, malz, польск. młoto, чешск. mláto, пивная гуща), а съ другой имена дѣйствующихъ лицъ и производимыя отсюда имена орудій: моло-тъ, malleus, какъ раздробляющій; рътъ, собственно роющій (ср. рыло и лат. rutrum заступъ); би-тъ, какъ бьющій, въ хорут. bit schlägel (Mikl.), въ русск. битокъ и въ сложныхъ, какъ шерстобитъ. Въ виду этой двойственности значенія, быть можетъ позволительно предположить здѣсь давнее звуковое совпаденіе двухъ суффиксовъ: — та-и-тар—*Р* слова молотъ (если изъ молотръ) можетъ быть сохранено въ — ыр вр. обл. молотырить, молотить, бить. Дубъ изъ джбръ (др. вн. zimbar, дрова, дерево), съ *р* оставшимся въ джбрава, дуброва. (Mikl.). Зубъ изъ зжбръ, съ р. въ зубрить, зазубра, польск. zębry, zębrze. Своробъ быть можетъ изъ своробръ: ср. русск. свороборина, шиповина (какъ колючій, причиняющій своробъ), серб. срборитка, шипков. плодъ (Mikl. Vgl. v.), которое въ такомъ случаѣ дѣлалось бы такъ: срб-ор-ита а не србо-рита. Въ сухъ можетъ быть сліяніе двухъ образованій: съ суф. — *а* (=лит. saus-as) и съ *р*, которое въ мр. сухорлявый.

Если согласно съ этимъ предположеніемъ, что волотъ изъ + волотръ, то эта послѣдняя ф. будетъ соотвѣтствовать др. инд. Вр̥тра, имя похитителя небесныхъ водъ, поражаемаго перуномъ (ваджра) индійскаго громовержца Индры. О связи демоновъ, въ родѣ Вр̥тры (Асуровъ и пр.) съ великанами (ётунами, гигантами) см. Mannhardt, Germ. Mythen pass., а также Kuhn, Ueber die entwickelungstufen der mythenbildung, Abhandl. der Ak. d. wissensch. zu Berl. 1873, 129 сл. Др. инд. Вр̥тра сближаютъ съ гр. Ὄρθρος (Max. Müll., Mannh. l. c. 198). Незнаю, на сколько случайно совпаденіе

значенія и знаковъ съ Volta у Плинія: «exstat annalium memoria, sacris quibusdam et precationibus vel cogi fulmina, vel impetrari. Vetus fama est, impetratum (т. е. fulmen), Volsinios urbem, agris depopulatis, subeunte monstro, quod vocavere Voltam», Pl. H. N II, 54. Оставляю также вопросомъ, къ тому ли семейству словъ, къ коему Вртра (вар- покрывать, заключать и пр.) относится лит. we'lnas, лот. welns, чортъ и лит. мн. welès, лот. weli души усопшихъ. Лот. welna ménesis, чортовъ мѣсяцъ=welu laiks.. garu laiks, время душъ, октябрь, какъ время поминокъ, дѣдовъ.

Кобылья голова (костякъ), Аѳ. Поэт. В. I, 634; III 792. Обычаи, какъ «втыкать на колъ въ дворѣ или на углу постройки конскій черепъ, чтобы «велось» (Харьк. г., село Кочетокъ), «żeby od miejsca odwrócić urok» (Kolberg Lud. V, 41); класть подъ ясли для предохраненія скота отъ болѣзней и чаръ (ib. 276), класть въ ногахъ ребенка, больного «na suchoty» (Kolb. L. III, 95), эти обычаи указываютъ, по видимому, на то, что это остатокъ умилостивительныхъ жертвъ. Максимовичь (Собр. соч. II 796) сообщаетъ, что «когда болотяникъ вздумаетъ настойчиво разорять въ греблѣ (плотинѣ) каждую ночь то, что сработано въ продолженіе дня, тогда противъ этого есть особенное знахарское средство: закопать въ греблѣ «кобылячу голову», которой болотиный дидько и нелюбитъ и боится». Эта нелюбовь можетъ быть позднѣйшимъ объясненіемъ, а первоначально и здѣсь можетъ быть жертва, соотвѣтствующая по цѣли человѣческой, о которой говоритъ между прочимъ серб. п. о построеніи Скадра (Кар. П. II, № 26):

Град градили Скадар на Бојани..
...Што мајстори за дан га саграде,
То све вила за ноћ обаљује.
...Тада виче са планине вила:
...«Немо'ш- краље, темељ подигнути,
А камо ли саградити града,
Док не нађеш два слична имена,
Док ненађеш Стоју и Стојана,
А обоје брата и сестрицу,
Да зазиђеш кули у темеља».

«Стоју и Стојана» чтобы стѣны стояли. Согласно съ симъ можно думать, что кобыльи головы въ межевыхъ ямахъ — не просто «писцовый межевой признакъ», какъ «каменье, и береста, и кости, и уголье, и смола» (Ан. Ѳедот. Чехов. II, 545), а остатокъ стариннаго обряда освященія и укрѣпленія межи: «Починъ межѣ Чудова монастыря отъ межи Спаса Новаго м-ря, отъ деревни Островца — на болотѣ двѣ олхи на одномъ корени, и по ней (sic) грань, а отъ тоѣ олхи попошедъ съ сажень выкопана яма, и въ

ней каменье да кобылья голова да уголье», и т. о. еще въ семи ямахъ (1672 г., ib. II 351—4).

Присяги и договоры относительно владѣнія совершались на межѣ, между прочимъ подъ сосною межницей (1539 г. Ак. Ѳед. Чех. I, 65): «коли ся случитъ крестьяномъ... крестное цѣлованье или правой (=ое) рукобытье (sic) (+битье), и они ся ставятъ у тое сосны у межные во всякихъ дѣлѣхъ» (1556, ib. 174).

Подоприсвѣтъ въ слѣдующемъ мѣстѣ ошибочно принято ред. за собственное: «князь... оный монастырь (Кіевскій Михайловскій) нѣякому подоприсвѣту отдалъ... который, полрока мѣшкавши, зъ оного монастыря прочь утекъ и тыя листы ..съ собою побралъ», (1543 г. Ак. З. Р. II, 394). Какъ мр. паливода, хвастунъ, обманщикъ, собственно что берется зажечь воду (въ связи съ басней о синицѣ и морѣ), такъ подоприсвѣтъ, обманщикъ, собственно что берется подпереть свѣтъ, когда онъ будетъ валиться. Повѣрье о валящемся небѣ до нынѣ такъ живо, что не безъ достаточнаго психологическаго основанія одинъ изъ героевъ Островскаго (Курослѣповъ въ «Горяч. Сердце») все боялся наступленія этого событія: «и съ чего это небо валилось? Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится! Или это мнѣ во снѣ, что-ль?» Далѣе это ему видится и на яву. Мр. подоприсвѣтъ можетъ находиться въ нѣкоторой связи съ др. инд. басней о высокомѣрной птичкѣ, небоявшейся борьбы съ моремъ, которое говоритъ о ней: турухтанъ спитъ на спинѣ, чтобъ ногами поддержать небо, въ случаѣ если оно на него обрушится» (Benf. Pantschatantr. II, 87 сл.).

«Попа въ решеті возити», неоткрыть всей правды на исповѣди, вообще обмануть (Номисъ Укр. Приказ. 3), въ этомъ смыслѣ есть представленіе причины слѣдствіемъ, чья собственно рѣчь о вымышленномъ наказаніи тому, кто потаитъ грѣхъ на исповѣди; «будеш попа въ решеті возити» — шуточная угроза ребенку за неисполненіе другого религіознаго требованія — выучиться отченашу. (ib). Откуда тутъ рѣшето? Проф. Гаттала замѣчаетъ, что въ чешск. roz—hřešiti и соотв. словахъ Славенскихъ и Польскихъ, забытое въ этихъ языкахъ roz-řešit сближено съ hřech, тогда какъ по поводу roz-řešiti можно бы было вспомнить о řešeto, которое и по смыслу связано съ рѣшити, означая орудіе, «kterým obilí všelijakých smetí zbavujeme [1]). (Brus jaz. Česk 49). При такомъ ходѣ мысли можно бы подумать, что сочетаніе, несостоявшееся въ чеш., слов., польск., состоялось въ мрусскомъ и что мр. выраженіе есть слѣдствіе ассоціяціи «грѣхъ», «рѣшити», «рѣшето»,

---

[1]) Рѣшето, соб. связанное (плетенка) при рѣшити въ знач. вязать, лит. raiszyti, какъ си-то отъ си, вязать и какъ лот. rożgis, родъ рѣшета или грохота, лит. rezgis корзина — при лит. rezgu, regti.

въ родѣ ходячаго мр. объясненія гл. купяти, дремать черезъ «окупні ловити» (между купять и окупь никакой связи, кромѣ созвучія). Дознано однако, что мр. выраженіе не связано съ рѣшити, но возникло по схемѣ «попъ, исповѣдь, неправда, наказаніе», при чемъ «неправда» замѣнено рѣшетомъ на слѣдующемъ основаніи. Вода — слово, правда; рѣшето недержитъ воды = N недержитъ слова, въ немъ нѣтъ правды; «вода въ решеті незастоіться», болтунъ неудержитъ тайны; серб. (N) «држи риjеч, ка' и решето воду» — недержитъ слова: мр. п. «кілко въ решеті водиці, тілко у хлопцяхъ правдиці» (Мое. объясн. мр. пѣс. I, 186—7 и выше).

Nevěř, děvče, chlapcom, nevěř,

Na řičicu (рѣшетомъ) vody neměř:

Ričica vody nedrživá,

Syneček pravdy nemluvívá, Suš. Mor. n. p. съ чѣмъ срвн. польс. «u nich poczciwości, jako w koszu wody», Wójc. P. P. II. 221.

Русалки и петрушки. Русалки не любятъ полыни и любистка, но любятъ мяту, а болѣе всякаго зелья—петрушку (Максимовичъ, Собр. соч., II, 514; Чубин. I, 207). Русалки, мавки—души; ср. между прочимъ мр. названіе четверга на зеленой, русальной недѣлѣ «Русальчинъ v. Мавськии Великдень» съ лит. названіемъ того же дня «wėlû welykos—Великдень душъ, «мертвецький Великдень», невѣрно, я думаю, отнесенный Квиткой къ понедѣльнику 1-й нед. великаго поста.

То, что русалки нелюбятъ горькой (т. е. жгучей) полыни, слѣдуетъ сблизить съ тѣмъ, что серб. вѣштицы, русс. вѣдьмы, заразныя и др. болѣзни нелюбятъ луку, чесноку, перцу, жигучей кропивы и что упырямъ враждебна горькая осина и колючіе кустарники: терновникъ, шиповникъ, глодъ, суррогаты огня (мое соч. о миѳ. знач. нѣкот. вѣров. и обр. 305—9; у Аѳ. П. В. pass.). То, что русалки любятъ петрушку (apium petroselinum) объясняется слѣдующимъ:

Apio gratia in volgo est, namque rami lactis potionibus per rura innotant et in condimentis peculiorem gratiam habent... Verum apud eruditos non aliud erutum terrâ in majore sententiarum varietate est. Distinguitur sexu; Chrisippus feminam esse dicit crispioribus foliis et duris, crasso caule, sapore acri et fervido, Dionisius—nigriorem, brevioris radicis, vermiculos gignentem, ambo neutram ad cibos admittendam, immo omnino nefas (совсѣмъ не годится употреблять обоихъ родовъ «женской» петрушки), nam id defunctorum epulis dicatum esse», на прим. 17 февраля, когда ставили кушанья на гробницы. Plin. H. N. XX, 44.

«Соловей разбойникъ на дубахъ». Извѣстны попытка объясненія этого образа: Афанасьева и О. Миллера (О. Мил. Илья Мур. 269 и сл.),

Ягича (Arch. für sl. ph. I, особенно стр. 124). Противъ сближенія Соловьева сидѣнья на дубахъ и выраженія повѣсти о Соломонѣ «възгради себѣ градъ *въ* древесѣхъ плетеныхъ велми мудро», что, по моему значитъ, «сгородилъ изъ плетня» (мое замѣч. въ Объясн. мр. п. II. 604 [1]), Къ этимъ догадкамъ прибавлю еще одну.

Кто не согласенъ съ мнѣніемъ, что въ былинахъ Соловей разбойникъ есть «ein fratzenhaft-groteskes wesen», полуптица получеловѣкъ (Jagić, l. c. 125) и наклоненъ видѣть въ немъ только человѣка, тотъ, на вопросъ, зачѣмъ Соловей—на дубахъ, можетъ себѣ отвѣтить: затѣмъ же, зачѣмъ взлѣзаютъ на дубы другіе богатыри:

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь
Онъ высталъ ли въ тотъ широкъ дубъ,
Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,
Посмотрѣлъ ли во трубку подзорнюю:
Какъ вѣдь сѣрому волку въ день-то необскакать,
Черному ворону въ день необлетѣть.
Только нагнано Татаръ поганыихъ. (Гильф. 658—9).

Разница въ томъ, что у Соловья постоянная сижа на дубу: такъ какъ онъ залегъ путь, надо думать, въ мѣстѣ, котораго не обминуть ни пѣшему, ни конному, то у него гнѣздо, т. е. полати на дубу, точно такъ, какъ у станичниковъ XVI—XIIV в., стерегшихъ татарской сакмы, бывали на взлѣсьѣ помосты, «кровати» (см. это сл. у Даля) на дубахъ: «а сторожа въ острогѣ (т. е. не внутри, а при немъ)—караульная кроватъ на дубу, на сакму (s. вм. на сакмѣ) видѣть», 1632 8, (Сб. харьк. ист. ф. общ. II, Багалѣй матер. для ист. колонизац. 26.). Ср. также слѣдующее: Князь Омаръ, чтобы прославиться между Черкесскими племенами, отправляется на подвиги. На опушкѣ лѣса, у перекрестника, онъ «для ночлега свилъ себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ», а днемъ сидя на лошади, непропускалъ никого, не взявъ съ него чего нибудь: съ богатыхъ проѣзжихъ онъ бралъ половину имущества, и раздавалъ его бѣднымъ и сиротамъ (Черкесскій разсказъ о Кн. Омарѣ, Сб. матер. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа. В. V, 106.

Т. е. по бывалому образовалась въ пѣсняхъ связь между «заставой богатырской» и «дубомъ». Илья говоритъ:

«Я пойду теперь, старикъ, во чисто полё
И на ту пойду дорогу на Латынскую
И на ту пойду заставу богатырскую,
Да подъ тотъ пойду, старой, подъ сырой дубъ». (Гильф. 1136).

---

[1]) Предл. *въ* съ мѣстнымъ значитъ здѣсь изъ такого-то матеріала. Это древнее, но сохранившееся до XVII в. включительно, значеніе предлога недостаточно извѣстно. Ср. между прочимъ: «во лбѣ его (изъ черепа) сдѣлаша чашю», Лавр., [2] 77; «не суть то бози, но суть дѣлани руками въ деревѣ» (изъ дерева), ib. 81; «цѣжь, в немь же (изъ котораго) варять кисель, ib. 125.

Если такъ, то сидѣнье Соловья не на одномъ «широкомъ» дубу, скрывающемъ караульщика, а на трехъ, затѣмъ девяти, двѣнадцати, тридевяти дубахъ, можетъ быть понято, какъ гипербола, вызванная тѣмъ, что онъ не простой, а изъ-ряду вонъ разбойникъ. Также и его свистъ и зрявканье звѣриное могутъ быть преувеличеніемъ традиціоннаго разбойничьяго свиста (между проч. Кир. VII, 121) и гарканья, преувеличеньемъ, какихъ немало въ устной словесности. Прозвище Соловей можетъ объясняться тѣмъ, что и Соловей «громко свищетъ». Отечество Рахмановичь не можетъ служить достаточнымъ указаніемъ на связь Соловья съ Соломономъ, который, по сказанію, бывалъ въ Индіи, (Jag. l. c. 123). Хотя рахман отъ Врахманъ, но думаю, сохранило эту связь съ собственнымъ именемъ только въ ф. Рахманинъ, личное имя, откуда фамилія—*овъ*, а безъ суф. *инъ* получило значеніе тихій (рахманный) и какъ личное имя можетъ быть синонимомъ личныхъ Тишина, Смирной. Если понять мѣсто въ былинѣ у Гильф. 303 такъ, что Владиміръ предлагаетъ Соловью построить монастырь, то и это не требуетъ сближенія съ Соломономъ «строителемъ храма (Jag. l. c. 123). У Соловья награбленное осталось дома, и если бы онъ покаялся, то на что же лучше было употреблять казну, какъ не на это. Настоящіе разбойники бывали строителями церквей и монастырей (Аристовъ, объ ист. знач. русск. разбойнич. пѣсень, Фил. Зап. 1875, 2, 140), и у Островскаго (Воевода), то что Дубровинъ даетъ обѣтъ все неправо нажитое отдать на монастырь,—черта вѣрная.

Чеш. třaslík, nanus, pygmaeus. Болѣе ранняя форма видна въ им. мн. třascy (Iungm. s. v.)=třastci, слово литературнаго происхожденія цсл. трьпѧстъкъ, трь-пѧд-ъкъ: «и преидохомъ въ землю ину», «песья глава».. и внидохомъ въ землю трепѧстокъ, да они видѣвше ны бѣжахуть отъ насъ», О трехъ мнисѣхъ, како находили св. Макарья Паис. Сб. XIV в. Тихонр. Пам. отреч- л-ры II, 60. (Іоаннъ царь и попъ:) «есть у мене.... в ыной странѣ люд трепѧцци, а ныѧ люди ѳ-и саженъ, иже сут волотове, сп. XV в., Сказ. о Индій. цар., Веселовскій Ю-р. был. III—XI, 251. Ср. «и у земли тои люди наидоше, вси колико лакотъ висином... и ти люди питици називахусе, Živ. Aleksandr. vol. Jagić 75.

Противопологаемое волотамъ вр. пыжики (Аѳ. Поэт. воз. II. 784) можетъ быть не имѣетъ связи съ пыжъ, пыжиться надуваться и возникло изъ πυγμαῖος.

Туръ печной. Изъ Жив. Стар. вып. I, отд. 3, 5 узнаю, что Веске выводитъ это слово изъ финскаго. Ошибка здѣсь весьма возможна. Кромѣ ошибочно выводимыхъ имъ изъ фин. словъ, отмѣченныхъ рецензентомъ, отмѣчу еще лытать (по Подвысоцкому, съ удар. на 1-мъ слогѣ, но въ др.мѣстностяхъ—на 2-мъ), которое неотдѣлимо отъ серб. лу̑тати, врвати, бродить, шляться: «ту воду да тражи, ишао и лугао дебелим моремъ царев синъ, «Rad LXXXI, 159.

Туръ, вся масса печи, печной столбъ, основаніе котораго, «ногу», размалевываютъ цвѣтными узорами, фута на 2 или 1$^1/_2$ отъ пола, Арх. (Подвыс., Даль). Къ этому малеванью относится въ дѣтскихъ пѣсняхъ: «что царь дѣлаетъ? Туру ногу пишетъ» (Шейнъ в. н. п. 23, 25). Эти пѣсни записаны въ Москвѣ и въ Рязанской губ., т. е. туръ въ этомъ значеніе не есть узко областное слово, въ родѣ курья сарья и пр. Имѣлъ ли Островскій какія либо другія данныя, кромѣ этихъ, разумѣя подъ туръ не только печной столбъ, а столбъ вообще, колонну? Въ Снѣгурочкѣ царь Берендѣй, сидя «на золотѣ стулѣ» (какъ въ пѣснѣ) расписываетъ красками одинъ изъ столбовъ дворца, именно пишетъ на немъ турью ногу, объясняя, что

Палатное письмо имѣетъ смыслъ:
Небесными кругами украшаютъ
Подписчики въ палатахъ потолки
Высокіе; въ простѣнкахъ узкихъ пишутъ
Утѣху глазъ, лазоревы цвѣты
Межъ травами зелеными; и турьи
Могучія и жилистыя ноги
На притолкахъ дверныхъ, припечныхъ турахъ,
Подножіяхъ прямыхъ столбовъ, на коихъ
Покоится тяжелыхъ матицъ грузъ.

Думаю, что это лишь догадка, выснованная изъ этимологіи. Предположивъ, что Туръ печной дѣйствительно названъ по имени Тура, bos primigenius, оставившаго многочисленные слѣды въ памяти Славянъ и Литовцевъ-Лотышей [1]), можно найти для этого другія основанія. «У Осетинъ, въ западномъ углу сакли, стоитъ священный столбъ, украшенный рогами домашнихъ и дикихъ животныхъ, называемый Сары-задъ (ангелъ головы), потому что въ немъ живетъ «ангелъ головы» всего семейства. Къ нему обращаются съ молитвами: «о Боже, о Сары-задъ! прибѣгаемъ подъ твое покровительство» и пр. (Сб. свѣд. о Кавк. горц. IX, Предразсуд. у Осетинъ, 20). Вспоминается при этомъ свидѣтельство Титмара о рогахъ животныхъ въ храмѣ Сварожича.

Минуя значеніе taurus, др. инд. Стhура—гот. atiur (куда быть можетъ и рѣка Стырь), можно думать о сродствѣ туръ въ предполагаемомъ значеніи столба съ гр. σταυρός.

Ягуны́. Такъ въ Бѣлгородѣ (Кур. г.) называютъ жителей нѣкоторыхъ близъ лежащихъ вр. селъ (кажется с. Болховца), отъ яго́ (=jahó, т.-е. его,

[1]) Лит. tauri деревянный кубокъ, конечно, первоначально «турій рогъ» для питья; лот. taure, охотничій, пастушій рогъ, откуда taurêt трубить.

род. ед. мѣстоимѣнія). Отсюда фамилія Ягуновъ, Егуновъ. Прозваніе это возникло не здѣсь, и дано съ точки зрѣнія говора, неизмѣняющаго е неударяемаго въ *я*. Оно непонято редакц. Путешествія Лукьянова (М. 1862. 8): «И тутъ (въ г. Кромахъ) ѣдши хлѣба поидохомъ въ Комарицкую волость. Зѣло была замять велика, вѣтры были противные, нужно (=трудно) было кѣнемъ, и самимъ посидѣть нельзя, а Егунье—та (sic вм. «егуньета (?)») лошадей-то своихъ погоняютъ, не (=ни) малехунька несноровятъ: бѣда—су съ ними ѣхать! Много грѣха принялъ! Неблагодарно было на нихъ; коней у насъ, злодѣи, постановили» (т. е. довели подводчика до того, что свои кони Лукьянова поприставали). И доидохомъ Комарицкою волостію отъ Орла до Сѣвска три дни».

Кстати исправлю еще одно мѣсто этого интереснѣйшаго памятника. На стр. 21 Путешествіе Лукьянова вмѣсто безсмысленнаго .... «земля но—етъ путь надалысь» (?, вопросъ редакціи) слѣдуетъ читать:

«А сказали, что сегодня корабли пойдутъ, такъ мы за безцѣнокъ лошадей отдали и телѣги; не до того стало; только бы съ рукъ спихать; такъ уже земляной—етъ путь надоѣлъ: помянуть-то его нехочется».

Съ Ягунъ, отъ яго (какъ у другихъ Слав. штокавци, чакавци, кајкавци) ср.: «Воронежцы и ближайшіе Ростовцы называютъ (Дон.) козаковъ—Чега́ востропузая, чёгоманы, вѣроятно потому что козаки говорятъ не что дѣлать, купить, взять, а чего дѣлать и пр.» (Б. Познанскій, Кіевск. Стар. 1890, XII, 367) [1]).

Ярчу́къ, мр. У Даля «первые щенки, особенно отъ суки перваго же помету»; шестипалыя собаки съ долгимъ висячимъ когтемъ; «ярчука вѣдьма боится». Аѳан. П. В. I, 734. Это—собака духовидецъ, собственно рожденный «місяця Ярця», т. е. въ Маѣ, когда и «мавській великдень» (см. выше Русалки). Это производство подтверждается слѣдующимъ: «марчукъ, котораго боится и волкъ, и нечистая сила» (Мачтетъ, Бѣл. панна, Кіев. Ст. 1889, II, 347, изъ Подольской губ.), т. е. песъ рожденный «в Марцю» (=въ Мартѣ), тоже вѣроятно въ какіе-либо задушные дни.

«Quidam tradunt, si unus (щенокъ) gignatur, nono die cernere; si gemini—decimo, idemque in singulos adjici, totidemque esse tardidatis ad lucem dies; et ab ea, quae femina sit ex primipara genita, Faunos cerni. Optimus in fetu, qui novissimus cernere incipit, aut quem primum fert in cubile feta», Plin. Hist. Nat. VIII, 62.

А. Потебня.

---

[1]) Чевошниками—называютъ Сибиряковъ (Даль Слов.). Сотаки у Словаковъ (со вм. цо). Ред.

Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи.

Старшая изъ Сибирскихъ лѣтописей, такъ-называемая Строгановская, сохранилась въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ первая составлена, вѣроятно, въ концѣ XVI вѣка, а вторая относится уже къ XVII столѣтію и представляетъ собою переработку редакціи болѣе ранней. Первая редакція издана Г. И. Спасскимъ въ 1821 году подъ заглавіемъ: «Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли Русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій». Вторая редакція Строгановской лѣтописи остается доселѣ не изданною; она извѣстна въ двухъ спискахъ: а) Императорской Публичной Библіотеки— Q. IV, 82, XVII в., и б) Археографической Коммиссіи—№ 70, въ 4-ку, XVIII в. Въ числѣ признаковъ, по которымъ различаются эти двѣ редакціи, одинъ заслуживаетъ вниманія съ точки зрѣнія народнаго творчества: тогда какъ въ первой редакціи 8-я глава лѣтописи изложена въ обычномъ тонѣ лѣтописнаго повѣствованія, во второй редакціи эта глава пополнена подробностями, взятыми несомнѣнно изъ народной былины, при чемъ сохраненъ въ значительной степени и складъ былевой рѣчи.

Приводимъ текстъ этой главы по обѣимъ редакціямъ (заглавіе у нихъ одинаковое).

О призваніи Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, съ великія рѣки Волги въ Чусовскіе городки на спомоганіе противъ невѣрныхъ:

(1-я редакція, по изданію Спасскаго, стр. 13 и 14).

Въ лѣто 7087 году априля въ 6 день, слышаху бо сія Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы отъ достовѣрныхъ людей о буйствѣ и храбрости Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, како на Волгѣ, на перевозѣхъ, Нагайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ гра-

(2-я редакція по рукописи Имп. Публ. Библіотеки, лл. 36 об.—38).

Въ лѣто 7087 году, апрѣля въ 6 день, слышаху Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы отъ достовѣрныхъ людей о буйстве и храбрости Územ Поволскихъ казаковъ и атамановъ Ермака Тимоѳеева с товарыщи, како на Волге, на перевозехъ, Нагайцовъ и Ардабазарцовъ громятъ и побиваютъ и зѣло

бятъ и погибаютъ; и тіи людіе, слышавъ то про ихъ буйство и храбрость, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ, дабы шли къ нимъ въ вотчины, ихъ Чусовскіе городки и въ острожки, на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и зваху ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки, Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матѳѣй Мещерякъ, собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число же ихъ 500 и 40 человѣкъ, вскорѣ шествіе учиниша къ нимъ.

гораздо по Волге храбруютъ. Послаша к нимъ людей своихъ с писаниемъ и з дары многими и велѣли ихъ честно и доброволно к себѣ призывати, дабы шли к нимъ в Чюсовские городки и острожки на помогание имъ противу невѣрныхъ супостатъ. Атаманы жъ и казаки велми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша к нимъ отъ честныхъ мужей с великою честию и з дары и зовутъ ихъ к себѣ на помощъ. Тогда атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ с товарыщи, Іванъ Колцовъ, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матѳей Мещерякъ и со всѣми ихъ атаманы и казаки собрався в кругъ и начаша думати и совѣтовати со единомысленою и предоблею своею дружиною: итти ли имъ на помогание к Строгановымъ или нѣтъ. И собрався на устье матки Самары реки на крутомъ на красномъ на берегу, на желтомъ на сыпучемъ на песочку, не ратная труба протрубила, говорилъ атаманъ Ермакъ Тимоѳеевичъ: «О, есте, братцы атаманы и казаки Донские, Яицкие, Волские и Терские, думайте думу, братцы, с цѣла ума, чтобъ намъ не продуматца: на Волге намъ жить—ворами слыть, а на Дону намъ жить—казаками слыть, а на Яикъ итти—переходъ великъ, а се добычи нѣтъ. Да нам же негораздо шуточка нашутилась, что розбили мы лотку коломенку и громили казну государеву; изъ тово мушкѣта немецково вылетала пулка свинцовая, изъ тово каѳтана камчатово выносила бумагу хлопчатую, убила посла государева; аще ль тотъ посолъ подъ Астрахань съ ево госуда-

ревою великою казною денежною и пороховою дошелъ, и мы толко нынѣ не поидемъ такимъ честнымъ людемъ на помогание, и они на насъ станут писать к Москвѣ непослушание государю царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Росіи; и государь на насъ раскручинитца, велитъ насъ переимать и по городомъ разослать и по темницамъ розсажать, а меня Ермака велитъ государь царь повѣсить: потому что болшому человѣку болшая и честь бываетъ. А толко мы государю царю вину принесемъ, а такихъ честныхъ людей послушаемъ и к нимъ на спомогание пойдемъ, и они объ насъ станутъ писать милостивыя и благоприятныя словеса к государю царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Росіи, и государь царь до насъ умилитца и отдастъ намъ пеню великую вину». И такие мудрые вымышленые словеса полюбилися многимъ атаманомъ и казакомъ. І взговорилъ атаманъ Іванъ Колцовъ: «Добро намъ итти на помогание такимъ честнымъ людемъ, а толко насъ Господь Богъ помилуетъ и невѣрныхъ намъ Богъ покоритъ подъ нозѣ наши, и Сибирское государство возмемъ и градъ поставимъ и святыя Божия церкви воздвигнемъ и соберемъ себѣ славу вѣчную и укупимъ себѣ живота вѣчнаго і впредъидущия вѣки. Аминь».

Текстъ былины о завоеваніи Сибири, наиболѣе сходный съ разсказомъ второй редакціи Строгановской лѣтописи, читается въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ» по изданію Калайдовича подъ № XIII («Ермакъ взялъ Сибирь»).

Извѣстно, что въ сказаніе о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Скопинѣ-

Шуйскомъ, внесенное въ нѣкоторые списки третьей редакціи русскаго Хронографа, также включены нѣкоторыя подробности объ его смерти, изложенныя складомъ былевыхъ пѣсенъ. Какъ составитель сказанія о Скопинѣ, такъ и передѣлыватель Строгановской лѣтописи, вставляютъ въ свое повѣствованіе стихи былинъ не какъ цитаты, а прямо, какъ непосредственную часть своего изложенія, другими словами—они пользуются разсказомъ пѣсни или былины, какъ надежнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, ни мало не предполагая возможности вымысла въ источникѣ такого рода. Очевидно, оба автора стоятъ на точкѣ зрѣнія народной пословицы: «сказка—складка, а пѣсня—быль». Любопытно, что въ одной изъ Сибирскихъ лѣтописей (Саввы Есипова) встрѣчается извѣстіе о томъ, какъ при составленіи первыхъ лѣтописныхъ записей въ Сибири именно пользовались, въ числѣ другихъ источниковъ, разсказами старыхъ казаковъ, то-есть, по просту говоря, народными преданіями, только еще не успѣвшими облечься въ форму исторической пѣсни.

Такое близкое отношеніе между историческою пѣснею или былиной, съ одной стороны, и лѣтописнымъ повѣствованіемъ—съ другой, проливаетъ свѣтъ на то значеніе, какое имѣла былина или историческая пѣсня въ старинной народной жизни. Слагавшаяся по живымъ слѣдамъ событій, такая пѣсня никогда не считалась въ народѣ за простую забаву; напротивъ того, народъ видѣлъ въ ней хранительницу самыхъ дорогихъ для него воспоминаній. Когда, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, обращено было вниманіе на сербскую народную поэзію, на условія ея развитія и существованія,—всѣхъ поразило, во первыхъ, какъ быстро слагаются новыя народныя пѣсни о только что случившихся событіяхъ, и во вторыхъ, съ какимъ уваженіемъ народъ относится къ этимъ пѣснямъ, и какъ глубоко вѣритъ онъ во все, что̀ въ нихъ разсказывается. Также было въ старину и у насъ: книжникъ—составитель лѣтописи или историческаго сказанія—не только не брезгуетъ народною былиной, но охотно пользуется ею и поддается ея вліянію въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Л. Майковъ.

ОТДѢЛЪ II.

Ермакъ взялъ Сибирь.

Во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани,
Противъ пристани матки Волги рѣки,
Сходилися тутъ удалы добры молодцы,
Донскіе славные Атаманы козачіе
Ермакъ Тимофѣевичь, Самбуръ Андреевичь
и Анофрій Степановичь;
И стали они во единой кругъ,
Какъ думати думушку за единое,
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Атаманъ говорилъ Донскимъ козакамъ,
По имени Ермакъ Тимофѣевичь:
«А и вы гой еси братцы, Атаманы козачіе!
Некорыстна у насъ шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ,
Убили мы посла Персидскаго
Со всѣми его солдатами и матросами,
И всѣмъ животомъ его покорыстовались;
И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить—ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Въ Казань идти—грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичь;
Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
По разнымъ городамъ разосланнымъ
И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ;—
Пойдемте мы въ усолье ко Строгоновымъ,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
Къ тѣмъ господамъ къ Вороновымъ—
Возьмемъ мы много свинцу, пороху и
запасу хлѣбнаго».
И будутъ они въ усольѣ у Строгонова,—
Взяли запасы хлѣбные, много свинцу,
пороху,
И пошли вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
Гдѣ бы Ермаку зима зимовать.—
И нашли они пещеру камену
На той Чусовой рѣкѣ, на висячемъ большомъ
каменю;
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру козаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которые остались люди похуже,
На другой сторонѣ въ такуюжъ они пещеру
убиралися.
И тутъ имъ было хорошо зима зимовать.—
Та зима проходитъ, весна настаетъ;
Гдѣ Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебреной рѣкѣ.
Сталъ Ермакъ убиратися со своими
товарищами
По Серебреной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тутъ лодки коломенки;
На той Баранченской переволокѣ,
Одну тащили, да надсѣлися,
Тамъ ее и покинули.
И въ то время увидѣли Баранчу рѣку,
обрадовались,
Подѣлали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранчѣ рѣкѣ—
И скоро они выплыли на Тагиль рѣку;
У того медвѣдя камня у Магницкаго—горы
становилися,
А на другой сторонѣ было у нихъ плодбище;
Дѣлали большія коломенки,
Чтобъ можно имъ совсѣмъ убратися.
Жили они тутъ козаки съ весны до Троицева
дня,
И были у нихъ промыслы рыбные,
Тѣмъ они и кормилися;
И какъ имъ путь надлежалъ,
Совсѣмъ въ коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль рѣкѣ;
А и выплыли на Туру рѣку,
И поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу
рѣку;
И тутъ они жили до Петрова дня.
Еще они тутъ управлялися,
Подѣлали людей соломенныхъ,
И нашили на нихъ платье цвѣтное;
Было у Ермака дружины триста человѣкъ,
А стало уже со тѣми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь рѣкѣ,
Въ Мяденски юрты приплыли,

Тутъ они князька полонили небольшаго,
Дабы показалъ имъ путь по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ Тобольскіихъ на изголовѣ
становилися,
И собиралися во единой кругъ,
И думали думушку крѣпку за едино:
Какъ бы имъ приплыть къ горѣ Тобольской
той?
Самъ онъ, Ермакъ, пошелъ устьемъ верхніимъ,
Самбуръ Андреевичь устьемъ средніимъ,
Анофрій Степановичь устьемъ нижніимъ,
Которое устье впало противъ самой горы
Тобольскія.
И выплыли два атамана козачіе
Самбуръ Андреевичь и Анофрій Степановичь
Со своими товарищами на Иртышъ рѣку,
Подъ саму высоку гору Тобольскую.
И тутъ у нихъ стала баталія великая
Со тѣми Татары Котовскими;
Татары въ нихъ бьютъ со крутой горы,
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди,
А козакамъ взять не можно ихъ.
И была баталія цѣлый день,
Прибили козаки тѣхъ Татаръ не мало число —
И тому Татары дивовалися,
Каковы Руски люди крѣпкіе,
Что ни единаго убить не могутъ ихъ;
Каленыхъ стрѣлъ въ нихъ какъ въ снопики
налѣплено,
Только козаки всѣ невредимы стоятъ,
И тому Татары дивуются наипаче того.
Въ тоже время пришелъ Атаманъ Ермакъ
Тимофѣевичь
Со своею дружиною, тою лукою Соуксанскою;
Дошелъ до устья Сибирки рѣки,
И въ то время полонилъ Кучума Царя
Татарскаго,
А перваго князька поиманнаго
Отпустилъ со извѣстіемъ
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Чтобы они въ дракѣ съ козаками помирилися.
Ужъ-де Царя вашего въ полонъ взяли
Тѣмъ Атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ.
И таковы слова услыша Татары сокротилися,
И пошли къ нему, Ермаку, съ подарочками,
Понесли казну соболиную и бурыхъ лисицъ
Сибирскіихъ,
И принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи;
А на мѣсто Кучума Царя утвердилъ Сабанака
Татарина,
И далъ ему полномочіе владѣть ими.
И жилъ тамъ Ермакъ съ Покрова
До зимняго Николина дня;
Втапоры Ермакъ шилъ шубы соболиныя,
Нахтармами вмѣстѣ сшивалъ,
А теплые мѣхи на верхъ обоихъ сторонъ;
Таковымъ манеромъ и шапки шилъ.
И убравши Ермакъ со всѣми козаки,
Отъѣзжалъ въ каменну Москву,
Ко Грозному Царю Ивану Васильевичу. —
И какъ будетъ Ермакъ въ каменной Мо-
сквѣ,
На канунъ праздника Христова дня;
Втапоры подкупилъ въ Москвѣ
Большаго боярина Никиту Романовича,
Чтобъ доложилъ объ немъ Царю Грозному
На самой праздникъ Христовъ день,
Какъ изволилъ Царь Государь идти отъ
заутрени,
Втапоры доложилъ объ немъ Никита Рома-
мановичь:
Что де Атаманы козачіе,
Ермакъ Тимофѣевъ съ товарищи
Къ твоему Царскому Величеству съ повин-
ностью пришли,
И стоятъ на Красной Площади.
И тогда Царь Государь
Тотчасъ велѣлъ предъ себя привести
Того Атамана Ермака Тимофѣева
Со тѣми его товарищи;
Тотчасъ ихъ ко Царю представили
Въ тѣхъ шубахъ соболиныихъ, —
И тому Царь удивляется;
И не сталъ больше спрашивати,
Велѣлъ ихъ разослать по квартирамъ,
До того часу, когда спросятся.
Втапоры Царю праздникъ радошенъ былъ,
И было пированіе почестное
На великихъ на радостяхъ,
Что полонилъ Ермакъ Кучума Царя Татар-
скаго
И вся сила покорилася тому Царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествіи того праздника
Приказалъ Царь Государь
Того Ермака предъ себя привести;
Тотчасъ ихъ собрали
И ко Царю представили.
Вопрошаетъ тутъ ихъ Царь Государь:
«Гой ты еси, Ермакъ Тимофѣевъ сынъ!
Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
И напрасныхъ душъ губилъ,
И какимъ случаемъ Татарскаго
Кучума Царя полонилъ,
И всю его Татарскую силу
Подъ мою власть покорилъ?»
Втапоры Ермакъ предъ Грознымъ Царемъ
на колѣни палъ

И письменное извѣстіе обо всемъ своемъ похожденіи подавалъ,
И притомъ говорилъ таковыя слова:
«Гой еси, вольный Царь, Царь Иванъ Васильевичь!
Приношу тебѣ, Осударь, повинность свою.
Гуляли мы, козаки, по морю синему,
И стояли на протокѣ на Ахтубѣ;
И въ то время годилося мимо идти
Послу Персидскому Коромышеву Семену Констатиновичу
Со своими солдаты и матросами,
И они напали на насъ своею волею,
И хотѣли отъ насъ поживитися,—
Козаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые—
И тутъ Персидскаго посла устукали
Со тѣми его солдаты и матросами».
И на то Царь Государь не прогнѣвался,
Но и паче умилосердился,
Приказалъ Ермака пожаловати.
И посылалъ его въ ту сторону Сибирскую
Ко тѣмъ Татарамъ Котовскіимъ,
Брать съ нихъ дани выходы въ казну Государеву.—
И по тому приказу Государеву
Поѣхалъ Ермакъ Тимофѣевичь
Со своими козаками въ ту сторону Сибирскую.
И будетъ онъ у тѣхъ Татаръ Котовскіихъ;
Сталъ онъ ихъ наибольше
Подъ власть Государеву покоряти,
Дани выходы безъ запущенія выбирати.
И годъ другой тому времени подойдучи,
Тѣ Татары взбунтовалися,
На Ермака Тимофѣева
Напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ;
Втапоры у Ермака были козаки разосланы
По разнымъ дальнимъ странамъ,
А при немъ только было козаковъ на дву коломенкахъ,
И билися дралися съ Татарами время не малое;
И для помощи своихъ товарищевъ
Онъ Ермакъ похотѣлъ перескочити
На другую свою коломенку,
И ступилъ на переходню обманчивую,
Правою ногою поскользнулся онъ—
И та переходня съ конца верхняго
Подымалася и на его опущалася,
Разшибла ему буйну голову
И бросила его въ тое Енисей быстру рѣку:
Тутъ Ермаку такова смерть случилася.
(Древн. Росс. Стихотв. Москва. 1818 г. С. 113—122).

Заговоры Донскихъ козаковъ.

(Изъ рукописнаго сборника конца XVII вѣка, принадлежащаго А. Ѳ. Бычкову).

Пущается рабъ Божій въ чистое поле, въ зеленую камору. Принимаетъ раба Божія самъ Господь Іисусъ Христосъ со ангелами своими, архангелами и со всею силою небесною; ведетъ раба Божія самъ Господь Іисусъ Христосъ къ своему столу, Господню престолу, къ Дѣвѣ Маріи пресвятой Богородицы; наряжаетъ раба Божія самъ Господь Іисусъ Христосъ въ тридевять рубъ мѣдныхъ, подъ тридевять дѣлъ, отъ тридевять смертей напрасленныхъ, отъ свинцу и отъ оружія селетранаго, отъ царя кремня огня, отъ востра булатнаго, отъ иленевой стрѣлы; запираетъ раба Божія онъ Господь Іисусъ Христосъ, своими небесными воротами отъ тридевять дѣлъ, отъ тридевять смертей напрасленныхъ; замыкаетъ раба Божія самъ Господь Іисусъ Христосъ, своими замками; беретъ свои ключи самъ Господь Іисусъ Христосъ, несетъ къ своему столу Господню, кладетъ на свой столъ, Господней престолъ, и рече Господь еретникамъ: „Сходитесь на кіянъ-море, выпійте море-кіянъ, осушите латарь-камень, подойдите къ столу, Господню престолу, возмите ключи мои, отворите тридесять воротъ“! Рече ему еретники: „Не можемъ мы выпить окіянъ-море, не можемъ мы отворить воротъ“! Рече имъ Господь: „Еретники, когда вы не сходите на окіянъ-море и не выпьете, не подойдете къ столу Господню и не порудите вѣру христіанскую и разрушите евангельскую святую заповѣдь до вѣку вѣчно!“

* * *

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Выду на гору Господа нашего Іисуса Христа, облекусь облаки и покрываюсь ризою пречистія Богородицы. Около меня, раба Божія (имрекъ), стоитъ градъ каменной Виѳлеемъ. Породила еси, пречистая Богородица, Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, и святый Михаилъ архангелъ и прочихъ небесныхъ силъ, архангеловъ, анге-

ловъ, херувимъ и серафимъ, апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, святителей преподобныхъ. И заговорять меня, раба Божія (имрека), отъ тысячи луковъ, отъ тысячи пушечныхъ ядеръ, отъ тысячи пищалей, отъ тысячи мушкетовъ, отъ тысячи самопаловъ, отъ тысячи картузовъ, отъ тысячи паръ пистолей и отъ всякихъ пулекъ желѣзныхъ, свинцовыхъ, отъ оловянныхъ, отъ мѣдныхъ и отъ всякаго оружія, отъ сабельнаго и отъ бердыша, отъ копья и отъ рогатины, и отъ ножа, и отъ топора, и отъ теслы, и отъ скобелей, и отъ серпа, и отъ жила, и отъ долота, и отъ иглы, и отъ бисеру, и отъ жемчугу, и отъ золота, и отъ сѣры, и отъ земли, и отъ всякаго желѣза дѣланнаго и недѣланнаго, и отъ всякой кости дѣланной и недѣланной, и отъ всякихъ стрѣлъ дѣланной и березовой, и отъ липовыхъ, и отъ чинаровыхъ, и отъ жимолостныхъ, и отъ всякаго древа дѣланнаго и недѣланнаго. Иду я, рабъ Божій (имрекъ), противъ своихъ недруговъ и супостатовъ, противъ огненнаго и неогненнаго, и они все помраченные, аки прахъ предъ лицемъ вѣтра, нечистъ родъ отъ Татаръ и отъ Литвы, и отъ Нѣмецъ, и отъ Туровъ, и отъ Калмыковъ, и отъ Чувашей, и отъ Черемисъ, и отъ Мордвы, и отъ попа, и отъ діакона, и отъ чернца, и отъ старицы, и отъ рабы, и отъ дѣвки, и отъ всякихъ иноземецъ, и отъ колдуновъ, и отъ колдунищъ, и отъ еретиковъ, и отъ еретицъ, и отъ дѣвицъ, и отъ молодицъ. И какъ воскресъ истинный Христосъ, и возрадовалися свѣтлому Христову воскресенію вѣ небесныя силы, ангели и архангели, херувими и серафими, и какъ Христосъ сошелъ во адъ преисподній и раззори врата адовы и врага нашего и супостата посрами и того лицо,—и тако мои враги и супостаты посрамятся и убоятся всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь.

* * *

Есть море-окіанъ; на томъ морѣ-окіянѣ стоитъ столбъ, на томъ столбѣ стоитъ царь, высота его съ земли и до небеси, и отъ востока и до запада, и отъ юга и до сѣвера; и тому жь замолвитъ и заповѣдуетъ своимъ языкомъ всякому желѣзу овому и неовому святый мученикъ Христовъ Мина Минуй, и всякому стражъ во страны преподобный Тихонъ. Утиши всякое стрѣлянье встрѣчу, святый евангелистъ Христовъ Лука, невѣрныхъ людей, моихъ супостатовъ! Падите, желѣза, въ свою матерь-землю! Ты же, береза, въ свою жь матерь-землю, а вы, перья, въ свою птицу пернату, а птица въ бонтъ и въ сыню (?), а рыба въ море—отъ меня, раба Божія (имрека), всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

* * *

Есть четыре евангелиста: Марка, Лука, Матвей, Іоаннъ. Ангелы, сходите съ небеси, снесите на землю замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ—отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, замыкайте во мнѣ, рабѣ Божіемъ (имрекѣ). Будьте, мои слова, крѣпки на мнѣ! Закиньте ключи въ окіянъ-море подъ бѣлъ камень-алатарь: никому тамо замка не отомкнуть всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

* * *

Господи, благослови, Отче! Се азъ, рабъ Божій (имрекъ), ограждаюсь солнцемъ во вся, покрываюсь облаками отъ земли и до небеси. Стань около раба Божія, градъ каменной Виѳлеемъ! Въ томъ градѣ породила пречистая Богородица Господа Бога нашего Іисуса Христа и святыхъ ангелъ и архангелъ Михаила, Гавріила, и святыхъ преподобныхъ отецъ Ѳеодосія. Помилуйте меня, раба Божія (имрекъ), и моего коня обороните на всѣ четыре стороны своимъ скипетромъ желѣзнымъ: не дадутъ меня, раба Божія (имрекъ), иноплеменникомъ и лихимъ людемъ стрѣляти, копіемъ, саблей и ножемъ колоти и сѣтчи сикерою, ни древянною ударити, служенника своего, раба Божія (имрекъ) святаго Александръ Македонскаго, ни стару, ни младу, не чернолицу, ни бѣлу, ни сѣру, раба Божія (имрекъ), и по сихъ пернаторомъ (sic) свершеніемъ и утвержденіемъ во вѣки аминь.

* * *

Поѣдешь на дѣло противъ невѣрныхъ и своихъ супостатовъ, то не устрашись, подвяжи чернаго, зеленаго, лазореваго шелковъ гайтанъ, да на крестъ положи воску ярого, а концы у шелковъ сохрани подъ правую пазуху.

Сообщ. *Л. Н. Майковъ.*

Свадебный обрядъ въ Угорской Руси.

Природа щедрою рукою надѣлила живущихъ по склонамъ Карпатовъ и внизъ по равнинамъ Угруссовъ свойствами, отличающими ихъ отъ прочихъ чужихъ народностей. Физическій строй ихъ тѣла крѣпокъ, упругъ, эластиченъ и гибокъ, во всемъ способенъ къ жизни, присущей гористой природѣ; хотя и нельзя оба пола назвать вообще отмѣнно красивыми, но по мѣстамъ находятся прекрасные, высокаго роста, атлетическаго тѣлосложенія и съ замѣчательно красивыми чертами лица, мужчины, а женщина если она въ самомъ дѣлѣ красива, то уже она идеально красива, что̀ впрочемъ не составляетъ большой рѣдкости. Къ сожалѣнію, ранній, непосильно-тяжелый трудъ, при добываніи насущнаго хлѣба, скоро портитъ у нихъ дарованную природою красу. Относительно духовныхъ свойствъ, состояніе вѣковой подчиненности безсомнѣнно много уничтожило изъ нравственыхъ качествъ, именно, уничтожило стремленіе къ самобытности, и по этой причинѣ не возвышается природное побужденіе ни къ высокимъ добродѣтелямъ, ни къ великимъ преступленіямъ. Дается предполагать, что русскій народъ въ многовѣковой своей подчиненности много пережилъ страданій, много перенесъ несправедливыхъ притязаній; потому онъ при постигающихъ его бѣдствіяхъ равнодушенъ, долготерпѣливъ, неустрашимъ, даже фаталенъ, и эти свойства дѣлаютъ его отличнымъ воиномъ. Насупротивъ большую составляетъ рѣдкость, чтобы кто нибудь сдѣлалъ большое преступленіе, да если ужь случится встрѣтить преступника, вѣрно надо полагать, что онъ сдѣлалъ преступленіе въ нетрезвомъ состояніи, такъ что по тюрьмамъ соразмѣрно всѣхъ рѣже встрѣтить Русскихъ. Эта вѣковая подчиненность и трудныя условія ихъ житья-бытья все таки не могли убить ихъ прочія прекрасныя душевныя свойства; всякій Угроруссъ, несмотря на его бѣдственное матеріальное состояніе, вообще веселаго нрава. Онъ ловокъ, услужливъ, страстенъ. Еще въ большой степени обладаетъ онъ свойствами хлѣбосольства, добросердечности и сострадапія къ бѣдности,—въ этомъ отношеніи ни одно племя не отниметъ отъ него первенства; нищій не оставитъ его хижины безъ посильной милостыни и братскаго утѣшенія, равно какъ въ частыхъ случаяхъ горя, напасти и бѣды съ искреннимъ состраданіемъ всякій спѣшитъ помогать другъ другу, кто чѣмъ можетъ, по крайней мѣрѣ своею работой, раздѣлитъ свой послѣдній кусокъ хлѣба съ требующимъ. Ужь конечно, благосклонному читателю послѣ прочтенія этихъ строкъ непремѣнно покажется, что писатель, по природному своему пристрастію, исчерпалъ все исчисленіе достоинствъ родственнаго ему племени, и изъ всего писаннаго должно одну великую часть убавить. Ни мало. Все приведенное составляетъ животрепещущую истину. Еще назаду я оставилъ, что всего болѣе составляетъ надъ иными его преимущество, именно, воспріимчивость его сердца ко впечатлѣніямъ окружающей его прекрасной природы. Высокія скалистыя горы, лѣса, зеленыя, рѣками пересѣченныя, долины съ своими

[1]) Эта статья одного Угроруссa печатается нами почти безо всякихъ поправокъ: она живо знакомитъ съ литературнымъ языкомъ образованныхъ не Мадьяроновъ, а вѣрныхъ своей народности Угро-Русскихъ людей. Въ Венгріи считается полмилліона Руси. Авторъ статьи въ значительной степени пользовался рукописнымъ трудомъ о. Александра Митрака, нынѣшняго благочиннаго церковнаго округа Занастасскаго. Трудъ этотъ былъ имъ написанъ въ бытность его сотрудникомъ Мукачевскаго прихода и около 27 лѣтъ тому назадъ былъ переведенъ на Мадьярскій языкъ Өед. Легоцкимъ подъ заглавіемъ «Magyar orosz népdalok. Sárospatak. 1864». Ред.

во всѣ стороны измѣняющимися во сто видахъ очаровательными физіономіями, располагаютъ его духъ къ понятію являющагося вокругъ него богатства прекраснаго, располагаютъ его отъ колыбели къ поэзіи. Онъ поетъ пѣсни и трезвъ, и въ хорошемъ расположеніи, и въ горѣ; но ужь конечно, чѣмъ немножко зальетъ горе напиткомъ, становится вполнѣ въ своемъ присущемъ народномъ духѣ: онъ становится неисчерпаемымъ ключемъ, бьющимъ изъ сокровищъ сердца его, на всякій случай есть у него наготовѣ стишокъ, острота, каламбуръ, и даже чтò Нѣмецъ называетъ Galgenhumor-омъ. Чортъ возьми!—сказалъ бы безсмертный Гоголь—это дѣти рая! а тамъ кто знаетъ, какое у нихъ налегло на сердцѣ горе! Его пѣсни, поемыя при случаяхъ крестинъ, свадебъ, тезоименій, вечерницъ, жатвы, сѣнокосовъ и другихъ случаевъ, вообще веселы, шуточны, полны остротъ, исходящія изъ живаго источника сердца. Слышишь, и громкій смѣхъ сопровождаетъ только-что огласившую воздухъ пѣснь, и заставляетъ смѣяться слышащихъ еще и тогда, когда всѣ въ потѣ лица утрудилися работой. Во время весеннихъ и лѣтнихъ тихихъ павечерковъ что за прелесть наслаждаться звонкой пѣсnью дѣвочки, поющей гдѣ-то въ дубравѣ, и отвѣчающимъ ей съ противоположнаго холма могучимъ мужескимъ голосомъ, и отзывающимися имъ съ горы на гору эхомъ. Во время свадебъ, староста съ музыкою ведетъ хороводъ, тутъ и тамъ немножко становится, потанцуетъ по молодецки, пропоетъ какъ невзначай-бы остроумный каламбуръ, разразится смѣхъ, въ слѣдующую минуту, какъ быстрая рѣка, хороводъ уже далѣе несетъ старосту. Съ пѣснью приходятъ къ домамъ невѣсты и жениха, съ пѣснью отдаютъ увѣнчанную невѣсту, съ пѣснью начинается и кончится все. Дается впрочемъ предполагать, что описуемый ниже обрядъ свадебный у Угроруссовъ одинаково ведется отъ давнихъ временъ, можетъ быть, отъ временъ языческихъ незначительныя измѣненія вѣроятно произошли—должны были произойти въ теченіе долгаго времени, которое обстоятельство однакожъ много не убавитъ изъ цѣнности племенныхъ обычаевъ, происходящихъ Богъ знаетъ съ котораго поколѣнья.

I. Сватанки.

Юноша, дошедши до требуемаго для женитьбы возраста, если по собственному влеченію невлюбленъ въ нѣкоторую успѣвшую его плѣнить своею красой или иными достоинствами дѣвицу, по совѣту родителей и добрыхъ людей, легко склоняется къ рѣшимости неотлагать далѣе своей женитьбы, принимаетъ охотно добрый совѣтъ со взоромъ избираемой для невѣсты. Влюбленный, естественно, и самъ настаиваетъ предъ родителями о неотлагаемости своей женитьбы. Расчетливые люди посредствомъ вывѣдывателей и вывѣдывальницъ предварительно освѣдомляются на счетъ согласія избранной невѣсты, или на счетъ приданаго. Иногда родители обѣихъ сторонъ годами прежде сдѣлаютъ со взоромъ соединенія своихъ дѣтей межь собою договоръ, и такъ, предварительно устроивши дѣло, остальное все идетъ по желанію. Но ненаходящіеся въ такомъ счастливомъ положеніи юноши, или по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ родителей, или потому, что родители предварительно не прилагали старательства къ устроенію ихъ судьбы, или вконецъ стеченіе семейныхъ и бытовыхъ обстоятельствъ служитъ поводомъ, что не имѣли времени къ предварительному устроенію вопроса женитьбы, принуждены оставаться въ неизвѣстности со взоромъ удачи или неудачи своего предпріятія.

Но какъ бы ни составилися обстоятельства, къ необходимой обрядности принадлежитъ, что дѣло должно начинаться посланіемъ со стороны жениха *сватача* въ домъ избранной невѣсты. Естественно сватачъ долженъ быть умный и уважаемый человѣкъ, преимущественно когда удача предпріятія стоитъ въ неизвѣстности, а главное, долженъ быть такій, къ кому женихъ питаетъ довѣріе и кого въ домѣ невѣсты уважаютъ. Должность *сватача* прежде всего все вывѣдать, чтò нужно отъ жениха, чтобы избѣгнуть могущихъ возникнуть съ его стороны препятствій. Потомъ, какъ бы невзначай—

обыкновенно вечеромъ—приходитъ въ домъ нареченной невѣсты съ обычнымъ поздравленіемъ:

— *Дай Боже добрый вечеръ! Ци гораздъ, ци здорово собѣ въ вашемъ домѣ?*

Домашніе отвѣчаютъ:

— *Хвала Богу, гораздъ. Да где вы собѣ ци гораздъ, ци здоровы ходите?*

Завязуется разговоръ о предметахъ посторонниxъ, но межъ тѣмъ *сватачъ* ловко направляетъ рѣчь къ цѣли своего пришествія. Промолвитъ шуточку къ Марькѣ иль Оленькѣ, иль ужь какъ тамъ называютъ нареченную невѣсту, похвалитъ ея станъ, возрастъ, волосы, очи. Разумѣется, домашніе уже давно отгадали цѣль пришествія сватача; вопросъ назаду только о томъ, кто именно женихъ. Отъ названія имени зависитъ все, что̀ слѣдуетъ далѣе. Сватачъ, дождався удобной минуты, уже необинуяся назоветъ жениха. Пріятенъ? непріятенъ? Отъ того зависитъ, быть-ли пирушкѣ или нѣтъ. Если пріятенъ, скажутъ:

— *Просиме васъ, маленько отдыхните. Едным махомъ дерево неможъ изтяти.*

Благополучный отвѣтъ. Значитъ, родители согласны выдать замужъ дѣвушку, и хлѣбъ-соль какъ разъ явится на столъ. Сватача почестуютъ, потчиваютъ. Въ противномъ случаѣ,—нашъ Угророрусcъ нескупъ на словахъ,—станутъ домашніе хоромъ излагать таковыя всяческія причины препятствій, что сватачъ сразу могъ догадаться о неудачѣ своего пришествія, и дальшій его трудъ вовсе напрасенъ.

Если дѣвушкѣ по сердцу предложенный женихъ, какъ ея родители выразили сватачу свое согласіе, она счасливою ложится на сонъ; въ противномъ случаѣ—настаетъ для ней роковая мучительная ночь. Родители непротивны ея союзу съ предложеннымъ женихомъ, но ея дѣло не то. Можетъ быть, ея сердцу кто-нибудь милѣе, она даже и влюблена, но тотъ счастливецъ и пальцемъ не шевельнетъ на нее. Что за мука? что за ночь? Долга, долга, мучительна, но вконецъ ужь заалилась зоря на востоку, неодолга появится снова сватачъ, и ей предстоитъ рѣшить собственную судьбу. Скоро встаетъ, чтобы домъ привести въ надлежащій порядокъ, но въ глазахъ у нея все рябитъ, и подъ руками у ней все дѣло идетъ какъ-то на переворотъ, все не по ладу.

Сватачъ какъ разъ не медлитъ утромъ снова появиться въ родительскомъ домѣ. Отворилися двери, ужь изъ сѣней слышенъ его голосъ, какъ здоровкается съ родителями:

— Дай Боже доброе рано! Ци гораздъ, ци добрѣ наша старшина и наша молодица почивали?

Настала роковая минута. Неиначе, ужь нѣтъ болѣе времени для размышленій. Если дѣвушка рѣшилась выйти замужъ за предложеннаго юношу, то отвѣчаетъ что-нибудь на поздравленіе приходящаго въ ней сватача; въ противномъ случаѣ—хранитъ глубокое молчаніе. Молчитъ да молчитъ, хоть рѣжь. Въ случаѣ согласія, нареченная невѣста даже привѣтливо встрѣчаетъ сватача подаяніемъ руки, и сватачъ, въ сознаніи благополучнаго исхода дѣла, не безъ одушевленія возвышаетъ голосъ:

— *Най (пусть) васъ Богъ помилуе и благословитъ, якъ въ старомъ завѣтѣ Авраама, Исака и Іакова!* подразумѣвая въ двойственномъ числѣ отсутствующаго жениха.

Исходъ благополученъ. Сватачъ проситъ воды для питья и *ручникъ* (полотенце, утира̀льникъ), чтобъ отерти уста. Слѣдуетъ пирушка. Сватачъ несетъ полученный *ручникъ* юношѣ въ знакъ сочувствія и согласія дѣвушки.

Все идетъ по ладу. Въ удобное время женихъ и невѣста, съ своими родителями, сватачемъ и тамъ съ кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ являются у священника на обрученіе, гдѣ молодые — въ комнатѣ только — даютъ обѣтъ взаимной любви, и согласія вступить въ супружескій союзъ, и въ знакъ сего нарочитаго обѣта и даютъ

себѣ руки и обмѣняются *кистименами* [1]). Этотъ стародавный безсомнѣнно обычай во многихъ мѣстахъ предоставляется самымъ вступающимъ въ супружество лицамъ, чтобы обмѣнялись *кистименами*, но послѣ изъявленія взаимной любви, и согласія на супружескій союзъ, тотчасъ идутъ въ церковь, и по предписанію церковнаго требника обмѣниваются торжественно кольцами [2]).

Спустя нѣсколько дней послѣ обрученія, въ домѣ невѣсты бываетъ опять пиръ *сватанки*, на который женихъ приглашаетъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и друзей. Сватачъ предводительствуетъ гостями, *на самъ передъ* (впереди всѣхъ) входитъ онъ въ домъ невѣсты, за нимъ женихъ, а за ними остальные.

Вошедши въ комнату, староста поздоровляетъ домашнихъ добрымъ вечеромъ и спрашиваетъ:

— Ци гараздъ, ци здоровы собѣ въ вашемъ домѣ? ци пріймаете насъ въ ваше обыстье?

— Пріймаеме, радо пріймаеме, — отвѣчаютъ въ домѣ.

Невѣста цѣлуетъ будущую тещу и тестя въ лице.

На приглашеніе гости садятся за столъ. На столъ полагаютъ водку, хлѣбъ и соль. Домашніе просятъ гостей, чтобъ ѣли и пили, но начальствующій сватачъ отвѣчаетъ:

---

[1]) Слово *кистименъ* принимается въ значеніи платка, но оно совсѣмъ не то. Мадьяре, перенявшіе множество русско-славянскихъ словъ, по вкусу своего языка, и это завѣтное коренно-славянское слово исковеркали на свой ладъ, произнося оное keszkenö. Оно собственно сложено изъ двухъ словъ *кисть* и *мѣна*. *Кисть* по мадьярски: bojt, rojt, fürt, szenteltvir hintö, csokor, kértö, kérfej, но мы здѣсь принимаемъ, какъ оно должно приниматься въ значеніи послѣднемъ, въ значеніи *кисти руки*. *Мѣна* значитъ csere, váltás, cserélés. Совокупивъ оба слова въ одно, будетъ *кистимѣна*. Въ языческія времена при торжественныхъ обѣтахъ, договорахъ, клятвахъ существовалъ обрядъ, состоявшій въ сцѣпленіи рукъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, свидѣтели въ знакъ свидѣтельства свои руки возлагали сверху сцѣпившихся рукъ, и тѣмъ клятва считалась совершенною. Не подлежитъ сомнѣнію, что союзъ супружескій у нашихъ языческихъ нѣкогда предковъ былъ дѣломъ важнымъ, слѣдовательно, не могъ состояться безъ торжественнаго договора, который обусловливался обрядомъ сцѣпленія рукъ и, безъ сомнѣнія, произношеніемъ обѣта или клятвы взаимной любви. По всей вѣроятности дается предполагать, что въ знакъ *кистимѣны* (pactum foederis) присягающія стороны разомъ обмѣнялись и платками, и такимъ образомъ, какъ знакъ супружеской *кистимѣны*, то есть присяги; такій платокъ сталъ называться *кистимѣнным* въ своемъ высшемъ значеніи. Въ послѣдствіи прибавленіе платка оставлено, и осталось слово кистименъ въ нынѣшнемъ видѣ. Обрядъ сцѣпленія рукъ и обмѣны платками существуетъ и донынѣ; естественно, христіанство давнымъ-давно отняло вѣсъ отъ сего языческаго обряда и замѣнило его обрученіемъ кольцами и вѣнчаніемъ, но изслѣдователю древностей, обрядъ вступленія въ супружескій союзъ нашихъ предковъ, сохранившійся на угорской Руси въ одномъ на первый видъ незначительномъ словѣ *кистимѣны*, безсомнѣнно долженъ причинять душевное наслажденіе. Измѣна противъ торжественной клятвы, совершившейся *кистимѣною*, влекла за собою ужасную месть, именно отсѣченіе кисти правой руки. Существованіе этой иногда мести сохранилось въ народныхъ сказкахъ, въ этомъ неизложенномъ на письмѣ бытописаніи былыхъ временъ. Одна изъ такихъ народныхъ сказокъ, слышанная мною еще въ дѣтствѣ, глубоко впечатлѣлася въ воспріимчивой памяти моей, сюжетъ которой былъ таковъ: Князь женился на княжеской прекрасной дочери, которую страстно любилъ. Предстояло только что оженившемуся князю отправиться на войну въ отдаленную страну, онъ съ болѣзненнымъ сердцемъ отправляется, и хранителемъ возлюбленной княгини оставляетъ одного изъ своихъ довѣренныхъ. Межъ тѣмъ хранитель воспламеняется преступною любовью, искушаетъ княгиню на грѣхъ, но она остается вѣрною, непоколебимою. Въ рабѣ разгорается желаніе мести. Какъ разъ въ концѣ девятаго мѣсяца своего отсутствія возвращается побѣдоносно князь домой, но не на счастье; злодушный человѣкъ, для охраненія которому повѣрилъ онъ свою драгоцѣнность, при встрѣчѣ лукавымъ сердцемъ научаетъ князя, что жена его невѣрная измѣнница. Едва кончилъ свой доносъ, изъ княжескаго двора приходитъ князю на встрѣчу отъ княгини вѣстникъ съ тѣмъ радостнымъ извѣстіемъ, что у нея родилися два золотоволосые близнецы. Разъяренный князь изъ подозрѣнія въ измѣнѣ повелѣваетъ отсѣчь невинной княгинѣ *кисть правой руки* и, привязавъ ей ко спинѣ новорожденныхъ близнецовъ, постыдно изгоняетъ ее изъ своего княжескаго дому. Послѣ разныхъ приключеній, слѣдуетъ въ концѣ познаніе невинности злополучной княгини, раскаяніе князя, и достойное наказаніе лукаваго раба.

[2]) Этотъ церковный обрядъ, впрочемъ, не исключаетъ того предположенія, что и въ древнія языческія времена могли вступающія въ супружескій союзъ стороны обмѣниваться кольцами, собственно *обручками*, съ присущимъ языческимъ временамъ обрядомъ.

— Дотолѣ не будеме ни ѣсти, ни пити, доколѣ не будеме знати: изъ-за кого будеме пити? Намъ хибитъ челядча! [1]).

Родители невѣсты отвѣчаютъ:

— Вотъ имѣете что ѣсти и пити, чегоже вамъ еще недостаетъ?

Народный генiй Славянства всегда высоко ставилъ цѣну невѣсты. Въ былыя времена изъ-за обладанiя невѣсты у знатныхъ людей устроивались торжества, женихи-соперники должны были одолѣть другъ друга въ поединкѣ, чтобы получить въ награду руку обожаемой дѣвицы. Были случаи, что молодцу предстояло перебороть до двѣнадцати соперниковъ, пока удалось ему вконецъ получить заслуженную награду. И когда удаль увѣнчалась успѣхомъ, это доставляло торжество, какъ для побѣдоноснаго жениха, такъ и для невѣсты. Для доставленiя торжества невѣстѣ у простонародья народный генiй устроилъ другого рода удовлетворенiе, заключающееся въ превозношенiи ея плѣнительной красы, или другихъ ея хорошихъ качествъ. При появленiи невѣсты, по принятымъ правиламъ приличiя и вѣжливости, всѣ присутствующiе должны прiйти въ восторгъ. Потому и донынѣ сохранился издавна такой обычай, что во время сватанокъ было бы оскорбленiемъ приличiя, если бы начальствующiй сватачъ, или нѣкто изъ гостей — несмотря на учащенное понуканье домашнихъ — дотронулся до предложеннаго на столѣ ястiя и питiя, пока не окончится шуточка, долженствующая изобразить торжество невѣсты и разомъ всѣхъ привести въ хорошее расположенiе духа.

Сватачъ на понуканье домашнихъ отвѣчаетъ:

— Хвала Богу, есть что пити, ѣсти; но мы не затѣмъ сокрушаемъ наши ноги. Хоть бы вы цѣлый свѣтъ поставили на вашъ столъ, всего недовольно, потому что живый о живомъ размышляетъ, живый за живымъ ходитъ.

— Такъ вы за живымъ ходите? восклицаютъ домашнiе будто съ удивленiемъ.

— Не иначе, — отвѣчаетъ сватачъ — мы пришли за невѣстою. Намъ говорили люде изъ-за моря, изъ далекихъ странъ, отъ края свѣта прилетѣлъ сизый орелъ и намъ принесъ такую вѣсть, что въ вашемъ домѣ есть прекрасная невѣста.

— Скажи намъ, добрый человѣче, — спрашиваетъ мать или отецъ — якую вы невѣсту глядаете (ищете)? Ци желтоволоса? ци черноока? ци бѣлолица? ци стройна? высока?

— Она не желтоволоса, не черноока, но така якъ красный цвѣтокъ, якъ золотый вѣнокъ, якъ дорогiй камень, якъ зоря на небѣ, якъ роса на солнцѣ.

Межь тѣмъ, если есть больше сестеръ у невѣсты, то довольствуются представленiемъ домашнихъ, начиная съ наймолодшей сестры. Приводя ихъ по очереди, спрашиваетъ мати:

— Ци то-ту вы глядаете?

— Нѣтъ, не то-ту, — отвѣчаетъ сурово изъ-за стола сватачъ. И такъ поочередно сколько сестеръ есть.

Иный разъ невѣста приглашаетъ на сватанки цѣлую вереницу своихъ подружекъ, всѣ представляются по одной, и послѣ суроваго голоса сватача: „не то-та!“ иная ловкая шутливая дѣвочка съ притворнымъ отчаянiемъ, ломая руки, восклицаетъ:

— Ахъ, Боже мой! я погана, я никому не нужна, мене никто не любитъ, не сватаетъ, я несчастливая дѣвка!

Если бы это все шло не на шутку, иный разъ извѣстно самъ женихъ, приведенный по нечаянности въ самозабвенiе раздирающимъ сердце жалостнымъ голосомъ нѣкоторой красавицы, пришелъ бы въ искушенiе шуструю шутницу тотчасъ же объявить своею невѣстой.

Перешедшiй отъ предковъ такiй свадебный обычай служитъ доказательствомъ тому, что племенное утонченное чутье къ требованiямъ вѣжливости издавна было развито, что даже у простонародья оно выражалось въ такомъ изысканномъ видѣ. Ви-

---

[1]) У Угроруссовъ *челядина челядча* принимается не въ значенiи челяди, но всего приблизительнѣе въ значенiи *особы*, и то съ прибавленiемъ оттѣнка нѣкоторой молодцоватости, удали, красы, элеганцiи.

димо, въ этомъ обычаѣ олицетворялась отличность жениха, что изъ-за обладанія имъ столько соперничаетъ невѣстъ; съ другой стороны невѣстѣ доставляло честь, и высокое оцѣненіе, что женихъ изъ многихъ соперницъ предпочтеніе отдавалъ своей избранной.

Передъ появленіемъ настоящей невѣсты приводятъ обыкновенно нѣкоторую безобразную бабу или облеченнаго за Жида парня, или какое-тамъ иное, предварительно условленное и копотью замаранное чучело, что всѣхъ приводитъ въ неистовый смѣхъ.

Да и со взоромъ прочихъ представленныхъ, иная своевольная дѣвушка притворится зайкой, калѣкой, хромою, глухою, нѣмою, близорукою, слѣпою, потому что и къ нимъ обращаются съ вопросами, и все то сопровождается смѣхомъ, остротами и хорошимъ расположеніемъ духа.

Но является въ конецъ и настоящая невѣста.

— Ци она?—спрашиваютъ родители.

Сватачъ со всѣми издаетъ голосъ восхищенія.

— Сесе!—восклицаетъ сватачъ—сесе наша, которую мы глядаеме! Дякуеме на самый передъ Богу, что ю сотворилъ для нашего честнаго жениха, и родителямъ за годбвлю (воспитаніе).

Вслѣдъ сватачъ поднимаетъ заздравную чарку, восклицая:

— Найперше за Божськую хвалу, за сихъ дѣти, изъ-за которыхъ мы сюда сошлися! Най ихъ Богъ подержитъ, и чтобы ся такъ мали, якъ на святую недѣлю (Сошествіе св. Духа, Русалье) земля ся мае. Най Богъ подержитъ и ихъ родичи!

За симъ тостомъ всѣ выпиваютъ по очереди. Подаютъ кушанья. Сватачъ молится и благословитъ столъ.

Подъ конецъ пира каждый гость получаетъ окаймленный багровою и синею краскою *ручникъ*, который остается уже его собственностью. Опять поздоровляютъ тостами обрученныхъ, и благодарятъ *за ручники*[1]). Послѣ пира опять молитва, и расходятся. На прощаньи невѣста по должности цѣлуетъ въ лице будущую тещу и, если хочетъ, и тестя.

---

[1]) Происходящая изъ порядочнаго зажиточнаго дома невѣста своими родителями издѣтска воспитывается такъ, чтобъ она, когда придетъ пора ей стать подъ вѣнецъ, обладала всѣми способностями доброй хозяйки. Преимущественно требуется отъ нея, чтобы знала варить, печь, шить, ткать, и въ отношеніи этихъ требованій угрорусская дѣвушка не терпитъ недостатка; но сверхъ того природа щедрою рукою одарила всякую Славянку необыкновенною понятливостію въ искусствѣ вышиванія. Нерѣдко встрѣтить такіе затѣйные узоры, вышитые гдѣ нибудь въ бѣдной хижинѣ при темномъ оконцѣ, что могла бы имъ позавидовать и рожденная въ свѣтлыхъ чертогахъ гордая барышня, проведшая все время своей жизни при пяльцахъ. Подростающая дѣвушка сама прядетъ, сама ткетъ, чтобы все необходимое заблаговременно приготовить для себя. Ея рукодѣлье и вышиваніе узоровъ на даруемыхъ участвующимъ на сватанкахъ гостямъ завѣтныхъ ручниковъ. Немало трудились надъ ними пальчики невѣсты, немало приматривались ея прекрасныя очи при темныхъ окошкахъ. Да, надо полагать, немало мыслей родилось въ ея головушкѣ со взоромъ сужденнаго ей Провидѣніемъ жениха, серденько немало приходило въ волненіе, да и работа сопровождалась кто скажетъ какими-то задушевными пѣснями? Только въ ея сердцѣ скрывается разрѣшеніе той тайны: того-ли она дождалась жениха, образъ котораго носился постоянно надъ ея работой? Но когда женихъ послалъ сватача, все стояло давно приготовленнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что она прилагала все старательство, чтобъ ея работа доставила ей честь и воспитавшей ее матушкѣ. Видимо, предки, узаконившіе обычай даренія ручниковъ, приписывали имъ важное значеніе, что необходимость ихъ при сватанкахъ сохранилась до настоящаго времени. Надо припомнить, что данный сватачу при первомъ посѣщеніи *ручникъ* значилъ залогъ, ручательство вѣрности даннаго слова со стороны невѣсты; успѣхъ и счастье въ отношеніи къ жениху. Новое дареніе *ручниковъ* гостямъ, участвующимъ во время отправленія торжественныхъ сватанокъ, имѣетъ особенное значеніе, они уже считаются свидѣтелями даннаго прежде сватачу ручательства, и въ знакъ сего свидѣтельства и получаютъ *ручники*. Если бы въ теченіе жизни случилось возникнуть между супругами какому-нибудь несогласію, или наклонности къ прекращенію союза, этимъ свидѣтелямъ стоитъ въ должности обличить преступную сторону. Завѣтные ручники имѣютъ для потомковъ еще одно немаловажное значеніе. Они сохранили тройной геральдическій народный цвѣтъ, именно багровый, синій и бѣлый. Кайма на двухъ концахъ бахромою снабженнаго ручника вокругъ начинается багровою тканью, слѣдуетъ синяя, въ конецъ бѣлая, отдѣленная тонкою багровою нитью отъ остальнаго бѣлаго поля, которое вышивается разнаго вида узорами, но непремѣнно багрецомъ и синетой.

II. Гуськи (Дѣвичникъ).

Наканунѣ назначеннаго для свадьбы дня въ домахъ какъ невѣсты, такъ и жениха являются знакомые и пріятели на *гуськи*, которыми собственно начинается свадьба. Чѣмъ-разъ стало вечерѣть, раздаются въ домѣ первые звуки музыки, вслѣдъ молодежь приходитъ въ движеніе, и пара за парой пускается въ танецъ, сколько можетъ вмѣстить на разъ домъ. Сперва идетъ тихо, скромно, но оживленіе поминутно возрастаетъ, кто-тамъ изъ танцующихъ парней здоровымъ голосомъ станетъ сопровождать музыку, вслѣдъ къ его голосу принаравливаются и другіе, въ конецъ все сливается въ общій гулъ, выдается только одна музыка. Равнымъ образомъ отбываются гуськи и въ домѣ жениха. Если онъ еще не получилъ отъ своей невѣсты *багрѐты* [1]), даруемой иногда во время сватанокъ, въ томъ случаѣ въ вечеръ гусокъ женихъ, сопровождаемъ однимъ или двумя дружбами, идетъ въ домъ невѣсты за *багрѐтою*. Она состоитъ изъ большаго пучка купленыхъ чиненыхъ цвѣтовъ багроваго цвѣта, украшенныхъ сухозолотными (aranyfüst) листьями, сверкающими и при движеніяхъ дрожащими разнаго цвѣта стеклянными пузырьками. Женихъ получаетъ багрѐту отъ своей невѣсты, а дружбы отъ дружекъ, которыя, тотчасъ пристегнувъ къ своимъ шляпамъ, возвращаются въ домъ жениха.

Въ этомъ вечеръ *звáчи*, избираемые изъ стройныхъ и веселыхъ молодцевъ, рядомъ ходятъ по домамъ съ приглашеніемъ отмѣченныхъ родителями семействъ, и просятъ ихъ почтить своимъ появленіемъ празднуемое слѣдующаго дня свадебное торжество. Свое приглашеніе выражаютъ они слѣдующимъ образомъ, отчеканивая каждое слово звонкимъ голосомъ:

Проситъ васъ панъ молодый, (или) *пани молодая* (называя по имени) *разъ, и я другій разъ, чтобы вы завтра непольновалися прійти на малый часъ— на веселье до насъ.*

Желая дойти къ источнику происхожденія наслѣдованныхъ отъ предковъ *гусёкъ*, задается первый вопросъ: по какой причинѣ початокъ свадьбы взялъ свое наименованіе не отъ другаго какого-нибудь предмета, но именно отъ гуся? Догадаться не трудно. Гусь, какъ и прочія птицы, снабжена крыльями, но по тяжести своего тѣла, она очень рѣдко пользуется ими. Кромѣ этого свойства, изъ пуха ея перьевъ приготовляются подушки и перины. Принимая крылья гуся въ знаменованіи природной свободы, тяжесть гусинаго тѣла въ знаменованіи состава замужней жены, получится рѣшеніе вопроса, состоящее въ томъ: что съ наступленіемъ свадебнаго дня невѣста потеряетъ свои крылья— свою дѣвичью свободу, въ новомъ составѣ налегаетъ на неё исполненіе должностей, которыя предстоитъ ей носить, какъ носитъ гусь тяжесть собственнаго тѣла. Но съ другой стороны въ награду составъ новой жизни обѣщаетъ разныя семейныя наслажденія; какъ подушки и перина огрѣваютъ тѣло, такъ и теплота супружеской любви огрѣетъ и новую жизнь ея. Еще сего вечера предоставляется невѣстѣ на волю полетать на своихъ гусиныхъ крыльяхъ, завтра ужь все измѣнится. Утромъ главное ея дѣвическое украшеніе—*косу* расплетутъ: идя въ церковь подъ вѣнецъ, уже съ распущенными волосами выйдетъ изъ родительскаго дома, а оттуда вернется съ покрытою или очепченною головой. При расплетаніи ея косы, безсомнѣнно становится ей немножко тяжело на сердцѣ, отъ жаля за дѣвическимъ украшеніемъ придется проронить немало слезъ. Ахъ, милостивый Боже! на счетъ ожидающей ее судьбы кто скажетъ что-нибудь извѣстное?...

---

[1]) Слово *багрѐта*, по мадьярски *bokréta*, происходитъ отъ корня *багдръ*, *багрѐцъ* bibor, *багрѝть* biborpirossá festeni, равно какъ *синетá* происходитъ отъ корня *синѝть* kekszinre fesseni. У угрорусскаго народа слово *обагрѝть*, значитъ кого-нибудь оженить.

На гуськахъ невѣста въ послѣдній разъ пользуется своею полною свободой. Она танцуетъ, веселится, рѣзвится, расточаетъ любезности, потому что съ ея стороны въ этотъ вечеръ все принимается за шутку. Встрѣтится съ пропадавшимъ за нею юношей, къ которому она не чувствовала въ себѣ ни влеченія, ни любви, вмѣняетъ себѣ должностью наградить его плѣнительною улыбочкой, ласковымъ словцемъ, обворожительною любезностью. Встрѣтится съ другимъ, за которымъ пропадала она, но тотъ счастливецъ влюблёнъ въ другую или потому что она богаче, или ему болѣе понравилась, завязуется во время танца задушевный разговоръ, любезничаетъ, пожметъ руку, даже въ первый и послѣдній разъ поцѣлуетъ. Кто бы предполагалъ столько психической тонкости у простонародной необразованной дѣвушки, что она рѣшается дать поцѣлуй не потому, что она легкомысленна, своевольна, самолюбива, чтобы тѣмъ доставить себѣ минутное наслажденіе,—нѣтъ, она цѣлуетъ пренебрегшаго ею юношу изъ мести, чтобы чувствительно уязвить его сердце. Даетъ ему разъ на всегда почувствовать, какое блаженство хранилось для него въ сладости ея губокъ, въ пламенной любви ея сердца, и всему конецъ. Съ наступленіемъ слѣдующаго дня и всю жизнь въ сознаніи своего долга она становится для пренебрегателя на неприступной, ни для кого на свѣтѣ недостижимой высотѣ. Цѣлою душею отдается единственному старательству, чтобы нравиться своему мужу, заслужить и по силамъ наградить его приклонность и любовь, очи ея только его одного и видятъ. Непремѣнно придешь къ заключенію, что природа-матушка безразлично для всѣхъ сама себѣ предоставила воспитаніе и руководеніе движеніями сердецъ; въ отношеніи любви нѣтъ никакой разницы между образованными и необразованными; и хотя способъ выраженія любви въ незначительныхъ мелочахъ по мѣрѣ образованности выражается въ иномъ видѣ, но въ основныхъ своихъ чертахъ она остается для всѣхъ неизмѣнною.

Впрочемъ благоразумная дѣвушка, имѣя предъ глазами долгъ будущности, по своему возрасту способна сообразить силу душевныхъ впечатлѣній, чтобъ не дать повода къ могущимъ возникнуть въ послѣдствіи непозволеннымъ притязаніямъ со стороны домогавшихся за ея рукой соперниковъ, или къ подозрѣніямъ со стороны ея будущаго мужа, ведетъ себя прилично, скромно, трезво, безупречно. Имѣетъ довольно природной силы, преобладать своими наклонностями, въ сознаніи своего долга ведетъ себя съ достоинствомъ, и ужь хоть бы сердце у ней разрывалось отъ скорби, она рѣшительно отклонитъ всѣ домогательства за ея лаской, отличеніемъ и любезностью, и въ наказаніе къ неумѣвшимъ оцѣнить ея любовь, ведетъ себя ко всѣмъ одинаково равнодушно, безъ оскорбленія, но безупречно.

Равнымъ образомъ ведетъ себя и женихъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не попасть на языки, и по причинѣ могущихъ возникнуть когда-нибудь изъ-за его поведенія упрековъ. Въ случаѣ взаимной любви, все это остается излишнимъ.

III. Вѣнцы.

Съ разсвѣтомъ вожделѣннаго утра, выступаютъ на передъ *старосты* съ полною властію веденія свадьбы. Однимъ изъ старостъ обыкновенно есть сватачъ, другой родителями невѣсты избирается изъ пользующихся общимъ уваженіемъ жителей селенія. Съ наступленіемъ восхода солнца обрядъ свадьбы начинается съ витіемъ вѣнцевъ для невѣсты и жениха.

Въ домѣ жениха, предъ наступленіемъ утра, приготовляется *курагов* (хоругвь), состоящая изъ двухъ сложенныхъ другъ къ другу платковъ краснаго и бѣлаго,—или синяго и бѣлаго цвѣтовъ, такъ что два платка составляютъ одно цѣлое, прикрѣпляются къ жердочкѣ, на концѣ которой привязанъ пучокъ хмѣля или берьвѣнка, съ развѣвающейся лентой; на самомъ верху хоругви непремѣнно должно быть надѣто красное яблоко,

по инымъ мѣстамъ есть въ обычаѣ подъ яблоко вмѣстѣ съ пучкомъ хмелины, бервѣнка, розъ привязывать маленькій колокольчикъ. Жердочка хоругви состоитъ не изъ какой-нибудь простой палки: она вся росписана замысловатыми узорами и рѣзьбой, и приготовляется заблаговременно дружбою для этой цѣли, потому что жердочка хоругви въ концѣ свадьбы даруема бываетъ дружбою невѣстѣ для *кудѣли* (прялки). Цвѣтъ ленты примѣнивается ко цвѣтамъ хоругви такимъ образомъ, чтобы составился тройной цвѣтъ; если кураговь составлена краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, то лента привязуется синяя; насупротивъ, если кураговь составлена изъ синяго и бѣлаго цвѣтовъ, то лента должна быть красная. Народъ и эти платки называетъ не *хусткамп* (холстками), но кистимѣнами: очень вѣроятно, что кураговь подлинно составляли изъ *кистимѣнныхъ* платковъ. Эту кураговь впереди шествія несетъ дружба жениха.

Староста, предшествуемый несомою дружбой кураговью и музыкою, въ сопровожденіи свашекъ и дружекъ, съ пѣснями отправляются въ нѣкоторый огородъ собирать *бервѣнокъ* для сплетенія вѣнковъ. Пѣсни поются, какъ попадется, но такъ какъ у угрорусскаго народа на всѣ обстоятельства жизни есть своя пѣсенька и пословица, то недостатка не чувствуется въ томъ, чтобы любую пѣсеньку приноровить къ обстоятельствамъ жизни жениха или невѣсты, или хоть самыхъ участвующихъ въ хороводѣ, но только, чтобъ она была болѣе шутлива, ласкательна, чѣмъ въ какомъ-нибудь отношенін оскорбительна. Бервѣнокъ у Угроруссовъ произращается во многихъ очень огородахъ вмѣстѣ съ шелковою травой. Эти растенія оказуются народными, хотя изъ шелковой травы при свадьбахъ нѣтъ никакого употребленія, развѣ только для украшенія верха курагови; потому не нужно далеко отправляться за бервѣнкомъ, онъ иногда въ изобиліи находится и въ домашнемъ огородѣ. Къ мѣсту, гдѣ произрастаетъ бервѣнокъ, первою приближается невѣста: ей предоставляютъ первеиство, потому что она отъискиваетъ четыре-лиственный растокъ, не срываетъ его рукой, но срѣзываетъ серебряною монетой, и только послѣ ней принимаются дружки и свашки собирать бервѣнокъ, срывая его рукой. То самое происходитъ и у жениха, женихъ такимъ-же образомъ, какъ невѣста первый четыре-лиственный растокъ срѣзываетъ серебряною монетой. Если изъ чужаго огорода берется бервѣнокъ, то староста хозяйку огорода награждаетъ полною стклянкою водки, содержаніе которой хозяйка переливаетъ въ свой сосудъ, а выпорожненную стклянку отдаетъ старостѣ обратно наполненную водою.

Обѣ стороны порознь собираютъ бервѣнокъ и порознь вьютъ вѣнки.

Обрядъ витія вѣнковъ совершается слѣдующимъ образомъ: Начальствующій староста прежде всего окропитъ крестообразно священною водою запасъ нагроможденнаго на холстѣ среди стола бервѣнка, потомъ изберетъ четыре-лиственный ростокъ и передастъ свашкамъ въ знакъ того, что могутъ приняться за дѣло. Считается зловѣщимъ предзнаменованіемъ, если бы находящаяся въ вдовическомъ состояніи сваха первою дотронулася къ бервѣнку, потому къ витію вѣнковъ принимаются жены, у которыхъ мужъ живъ. Возлѣ бервѣнка полагаютъ изъ пшеницы или ржи упеченный калачъ. Начиная сплетать вѣнцы, свашки припѣваютъ—ладкаютъ:

О пой Боже до насъ!
Теперь у насъ горадзъ;
И ты Божая мати
Вѣночки починати;
Та й ты, Божій крижу,
Не минай нашу хижу.
Почина'тся гостина
Отъ Тисы до Бескида
У нашего сусѣда!

Сонѣчко.

Горѣ, сонѣчко, горѣ!
Війся вѣночку вскорѣ,
На гладку головочку,
На счастливу долечку.
Приступи, мамко, ближе,
Якъ ся вѣночёкъ ниже,
Подай, мамко, иголку,
Та й ниточку изъ шолку,
Пришити чесночокъ [1])
На золотой вѣночокъ.
Гладко, сусѣдка, гладко,
Якъ золотое ябко;
Коли мы вѣнки вили,
Солодокъ *медокв* [2]) пили;
Коли мы довивали,
Горы ся розлѣгали.
Приступай, Марько, до столу,
Помолься пану Богу,
Поклонься вѣнку свому:
Чей бы былъ счастливенькій,
А верху зелененькій!
Е(сть) изъ чёго вѣнки вити,
Головоньку сподобити:
Першій въ вѣнку расточёкъ
Крещатый бервѣночёкъ;
Дай, мамко, золотило,
Што бы вѣнокъ сподобило,
'Бы Богу и людёмъ мило!

При окончаніи этихъ ладканокъ долженъ быть вѣнокъ готовъ, потому что стихи ладканки повторяются. Съ послѣдними звуками пѣсни въ приготовленный вѣнокъ двѣ свашки вдѣнутъ платокъ и, придерживая руками съ двухъ сторонъ углы платка, поднимаютъ вѣнокъ. Другія двѣ свашки подъ поднятымъ вверхъ вѣнкомъ въ принесенный тотчасъ *коровай* (калачъ, испеченный колесообразно) вдѣнутъ другой платокъ и такъ же, какъ первыя двѣ свашки, придерживая съ двухъ сторонъ углы платка,—всѣ четыре свашки вмѣстѣ трижды обхождаютъ столъ. Между тѣмъ музыка играетъ. Послѣ трехкратнаго обхожденія стола, вслѣдъ музыка ударяетъ быстрѣе, свашки пускаются на рединѣ комнаты въ пляску, и пляшутъ одно время только онѣ сами. Между тѣмъ въ сѣняхъ одного парня снаряжаютъ въ чепецъ и покрываютъ его голову *примѣткою*—покрываломъ, которымъ въ церкви послѣ бракосочетанія покрывается голова новобрачной. Парень входитъ въ комнату, жалуется и плачетъ, что онъ самъ не знаетъ, по какому чуду сталъ женщиной. Слѣдуютъ три танцы, потомъ снимутъ съ парня покрывало, выпроводятъ его снова въ сѣни, и съ тѣмъ обрядъ витія вѣнка считается оконченнымъ.

Равно такимъ образомъ бываетъ витіе вѣнка и въ домѣ жениха въ сопровожденіи ладканокъ, за исключеніемъ появленія снаряженнаго въ чепецъ и покрывало парня.

---

[1]) Въ повѣрьяхъ угрорусскаго народа чеснокъ служитъ охранительнымъ средствомъ противъ обаяній колдованій и недуговъ, происходящихъ отъ темной силы. Это повѣрье видимо происходитъ еще отъ языческихъ временъ.

[2]) Медъ и квасъ нѣкогда славянскіе напитки; изъ нихъ на угорской Руси сохранилась память меда только въ свадебной ладканкѣ.

IV. Вѣнчаніе.

Подъ временемъ витія вѣнковъ, если домъ состоитъ изъ двухъ покоевъ, то въ отдѣльномъ покоѣ, если нѣтъ, то въ смежной съ сѣнями каморкѣ, невѣста приготовляется къ бракосочетанію. Родственницы или подруги расплетаютъ ей косу, расчесываютъ волосы; веселыя пріятельницы съ такимъ радушіемъ принимаются за исполненіе сего дѣла, будто бы ихъ дѣйствіемъ открывался входъ въ невыразимыя прелести рая, а невѣста, доживая послѣднія минуты своего дѣвичества, сама не понимая отъ чего, вся обхваетывается страхомъ, сама не сознавая: отъ радости-ли достигнутой цѣли? отъ скорби-ли за дѣвичество? стало быть ее что-то стисло за сердце, не выдержитъ, слезы брызнули потокомъ, и ужъ пока не нарюмится, ничѣмъ, не успокоишь ее. Вконецъ отъ плача ей легче становится на душѣ, омыетъ слезы съ лица, и старается нарядиться въ чистую, праздничную и, насколько средства ея родителей позволяютъ, по возможности, въ роскошную одежду. Когда уже свашки въ смежной комнатѣ танцуютъ съ приготовленнымъ для нея вѣнкомъ, она вступаетъ въ комнату, вся наряженная, съ распущенными волосами; свашки тотчасъ возлагаютъ ей на голову вѣнокъ и прицѣпляютъ къ волосамъ на верху головы вѣточкой, взятой изъ солодкой яблони. Этотъ вѣнокъ остается ей на головѣ и подъ церковнымъ вѣнчаніемъ, потому что для церковнаго вѣнчанія, по правиламъ восточной церкви, должны имѣться церковные вѣнцы, служащіе исключительно для цѣли вѣнчанія. Именно, для жениха, по правилу, долженъ бы быть золотой или позолоченный вѣнецъ, для невѣсты, серебряный или посребренный. Но такихъ вѣнцевъ, по причинѣ убожества угрорусскихъ церквей вовсе нѣтъ, даже достаточныя церкви до сихъ поръ не старались пріобрѣсти ихъ. Они замѣняются по мѣстнымъ обычаямъ или вѣнцемъ изъ чиненныхъ цвѣтовъ, или вѣнцемъ, сплетеннымъ изъ колосьевъ пшеницы или ржи, собираемыхъ во время освященія нивъ, совершаемаго въ теченіе недѣли Сошествія св. Духа; или, вконецъ, просто обручемъ, согнутымъ изъ яблоноваго дерева. И такъ вѣнокъ, сплетенный свашками дома для невѣсты, остается постоянно на ея головѣ и во время церковнаго вѣнчанія, а вѣнокъ, сплетенный свашками для жениха, остается на его шляпѣ.

Когда въ домѣ невѣсты уже готовы съ вѣнкомъ, посылается кто-то вѣстникомъ въ домъ жениха, что пора идти въ церковь. Межъ тѣмъ выступаетъ староста и старается трогательно выразить благодарность невѣсты къ родителямъ за воспитаніе, труды и за ихъ родительскую любовь. Съ одной и съ другой стороны засверкаютъ слезы въ глазахъ, иногда даже рыданіе, но пора всему наложить конецъ. Староста, отъ имени родителей, благословляетъ невѣсту, родители и сами благословляютъ, цѣлуютъ, затѣмъ цѣлуютъ сестры, братья и родственники.

То самое происходитъ и въ домѣ жениха. Руководящіе свадьбою старосты, по надобности, ускореніемъ или замедленіемъ, направляютъ дѣло такъ, чтобы около одиннадцатаго часа предъ полуднемъ обѣ стороны были приготовлены къ шествію въ церковь.

Послѣ прощанія съ родителями вконецъ огласится музыка, отзовется пѣснь, дружба выступитъ изъ сѣней на дворъ, замашетъ въ воздухѣ развѣвающеюся съ лентами *кураговью*, и шествіе одновременно двинется по направленію къ церкви какъ изъ дома невѣсты, такъ изъ дома жениха.

Чѣмъ хороводъ выступилъ на дворъ, свашки тотчасъ затянутъ на прощанье ладканку:

Попроси, мамко, Бога:
Ѣы счастлива дорога;
Чепачёкъ въ рукахъ ношу,
Такъ мамку свою прошу:
Ой мамко, мамонько!
Проси мнѣ доленьку,
Я буду помогати
Доленьку упрошати.
Съ Богомъ Марько! съ Богомъ!
Съ Божими ангелами!
Съ добрыми сусѣдами!

Вышедши на улицу изъ двора:

Не чудуйтеся люде,
Не война тутъ-ка буде,
Не война, не турчата,
Лемъ наши молодята.
Гей идеме, идеме,
Гей въ пôдкôвки звиниме!
Учуютъ то-то люде,
То наша слава буде.

Приближаясь къ церкви:

Сидитъ голубь на церкви,
Кличе попа до церкви.
Не е попонька дома,
Пôшовъ онъ до Львова:
Ключики куповати
Церьковцю одомыкати,
Молодята вѣнчати.

Въ свадебныхъ хороводахъ есть два люди, одинъ со стороны невѣсты, другой со стороны жениха, оба они несутъ на палкахъ свадебные колесообразно испеченные короваи. Они не входятъ въ церковь, но остаются внѣ предѣла церковной папертн и входятъ по близости въ нѣкоторый сосѣдный—всего чаще въ приходскій—домъ и подъ бракосочетаніемъ остаются тамъ. Послѣ бракосочетанія присовокупляются опять къ хороводу, идущему отъ церкви въ домъ невѣсты. Если-бы удалось подъ бракосочетаніемъ кому-нибудь изъ свадебиыхъ удальцевъ украсть коровай, то которымъ повѣрено несеніе ихъ, должны въ наказаніе платить такую цѣну, какую обоимъ старостамъ благоугодно досудить.

Есть народное повѣрье: если новобрачная подъ временемъ церковнаго вѣнчанія, собственно присяги, персты свои положитъ на евангеліи сверхъ перстовъ жениха, обезпечаетъ себѣ во всю жизнь преобладаніе надъ мужемъ. Если бы то ей не удалось, то по крайней мѣрѣ старается о томъ, чтобы хоть одинъ разъ наступить на ноги мужа.

Послѣ дѣйствія церковнаго вѣнчанія, или лучше сказать послѣ брачной присяги (принятой, въ слѣдствіе уніи, отъ запада) и совершенія остального церковнаго обряда, слѣдуетъ непосредственнно покровеніе священникомъ главы новобрачной. Этотъ обрядъ, согласно съ мѣстными обычаями, происходитъ или посредствомъ покрывала, состоящаго изъ большаго бѣлаго холста, или чепца. По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ обычаѣ покрывать новобрачную чепцёмъ, коса невѣсты расчесывается, подъ временемъ витія свашками вѣнка, волосы сплетываются подругами невѣсты въ двѣ косы, которыя немножко ниже темени слагаются въ видѣ корзинки, называемой *контя*, [1]) (хохолъ) и этотъ родъ прически отселѣ во всю жизнь остается для замужней женщины неизмѣннымъ. Разница только въ томъ, что сплетаемый для невѣсты свашками вѣнокъ такого только размѣра, что онъ достаточенъ обнять корзинку плетенія волосъ, и будто служитъ составною частью *контьи*. Но по тѣмъ мѣстамъ Угорской Руси, гдѣ у невѣсты остаются распущенными волосы, свашками сплетается большой, всю голову обнимающій берьвѣнковый вѣнокъ; и послѣ церковнаго покровенія главы новобрачной, свашки, вышедши изъ церкви, изъ подъ покрывала снимаютъ ей вѣнокъ съ головы, снаряжаютъ висящее внизъ тѣла покрывало, и сверхъ покрывала булавками пристегиваютъ вѣнокъ, и невѣста въ такомъ длинномъ бѣломъ покрывалѣ въ самомъ дѣлѣ представляется въ видѣ очень приличномъ одной женщинѣ.

Свадебный народъ, выходя изъ церкви, въ прежнемъ порядкѣ, но уже обѣ стороны вмѣстѣ, съ несомою впереди *кураговью*, съ музыкой и пѣснями, отправляются въ домъ невѣсты.

Вышедши изъ церкви, свашки ладкаютъ:

Дякуеме попонькови
Якъ своему няненькови,
Что насъ незабавивъ,
Скоро насъ ôтправивъ.

Шовковѣ ничельницы,
Золотое бердо,
Ой наши молодятка
Присяглися твердо.

---

[1]) Слово греческаго происхожденія ο χόννος hajfonas, Zopf a fejtetön.

Н а у л и ц ѣ:

Гнутся улицы, гнутся,
'Чёмъ бы ся не гинали,
Наши молодята
Красно ся по-вбирали (снарядили).

Ой летѣла пава,
На ворота впала,
Марьчина головка
Инеёмъ припала.

Ой карно ся, карно,
Спредь молодыхъ хмарно,
Просвѣтъ, Боже, ясно,
Спредь молодыхъ красно.

На разстояніи отъ церкви къ дому невѣсты, въ ладканки свашекъ вмѣшиваются припѣванія и старосты, и дружбовъ, и другихъ участвующихъ въ свадебномъ хороводѣ. Всѣ соперничаютъ другъ съ другомъ, чтобы сказать что-нибудь остроумное или новое. Иногда по почину кого-нибудь, сказавшаго удобный для продолженія предметъ, ему отвѣчаютъ удачною травестіей изъ нѣкоторой знакомой пѣсеньки, или просто примѣненіемъ пѣсни къ предмету, кто-то отозвется экстемпоризаціей и такъ завязуется въ пѣсняхъ меньше-больше удачный діалогъ. Иные сопровождая музыку пѣніемъ опережаютъ другихъ, впереди хоровода попляшутъ, пошумятъ, и снова сливаются съ хороводомъ, предоставляя впереди шествія другимъ занять ихъ мѣсто. Старосты и дружбы уже по должности своей должны быть веселыми; потому они, пользуясь своимъ надъ другими преимуществомъ, прилагаютъ усиліе, чтобы веселіемъ своимъ всѣхъ остальныхъ превзойти.

V. Свадебный пиръ въ домѣ невѣсты.

Съ приближеніемъ свадебнаго народа къ дому невѣсты, свашки начинаютъ ладкать:

Отвори, мамко, лѣску,
Веде сынъ невѣстку;
Выйди, мамко, на дворъ,
Проси дѣти за столъ.

Предъ дворомъ хороводъ принужденъ остановиться, потому что *воротницу*, или *лѣску* находитъ затворенною. Народный обычай по какой-то причинѣ желалъ изобразить тѣмъ преграждение доступа во дворъ новобрачной. Въ самомъ дѣлѣ *лѣса* со стороны двора загромождена всякими попадными вещами, какъ *терлицей* (трепалка, мялица), телѣгой, дровами, бревнами, боронoю и проч. Отдалить вещи, преграждающія доступъ свадебнымъ во дворъ, разумѣется, не представляетъ большой трудности, подъ малымъ временемъ все разобрано, все разнесено, и свадебные будто приступомъ овладѣваютъ огражденнымъ дворомъ. Межь тѣмъ выходитъ изъ дома какая-то женщина въ роли шутницы или, лучше, ворожеи, имѣя на себѣ вывороченную *гуню*: она держитъ въ одной рукѣ стклянку, наполненную водкой, но закутанную платкомъ или пенькою, такъ что содержаніе стклянки не видно; въ другой рукѣ держитъ тарелку, наполненную бервѣнькомъ, хмелиною, пшеницею и овсомъ, и свадебнымъ преграждаетъ доступъ въ домъ.

Тутъ шутница повелительно поднимаетъ свою закутанную стклянку, называемую *повницей*, и принуждаетъ жениха принять оную изъ ея рукъ. Въ томъ дѣло, что содержаніе стклянки состоитъ кто-тамъ оттадаетъ изъ какого снадобья, долженствующаго служить любовнымъ напиткомъ для новобрачныхъ. Снадобье, изъ котораго составленъ этотъ любовный напитокъ, соблюдается въ тайнѣ, и составленіе онаго, въ повѣрьѣ народномъ, отъ давнихъ временъ переходитъ отъ поколѣнья къ поколѣнью. Если женихъ простодушенъ, или неувѣренъ, то немножно выпиваетъ изъ него, обыкновенно же притворяется, что онъ пьетъ, и послѣ того отдаетъ закутанную стклянку невѣстѣ, которая равнымъ образомъ притворяется, что пьетъ, или просто ловкимъ движеніемъ

выливаетъ содержаніе ея за своею спиной. Непринятіе женихомъ *повницы*, предложенной шутницей, всегда считается оскорбленіемъ для домашнихъ; но женихъ, въ большинствѣ случаевъ, довольно уменъ, чтобы отклонить уловку, и послѣ притворнаго питья закашляется, схватится за гортань и сдѣлаетъ такую ужимку, что ужь и сама шутница пожалѣетъ его.

Съ тѣмъ преграда доступа въ домъ считается преодолѣнною. Вслѣдъ музыка ударяетъ пѣсеньку быстрымъ тактомъ, два дружбы одновременно изъ двухъ сторонъ поднимаютъ находящійся у нихъ въ запасѣ коровай (отличный отъ несомыхъ другими двумя свадебными людьми на палкахъ короваевъ), и образуя подобіе тріумфальныхъ воротъ, дотолѣ держатъ коровай, пока весь хороводъ, на передѣ съ музыкой, женихомъ и невѣстою три раза не проходитъ подъ ихъ руками. Межъ тѣмъ шутница въ вывороченной *гунѣ* со стороны обсѣваетъ проходящихъ изъ своей тарелки бервѣнкомъ, хмелиной и овсомъ. Какъ третій разъ проходитъ подъ руками дружбовъ шествіе, идущій въ передѣ скрипачъ, смычкомъ ловко схватываетъ изъ рукъ дружбовъ коровай; коровай сдѣнулся на его правой рукѣ, но нимало не препятствуетъ ему продолжать игру, и такимъ образомъ всѣ побѣдоносно вступаютъ въ комнату. Добытый скрипачемъ коровай остается его собственностью.

При входѣ въ комнату, гости находятъ уже столъ накрытымъ, на столѣ стоитъ одинъ хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ имѣетъ особенное назначеніе. Невѣста должна первою занять мѣсто за столомъ. Но то происходитъ не простымъ способомъ: она должна занять свое мѣсто: переходя напоперегъ черезъ столъ, и подъ тѣмъ переступаетъ положенный нарочно для того на столѣ хлѣбъ. Какъ она заняла свое мѣсто, возлѣ нея помѣщается женихъ, и возлѣ жениха старосты, дружбы, дружки, и всѣ гости рядомъ. Въ должности старосты стоитъ взять тотъ хлѣбъ со стола, и соблюсти его для новобрачныхъ, потому что новобрачные только сидятъ у главы стола, и подъ временемъ обѣда ни пьютъ, ни кушаютъ ничего: для нихъ въ послѣдствіи будетъ приготовлено кушанье, состоящее изъ кипяченаго молока и яицъ, которыми послѣ обѣда наединѣ только самодругъ угощаются.

Обѣдъ начинается водкой, хлѣбомъ и солью. За водкою слѣдуетъ разное жареное и вареное мясо: курица, свинйна, говядина, или баранина, и сколько ни есть разныхъ яствій; на самомъ концѣ подается *дзяма*, или *поливка* (супъ). Межъ тѣмъ кружится рюмка съ водкой межъ гостями, она переходитъ изъ руки въ руку. Первымъ выпиваетъ рюмку одинъ изъ старостовъ, здоровкаетъ на сосѣда съ словами: *Дай Боже гараздъ!* Вслѣдъ снова наливаетъ рюмку и отдаетъ сосѣду; тотъ такимъ же образомъ здоровкаетъ на сосѣда, выпиваетъ и снова наливаетъ, отдавая рядомъ другому, и такъ идетъ, пока снова не возвратится къ первому, продолжая кружиться до конца обѣда.

Сначала одно время свашки обѣихъ сторонъ остаются, стоя на срединѣ комнаты: ихъ должность, какъ распорядительницъ, состоитъ въ сопровожденіи празднества ладканьемъ. Но чѣмъ гости размѣстились вокругъ стола, и онѣ присовокупляются къ нимъ, не прерывая начатаго ладканья и за столомъ. Межъ тѣмъ рюмка продолжаетъ кружиться, ладкаютъ, пьютъ, кушаютъ, домашніе понукаютъ, все это вмѣстѣ съ веселымъ разговоромъ, шутками, оживленностью, шумомъ и смѣхомъ сливается во что-то цѣлое, которое нельзя иначе назвать, какъ олицетвореніемъ свадебнаго пира. На лицахъ является румянецъ, въ глазахъ пламень, на устахъ самодовольная улыбка, весь кругъ служитъ выраженіемъ самодовольствія. Одни новобрачные—преимущественно невѣста съ покрываломъ и вѣнкомъ на головѣ—выдѣляются изъ обнемляющаго ихъ шумнаго круга, но этотъ шумный кругъ служитъ живою рамкою нынѣшняго ихъ празднества.

Свашки невѣсты ладкаютъ:

Вшитко у насъ бивно [1])
Лемъ чопнаря [2]) невидно.

Повала ся уломила,
Чопнаря на смерть убила!

---

[1]) Биткòмъ набитò, обильно.
[2]) Отъ слова *чопъ*. Чопнарь—смотритель за напитками, погребщикъ.

Свашки жениха отвѣчаютъ:

Мы ся Богу помолиме,
Чопиаря усвободиме.

Свашки невѣсты:

Свашечки-лелѣточки, [1]
Дайте намъ бесѣдочки!
Ци вы не умѣете?
Ци на насъ не смѣете?

Свашки жениха:

Мы сюда негрожены,
Мы сюда запрошены.

Свашки невѣсты:

Где дѣлася свекра,
Что коровай пекла?

Свашки жениха:

Курочка рябушечка
Вчёра на смѣтью гребла,
Днесь ся на рожнѣ спекла.

Свашки невѣсты:

Ой на краю наша хижка,
Взяла намъ курочку лишка.

Свашки жениха:

Что то за газдыня (хозяйка):
Едну курочку мала,
И то-ту недозирала!
За нашъ вѣнокъ витый
Дайте намъ таляръ битый.

Свашки невѣсты:

Кедь есте вѣнокъ вили,
А вы паленку пили.

Свашки жениха:

Свѣтятся стѣны, свѣтятъ!
Где нашъ молодый сидитъ,
Тамъ ся стѣна свѣтитъ.

Свашки невѣсты:

Не отъ него самого,
Отъ вѣнка зеленого,
Отъ личка румяного.

Свашки жениха:

Дѣвочій староста пышный,
У него ножикъ красный,
Калачи начинати
Свашкамъ даровати.

Свашки невѣсты:

Дякуеме вамъ, свашечки,
За лестныя бесѣдочки.

Въ концѣ обѣда, староста жениха поднимается на своемъ мѣстѣ за столомъ и съ водворившеюся тишиной развязно, понятно произноситъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

„У едного вѣнца, не е нигде кôнца; въ зеленôмъ бервѣнку, изъ котораго наши свашки вѣнки вити начинали, сами бы початокъ не выглядали; якъ онѣ вѣнки довивали, зажмурили очи, нитки въ узлы завязали, абы наши молодята до смерти ся миловали. Та й най ся милуютъ, най себе тѣшатъ, на радôсть нянькови едному и другому, на радôсть мамцѣ еднôй и другôй, онѣ ихъ родили, онѣ ихъ плекали, годовали, небо до земли пригинали, на потѣху добрымъ людямъ, на потѣху всѣмъ намъ, а на найбôльшу потѣху и радôсть пану женихови. Два зелены вѣнки два молоды сердца связали воедно нерозрывнымъ узломъ, изъ-за сихъ вѣночковъ, изъ за молоденькихъ сердецъ сошлися мы на гостину: славу родичôвъ и ихъ дѣточѐкъ величати. Дорогá гостина, но дорóжа родичамъ милая дитина: гостину не возьмеме съ собовъ, а возьмеме, мамко, отъ тебе дорогу дитину! За твою годовань, за безсонны ночи, никто на семъ свѣтѣ не заплатитъ тебѣ серебромъ золотомъ, но заплатитъ тебѣ панъ женихъ — якъ твоя

---

[1]) Слово *лелѣять* verzärteln, verhätscheln, по мадьярски: czirógatni, kényeztetni, spolni, gondot viselni. Очень прекрасно выражаетъ присущую *свашечкамъ-лелѣточкамъ* должность, состоящую въ лелѣяніи молоденькихъ супругъ; краше нельзя выразить. Этого слова въ угрорусскомъ нарѣчіи вовсе нѣтъ, оно сохранилось только въ настоящей свадебной ладканкѣ. Происхожденіе онаго надо производить отъ языческаго бога любви (?) *Лелiо* (ciá!), отъ котораго и глаголъ *лелѣять* долженъ былъ произойти.

дитина благодарнымъ сердцемъ. Своимъ благодарнымъ сердцемъ, и самымъ собовъ, вомѣсто единой дѣтины будешь мати двое. Даруетъ онъ тебѣ себе самого, а въ додатокъ чеботы новеньки, пріймн ихъ отъ него ласково, любовно!“

Староста, въ самомъ дѣлѣ, передаетъ матери невѣсты новые чеботы и, по принятому правилу приличія, съ своей стороны отъ имени гостей, при сопровожденіи соотвѣтной рѣчи, прибавляетъ денежный подарокъ за пиръ. Высота подарка деньгами не принимается въ расчетъ, она служитъ только дополненіемъ свадебнаго пира. Мать невѣсты, принимая отъ старосты новые чеботы и денежный подарокъ, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицемъ отвѣчаетъ:

„Для дорогихъ гостей нѣтъ дорогой гостины. За гостину вы мене одарили серебромъ-золотомъ, а за мою дѣвочку одарили сыномъ“.

Съ тѣмъ отъ стола поднимаются гости, дружбы на серединѣ комнаты подбоченясь, въ сопровожденіи музыки, весело запѣваютъ:

У Кіёвѣ загудали,
А въ Пряшевѣ стали,
У Пряшевѣ заиграли,
Теперь нашихъ молодятокъ
Гости обѣдали.

Къ пѣсни дружбовъ мгновенно принаравливаются и другіе голосы, дружбы начинаютъ танцовать съ дружками, къ нимъ присоединяются по-парно и другіе гости: одни танцуютъ въ комнатѣ, другіе въ сѣняхъ или на дворѣ, кому гдѣ попало. Подъ тѣмъ новобрачные въ каморкѣ на единѣ обѣдаютъ. Недолго продолжается ихъ первый обѣдъ, Богъ знаетъ чѣмъ они довольны, извѣстно не инымъ, своимъ райскимъ міромъ.

VI. Сопровожденіе невѣсты въ домъ мужа.

По мановенію старосты, гости жениха собираются къ отходу, дружба съ кураговью выступаетъ на дворъ, и свашки всѣ вмѣстѣ начинаютъ ладкать:

Павлиное перце,
Камяное сердце!
Чѣмъ ся не раскроишь?
Отъ мамки не отклонишь?

Не жалуй мамко за мновъ,
Не беру вшитко съ собовъ,
Лишаю ти, мамко,
Слезки по столови,
Слѣдки по дворови,
Ключи на полицѣ
Найменьшой сестрицѣ.

Н а д в о р ѣ.

Свашки жениха:

Дали 'сьте намъ дѣвку гладку,
Дайте намъ постельку мягку.

Свашки невѣсты:

Тверда зима настала
Постель не прана остала.

Свашки жениха:

Дайте хоть лемъ вереницу
Покрыти соломицу.

Свашки невѣсты:

У насъ не суть веренки,
Лемъ тоненьки плахотки.

Дружба съ кураговью выступаетъ на передъ съ музыкою и старостою. Новобрачные, держа два конца связанныхъ на срединѣ на узелъ *кистимпьновъ*, идутъ

за ними. Ихъ сопровождаютъ прочіе гости жениха, а изъ свашекъ только двѣ. Остальныя свашки остаются въ домѣ невѣсты. Сопровождающія невѣсту, двѣ свашки называются *продайницами*.

Свашки-продайницы на улицѣ:

Не чудйтеся, люде,
Не таборъ сесе иде,
Не таборъ, не Турчата,
Лемъ наши молодята
До дому доходятъ.

Роскололася верба
Отъ верха до спода,
Взята Марька, взята,
'Зъ богатого роду,
Изъ родного дому,
Идъ мужови сво'му.

Не спи, вѣтре, въ горахъ,
Подувай въ долинахъ,
Кивай кураговцу
Идъ свѣтлому солнцу.

Горѣ селомъ идеме,
Такое невидеме,
Якъ мы съ собовъ ведеме,
Волосье жовтенькое,
А личко бѣленькое.

Вблизи дома жениха:

Ой, Васильку пане,
Где твое войско стане?
Свашечки у клѣточки,
А сваты въ коморочки.

Свѣти, мамко, свѣти,
Что 'сьме ти привели,
Ци овцу? ци ягничку?
Ци красну молодичку?

Разумѣется, панъ Василь, или какъ тамъ отца жениха называютъ, вмѣстѣ съ мамкою, уже давно ожидаютъ прибытія новобрачныхъ; какъ хороводъ приближается къ ихъ дому, съ сіяющимъ лицемъ встрѣчаютъ парочку на дворѣ. Теща, съ распростертыми руками, принимаетъ невѣсту въ свои объятія, а невѣста цѣлуетъ тещу въ лице, еще чаще въ грудь насупротивъ сердца, и даритъ ей калачъ. Есть народное повѣрье, что если кто-нибудь поцѣлуетъ другого насупротивъ сердца, во снѣ-ли украдкою, или наявѣ, все равно, навсегда обезпечиваетъ себѣ любовь онаго. Безсомнѣнно въ интересѣ невѣсты стоитъ обезпечить себѣ благорасположеніе главнаго лица въ новомъ домовствѣ, и она тѣмъ ни за что не пренебрежетъ. При вступленіи въ домъ, по нѣкоторымъ мѣстамъ есть въ обычаѣ, что опережающій другихъ дружба несетъ съ собою небольшой топорикъ, и прежде входа въ домъ на одверьѣ крестообразно намѣчаетъ топорикомъ знаменіе креста. Равно, по нѣкоторымъ домамъ, теща, въ избыткѣ своихъ благожеланій, снова обсѣваетъ новобрачныхъ хмелиной, бервѣнкомъ, пшеницей и овсомъ, для выраженія желанія, чтобы новобрачные въ жизни во всемъ имѣли изобиліе и плодородность. Впрочемъ, это вторичное обсѣваніе не повсюду соблюдается.

Это происходитъ обыкновенно уже въ сумерки. Въ домѣ приготовляются къ устроенію брачной вечери и ожидаютъ прибытія родителей невѣсты съ своими гостями. Въ промежутокъ времени гости жениха еще немножко погуляютъ, потанцуютъ, веселятся.

Подъ тѣмъ оставшіеся въ домѣ родителей невѣсты гости, вмѣстѣ съ ея родителями, собираются слѣдовать за невѣстой. Слѣдовать за невѣстой называется *идти въ пропой*, и всѣ оставшіяся свашки, въ противоположеніе двумъ первымъ сопровождающимъ невѣсту *продайницамъ*, называются *пропойницами*. Чѣмъ свечерѣлось, *пропойники*, не медля со всѣмъ хороводомъ и родителями невѣсты, спѣшатъ слѣдовать за невѣстой. Въ должности пропойниковъ стоитъ въ особенности нести вещи и постель новобрачной, другіе два люди, какъ прежде во время вѣнчанія, несутъ на палкахъ свадебные короваи.

Свашки-пропойницы, предводительствуемыя старостою невѣсты и музыкою, выступаютъ на дворъ и начинаютъ ладкать:

О нашей невѣстѣ
Ни слуха, ни вѣсти.
Дай, Боже, добрый часъ!
На слѣдъ веди ты насъ.

Слѣдомъ, мамко, слѣдомъ,
Черленовъ калинковъ,
Что бы 'сь послѣдила
За своёвъ дитинковъ.

Якъ мнѣ не слѣдити?
Дитя годовала,
Раненько вставала,
Пôзненько лѣгала,
Покоя немала.

Иду, Марько, спѣшу,
Подарочки несу,
Тебе даровати,
Дольку начинати.

Кедь бы Марька вѣстна,
Что ей мамка встрѣчна,
Мостила бы мосты
Златыми покосты. (Glasur).

Вблизи дома жениха:

Выйди, Марько, на двôръ,
Проси мамку за стôлъ!
Выйди 'зъ новой коморочки
Напередъ своей мамочки,
Лѣпша твоя мамочка,
Якъ чужа коморочка.

Ой, зелена грушка,
Выйди, Марько душко!
Выйди, Марько, на двôръ:
Проси гости за стôлъ!

Приближающихся пропойниковъ гости жениха встрѣчаютъ на дворѣ съ шумнымъ привѣтомъ и полною стклянкой, да и съ пѣсенькой:

Прилетѣли гости,
Стукли на помостѣ,
Шовкомъ зашумѣли
Златомъ зазвенѣли!

Новопришедшіе, входя въ комнату:

Нашъ миленкій святку,
Расширяй намъ хатку!

Обращаясь къ старостѣ жениха:

Нашъ милый *продайничку*,
Отдай намъ молодичку!

Свашки жениха:

На столѣ стклянка и вѣнецъ,
Обо-явъ невѣстку молодецъ!

Свашки невѣсты:

Возьмите вы стклянку вашу,
Намъ дайте невѣсту нашу!

Свашки жениха:

Не е Марьки дома,
Пôшла на керницу [1])
По свѣжу водицу.

Свашки невѣсты:

Мы видѣли съ горы,
Вошла до коморы.

Свашки жениха:

Не е Марьки дома!
Она волы поитъ
И коровы доитъ.

Свашки невѣсты:

Марька невôлничка!
Въ чужинѣ не знае,
Где ваша керничка?

Свашки жениха:

Невѣстка въ коморѣ,
Въедно съ мужёмъ личитъ (считаетъ)
Золото на столѣ.

Гдѣ-тамъ обыкли повторять затѣю съ искаемою невѣстой, какъ во время сватанокъ. Невѣста остается въ каморкѣ, и одного изъ парней покрытаго холстиной—или больше рядомъ—приводятъ предъ родителей невѣсты съ вопросомъ: это-ли ихъ дитя? Потомъ выходитъ изъ каморки новобрачная, и подается вечеря.

---

[1]) Слово происходитъ, или точнѣе сказать перенято изъ греческаго языка κρήνις—ιδος (поэтически κρήνη) значитъ ***источникъ***, ***ключъ***, ***студенецъ***. У Великорусскихъ слова ***керница*** вовсе нѣтъ, или давно вышло изъ употребленія. Въ самомъ дѣлѣ, прихожу въ тупикъ: когда? въ какую историческую эпоху? межъ какими обстоятельствами могли быть Угрорусскіе въ соприкосновеніи съ Греками? А ужъ не подлежитъ сомнѣнію, что когда-то были!

Дошедшему до сего мѣста наблюдателю, слѣдовавшему съ самаго начала завязки супружескаго союза за ходомъ и довершеніемъ составленнаго народнымъ геніемъ всего свадебнаго обряда, безсомнѣнно не могло избѣгнуть вниманія то обстоятельство, что невѣста, въ теченіе празднества съ самымъ большимъ старательствомъ изъ шага-на-шагъ приготовляема бываетъ къ своему новому званію. Ладканки свашекъ и иныя на первый взглядъ праздныя затѣи, выражающіяся въ веселой формѣ, всегда заключаютъ въ себѣ нравственную подкладку, клонящуюся постоянно къ одной цѣли—къ любви мужа, къ сознанію долга одной вѣрной супруги. Въ только-что наведенной сценѣ, родители послѣ отшествія своей дочери, тотчасъ почувствуютъ, что ея болѣе нѣтъ въ домѣ, сердцемъ ихъ овладѣваетъ туга за потерянною, они немедля пускаются за ея слѣдомъ искать, свидаться съ нею, ее зовутъ: Выйди, Марько, на двôръ, проси мамку за стôлъ! Она не выходитъ на встрѣчу зовущимъ ее родителямъ, потому что она уже привязана къ мужу любовью, которая крѣпче любви, существующей между дѣтьми и родителями. Прекрасное выраженіе любви родительской и любви супружеской.

Исходъ брачной вечери во всемъ таковъ, какъ былъ обѣдъ, разница только въ томъ, что новобрачной даютъ на руки мальчика, въ предзнаменованіе того, чтобы у нея первымъ родился отрокъ мужескаго пола. Это называется *завѣчати*. Примѣнивая слово *завѣчати* къ дѣйствію поданія мальчика на руки новобрачной, смыслъ онаго можно истолковать тѣмъ, что сему дѣйствію приписывается нѣкоторая волшебная сила, долженствующая въ послѣдствіи непремѣнно подѣйствовать, и по дѣйствію этой волшебной силы новобрачная должна первымъ родить дитя мужескаго пола. Невѣста поласкаетъ мальчика, поцѣлуетъ, и даритъ ему два калача, и ленточку, яблоко, или иную для него лакомую вещицу.

Послѣ брачной вечери гости начинаютъ расходиться по домамъ, иные утружденные и находясь подъ вліяніемъ порядочнаго хмѣлька уже давно стали дремать, и кому гдѣ попалось остаетъ почивать. Но въ должности дружбы стоитъ съ окончаніемъ вечери приготовить *на подъ* (чердакѣ) постель для новобрачныхъ, все равно случается-ли свадьба зимою или лѣтомъ. Онъ совѣстно исполняетъ эту должность, тщательно приготовитъ постель, и у изголовья поставитъ курагôвь. Должность старосты повести новобрачныхъ къ мѣсту уготованной для нихъ постели, и ихъ какъ слѣдуетъ благословить.

Курагôвь поставилъ дружба у изголовья ночлега новобрачныхъ узаконившимся и у всѣхъ свѣдомымъ закладомъ: если ему удастся на разсвѣтѣ украсть оную отъ заспавшихъ новобрачныхъ, собственно отъ невѣсты, въ томъ случаѣ невѣста утратитъ достоинство названія *рядной*, *рядницы*. Названіе *рядницы*, по понятіямъ угрорусскаго простонародья, заключаетъ въ себѣ всѣ лучшія способности одной женщины, и рачительность, и умъ, и опрятность, и ловкость, и способность нравиться, и все. Дается предполагать въ какой мѣрѣ должно быть развито у ней стремленіе, чтобы достигнуть признанія *рядницы*, насупротивъ насколько уничтожительно для ней, если она не въ состояніи удостоиться этого признанія!

Закладъ стоитъ мѣриломъ: достойна-ли она названія рядницы, или лѣнивицы, а сверхъ того, должна будетъ еще въ наказаніе платить дружбѣ условленную колику денегъ. Въ позднюю ночь, когда окончилася вконецъ брачная вечеря, староста встаетъ изъ-за стола, обращается къ сидящей въ бѣломъ покрывалѣ увѣнчанной невѣстѣ и рука-объ-руку ведетъ новобрачныхъ къ ихъ ночлегу, съ ласковыми наставленіями благословляетъ ихъ и, желая имъ доброй ночи, оставляетъ наединѣ. Въ слѣдствіе душевныхъ, еще никогда неиспытанныхъ, ощущеній, у новобрачныхъ отъ утружденія рѣсницы глазъ такъ и просятся на блаженный сонъ, чтобы во снѣ снова пережить дневныя ощущенія, но у изголовья тамъ стоитъ дружбою поставленная курагôвь! Глаза невидимою силой такъ и смыкаются, но, къ счастію, внизу стучатъ дверьми отходящіе гости, на дворѣ изъ здоровыхъ грудей раздаются пѣсни на всю окрестность. Хвала Богу! домашній пѣтухъ ударилъ крыльями и запѣлъ, ему вторятъ вблизи и вдали пѣтухи у всѣхъ сосѣдовъ, еще маленько, и пора невѣстѣ вставать, для перваго ея въ новомъ домоводствѣ занятія, для заметанія комнаты.

На востокѣ алою полосой зардѣла утренняя заря, сквозь отверстіе стрѣхи это ясно видно, только нельзя сомкнуть глазъ. Невѣста съ полною рѣшимостью вскакиваетъ съ мѣста, кровь на ея вискахъ съ слышнымъ стукомъ бьется, но пора вставать, и приняться за домохозяйство. Ужъ тутъ не восторжествуетъ дружба! Дрожащею рукою схватываетъ курагову и такъ спрячетъ ее гдѣ-то въ стрѣхѣ, что надо бы разобрать весь покровъ дома, чтобъ ее отыскать, и не медля быстро, какъ серпушка, сбѣгаетъ внизъ по лѣстницѣ съ чердака. За нею вскорѣ спохватится и ея мужъ, и едва успѣла женочка сойти къ нижнимъ ступенямъ лѣстницы, ужъ онъ въ догонъ слѣдуетъ за ней. Конечно дружба закладъ проигралъ, придется ему заплатить битыми денежками тридцать крайцарей мѣдью.

Невѣста тотчасъ, когда еще всѣ храпятъ блаженпымъ сномъ, принимается заметать комнату, а мужъ ея въ поощреніе ея *рядности*, среди комнаты бросаетъ серебряную монету, которую она съ прельстительною улыбочкой на устахъ и поднимаетъ. Вслѣдъ принимается разлагать на очагѣ огонь, словомъ входитъ въ роль хозяйки.

Все сошло благополучно. Оставшіеся въ домѣ ночевать гости помалу станутъ отъ сна возбуждаться, закуриваютъ трубку, слово за словомъ, вконецъ весь домъ становится на ногахъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Прим. Ред. Наши провинціальные, особенно уѣздные, читатели прочтутъ, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ эту статью о малоизвѣстной у насъ вѣтви Русскаго народа къ Венгріи (или Угріи, Угорщинѣ). Въ статьѣ этой, довольно неуклюжей и часто наивной, особенно дорого необыкновенно внимательное, бережное, любовное отношеніе къ «живой старинѣ», къ народному обычаю и быту. Авторъ не относится къ народу, какъ толпѣ суевѣрныхъ, грубыхъ и пьяныхъ невѣждъ, интересной для просвѣщеннаго и научно-образованнаго человѣка своими survivals, переживаньями, этими живыми документами и подтвержденіями эволюціонной теоріи, наполняющей душу многихъ современныхъ людей горделивымъ и радостнымъ сознаніемъ, какъ изъ человѣка-скота и звѣря - выработались наконецъ по методѣ трансформизма нынѣшніе западные Европейцы и лучшіе свѣтлые типы Европейцевъ-Россіянъ. Надѣемся, что достопочтенный авторъ и самъ не оставитъ насъ безъ дальнѣйшихъ вкладовъ о Руси закарпатской и своихъ друзей-земляковъ привлечетъ къ сотрудничеству въ нашемъ журналѣ. Ждемъ такого же вниманія и участія къ нему и отъ ближайшихъ сосѣдей Угорской Руси—Словаковъ.

Болгарскія народныя пѣсни,

(записанныя въ Прилѣпѣ)

Юначки:

3.

Коня ружа Марко отъ Вароша,
Коня ружа рано во недѣла,
Не се знай' юнакъ кай кье одитъ,—
Не кажуе на стара си майка:
Ни на майка, ни—млада невѣста.
Той отиде во града Котура,
Таму се стори млади спенджеджия,—
Да ми бери дробнитѣ спенджинья.
Скришемъ бери отъ Котурски кадия,
Скришемъ брало врѣме три години.
Що го разбра Котурски кадия;
Той ми пущи три силни гавази:
—„Ай одете кай млади спенджеджия,—
„Вие него живо 'ватете го,
„Живо овде да го донесите.
Отидо'а три царцки гавази
И на Марко тие му рѣко'а:
„Али чуешъ, млади спенджеджия!
„Види ни 'и нашитѣ спенджиня,
„Ние добро да се наплатиме.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Ми отвори бѣлитѣ тефтери,
Како Марко в'тефтери глѣдаше,
Го фатія три царцки гавази,
Му върза'а рацѣ на опаку,
Г' отнесо'а Котурски кадия.
А що бѣше Котурски кадия,
Той го фърли во темна зъндана.
Малку врѣме Марко ми полежа,
Малку врѣме, токмо три години.
А що бѣше него'ата майка,
Кьинисала Марка да го бара,
Отъ градъ на градъ, како кука'ица,
Нигдѣ неможи, чудо, да го найди.
Кога пойде во града Котура
Таму найде три темни зъндани
И ми вика на първа зъндана:
„Сину, Марко, али ми си живо!
„Ал'си живо, сину, али си умрено?
Нѣма никой гласъ да ѣ испущи,
Па ми вика на втора зъндана:
„Сину, Марко, али ми си живо,
„Ал'си живо, али си умрено?
Тогай Марко незѣ ѣ велеше:
„Живо сумъ си, завалъ, що сумъ живо!
„Изутрина мене кье ме бѣсатъ—
„Подъ Котура на сирки високи;
„Туку, майко, милно ти се моламъ,
„Ти да пойдишъ во бѣла чаршия,
„Во чаршия по Турцки кавина,—
„Ти да чуешъ, майко, да разберишъ,
„Що мушаферъ турци чинатъ.
„Али вистина мене кье ме бѣсатъ,
„Али вистина, али ми е лага.
А що бѣше него'ата майка,
Тая пойде во бѣла чаршия,
Ми застана по турцки кавина,
Чула'арно, брате, ми разбрала,
Що мушаферъ тие чинатъ:
Не е лага, туку е вистина.
Па ми вели него'ата майка:
„Навистина, синко, мушафери чинатъ,
„Изутрина тебе кье те бѣсатъ
„Подъ Котура на сирки високи.
Тогай Марко лели ѣ велеше:
„Стара майко, стара Евросие!
„Здраво, живо на моя нѣвѣста,
„Тая да знай, оти мажа нѣма,—
„Вейкье млада да се премажува.
„Ти да пайдишъ у Котурцки кадия,
„На кадия милно да се молишъ,
„Да ти дай шарца пеливана.
„А ти шарца да си го прода'ишъ,
„Да се'ранишъ дури да си жива.
Що си пойде него'ата майка,
Тая пойде Котурцки кадия.
На кадия милно'се молеше:
„Мили синко, Котурцки кадия!
„Изутрина Марка кье го бѣсишъ
„Подъ Котура на сирки високи,

„Дай ми мене шарца пеливана
„И язъ, богме, да си го продаамъ,
„Да се 'ранамъ дури да сумъ жива.
Богъ го убилъ Котурцки кадия!
Ѣ го даде шарца пеливана.
Тая ми 'оди по бѣли друмо'и.
А що бѣше млада Марко'ица,
Тая сѣди високи дивани,
В'рацѣ държи долгана дульбия
И се пули по поле широко,
Що ѫ виде Марко'ата майка,
Кай си водитъ шарца пеливана;
А що бѣше младата невѣста,
Часо рипна на нозѣ юначки,
Часо слезе во долзи конюшници,
Ми наружа коня трошигора,
Му се фърли коню на рамена,
Я пречека Марко'ата майка
Наче гърло, чудо, да ѣ вели:
„Али чуешъ, стара майко!
„Камо ти го синъ ти Марко,
„Що му водишъ шарца-пеливана?
Изго'ори Марко'ата майка:
„Мила сна'о, уба'а невѣсто!
„Дилми прашашъ, право да ти кажамъ:
„Здраво—живо Марко ти пущоше,
„Вейкье млада да се премажу'ашъ,
„Ти да знаишъ, оти мажа нѣмашъ,—
„Изутрина Марка кье го бѣсатъ
„Подъ Котура на сирки високи.
А що бѣше младата невѣста,
Тая бие рацѣ отъ колѣна,
Дури пърсти незѣ попукале;
Солзи рони по бѣли образи,
Часо врати коня трошигора,
Па ми пойде во бѣла чаршия,
Тамо найде гяче ученичe;
А на гяче милно се молеше:
„Мило брате, гяче ученичe!
„Напиши ми едно парче книга,
„Кье ѫ пущамъ во града Авале
„На онега малечокъ Секула:
„Како заитъ бърго да ми дойдитъ,
„Да ми дойдитъ Марко'и дворо'и.
А що бѣше млада Марко'ица,
Си ѫ зеде тая бѣла книга,
Бърго си дойде на рамки дворо'и,
Ми се качи високи дивани,
Ми отвори шарени юклуци,
Ми извади пиле соколово,
Книга му заши за дѣсното крило
И на пиле що му нарачува:
„Чуй ме мене, пиле соколо'о!
„Бърго д' одишъ во града Авале
„Кай онега малечокъ Секула
„Да м' однесишъ ова парче книга.
А що бѣше млада Марко'ица,
Дури пойде пиле соколо'о,
Тая кроя два такама руба.—
Една суруджинска, друга бостанджиска;
Дури дойде малечокъ Секула,
'И сошила два такама руба.
Богъ я убилъ млада марко'ица,
Тая се стори млада бостанджика,
А Секула—млади суруджия;
Дури зора се прозори,
Отидо'а во града Котура.
А що бѣше царцки бостанджия,
Право пойде у царцко мевкеме,
Кога глѣда, завалъ що кье види!
Се собрале Турци Котурчани,
Кай го носа' Марка да го бѣса'
Подъ Котура на сирки високи.
Що ми вели царцки бостанджия:
„Али ме чуешъ, Котурцки Кадия!
„А камого Марка отъ Варошa,
„Що ми збиралъ дробнитѣ спенджиня
„Що 'и збиралъ богме безъ изима?
„Царь го сака во Стамбола града,
„Него царотъ таму кье г' обѣси.
Се уплаши Котурцки кадия
И на часо лели ми велеше:
„Донесете Марка отъ Варошa,—
„Кье го земи царцки бостанджия
„Кье го носи во града Стамбола.
Лели Марка бърго го донесле,
Ами подъ койнь ми го заклучия.
Го дадо'а на царцки бостанджия.
А що бѣше царцки бостанджия,
Що извади чаталли камшия,
Ми го бие Марка широки рамена,
Пѝ ми вели Котурцки кадия:
„Ал'чусте, оджи, ефендии!
„Що е силна царцка бостанджика
„До полъ пата душа кье извади,
„А камо-ли живъ да го отнеси!
Излѣго'а отъ Котура надворъ.
А що бѣше царцка бостанджика,
Лели Марка тогай го испущи,
Наче гърло, чудо, да му велитъ:
„Али чуешъ, Марко отъ Варошa,
„Али отъ насъ нѣкого познавашъ?
Тогай вели Марко отъ Варошa:
„Али чуешъ, царцки бостанджия!
„Тебе язъ не ми те познавамъ,
„А овега 'арно го познавамъ,—
„То'а ми е малечокъ Секула.
„Стравъ ме мене да не е потурченъ;

Па му вели царцка бостанджика:
„Чуй ме мене, Марко стопанине!
„Да ясъ сумь си твоята невѣста,
„Ова ми е малечокъ Секула,
„То'а не е, чудо, потурчено,
„Туку ми е тебдиль учинено.
Тогай ми се Марко развѣсели,
Наче гърло лели ми велеше:
„Офъ! невѣсто, мое мило добро!
„Блазѣ тебѣ со твое юнаст'о!
„Посѣдете овдѣ почекайте,—
„Ясъ кье се вратамъ во града Котура.
А що бѣше Марко отъ Вароша
Право пойде во царцко мевкеме;
Що 'и найде турци Котурчани,
Ами нищо Марко на му рѣче,—
Само търгна сабя отъ ножница,
Свърте сабя на лѣво, на дѣсно,
'И потроши ситѣ Котурчани,
Живъ го вати Котурцки кадия,
Му пресѣче нозѣ до колѣна,—
Бѣли рацѣ дури до рамена,
Му извърте очи отъ гла'ата
И го кладе до вода студена,
Го дарува два дукати жолти.
Тогай Марко лели му велеше:
„Вака се бѣси Марко отъ Вароша
„Подъ Котура на сирки високи!
Па се врати назатъ во мевкеме,
Малку азно юнакъ ми поплѣни—
Двайсе то'ари, с'е жолти дукади.
Сия зеде млада Марко'ица
И онега малечокъ Секула,
Отидо'а во каменъ ме'ана,
Па ми пи'я вино тригодишно.

4.

Порче отъ Авале.

Изговори Порче отъ Авале:
„Офъ! невѣсто, мое мило добро,
„Ниетъ имамъ на сърце юначко
„Вейкье тебе, чудо, да те терамъ.
Отто'ори младата невѣста:
„Стопанине, Порче отъ Авале!
„Али тебе изметъ не ти сторифъ,
„Али бѣло не те промену'афъ,
„Али не пречекафъ твойтѣ приятели,
„Да що сакашъ мене да ме терашъ?
Па ми вели Порче отъ Авале:
„Офъ невѣсто, мило добро мое,
„Дильми прашашъ, право да ти кажамъ:
„Еве има, льубо, до деветь години,
„Како двата ние се зедовме,
„А отъ сърце чедо не видовме,
„И за то'а тебе кье те терамъ.
Па ми вели младата невѣста:
„Стопанине-Порче отъ Авале!
„Айде рипай на нозѣ юначки,
„Па найди си три то'ари пари, —
„Та да пойдишъ во града Венедикъ,
„Да ми купишъ стребрени калепки,
„И да купишъ свилени повои,
„И да купишъ кадифе пелени;
„Сега сумь тежка с'едно мажко дѣте.
Рипна Порче радос'енъ, веселенъ;
Той си найде три то'ари пари,
Ми отиде во града Венедикъ,
Той ми купи стребрени калепки,
И ми купи свилени повои,
И ми купи кадифе пелени.
Кога назатъ юнакъ се поврати,
Кога бѣше мѣсто два са'ата,
Два са'ата до рамни дворо'и,
Гласъ му иди по танки небеси,
Кадѣ плачи едно дѣте мало.
Само себе Порче си велеше:
„Фала Богу за чудо голѣмо!
„Що кье биди ова машко дѣте?
„То'а ми е отъ мое колѣно!
„Многу е юнакъ, да го Богъ убие!
„Кье израсти многу страшекъ юнакъ,
„То'а мене младо кье загуби!
Па се врати назатъ во Венедикъ,
Ми докупи дѣте отъ Егьупка.
Па си дойде на рамни дворо'и,
Що ѝ найде младата невѣста,
Кай ми лежитъ во мека постела,
Кай ѐ цицатъ то'а мажко дѣте.
Богъ го било Порче отъ Авале!
Го украде то'а мажко дѣте,
Ми го зави во снопъ жржаница,
Па го върли во матенъ Дунава.
Що имаше една стара баба,
Тая бѣше пестотин' години.
Тая чедо не бѣше видѣла.
Що ми пойде на матенъ Дунава
Студна вода чудо да залѣи,
Ми го чула то'а машко дѣте,
Кадѣ плачи во матенъ Дунава.
Стара баба Дунавъ го загази,
Си го вати то'а машко дѣте.
Си го расти два'есетъ години
И се стори многу красенъ юнакъ.
Царо, Крало кавга заватия.

А що бѣше Крало отъ Будима,
Той ми бери многу силна войска:
Отъ сѣка кукя п' еденъ юнакъ сака.
А що бѣше тая стара баба,
Кай ми мети рамнине двороʼи,
Дворье мети, луто царство колни.
Я доглѣда тоʼа машко дѣте.
Наче гърло дѣте да ѣ вели:
„Молчи майко, царство не колни го,
„Ясъ кьеʼодамъ у Крало на войска,
„Ак' сумь юнакъ, назатъ кье си дойдамъ;
„Ако не сумь, таму кьеа останамъ.
„Стани, стани, моя стара майко!
„Донеси ми скришното оружье.
„Дури, майко, ясъ да се наружамъ,
„Ти наружай коня пеливана.
А що бѣше тая стара баба,
Виде баба, оти не бидува,
Му донесе скришното оружье.
Дури юнакъ завалъ се наружа,
Му наружа коня пеливана.
А що бѣше тоʼа дете машко!
Що ми слѣзе отъ диванъ удолу,
Му се фърли коньу на гърбина,
Право търга у града Будима;
Го начека една матна вода,
Не се гази, да ми ѧ прегази,
Не се плива, да ми ѧ преплива;
Коʼа виде турцката ордия,
Не се чуди, от' ѣ многу войска,
Туку се чуди, како 'и земя крепи:
Койнь до койня, юнакъ до юнака,
Добри койньи, како самовили,
А юнаци, как' сури елени,
Танки пушки, како дробни дзвѣзди,
Остри сабьи, — силни секаʼици,
А байраци, какъ' темни облаци,
А муздраци, како честа гора.
Се уплаши тоʼа машко дѣте,
Врати коня назатъ да си бѣгатъ;
Па му вели коня пеливана:
„Стопанине, дѣте аджамия!
„Що се плашишъ отъ турцкана войска?
„Како тебе нигдѣ юнакъ нѣматъ.
„Извади си твоя танка риза,
„Превързи си двѣтѣ църни очи,—
„Кье прерипамъ тая-матна вода,
„Да не очи таласъ ти расипи.
А що бѣше койня пеливана,
Що ми рипна вода да прелѣтнитъ,
Стредѣ падна во вода студена,
А отъ вода койня ми изрипа,
Падна коня на сувана земя.
Наче гърло коня да му вели:
„Стопанине, дѣте аджамия!
„Отвързуй си двѣтѣ църни очи,
„Потегни си сабя отъ ножница,
„Свърти сабя на лѣво, на дѣсно.
А що бѣше дѣте аджамия,
В'часо търгна сабя отъ ножница,
Свърте сабя на лѣво, на дѣсно,
До пладнина войската потроши;
Добра коня низъ кървье пливаше,
Како нѣкой юнецъ тригодишенъ.
Богъ го убилъ тоʼа машко дѣте,
Си киниса назатъ да си одитъ,
Кога глѣда подъ дърво-маслинка,
Кай ми сѣдатъ сердумдесе' крала
И ми пиятъ лутица ракия.
В'часо врати койня пеливана,
Ми отиде подъ дърво-маслинка,
Наче гърло дѣте да му велитъ:
„Богъ помагай, сичички кралеʼи!
Сй кралеʼи на нозѣ станале.
—„Дай Богъ добро, юнакъ непознаʼенъ!
А що бѣше Порче отъ Авале,
Ни зборуʼа, ни се опулува,
Само рече Порче отъ Авале:
„Богъ те било, курвино копиле!
„Дильми ти си отъ мое колѣно,
„Многу си юнакъ, да те Богъ убие!
„Кога си бѣфъ во града Венедикъ
„Да ти купамъ стребрени калепки,
„И да купамъ стребрени повой,
„И да купамъ кадифе пелени;
„Кога назатъ чудо си се вратифъ,
„Гласъ сумь ти чулъ отъ два саʼата мѣсто.
„Си се вратифъ во града Венедикъ,
„Си докупифъ дѣте отъ Егьюпка.
„Коʼа се вратифъ во мойтѣ двороʼи,
„Ти ѧ найдофъ твоя стара майка,
„Кай ми лежи во мека постела.
„Те украдофъ отъ твоята майка,
„Ясъ те завифъ во снопъ жржаница,
„Сумь те фърлилъ во матенъ Дунава,
„Оти си юнакъ, да те Богъ убие!
„Ясъ се боефъ да не ме убиешъ.
Се налути тоʼа дѣте машко,
Часо търгна сабя отъ ножница,
Му пресече глаʼа отъ рамена,
Па ми вели дѣте аджамия:
„Прощаʼайте, сичички кралеʼи!
Си отиде на рамни двороʼи,
Си ѧ зеде своя стара майка,
Я отнесе кай старата баба.

Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона.

(Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева).

Въ статьѣ посвященной буддійскому каноническому сборнику Джāтакъ (разсказы о прежнихъ перерожденіяхъ Будды), покойный Иванъ Павловичъ, такъ характеризовалъ его значеніе: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что значеніе этого сборника для научнаго изученія народныхъ литературныхъ созданій почти таково же, какъ и значеніе гимновъ ведъ для научнаго изученія индо-европейскаго слова и миѳа" [1]). Справедливо придавая столь большое значеніе Джāтакамъ, Иванъ Павловичъ удѣлилъ имъ видное мѣсто въ своихъ занятіяхъ, но напечаталъ лишь часть своихъ работъ. Въ бумагахъ его оказался рядъ краткихъ пересказовъ Джāтакъ, которые онъ, повидимому, собирался затѣмъ обработать. Въ виду того, что нѣкоторые изъ этихъ пересказовъ не изданы еще и въ Палійскомъ текстѣ, не говоря уже о переводахъ, намъ казалось весьма интереснымъ напечатать эту часть оставшагося въ бумагахъ даже безъ всякихъ измѣненій. Мы только замѣнили для удобства счетъ Джāтакъ по главамъ и номерамъ во главѣ, общимъ счетомъ по напечатанному, но не изданному еще тексту Фаусбелля (до № 525) [2]).

Сергѣй Ольденбургъ.

---

511. Kiṃchandajātaka. Въ Бенаресѣ царствовалъ Брахмадатта, соблюдавшій uposath'у (обрядъ всеобщей исповѣди). Его пурохита отличался взяточничествомъ и лживостью и только изъ угодливости царю соблюдалъ uposath'у полудня. По смерти онъ переродился какъ прета въ саду amba (Mangifera indica). Полъ-сутокъ наслаждался небеснымъ великолѣпіемъ, остальное мучился, пожирая мясо своей спины. Въ то-же время царь удалился къ Гангѣ и сталъ тамъ подвизаться; разъ теченіе принесло къ нему одинъ изъ плодовъ сада amba; плодъ этотъ показался ему такъ вкусенъ, что послѣ его онъ пересталъ вкушать отъ другихъ плодовъ; и безъ пищи сѣвъ на берегу Ганги поджидалъ подобныхъ плодовъ. Божество рѣки, сжалившись надъ нимъ, приводитъ его въ садъ amba, гдѣ онъ встрѣчается съ своимъ бывшимъ священнослужителемъ, который разсказываетъ ему свою исторію. Царь возвращается въ свою обитель, и прета постоянно доставлялъ ему туда плодовъ amba.

512. Kumbhajātaka. Разсказана въ Сравасти по поводу пьяныхъ пріятельницъ Visākhā, и содержитъ въ себѣ изложеніе открытія охотникомъ Sura и подвижникомъ Varuṇi опьяняющаго напитка и его постепеннаго распространенія по Индіи. Индра, увидавъ, что Sabbamitto, царь въ Сравасти, хочетъ пить вино, является къ нему въ видѣ брахмана и рядомъ изрѣченій, въ которыхъ показываются пагубныя послѣдствія пьянства, отвращаетъ царя отъ вина.

513. Jayaddisajātaka. У царя Pañcala якшини поѣдаетъ двухъ сыновъ, укравъ третьяго полюбила его какъ сына; поселилась съ нимъ на кладбищѣ и научила его ѣсть человѣческое мясо. По смерти этой якшини, у царя рождается четвертый сынъ: Jayaddisa, который правитъ царствомъ, по смерти отца.

---

[1]) Нѣсколько разсказовъ изъ перерожденій Будды. «Ж. М. Н. Пр.» 1871. № 11. стр. 87.
[2]) W. H. D. Rouse. Index to the Jātaka. Journ. Pāli. Text soc. 1890. 1—13.

Разъ, отправляясь на охоту, царь повстрѣчался съ брахманомъ, которому обѣщалъ по возвращеніи съ охоты выслушать его проповѣдь и наградить его. Между тѣмъ въ лѣсу онъ встрѣчается съ якшасомъ (своимъ братомъ), который хочетъ его съѣсть и отпускаетъ на честное слово, съ тѣмъ, чтобы царь, исполнивъ обѣщаніе, данное брахману, вернулся назадъ. Сынъ царя не допускаетъ отца до этого, идетъ самъ и приноситъ себя въ жертву якшасу.

Якшасъ отказывается отъ своего намѣренія, узнаетъ, что онъ дядя царевича, и затѣмъ удаляется подвизаться.

514. Chaddantajātaka. Въ Гималайскихъ горахъ, у озера Chaddanta живетъ царь Chaddanta (съ шестью клыками); у него двѣ жены: Cullasubhaddā и Mahā subhaddā. Первая С. ревнуетъ мужа ко второй и разъ, прислуживая пратьекабуддамъ, выразила пожеланіе убить мужа въ слѣдующемъ перерожденіи.

С. рождается дочерью царя Мадра; выходитъ замужъ за Баранасійскаго царя. Видитъ во снѣ слона съ шестью клыками и посылаетъ охотника убить его.

Охотнику удается поранить слона. Chaddanta самъ вырываетъ клыки и отдаетъ охотнику; затѣмъ умираетъ. Охотникъ приноситъ клыки въ Бенаресъ; царица при видѣ ихъ вспоминаетъ, что они принадлежали ея мужу въ прежнемъ перерожденіи, и отъ скорби умираетъ.

515. Sambhavajātaka. Въ древности, въ странѣ Kuru царствовалъ Dhanañjaya; у него былъ пурохита Sucirata. Царь пожелалъ овладѣть всей вселенной посредствомъ закона; и предложилъ пурохитѣ вопросъ о томъ, какъ это сдѣлать; пурохита не могъ разрѣшить этого вопроса и указалъ царю на Vidhura, пурохиту баранасійскаго царя. По приказанію царя, Sucirata отправляется къ Vidhura. Vidhura отказывается разрѣшить этотъ вопросъ и посылаетъ Sucirata къ своему сыну Bhadrakāro. Bhadrakāro отказывается разрѣшить вопросъ, потому что умъ его помутился вслѣдствіе соблазненія чужихъ женъ и посылаетъ его къ младшему брату Sañjaya. Тотъ также отказывается и посылаетъ его къ семилѣтнему младшему брату Sambhava. Sucirata отправляется къ ребенку. Ребенокъ дѣйствительно разрѣшаетъ вопросъ брахмана, научая царя неуклонно исполнять предписанія закона.

516. Mahākapi. Въ древности, во времена царствованія царя Брахмадатты въ Бенаресѣ, въ одной Касійской деревнѣ жилъ нѣкій брахманъ; разъ, когда онъ пахалъ, ушли отъ него его быки; отыскивая ихъ, онъ забрался въ лѣсъ, гдѣ наѣлся плодовъ tinduka (Diospyros embryopteris) и нечаянно упалъ съ дерева въ пропасть. Изъ пропасти его извлекла обезьяна (bodhisatto) и вывела изъ лѣсу. Человѣкъ этотъ почувствовалъ гнѣвъ на обезьяну, покрылся проказою и превратился въ (manussa peto) прета. Послѣ великихъ семилѣтнихъ страданій, онъ добрался до Бенареса, до царскаго саду, гдѣ и повстрѣчался съ царемъ. Царь спрашиваетъ его, какъ онъ сдѣлался претою; брахманъ передаетъ все свое приключеніе и какъ онъ хотѣлъ убить своего спасителя-обезьяну, за что и поплатился такъ жестоко.

517. Dakarakkhasajātakam разсказана въ Ummaggajātakam (XXI. 1. 9.).

518. Paṇḍarajātakam. Въ древности, въ то время, какъ въ Бенаресѣ царствовалъ Брахмадатта пятьсотъ купцовъ отправились въ море, всѣ они, за исключеніемъ одного, погибли отъ кораблекрушенія. Оставшійся же въ живыхъ вплавь достигъ города Karambiyapaṭṭana и сталъ тамъ жить подаяніями; жители, умилившись его нестяжательностью, выстроили ему обитель и стали его чтить. Въ его жилище приходили для услуженія царь змѣй и царь (Supaṇṇa) Супарна. Царь змѣй назывался Paṇḍaro.

Однажды царь (Supaṇṇa) Супарна, придя къ этому человѣку, сказалъ: мои родичи въ борьбѣ съ змѣями погибаютъ во множествѣ; нельзя ли тебѣ узнать, какимъ способомъ возможно плѣнить змѣй. Человѣкъ обѣщался узнать этотъ способъ отъ царя змѣй, и когда тотъ пришелъ къ нему, предложилъ ему вопросъ по этому

поводу. Царь змѣй отказывался ему отвѣчать три раза и выдалъ свою тайну только послѣ обѣщанія никому не передавать услышаннаго. Змѣи передъ битвою съ Супарнами проглатывали большіе камни и становились тяжелыми; брать ихъ слѣдовало не за голову, а за хвостъ; такимъ образомъ камни выпадали и змѣи становились легкими. Все это человѣкъ передалъ царю Супарновъ. Царь Супарновъ въ тотъ-же день поднялъ вѣтеръ и, схвативъ царя змѣй за хвостъ, поднялся на небо.

Царь змѣй, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, обратился къ великодушію царя Супарновъ и былъ имъ отпущенъ на волю. Между ними возникла дружба и они отправляются въ обитель подвижника.

Царь змѣй проклинаетъ подвижника; его голова разбивается на семь частей, и онъ попадаетъ въ адъ Avici.

519. Sambulājātakam. Въ древности у Брахмадатты, царя Бенареса, былъ сынъ Sotthisono (или Sotthisena); отецъ еще при жизни сдѣлалъ его вице-царемъ. У вице-царя была жена красавица Sambulā по имени. Случилось, что вице-царь заболѣлъ проказою; врачи не могли излѣчить его и онъ, покинувъ домъ, пошелъ жить въ лѣсу; жена послѣдовала за нимъ и, живя въ лѣсу, ухаживала за мужемъ. Разъ отправившись въ лѣсъ за плодами, Sambulā повстрѣчалась съ однимъ Dānava. Dānava упрашиваетъ ее покинуть мужа и жить съ нимъ, и когда Sambulā отказываетъ ему въ этомъ, хочетъ насильно ее похитить. Но Индра освобождаетъ вѣрную жену изъ власти демона, забрасываетъ демона за третьи горы, а Sambulā при лунномъ свѣтѣ возвращается домой. Мужъ, боясь измѣны жены, спрятался; жена исполняется скорби и взываетъ къ богамъ; тогда мужъ показывается ей, но выражаетъ недовѣріе къ ея разсказу. Жена, чтобы увѣрить его, клянется такъ: «если мои слова справедливы, то пусть исчезнетъ твоя болѣзнь», и поливаетъ его водою. Проказа исчезаетъ и они возвращаются къ отцу. Отецъ, узнавъ объ ихъ приходѣ, сажаетъ сына на престолъ, а самъ удаляется жить подвижникомъ.

Sotthisono (или—seno) между тѣмъ увлекается другими женами и оставляетъ Sambul'у. Она жалуется тестю—подвижнику, который наставляетъ сына на путь истинный, напоминая ему добродѣтели жены.

520. Gaṇḍatindukajākatam. Въ древности, въ странѣ Kampilla, въ городѣ Uttarapañcāla, царствовалъ Pañcālo. Онъ и его министры были беззаконниками, поэтому жители страны удалялись въ лѣсъ на день, а вечеромъ возвращались къ домамъ. Въ это время бодhисатва былъ божествомъ дерева gaṇḍatindu и ежегодно получалъ отъ царя многоцѣнную жертву. Изъ благодарности, божество является къ царю и излагаетъ ему его обязанности. Царь образумился, вручилъ царство министрамъ и вмѣстѣ съ своимъ пурохитомъ вышелъ за городъ; пройдя одну yojana, они повстрѣчали одного старика; старикъ этотъ занозилъ ногу и по этому поводу высказалъ обвиненіе противъ царя и всѣхъ слѣдствій его беззаконнаго поведенія. Идя дальше, они повстрѣчали старуху, мать двухъ дочерей; старуха не пускала дочерей въ лѣсъ и сама ходила за дровами; въ тотъ день она, упавъ съ дерева, ушиблась и по этому поводу высказала также обвиненіе противъ царя. Царь и съ этимъ обвиненіемъ согласился. Идя дальше, они повстрѣчались съ пахаремъ, волъ котораго, будучи ударенъ, упалъ мертвый среди пашни и пахатель по этому поводу ропщетъ на царя. Идя дальше, они наткнулись на доителя, котораго лягнула злая корова и разлила молоко. Доитель также ропщетъ на царя. Идя дальше, они увидали корову, телку которой убили; корова бѣгала и жалобно ревѣла, и по этому поводу они услыхали обвиненіе противъ царя. Идя дальше, они дошли до сухаго озера, въ которомъ вороны поѣдали лягушекъ. Бодhисатва, принявъ видъ лягушки, возроптalъ на царя.

Послѣ этого царь вернулся домой и сталъ править царствомъ по справедливости.

Здѣсь оканчивается timsanipātavaṇṇanā.

523. Alambusājātakam. Въ древности, въ царствованіе Брахмадатты въ Бенаресѣ, бодhисатва былъ отшельникомъ. Около его обители паслась одна антилопа. Антилопа почувствовала сильную привязанность къ отшельнику и вслѣдствіе одного этого родила мальчика, которому отшельникъ далъ названіе Isisiṅgo. Его подви-

жничество возбуждаетъ опасенія бога Индры и онъ посылаетъ апсарасу Alambusā соблазнить отшельника. Alambusā предстаетъ отшельнику и влюбляетъ его въ себя. Безсознательно онъ проводитъ съ ней три года на ложѣ, присланномъ богомъ Индрою. Въ то время, когда онъ пробуждается, нимфа скрывается. Отшельникъ, не помня прошедшаго, начинаетъ сильно раскаиваться. Alambusā показывается вновь ему и объясняетъ, какъ она была послана богомъ Индрою и какъ онъ былъ соблазненъ ею.

Раскаяніе приводитъ отшельника къ прежнему блаженному состоянію духа; онъ прощаетъ нимфу, которая удаляется съ небеснымъ ложемъ на небо.

524. Saṃkhapālajātakam. Въ древности, въ Rājagaha царствовалъ Magadharājā; у него былъ сынъ Duyyodhano. Послѣ ученія въ Takkasilā, отецъ помазалъ его на царство, а самъ сталъ жить отшельникомъ. Сперва отецъ жилъ въ саду у сына, затѣмъ, никому не сказавъ, удалился къ горѣ Candaka, у рѣки Kaṇṇapeṇṇā, (вытекающей изъ озера Sankhapāla) въ странѣ Mahiseka. Тамъ къ нему приходилъ слушать наставленія въ законѣ царь змѣй Saṅkhapāla. Однажды, когда царь змѣй находился у отшельника, пришелъ къ нему сынъ; царь змѣй тотчасъ же удалился. Пораженный великолѣпіемъ царя змѣй, сынъ пожелалъ переродиться въ царя змѣй и послѣ добродѣтельной жизни, вслѣдствіе своихъ добродѣтелей, дѣйствительно родился царемъ змѣй, по имени Sankhapāla; съ теченіемъ времени это великолѣпіе опротивѣло ему, и онъ сталъ желать сдѣлаться опять человѣкомъ, а потому началъ соблюдать обрядъ uposatha; для этого онъ выходилъ изъ своего жилища на берегъ рѣки Kaṇṇapeṇṇā и предавалъ свое тѣло въ жертву: «кому нужна моя кожа, мясо и проч., тотъ да беретъ кожу, мясо и проч.». Чрезъ нѣкоторое время онъ дѣйствительно попадается въ руки охотниковъ, которые его истязаютъ. Нѣкій житель города Mithila, въ странѣ Videha, по имени Ālāro выкупаетъ его изъ рукъ охотниковъ. Царь змѣй отправляется въ свое жилище, и спустя немного времени приглашаетъ къ себѣ освободителя Ālār'у; Ālāro живетъ тамъ цѣлый годъ; затѣмъ принимаетъ pabbajjā (посвященіе), выходитъ изъ обители царя змѣй и, испрашивая себѣ пропитаніе, зашелъ разъ въ садъ Бенарескаго царя. Царю понравился его видъ, онъ призвалъ его къ себѣ и вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и онъ разсказываетъ свое приключеніе съ царемъ змѣй.

525. Cullasutasomajātakam. Въ древности, въ городѣ Sudassana царствовалъ царь Брахмадатта, у него былъ сынъ по имени Sutasomo. Послѣ воспитанія въ Takkasilā, онъ сталъ законно царствовать. У Sutasom'а была жена Candadevi и шестьнадцать тысячъ другихъ женъ. Когда у царя появилась сѣдина, онъ захотѣлъ удалиться отъ царства и стать подвижникомъ; царь объявляетъ объ этомъ собравшемуся народу. Попытки отвратить его отъ этого намѣренія не привели ни къ какому результату; тогда министры разсказали объ этомъ матери, но и ея убѣжденія остались тщетны. Возвѣстили его намѣреніе отцу. Сталъ его увѣщать отецъ, указывая на престарѣлыхъ родителей и молодыхъ дѣтей; и это осталось тщетнымъ также, какъ и убѣжденія его многочисленныхъ женъ и главной жены. Отвратить его отъ этого намѣренія берется младшій сынъ; но и онъ не успѣваетъ. Не успѣваютъ того сдѣлать его казнохранитель и (seṭṭhi) цѣховой начальникъ. Поставивъ царемъ младшаго брата Somadatta, онъ совлекъ съ себя царскія одѣянія, обрѣзалъ волосы и облекся въ одѣяніе отшельника. Въ народѣ поднялся великій плачъ. Примѣромъ царя увлекаются всѣ жители города и царская семья; городъ пустѣетъ; жители страны послѣдовали примѣру жителей города. Со всѣми ними Sutasomo отправился къ Химаванту. Тамъ, на берегу р. Ганги, по порученію Индры, Vissakamma выстраиваетъ обитель, гдѣ и поселяется Sutasomo.

Здѣсь оканчивается cattālīsanipātavaṇṇanā.

И. Минаевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Якутскія народныя повѣрья и сказки.

(Приложеніе къ Этногр. Очеркамъ «Три года въ Якутской области»).

Эряйдахъ-буруйдахъ Эрь-Соготохъ.

(2-я варіація).

На седьмомъ небѣ, самимъ Ють-Тасъ-Олбохтахъ-Юрюнь-Аи-Тоён'омъ былъ сотворенъ Якутъ. Создатель послалъ его на землю, далъ ему огромное богатство, заключавшееся въ скотѣ и дорогой пушнинѣ (звѣриные мѣха), наградилъ его огромною силою и здоровьемъ. Имя этого человѣка было Эряйдахъ-буруйдахъ Эрь-Соготохъ.

Послушайте, братцы, какой видъ имѣлъ этотъ богатырь: росту былъ онъ огромнаго; громадная красивая голова его была украшена серебряными волосами; соболиныя брови густо нависали надъ глазами; носъ его былъ широкъ и приплюснутъ; его широкій ротъ украшали два ряда серебряныхъ зубовъ; какъ бугоръ возвышалась его могучая грудь, а въ глубинѣ ея билось пылкое сердце; могучія руки его походили на два каменные столба, а сильныя ладони равнялись растянутой коровьей кожѣ; твердыя ноги его походили на два сросшіеся у вершины могучіе дуба; его тяжелый слѣдъ глубоко врѣзывался въ землю и походилъ на двѣ русскія лодки семерики (изъ 7-ми досокъ), а весь онъ напоминалъ собой твердую скалистую гору. Такъ вотъ, каковъ, братцы, былъ нашъ славный предокъ, могучій богатырь Эряйдахъ-буруйдахъ Эрь-Соготохъ!

Долго жилъ онъ, никого не видя и скучая отъ бездѣлья. Пламеннымъ желаніемъ его было встрѣтить подобнаго себѣ и испытать свою силу. Но, такъ какъ ничего подобнаго не случалось, то скучающій богатырь вздумалъ устраивать свое хозяйство. Онъ выстроилъ себѣ юрту, мѣрою въ окружности 80 сажень, съ 40 окнами, съ тяжелою желѣзною дверью. Стѣны этой юрты были выложены въ семь рядовъ, поставленными одна къ другой соснами; потолокъ, чтобъ не проникало въ юрту дыханіе боговъ въ видѣ вихря или вѣтра, былъ плотно засыпанъ землею; полъ, чтобъ изъ седьмого подземнаго царства (сяття ёдянь тюгягиттянь) не проникло тлительное дыханіе демоновъ, былъ выложенъ въ семь рядовъ наложенными каменными плитами. По серединѣ стоялъ семисаженный въ окружности каминъ; а по всѣмъ сторонамъ юрты были сдѣланы каменные ороны (нары); въ углѣ передъ каминомъ стоялъ каменный столъ и такой же олохъ-масъ (табуретъ); по стѣнамъ висѣло оружіе богатыря: лукъ и стрѣлы огромныхъ размѣровъ; стрѣлы имѣли свойство убивать все, во что попадали; девяносто пудовый желѣзный молотъ, огромное желѣзное копье и огромный ножъ (батасъ). Все это было сдѣлано когда-то кузнецомъ, жившимъ за девятью морями, по имени Чемчерюкянь-Кырбытанъ. Онъ работалъ это оружіе ровно 9 мѣсяцевъ, но что это было за оружіе?! ни по красотѣ, ни по прочности никогда не было ему равнаго! да къ тому же оно имѣло свойство убивать все, къ чему ни прикоснется, какъ сказано раньше! Вотъ какое было оно, братцы!

Устроивъ свое жилище, Эряйдахъ Соготохъ не переставалъ скучать по прежнему и искать себѣ соперника. Удивительно, братцы, какъ можно скучать человѣку сытому и въ такой теплой юртѣ?! Я сказалъ уже вамъ, что Эряйдахъ Соготохъ былъ чрезмѣрно богатъ и ѣлъ онъ очень хорошо. Послушайте, братцы, какъ проводилъ день свой нашъ богатырь: встанетъ, бывало, утромъ съ постели, притащитъ семь огромныхъ сосенъ, поставитъ ихъ вершинами внизъ въ каминъ, затопитъ, а выбравъ изъ табуна три жирныхъ кобылы, зарѣжетъ и принесетъ въ юрту цѣликомъ: сваривъ ихъ въ огром-

номъ котлѣ, онъ съѣдалъ въ одинъ обѣдъ; въ ужинъ повторялось то же. Ну, можно-ли, братцы, скучать при такой жизни? Тутъ-бы только спать и ничего не дѣлать! Но не таковъ былъ нашъ богатырь! Онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше тяготился своимъ одиночествомъ и невозможностію испытать свою силу; а сила и храбрость, между тѣмъ, прибывали все болѣе и болѣе, такъ что Эряйдахъ Соготохъ сталъ думать: „еслибы всѣ демоны, живущіе въ преисподней (тёрть ютюгянь-аягаръ) пришли къ нему (ихъ 38 родовъ), то онъ раздавилъ бы ихъ, какъ мухъ, а если бы боги вздумали воевать съ нимъ, то и имъ досталоьь бы порядочно (боговъ 28 родовъ).

Однажды богатырь нашъ вздумалъ посмотрѣть свой скотъ, пасшійся неподалеку отъ его жилища, осѣдлалъ своего вороного коня, сѣлъ на него и поѣхалъ въ поле, не забывши захватить съ собой и оружіе. Вскорѣ увидалъ онъ передъ собой всадника на саврасомъ конѣ. Изъ ноздрей коня пышало огнемъ и палило все, что было передъ нимъ. Всадникъ былъ чудовище, и не было сомнѣнія, что то былъ самъ демонъ. Огромнаго роста, осьмигранный, весь въ желѣзѣ, чудовищнаго вида, онъ былъ ужасенъ! Желѣзная косматая голова его походила на стогъ сѣна, саженный желѣзный клювъ, вмѣсто носа, и аршинные желѣзные когти на саженныхъ рукахъ ясно доказывали, что онъ не могъ быть человѣкомъ!

Всякій другой, конечно, струсилъ бы при подобной встрѣчѣ, но Эряйдахъ Соготохъ даже обрадовался этому и, быстро подъѣхавъ къ незнакомцу, запѣлъ: „Хотя ты и осьмигранное ужасное желѣзное чудовище, и я не сомнѣваюсь, что ты самъ дьяволъ, но послушай, что тебѣ споетъ мое серебряное горло: ты скажи мнѣ, о чудовище, откуда ты, какъ зовутъ тебя, кто твои предки и зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда?“ Не успѣлъ герой нашъ докончить своихъ словъ, какъ неизвѣстный соскочилъ съ своего коня и, подбѣжавъ еще ближе къ нему, запѣлъ: „До моей родины не доѣхать тебѣ и въ три вѣка: я живу за девятью морями, за десятымъ огненнымъ озеромъ; отецъ мой властелинъ этого огненнаго озера, его зовутъ Уотъ-ӧсаръ-Тоёнъ., а меня — Тимиръ-ӧсаръ-бухатыръ. Я пріѣхалъ къ тебѣ помѣряться силой и, если ты слабъ, то убить тебя! Я думаю, что я буду равный, другъ, тебѣ!“ Какъ только дьяволъ сказалъ это, Якутъ страшно освирѣпѣлъ и, подскочивъ, ударилъ дьявола ножемъ по желѣзной головѣ и пропѣлъ: „А ну-ка, дьяволъ, попробуй мою силу и ловкость и покажи свою, такъ-ли ты силенъ и храбръ, какъ говоришь о себѣ!“ Стали они биться, бились девять сутокъ, но ни одна сторона не могла побѣдить. На десятый день дьяволъ снова сѣлъ на коня и, обратившись къ Якуту, запѣлъ: „Ну, теперь, догоняй меня; неужели ты не погонишься за мной?“ Съ этими словами дьяволъ пустился вскачь, а Якутъ погнался за нимъ.

Долго гнался за дьяволомъ нашъ богатырь и не зналъ, куда ѣдетъ. Онъ давно уже проѣхалъ предѣлы земли, то есть то мѣсто, гдѣ девять небосклоновъ сходятся съ землей. Вотъ предъ нимъ уже огненное море бушуетъ и клокочетъ волнами... Дьяволъ остановился, слѣзъ съ своего коня и, обратившись къ Якуту, пропѣлъ: „ты очень далеко теперь отъ своего дома и, если воротишься, то тебѣ будетъ стыдно: я буду разсказывать повсюду про твою трусость и слабость; я разскажу всему небесному улусу о тебѣ и подниму тебя на смѣхъ; неужели ты захочешь этого? Ну, теперь смотри, какъ я поѣду!“ Сказавъ это, дьяволъ бухнулся въ огненное море. Заклокотали сердитыя волны. Якуту не хотѣлось прослыть трусомъ, и онъ погнался за нимъ. Три дня плыли они по огненному морю и все еще не видали ни конца, ни края оному. Пламя охватило одежду Якута; кожа на его тѣлѣ трескалась, и онъ терпѣлъ ужасныя мученія. Шерсти у лошади давно уже не было, но добрый конь не уступалъ въ терпѣньи своему всаднику. На четвертый только день вышли они на берегъ, но Якутъ былъ не въ силахъ гнаться далѣе и какъ снопъ повалился на землю. Богатырь нашъ не могъ владѣть ни рукой, ни ногой и, терпя ужасныя страданія, въ отчаніи взывалъ къ Создателю, прося себѣ смерти.

Вскорѣ появились на небѣ бѣлыя облака, загремѣлъ громъ, заблистала молнія, и среди грозной стихіи богатырь замѣтилъ отдѣлившееся облако, которое приближалось къ нему. Эряйдахъ Соготохъ вскорѣ увидѣлъ на этомъ облакѣ женщину, которая, шаманя, спустилась къ нему и запѣла: „Твою просьбу сотворившій тебя Ють Тасъ Олбохтахъ Юрюнь Аи Тоёнъ принялъ; ты былъ сотворенъ въ прошлыя времена, какъ

и всѣ мы. Я шаманка, воскрешающая умершихъ, исцѣляющая больныхъ, зовутъ меня Анъ-Тюсюльгю-Удаганъ; Создатель посылаетъ тебѣ благословеніе и даетъ тебѣ силу убить Тимирь Урана, а я по волѣ Творца спасаю тебя отъ смерти и болѣзни!" Сказавъ это, она полетѣла обратно на небо. Богатырь нашъ сталъ послѣ этого здоровъ и снова почувствовалъ въ себѣ силу; вскочилъ на своего коня и погнался вслѣдъ за Тимирь Ураномъ, на западъ. Вскорѣ спустились они въ адъ. Богатырь нашъ не могъ разсмотрѣть ничего по причинѣ глубокихъ сумерокъ и только могъ слышать топотъ лошади своего врага. Вскорѣ однако-жъ глазъ его привыкъ къ темнотѣ, и онъ сталъ различать предметы. Тогда предстало ему страшное зрѣлище: люди были тамъ одноногіе, съ одною рукою на груди и съ однимъ глазомъ на лбу. Доѣхавъ до глубины тартара, богатырь нашъ потерялъ изъ виду своего противника, но за то бросились на него въ несмѣтномъ количествѣ эти ужасныя чудовища. Долго крошилъ Эряйдахъ Соготохъ эту орду ножемъ и копьемъ, тузилъ и девяносто пудовымъ молотомъ, пускалъ въ дѣло лукъ и стрѣлы и только на седьмой день очистилъ себѣ дорогу и пріѣхалъ къ огромному каменному дому. Богатырь нашъ преобразился въ огромнаго быка въ 70 саженъ длиною, съ 30 саженными рогами и легъ къ порогу этого дома. Такъ онъ пролежалъ девять мѣсяцевъ; къ концу девятаго мѣсяца выползла изъ дому старуха шаманка Тимирь-Багійдянь; она имѣла на спинѣ семь горбовъ, на груди одну руку, которая была снабжена аршинными желѣзными когтями, на лбу имѣла одинъ глазъ, а подъ глазомъ саженный желѣзный клювъ вмѣсто носа.

Какъ только увидала она быка, стала скакать около него, припѣвая: „Ты скажи, бычокъ, откуда ты пришелъ? Если съ неба спустился, то отчего на тебѣ нѣтъ снѣга? если ты изъ подъ земли, то на тебѣ была бы пыль. Я спала ровно девять мѣсяцевъ, но видно Богъ сжалился надъ моимъ пустымъ желудкомъ и послалъ мнѣ тебя на завтракъ!" Лишь только пропѣла она это, какъ быкъ поднялъ ее на рога; онъ билъ ее рогами, она клювомъ; онъ—копытами, она—горбами! Долго дрались они и измучили себя не мало! Быкъ давнымъ давно потерялъ рога и копыта; старуха сломала клювъ и помяла горбы, и уже побѣда склонялась на сторону старухи, какъ быкъ обернулся опять въ человѣка и, остановивъ старуху, запѣлъ: „Дочь преисподней! Я славный богатырь Эряйдахъ-Буруйдахъ Эрь-Соготохъ. Я ищу адскаго богатыря Тимирь Урана и положительно знаю, что ты спрятала его; если ты не выдашь его мнѣ, то я расправлю твои горбы и вытряхну изъ тебя твою проклятую душу!" На это Тимирь Бягійдянь въ свою очередь запѣла, да такъ громко, что горы затрещали: „Теперь только я поняла, почему ты пролежалъ здѣсь девять мѣсяцевъ и поджидалъ меня! Я знаю, гдѣ Тимирь Уранъ, но покуда жива, его тебѣ не выдамъ. Посмотримъ, какъ ты убьешь меня!" Послѣ этихъ словъ снова началась борьба, но теперь богатырь нашъ сталъ побѣждать старуху. „Дай мнѣ немного отдохнуть, проговорила старуха, не убивай меня!" Эряйдахъ Соготохъ согласился, и тогда старуха сказала ему: „Тимирь Уранъ проѣхалъ тому назадъ третій годъ. Домъ его отсюда прямо на югъ за девятью морями въ концѣ земли, но только не тамъ, гдѣ живутъ Якуты. Около этихъ же мѣстъ живетъ Якутъ Хонхорунъ-хотой Бергю-Тоёнъ съ женой Кюнье Тюсюльгю-хотунъ. У нихъ есть дочь шаманка Сырдыкъ Саралыма-Ытыкъ-Тумалыма-Удаганъ; она хочетъ быть твоей женой и потому послала за тобой Тимирь Урана, чтобъ волей или насильно привезти тебя!" Услыхавъ это, богатырь набросилъ на нее свою бычью шкуру, и старуха превратилась въ 70-ти саженнаго желѣзнаго быка, на котораго тотчасъ же и вскочилъ Эряйдахъ Соготохъ и поѣхалъ далѣе къ югу. На девятый только день они доѣхали до мѣста, гдѣ жилъ Хонхорунъ-хотой Бергю-Тоёнъ. Богатырь спустился съ быка, а быкъ разомъ, проглотивши 270 коровъ, отправился назадъ. Когда Тимирь Бягійдянь отправилась домой, Соготохъ направился къ огромному столѣтнему дубу, который выросъ на огромномъ бугрѣ; пришедши туда, онъ срубилъ девять большихъ вѣтвей и зажегъ девять костровъ, а затѣмъ, поймавъ девять лучшихъ, жирныхъ кобылицъ, зажарилъ ихъ на девяти рожнахъ и все это съѣлъ разомъ.

Продолженіе сказки дословно повторяется безъ измѣненія, какъ въ 1-й варіаціи.——

Эрь Соготохъ.

Очень давно въ странѣ, гдѣ вода не замерзала, гдѣ деревья были вѣчно зелены и птицы не улетали, гдѣ лѣса были столь обширны, что ихъ не облетали сами стерхи, а журавли не знали числа высокимъ холмамъ,—стояла юрта, въ которой было до 40 оконъ; полъ въ ней былъ каменный, потолокъ серебряный, а двери были сшиты изъ семи медвѣжьихъ шкуръ. Чтобы крѣпче стояла юрта и не расшаталась отъ вѣтровъ, съ южной стороны она имѣла 40 подпорокъ, а съ западной—80. Дворъ кругомъ юрты содержался такъ чисто, что на немъ никогда не было ни грязи, ни пыли; на серединѣ его были вкопаны три столба и къ среднему былъ привязанъ бѣлый богатырскій конь. Около юрты паслось несмѣтное количество рогатаго и коннаго скота, а въ окрестныхъ лѣсахъ обитали дорогія животныя и звѣри. Хозяинъ этой юрты и господинъ страны былъ сильный, могучій богатырь Эрь Соготохъ; въ плечахъ онъ имѣлъ семь саженъ, спина его равнялась шириной прямо поставленной семириковой (изъ семи досокъ) лодкѣ, руки и ноги его равнялись обнаженнымъ отъ коры лиственницамъ; глаза его большіе и круглые; брови его были какъ камчатскіе соболи; лицо его отличалось красотой и бѣлизной; одежда его была сшита изъ самыхъ крѣпкихъ ровдугъ (замша изъ оленьихъ кожъ) и дорогихъ мѣховъ. У него была сестра, отличавшаяся необыкновенной красотой: сквозь одежды просвѣчивалось ея бѣлое тѣло, сквозь тѣло— ея бѣлые кости, а въ костяхъ сквозилъ мозгъ. Братъ и сестра, живя одиноко и вдали отъ людей, не знали, кто ихъ родители. Однажды утромъ, когда они были на дворѣ, изъ табуна прибѣжала самая старая кобыла; сестра сказала брату: „Эта кобыла приходитъ домой, когда хочетъ ожеребиться; загони въ загородь". Братъ исполнилъ это. Черезъ недѣлю, когда Эрь Соготохъ пришелъ къ загороди, куда была заперта кобыла, то увидалъ, что кобылы тамъ не было, а по серединѣ загона лежало очень большое мѣсто (родильное) жеребенка; Эрь Соготохъ, не долго думая, распоролъ это мѣсто. Въ немъ лежалъ огромный богатырь. Одежда его была вся желѣзная; лицо было черно, а глаза его были, какъ слюдяныя окна; ротъ его былъ похожъ на огромную яму; носъ былъ безобразный—курносый; зубы его были похожи на заржавленные заступы, а на головѣ его была желѣзная шапка. Увидавъ такого страшнаго богатыря, Эрь Соготохъ запѣлъ: „Слушай, что я буду говорить тебѣ: скажи, кто твои родители, откуда пришелъ ты и зачѣмъ?" Богатырь—это былъ самъ дьяволъ—ничего не отвѣчалъ. Тогда Эрь Соготохъ связалъ его крѣпкимъ арканомъ и поволокъ въ лѣсъ, выкопалъ огромную яму, навалилъ въ нее дровъ отъ семи лѣсинъ, поджегъ ихъ, бросилъ на огонь желѣзное чудовище и самъ возвратился домой. На утро этотъ желѣзный человѣкъ стоялъ у одного изъ трехъ столбовъ на дворѣ Эрь Соготоха. Эрь Соготохъ снова запѣлъ ему вчерашніе вопросы, но они остались безъ отвѣта; тогда, раздосадованный, связалъ его, потащилъ къ рѣкѣ, навязалъ ему громадныхъ камней и утопилъ. На утро слѣдующаго дня желѣзный богатырь снова стоялъ у того же столба и, увидѣвъ Эрь Соготоха, захлопалъ въ ладоши и захохоталъ дребезжащимъ страшнымъ голосомъ. Сдѣлалась страшная темнота, и когда, спустя нѣкоторое время прояснилось, то Эрь Соготохъ войдя въ свою юрту, увидѣлъ, что половины юрты не было и сестра его пропала неизвѣстно куда. Тогда Эрь Соготохъ сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ въ ту сторону, откуда восходитъ зимнее солнце и куда уходилъ демонскій богатырь въ видѣ чернаго тумана. Ѣхалъ онъ очень долго, зиму отличалъ по снѣгу, а лѣто по дождю, ни разу никого не встрѣчая. Разъ догналъ его всадникъ на бѣломъ конѣ, одѣтый въ серебряное платье, но, не обративъ вниманія на Эрь Соготоха, проѣхалъ далѣе. Эрь Соготохъ пропѣлъ ему вслѣдъ: „Откуда ты ѣдешь, другъ, куда направляешь путь, кто ты такой, поѣдемъ вмѣстѣ!" Всадникъ и на это не обратилъ вниманія и ѣхалъ далѣе. Эрь Соготохъ старался догнать его, но не могъ; Эрь Соготохъ еще громче пропѣлъ ему свою пѣсню. Тогда всадникъ повернулъ коня обратно и запѣлъ: видно, ты большой дуракъ, что нельзя проѣхать мимо тебя; какое тебѣ дѣло, кто я и куда ѣду? Знаешь ли ты, какія препятствія лежатъ на твоемъ пути: впереди стоитъ желѣзная роща, высотой до небесъ; какъ ты минуешь ее? А если и

преодолѣешь это препятствіе, то дальше будетъ высочайшій хребетъ, на который ни пѣшій, ни конный взобраться не можетъ". Пропѣвъ это, всадникъ исчезъ, какъ дымъ. Когда Эрь Соготохъ доѣхалъ до желѣзной чащи, натянулъ свой тугой лукъ и пустилъ свою костяную стрѣлу, которая расчистила путь черезъ всю чащу такой ширины, что могъ проѣхать возъ съ сѣномъ, а вслѣдъ за полетомъ стрѣлы и Эрь Соготохъ очутился на другой сторонѣ чащи. Продолжая путь, онъ доѣхалъ до высочайшаго хребта, на который онъ поднялся, сдѣлавъ и себѣ и коню подковы. На вершинѣ горы онъ опять увидалъ всадника, котораго, при всемъ своемъ стараніи, догнать не могъ, но тѣмъ не менѣе отъ него отставалъ не далеко; такимъ образомъ, они доѣхали до прекрасной страны, населенной людьми и скотомъ. Вдали виднѣлась серебряная юрта, куда вошелъ первый всадникъ, а когда сталъ подъѣзжать къ ней Эрь Соготохъ, то изъ нея вышла женщина поразительной красоты, которая, увидѣвъ его, запѣла. „Придите скорѣе, мои сильные богатыри Юсь хара холлорукъ (три черные урагана), недопустите этого всадника къ моему двору, а спустите его въ подземное царство!" Какъ только она пропѣла это, какъ три богатыря напали на Эрь Соготоха, скрутили его такъ крѣпко, что у него потемнѣло въ глазахъ, а въ ушахъ сдѣлался шумъ, а когда онъ опомнился, то былъ уже въ подземномъ царствѣ, гдѣ былъ постоянный мракъ, и свѣтъ пробивался лишь черезъ отверстіе, въ которое его бросили. Оглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что къ сѣверу идетъ дорога, по которой онъ и побѣжалъ; коня съ нимъ не было; добѣжалъ онъ до желѣзной юрты, взобрался на нее и черезъ трубу камина увидалъ, что красавица палила голову человѣка и при этомъ пѣла: „Прошлою ночью я видѣла сонъ, что съ земли спустился сильный, могучій богатырь Эрь Соготохъ, который, убивъ живущую здѣсь повелительницу злыхъ демоновъ, освободилъ меня отъ ея неволи!" Услышавъ это, Эрь Соготохъ спустился въ трубу и узналъ отъ красавицы, что повелительница демоновъ ушла на промыселъ, а ей велѣла приготовить обѣдъ изъ человѣчьей головы, причемъ узналъ, что эта фурія убиваетъ людей однимъ взглядомъ. Тогда Эрь Соготохъ сдѣлалъ деревянное чучело на подобіе себя, а самъ спрятался за трубу. Когда фурія вернулась, то своимъ длиннымъ огненнымъ языкомъ облизала все снаружи и внутри юрты, а когда она доходила до него, то онъ подставилъ ей свою чучелу и потому только остался невредимъ. Замѣтивъ человѣческую фигуру, фурія устремила на нее свой острый взглядъ и, видя, что съ человѣкомъ этимъ ничего не дѣлается, бросилась на него, а въ это время Эрь Соготохъ бросился на нее и убилъ. Красавица разсказала Эрь Соготоху, что у убитой фуріи есть мать, владѣющая поразительной силой чародѣйства и что ее можно убить лишь обратившись въ лягушку, сѣсть ей на шею. Эрь Соготохъ, обративъ красавицу въ кремень, положилъ его въ карманъ и отправился туда, гдѣ жила мать убитой. Приблизившись къ юртѣ этой чародѣйки, онъ обратился въ мышь и незамѣтно проскользнулъ въ юрту; чародѣйка сидѣла у камина и грѣлась; тогда Эрь Соготохъ обратился въ лягушку и прыгнулъ ей на шею, отчего чародѣйка такъ испугалась, что потеряла сознаніе, и Эрь Соготохъ убилъ ее. По указанію своей красавицы, онъ нашелъ въ подпольѣ у чародѣйки другую не менѣе красивую женщину, которая была сестра первой. Обѣ эти женщины оказались сестрами того серебрянаго богатыря, который отказался сопутствовать ему. Обративъ и эту вторую красавицу въ кремень, онъ тоже положилъ его въ карманъ и отправился далѣе въ путь. Когда онъ подошелъ къ тому отверстію, черезъ которое его бросили, онъ замѣтилъ уже цѣлый рядъ земляныхъ ступенекъ, поднимаясь по которымъ, онъ вышелъ опять на землю. Идя дальше, онъ дошелъ до серебряной юрты и увидѣлъ своего коня, совершенно въ тѣлѣ, привязаннымъ къ столбу. На стукъ его въ дверь изъ юрты вышелъ серебряный богатырь, а Эрь Соготохъ, поставивъ передъ нимъ его сестеръ, такъ запѣлъ ему: „Слушай Хотой Ай Уола (сынъ бога орловъ) Хорожай Бяргянь, что я скажу тебѣ. Ты хитростію заманилъ меня сюда, а дочь Юрюнь Ай (Бѣлаго бога) насиліемъ ниспровергла меня въ адъ; но ты видишь, я невредимымъ вернулся изъ преисподней и кромѣ того освободилъ изъ неволи твоихъ сестеръ; за это ты долженъ отдать мнѣ въ замужество старшую изъ нихъ и приготовить ее къ моему отъѣзду: я возьму ее съ собой; за твою же хитрость и за насиліе дочери Юрюнь Ай

я расчитаюсь потомъ". Затѣмъ Эрь Соготохъ отправился отыскивать богатыря, похитившаго его собственную сестру, и на встрѣчу попался Якутъ-богатырь, которому Эрь Соготохъ запѣлъ: „Я Эрь Соготохъ, ѣду изъ дальнихъ странъ; мою сестру похитилъ демонскій богатырь; скажи мнѣ, гдѣ мнѣ найти его!" На это встрѣчный запѣлъ ему: „Я знаю этого богатыря, его зовутъ Тимирь Бурай, онъ живетъ такъ далеко, что твоя лошадь не выдержитъ этого пути; послушай моего совѣта, какъ достать тебѣ свою сестру: продолжая путь, ты доѣдешь до высокой ели, на вершинѣ которой замѣтишь дупло дятла; въ это дупло тебѣ надобно будетъ спрятаться отъ Тимирь Бурая, если съумѣешь увезти отъ него свою сестру. Для поѣздки же къ Тимирь Бураю тебѣ необходимо выпросить у кузнеца Лянкясія его желѣзнаго коня: только на немъ можно доѣхать до Тимирь Бурая. За совѣтъ мой, если ты спасешь сестру свою, ты долженъ будешь отдать ее мнѣ въ замужество: я сильный богатырь Сабыланъ". Пропѣвъ это, Сабыланъ продолжалъ свой путь, а Эрь Соготохъ направился къ кузнецу Лянкясію, у котораго онъ выпросилъ коня, обѣщая ему дорогой подарокъ. Подвели желѣзнаго коня, который, почувствовавъ на себѣ сѣдока, расправилъ свои желѣзныя крылья и полетѣлъ подъ облаками. Такимъ образомъ и достигли они жилища Тимирь Бурая; его не было дома, и Эрь Соготохъ, взявъ свою сестру, уѣхалъ. Скоро услыхали они за собою погоню Тимирь Бурая, его крикъ потрясающій небо и шумъ крыльевъ его осьминогаго коня. Эрь Соготохъ съ отчаяніемъ спѣшилъ къ спасительной ели и, едва достигъ ея, обратилъ сестру свою въ кремень, положилъ его себѣ въ карманъ, а самъ, сдѣлавшись красной бѣлкой, юркнулъ въ дупло дерева. Тимирь Бурай, пріѣхавъ къ дереву, сталъ его раскачивать, но не могъ повалить, стрѣлялъ въ дупло, но за высотой не могъ попасть, и съ досадой вернулся домой, проклиная свою любовь къ женщинѣ, которая по человѣческой своей натурѣ очень лукава. Освободившись отъ Тимирь Бурая, Эрь Соготохъ оставилъ свое убѣжище, возвратилъ коня Лянкясію, а на своемъ, вмѣстѣ съ сестрой, отправился домой. Дорогой они встрѣтили Сабылана, который запѣлъ: „Здравствуй, другъ и товарищъ! Вотъ ты по моему совѣту достигъ своей цѣли, теперь ты долженъ отдать мнѣ свою сестру, или, быть можетъ, ты не захочешь отдать ее мнѣ, не помѣрившись со мной силой, я готовъ и на это!" На это Эрь Соготохъ сказалъ. „Зачѣмъ намъ мѣряться силой, я и такъ знаю, что ты сильный богатырь, и я очень радъ отдать тебѣ свою сестру; ты поѣзжай съ сестрой моей домой: она поѣдетъ на моемъ конѣ, а я догоню васъ!" Сказавъ это, Эрь Соготохъ обратился въ трехголоваго орла и полетѣлъ. Прилетѣвъ къ юртѣ Хорожай Бяргяня, онъ когтями сорвалъ съ нея крышу и потолокъ, оторвалъ голову самому хозяину, схватилъ его старшую сестру и полетѣлъ къ дочери Юрюнь Аи, у которой также оторвалъ голову; затѣмъ онъ полетѣлъ домой, гдѣ засталъ только что пріѣхавшихъ Сабылана съ сестрой. Такъ жили они втроемъ очень хорошо, питаясь жирной кониной и запивая ее лучшимъ кумысомъ. Разъ утромъ вышелъ Эрь Соготохъ на дворъ, услыхалъ топотъ лошади, а съ неба голосъ, который пѣлъ слѣдующее: „Эрь Соготохъ, слушай своими чуткими ушами: ты безсердечно убилъ богатыря Хорожай Бяргяня и дочь Юрюнь-Аи; ихъ родственники принесли жалобу живущему на небесахъ Жилга Тоёну (Главному Судьѣ), который требуетъ тебя къ себѣ; скажи: идешь ты, или нѣтъ?" Эрь Соготохъ отвѣтилъ: „Не пойду добровольно, а посмотрю, какъ заставятъ меня идти къ нему насильно". Какъ только онъ это выговорилъ, съ неба спустился длинный арканъ, имъ поймали Эрь Соготоха за шею и потащили на небо. Когда домашніе Эрь Соготоха проснулись и не нашли его послѣ тщательныхъ розысковъ, Сабыланъ, поднявъ свои глаза къ небу, запѣлъ: „Другъ и товарищъ, Юрюнь Уоаланъ! Пусть моя звонкая пѣсня долетитъ до твоего чуткаго уха, пусть твои зоркіе глаза увидятъ мое горе! Въ истекшую ночь я потерялъ своего брата Эрь Соготоха; я не могъ найти его на землѣ; ты-же, вѣчно сидящій на небѣ, слѣдуя съ высоты, можешь знать, гдѣ онъ, а потому прошу тебя, укажи мнѣ, гдѣ онъ!" Спустя нѣкоторое время небо заволокло тучами, съ восточной стороны подулъ теплый вѣтерокъ, прогремѣлъ легкій громъ, раздѣлились тучи и взорамъ Сабылана представился серебряный человѣкъ на бѣломъ конѣ, который запѣлъ ему: „Другъ и товарищъ Сабыланъ! Твоего брата Эрь Соготоха взяли на небо къ Жилга Тоёну, который за то,

что онъ безсердечно убилъ богатыря Хорожай Бяргяня и дочь Юрюнь Аи, заключилъ его въ темницу!“ Затѣмъ всадникъ исчезъ. Услышавъ это, Сабыланъ превратился въ сокола и полетѣлъ на небо къ Жилга Тоёну; прилетѣвъ къ нему, онъ сталъ просить объ освобожденіи Эрь Соготоха, на что Жилга Тоёнъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать свободу Эрь Соготоху, но если родственники убитыхъ имъ простятъ ему, то онъ ничего противъ этого имѣть не будетъ и освободитъ заключеннаго. Богатырь Сабыланъ полетѣлъ къ родственникамъ убитыхъ, выпросилъ у нихъ прощеніе Эрь Соготоху и такимъ образомъ освободилъ его отъ заключенія, а затѣмъ, проживъ еще нѣкоторое время у Соготоха, возвратился къ себѣ домой. У Эрь Соготоха были сынъ и дочь. Сына звали Эентяй Батуръ, онъ выстроилъ посреди двора высокое сѣдалище, на которое посадилъ свою сестру, а самъ караулилъ, чтобъ ея не укралъ какой богатырь. Однажды, обратившись въ сокола, онъ полетѣлъ на ближайшій высокій дубъ и съ вершины его увидалъ ѣдущаго къ нимъ трехграннаго желѣзнаго всадника, который, снявъ его сестру съ ея высокаго сидѣнья, умчалъ ее обратно съ быстротой вѣтра. Эентяй Батуръ, разсказавъ объ этомъ родителямъ, сѣлъ на своего вороного коня и поѣхалъ и поскакалъ въ догоню за демонскимъ богатыремъ. Черезъ нѣкоторый, довольно значительный промежутокъ времени онъ догналъ трехграннаго богатыря, который увидавъ его, улыбаясь, запѣлъ: „Вотъ я гоню тебѣ калымъ за твою сестру—80 коней и 80 коровъ черной масти, а головы у нихъ бѣлыя. Ты хорошо сдѣлалъ, что самъ пріѣхалъ и избавилъ меня отъ хлопотъ гнать такъ далеко этотъ скотъ. Быть можетъ, ты хочешь показать мое лицо своимъ родителямъ? я и отъ этого не прочь; меня зовутъ Тимирь Ытылла!“ Услышавъ это, Эентяй Батуръ разогналъ скотъ его, вступилъ съ нимъ въ борьбу, но ни одинъ изъ нихъ не могъ одолѣть другого; тогда для рѣшенія спора они полетѣли на небо; тамъ, разсудивши, указано имъ драться на той каменной полянѣ, гдѣ обыкновенно состязаются на смерть. На состязаніе это пришли смотрѣть сестра Тимирь Ытылла, демонская шаманка Тимирь Часкый (звенящее желѣзо) и дочь солнца шаманка Кёгяльлинь (Невозмутимая). Во время борьбы Тимирь Ытылла ловко ударилъ Эентяй Батура и бросилъ его въ огненное море, но шаманка Кёгяльлинь вычерпнула его оттуда бубномъ; потомъ, въ свою очередь, Эентяй Батуръ бросилъ желѣзнаго богатыря въ то-же огненное море и сестра его Тимирь Часкый хотѣла вычерпнуть его своимъ бубномъ, но Кёгяльлинь предупредила её: она продула насквозь ея бубенъ, и Тимирь Ытылла безвозвратно погибъ въ огненномъ морѣ. Послѣ этого Эентяй Батуръ убилъ демонскую шаманку Тимирь Часкый, которая стала преслѣдовать Кёгяльлинъ за ея коварство. Эентяй Батуръ, взявъ свою сестру, возвратился домой. Проживъ нѣкоторое время дома, задумалъ онъ жениться и поѣхалъ искать себѣ невѣсту; между тѣмъ въ отсутствіе его пріѣхалъ къ нимъ въ юрту, спустившись съ неба, демонскій богатырь Тимирь Норальлинъ, на конѣ масти соловой, и сталъ просить у нихъ ихъ дочь. Эрь Соготохъ возмутился такой дерзостью демонскаго богатыря и хотѣлъ раскроить ему голову, но богатырь увернулся и поплатился половиною носа и губами. Оскорбленный демонъ полетѣлъ на небо и наслалъ на страну Эрь Соготоха трескучій морозъ и глубочайшій снѣгъ. Видя неминуемую гибель скота и свою, Эрь Соготохъ согласился выдать за него свою дочь, и богатырь, получивъ свою невѣсту, полетѣлъ на небо, но, поднявшись на половину пути, его лошадь не могла за тяжестію подняться выше, и раздосадованный этимъ Тимирь Норальлинъ бросилъ свою невѣсту на землю, которая при паденіи убилась до смерти. Между тѣмъ Эентяй Батуръ, продолжая путь на западъ, доѣхалъ до высочайшей горы, гдѣ жилъ богатырь Юрюнь Уоланъ (Бѣлый сынъ), постучался къ нему въ дверь, и изъ юрты вышелъ трехсаженный, въ золото одѣтый, человѣкъ, который, не говоря ни слова, сталъ наносить Эентяй Батуру сильные удары; завязалась страшная, безпощадная борьба. Не долго имъ пришлось бороться: Эентяй повалилъ своего противника на землю, своимъ острымъ ножемъ распоролъ ему брюхо и захвативъ въ руки становую жилу (penis), хотѣлъ оторвать ее. Предвидя неминуемую смерть, Юрюнь Уоланъ запѣлъ: „Ой, другъ, не убивай меня, какая польза тебѣ въ моей смерти, лучше послушай, что я спою тебѣ: у меня есть сестра, прекрасная собой,

вотъ уже девять лѣтъ, какъ ее укралъ морской богатырь **Балханъ** (волна); сколько разъ я ѣздилъ къ нему съ своими товарищами, чтобъ выручить сестру, но каждый разъ едва уносилъ только свою душу; поѣдемъ къ нему, убьемъ его, а сестру мою ты возьмешь себѣ!" На это богатырь Эентяй Батуръ сказалъ: „Твоя правда, давно бы сказалъ это; я согласенъ, поѣдемъ!" и съ этими словами онъ освободилъ изъ подъ себя Юрюнь Уоалана. Затѣмъ, поѣвъ вкусной и жирной конины и запивъ еще лучшимъ кумысомъ, они поѣхали къ богатырю Балханъ; на дорогѣ они встрѣтили трехъ желѣзныхъ богатырей, которыхъ пригласили съ собой, обѣщавъ имъ за это богатство богатыря Балхана. Соединенными силами они одолѣли Балхана и убили его, освободили изъ заперти дѣвицу, а все богатство Балхана, согласно уговору, отдали желѣзнымъ богатырямъ. Въ домѣ родныхъ жены своей Эентяй Батуръ пробылъ недолго, а затѣмъ уѣхалъ вмѣстѣ съ пей къ своимъ родителямъ, которыхъ нашелъ хотя живыми, но весьма состарившимися. Эентяй Батуръ жилъ съ своей женой покойно, счастливо; у нихъ было много дѣтей и скота. Они жили тихо и мирно и никакихъ приключеній въ ихъ семьѣ больше не было.

Эрбяхь Юрдюгярь сятьтя, эргіярь Эряйдахъ Буруйдахъ Эрь Соготохъ.

(Крутящійся до семи разъ на большемъ пальцѣ несчастный богатырь Эрь Соготохъ).

Очень давно, въ дальней сторонѣ, гдѣ нѣтъ зимы, а вѣчное лѣто, жилъ богатырь **Эрь Соготохъ** съ сестрою **Хачыланъ Ко**, отличавшеюся замѣчательной красотой. У нихъ было несмѣтное количество скота, за которымъ смотрѣли сами; прислуги у нихъ не было, также сосѣдей, и они не знали никого изъ людей, а родителей своихъ не помнили вовсе. Эрь Соготохъ чувствовалъ себя сильнымъ, и чрезвычайно желалъ встрѣтиться съ другимъ, съ сильною грудью и крѣпкими мышцами, но всѣ старанія его были тщетны. Разъ вечеромъ, во время ужина, около юрты послышался конскій топотъ, а въ дверяхъ раздался стукъ, и сильный голосъ, повидимому, демонскаго богатыря, запѣлъ: „Этю моему, Эрь Соготоху, привѣтъ и поклонъ; я подземный силачъ **Тимирь Жебидія** (желѣзная ржавчина), пріѣхалъ жениться на твоей сестрѣ Хачыланъ Ко; одѣвай ее скорѣе въ лучшій нарядъ и выведи ко мнѣ: я человѣкъ дорожный, долго ждать не люблю!" Услыхавъ это, Эрь Соготохъ схватилъ свою саблю и выбѣжалъ на дворъ, гдѣ увидалъ всадника съ тремя горбами на спинѣ, закованнаго всего въ желѣзо и сидящаго на желѣзномъ конѣ. Не сказавъ ни слова, Эрь Соготохъ нанесъ ему саблей сильный ударъ, демонскій богатырь отскочилъ, и мгновенно наступила сильная тьма. Эрь Соготохъ растерялся, а когда пришелъ въ себя и темнота нѣсколько разъяснилась, онъ вошелъ въ юрту, но въ ней не нашелъ своей сестры. Онъ осѣдлалъ своего бѣлаго коня и поѣхалъ по слѣдамъ ускакавшаго богатыря. Долго онъ ѣхалъ. Наконецъ достигъ желѣзной страны, гдѣ деревья и трава были желѣзныя, а посреди площади стояла желѣзная юрта, куда Эрь Соготохъ и вошелъ; но въ ней никого не встрѣтилъ. Замѣтивъ запертую дверь въ особое отдѣленіе, откуда слышался голосъ, онъ сломалъ висѣвшій замокъ и увидалъ прекрасную дѣву, расчесывавшую свою косу. Красавица эта звалась **Ытыкъ Нуралы** и была дочь Саха Сарынъ Тоёна; ее укралъ демонскій богатырь, живущій въ этой юртѣ, **Анъ Ажырга**. Онъ былъ о восьми головахъ. Дѣва просила Эрь Соготоха удалиться отсюда какъ можно поспѣшнѣе: демонскій богатырь долженъ былъ скоро вернуться и тогда убьетъ его. Соготоха. Эрь Соготохъ возразилъ, что скорѣе умретъ, нежели разстанется съ такой красавицей, и сталъ ее обнимать и цѣловать, но Ытыкъ Нуралы ускользнула изъ его рукъ и, обратившись въ птичку, улетѣла къ небесамъ.—Эрь Соготохъ только успѣлъ проговорить ей вслѣдъ: „ладно-же ты меня обманула, но ты не уйдешь отъ меня, я тебя отыщу", и продолжалъ свой путь. Проѣхавъ большое разстояніе, онъ услыхалъ

сзади себя страшный шумъ и крикъ: это ѣхалъ осьмиголовый богатырь, который, догнавъ его, закричалъ: „откуда взялся ты, дуралей, кто ты такой и какъ смѣлъ ты выпустить мою воспитанницу!“ Эрь Соготохъ спокойно отвѣтилъ ему, откуда онъ, какъ его зовутъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, воспитанницу его онъ не намѣренъ былъ выпускать, но что она убѣжала сама; затѣмъ просилъ демонскаго богатыря ѣхать съ нимъ догонять Тимирь Жебидія, чтобъ отнять у него свою сестру, которую онъ готовъ отдать въ замужество ему, Анъ Ажырга'ю, если только онъ пожелаетъ. Услышавъ это, Анъ Ажырга согласился, и они поѣхали вмѣстѣ, но Эрь Соготохъ отставалъ отъ своего спутника. На встрѣчу ѣхалъ богатырь Ажы Бужу, разговорился съ Эрь Соготохомъ, и послѣдній, между прочимъ, обѣщалъ выдать за него свою сестру, если только ее отъищетъ. Эрь Соготохъ продолжалъ путь и доѣхалъ до мѣстности, гдѣ жила знаменитая шаманка Айталы въ своей золотой юртѣ. Когда Айталы не хотѣла пустить его къ себѣ, то Эрь Соготохъ выломалъ дверь, но хозяйка не только не угостила его, но даже не промолвила ни одного слова, почему, пробывъ здѣсь самое короткое время, Эрь Соготохъ отправился далѣе. Пріѣхавъ къ жилищу Тимирь Жебидія, онъ долго не могъ найти дверей, чтобы проникнуть внутрь; наконецъ, попавъ въ юрту, онъ долго блуждалъ по темнымъ многочисленнымъ комнатамъ, пока не попалъ въ свѣтлую, гдѣ встрѣтилъ сестру свою Хачыланъ Ко. Она разсказала брату, что вотъ уже три мѣсяца, какъ дерутся изъ за обладанія ею два богатыря, что у Тимирь Жебидія есть мать, старуха, Чярякяня, которая отправилась на помощь къ своему сыну и должна скоро возвратиться. Эрь Соготохъ спрятался. Вернулась демонская старуха, она прилетѣла въ видѣ ворона и запѣла своимъ зловѣщимъ голосомъ: „Изъ за тебя, бѣлолицой, погибъ сынъ мой! Умирая, онъ убилъ своего врага осьмиголоваго Анъ Ажарга; чтобы тѣла ихъ не пропали даромъ, я съѣла ихъ, но все еще не сыта. Я чувствую здѣсь присутствіе человѣка; скажи мнѣ, бѣлолицая, кого ты заманила сюда, выдай его мнѣ скорѣе!“ На эти слова Эрь Соготохъ выскочилъ изъ своей засады, но старуха страшными когтями впилась въ него, клювомъ своимъ разорвала ему горло и высасывала изъ него горячую кровь. Эрь Соготохъ едва успѣлъ вырваться отъ нея; борьба продолжалась три дня и старуха была убита. Эрь Соготохъ взялъ свою сестру и поѣхалъ обратно; по дорогѣ онъ заѣхалъ къ Ажы Бужу, которому и отдалъ свою сестру. Продолжая свой путь, онъ замѣтилъ надъ своей головой особое облако, на которомъ сидѣла шаманка Айталы и пѣла: „Ты, Эрь Соготохъ, когда-то оскорбилъ меня, насильно ворвавшись въ мой домъ; за это я проклинаю тебя, и ты долженъ полетѣть внизъ головой въ подземный міръ, прямо въ ротъ демонской старухи Жесинкяй (Красная мѣдь), духа, живущаго въ кровяномъ морѣ“. Какъ только она это пропѣла, Эрь Соготохъ упалъ съ коня и полетѣлъ въ пропасть. Очнувшись, Эрь Соготохъ увидалъ себя лежащимъ въ мрачной странѣ, у порога желѣзной юрты. Въ юртѣ было пусто, лишь стояла постель, а надъ нею висѣлъ лошадиный черепъ; онъ сбросилъ его на полъ, и изъ него выскочило маленькое, очень странное животное, котораго онъ до того времени не видывалъ. Это животное хотѣло ускользнуть отъ Соготоха, но послѣдній поймалъ его и, тиская его въ своихъ рукахъ, требовалъ отъ него отвѣта, куда ушла старуха Жесинкяй, а также, въ чемъ заключается ея волшебная сила; получивъ отвѣтъ, что старуха ушла на промыселъ, что вся ея волшебная сила зависитъ отъ особаго мячика, который хранится у ея дочери Тимирь Кыскыйданъ, живущей за кровянымъ моремъ, онъ выпустилъ изъ рукъ это скверное животное, и снова повѣсивъ черепъ на старое мѣсто отправился искать старуху. Черезъ море былъ перекинутъ желѣзный мостъ, и Эрь Соготохъ, обратившись въ старуху Жесинкяй, побѣжалъ по мосту и, достигнувъ жилища Тимирь Кыскыйдан'ы, запѣлъ голосомъ старухи: „Насталъ день моей кончины, меня побѣждаетъ богатырь Эрь Соготохъ, выбрось поскорѣе мячъ мой!“ Тимирь Кыскыйданъ бросила ему мячъ, а Эрь Соготохъ убилъ имъ Тимирь Кыскыйданъ. Затѣмъ Эрь Соготохъ отправился къ Жесинкяй, съ которой вступилъ въ смертельную борьбу и полагая, что мячемъ можетъ убить старуху, бросилъ въ нее, но ошибся, такъ какъ мячъ былъ орудіемъ старухи противъ другихъ: мячъ отскочилъ отъ старухи, не причинивъ ей вреда, и она, поднявъ его, бросила имъ въ Эрь Соготоха, и послѣдній умеръ. Старуха съѣла тѣло

Эрь Соготоха, и только случайно лѣвый глазъ его закатился подъ постель старухи. Въ юрту явилась неожиданно шаманка Айталы, которая стрѣлою поразила старуху на смерть, затѣмъ стала собирать кости Эрь Соготоха, но выполнить это было трудно, такъ какъ старуха изгрызла большинство ихъ. Не зная, что дѣлать, Айталы созвала своихъ помощниковъ; ее окружили восемь скелетовъ давно умершихъ шамановъ. Она запѣла имъ: „Слушайте, я должна была выдти замужъ за Эрь Соготоха. Я сама вызвала его на оскорбленіе и затѣмъ сама-же въ отмщеніе за то бросила его сюда къ демонской старухѣ Жесинкяй, которая съѣла его и даже не оставила костей. Я жалѣю объ этомъ, помогите, чѣмъ можете, моему женскому горю!“ Скелеты достали изъ подъ постели глазъ Соготоха, который былъ еще живъ, и соединенными силами стали шаманить надъ нимъ и оживили его всего. Эрь Соготохъ женился на шаманкѣ Айталы и возвратился съ нею къ себѣ домой, но онъ не любилъ своей жены: въ сердцѣ его не умиралъ образъ поразившей его своею красотой Ытыкъ Нуралы. Какъ-то разъ онъ рѣшился поѣхать отыскивать ее и нашелъ, но очень больной: отъ тоски и печали, что не видитъ Эрь Соготоха, она готова была умереть, но увидавъ его опять около себя, она ожила, сила и красота ея снова возвратились къ ней; Эрь Соготохъ женился на ней и возвратился домой; его первая жена была уже старухой, а потому Эрь Соготохъ, не обращая на нее никакого вниманія, жилъ въ любви только съ молодой своей Ытыкъ Нуралы.

Хара Кырчытъ (Черный ястребъ).

Въ глубокую древность на среднемъ мірѣ жилъ богатырь Хара Кырчытъ, у него была красавица сестра по имени Кыртасъ Ючюгяй (блестящая красавица). У нихъ было несмѣтное количество скота. Разъ Хара Кырчытъ пошелъ поить скотъ и увидалъ, что жеребецъ загонялъ неизвѣстную ему кобылу, съ западной стороны, масти чалой съ бѣлыми пятнами. Кобыла оказалась жеребою и въ послѣднемъ періодѣ, и онъ заперъ ее въ загонъ. На другой день утромъ кобылы въ загонѣ не оказалось, а на серединѣ лежала какая-то черная масса; когда Хара Кырчытъ изъ любопытства разрубилъ ее, то изъ мѣшка вышло что-то необычайное: передняя часть тѣла была похожа на человѣка, а задняя — на жеребенка, а весь онъ былъ желѣзный. Хара Кырчытъ пропѣлъ ему свои вопросы, спрашивая, какъ его зовутъ, но отвѣта не получалъ. Хара Кырчытъ бросилъ его въ рѣку, навязавъ ему на шею огромный камень, но найдя это чудовище на другой день посреди двора, онъ выкопалъ громадную яму и, разведя въ ней огонь, бросилъ туда чудовище, и оно на глазахъ его сгорѣло. Успокоившись, Хара Кырчытъ отправился домой и легъ спать. Проснувшись на другой день, онъ не нашелъ своей сестры и, убѣжденный, что сестру похитило это чудовище, онъ осѣдлалъ своего чуднаго воронаго коня и поѣхалъ на западъ. Долго онъ ѣхалъ, пока достигъ желѣзной юрты; онъ постучался, и къ нему вышла дочь демона, объ одной ногѣ, одной рукѣ и съ однимъ глазомъ во лбу. Увидавъ Хара Кырчыт'а, она запѣла: „Давно я искала молодца на землѣ, который пригоденъ былъ бы мнѣ въ мужья; всѣ поиски мои до сихъ поръ были напрасны; теперь я вижу, что мой деревянный богъ послалъ мнѣ его. Я знаю, ты—богатырь Хара Кырчытъ, пріѣхалъ жениться на мнѣ. Меня зовутъ Хатынъ Часкый (звонко кричащая), ты заплатишь брату моему въ калымъ 18 кобылъ“. Хара Кырчытъ, разсудивъ, что если онъ откажется отъ женитьбы, то они съ братомъ съѣдятъ его, пригналъ 18 кобылъ и увезъ волшебницу домой. Живя съ ней, онъ пошелъ разъ къ озеру, гдѣ поилъ свой скотъ, и увидалъ женщину необыкновенной красоты, выходящую изъ воды. Она ему запѣла: „Я дочь восточнаго Сото-Тоёна, — Хачыланъ Ко, у меня три брата, старшій изъ нихъ Юрюнь Уоланъ приказалъ демонскому богатырю Біе уола Балханъ привезти къ нему твою сестру и женился на ней, но взамѣнъ послалъ къ тебѣ меня; но у тебя уже есть жена, дочь демона: ты изведи ее (со свѣту), и тогда я выду къ тебѣ!“ Сколько ни просилъ Хара Кырчытъ, чтобы красавица снова вышла къ нему изъ воды, она не выходила, го-

воря, что боится его жены. Когда уже поздно вечеромъ онъ вернулся домой, то жена спросила его, гдѣ онъ такъ долго былъ, и онъ отвѣтилъ, что проходилъ, искавши потерявшуюся кобылу. Демоны такъ щедро одарили Хатынъ Часкый даромъ прозорливости, что она уже знала о происшедшемъ на озерѣ, и въ отмщеніе, когда онъ заснулъ, дунула ему въ лицо, отчего онъ потерялъ самочувствіе. Пользуясь этимъ, демонка отъѣла у него одну ногу, приставила ее къ своему туловищу, отняла у него руку, тоже приставила къ своему тѣлу, вынула у него глазъ и приставила къ себѣ, а затѣмъ, содравъ съ лица мужа кожу, надѣла на свое лицо, одѣлась въ платье мужа и направилась къ извѣстному намъ озеру. Подойдя къ нему, она запѣла голосомъ мужа: „Выходи теперь, моя вѣчная подруга, я убилъ Хатынъ Часкый!" Услыхавъ это, Хачыланъ Ко всплыла на поверхность воды, но какъ только она показалась, демонка бросила въ нее копьемъ, но, къ счастію, нанесла рану несмертельную, и Хачыланъ Ко, обратившись въ жаворонка, улетѣла на востокъ. Хатынъ Часкый, возвратившись домой, снова приставила къ мужу части его тѣла. На утро, проснувшись рано, Хара Кырчыть, не закусивши, сверхъ обыкновенія, отправился на озеро, которое было окрашено кровью; догадавшись, въ чемъ дѣло, онъ, не заходя домой, отправился прямо на востокъ. По дорогѣ встрѣтился ему демонскій богатырь, съ которымъ разговорившись, узналъ, что богатырь этотъ ѣдетъ гонцемъ отъ Сого-Тоёна къ Хара Кырчыть, съ извѣстіемъ, что назначенная ему въ жены, Хачыланъ Ко умираетъ отъ нанесенной ей раны демонкой Хатынъ Часкый, и спрашивалъ, далеко-ли живетъ Хара-Кырчыть? Хара-Кырчыть отвѣтилъ, что проѣхать надо столько-же пути, сколько осталось назади. Хара-Кырчыть помчался на востокъ еще быстрѣе и пріѣхавъ, засталъ свою невѣсту едва живой. Обращаясь къ небу, онъ запѣлъ: „Отецъ мой, сидящій на бѣломъ камнѣ, Аи-Тоёнъ, слушай меня своими чуткими ушами! Пусть моя пѣсня раздастся въ ушахъ твоихъ, подобныхъ двумъ лунамъ, какъ ржаніе молодаго жеребца! Умираетъ обѣщанная мнѣ въ жены, съ которой я долженъ жить вѣчно! Прошу тебя, пошли своихъ шаманокъ исцѣлить ее!" Не успѣлъ онъ это пропѣть, какъ съ восточной стороны подулъ теплый пріятный вѣтеръ, пошелъ крупными каплями дождь, грянулъ громъ и блеснула молнія. Какъ шкура бѣлой лошади повисло на небѣ бѣлое облако, изъ котораго въ полномъ шаманскомъ облаченіи спустились три шаманки и, летая надъ больною, шаманили цѣлыхъ три дня, въ концѣ которыхъ больная выздоровѣла, и шаманки снова улетѣли въ небесныя жилища. Сого-Тоёнъ приготовилъ великолѣпный пиръ, на который съѣхались со всѣхъ сторонъ богатыри и масса народу. На этомъ пиру своей ловкостію отличался Хара-Кырчыть. Сого-Тоёнъ, желая женить своего младшаго сына на Ю т ь-У я н т а й, (Нѣжная какъ молоко), дочери Х о т о й Т о ё н а (Орёлъ), просилъ Хара-Кырчыт'а устроить этотъ бракъ. Хара-Кырчыть съ удовольствіемъ согласился и немедленно отправился къ Хотой-Тоён'у. Пріѣхавъ къ послѣднему, онъ увидалъ необыкновенное собраніе гостей и узналъ, что небесный богатырь Б ё к я с т я й спустился съ неба, чтобъ жениться на прекрасной Ють-Уянтай; въ свитѣ Бёкястяй было 90 демонскихъ богатырей, но Хара Кырчыть вступилъ съ ними въ бой и всѣхъ ихъ перебилъ. Увидѣвъ погибель своихъ воиновъ, Бёкястяй бѣжалъ, а Хара-Кырчыть, воспользовавшись этимъ, увезъ красавицу въ домъ своего тестя, гдѣ послѣдовала богатая свадьба. Хара-Кырчыть вернулся съ своей молодой женой къ себѣ въ домъ, гдѣ засталъ того гонца, котораго онъ встрѣтилъ въ свой первый путь къ своему тестю. Этотъ гонецъ во все время своего пребыванія исполнялъ всѣ хозяйственныя работы. За него Хара Кырчыть отдалъ въ замужество свою одноногую жену, и они сдѣлались его рабами. Отъ втораго брака Хара Кырчыть произошло многочисленное потомство, родоначальники нынѣшнихъ Якутовъ.

Чарчаханъ.

Жилъ-былъ Ч а р ч а х а н ъ, и у него было двѣ дочери: О т ъ А т а г ъ (Травяная ножка) и К ы л ъ К ё м я й (Волосяное горло), да два сына: С я б и р д я х ъ Т ё с ь (Листовая грудь) и Х а б а х ъ Б а с ъ (Пузырь-голова). Приходитъ зима, а ѣсть

нечего: всего скота у нихъ былъ одинъ огромный быкъ. Вотъ Чарчаханъ убилъ быка, послалъ за водой дочь Отъ Атагъ, которая, вычерпнувъ воды, поставила ведра на ледъ, а ведра-то и примерзли. Она ихъ толкнула ногой,—нога переломилась, толкнула другой,—другая переломилась; затѣмъ она переломила обѣ руки и тутъ-же умерла. Между тѣмъ Чарчаханъ распласталъ быка, а дочь Кылъ Кёмяй взяла кусокъ жира и хотѣла его на вертелѣ изжарить; у ней проситъ братъ ея Хабахъ Басъ, она его ударила вертеломъ по головѣ, да такъ сильно, что проломила ему голову, и онъ умеръ. Кылъ Кёмяй, изжаривъ жиръ, хотѣла проглотить сразу, но обожгла горло и также умерла. Сынъ Сябирдяхъ Тёсь сталъ подымать стегно быка, но, не осиливъ, опрокинулъ его себѣ на грудь и умеръ. Видя такое несчастіе, Чарчаханъ пошелъ къ сосѣду Агамъ Огусъ, сталъ его звать помочь ѣсть быка. Пришелъ Агамъ Огусъ, съѣлъ быка и всѣхъ умершихъ дѣтей и сталъ гоняться за самимъ Чарчаханомъ вокругъ камелька, чтобы съѣсть и его; на бѣду у Чарчахана развязались завязки у торбасовъ, отчего, запнувшись, упалъ, а Агамъ Огусъ, ухвативъ Чарчахана, положилъ въ свой карманъ и пошелъ домой. Дома онъ его положилъ на полку, а самъ пошелъ къ кузнецу наточить ножъ, которымъ хотѣлъ рѣзать Чарчахана. Когда Агамъ Огусъ ушелъ, Чарчаханъ повелъ къ дѣтямъ его такую рѣчь: „Какъ я вижу — у васъ нѣтъ ложекъ хлебать супъ и жиръ изъ моего тѣла; я-бы вамъ каждому сдѣлалъ по ложкѣ, если вы меня снимите съ полки". Дѣти послушались его и спустили. Тогда Чарчаханъ сказалъ дѣтямъ: „Сядьте рядомъ да вытяните шеи, и я посмотрю, который изъ васъ лучше, у кого ротъ пошире: тому я дамъ первую и большую ложку". Дѣти вытянули шеи, а онъ всѣмъ имъ перерѣзалъ горла. Тѣла ихъ Чарчаханъ сварилъ, поставилъ на столъ, а головы спряталъ подъ одѣяло такъ, что они казались спящими, а самъ прорылъ ходъ подъ стѣной юрты на дворъ. Пришелъ Агамъ Огусъ и, увидавъ свареное мясо, а дѣтей своихъ спящими, сказалъ: „Вотъ молодцы дѣти, безъ меня успѣли убить Чарчахана, а сами, навѣрное, наѣвшись, спятъ и мнѣ оставили не малую долю". Онъ отрѣзалъ кусокъ мяса, съѣлъ и сказалъ: „Меня передернуло, какъ будто Чарчаханъ былъ близкимъ родственникомъ". Отрѣзавъ кусокъ сердца, сказалъ: „Мое сердце повернулось; неужели Чарчаханъ былъ мнѣ сердечнымъ другомъ?!" Потомъ онъ сдернулъ одѣяло, подъ которымъ были положены головы его дѣтей: головы покатились на полъ, а онъ, съ испугу, растопталъ ихъ. Тогда онъ сталъ искать Чарчахана и, не нашедши его нигдѣ, крикнулъ: „Чарчаханъ, гдѣ ты?" Тотъ откликнулся на дворѣ: „Опъ!" (ау). Онъ вышелъ на дворъ и опять крикнулъ: „Чарчаханъ, гдѣ ты?" Чарчаханъ откликнулся въ хотокѣ: „Опъ". Такъ Чарчаханъ долго мучилъ Агамъ Огуса. Наконецъ послѣднему удалось найти ходъ Чарчахана, чрезъ который онъ въ одно и тоже время бывалъ въ хотокѣ и на дворѣ, и полѣзъ въ этотъ корридоръ передомъ, но никакъ не могъ проползти. Видя это, Чарчаханъ ему говоритъ: „Полѣзай задомъ!" Агамъ Огусъ послушался и полѣзъ задомъ, а Чарчаханъ въ это время убилъ его. Послѣ этого Чарчаханъ жилъ уже счастливо и спокойно.

Чичагъ и Агамъ Огусъ.

Жили вмѣстѣ Чичагъ (Птичка), которая была прежде большой птицей, и Агамъ Огусъ. Въ одно время Чичагу захотѣлось пить, вотъ онъ и говоритъ Огусу:

Ч. — Я пить хочу.

А. О. — Ступай на озеро и напейся.

Ч. — Я тамъ упаду въ воду и утону.

А. О. — Держись за травку.

Ч. — Трава оборвется.

А. О. — Подержись за лѣсинку.

Ч. — Я руки намозолю.

А. О.— Надѣнь рукавицы.

Ч. — А какъ у меня рукавицы вымокнутъ?

А. О. — Высуши ихъ на солнцѣ.
Ч. — Они у меня будутъ жестки.
А. О. — Ты ихъ потомъ вымни.
Ч. — У меня они поломаются.
А. О. — Ты ихъ починишь.
Ч. — У меня иголка сломится.
А. О. — Ты иголку поточи на брускѣ.
Ч. — У меня весь брусокъ изотрется.

Видя, что разговору этому не будетъ конца, Агамъ Огусъ поймалъ Чичага и сталъ жарить его на вертелѣ. Вотъ Чичагъ говоритъ: „Агамъ Огусъ, у меня одна сторона уже изжарилась". Агамъ Огусъ повернулъ его на другую сторону. По прошествіи нѣкотораго времени Чичагъ говоритъ: „Я весь изжарился". Агамъ Огусъ взялъ съ огня Чичага и съѣлъ. Чичагъ ему изъ желудка кричитъ: „Агамъ Огусъ, отчего стало темно?" — „Оттого, что ты въ моемъ брюхѣ". По прошествіи нѣкотораго времени Чичагъ уже кричалъ: „Агамъ Огусъ, отчего стало опять свѣтло?" Тутъ Агамъ Огусъ уже не вытерпѣлъ, взялъ лукъ и стрѣлу, выстрѣлилъ въ Чичага, такъ что тотъ разлетѣлся на мелкія части. Вотъ эти-то куски и сдѣлались мелкими птичками, какими мы ихъ теперь видимъ.

Кыланнахъ Кысъ бухатырь (Отборная дѣва богатырь).

Въ давнее время, очень давнее, въ среднемъ мірѣ, жила была Кыланнахъ Кысъ бухатыръ; у ней была младшая сестра Тысы Кырыносъ (Самка горностая). Кысъ бухатыръ отличалась необыкновенной красотой, силой и ростомъ. Она не могла найти себѣ противника на поединкахъ между богатырями, живущими на землѣ, подъ землей и на небѣ; всѣхъ ихъ она побѣждала. У нея было несмѣтное количество скота рогатаго и коннаго. Однако она была очень добра, гостепріимна и слыла матерью сиротъ, покровительницею несчастныхъ. Но при всѣхъ ея достоинствахъ никто не хотѣлъ быть ея мужемъ. У ней былъ любимый конь, иноходецъ, масти соловой, на которомъ она обыкновенно ѣздила. Въ одно утро она, позавтракавъ жирной кониной и запивъ кумысомъ, поѣхала смотрѣть скотъ, который она пригнала къ незамерзающему никогда озеру. На этотъ разъ озеро было покрыто льдомъ и на льду она увидала желѣзнаго человѣка, который ловилъ рыбу. Увидѣвъ ее, онъ улыбнулся своимъ безобразнымъ ртомъ и запѣлъ: „Моей золотой пташкѣ, серебряному жаворонку, отъ меня 90 поклоновъ. Для тебя, моя милая, ѣхалъ я 30 лѣтъ съ запада, гдѣ кончается земля. Меня зовутъ Оройко Дохсунъ (Дерзкій шалунъ). Посмотри на меня, молодца, чѣмъ я тебѣ не мужъ! Чтобы не напугать тебя своимъ обжорствомъ, вотъ я наловилъ себѣ рыбы". Услыхавъ это, Кысъ бухатыръ ударила его своей огненной нагайкой, но демонъ успѣлъ во время отскочить, и ударъ пришелся по льду, отчего весь ледъ раскололся пополамъ. Затѣмъ она схватила его за волосы и, пригнувъ къ низу, стала бить. Тогда демонъ запѣлъ: „Послушай своими чуткими ушами мою мольбу, не убивай меня, тебѣ отъ этого пользы не будетъ, а если ты оставишь меня въ живыхъ, я буду вѣчно твоимъ рабомъ". Услыхавъ это, она его бросила. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ей служить усердно, вставалъ рано, ложился поздно. Въ одно очень раннее утро Оройко Ботуръ разбудилъ свою хозяйку и, со слезами на глазахъ, запѣлъ: „Встань, пробудись, моя госпожа, дѣлай со мной, что хочешь! Мои зоркіе глаза ослѣпли, мои чуткія уши оглохли. Случилось большое несчастіе: твой любимый конь пропалъ безъ вѣсти, его укралъ неизвѣстный воръ!" Услыхавъ это, Кысъ бухатыръ встала и, ничего не ѣвши, отправилась къ священному дереву, которое росло на срединѣ ея прекраснаго владѣнія. Постучавши въ него, она запѣла: „Услышь меня, мать моя, богиня средняго міра, услышь мою пѣсню: въ эту ночь меня изобидѣлъ сильный, могучій богатырь Улу Дарынъ: онъ укралъ мою любимую лошадь, соловаго иноходца. Я знаю, что онъ укралъ, ибо нѣтъ сильнѣе богатыря, который посмѣлъ-бы меня обидѣть". Дерево заскрыпѣло, раскололось сверху до

низу, и изъ дупла показалась женщина съ сѣдыми волосами; тѣло у нея было бѣлое, какъ снѣгъ. Она, увидѣвъ Кыланнахъ Кысъ, запѣла: „Я считала тебя гораздо умнѣе, но ты оказалась дурой. Если поѣдешь за своимъ конемъ, то никогда не воротишься, ибо сильнѣе Улу Дарына богатыря нѣтъ. Онъ убилъ 99 богатырей, и въ твоемъ конѣ не нуждается, укралъ его, чтобы заманить тебя къ себѣ. Если тебѣ нуженъ конь твой, то ты найдешь его, идя отсюда прямо на югъ; на высотѣ хребтовъ увидишь самку сохатаго, у нея въ утробѣ и сидитъ твой конь богатырскій. Эту самку стерегутъ сильный-могучій богатырь Улу (великій) и трехглавый орелъ". Проговоривъ это, старуха исчезла, и дерево закрылось. Кыланнахъ Кысъ превратилась въ сокола и, поднявшись высоко, до облаковъ, запѣла: „Слушай мой вѣрный рабъ, Оройко Дохсунъ! Я иду за своимъ потеряннымъ конемъ: пока не найду, не возвращусь. Ты служи вѣрно, блюди, чтобы богатство мое не уменьшалось и край мой блисталъ чистотою, какъ при мнѣ. За то получишь отъ меня свободу, а если умру, то все мое богатство завѣщаю тебѣ. Сказавъ, скрылась изъ глазъ Оройко Дохсуна. Когда она прилетѣла на хребетъ, гдѣ паслась самка сохатаго, ее увидалъ Улу богатырь, который запѣлъ, „Здравствуй, Кыланнахъ Кысъ богатырь! Вотъ я тебя жду 30 лѣтъ. Я сильный, могучій, небесный богатырь Улу; когда я былъ молодъ, не послушался старшихъ себя, и меня отправили караулить самку сохатаго, въ утробѣ которой заключенъ твой конь богатырскій. Теперь насталъ день моей свободы". Услыхавъ это, Кыланнахъ Кысъ, не долго думая, распорола брюхо самки, и изъ нея выбѣжалъ конь бѣлой масти съ двумя серебряными крыльями. Она поймала его за серебряный поводокъ, но конь бился и лишь на третій день присмирѣлъ. Трехглавый орелъ запѣлъ: „Я не дамъ тебѣ коня, онъ порученъ мнѣ, тѣмъ болѣе, что ты не принесла мнѣ никакого гостинца. Кыланнахъ Кысъ упрашивала его и предоставила ему, когда онъ захочетъ, питаться ея телятами и жеребятами. Орелъ остался этимъ совершенно доволенъ, и она сѣла на своего добраго коня, котораго ударила своимъ огненнымъ кнутомъ; конь осерчалъ, поднялся надъ землей и быстро полетѣлъ прямо на западъ. На пути она замѣтила ворона, который запѣлъ ей: „Вотъ ѣздила знаменитая Кыланнахъ Кысъ богатырь за лошадкой, которая такой богатой ничего не стоитъ. Ужо, погоди, за свою скупость ты поплатишься жизнію: тебя живую не отпуститъ мой братъ, Улу Дарынъ, и мнѣ достанется капля крови твоей и кусокъ твоего мяса". Услыхавъ такую дерзость, Кыланнахъ Кысъ натянула лукъ и убила наповалъ ворона въ лётъ, послѣ чего запѣла: „Вотъ дивныя мѣста: вороны-пѣвцы, собаки-говоруны; бѣги скорѣе, мой вѣрный конь, къ жилищу разбойника Улу Дарына". Скоро послѣ этого она подъѣхала къ желѣзному дому, который поворачивался противъ солнца. Когда Кыланнахъ Кысъ постучалась, изъ него вышелъ очень страшный демонскій богатырь: онъ былъ съ однимъ глазомъ на лбу, съ одной рукой на серединѣ груди и съ одной ногой, ступня которой была выворочена назадъ. Онъ, увидавъ ее, запѣлъ: „Здравствуй, Кыланнахъ Кысъ богатырь! Правда, ты всемогущая богатырша, пріѣхала къ моему жилищу, не страшась моей великой силы; твою лошадь добровольно я тебѣ не отдамъ". Между ними завязалась борьба, только на девятый день демонскій богатырь повалилъ Кыланнахъ Кысъ и распоролъ ей брюхо. Она запѣла: „Ты, быть можетъ, думаешь, что я устрашусь смерти и буду просить у тебя прощенія? Нѣтъ, никогда языкъ мой не повернется съ мольбой не только къ тебѣ, но даже къ родному брату. Услышь мой вѣрный рабъ, Оройко Дохсунъ! Меня хочетъ убить мой врагъ Улу Дарынъ, и мой смертный часъ приближается". Сдѣлался страшный шумъ, и съ востока, возсѣдая на черной тучѣ, прилетѣлъ бѣлоголовый черный воронъ, и это былъ ея вѣрный рабъ. Онъ, не говоря ни слова, напалъ на Улу Дарына, а Кыланнахъ Кысъ помогала ему, и только чрезъ 9 дней соединенной силой повалили они демонскаго богатыря, но убить его не были въ состояніи, такъ оба были обезсилены! Тогда Кыланнахъ Кысъ запѣла: „Слушай мой вѣрный рабъ, Оройко Дохсунъ! Полети на небо, къ моему отцу Юрюнь Аи (Бѣлый господинъ). Разскажи ему про мое положеніе и проси его послать свою смертоносную стрѣлу на Улу Дарына". Оройко Дохсунъ немедленно полетѣлъ на небеса. Спустя нѣкоторое время, съ четырехъ сторонъ неба грянулъ громъ, небо покрылось тучами, пошелъ дождь, отверзлись небеса, и двѣ шаманки,

въ полныхъ шаманскихъ облаченіяхъ, стали спускаться на землю, а выше показался всадникъ, одѣтый въ серебряную одежду, верхомъ на бѣломъ конѣ. Онъ держалъ въ рукахъ длинную бѣлую стрѣлу и пѣлъ: „Сколько я тебя, дѣвка, предупреждалъ, чтобы ты не вязалась съ демонами. Теперь я помогу тебѣ, но въ послѣдній разъ. А для тебя, Улу Дарынъ, насталъ послѣдній часъ, ибо ты убилъ 99 славныхъ богатырей". Съ этими словами онъ бросилъ стрѣлу, которая поразила демона. Затѣмъ шаманки, пошаманивъ, вылѣчили рану у Кыланнахъ Кысъ богатырь. Послѣ этого Кыланнахъ Кысъ сожгла трупъ демона и стала собираться въ путь, но не найдя своего коня, отправилась искать его прямо на востокъ. На пути она замѣтила, что изъ подъ пня курился огонёкъ; она постучала, и изъ подъ пенька вышелъ старичекъ ростомъ въ палецъ: изъ хребта одной бѣлки была доха его, изъ заднихъ—лапъ торбаса, изъ переднихъ—лапъ рукавицы, а изъ головки — шапка, съ палкой въ рукахъ. Она ему запѣла: „Слушай своими чуткими ушами, всезнающій старикъ Сяркянь Сясянь, я вора, укравшаго мою любимую лошадь, убила, но коня не могла возвратить себѣ, и пріѣхала къ тебѣ: пособи мнѣ найти мою лошадь; вотъ и гостинцы, что я привезла тебѣ!" Съ этими словами она вырвала изъ хвоста лошади 9 волосъ, которые превратились въ 90 лошадей. Сяркянь Сясянь всѣхъ убилъ и свалилъ подъ пень, послѣ чего запѣлъ: „Я знаю, гдѣ твоя лошадь: отсюда на сѣверъ на островѣ огненнаго моря живетъ братъ Улу Дарына, Улу Тумайныкы (Великій туманъ). У него твоя лошадь". Послѣ этого старикъ пошелъ впередъ, а за нимъ, едва поспѣвая, поѣхала Кыланнахъ Кысъ. Они пріѣхали къ огненному морю. Старикъ потушилъ огонь и пошелъ, какъ по сушѣ, а Кыланнахъ Кысъ вплавь. Когда достигли острова, который состоялъ изъ большой ледяной скалы, старикъ приказалъ живущему тамъ Улу Туманыкы отдать лошадь или выйти въ бой противъ Кыланнахъ Кысъ богатырь. Тогда изъ расщелины скалы высунулся до плечъ одноглазый демонскій богатырь, который, съ кровяными слезами на глазахъ, запѣлъ, что онъ не рѣшается вступить въ борьбу съ такой знаменитой богатыршей, которая убила его старшаго брата, что лошадь дѣйствительно у него, но стоитъ на западѣ за желѣзной изгородью. По данному указанію, они нашли коня, и, при прощаніи, Сяркянь Сясянь благословилъ ее, пожелавъ всего лучшаго. Кыланнахъ Кысъ богатырь пріѣхала домой и, найдя все въ отличномъ порядкѣ, осталась очень довольна своимъ рабомъ. Спустя немного времени, когда Кыланнахъ Кысъ богатырь была на дворѣ, съ востока прилетѣлъ огромный орелъ, который, спустившись предъ нею, превратился въ золотаго человѣка и запѣлъ: „Я небесный, сильный, могучій богатырь Ексёкюляхь Далантай, прилетѣлъ жениться на тебѣ или на твоей сестрѣ. Выбирай любое, либо выходи за меня сама, или дай мнѣ свою сестру". Услыхавъ это, Кыланнахъ Кысъ богатырь очень разсердилась и вступила съ нимъ въ борьбу, но богатырь былъ силенъ, и только къ концу 3-го мѣсяца она повалила его. Тогда онъ взмолился ей: „Не убивай меня, Кыланнахъ Кысъ, я тебѣ ничего не сдѣлалъ худаго. Я думаю, что сватовство не есть оскорбленіе, за которое надо платить убійствомъ; за жизнь, дарованную мнѣ, я послѣ заслужу". Услыхавъ это, Кыланнахъ Кысъ бросила его, а сама пошла домой. Такъ какъ она была сильно утомлена, то, ничего не ѣвши, повалилась спать, а когда проснулась, то оказалось, что съ нею спалъ прекрасный молодой человѣкъ, огромнаго роста, за котораго она охотно пошла замужъ: это-то и былъ ея бывшій рабъ.

Сообщилъ *В. Л. Приклонскій.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Н. М. Лопатинъ и **В. П. Прокунинъ**. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. Опытъ систематическаго свода лирическихъ пѣсенъ, съ объясненіемъ варіантовъ со стороны бытоваго и художественнаго ихъ содержанія Н. М. Лопатина, съ положеніемъ пѣсенъ для голоса и фортепьяно В. П. Прокунина и съ приложеніемъ полной разстановки словъ нѣкоторыхъ варіантовъ по ихъ напѣву. Москва, 1889. Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5. Въ двухъ частяхъ 8°. Часть первая: VIII + VIII + 270; часть вторая, выпускъ первый: VIII + VI + 42 + 8. Цѣна первой части и перваго выпуска второй части съ приложеніемъ — 2 р. 50 коп.

Русскій народный напѣвъ и тайна его національнаго колорита, словно заколдованный кладъ въ сказкѣ, долго не давались и все еще не вполнѣ дались собирателямъ нашей народной музыки. Уже болѣе столѣтія минуло съ выхода въ свѣтъ первыхъ сборниковъ русскихъ напѣвовъ; наша литература насчитываетъ ихъ съ тѣхъ поръ цѣлыми десятками, и все еще у насъ нѣтъ ни одного, который можно было бы назвать образцовымъ, классическимъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и найдутся превосходные въ томъ или другомъ смыслѣ. Зависитъ это, разумѣется, не только отъ сравнительной новизны самого дѣла и невыработанности его основныхъ понятій, но и отъ коренныхъ, природныхъ свойствъ самой русской пѣсни, прихотливой, привольной и зачастую разливающейся въ такихъ же неуловимыхъ переливахъ, какъ неопредѣленны контуры однообразнаго пейзажа, среди котораго она родилась и выросла. Какъ бы то ни было, сдѣлано въ этомъ направленіи, особенно за послѣднія лѣтъ тридцать, все таки много, и мы, по справедливости гордые своимъ роднымъ напѣвомъ, не безъ гордости также можемъ сказать, что больше сдѣлали для его сохраненія, чѣмъ сдѣлалъ для своей пѣсни любой изъ европейскихъ народовъ, много раньше насъ начавшихъ жить сознательной духовной жизнью.

„Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ“ гг. Лопатина и Прокунина, вышедшій въ прошломъ году, ясно свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, достигнутыхъ собирателями и изслѣдователями нашей народной музыки за послѣднее время.

Этотъ первый у насъ опытъ систематическаго свода, покуда только лирическихъ пѣсенъ, однимъ своимъ появленіемъ указываетъ на значительное накопленіе матеріала, подвергшагося уже извѣстной разработкѣ. Еще недавно наши сборники народныхъ напѣвовъ, дѣйствительно представлявшіе собой самостоятельные труды (въ этой литературѣ не мало найдется самыхъ нехитрыхъ компиляцій) давали обыкновенно одинъ сырой матеріалъ, собранный и въ различной мѣрѣ обработанный ихъ составителями преимущественно единолично и собственноручно. Таковы сборники Балакирева, Т. И. Филиппова, — Р. Корсакова, Мельгунова, первый сборникъ Прокунина, Пальчикова [1]) и т. д. не говоря уже о болѣе раннихъ трудахъ этого рода.

[1]) Сборникъ самого г. Римскаго Корсакова, несмотря на свои выдающіяся музыкально-художественныя достоинства, не вполнѣ подходитъ сюда, какъ представляющій главнымъ

Въ настоящемъ сборникѣ, рядомъ съ матеріаломъ, записаннымъ самими составителями, встрѣчаемъ и варіанты изъ прочихъ сборниковъ, дополняющіе и освѣщающіе его. Такимъ образомъ трудъ гг. Лопатина и Прокунина является если не первой попыткой критическаго изслѣдованія нашихъ народныхъ напѣвовъ, то во всякомъ случаѣ первымъ шагомъ къ подобному изслѣдованію. Сравнительное изученіе напѣва здѣсь идетъ рядомъ со сравнительнымъ изученіемъ пѣсенныхъ текстовъ, хотя и не pari passu, ибо текстамъ отведено гораздо болѣе мѣста, чѣмъ музыкѣ.

Сборникъ т. о. распадается на двѣ части: литературную и музыкальную. Въ первой, принадлежащей г. Л., мы находимъ небольшое предисловіе (стр. 1—VII), гдѣ авторъ разъясняетъ принципы и взгляды, положенные имъ въ основаніе его труда, и перечисляетъ источники (сборники и лица-собиратели пѣсенъ), которыми онъ пользовался при его составленіи. Затѣмъ слѣдуетъ вступленіе (стр. 1—48), заключающее въ себѣ общую характеристику народнаго пѣнія и лирической пѣсни въ частности, а также критическую оцѣнку главныхъ изъ существующихъ сборниковъ народныхъ напѣвовъ („о русской народной лирической пѣснѣ вообще.—Варіаціи и варіанты.—О записываніи народныхъ русскихъ пѣсенъ и объ изданіи сборниковъ ихъ. — Современное состояніе пѣсни въ народѣ и въ русскомъ обществѣ. — Обзоръ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ“) и наконецъ самое изслѣдованіе текстовъ (стр. 49—268). Это послѣднее распадается на слѣдующіе пять отдѣловъ: I. Обще-лирическія мужскія пѣсни. II. Разбойничьи и тюремныя пѣсни. III. Женскія пѣсни. IV. Старинныя рекрутскія пѣсни. V. Солдатскія пѣсни. Еще въ предисловіи авторъ оговаривается, что не имѣлъ намѣренія давать „анатомическое“ изслѣдованіе музыкальнаго строя пѣсенъ и стихотворнаго склада пѣсенной рѣчи, считая его возможнымъ только для музыканта-теоретика или филолога. Мы не находимъ здѣсь также и строго научнаго сравнительно-литературнаго изслѣдованія текстовыхъ мотивовъ нашей лирической пѣсни; авторъ, задавшійся цѣлью только „привести въ порядокъ варіанты и сгруппировать ихъ въ извѣстную систему“ (Предисл. стр. II), ограничивается одной бытовой и художественной критикой этихъ варіантовъ, что, впрочемъ, и не можетъ быть поставлено ему въ вину, въ виду, какъ намъ кажется, отсутствія у него строго научной филологической подготовки. Въ предѣлахъ, поставленныхъ себѣ авторомъ, онъ однако справляется со своимъ дѣломъ вполнѣ удачно, такъ что многія страницы его изслѣдованія читаются съ живымъ интересомъ, хотя кое гдѣ и можно было бы пожелать больше сжатости и научности изложенія и поменьше лиризма. Особый интересъ представляютъ разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія о народныхъ пѣвцахъ (стр. 92—93, 173—175), о характерѣ народнаго хороваго пѣнія (93—94, 147), укладѣ пѣсеннаго текста подъ музыку (стр. 63—65), новыхъ типахъ пѣсеннаго творчества, вызываемыхъ его упадкомъ (т. н. „страдательныя“ пѣсни: стр. 113—115) и т. д. Вездѣ виденъ безкорыстно и страстно преданный своему дѣлу любитель-собиратель и большой практическій знатокъ народной пѣсни и напѣва. Будущіе собиратели и изслѣдователи пѣсенныхъ текстовъ и напѣвовъ найдутъ въ этомъ изслѣдованіи для себя не мало полезныхъ указаній и свѣдѣній. Тексты, приводимые авторомъ, къ сожалѣнію сообщаются въ обычномъ, литературномъ правописаніи, иногда только съ нѣкоторыми наивно-фонетическими чертами, такъ что со стороны языка не представляютъ почти никакого интереса для изслѣдователя народной рѣчи. По мѣстностямъ пѣсни принадлежатъ почти исключительно центральнымъ губерніямъ Россіи (Тамбовской, Московской, Тверской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Ярославской, Орловской, Воронежской и Новгородской; по одной пѣснѣ изъ области Войска Донскаго и съ побережья Каспійскаго моря); самостоятельныхъ пѣсенъ среди нихъ сорокъ одна, всѣхъ варіантовъ 92 (стр. предисловія V), всѣхъ же текстовъ вообще 105 (№№ 27 и 105 каждый въ двухъ варіантахъ—а), б).

образомъ напѣвы, заимствованные составителемъ изъ чужихъ сборниковъ, а не записанные непосредственно съ голосовъ народа.

Вторая, музыкальная часть сборника, значительно меньшая по объему, принадлежитъ г. Прокунину и заключаетъ въ себѣ сорокъ пять музыкальныхъ варіантовъ для пятнадцати пѣсенъ, составляющихъ первый отдѣлъ сборника текстовъ г. Лопатина („обще-лирическія мужскія пѣсни“). Такимъ образомъ г. Пр. даетъ меньше половины того матеріала, которымъ составители располагаютъ и на который можно разсчитывать, судя по первой части сборника. Порядокъ напѣвовъ во второй части совершенно отвѣчаетъ порядку текстовъ первой части, что значительно облегчаетъ пользованіе сборникомъ вообще. Подобно своему сотруднику, г. Пр. предпосылаетъ своей части сборника небольшое введеніе (стр. 1—V), изъ котораго мы вкратцѣ знакомимся съ его воззрѣніями на характеръ русскаго народнаго пѣнія и на пріемы гармонизаціи этого послѣдняго. Здѣсь же г. Пр. опредѣляетъ свое отношеніе къ работамъ ближайшаго своего предшественника въ этой области—г. Мельгунова. Какъ и этотъ послѣдній, г. П. держится того взгляда, что наиболѣе подходящимъ типомъ музыкальнаго сопровожденія для русской пѣсни является сопровожденіе контрапунктическое, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо естественность и законность такого сопровожденія вытекаютъ изъ самого способа, по которому народъ исполняетъ хоромъ свои пѣсни. Какъ извѣстно, поющіе при этомъ разбиваются на нѣсколько (два, рѣдко три) самостоятельныхъ голосовъ, т. н. „подголосковъ“, по временамъ сливающихся въ общемъ унисонѣ. Этими подголосками должна опредѣляться и наиболѣе естественная гармонизація народнаго напѣва.

Но, сходясь съ г. Мельгуновымъ въ основномъ принципѣ гармонизаціи народнаго напѣва, г. Пр. остается почти вполнѣ независимымъ отъ него въ примѣненіи этого принципа. Характеръ народнаго хороваго пѣнія точнѣе соблюдается въ сопровожденіяхъ г. Пр., чѣмъ въ сопровожденіяхъ г. Мельгунова: первыя, правда, бѣднѣе въ звуковомъ отношеніи, но имѣютъ преимущественно вокальный характеръ, тогда какъ вторыя носятъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ отпечатокъ инструментальной и притомъ фортепіанной музыки, хотя при этомъ не очень „фортепіанны“. Особенно надо отмѣтить въ сопровожденіяхъ г. Пр. отсутствіе низкихъ басовыхъ нотъ, которыхъ не знаетъ народное хоровое пѣніе, и на которыя г. М. весьма щедръ. Кромѣ того, г. Пр. избѣгаетъ тѣхъ, мѣстами совершенно невыносимыхъ для музыкальнаго уха, послѣдовательностей и сочетаній, которыми такъ богатъ сборникъ г. Мельгунова, и которыя едва ли можно отнести всецѣло на счетъ незнакомства простаго народа съ элементарными требованіями правильнаго голосоведенія. Правда, и у г. Пр. мы часто находимъ запрещенные унисоны и явныя октавы, но они такъ неизбѣжно вытекаютъ изъ коренныхъ условій народнаго хороваго пѣнія, что съ ними нужно мириться. Подлинныя записи непосредственно съ хора мы находимъ у г. Пр. повидимому только въ семи случаяхъ; въ остальныхъ тридцати девяти мы имѣемъ дѣло съ одиночными напѣвами, снабженными инструментальными (фортепіанными) подголосками уже самимъ г. Прокунинымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что составитель сборника напрасно не дѣлаетъ при каждомъ переложеніи хотя краткаго указанія на происхожденіе его гармонизаціи. Это сдѣлано имъ только для трехъ пѣсенъ, и то не въ текстѣ, а въ предисловіи (стр. III); кромѣ нихъ мы находимъ однако еще четыре пѣсни (№№ 27 б, 43, 44, 45), относительно которыхъ остается неяснымъ, записаны ли онѣ въ этомъ видѣ изъ устъ народа, или переложены самимъ г. Пр. Такъ, въ предисловіи къ первой части говорится, что варіантъ 45-й записанъ отъ пѣвца Имп. Театровъ Лаврова, а въ способѣ письма (хоровая партитура) нѣтъ никакой разницы между этимъ № и № первымъ, о которомъ мы несомнѣнно знаемъ, что онъ записанъ въ такомъ видѣ, какъ поется народнымъ хоромъ. При такихъ указаніяхъ, настоящій сборникъ, вообще производящій весьма пріятное впечатлѣніе точностью, тщательностью и систематичностью редакціи, несомнѣнно выигралъ бы еще болѣе. Было бы желательно, чтобы это незначительное упущеніе было исправлено въ имѣющемъ еще вѣроятно появиться второмъ выпускѣ второй части. Остается еще прибавить, что въ главныхъ чертахъ методъ гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, встрѣчаемый нами въ данномъ сборникѣ г. Пр., впервые былъ примѣненъ имъ еще въ его первомъ сборникѣ, изданномъ у Юргенсона въ Москвѣ. Что ка-

сается чисто музыкальнаго, художественнаго достоинства сопровожденій, принадлежащихъ самому г-ну Пр., то въ этомъ отношеніи они много уступаютъ художественнымъ сопровожденіямъ гг. Балакирева и Римскаго-Корсакова. Контрапункты г. Прокунина въ большинствѣ случаевъ сами по себѣ неинтересны, блѣдны и мало самостоятельны, нерѣдко дублируя главный голосъ параллельными терціями или секстами. Впрочемъ, это не можетъ быть поставлено въ вину г. Пр. оговорившемуся еще въ предисловіи, что главной его заботой „было не созданіе какого нибудь необыкновенно красиваго контрапункта или пикантной гармонической комбинаціи, а то, чтобы сочиненный имъ искусственный подголосокъ, давая плавную по возможности мелодію, не затемнялъ какъ нибудь основнаго напѣва и не искажалъ его характера“ (стр. IV). Въ итогѣ всего сказаннаго выше, трудъ гг. Л. и Пр. является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу нашей музыкальной этнографіи, и намъ остается только желать, чтобы они скорѣе выпустили недостающій второй выпускъ второй части и вообще продолжали бы работать на пользу того дѣла, которому они сослужили уже добрую службу въ разобранномъ трудѣ.

С. Буличъ.

Шемякинъ судъ.

Приготовляя къ печати работу о литературной исторіи Шемякина суда, я принялся за составленіе библіографіи по этому вопросу; такъ какъ теперь мнѣ приходится отложить работу на нѣкоторое время, то я и рѣшаюсь напечатать теперь же свою— библіографическій списокъ въ надеждѣ, что онъ окажется не безполезнымъ для однихъ и вызоветъ другихъ къ пополненію его особливо указаніями на новогреческія, румынскія и разныя западно-славянскія версіи.

Benfey. Th. Pantschatantra. I Th. Leipzig 1859. § 166.

Simrock K. Die Quellen des Shakspeare in Novellen Märchen und Sagen mit sagengeschichtlichen Nachweisungen. Bonn 1872. (2-е изд.) I. 213—42.

Сухомлиновъ М. Повѣсть о Судѣ Шемяки. СПБ. 1873. (Прил. № 2 къ XXII т. Зап. Ак. Наукъ).

Буслаевъ О. Мои досуги II, 298 - 313 (Перехожія повѣсти и разсказы). Москва 1886 (Перепеч. изъ Русск. Вѣстн. т. 110 стр. 699 сл.).

Индійскія версіи.

Gāmanicandajātaka. Текстъ: The Jātaka ed. by V. Fausböll. London. 1879. II. 297—310 (№ 257) ср. Tawney C. H. Indian Folk-Lore notes from the Pali Jàtakas and the Kathà sarit sàgara. Journ. of phil. XII. 112—20. London 1883. Morris R. Folk-Tales of India. The Folk Lore Journal. III. 337—48. London. 1885.

Schiefner. A. Tibetan Tales derived from indian sources. Done into english by W. Ralston. London. 1882. (Trüb. Or. Ser.). III. Adarsamukha. стр. 29—36 и XXXIX—XLII.

Schmidt J. Der Weise und der Thor. St. Petersburg. 1843. cap. XXXI. 252—257. cap. XXXIX. 338—46.

Мусульманскія версіи.

Жуковскій В. Персидскія версіи Шемякина Суда. Зап. В. Отд. Арх. Общ. V. 155—76 [1]).

---

[1]) Статьей этой я имѣлъ возможность пользоваться въ корректурныхъ листахъ, благодаря любезности автора и бар. В. Р. Розена. Еще одна мусульманская версія упоминается, къ сожалѣнію безъ указанія источника, въ книгѣ. Clouston. W. A. Popular Tales and Fictions their migrations and transformations. London. 1887. I. 62—61.

Mirza M. Schafi Gachtasb. (Персидская Христоматія съ словаремъ-Dictionnaire Mofid Persan-Arabe-Russe-Français St. Petersbourg. 1869 (Литогр.) стр. 31—37.

Lutfullahs aus-Denkwürdigkeiten 5. Der Kaufmann von Venedig. Ausland. 1857. 1142—44. Французскій переводъ всего сочиненія Mémoires de Lutfullah gentilhomme Mahométan. Traduits de l'anglais. Paris 1858. (Англійскаго оригинальнаго изданія Лондонскаго 1857 г. я подъ руками не имѣлъ).

Итальянскія версіи.

Sercambi Giovanni. Novelle. Scelta di Curiosità letterarie inedite o rare dal secolo XIII al XVII. Dispensa CXIX. Bologna 1871. № IV. стр. 23—37, 274—76. Rec. R. Köhler. Ebert J. R. E. L. XII. 349—50.

Novella di Bussotto acquarolo. Объ изданіяхъ см. Passano G. I novellieri Italiani in verso indicati e descritti. In Bologna. 1868. стр. 91—92.

Нѣмецкія версіи.

Müllenhof. K. Karls Recht. Zeit. f. Deut. Alt. hgg. von M. Haupt. XIV, 525—30. ср. Docen. B. J. Zur Literatur und Kritik altdeutscher gedichte. Erste Abtheilung. 5. Uber die Quellen der Shakspearschen Schauspiele. nebst einer alten Erzählung: Kaiser Carls Recht. Mus. f. Altdeut. Lit. u. kunst. II. 276—83 (Berlin 1811).

Simrock. K. Deutsche Märchen. Stuttgardt 1864. 68. Drei Urtheile. стр. 322—24, (ср. Simrock. K. Die Quellen des Shakspeare I. 233—34).

Англійская версія.

Marke more ffoole. Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances. Ed. by John W. Hales and Frederick I. Furnivall. L. III. 127—134.

Русскія версіи.

Пыпинъ А. Шемякинъ Судъ. Архивъ Истор. и практич. свѣд. отн. до Россіи изд. Калачова кн. IV. 1—10 (1859).

Тихонравовъ. Н. Шемякинъ Судъ. (Лѣтоп. русск. литер. и древности т. III. кн. 5. (1861.) стр. 34—38.

Памятники стар. русск. лит. изд. гр. Г. Кушелевымъ Безбородко вып. II. 403—406. СПБ. 1860 (Повѣсть о Шемякиномъ Судѣ рук. Имп. Публ. Библ. in. 4 отд. XVII. № 41).

Буслаевъ Ѳ. Истор. грамм. Церк. Слав. и Древн.-Русск. Яз. Москва 1861. стр. 1443—48. Судъ Шемякинъ. Выписано іс книги з жартъ польскихъ (по рукоп. принад. изд.).

Повѣсть о Судѣ Шемяки. Общ. Люб. Др. Пис. СПБ. 1879. № 105.

Etto Schemäkin sud. (Ein russisches Sprichwort). Janus oder Russische Papiere. Eine Zeitschrift für das Jahr 1808. Herausgegeben vom Probst Heideke. Erstes Heft. Riga 1808. стр. 147—51 (по лубоч. карт.).

Das Urtheil des Schemjaka. Russische Vslksmärchen in den Urschriften gesammelt und ins Deutsche übersetzt von Anton Dietrich. Mit einem vorwort von Jacob Grimm. Leipzig 1831. стр. 187—91. 265—66 (по луб. карт.).

Ровинскій Д. Русскія народныя картинки. СПБ. 1881. см. указатель подъ „Шемякинъ Судъ“.

Аѳанасьевъ. А. Н. Русскія народныя сказки. Вып. V. Москва 1861. 19. Шемякинъ Судъ. стр. 82—84. Вып. VIII. М. 1863. стр. 325—330.

Литературныя обработки.

Задубскій Ф. Шемякинъ Судъ. СПБ. 1780.

Осиповъ А. Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Баснями въ лицахъ. Москва 794 Г. [1])

Свиньинъ П. Шемякинъ Судъ или послѣднее междоусобіе удѣльныхъ князей русскихъ. Историческій романъ XV столѣтія. Москва 1832 4 части. ср. III, 71—74 и IV, 58.

Сказка о Кривосудѣ, и о томъ, какъ голый Ерема, внучекъ Пахома, у сосѣда Ѳомы большой кромы, бѣду сотворилъ и о прочемъ. Москва. Типографія М. Смирновой. 1860. (Ценз. дозв. 20 Дек. 1859.) стр. 52 in 12°. [2])

Сергѣй Ольденбургъ.

Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по Польской діалектологіи. Нарѣчіе Кашебское или Кашубское. Объ этомъ нарѣчіи П. Прейсъ написалъ маленькую статейку, («Отчетъ» въ Журн. М-ва Нар. Просв. 1840 г.). Польскій ея переводъ въ Варшавскомъ журн. «Magazyn Powszechny». 1840 г. Статья Прейса была приложена Леславомъ Лукашевичемъ въ Краковѣ 1850 г. къ сочиненію: «Kile słow wò Kaszebach i jejich zemi przez Wójkasena». Здѣсь мы находимъ нѣкоторыя особенности кашебскаго нарѣчія, небольшой словарикъ и нѣсколько замѣчаній о разницѣ между литературнымъ польскимъ языкомъ и этимъ нарѣчіемъ.

Затѣмъ только въ 1879 г., Крынскій въ своемъ сочиненіи: О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“ коснулся и соотвѣтствующихъ явленій въ Кашебскомъ нарѣчіи. Въ 1874 г., въ Воронежѣ П. Стремлеръ издалъ „Фонетику кашебскаго языка“, гдѣ, кромѣ фонетическихъ замѣчаній, не отличающихся большимъ научнымъ значеніемъ, мы находимъ еще перечень словъ, не встрѣчающихся въ общепольскомъ языкѣ. Докторъ Флоріанъ Ценова издалъ въ 1879 г. въ Познани книжку п. з. «Zarés do grammatikj Kašebsko-słowjnskjé mòwè», заключающую въ себѣ не очень удачный опытъ кашебской фонетики и морфологіи. На основаніи фактовъ, собранныхъ А. Гильфердингомъ и напечатанныхъ въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ въ Петербургѣ 1862 г. Янъ Ганушъ написалъ «O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów» въ «Rozprawy wydziału filologicznego Akademji Krakowskiej». Т. VIII. Трудъ этотъ хотя и очень тщательный не привелъ автора ни къ какимъ выводамъ, по причинѣ недостатка матеріала. Въ болѣе обширныхъ предѣлахъ заключилъ

---

[1]) На первомъ листѣ это заглавіе (безъ имени); на второмъ листѣ: Судъ Шемякинъ съ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ и съ пріобщеніемъ нравоучительныхъ басенъ. Изд. А. Осипова. Москва 1791. Текстъ перепечатанъ съ книги Задубскаго цѣликомъ, предисловіе въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

[2]) Эта перепечатка текста Полеваго, который потомъ еще разъ былъ перепечатанъ. Авенаріусомъ въ его книгѣ: Образцовыя сказки русскихъ писателей. СПБ 1882. Подлинника Полеваго мы, къ сожалѣнію, въ рукахъ не имѣли. Для полноты слѣдуетъ упомянуть современную стихотворную обработку г. Льдова и пересказъ для дѣтей въ сборникѣ: Дергачева Колосья М. 1888. стр. 20—21.

свой трудъ Левъ Бискупскій въ сочиненіи: «Beiträge zur slavischen Dialectologie. I. Die Sprache der Brodnitzer Kaschuben im Kreise Karthaus». (Лейпцигъ 1883 г.). Здѣсь авторъ представляетъ фонетическія особенности Кашебовъ, живущихъ въ Картузскомъ уѣздѣ, но въ вступленіи онъ говоритъ тоже и о кашебскомъ нарѣчіи вообще и о его дѣленіи на различные говоры.

Польскія поднарѣчія и говоры.

Робертъ Фидлеръ «Bemerkungen über die Mundart der polnischen Niederschlesier». Бреславль 1841 г. Здѣсь фонетическія и морфологическія особенности указаны только въ незначительномъ количествѣ, большая же часть книжки заключаетъ собраніе мѣстныхъ словъ, выраженій и нѣсколько разсказовъ. Основателемъ-же польской діалектологіи надо считать профессора Краковскаго университета Луціана Малиновскаго, который въ 1873 г., издалъ первый свой опытъ въ этомъ направленіи п. з. «Beiträge zur slavischen dialectologie. I. Ueber die Oppelnsche Mundart in Oberschlesien». (Лейпцигъ 1873 г.). Сочиненіе это, отлично написанное, сдѣлалось какъ бы классическимъ образцомъ для учениковъ и послѣдователей Малиновскаго; онъ же самъ кромѣ того написалъ еще слѣдующіе труды въ этомъ направленіи: «Głoski nosowe we wsi Kasinie, oraz niektóre inne właściwości tej gwary». (Rozprawy Akademji Krakowskiej wydziału filologicznego. T. VIII. 1880), «Studja śląskie». Краковъ. 1882 и др., о которыхъ скажемъ ниже. Въ послѣднемъ сочиненіи Малиновскій особенно занимается теперешнимъ выговоромъ носовыхъ гласныхъ въ Силезіи.

За Малиновскимъ начинается цѣлый рядъ изслѣдователей особыхъ говоровъ польскаго языка; между этими изслѣдователями были спеціалисты и неспеціалисты, ученые и студенты и почти всѣ они какъ образецъ своихъ трудовъ приняли первый трудъ Малиновскаго, дѣлая очень мало своихъ дополненій, такъ что эти всѣ работы имѣютъ почти всѣ схематическій характеръ, и о многихъ интересныхъ явленіяхъ, не затронутыхъ Малиновскимъ, не говорятъ почти ничего. Рядъ этотъ начинаетъ проф. Коперницкій сочиненіемъ п. з. «Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie górali Bieskidowych». («Rozprawy Akademji». T. III. 1875); затѣмъ слѣдуютъ: Косинскій: «Porównawcze zestawienie języka ludowego zachodniej Galicyji ze staropolskim językiem piśmiennym» («Sprawozdanie dyrekcji c. k. Realnego gimnazjum w Wadowicach». Вадовице. 1877); Кольбергъ Оскаръ: «Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego». («Zbiór wiadomości do antropologji krajowej». T. I. 1877. Краковъ); Парылякъ «Prowincjonalizmy mowy polskiej w Drohobyczu i jego okolicach zestawione i porównane z językiem ruskim, staropolskim i narzeczem Kaszubskim». («Zbiór wiad. do antr. kraj.». T. I. Краковъ. 1877); Красновольскій: «Język ludowy polski ziemi Chełmińskiej». («Album uczącej się młodzieży polskiej poświęcone J. I. Kraszewskiemu». Львовъ. 1879); Матусякъ: «Gwara lasowska w okolicy Tarnobrzega». («Rozprawy Akademji». T. VIII); Завилинскій, Р.: «Gwara brzezińska w starostwie ropczyckiem». («Rozprawy. T. VIII. 1880); Лецѣевскій: «Gwara Miejskiej Górki i okolicy». («Rozprawy». T. IX. 1881): Бѣля И. «Gwara zebrzydowska». («Rozprawy». T. IX 1882); Малиновскій, Л.; «Kilka uwag nad mową ludową w Zebrzydowicach». («Rozprawy». T. IX. 1882); Крынскій, А. А.: «Gwara zakopańska». (Rozprawy». T. X. 1883); Косинскій: «Przyczynek do gwary zakopańskiej». («Rozprawy». T. X. 1883); Лось И. «Gwara opoczyńska». («Rozprawy». T. XI. 1885); Поливка: «Polština v horní stolicy Oravské». («Listy filologické a pedagogické». Прага. 1884); Быстронь И.: «O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Łucyny w księstwie Cieszyńskiem». Краковъ 1885 и «Rozprawy». T. XII. Быстронь: «O vlivu češtiny na jazyk polský ve knížectví těšinském». «Slovansky Sbornik». Прага 1886; Вержба: «O djalekcie warmińskim». («Gazeta Olsztyńska». Номеръ 25—39, 1886 г.; Сембржицкій: «O gwarze Mazurów pruskich». «Wisła».T. III.; Надморскій: «Urządzenia społeczne, zwyczaje i gwara na malborskiem». «Wisła». T. III. Варшава. 1889 г. Къ этому же роду работъ

относится отчасти статья Л. В. Щербовича п. з. «Gwara warszawska w spółczesnym języku literackim». «Biblioteka Warszawska». Выпускъ VIII. Г. 1890.

Эти работы сдѣланы были по большей части или неспеціалистами или студентами. Ихъ теоретическія объясненія часто не имѣютъ никакого научнаго значенія, труды же важны лишь собраннымъ въ нихъ матеріаломъ. Всѣ они посвящены изученію одного мѣстнаго говора, или даже иногда извѣстнаго явленія въ одномъ говорѣ. Недостатокъ ихъ заключается и въ томъ, что почти всѣ онѣ произведены безъ програмы: въ нихъ отмѣчены факты не по внутреннему значенію, а по степени вниманія собирателя. Вообще всѣ эти труды въ большей или меньшей степени страдаютъ неполнотой наблюденій.

Необходима подробная программа или руководство для мѣстныхъ наблюдателей по части изученія народныхъ говоровъ;—прибавимъ отъ себя (Ред.) не для одного Польскаго, а для всѣхъ языковъ Славянскихъ.

Въ послѣднее время для этнографическихъ работъ были изданы двѣ такія программы: въ 1886 г. Р. Завилинскаго: «Wskazówki do zbierania właściwości ludowych». (Краковъ) и въ 1889 г. Б. Грабовскаго: «Kwestonarjusz dla zbierających zwyczaje i pojęcia prawne u ludu po wsiach i miasteczkach». (Варшава), но только въ первой изъ этихъ программъ мы находимъ кое какія указанія лингвистическія, весьма впрочемъ скудныя.

Нѣсколько сочиненій посвящено изученію польскихъ говоровъ вообще или изслѣдованію одного какого нибудь явленія встрѣчающагося въ извѣстной группѣ говоровъ; но всѣ эти изслѣдованія, въ особенности принадлежащія къ первому роду, не дали никакихъ положительныхъ и сколько нибудь важныхъ результатовъ. Небольшой рядъ этихъ сочиненій начинаетъ статья Бодуэна де Куртенэ, помѣщенная въ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» въ 1868 г. п. з. «Zetacismus in den denkmälern und mundarten der polnischen sprache»; здѣсь авторъ говоритъ о явленіи вторичнаго смягченія мягкаго g, b, p въ dź, bź, pś. Затѣмъ, въ 1869 г., въ Краковѣ появилось сочиненіе извѣстнаго польскаго поэта Винкентія Поля п. з. «Historyczny obszar polski. Rzecz o djalektach mowy polskiej»; сочиненіе это не имѣетъ никакого научнаго значенія. Принявъ въ основаніе сборники Оскара Кольберга, Карлъ Аппель въ своей статьѣ «О говорахъ польскаго языка» («Рус. Фил. Вѣстникъ». Варшава. 1879) пытался охарактеризовать и обобщить нѣкоторыя явленія польскихъ говоровъ. Затѣмъ И. Лось въ 1885 г. напечаталъ въ «Rozprawy Akademji Krakowskiej; wydz. filolog.» небольшую статью п. з. «Porównanie fonetycznych właściwości kilku gwar polskich»; но здѣсь принято во вниманіе только шесть или семь изслѣдованій, и потому статья не представляетъ научнаго интереса. Наконецъ въ журналѣ «Prace Filologiczne». (Варшава. 1888) мы находимъ двѣ статьи, написанныя въ этомъ же направленіи: Малиновскаго: «Djalektyczne wtórne przedłużenie—on на—an w języku polskim» и Крынскаго: «Postaci osobliwe przysłowków staropolskich i dzisiejszych gwarowych».

Изъ сочиненій разсматривающихъ вопросъ, насколько въ древнихъ письменныхъ памятникахъ проявились діалектическія оттѣнки, на польской почвѣ явились только два: въ 1880 г. Малиновскаго. «Ślady djalektyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego w wieku XV i XVI» («Rozprawy Akad. Krak.». T. VII.) и Гануша «Ślady niektórych odcieni djalektycznych w Kazaniach gnieźnieńskich z r. 1419» («Rozprawy». T. VIII).

Въ области изслѣдованія польской народной этимологіи, первый Л. Малиновскій: написалъ статью въ «Beiträge zur vergl. Sprachforschung». 1869 г. п. з. «Zur volksetymologie». Къ этому же предмету онъ возвратился потомъ въ статьяхъ п. з. «Studja nad etymologją ludową», помѣщенныхъ въ журналѣ «Prace filologiczne» начиная съ перваго тома. Этому же вопросу посвящено хорошее сочиненіе И. Карловича п. з. «Słoworód ludowy». (Краковъ. 1878) и статья Цишевскаго «Przyczynek do studjów nad słoworodem ludowym» въ «Prace filologiczne». T. III. Варшава. 1890 г.

Для изслѣдователя польскихъ говоровъ могли бы быть весьма цѣнны разные сборники произведеній народной словесности, записанныхъ прямо изъ устъ народа. Но и здѣсь встрѣчаются разныя препятствія и недостатки: никогда нельзя поручиться, что составители сборниковъ съ должнымъ вниманіемъ относились къ народному выговору, а затѣмъ во всѣхъ этихъ сборникахъ, даже тамъ гдѣ авторы уважали простонародный выговоръ, употреблена обыкновенная обще-польская азбука, которою невозможно передать всѣ діалектическіе оттѣнки одного и того же звука. Вообще всѣ такого рода сборники можно раздѣлить на двѣ части: одни изъ нихъ, такъ сказать, переводятъ языкъ народнаго произведенія на языкъ обще-польскій, и о такихъ трудахъ мы говорить вовсе не будемъ; въ другихъ же сборникахъ составители старались сохранить въ письмѣ особенности мѣстнаго говора.

На этомъ поприщѣ, если не по времени, то по великой цѣнѣ своихъ трудовъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить недавно умершаго Оскара Кольберга. Онъ въ 1857 г. издалъ «Pieśni ludu polskiego. Serja I. Warszawa.». Это первый томъ громаднаго сборника памятниковъ польской народной словесности, изданной п. з. «Lud; jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce». До сихъ поръ этого сборника появилось 23 тома, изъ которыхъ первый заключаетъ пѣсни изъ Варшавы, 2 изъ земли сандомірской, 3—4 куявской, 5—8 краковской, 9—15 познанской, 16—17 люблинской, 18—19 кѣлецкой, 20—21 радомской, 22 лэнчицкой, 23 калишской. Сверхъ того О. Кольбергъ издалъ отдѣльно: Mazowsze. Obraz etnograficzny» пять частей 1885—1890 г. «Pokucie». T. 4. 1889 г. «Chełmskie». 1890 г. Właściwości, pieśni i tańce ludu ziemi Dobrzyńskiej. («Zbiór wiadomości do antropologji krajowej». T. VI 1882 г.); все труды Кольберга.

Далѣе отмѣтимъ слѣд. сборники, располагая ихъ по мѣстностямъ.

1. Кашубскіе.

Ценова: «Образцы кашебскаго нарѣчія» въ «Прибавленіяхъ къ извѣстіямъ Имп Акад. Наукъ». T. II. Его же: «Skôrb kaszébsko słovjnskje mòvé». Свѣце. 1866—1868. Его же: «Sbjór pjesnj svjatovih». Свѣце. 1378. Гильфердингъ: «Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря» въ «Этнографическомъ сборникѣ», изданномъ Имп. Геогр. Общ. Спб. 1862 г.; это важнѣйшій источникъ для изслѣдованія кашебскаго нарѣчія. Дердовскій: «O panu Czorlińscim». Торнъ. 1880. Его же: «Kaszuba pod Widnem». Торнъ. 1883. Его же: «Jasiek z knieji». Торнъ. 1885. Поблоцкій: «Słownik Kaszubski z dodatkiem idjotyzmów chełmińskich i kociejowskich». Хелмно. 1887. Сембржицкій: «Przyczynek do narzecza Kaszubskiego». «Prace Filol.». T. III. Варшава. 1889. Бэрка: «Słownik Kaszubski porównawczy» въ «Prace Filol.» T. III. Варшава. 1890 г.

Великая Польша.

Липинскій: Zwyczaje i pieśni ludu wielkopolskiego» въ «Zbiór wiad. do antr. krajowej». T. VIII. Краковъ. 1884 г.

Силезія.

Малиновскій, Л. Zarysy życia ludowego na Śląsku». Варшава. 1877. Цинцяла: «Przysłowia, przypowieści i ciekawsze zwroty językowe ludu polskiego na Śląsku». Цѣшинъ. 1885. Цинцяла: «Pieśni ludu Śląskiego». Краковъ. 1885 и «Zbiór wiad.» T. IX. Старостцикъ: «Beiträge zur slavischen dialectologie. Oberschlesische Volkslieder» въ «Archiv für Slav. Phil.». T. VII. 1885 г.

Карпаты и Татры.

Ц(ейшнеръ), Л.»Pieśni ludu Podhalan». Варшава. 1845 и въ «Biblioteka Warszawska». Вржесніовскій: «Spis wyrazów podhalskich» въ «Sprawozdania Komisji językowej Akad. umiejętności». T III. Краковъ. 1884. Дембовскій, Б. «Spis wyra-

zów i wyrażeń używanych na Podhalu» въ «Sprawozdanie Towarzystwa Tatrzańskiego za rok 1889». Завилинскій, Р. «Z powieści górali beskidowych» въ «Wisła». Т. II. Варшава. 1888. Коперницкій: Gadki ludowe górali beskidowych» въ «Zbiór wiad.». Т. XV. Его же: «Pieśni górali beskidowych». Краковъ. 1888.

Краковъ и другія мѣста Галиціи.

Косинскій: «Słowniczek prowincyonalizmów z okolic Krakowa, Bochni i Wadowic» въ «Zbiór wiad.». Т. I. 1877 г. Завилинскій: «Z etnografji krajowej». Краковъ. 1882 и въ «Przegląd literacki i artystyczny»; здѣсь нельзя совсѣмъ полагаться на вѣрность записаннаго. Его же: «Brzeziniacy» въ «Ateneum». Варшава. j1881. М(атъясъ), К. «Z ust ludu». Краковъ. 1885 и въ «Przegląd literacko-artystyczny». Матусякъ: «Historja polska w opowiadaniu ludu». Краковъ. 1881 г. безъ фонетической транскрипціи. Его же: «Volksthümliches aus dem Munde der Sandomirer Waldbewohner» въ «Archiv für Slav. Phil.». Т. V. 1881 г. Его же: «Z pieśni i opowiadań Lasowiaków». Краковъ. 1882 и въ «Przegląd akademicki». Уляновская: «O klechdzie ludowej» въ «Wisła». Т. III. Варшава. 1889 г. Магеровскій, Л.: «Kilka wiadomości o ludzie polskim we wsi Wesołej pow. brzozowskim» въ «Zbiór wiad.». Т. XIII. Удзѣля: «Materjały etnograficzne z miasta Ropczyc i okolicy» въ «Zbiór wiad.». Т. X. Его же: «Lud polski w pow. ropczyckim» въ «Zbiór wiad.». Т. XIV. Альбинскій и Близинскій: «Abecadłowy spis wyrazów ęzyka ludowego w Galicji zachodniej», въ «Bibljoteka Warszawska». IV. 1860 г.

Царство Польское и прусскіе Мазуры.

Цишевскій: «Powieści z tysiąca i jednej nocy» въ «Wisła». Т. II. 1888. (Олькушъ). Сярковскій. «Materjały do etnografji ludu polskiego z okolic Kielc» въ «Zbiór wiad.». Т. II. 1878 г. Грайнертъ: «Zapiski etnograficzne z okolic Wielunia i Radomska» въ «Zbiór wiad.». Т. IV. 1880 г. Земба: «Słownik prowincjonalizmów pow. bendzińskiego» въ «Prace Fil.». Варшава. 1889—1890 г. (Bara, Ант.): «Abecadłowy spis wyrazów ludowego języka w okolicach Łomży, Wizny i przyległych» въ «Bibljoteka Warszawska» 1860 г. Козловскій: «Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesądy ludu z Mazowsza Czerskiego». Варшава. 1869. Кентржинскій: «O Mazurach». Познань. 1872. Уляновская: «Niektóre materjały etnograficzne we wsi Łukowcu» въ «Zbiór wiad.». Т. VIII. 1884 г. Карловичъ: «Dziesięć pieśni mazurskich» въ «Prace Filol.». Варшава. 1888 г. Петровъ: «Lud ziemi Dobrzyńskiej» въ «Zbiór wiad.». Т. II. 1878 г. Сембржицкій: «Przyczynki do charakterystyki Mazurów pruskich» въ «Wisła». Т. III. 1889 г.

Литва.

Довойна Сильвестровичъ: «Teksty podań szlachty żmudzkiej» образцы польскаго языка изъ Жмуди; въ «Wisła». Т. II. Варшава. 1888 г.

Искусственные идіомы.

Э(страйхеръ), К.: «Gwara złoczyńców» Варшава. 1867 и въ «Gazeta Polska». Земба: Przyczynek do słownictwa szwargotu złodziejskiego» въ «Wisła». Т. IV. 1890 г. «Słownik złodziejski». «Gazeta Codzienna». 1869. (?)

Кромѣ того еще можно найти нѣсколько мелкихъ образцовъ въ «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», издаваемомъ въ Краковѣ академіей и въ «Wisła», этнографическомъ варшавскомъ журналѣ. Наконецъ вышло до сихъ поръ нѣсколько довольно большихъ сборниковъ подъ общимъ заглавіемъ «Bibljoteka Wisły», а именно: Федоровскаго: «Lud okolic Żarek, Siewierza i Pilicy». Т. I и II. Хелховскаго: «Podania z okolic Przasnysza». Т. III и VI. Василевскаго: «Jagodne». Т. IV. Завилинскаго: «Podania i pieśni górali beskidowych». Т. V.

П. Лось.

Narodne pripevjesti u Varaždinu i okolici. Sakupio Matija Kračmanov Valjavec. Drugo izdanje. U Zagrebu. Izdala knjižara dioničke tiskarne. 1890. in 8°. стр. 328. Это новое изданіе извѣстнаго сборника кайкавскихъ сказокъ, отчасти и пѣсенъ. Онъ былъ изданъ въ первый разъ 30 лѣтъ назадъ. Загребская акціонерная типографія сдѣлала очень хорошо, что перепечатала вновь этотъ сборникъ, уже совсѣмъ вышедшій изъ продажи, Но она бы оказала большую услугу и обществу и наукѣ, если бы включила въ это изданіе и тѣ сказки тоже главнѣйше кайкавскія, что въ послѣднее время тѣмъ же Валявцемъ были напечатаны въ славянскомъ журналѣ „Kres“ (т. IV и V). Журналъ этотъ составляетъ большую рѣдкость, еще больше, чѣмъ первые изданіе сборника сказокъ Валявца 1888 г., его можно по крайней мѣрѣ найти во всѣхъ почти лучшихъ библіотекахъ.

Ю. Поливка.

Прага.

Сумцовъ Н. Ѳ. Культурныя переживанія. Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“. Кіевъ, 1890. Профессоръ Сумцовъ въ своей книгѣ предлагаетъ намъ особаго рода „causerie“ на двѣсти различныхъ темъ, взятыхъ изъ малорусской жизни и поэзіи. То онъ разсказываетъ намъ о разныхъ видахъ ворожбы и гаданій у Малоруссовъ, то объ играхъ и празднествахъ, то о музыкальныхъ инструментахъ, то о хатѣ и ея принадлежностяхъ, то объ иконописи, то объ одеждѣ, то о чертяхъ, упыряхъ и вѣдьмахъ, то объ уличныхъ прозвищахъ, то о свадебныхъ обрядахъ, то о повѣрьяхъ относительно животныхъ и т. д., причемъ на каждую тему среднимъ числомъ удѣляется имъ по двѣ страницы. Обыкновенно сначала предлагаетъ онъ большее или меньшее количество малорусскаго матеріала: затѣмъ сообщаетъ кое-что изъ матеріала стараго русскаго, южно и западно-славянскаго, нѣмецкаго, что первымъ попалось ему подъ руку; затѣмъ даетъ нѣсколько выписокъ изъ сочиненій Тэйлора и Леббока и въ заключеніе высказываетъ тѣ соображенія, которыя первыя пришли ему въ голову. Понятно, мы не находимъ возможнымъ предъявлять къ его труду какія бы то ни было серьезныя требованія.

Единственное, что мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать, это обратить вниманіе автора на необходимость для него большаго знакомства съ книгами Священнаго Писанія, съ требниками и съ Кормчею. Странно видѣть въ статьѣ о полудницахъ указаніе на „бѣса полуденна“ раскольнической молитвы и на „daemon meridianus“ средне-вѣковаго повѣрья (стр. 114) безъ ссылки на Псалтырь и требникъ, а въ статьѣ о многочисленности небесъ упоминаніе объ апокрифахъ „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“ и „Видѣніе Исаіи“ (стр. 396) и отсутствіе упоминанія объ посланіи ап. Павла. Сверхъ того, на нашъ взглядъ было бы лучше, если бы авторъ отказался отъ лингвистическихъ замѣчаній и выводовъ. Совѣстно читать въ трудѣ профессора русской словесности замѣчанія что слово т е т е р я (названіе особой каши) „въ филологическомъ отношеніи“ родственно со словами т ю р я и т е р е т ь (стр. 116) или что отчество П л е н к о в и ч ъ происходитъ отъ польскаго слова p l o n (послѣднее + ц. сл. п л ѣ н ъ, русск. п о л о н ъ! стр. 118), рядомъ съ ссылками на лингвистическія данныя и соображенія Головацкаго (стр. 119), Петрушевича и т. п. знатоковъ языковѣдѣнія.

А. С—скій.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографич. Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи г. Этнографіи, состоящаго при Московск. Университетѣ. Подъ редакціей Секретаря Этнографическаго Отдѣла Н. А. Янчука. Москва 1890 г., № 4. Книга VII. Въ VII-ой книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія“ находимъ очеркъ М. П л о х и н с к а г о „Цыгане старой Малороссіи“, заключающій въ себѣ нѣчто цѣльное.—Очеркъ краткій, но любопытный по даннымъ, извлеченнымъ авторомъ изъ документовъ архива Малороссійской коллегіи въ Харьковѣ.—Другая

статья—П. Богаевскаго „Очерки религіозныхъ представленій Вотяковъ“—продолженіе того, что напечатано въ предыдущихъ книгахъ. Въ ней г. Богаевскій приводитъ случай обращенія Вотяковъ съ мольбою къ своимъ покойникамъ—предкамъ, указываетъ причины такого культа, способы и предметы жертвоприношеній и слѣды человѣческихъ жертвъ; отдѣльную главу занимаютъ поклоненія разнымъ божествамъ въ природѣ.—Дѣятельный повѣствователь жизни и нравовъ своего уѣзда—В. Бондаренко—разсказываетъ о семейныхъ отношеніяхъ и въ частности долго останавливается на свадебныхъ обычаяхъ и на положеніи женщины въ крестьянскомъ обществѣ Отмѣтивъ сильное ослабленіе нравственныхъ началъ, онъ вступаетъ въ совершенно иную сферу, нарушая, кажется, порядокъ своего описанія,—говоритъ объ одномъ изъ проявленій юридическихъ взглядовъ—о наймѣ, имущественномъ и личномъ.—Далѣе слѣдуетъ статья Е. Ляцкаго „Представленія Бѣлорусса о нечистой силѣ“, выведенныя имъ изъ наблюденій въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минск. губ. Нельзя согласиться съ авторомъ смотрѣть на эту мѣстность, какъ на особенно выдающуюся силою и многочисленностью повѣрій и суевѣрій, и едва-ли возможно придавать вмѣстѣ съ г. Ляцкимъ такое большое значеніе условіямъ природы и жизни въ этомъ краѣ. Такія повѣрья настолько распространены повсемѣстно, что требуютъ болѣе глубокихъ и внутреннихъ объясненій.—Къ Бѣлоруссіи же относится замѣтка знатока края.—Е. Романова „Очеркъ быта нищихъ Могилевской губ. и ихъ условный языкъ („Любецкій лѣментъ“). Въ ней собрано много подробностей, свидѣтельствующихъ о мѣткой наблюдательности автора, но чувствуется недостатокъ въ болѣе тщательной группировкѣ и отдѣлкѣ. Можно пожалѣть, что не сдѣлана хотя самая крѣпкая общая характеристика нищенскаго языка и нѣтъ указаній, напр., насколько употребительны въ началѣ словъ приставки бе (бехто, бетамъ, беякъ и т. п.) ку (кўгора, кўдубъ, кувострый и т. п.) и др., и много ли такихъ словоизмѣненій.—Въ статьѣ П. И. „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“ разсматриваются преимущественно тѣ изъ нихъ, въ коихъ принимаютъ участіе Іисусъ Христосъ и ап. Петръ.—Г. Н. Потанинъ напечаталъ небольшое сообщеніе „о русской дѣвицѣ Даригѣ въ Киргизской сказкѣ“, служащее дополненіемъ къ замѣткѣ В. Миллера въ V книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія“.—Первый отдѣлъ книги заканчивается довольно интересной характеристикой покойнаго нѣмецкаго этнографа Вильгельма Мангардта, составленной Н. В. Шейномъ по личнымъ его воспоминаніямъ и по статьямъ нѣмецкихъ журналовъ. Далѣе помѣщены: некрологъ Феликса Либрехта, написанный Н. Сумцовымъ, и перечень трудовъ С. Микуцкаго, умершаго въ августѣ 1890 года.

Библіографическій отдѣлъ, какъ и въ предыдущихъ книгахъ, отличается разнообразіемъ и обиліемъ трудовъ, о содержаніи которыхъ представлены небольшіе отчеты. Изъ нихъ нельзя не выдѣлить отчета Н. Смирнова о „Народовѣдѣніи“ О. Пешеля, рецензіи В. Миллера на извѣстную книгу покойнаго М. Веске „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка“ и его же сочувственнаго отзыва о I выпускѣ Жив. Старины. Въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ цѣлый рядъ указаній на статьи съ этнографическимъ содержаніемъ въ трудахъ архивныхъ комисій, далѣе-на книгу Л. Змѣева „Былое врачебной Россіи“;—Георга Штера „Geschichte и Wesen des russischen Artels;—памятныя книжки Ковенской, Гродненской и Енисейской губ.;—адресъ-календарь Витебской губ. на 1890 г.,—Магницкаго „Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ у., Казанск. губ.;—Е. Соловьева „Гражданское право. Очерки народн. юридич. быта, вып. I“;—Бар. П. Услара „Этнографія Кавказа. Языкознаніе. IV: Лакскій языкъ, на труды Gabriel Bonvalot, Ковалевскаго и мн. др. Сверхъ перечня статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и газетахъ и продолженія указателя А. Ивановскаго, въ VII книгѣ помѣщена библіографическая статья Э. Вольтера „Новые труды и матеріалы по латышской этнографіи“. Отдѣлъ смѣси не отличается особеннымъ богатствомъ содержанія. Наконецъ упомянемъ, что къ статьѣ о Вотякахъ П. Богаевскаго приложено 4 фототипическихъ рисунка.

Н. В.

— **А. С. Лаппо Данилевскій.** Поверстная и указная книги Ямского приказа. Изданіе журнала „Библіографъ". Спб. 1890.

Г. Лаппо-Данилевскимъ описано содержаніе двухъ частей сборника XVII вѣка, изъ собранія гр. Толстого въ Имп. Публ. Библ., изъ которыхъ 1-я имѣетъ существенное значеніе въ географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, а обѣ вмѣстѣ — для исторіи ямского дѣла въ Россіи.

— **Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскія писцовые книги.** Изданіе Воронежскаго Статистическаго комитета. Т. 3-й. Воронежъ. 1891 года.

Наиболѣе обширную и важную часть изданія составляетъ списокъ съ Воронежской книги письма и дозору Кирѣевскаго 1615 года, далѣе слѣдуютъ Валуйкская писцовая книга 1626 года и извлеченія изъ межевой книги 1629 г. и писцевой монастырскихъ и церковныхъ земель. Въ концѣ помѣщенъ перечень именъ помѣщиковъ и населенныхъ мѣстъ Воронежскаго уѣзда за 1629 годъ.

— **Гласник земальског музеjа у Восни и Херцеговини.** уредник Коста Херман Сараjево. 1890. Книги I, II, III.

Въ трехъ книгахъ извѣстій публичнаго музея въ Босніи и Герцоговинѣ, выходящихъ подъ редакціей к. Германа, напечатаны статьи преимущественно историческаго и археологическаго содержанія, касающіяся мѣстнаго края, за исключеніемъ немногихъ: „Народныя имена птицъ въ Босніи и Герцеговинѣ", гг. Рейзера и Севника (кн. I), „Охота съ соколами", К. Германа (кн. II), „Народные обычаи при родахъ", Л. Глика (кн. III) и др. Слѣдуетъ указать на статью В. Ягича о старобоснійскихъ надписяхъ (кн. I), на изданный имъ же снимокъ съ хрисовула Деспота Стефана (кн. III) и на отрывокъ старославянскаго евангелія, писаннаго готскими буквами, доставленный Ф. Радичемъ.

— Příspěvky k antropologii zemí českých. I. Hroby s kostrami z konce doby praehistorické v Cechách. Podává Dr. Lubor Niederle. V Praze. 1891.

Въ этомъ почтенномъ трудѣ по чешской археологіи и антропологіи собраны свѣдѣнія о раскопкахъ чешскихъ могилъ, и представлены нѣкоторые выводы относительно череповъ, найденныхъ въ Чехіи.

— 1) Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prostonárodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk. Příspěvek ke kulturním dějinám českým. Sepsal Dr. Čeněk Zíbrt. V Praze 1889.

2) Poctivé mravy a společenské řády při jídle a pití. Po rozumu starých Čechuv. 1890.

3) Dějiny kroje v zemích českých až po války husitské. I. Doba nejstarši až do polovice století XIII. 1891.

4) Listy z českých dějin kulturních. 1891.

Перечисленный рядъ работъ д-ра Зиберта, посвященныхъ историко-этнографическому изученію чешскаго народа, имѣетъ неоспоримыя достоинства и по обилію разнообразныхъ данныхъ, и по ихъ полнотѣ и обработкѣ.

Къ прекраснымъ изданіямъ г. Зиберта необходимо обратится всякій, интересующійся славянской этнографіей, и намъ не разъ придется указывать на нихъ въ послѣдствіи.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Письмо изъ Кадникова (Волог. губ.)

На вопросы—объ устройствѣ музея и о выпискѣ «Живой Старины» въ земскія библіотеки.

Какъ Вологжанинъ, живущій постоянно въ Вологодской губ. и для нея работающій, я давно занятъ мыслію о музеѣ; только до сихъ поръ обстоятельства не дозволяли мнѣ приступить къ осуществленію этой мысли. Можетъ быть, вы слышали объ А. С. Петровскомъ, въ Ярославлѣ, и, можетъ быть, видѣли устроенный имъ музей? Я былъ друженъ съ Петровскимъ и помогалъ ему въ устройствѣ музея. Такой музей могъ бы быть устроенъ и въ Вологдѣ, недостаетъ только Петровскаго. Думаю, что я могъ бы быть имъ, но, какъ сказано, тому мѣшали до сихъ поръ вотъ какія обстоятельства. Съ 1878 до 1889 г. я ревностно занимался изслѣдованіемъ вологодской флоры, но Вологодская губ. въ 11½ разъ болѣе Ярославской, а сравнивая мои денежныя средства и средства Петровскаго и пути сообщенія ярославскіе и вологодскіе, можно сказать, что мнѣ приходилось бороться съ едва преодолимыми трудностями. Мнѣ нельзя было разъѣзжать по губерніи на экскурсіи, какъ Петровскому, я долженъ былъ переселяться изъ города въ городъ на жительство, чтобы имѣть возможность изслѣдовать тотъ или другой уѣздъ и вмѣстѣ имѣть средства къ существованію. Такъ, я жилъ въ Грязовцѣ, въ Тотьмѣ, Никольскѣ, Устюгѣ, Устьсысольскѣ, на Печорѣ и теперь живу въ Кадниковѣ, пристраиваясь въ разныхъ учрежденіяхъ. Чтò въ состояніи ассигновать кадниковская земская библіотека на выписку журналовъ, уже все распредѣлено на другое,[1]) и я пользуюсь экземпляромъ, который выписываетъ

[1]) Мы слыхали отъ Вологжанъ, не знаемъ въ какой степени оно вѣрно, будто дворянскіе уѣзды—Грязовецкій, Вологодской и Кадниковскій довольно холодно относились къ заведенію библіотекъ, тогда какъ земства устьсысольское, вельское, тотемское, никольское, яренское—чисто крестьянскія—имѣли уже можно сказать богатыя библіотеки. Такъ кажется никольское земство ассигнуетъ ежегодно чуть не по 600 руб. на библіотеку, и чтеніе въ ней безплатное для всѣхъ. Ред.

врачъ Ординъ. Мнѣ неизвѣстно, выписывается ли вашъ журналъ въ другихъ нашихъ земскихъ библіотекахъ; если нѣтъ, то потому, что о немъ не знаютъ. Наши сельскіе учителя получаютъ по 140 р. въ годъ и не могутъ отдавать 5 р. 50 к. на журналъ. Но что они желаютъ читать, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. «Этн. Обозр.» (посылаемое въ даръ библіотекѣ нашей В. В. Кандинскимъ) постоянно въ ходу; часто я отдаю и собственный экз. этого журнала. Не говоря уже о жаждущихъ чтенія вообще, но и интересующихся наукой у насъ не мало, но имъ или не даютъ читать, или у нихъ нѣтъ средствъ читать. Если «Свѣтъ», «Царь-Колоколъ», «Родина» имѣютъ массу подписчиковъ, то не потому, что это глупыя изданія, удовлетворяющія глупыхъ читателей, а потому, что они дешовы, потому что можно послать полтинникъ марками и имѣть хоть что-нибудь для чтенія. Когда открылась кадниковская библіотека, я былъ просто пораженъ, когда изъ города и изъ дальнихъ волостей стали поступать требованія на Шиллера, Гёте и особенно «лорда Байрона», тогда какъ я думалъ, что этихъ книгъ никто не спроситъ. За Достоевскаго, Л. Толстого, Тургенева, Лермонтова, Гоголя принялись съ такимъ жаромъ, что пришлось выписать ихъ по 2-му экземпляру; между тѣмъ Пушкинъ вовсе не читается, потому что онъ теперь у всѣхъ свой. Писецъ въ управѣ, получающій 12 р. жалованья, выписываетъ «Русск. Богат.», потому что редакція беретъ по 1 р. въ любые сроки; два полицейскихъ писца выписываютъ въ складчину «Живоп. Обозр.»; одинъ платитъ 50 к. въ годъ священнику за право читать его «Паломника». Ко мнѣ поступило 8 просьбъ изъ уѣзда выписать что-нибудь по философіи. Мой собственный экз. «Будда, его жизнь» и пр. дочитали до того, что книга развалилась. Вотъ примѣры, что люди дѣйствительно желаютъ читать и читать не для одного процесса.

Съ 1889 г. я сталъ заниматься собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, возникшія же въ кадниковскомъ земствѣ хлопоты съ кустарными промыслами (я завѣдую въ земствѣ этимъ отдѣломъ) отнимали у меня столько времени, что о музеѣ нельзя было и думать. Музей могъ бы возникнуть въ Вологдѣ. Вопросъ объ этомъ уже не разъ поднимался. Тутъ нѣтъ препятствій— музей желателенъ. Въ 1886 г., когда я жилъ въ Вологдѣ, губернаторъ просилъ меня заняться устройствомъ естественно-историческаго отдѣленія при кустарномъ музеѣ, который онъ самъ основалъ; я было согласился, но, получивъ предложеніе ѣхать въ Кадниковъ на земскую службу, отправился туда, расчитывая, что въ Кадниковѣ буду болѣе полезенъ, и отдѣленіе не устроено до сихъ поръ. Предсѣдатель Тотемской земской управы, В. Т. Поповъ—человѣкъ весьма дѣятельный и энергичный, вотъ уже десять лѣтъ мечтаетъ объ устройствѣ въ Тотьмѣ мѣстнаго музея, но не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ нѣтъ человѣка, который бы исключительно этимъ занялся. Какія любопытныя кол-

лекціи выставлялись въ Вологдѣ, Тотьмѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ по случаю проѣзда великихъ князей (Алексѣя и Владиміра Александровичей) и опять разбирались владѣльцами. Все это было бы охотно отдано въ музей, а теперь теряется, гніетъ. Что дѣлать! Нужны свободные люди, которые могли бы жить тамъ, куда ихъ призываетъ дѣло, и посвящать этому дѣлу все время. Я бы сейчасъ поѣхалъ въ Тотьму устраивать музей: дадутъ и помѣщеніе, и предметы для музея, дадутъ мнѣ и средства прожить, пока я все устрою. Но чтобы ѣхать въ Тотьму, я долженъ отказаться отъ мѣста въ Кадниковѣ, а что же потомъ?

Если у васъ въ Петербургѣ найдется лицо, которое на свои или на ваши средства можетъ отправиться въ Вологодскую губ., то пусть оно проживетъ хоть по полу-году въ Вологдѣ и въ Тотьмѣ, и два музея устроятся. Такому лицу и я могу оказать не мало содѣйствія и кромѣ меня многіе могутъ. Если вы найдете возможнымъ удешевить вашъ журналъ или посылать его на льготныхъ условіяхъ—будутъ и желающіе выписывать его.

Чл. Сотр. *А. Иваницкій.*

Кадниковъ, 10 января 1891.

Журналъ нашъ удешевленъ быть не можетъ. Но разсрочка для подписчиковъ у насъ допускается, когда о ней насъ просятъ. Ред.

О музеѣ въ Тобольскѣ.

Въ отдѣлѣ IV вып. 2-го «Живой Старины» редакція проситъ доставить ей свѣдѣнія объ основаніи и устройствѣ музеевъ въ Ростовѣ и Минусинскѣ. Видя въ этомъ приглашеніе сообщать въ редакцію свѣдѣнія не только объ указанныхъ музеяхъ, но и о другихъ учрежденіяхъ подобнаго рода, позволяю себѣ послать Вамъ, Милостивый Государь, нѣсколько изданій, касающихся Тобольскаго губ. музея, въ которыхъ Вы найдете отвѣты на предложенные редакціей вопросы. Такъ—въ календарѣ на 1890 г., на стр. 246—251, помѣщенъ краткій очеркъ открытія музея, съ фотографическимъ видомъ самаго зданія; уставъ и журналъ засѣданія членовъ-учредителей 14 октября 1890 г. должны дать понятіе о задачахъ музея, внутреннемъ распорядкѣ и настоящихъ средствахъ его, а каталогъ библіотеки и инвентарь археологическаго отдѣла—знакомятъ съ количествомъ и качествомъ собранныхъ предметовъ по этимъ отдѣламъ. Къ сожалѣнію, указатель этнографическаго отдѣла еще не отпечатанъ, а онъ былъ бы для редакціи «Живой Старины» наиболѣе интереснымъ, такъ какъ музей обладаетъ полной и въ научномъ отношеніи весьма цѣнной коллекціей предметовъ домашняго быта, культуры, одежды и оружія сѣверныхъ инородцевъ губерніи—Остяковъ и Самоѣдовъ.

Идея мѣстныхъ музеевъ въ настоящее время распространяется на всемъ пространствѣ необъятной Россіи, не минуя и Сибири (Екатеринбургъ, Тюмень,

Тобольскъ, Омскъ, Минусинскъ, Иркутскъ, Владивостокъ), средства, какъ показала исторія возникновенія Тобольскаго музея, обыкновенно находятся, находятся и люди, горячо отдающіеся этому дѣлу, но задачи, поставленныя при основаніи музеевъ, достигаются съ трудомъ. Тому имѣются двѣ причины, тѣсно связанныя между собой: отсутствіе научнаго освѣщенія собранныхъ предметовъ и, въ зависимости отъ этого, почти полное игнорированіе мѣстныхъ коллекцій со стороны столичныхъ представителей науки. Мѣстныя силы, въ большинствѣ случаевъ слабыя, не въ состояніи обыкновенно точно опредѣлить относительную научную цѣнность даннаго предмета,—вотъ почему богатыя коллекціи сибирскихъ музеевъ составляютъ пока сырой матеріалъ, ожидающій оцѣнки и классификаціи спеціалистовъ, и только послѣ таковой онѣ явятся вкладомъ въ русскую науку, получатъ внутренній смыслъ и тѣмъ самымъ будутъ застрахованы отъ всякихъ прискорбныхъ случайностей. Мнѣ кажется, Императорское Географическое Общество, собирающееся посылать ученую экспедицію на Амуръ, хорошо бы сдѣлало, если бы обратило свое просвѣщенное вниманіе на сибирскіе музеи и оказало бы научную поддержку начинающему Тобольскому музею.

Въ видахъ этого, съ особеннымъ удовольствіемъ откликаясь на призывъ «Живой Старины», считаю необходимымъ присовокупить, что за всѣми свѣдѣніями по дѣлу Тобольскаго музея (буде таковыя редакціи понадобятся) слѣдуетъ обращаться въ Правленіе Комитета Музея (г. Тобольскъ) или къ Вашему покорнѣйшему слугѣ, члену-соревнователю Музея Константину Борисовичу

Казань, Петропавловскій пер., д. Эккермана. *Газенвинкель.*

Изъ Подольской губ.

Польза отъ устройства музеевъ несомнѣнна. Понятно, что главнымъ препятствіемъ служитъ недостатокъ средствъ. Но если будутъ даны средства, то несомнѣнно явятся люди, готовые заняться этимъ дѣломъ въ провинціи.

Необходимо также признать, что наши ученыя общества въ столицахъ и большихъ городахъ страдаютъ излишнимъ формализмомъ, и очень мало оказываютъ помощи при возникновеніи музеевъ или библіотекъ въ каждой губерніи, а мѣстное общество относится къ нимъ равнодушно за рѣдкими исключеніями.

Изъ Кадниковскихъ и Тобольскихъ сообщеній оказывается, что въ провинціи есть средства, но мало людей работниковъ для устройства музеевъ или для научнаго описанія и освѣщенія коллекцій. Но въ письмѣ изъ Под. губ. насъ увѣряютъ, что есть люди и нѣтъ средствъ, и что тамъ ожидаютъ этихъ средствъ откуда то извнѣ. Но зачѣмъ не начать дѣла съ малаго, съ одного шкапа, съ одной витрины, хотя бы въ помѣщеніи земской библіотеки, съ

медленнаго, но постепеннаго составленія хотя бы самыхъ малыхъ коллекцій этнографической, археологической и др. Все дѣло и вся его тайна не въ средствахъ, а въ охотѣ, рѣшимости и постоянствѣ. Нуженъ прежде всего почипъ одного любителя, затѣмъ явятся и другіе охотники и подражатели.— Едва ли не большая часть библіотекъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ составляется нелѣпо. Устроители прежде всего хлопочутъ о выпискѣ не лучшихъ произведеній русской художественной и научной литературы, а разныхъ переводныхъ романовъ и всевозможныхъ нашихъ толстыхъ журналовъ, по большей части очень мало знакомыхъ съ интересами и потребностями провинціи. Во многихъ этихъ библіотекахъ вы не найдете ни исторіи Карамзина, ни исторіи Соловьева, ни исторіи церкви Филарета, Макарія и Голубинскаго, ни словаря Даля, ни словарей и грамматикъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ, ни географическаго словаря Россіи, ни хорошей карты своей губерніи и уѣзда, ни лучшихъ о нихъ статистическихъ и другихъ трудовъ и пр. и пр. и найдете на лицо всѣ семь или восемь нашихъ мѣсячныхъ журналовъ, иногда еще чуть не въ нѣсколькихъ экземплярахъ, разныхъ иногда по направленію, но по существу совершенно похожихъ другъ на друга, какъ схожи между собой столоначальники, начальники отдѣленій и прочіе чиновники различныхъ петербургскихъ канцелярій и департаментовъ. Мудрено ли, что многіе и многіе наши уѣзды съ своими городами не сознаютъ нужды самопознанія, и взяться не умѣютъ за дѣло болѣе всего для нихъ нужное, и людей и средствъ на это не находятъ. Открытіе такихъ новыхъ провинціальныхъ библіотекъ съ полнымъ комплектомъ всѣхъ нашихъ журналовъ обыкновенно оповѣщается и привѣтствуется въ столичной печати, какъ явленіе отрадное и знаменательное. Но одно журнальное чтеніе, разсѣивая и разметывая мысль, служитъ только средствомъ препровожденія времени. Прибавленіе одного или двухъ новыхъ журналовъ къ прежнему журнальному чтенію или замѣна одного журнала другимъ— стараго новымъ (Р. Мысли или Вѣстн. Европы, и т. д. Сѣв. Вѣстникомъ), едва ли въ исторіи русской образованности больше будетъ имѣть значенья, чѣмъ смѣна и замѣна виста преферансомъ и преферанса винтомъ. Кто занятъ дѣломъ, любитъ умственный трудъ и привыкъ мыслить и что нибудь изучать, тому для чтенья-развлеченья за глаза довольно ежедневной газеты и одной книжки журнала на мѣсяцъ (и то рѣдко цѣликомъ интересной для всякаго), а постоянное ежемѣсячное чтеніе семи, восьми толстыхъ журналовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ только взбалтываетъ мозги и отучаетъ людей отъ всякихъ серьезныхъ умственныхъ работъ и занятій. Вотъ почему такъ медленно подвигается въ Россіи наука, просвѣщеніе и образованность. Вотъ главнѣйше отъ чего въ провинціи нѣтъ и не заводится нужныхъ музеевъ. Измѣнится характеръ нынѣшнихъ нашихъ библіотекъ, будутъ и музеи. Исчезнетъ разметанность мысли, верхоглядство и пережевыванье

журнальныхъ фразъ и мнѣній, явится умственная самостоятельность, обязательная каждому взрослому со здравымъ смысломъ человѣку, разовьется настоящая любознательность, разумная любовь къ чтенію, т. е. книгъ съ выборомъ, по наклонности къ тому или другому роду знанія, а не къ чтенію того, что Богъ пошлетъ, или пришлетъ редакторъ въ февралѣ или мартѣ. Тогда, и только тогда, станутъ у насъ возникать музеи въ уѣздныхъ городахъ. Никакой формализмъ нашихъ столичныхъ ученыхъ обществъ (не понимаемъ, въ чемъ онъ заключается) устройству этихъ музеевъ мѣшать не можетъ. Если столица чѣмъ мѣшаетъ,то лишь своимъ журнальнымъ перепроизводствомъ, но вольно же провинціи такъ много потреблять подобнаго товару. И зачѣмъ та часть провинціи, которая уже сознаетъ болѣзнь, не поддерживаетъ болѣе энергически лучшей части нашей литературы?

Изъ Тульской губерніи.

Получивъ первую книжку Живой Старины, я прочиталъ ее съ глубокимъ интересомъ. Покорнѣйше прошу редакцію прислать и вторую книжку также, какъ и первую, съ наложеннымъ платежемъ въ 3 р. 50 коп., а затѣмъ, по времени выхода, и остальныя двѣ.

При этомъ осмѣливаюсь обратиться въ редакцію съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ разъясненіи и указаніяхъ по интересующему меня вопросу. Въ предисловіи I-й книжки Живой Старины, въ статьѣ: «От ъ редактора», стр. XXXVIII, почтенный авторъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе библіотекарей и завѣдующихъ библіотеками уѣздныхъ городовъ, «что при выписываніи книгъ литературнаго и научнаго содержанія слѣдовало-бы имъ заботиться и о пріобрѣтеніи для своихъ библіотекъ наилучшихъ картъ своего уѣзда и по возможности всѣхъ книгъ и статей, посвященныхъ цѣликомъ или отчасти, изслѣдованіямъ и описаніямъ уѣзда. Въ этомъ отношеніи библіографія Пыпина могла-бы давать полезныя указанія». Вотъ именно на этотъ счетъ я желалъ-бы получить свѣдѣнія: гдѣ, какія и по какой цѣнѣ можно пріобрѣсти книги, статьи, или даже выписки изъ книгъ и архивныя справки изъ документовъ, имѣющія отношенія къ Тульской губерніи, въ частности къ обитаемой мною мѣстности въ Одоевскомъ уѣздѣ. Хотя я не имѣю никакого отношенія къ уѣздной библіотекѣ, но желалъ-бы, не вдругъ, а по мѣрѣ средствъ, пріобрѣтать всякіе такого рода памятники временъ минувшихъ, какъ лично для себя, такъ и для своей церковной библіотеки. Одною изъ побудительныхъ причинъ къ тому служитъ потребность нужнаго матеріала для составленія мѣстной церковной лѣтописи, т. е. собственно приходской, въ составъ которой должны войти какъ этнографическія описанія края и мѣстности, такъ равно выписки (напр. изъ писцовыхъ книгъ) и справки изъ архивовъ.

Мнѣ желательно знать, насколько можетъ быть полезною въ разсматриваемомъ отношеніи библіографія г. Пыпина, а такъ какъ она еще и не издана въ свѣтъ, какъ то видно изъ сообщенія въ отдѣлѣ «Критики и библіографіи», то скоро-ли, приблизительно, можно ожидать ея выхода?

Священникъ *Петръ Сахаровъ.*

Тульской губ., Од. у. село Протасово.

Библіографическій указатель г. Пыпина еще не вышелъ въ свѣтъ, и кажется станетъ выходить по напечатаніи III и IV чч. исторіи русской этнографіи. По просьбѣ редактора два члена сдѣлали слѣдующія указанія:

1) Краткое географически-статистическое описаніе Одоевскаго уѣз. Тульск. губ. Вѣд. 871 г. № 1—2. 1

2) О церковныхъ земляхъ г. Одоева съ уѣздомъ. Прибавл. къ Тульск. епарх. вѣд. 1871 г. № 19, 20 и 21.

3) Городъ Одоевъ и его церкви. Св. Г. Пановъ. Тульск. губ. Вѣд. 1867 г. № 12, 13, 14, 15 и 16.

Указанія на сочиненія о Тульской губерніи вообще можно найти въ трудѣ Межова: «Литература Русской этнографіи, статистики и этнографіи» тт. I—IX, съ 1859 по 1880 г. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общества ц. по 3 р. за томъ.

«Могу только сказать, что книги Одоевскаго у. въ Моск. Арх. Мин. Юст. есть, приблизительно въ числѣ 15,—всѣ писцовыя книги этого Архива вообще описаны въ первой и второй книгахъ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи». Затѣмъ нѣкоторое количество мѣстныхъ грамотъ напечатаны недавно преподавателемъ Тульской Семинаріи Ник. Ив. Троицкимъ въ сборникѣ: Матеріалы для историко-географическаго описанія Тульской епархіи.

Старые труды Сахарова: «Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи»... и «Памятники Тульской губерніи» безъ сомнѣнія, должны ею интересовать, хотя книги давно встрѣчаются только у антикваріевъ.—Наконецъ книга Н. К. Оглоблина «Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ, заключающихся въ разрядныхъ книгахъ»—укажетъ ему нѣкоторыя не безъинтересные факты. По указателямъ въ Актахъ Историческихъ, въ первыхъ 10 томахъ, Дополненіяхъ къ нимъ и въ Актахъ Арх. Экспед. безъ сомнѣнія можно такъ же собрать нѣкоторыя указанія, могущія заинтересовать батюшку.

Изъ Екатеринослава.

Въ письмахъ покойнаго П. И. Прейса, напечатанныхъ во второмъ выпускѣ «Живой Старины» (108—136), авторомъ приводится разговоръ нѣмецкаго солдата, подслушанный имъ на плацъ-парадѣ въ Кенигсбергѣ, въ

которомъ встрѣчается слово не нѣмецкаго происхожденія «schaufelig, или правильнѣе schofelig». Въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ поясняется, что слово это заимствовано изъ еврейскаго жаргона. Считаю нужнымъ присовокупить, что слово «schofelig», употребляемое преимущественно литовскими Евреями, происходитъ отъ древне-еврейскаго языка и корень его שָׁפֵל (schofel), понижаться, опускаться. Какъ извѣстно, въ еврейскомъ жаргонѣ, помимо преобладающаго нѣмецкаго элемента, искаженнаго нерѣдко до неузнаваемости, находится очень много словъ древне-еврейскихъ, польскихъ и языковъ другихъ странъ и народовъ, среди которыхъ Евреи жили и понынѣ живутъ послѣ разрушенія второго храма, уничтоженія политической самостоятельности и разсѣянія по бѣлу свѣту. Слѣдуетъ еще прибавить, что слово «schofelig» не употребляется только въ смыслѣ жалкій, дрянный: оно имѣетъ и другое значеніе. Такъ, напримѣръ, литовскіе Евреи часто говорятъ: mir ist schofel, а это означаетъ: мнѣ дурно, мнѣ что-то нездоровится. Если редакціи угодно будетъ, прошу удѣлить мѣсто моему письму на столбцахъ «Живой Старины».

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи

С. Станиславскій.

P. S. Если редакція интересуется Евреями въ этнографическомъ отношеніи, какъ частью стамилліоннаго населенія въ Россіи, я напишу статью о еврейскомъ жаргонѣ, о его историческомъ происхожденіи, о древней и современной литературѣ на этомъ языкѣ, а потому прошу сообщить мнѣ объ этомъ. Я не чуждъ литературы, и статьи мои часто печатаются въ «Восходѣ».

Редакція съ признательностью приметъ изслѣдованіе или замѣтки объ еврейскомъ жаргонѣ въ Россіи и съ величайшимъ удовольствіемъ дастъ имъ мѣсто въ Ж. Ст., если статья будетъ одобрена знатоками.

Въ отвѣтъ на предложенный проф. Соболевскимъ вопросъ о Псковскомъ говорѣ мы получили отъ двухъ студентовъ здѣшней Духовной Академіи два прилагаемые отвѣта. Сердечно благодаря этихъ молодыхъ людей за ихъ отзывчивость, прибавимъ, что отъ молодежи нашей и университетской и особенно академической русское народовѣденіе и въ особенности русская діалектологія, а также изученіе всѣхъ инородческихъ языковъ могутъ и должны ожидать большихъ услугъ и цѣнныхъ вкладовъ. Если университетская молодежь, особенно изъ филологическихъ факультетовъ, можетъ быть болѣе научно приготовлена къ такого рода наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, за то академическая, не лишенная совсѣмъ и филологическаго образованія, стоитъ ближе къ народу и обладаетъ большимъ запасомъ живыхъ знаній народа, его быта и языка: студенты университетскіе

теперь по преимуществу уроженцы губернско-городскіе и столичные, а академическіе—преимущественно сельскіе, уѣздные. Вообще впрочемъ наша школа, и ученики старшихъ классовъ и учителя всѣхъ среднихъ да и низшихъ учебныхъ заведеній могли бы съ успѣхомъ для дѣла и съ великою пользою для себя лично и для нравственнаго и научнаго подъема русской школы,—она въ немъ сильно нуждается—и тутъ никакими новыми программами, правилами и предписаніями, въ Петербургѣ составленными и повсюду разосланными дѣлу не пособить,—могли и должны бы быть привлечены (разумѣется не приказомъ, а показомъ) къ живымъ наблюденіямъ, изслѣдованіямъ и изученіямъ окружающей природы, своей мѣстности, ея населенія, его нарѣчій, говоровъ, обычаевъ, нравовъ и пр. Въ Германіи, во Франціи министерства народнаго просвѣщенія такимъ путемъ оказали и оказываютъ большія услуги отечественной наукѣ. Что и у насъ оно возможно, блистательно доказано, благодаря многозаслуженному въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія К. И. Яновскому, Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ. Никакія возраженія и доводы насъ да и никого конечно не убѣдятъ, что подобные Кавказскимъ сборникамъ возможны и нужны лишь для Кавказскаго, и не возможны и не нужны для Петербургскаго и Московскаго, Кіевскаго, Виленскаго и прочихъ учебныхъ округовъ. Періодическіе учительскіе съѣзды хотя по округамъ и изданіе центральнаго педагогическаго журнала для гимназій завершили бы рядъ органическихъ, цѣлесообразныхъ предпріятій, которыя бы черезъ нѣсколько лѣтъ непремѣнно исправили, подняли и возвысили въ нравственномъ и научномъ отношеніи нашу среднюю школу:—недостатки ея теперь такъ ясны и родителямъ и профессорамъ университетовъ. Ред.

О псковскомъ говорѣ.

Географическое положеніе нынѣшней Псковской губерніи допускало на народную жизнь главнѣйшимъ образомъ два сосѣднихъ вліянія въ продолженіе почти всей исторической жизни ея составныхъ частей — со стороны Новгорода и западной Россіи, или, въ тѣсномъ смыслѣ, Бѣлоруссіи. Многіе уѣзды губерніи долгое время стояли въ непосредственной связи съ тою или другою изъ этихъ областей, и нѣкоторые, какъ Великолуцкій уѣздъ, еще при Екатеринѣ вмѣстѣ съ Бѣлоруссіей входили въ составъ одной административной единицы. Вѣковое общеніе не могло не отразиться на образѣ жизни, внѣшней обстановкѣ и духовномъ складѣ народа, и проявилось во множествѣ сходныхъ чертъ даже въ мельчайшихъ подробностяхъ домашняго обихода. Тончайшій показатель такихъ вліяній—народный языкъ оказался воспріимчивымъ не менѣе другихъ сторонъ народной жизни, и это выразилось въ цѣломъ рядѣ фонетическихъ особенно-

стей, приближающихъ псковскій говоръ въ различныхъ мѣстахъ къ тому или другому сосѣднему говору [1]).

Но эти вліянія ограничивались окраинами нынѣшней Псковской губерніи и во внутрь области проникали сравнительно слабо. Можно почти сказать, что наибольшая степень сходства съ сосѣдними говорами опредѣляется степенью исторической близости различныхъ псковскихъ мѣстностей съ сосѣдними областями. Такъ Порховскій уѣздъ, долгое время бывшій въ непосредственной связи съ Новгородскою землею, представляетъ замѣчательную близость къ новгородскому говору; Опочецкій и другіе южные уѣзды, смежные съ Витебской губ., Холмскій, Торопецкій, Великолуцкій (хотя не вездѣ) заключаютъ въ себѣ много чертъ бѣлорусскаго говора. Тотъ и другой типъ говора не вполнѣ сходенъ съ своимъ прототипомъ и представляетъ много интересныхъ подробностей, въ видѣ переходныхъ формъ къ тому или другому говору или наклонности къ собственной переработкѣ и развитію характеристическихъ особенностей произношенія.

Въ срединѣ, по географическому положенію, между этими теченіями (и въ непосредственной связи съ ними) стоитъ псковскій говоръ, слышный въ Псковскомъ, Островскомъ и отчасти Новоржевскомъ уѣздѣ. Онъ не чуждъ нѣкоторыхъ чертъ сходства съ указанными переходными ступенями къ новгородскому и бѣлорусскому говорамъ, и въ особенности близокъ къ этому послѣднему, хотя въ большинствѣ случаевъ его привыкли почему-то сближать съ новгородскимъ. Тѣмъ не менѣе его основные признаки настолько выразительны и отличны, что не позволяютъ всецѣло выводить его изъ обоихъ указанныхъ говоровъ.

Въ Порховскомъ уѣздѣ, преимущественно въ сѣверной и сѣверо-восточной части, сопредѣльной съ Старорусскимъ уѣздомъ, Новгородской губерніи, отличительною особенностью произношенія является оканье, которое рѣзко отличаетъ этотъ уѣздъ отъ всѣхъ другихъ уѣздовъ Псковской губерніи. Звукъ *о* не только сохраняется здѣсь въ слогахъ безъ ударенія, гдѣ въ другихъ уѣздахъ переходитъ въ ă или даже въ беззвучное *ъ* (гăварю, бăрада, кърамыселъ — въ друг. у., здѣсь: говорю, борода, коромысло); но иногда въ этихъ неударяемыхъ слогахъ удлиняется въ *у*: курмилицъ, пуйдемъ, кунёкъ, даже жуланный изъ обычн. жоланный. Звукъ *о* даетъ себя чувствовать при

[1]) Администрація и вообще историческія случайности тутъ не причемъ: преимущественно фонетическія да и другія особенности рѣчи, а также духовный складъ народа главнѣйше опредѣляются племеннымъ составомъ, явленіями этнологическими, а не историческими. Въ Псковской губ. сходство съ Бѣлою Русью объясняется бытностью въ ней Кривичей, а съ Новгородскою землей бытностью въ ней Словѣнъ (новгородскихъ). Есть въ населеніи Псковской губ. и третій элементъ—инородческій,—чудской. Онъ самъ и особенности и подробности случайнаго и разнообразнаго соединенія и сліянія его съ этимъ двумя славянскими также заслуживаютъ изученія.

разнообразныхъ превращеніяхъ *е*: оно всегда стремится приблизиться къ *о*, и выражается въ формѣ усиленнаго ё или даже о, если *е* стоитъ предъ слогомъ съ твердою гласною: пошелъ къ ёму, ёны, ёловый, хрёстъ, нёбо, Олёна, одва, ошшó.

Ѣ во многихъ случаяхъ, какъ въ новгородскомъ нарѣчіи, произносится какъ и: мни, теби (соб. мни-ка, теби-ка), побигла, ниту. Этотъ переходъ совершается, какъ въ области ударяемыхъ слоговъ, такъ и неударяемыхъ, но въ первомъ случаѣ чаще. Вмѣсто обычнаго *ѣ* въ дательн. и предл. пад. именъ сущ. женск. р. и предл. пад. им. сущ. муж. и ср. р. слышится *и* или *ы*. Такъ, дат.-п. жены, души, тилѣги, воды, предл.: о жены, о души и пр., предл. муж. и средн. р. объ отци, на окни и пр.; *ѣ* въ этихъ случаяхъ положительно извѣстно.

Стремленіе къ звуку *и* замѣтно и въ неударяемомъ *е*, особенно въ слогѣ близкомъ къ ударенію: тилѣга, колисо, политѣлъ, побирёгъ, Питра Питровича; то же замѣтно и въ неударяемомъ *я*: ина (изъ обычн. яна), испехонько, проивилси, сдѣлалси. Послѣднее явленіе чаще видно въ слогахъ, близкихъ къ ударенію, хотя не безъизвѣстно и въ отдаленныхъ слогахъ (индовà и др.).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда языкъ становится на почву аналогіи, приведенія формъ къ однообразію, перевѣсъ всегда остается на сторонѣ *и*, а ни какого либо другаго равносильнаго ему звука. Такъ, окончаніе 3 л. ед. ч. глаголовъ 1-го спр. въ наст. и буд. врем., по оставленіи конечнаго ть, по аналогіи съ окончаніемъ гл. 2-го спр. оканчивается на *и*; дѣлаи, коли, сѣи, лѣзи и т. д., также, какъ люби, держи, носи; *е* сохраняется только подъ удареніемъ: несё, жмё, пикё и пр., Мѣстоимѣнія тотъ, онъ, числит. одинъ и др. въ им. п. мн. ч. не дѣлаютъ никакого различія для мужескаго и женскаго родовъ: въ томъ и другомъ случаѣ употребляется окончаніе мужескаго рода рода *и* или *ы*: тыи, ёны, одны. Именительный пад. мн. ч. прилагательныхъ также для всѣхъ родовъ имѣетъ окончаніе *и*.

Самое характеристическое явленіе въ области согласныхъ—это правильное и почти повсемѣстное чередованіе *ч* и *ц*.

Въ южныхъ уѣздахъ, близкихъ къ Бѣлоруссіи, замѣчается другое теченіе. Здѣсь такъ же, какъ въ тѣсномъ смыслѣ въ псковскомъ говорѣ, преобладающими особенностями являются аканье и цоканье, но они сопровождаются и нѣкоторыми другими отличіями, неизвѣстными псковскому произношенію.

Въ области согласныхъ замѣчается стремленіе къ смягченію, хотя въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ бѣлорусскомъ *дз* изъ *дь* и *ц* изъ *ть*. Для этого смягченія, условно, можно было бы принять болѣе слабую, чѣмъ для

бѣлорусскаго говора, транскрипцію смягченныхъ зубныхъ, въ родѣ *$д_з$* изъ *д* и *ц* изъ *$т_{с}ь$*.: пайд$_з$ёмъ, малод$_з$енькій, д$_з$ревня, д$_з$ѣдъ, хад$_з$ит$_с$ь, насит$_с$ь, калатит$_с$ь, становит$_с$ь. Какъ и въ бѣлорусскомъ говорѣ, подобное смягченіе можетъ быть только предъ мягкими гласными.

Ш иногда произносится, какъ *сш* или *с*, и наоборотъ: сшкапъ, мясоцикъ, полшотни. Впрочемъ, эта мѣна не имѣетъ широкаго распространенія и вмѣстѣ съ другимъ не менѣе рѣдкимъ явленіемъ употребленіемъ *з* вм. *ж* (зялѣзо) стоитъ одиноко между другими особенностями, какъ слабый остатокъ старины.

У и *в* взаимно мѣняются. Впрочемъ, эта мѣна не простирается такъ далеко, какъ въ Бѣлоруссіи. Такъ слышится: ў сѣнехъ, ўся, въѣздъ, вмёръ, вкралъ, внесъ и пр.

Звукъ *и* вообще любимъ въ говорѣ и часто стоитъ тамъ, гдѣ ожидается *ы*: ў камори, далини.

Замѣчаются окончанія им. и вин. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. р. бальшéй, далгéй; и тѣ же падежи прилагательныхъ муж. р.—халоднўй, въ долгуй Послѣднее чаще всего встрѣчается въ окончаніяхъ, въ неударяемомъ слогѣ.

Окончаніе прилательныхъ *ій* произносится выразительно и не переходитъ, какъ въ другихъ говорахъ, въ *ый* или беззвучное *ъй*.

Своими основными особенностями этотъ пасынокъ бѣлорусскаго говора приближается къ псковскому говору въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь замѣтно тоже цоканье и аканье, только въ несравненно болѣе развитой формѣ, замѣтна отчасти мѣна *у* и *в*, но нѣтъ типичнаго смягченія зубныхъ, мѣны *ш* и *с*, нѣтъ такихъ формъ, какъ бальшѐй, долгуй.

Любовь къ звуку *ц* проявляется здѣсь настолько сильно, что различныя сочетанія согласныхъ, соединенныхъ съ свистящею *с*—дск, тск, тс, ск,—непремѣнно переходятъ въ ц. Такъ, глагольныя окончанія 3 л. ед. и мн. ч. и неопр. накл. общаго залога, содержащія сочетанія *тс*, произносятся съ двойнымъ *ц*: дѣлацца, дѣлаецца, молицца, любюцца, носюцца, туравяцца; прилагательныя съ суффиксами *ск*, *тс* и пр. также всегда звучатъ съ *ц*: цăлавѣцецкій, лютăбалоцкій, гăрацкой.

Мѣна *ч* и *ц* положительно не извѣстна.

Въ области согласныхъ интересенъ фактъ сохраненія древняго смягченія *р* въ срединѣ и концѣ словъ, напр.: церьква, перьвый, Изборьськъ, мярькать, верьхъ, серьпъ (имен. верёхъ, серепъ), стерьва, сахарь. Также всегда въ смягченной формѣ слышится окончаніе прилагательныхъ *скій*: дирявеньскій, ăпскасьской, полоньськой, ăстрасьской, риській, французьскій, руській. Примѣры 2, 3 и 4, кажется,

не позволяютъ довольствоваться объясненіемъ этого явленія, предложеннымъ въ «лекціяхъ» проф. А. И. Соболевскаго, гдѣ причиною смягченія считается вліяніе предшествующей мягкой гласной (86 стр.). Съ большимъ основаніемъ, кажется, подобное объясненіе можно было бы предложить къ предъидущему смягченію буквы *р*. Смягченіе *с* и вмѣстѣ съ нею *з* замѣтно не только въ окончаніяхъ, но и въ срединѣ словъ: изьба, исьтёпка.

Буква *щ* замѣняется двойнымъ *ш*: такъ говорятъ: рошша, шшака, апушшёникъ, худашшавый, прашшаникъ, шшука, шшипать, сосшипнуть.

Звукъ *ф* (ѳ) изрѣдка измѣняется въ *х*: Хома, Хомкино, но постоянно Ѳедурково, Ѳедулино.

У и *в* взаимно мѣняется, хотя и не часто: въ насъ, въ яво, Уласъ, павокъ и пр.

Многія слова, въ видахъ однообразія, удержали только одну форму съ смягченной или несмягченной согласной въ корнѣ, хотя по принятому употребленію эти согласныя чередуются: бѣжу, бѣжить, бѣжи... бѣжа; пужаю, пужаишь, пужая... пужаю, но текешь, текё, пекё и пр.

Самое важное въ псковскомъ говорѣ относится къ области гласныхъ звуковъ, и первое мѣсто здѣсь, безспорно, должно быть отведено аканью. Оно проходитъ замѣтною нитью черезъ весь говоръ и объясняетъ почти всѣ перемѣны съ гласными звуками. Какъ и во всѣхъ акающихъ говорахъ, *о* безъ ударенія переходитъ въ *а* и, если стоитъ не близко къ ударенію, дѣлается почти неслышнымъ въ произношеніи: бăрада, бăюсь, бăицца, вăявода, вăйна, гăлаледица, гăрушка, дăрагой, дăбро, кăлатушка, пăталокъ, пăбоцный, сăпатать, цăловѣкъ, лăмавой, маросъ, пăрашить.

Къ звуку *а* старается приблизиться *е*. Передъ мягкою гласною или согласною въ неударяемомъ слогѣ *е* всегда переходитъ въ *я*. Впрочемъ этотъ переходъ наблюдается только въ близкихъ отъ ударенія слогахъ. Такъ, слышится: бярёза, вясна, виряшшать, дяревня, зялѣзо, жанихъ, зямля, зяленый, кялейникъ, лямешь, лясной, либяда, лябедушка, мярешшицца, мярьканья, Мялетово, нялехкій, нямеццина, впяредъ, пиряпелка, пирилятѣлъ, пиряшелъ, сирябро, сямейный, Тяреха, тялѣга, тиляпелъ, цицавица, зацапили, Шшарепицы, царяпица. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, *е* на третьемъ отъ ударенія слогѣ переходитъ въ *и*, требующее не столь сильнаго напряженія мускуловъ, какъ *я*.

Передъ твердою гласною или согласною *е* по большей части переходитъ въ *а*: карасиръ (инъ), адва, ашше (конечное е въ этомъ случаѣ произносится твердо).

Ѣ подчиняется тѣмъ же законамъ, что и *е*: нямецкій, лясной; иногда даже подъ удареніемъ *ѣ* измѣняется въ *я*: сядло,—гдѣ, впрочемъ, нельзя не видѣть вліянія наст. вр. гл. сяду,—акрамя, апасля.

Прекрасно отразилось это произношеніе на мѣстныхъ названіяхъ селъ, деревень, урочищъ и т. п. Здѣсь *е* всегда замѣняется буквою *я* и *а*, напр.: Ямельяново, Яршово, Ягорьевшина, Яремино, Авдокимово, Авсѣйково, Авсѣево. По какому то недоразумѣнію, въ единственномъ почти сборникѣ названій псковскихъ мѣстностей, важномъ для опредѣленія народнаго произношенія,—«Опытѣ стат.-географ. словаря Псковск. и Великолуцк. уѣзд.» г. Василева—всѣ подобныя названія, за небольшимъ исключеніемъ, поставлены подъ буквою *е*. Такое же пренебреженіе народнымъ произношеніемъ видно въ транскрипціи другихъ названій, съ буквою *о* въ началѣ или рединѣ слова. Такъ читаемъ: Борокъ, Боровичи, Боровая, Образково, Оглоблино, Оклодицы, Ольха, Орлы и пр., сдѣлано исключеніе только для Авечкина и еще двухъ трехъ другихъ названій. Между тѣмъ, *о* въ говорѣ всегда измѣняется въ *а*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда стоитъ подъ удареніемъ.

Тяготѣніе къ звуку *а* можно видѣть въ нѣкоторыхъ формахъ спряженія и склоненія именъ. 3 л. ед ч. наст. и буд. вр. обыкновенно отбрасываетъ обычное *ть*, и конечное *е* и *и* принимаетъ звукъ *я* или *а*: дѣлая, наступая, калотя, пиша, любя, нося; конечныя *е* и *и* сохраняются въ произношеніи только въ слогахъ подъ удареніемъ—сиди, лежи, несё, пекё, ведё и несе, пеке, особенно принесе, спеке.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ средняго р. въ им. п. ед. ч. вмѣсто обычнаго въ грамматикахъ *е* слышится *я*: лашадиноя сядло, цӑлавѣцья серце.

Въ мѣстоименіяхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда *е* не стѣснено удареніемъ, всегда слышится *я*: род. п. отъ ёнъ—яво, дат. яму, вин. яво; женск. р — яна, ёй, яну; ср. р.—яно, яво, яму; мн. ч. им. п. всѣхъ род.—яны. Остальныя мѣстоименія также широко пользуются правомъ мѣны *е* въ *я*; слышимъ постоянно мяня, тябя, и пр.

Въ спряженіи, подъ вліяніемъ почти постояннаго отбрасыванія конечнаго *ть*, происходятъ дальнѣйшія сокращенія: јисть, јись, јi; есть, есь, *е*; при есть, какъ отзвукъ древняго ıѥсти, сохраняется отрицаніе въ формѣ нѣтути.

Въ падежныхъ окончаніяхъ дат., предл. пад. сущ. женск. р., предл. м. р. *ѣ* замѣняется *и* также, какъ и въ Порховскомъ у. Звукъ *и* вм. *ѣ* употребляется и въ мѣстоименіяхъ. Ни одно изъ мѣстоименій не имѣетъ *ѣ* ни въ

имен. мн. ч., ни въ творит. и предл. ед. ч. Слышатся тыи, яны, тымъ, цимъ, кимъ, о тыхъ, также какъ адны, адныхъ, вси-хъ и пр.

Дат. и твор. п. мн. ч. не отличаются между собою и одинаково оканчиваются на *мъ*.

Студ. II к. Спб. Дух. Ак. *П. Евспьевъ.*

Говоръ крестьянъ Марипчельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи.

Погостъ Марипчелки находится въ 30-ти верстахъ отъ своего уѣзднаго города Великихъ-Лукъ.

Гласныя;

1) Въ говорѣ жителей Марипчельской мѣстности замѣчается а̀канье:

а) п*а*ду̀шка (подушка), *ага*ро̀дъ (огородъ), г*а*рохъ (горохъ);

б) *я*на̀ (она), *я*ны̀ (они и онѣ);

в) д*я*рѐвня (деревня), н*я*вѣ̀ста (невѣста), тро̀*я* (трое), па с*я*нѐмъ (по сѣнямъ).

2) Въ началѣ словъ вмѣсто а часто ја (= я): яна̀ (вм. она), яны̀ (ани), *я*лый (а̀лый), прі-яжж*я*й (пріѣзжай).

3) *О* неударяемое передъ ј (й) и въ слѣдъ за ударяемымъ гласнымъ переходитъ въ у: въ имен. сущ. и прилаг.

а) подъ асѝн*уй* (подъ осиной), надъ бярѐз*уй* (надъ березой), съ суда̀рышк*уй* (съ сударушкой);

б) до̀бр*уй* иржѝ (доброй ржи), но̀в*уй* го̀ринки (новой горенки).

5) Въ неударяемыхъ слогахъ твердыя гласныя приближаются къ *ы*, а мягкія переходятъ въ *и* или быть можетъ: а, е = ъ (ы), ь (и).

а) ра̀д*ы*сть (радость), д*ы*рагой (дорогой), з*ы*латой (золотой), лѣс*ы*мъ (лѣсомъ), суд*ы*рь (сударь), н*ы*даскучилъ (надоскучилъ);

б) дѝтитка (дитятко), д*и*рявеньщина (деревенщина).

Согласныя:

1) Г произносится какъ серб. и польск. г, g, а не какъ малр. г' (=h). *Ч* въ Марипчелкахъ произносятся чисто, не переходитъ въ *ц*, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Псковской губерніи.

2) Далѣе, звукъ *в* часто замѣняется *у* и наоборотъ: а) у бало̀ти (въ болотѣ), *у* лясу̀ (въ лѣсу), *у* го̀рыди (въ городѣ), *у* по̀ли (въ полѣ), *у*зялъ (взялъ).

б) *в*ранѝть (уронить), *в*пять (упять), *в*знàть (узнать), *в*кладатѝ (укладать), *в*насъ (у насъ).

3) *У* и *в* употребляются, какъ приставки: успросѝть и вспросѝть (спросить), *у*сѐй и *у*весь (весь).

4) Звукъ *д* передъ *н* уподобляется звуку *н.*; а*н*нà (одна), ра*н*нѝ (родня), рòнный (родный).

5) Сильно уподобленіе мягкаго тj (ть) звуку *ц*: аццa (отца), брàцца (братца), минỳицца (минуется), котюцца (котятся), сы̀пюцца (сыпятся).

6) Вмѣсто *ф* и (и *ѳ*) произносится *х*: та*х*та (тафта) и часто *Х*ѐдыръ вмѣсто Фёдоръ.

Склоненія.

1) Родит. п. ед. ч. именъ женск. твердыхъ на *и*: мнòга малѝни (много малины), безъ лучѝн*и* (безъ лучины), мнòго рабòти (много работы).

2) Иногда род. падежъ употребляется въ формѣ дательнаго: не оддàмъ дачкѣ̀ (не отдамъ дочки), не миновàть бядѣ̀ (не миновать бѣды).

3) Мѣстный падежъ ед. ч. именъ муж., женск. и средн., мягк. на *и*, тверд. на *ы*: а) абъ мѣ̀ст*и* (объ мѣстѣ), абъ нявѣ̀сти (объ невѣстѣ); въ бàн*и* (въ банѣ), въ стòличк*и* (въ столичкѣ); б) на гòры (на горѣ), въ избы̀ (въ избѣ).

4) На ряду съ окончаніями твор. п. ед. ч. ж. р. им. мягк. ью и ей (ею) встрѣчаются окончанія юй: кòстюй (костью), жàлыстюй (жалостью), рàдыстюй (радостью), чѐтьверьтюй (четвертью), аглòблюй (оглоблей), бàнюй (баней).

Мѣстоимѣнія.

1) Личн. мѣст. род. и вин. пп.: минѐ, тибѐ, сибѐ; дат. п.; табѣ̀, сабѣ̀.

2) Ёнъ всегда вм. онъ.

Прилагательныя.

Замѣчаются въ окончаніяхъ мужескаго рода именительнаго падежа единственнаго числа:

1) Им. ед. муж. р. вм. ой, ѐй или эй: дрỳгѐй (другой), далгѐй (долгой), бальшэ̀й (большой), талстэ̀й (толстой), дурнэ̀й (дурной).

2) Окончаніе ій, ый въ прилагательныхъ произносится отчетливо, не переходитъ въ ой; если прилагательныя съ окончаніемъ ій, ый употребля-

ются въ смыслѣ сказуемаго, то слышно въ окончаніи одно *и*: **пирогъ-сладки** (пирогъ сладокъ, **хрѣнъ-горьки** (хрѣнъ горекъ); **лёнъ-волокнисти** (ленъ волокнистъ), **собой чисти** (собой чистъ).

3) Мѣст. п. ед. ч. прил. муж. р.—вм. **омъ**—**имъ** (оконч. тв.) **въ другимъ, въ большимъ**.

Спряженія.

1) Спряженія смѣшиваются: **дилаишь, путаишь** (дѣлаешь, путаешь), **судють, любють** (судятъ, любятъ).

2) Въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа всегда слышно *е́*, а не *ё*, а окончаніе въ ед. и мн. всегда **ть**; **идѐть** (идётъ), **плывѐть** (плывётъ) и **плетѐть** (плетётъ), **гуляють** (гуляютъ), **сѣють, вѣють** (сѣютъ, вѣютъ).

Прилагаемъ нѣсколько марипчельскихъ пѣсенъ, написанныхъ мѣстнымъ говоромъ, гдѣ встрѣчаются почти всѣ звуковыя особенности мѣстнаго марипчельскаго говора. Вотъ пѣсня, которую поютъ дѣвушки, собравшись на посидѣлки къ сосватанной подругѣ.

Марья [1]) въ матушки—
Дырагая гостійка.
Зылатая мятѐлычка!
Троя сянѐй вымила,
Толька аннѝй ня вымила
Становой, новуй горинки,
Гдѣ сидить мая свякровъ
Са сваимъ съ трёмъ дочирямъ,
Са маимъ залòвушкамъ;
Судили, радили
Пра чужую дитишку,
Пра сваю нявѣстушку.
«Толь янà санливая,
Толь янà дрямливая!
Нядàвна къ намъ пришлà,
Многа бѣдъ надѣлыла,
Мнок(г)ъ пасуди пыразбила;
Всё пивныи ковшички
И винныи чарычки;
Па навымъ сянѐмъ хòдила,
Зылаты ключи утѐряла».
«Охъ ты, лютая свякровъ!
Ты ня сохни, ни бали
Па маимъ златымъ ключамъ:
Мнѣ ня твой сынъ ключи купилъ,
Мнѣ ня твой мужъ зылатилъ!
Мнѣ купилъ ключи батюшка,
Зылатила матушка,
Полужали сестрицы,
Выкупали братицы,
Абнавляли нявѣстушки
Зли [2]) своей чести, хвалы,
Зли мабй крысаты,

***

Пѣсня передъ надѣломъ невѣсты къ вѣнцу родителями:

Сказывай, Авдотьюшка! [1])
Е́сть-ли батюшка,
Е́сть-ли матушка?
Призывай къ дубавому сталу,
Што-бъ яны ныдялили,
Благаславили тибѐ
Съ усѐй радыстюй,
Съ усѐй жалыстюй.

***

---

[1]) Имя невѣсты.
[2]) Для.
[1]) Имя невѣсты.

Святочная пѣсня (поется дѣвушками, стоя въ кружокъ, не взявшись за руки, съ приплясываніемъ, поворачиваясь на одномъ мѣстѣ).

Ра̀дысть мая, ра̀дысть!
Ра̀дысть дыра̀гая,
Дѣвица мила̀я!
По̀ саду гуляла,
Ду̀мыла, гада̀ла:
Ни сяво̀дни, за̀тра
Ка мнѣ ми̇лый бу̀дить,
Пада̀рычикъ ку̀пить,
Ни ма̀лъ, ни вяли̇чикъ,
Съ ѐтыва пада̀рка я,
Сашью̀ я шубѐйку,
Паѣду въ таржѐйку.
На у̀лицу вы̇шла,
Казачёкъ гуля̀ить,
Глаза̀ми мига̀ить:
Чёртъ яво̀ зна̀ить,
Чаво̀ ёнъ мига̀ить.
Да̀ли яму̀ пи̇ва,
Да̀ли яму ви̇на.
«Дѣвушка ми̇ла!
Напо̀й мае̇ ко̀ня
Сярёдъ си̇ня мо̀ря,
На ка̀мишки сто̀я,
За узьдѐчку дѐржа,—
Што̀-бы конь напи̇лся,
Кавёръ ни смачи̇лся».
Конь ваду̇ нѐ пьетъ:
Даро̀жиньку чуитъ,
Гдѣ ми̇лый начу̀итъ.
Нычява̀лъ мой ми̇лый
Ни до̀ма, ни зьди̇ся:
Падъ бѣлуй бярёзуй,
Падъ го̀рькуй оси̇нуй,
Съ суда̀рышкуй съ ми̇луй.

***

Святочная пѣсня.

Сѣю, вѣю бѣлый лёнъ.
Уради̇ся, бѣлый лёнъ!
Бѣлъ, вылакни̇сти,
Сабо̀й гылави̇сти!
Сталъ мой лянòчикъ
Зрѣти, пыспыва̀ти,
А я млада̀ гырява̀ти:
Съ ки̇мъ-жа мнѣ бу̀дить
Ляно̀чикъ тяга̀ти?
Свёкырь гаво̀рить:
«Я са табою
Снахо̀й маладою!»
Ета мнѣ не ра̀дысть,
Ета не вясѐлье;
Брань да хлапо̀ты,
Бальші̇и суёты.

***

Святочная пѣсня. Дѣвушки стоятъ кружкомъ, не взявшись за руки, ходятъ въ ту и другую сторону и поютъ:

Галава-ль ты мая,
Гало̀вушка!
Бясча̀сная,
Бисталанная!
Куды̇ сва̀тыли,
Туды ни̇ (о) ддали;
Оддалъ ба̀тюшка
За разбойничка
За крутящива,
За толкущива!
На разбой идѐтъ
Паутру̀ рана,
А съ разбо̀ю идѐтъ
Вычяру позна.
Ёнъ идѐть, идѐть
И каня вядеть,

Каня дȍбрыва
Привтамлёныва,
Снаряжȅныва—
Абрутȁныва,
Асядлȁные.
«Выхадѝ жанȁ
И взнавȁй каня!»
Па дварȣ̀ хажȣ̀,
На канѧ̀ гляжȣ̀.
Ѐта дȍбрый конь
Мавȍ бȁтюшки,
Зылатȍ уздȁ
Брȁцца сȍкыла,
Шилкавȁя плѐть
Сястрѝцъ лȁстушикъ.

Студентъ III к. Спб. Дух. Академіи *М. Успенскій.*

1891 г., февраля 23.

Въ разныхъ мѣстностяхъ сѣверной Руси народная рѣчь отличается п ѣ в у ч е с т ь ю. Въ чемъ состоитъ эта пѣвучесть? Въ удлиненіи конечнаго гласнаго въ послѣднемъ словѣ фразы? Въ удлиненіи какихъ-либо ударяемыхъ или неударяемыхъ гласныхъ въ словахъ въ разныхъ мѣстахъ фразы? Въ тональномъ различіи звуковъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ фразы (напримѣръ, въ произношеніи въ словѣ н а р о д ъ звука *а*—тономъ *do*, а звука *о*—тономъ *re*)?

А. Соболевскій.

Желательно имѣть побольше подробностей и указаній относительно говоровъ Костромскихъ и получить образцики рѣчи, особенно Галичскаго, Чухломскаго, Кологривскаго уѣзд. Такъ въ Чухломскомъ гов. (кажется такъ называемомъ не только въ Чухломскомъ, но и въ Галичскомъ уѣздѣ) слова произносятся с ъ в ы с о к а, съ разстановкою, протяженіемъ, напр.: «карми-й-лецъ адалжи-й-ка свѣ-ѣ-чекъ та». Желательно точнѣйшее опредѣленіе этой рѣчи с ъ в ы с о к а.

В. Ламанскій.

Въ уѣздѣ Новоладожскомъ и въ разныхъ уѣздахъ Новгородской губ. замѣчаются говоры, гдѣ *ѣ* не произносится, какъ *и*, а какъ *е* т. е. не с и н о, л и с ъ, а с е н о, л е т о. Желательно имѣть указанія по погостамъ, гдѣ преобладаетъ говоръ съ *ѣ*, какъ *и* (с и н о, л и с ъ) и гдѣ говоръ съ *ѣ*, какъ *е* (с е н о, л е с ъ); есть ли еще какія другія особенности и отличія втораго говора отъ перваго и въ чемъ онѣ состоятъ? Желательно имѣть побольше примѣровъ и получить образцики рѣчи съ возможно точнымъ или близкимъ изображеніемъ особенностей выговора или произношенія гласныхъ: е и о или даже ё=jo (ещȅ и ещȍ)

и согласныхъ ц, ч, щ. Желательно имѣть изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ живутъ Карелы и гдѣ они свободно говорятъ по русски, обращики ихъ русской рѣчи, а также изъ чисто русскихъ селеній, пограничныхъ съ Карельскими.

В. Ламанскій.

Не сохраняется ли гдѣ въ народной великорусской и бѣлорусской рѣчи дательный самостоятельный, напр. въ такомъ родѣ: «живу мнѣ напереду, надо будетъ сдѣлать»...

В. Ламанскій.

Въ какихъ уѣздахъ или мѣстностяхъ Новгородской губ. вовсе неизвѣстно и неупотребительно слово хвершь въ смыслѣ песку съ мелкимъ камнемъ или просто мелкаго камня?

В. Ламанскій.

Желательно получить велико-, мало- и бѣлорусскія, а также и различныя инородческія названія созвѣздій Большой Медвѣдицы, Оріона, Плеядъ и другихъ, а также звѣздъ Венеры (Зарницы) и Полярной.

Г. Потанинъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Урочные посты.

Въ народѣ доселѣ многія женщины наблюдаютъ особый постъ въ нѣкоторы дни года, придавая такому посту особое значеніе. Наставленія о такихъ постахъ част встрѣчаются въ рукописныхъ тетрадкахъ, ходящихъ среди народа, и не рѣдко имѣют очень древнее происхожденіе. Приводимъ здѣсь образчикъ такихъ наставленій из рукописи XVI в. (Соф. № 1462, л. 82 об.—83), удерживая формы языка, но при мѣняя современную графику.

„Мѣсяца марта постися первыя недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Авраамлихъ. Вешнихъ дней.

„Мѣсяца іюня постися двѣ недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ Давидовыхъ. Лѣтнихъ дней.

„Мѣсяца сентября постися три недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ къ племени Вавилонскому. Осеннихъ дней.

„Мѣсяца декабря постися 4 недѣли въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ: да причтется къ 14 родовъ рожству Христову. Зимныхъ дней.

„Аще который человѣкъ сохранитъ сіа 4 времена о хлѣбѣ и о водѣ чистотою, постомъ, бдѣніемъ, аще будутъ и велика съгрѣшеніа, есть то въ едино или въ два лѣта, вся прегрѣшеніа отпустятся ему.

Аще вся 4 времена до живота своего съхранитъ сіи постяся, да на страшнѣмъ судищи ни коего зла не убоится.

„Сіи же 4 времена увѣдаша святіи отци отъ Святаго Духа и уставиша постящимся въ кое время провидити то".

М. Соколовъ.

Русская гигіена XVI вѣка.

Въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка бывшей библіотеки Новгородскаго Софійскаго собора, хранящемся теперь при С.-Петербургской Духовной Академіи (Соф. № 1462), среди другихъ замѣтокъ собирателя, встрѣтились намъ весьма интересныя гигіеническія наставленія, которыя мы здѣсь и сообщаемъ, вполнѣ сохраняя языкъ рукописи относительно звуковъ и формъ, но употребляя современную графику.

„Надобѣ человѣку велми расмотрятися о томъ, чтобы легкая ѣства ясти, чтобы въ немъ долго не была, но борзо изъ него исходила. И въ мѣру ясти въ которую пору, чтобы ему въ боцѣ не тяжело было. И ясти ѣства, которая бы ему была пріятна и что у него нутро любитъ. Пригожа ѣства къ здравію: пшено сорочинское,

крупы ячныа и гречневы, и овсяны, и пшено, и гороху мало, занеже въ человѣцѣ не борзо ноетъ; и трава латуга борщь, свекловица; яиця свижіе въ смятку; а рыбы которыя тверды ясти, въ которой бы духъ не былъ, чтобы рѣчная рыба, а не озерная; а рыба ясти съ перцемъ и съ лукомъ, и съ чеснокомъ, и съ горчицею и со уксусомъ; а больши ясти рыба печена или испряжена въ маслѣ. А смокви, изюмъ ясти преж ѣствъ, а послѣ обѣда добро ясти яблока и груши печены, сахаромъ посыпывая. Въ веснѣ ясти менши, а лѣто того менши ясти; а въ осенинахъ акы въ веснѣ; а зимѣ надобѣ болши ясти. И добрая ѣства ясти напередъ, а плохая опосле; того дѣля напередъ добрая ѣства ясти, что идетъ напередъ къ желудку и исходитъ изъ желудка борзо, а не запирается, ни пыщитъ человѣка. А за столомъ бы долго не сѣдѣти, что первая ѣства хощетъ борзо изыти, а бы задняя не пришла, зане отъ того человѣку многыя недугы поминаются. А пити медъ за столомъ не добрѣ хмеленъ, или вино добро пити съ водою смѣшавъ: хмель голову портитъ, потомуж и вино; а пилъ бы помаленку за столомъ, а часто: поколе бы ѣлъ, потоле бы и пилъ, чтобы ѣства и питье вмѣстѣ шла и желудокъ бы принялъ. И тѣмъ обычаемъ надобѣ ся держати, и тѣмъ человѣку животъ держится и здравіе: сердце здорово и тѣло крѣпко. А послѣ человѣку, аже иметъ жажа, можетъ испити часъ; а часъ минетъ послѣ стола, ино ему не пити до ужины. Того дѣля не велитъ послѣ стола пити, что остудитъ желудокъ, и съ того запирается ѣства въ желудкѣ, и отъ того многыя недугы приходятъ человѣку: такъ вси философы кажуть. Коли человѣкъ что ѣлъ и изныетъ въ немъ, а что останется въ желудкѣ, и можетъ человѣку то въ тукъ поити; и отъ того тѣло тяжелѣетъ, что оставается въ желудкѣ, и того дѣля человѣкъ порану на проходъ идетъ и силится, чтобы изъ него вышло. И носъ бы себѣ сморкалъ и плевалъ бы гораздо, чтобы ему горло чисто. Коли человѣкъ въ себѣ не чисто держитъ, ино у него нутръ болитъ. Токъ же дабы въ себѣ не задержалъ, занеже тогды камень заражаетъ въ пузырѣ. И вси философи наказуютъ, еже не объядатися, занеже попремногу портитъ человѣка, еже объядатися, яко брашно изообилуай и піанство великъ недугъ на ны наноситъ. Смотри бо, яко отъ Адама до Ноя 10 родовъ бысть, и тѣ жиша лѣта многа, зане пища тонко пріимахуть, жито и млеко, и воду пьяхуть: и отъ Ноева рода воспріаша мясояденіа и винопитіа, тѣмъ и недузи чясти быша, и лѣта ихъ умалишася. Тако-жь и отъ теплаго и отъ студенаго вѣтра беречися, а вѣтръ бы былъ человѣку теплъ, но не добрѣж. А послѣ обѣда коли два часа минутъ, тож поспати, а болшее бы спалъ человѣкъ въ нощи, а въ день не спалъ, понеже многїа недугы въ главу вступаютъ; а кто не досыпаетъ и онъ тѣломъ не крѣпокъ. А послѣ обѣда иметъ человѣкъ много ходити, или ѣздити, или дѣлати что, то много нездравіе творитъ".

М. И. Соколовъ.

Примѣты по днямъ луны (Лунникъ).

(Изъ рук. XVI в. Соф. № 1462 л. 83).

О кровопущаніи.

Въ 1 день наставшаго мѣсяца до 9 часа кровь пущай: человѣку здраво, а не отечливъ.

Во 2, 3, 4 годъ сухъ, тогды не пущай.

Въ 5, 6, 7 пущай: человѣку здраво и коню.

8 ни на что не строенъ.

Въ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, оже буде нуждно, ино пустити по полднехъ.

Въ 16, 17, 18, 19 не пущати никогдаже, годъ отечливъ, человѣку не здорово и коню.

Въ 20, 21, 22, оже буде нужда, ино пустити порану до полдней.

Въ 23, 24, 25 не пущай.

Въ 26, 27, 28 пущай по полднехъ, рана не отечетъ, а человѣку здорово, тѣ бо три дни въ всемъ мѣсяци легкы; а исъ тѣхъ 3 дней любо апостола, ли пророка, ли отца, а не мученика.

Въ 29 рано пущай.

30 бранит зѣло (далѣе въ рукописи послѣ двоеточія написано: ѣлнiї лунникъ).

(В)ъ руку десную съборную жилу пусти кровь — ползуетъ все тѣло. Главнаа же выше съборныя ползуетъ отъ ягодей. Ближе великаго перста ползуетъ отъ кашлѣ, також и отъ ятръ. Рука же лѣваа, аще и съборныа пустити же, тако ползуетъ все тѣло. Аще выше съборныя, еже есть главнаа, ползуетъ на лице и на зубы. Близъ же великаго палца, ползуетъ отъ стомаха. Близъ же малаго перста, ползует от раста. Аще горло затечетъ, пусти кровь изъ главныя жилы, по выше съборныя.

Априля Мѣсяца ветха 25 Марка евангелиста добро кровь пущати и безъ году, человѣку и коню здраво; а коли ведро бываетъ, кромѣ среды и пятка, кровь пущати и чернило сливати.

Аще будетъ человѣкъ струпивъ, ино пустити кровь маiа въ 1 день и будетъ чистъ.

Аще будетъ въ человѣцѣ студень, или сухота, ино пустити маiа жъ 15 исъ правыа рукы.

Аще будетъ въ человѣцѣ ужасъ, или туга, или полохливъ, или буде въ немъ былъ переполохъ, ино пустити августа 15 изъ лѣвые рукы. А всего расмотряй опасно.

Сукно топтати молода по перекрои на завтрiи.

Гумно разкрывати въ послѣднюю пятницю ветха.

Свинiи дай жита въ 16 день и вепрю молода подъ полнъ.

Мясо соли въ Евдокеинъ день и въ чистой понедѣлникъ; мясо изрѣзати въ великый четвертокъ.

Ленъ сѣяти въ 4-я щпи по обѣднѣ или въ Констянтинъ день по обѣднѣ; въ 10 день горохъ, как подъ полнъ. Сѣмя конопленое 5 щпи, оже буде ни среда ни пятокъ, а въ посной день не сѣй. Лукъ сѣати въ 6 день ветхя. Росада садити и сѣати по перекрои ветховомъ въ 2 и 3 и 4 день. Свекла садити въ 5 день молода. А отъ молода добро же росада сѣати и садити на 4 дни. На Спиридоновъ день въставъ до солнца порану да пересыпли сѣмена яровые всѣ на иное мѣсто да вывези на поле гною возъ и росыпли по разну: земля буде кипра, а хлѣбъ родитъ.

Рожь класти въ стогъ: прежь положити 9 каменей да 9 жеребiевъ олховыхъ и молвити такъ мышемъ: камень вамъ хлѣбъ, а дрѣво волога.

Дрѣва садити въ 10 день луны и 11, 12, 13, 14, 19, 20.

Сообщилъ *М. И. Соколовъ.*

Народныя дѣтскiя игры.

Лишь только красное солнышко начнетъ припекать кормилицу-поилицу землю, появятся проталинки на пригорочкахъ, обтаютъ на пригрѣвѣ завалины около жилья, ребятишки цѣлыми гурьбами, вмѣстѣ съ курами, высыпаютъ на улицу, на солнышко, и весело имъ: играютъ—цѣлый день домой не загонишь. Выбѣгаютъ сначала въ полушубчишкахъ, въ зипунишкахъ, часто безъ шапокъ; на ногахъ лаптишки размочалившiеся, подъ подошву коихъ привязаны „колодки", имѣющiя видъ скобы, чтобы не очень ужъ промочиться, — а потомъ все это сбрасывается: ребятишки раздѣвшись, разувшись, то бѣгаютъ по лужамъ, то прудятъ, распружаютъ ручейки, строя на нихъ мельницы, то принимаются за извѣстныя свои игры: въ бабки—козны, шашки (изображающiя тоже

козны), въ прятки, а если къ ребятишкамъ присоединятся и дѣвченки, то и горѣлки устраиваются, въ рѣдьку, въ ворона, въ тюленя играютъ, изобрѣтаютъ и новыя по своему вкусу, соотвѣтственно времени, мѣсту, внутреннимъ и внѣшнимъ ощущеніямъ, въ подражаніе старшимъ, совершившимся на ихъ глазахъ событіямъ: ворами, базарами, гостями, лошадьми, собаками и т. п.

Народные мыслители, глядя на игривую юность, приговариваютъ: — Молодость, молодость! ни о чемъ-то молодость не думаетъ: играетъ, тѣшится, ѣстъ въ сласть (аппетитно), спитъ спокойно — не проснется, на одномъ боку — не повернется... Какъ тутъ не рости! — Заключаютъ философски.

И старикамъ любо глядѣть, какъ молодежь играетъ въ тѣ же игры, которыми забавлялись и они, бывши дѣтьми, на соломѣ кричатъ: „мала куча!“ у стѣны „масло жмутъ“, а кто зазѣвался — шапку, варыгу сшибутъ — „азаръ!“

Прежде чѣмъ приступить къ описанію нѣкоторыхъ дѣтскихъ игръ, считаемъ нужнымъ коснуться необходимаго такъ сказать предисловія игръ: собирающій голоса, заводчикъ игры, матка или по приглашенію изъявившихъ желаніе играть, или самъ непосредственно, когда всѣ станутъ въ рядъ, въ кругъ и условятся во что играть, начинаетъ „считать“, кладя каждому руку на плечо:

Кони новы,
Чѣмъ подковы?
Злати-бити
По ланитѣ—
Русъ-бусъ
Пей квасъ,
Ѣшь грязь —
Будешь князь!

Или:

Первенчики-другенчики,
Тринцы-валынцы...
Шишелъ-вышелъ!

а иногда:

Первой, другой—хомутъ съ дугой;
Три, четыре—прицѣпили;
Пять да шесть—били шерсть;
Семь да восемь—сѣно возимъ,
Девять, десять—деньги вѣсить.

На чьемъ плечѣ остановится матка при послѣднемъ словѣ, тому и ходить, горѣть, искать (при игрѣ въ прятки), или иное что по ходу игры изображать. — При играхъ въ лапту, въ шаръ, въ котелъ — кидаютъ палку съ ноги или черезъ плечо, перевѣсомъ, но не по способу луканья. Это называется вообще „littleкониться“;—впрочемъ, собственно кониться,—значитъ взять въ руки палку и каждому одною рукою перехватывать до конца; взявшійся за верхній хотя бы не всей рукой, но на столько, что можно палку черезъ себя перекинуть — „вышелъ“. При катаньѣ яицъ каждый кладетъ яйцо кому-либо въ фартукъ, мѣшаютъ, а потомъ по одному вынимаютъ: конъ—первый, подконъ — второй, въ третьихъ и т. д., послѣдній же называется „дебъ“ — остается въ дебахъ.

а) Игра въ тюленя.

Изображающая (игра дѣвичья) тюленя садится на землю, а играющія, ухватясь за руки, образуютъ хороводъ, ходятъ и поютъ:

— Ты, тюлень, ты тюлень,
Завернись подъ кулень!
Тепло-ли тебѣ тамъ?

Тюлень отвѣчаетъ:

— Мнѣ не больно тепло,
Пріодѣньте меня,
Пріукутайте меня:
Съ молодца вѣнокъ,
Съ красной дѣвицы платокъ.

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ себя платокъ и покрываетъ тюленя, затѣмъ продолжаютъ хожденіе хоровода и пѣніе до тѣхъ поръ, пока ни у кого не останется ни платка, ни запона (фартука), чтобы прикрыть тюленя.

б) Игра въ ворона или коршуна.

Изображающій ворона сидитъ на землѣ и роетъ ямку, а другіе, представляющіе насѣдку и цыплятъ, ходятъ, ухватясь за руки, кругомъ него и поютъ:

Около коршуна хожу.
Мой-то коршунъ-отъ,
Онъ не спитъ, не лежитъ,
Онъ жерелышки нижитъ:
По три ниточки, по пронизочки,
По четыре золотыхъ,
По серебряныхъ.

Пропѣвши, передній, изображающій насѣдку съ цыплятами, спрашиваетъ коршуна.
— Богъ на помощь тебѣ!
— Не слышу, — отвѣчаетъ воронъ
Хожденіе, пѣніе и привѣтствіе повторяются и потомъ идетъ перекрестный разговоръ:
— Богъ на помощь тебѣ.
— Спасибо!
— Чево роешь?
— Ямку.
— На что тебѣ ямку?
— Иголочку ищу.
— На что тебѣ иголочка?
— Мѣшулечку шить.
— На что тебѣ мѣшулечка?
— Камешки класть.
— На что тебѣ камешки?
— Въ твоихъ дѣтей шуркать-буркать.
— За что, про что?
— Они у меня съѣли: сорокъ амбаровъ сухихъ таракановъ, сорокъ кадушекъ соленыхъ лягушекъ, сорокъ четвертей соленыхъ чертей, лукъ, чеснокъ, желудей горшокъ!

Насѣдка накидывается на ворона, а воронъ старается напасть на цыплятъ, порвать цѣпь, тѣ стараются увернуться кричатъ—га! га! Кого воронъ отобьетъ, тотъ и долженъ, при повтореніи игры, занять мѣсто его.

Иванъ Мамакинъ.

Зашт. гор. Починки, Лукоян. у. Нижег. г.

Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи.

До сихъ поръ простой народъ во многихъ мѣстахъ называетъ иконы „богами“, а полку, на которой помѣщаются иконы, „божницею“. „Всѣхъ боговъ съ божницы сниметъ“, говоритъ народная пословица о человѣкѣ, который любитъ кстати и некстати „призывать имя Божіе всуе“. „Нечего молиться тому богу, который не милуетъ“, «всѣмъ богамъ по сапогамъ» и т. под. поговорки до сихъ поръ существуютъ въ устахъ народа, хотя, въ строгомъ смыслѣ, и не пріурочиваются уже къ иконамъ.

До сихъ поръ народъ покупку иконы не называетъ покупкою, а „мѣною“, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и „вымѣниваетъ“ иконы на деньги: понятіе о богѣ и о куплѣ, очевидно, не совмѣщается въ умѣ нашего народа, какъ не совмѣщалось оно во времена язычества. На послѣднее указываетъ то, что кошка, эта любимица домового, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда не покупается, а „вымѣнивается“, причемъ въ обмѣнъ за нее даются двѣ копейки.

Купленныя или „вымѣненныя“ иконы народъ ставитъ въ божницы, деревянныя полочки, помѣщенныя въ переднемъ, „красномъ“ углу. Порогъ и очагъ или печка и мѣсто у послѣдней — „куть“, служившіе въ глазахъ язычника мѣстомъ обитанія домашнихъ духовъ, уступили отчасти свое священное значеніе „красному“ углу. Въ „красномъ“ углу совершается ежедневная трапеза простолюдина, въ красномъ углу садится глава дома и почетный гость (не даромъ говоритъ пословица, что „въ переднемъ углу сидятъ попы, да дураки“, т. е. люди почетные, или люди честолюбивые, глупые), въ красный уголъ кладется и покойникъ, причемъ голова его обращается непремѣнно къ иконамъ, въ красный уголъ, наконецъ обращается и изголовье постели. Вмѣстѣ съ иконами въ божницахъ находятся и другіе предметы, имѣющіе въ глазахъ простолюдина священное значеніе: богоявленская вода, освященная верба, пучки троицкихъ березъ, а также книги божественныя: Псалтирь, Сонъ Богородицы, Страсти и т. д. Иконы украшаются, нерѣдко разноцвѣтными ленточками, такія ленты и ленточки во многихъ мѣстахъ кладутся на особенно чтимыя народомъ иконы, находящіяся въ церквахъ и часовняхъ. Обычай этотъ, очевидно, остатокъ сѣдой старины, когда предки наши покланялись „дуплинамъ древянымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе“ (Житіе великаго князя Константина Муромскаго). Это украшеніе мѣстно-чтимыхъ деревьевъ „убрусцами“ и лентами сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и донынѣ. Такъ, напр., въ с. Ильинскомъ въ Лугахъ, Трушковской волости [1]) существуетъ священная роща и источникъ. Ежегодно въ Ильинъ день (20 Іюля) совершается на послѣдній крестный ходъ, а деревья, окружающія его, обвѣшиваются цвѣтными лоскутками и лентами. Цвѣтныя ленты до сихъ поръ употребляются при завиваніи вѣнковъ въ Троицынъ день, такими же лентами украшается и „дѣвья красота“ — небольшая елочка, фигурирующая въ мѣстныхъ свадебныхъ обрядахъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „божницы“ занавѣшиваются занавѣскою, завѣшиваются преимущественно во время пиршествъ, пляски и другихъ развлеченій. Сидѣть въ комнатѣ, гдѣ есть иконы, въ шапкѣ, свистать въ этой комнатѣ—считается грѣхомъ. Все это, конечно, происходитъ изъ глубокаго уваженія простолюдина къ святынѣ, но многое изъ этого имѣетъ въ основѣ своей языческую подкладку, какъ, напр., завѣшиваніе иконъ или повѣрье о предосудительности свистанія на губахъ въ домѣ: свистать въ домѣ не слѣдуетъ, по мнѣнію крестьянъ Вологодской губ., потому, что этимъ свистомъ можно напугать и высвистать изъ дома домового, этого хранителя домашняго благополучія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ помѣщаетъ небольшія иконы или образки надъ воротами, чтобы предохранить все домашнее строеніе отъ нечистой силы. Переходя изъ

---

[1]) Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда. Тр. Яр. Стат. Ком. 1865 г. Яр. Губ. Вѣд. 1889 г. № 1.

[2]) См. ст. «Крестьянская свадьба въ Пош. уѣздѣ». Труды Яросл. Стат. Ком. 1865 г.

стараго дома въ новый, прежде всего стараются перенести въ новый домъ иконы, (переходятъ, по преимуществу, ночью).

Не смотря на то, что число святыхъ, чтимыхъ Русскою церковью, весьма велико, число иконъ, которыя особенно чествуются народомъ, сравнительно не значительно. Чаще всего въ крестьянскихъ домахъ можно встрѣтить изображенія Спасителя, Богоматери, великомученика Георгія, Власія, Зосимы и Савватія, Іоанна Богослова и Іоанна Крестителя, Николая Чудотворца, Косьмы и Даміана, Параскевы и др. Такое предпочтительное почитаніе однихъ святыхъ предъ другими объясняется тѣмъ, что на вышеозначенныхъ святыхъ перенесенъ былъ народомъ культъ нѣкоторыхъ языческихъ боговъ. Илья Пророкъ замѣнилъ собою бога громовника, святой Власій—Волоса и т. д. [1]). Объ этомъ было много говорено въ нашихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ по русской миѳологіи, говорено было лицами болѣе насъ компетентными, и говорить по этому поводу что либо еще мы считаемъ совершенно излишнимъ. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ перечисленныхъ нами святыхъ особенно чествуются въ Пошехонскомъ уѣздѣ св. великомученикъ Георгій, Николай Чудотворецъ, Параскева—Пятница, Илья пророкъ, Іоаннъ Креститель.

Замѣнивъ прежнихъ языческихъ боговъ, съ принятіемъ христіанства, христіанскими святыми, наши предки, какъ уже мы сейчасъ сказали, перенесли отчасти на почитаніе послѣднихъ языческій культъ первыхъ: слѣды этого культа видны во многихъ народныхъ повѣрьяхъ, соединенныхъ съ иконопочитаніемъ. Дастъ трещину икона или упадетъ на полъ—въ домѣ будетъ покойникъ или случится съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ несчастіе. Параллельно съ этимъ существуютъ повѣрья несомнѣнно языческаго происхожденія, повѣрья однородныя съ вышеприведеннымъ: трещитъ стѣна—въ домѣ будетъ покойникъ, дастъ трещину столъ, въ которомъ, замѣтимъ, наши крестьяне постоянно держатъ хлѣбъ, имѣющій въ глазахъ простолюдина священное значеніе [2])—въ домѣ будетъ покойникъ или случится съ домашними несчастіе. Если горитъ во время пожара забытая въ домѣ икона, то, по народному повѣрью, во все время, пока горитъ эта икона, среди пламени пожара выдѣляется ясно огненный столпъ на подобіе гигантской свѣчи. Точно такой же столпъ является и тогда, когда горитъ во время пожара человѣкъ. Очевидно, что въ первомъ повѣрьѣ, точно такъ же, какъ и въ обычаѣ завѣшивать иконы во время пиршествъ, чтобы тѣ не «видали» грѣховныхъ людскихъ развлеченій, отразился прежній языческій антропоморфизмъ.

Къ слову замѣтимъ, что икона Пресв. Богородицы Неопалимой Купины считается охранительницей отъ пожаровъ, особенно отъ пожаровъ, происшедшихъ отъ молніи.

---

[1]) См. Поэт. возр. Слав. на прир. Афанасьева. 1483 — 484. «О нар. праздникахъ въ юго-зап. Россіи». Тр. Кіев. Духовн. Академіи 1871 г. стр., 5.

[2]) Кидать хлѣбъ на полъ, по мнѣнію простолюдина, грѣхъ, ѣсть его въ шапкѣ тоже грѣхъ. «На хлѣбъ суда нѣтъ». Народъ объясняетъ эту поговорку такъ: человѣкъ, убившій другого человѣка караваемъ хлѣба, не дастъ отвѣта предъ Богомъ. (Сомнительно. Ред.). Крестьянка никогда не скажетъ «дѣлать хлѣбы», а всегда—«творить» хлѣбы; самое дѣйствіе это совершается постоянно съ молитвою, какъ священнодѣйствіе.—«Творить въ этомъ случаѣ не имѣетъ вовсе того значенія, какое ему приписываетъ авторъ: творилка — квашня, творило, творидло (у другихъ Славянъ—сыръ), творогъ, рас-творъ, рас-творять достаточно объясняютъ, что тутъ разница между слов. дѣлать и творить заключается не въ высотѣ и низости стиля или предмета, о которомъ идетъ рѣчь.—Вѣрующій человѣкъ всякую вообще работу начинаетъ и кончаетъ молитвой (какъ бы она не называлась) и не у однихъ христіанъ. Да и при рѣчи о суевѣріяхъ народныхъ (напомнимъ мудрое замѣчанье Гете: «суевѣріе есть поэзія жизни») не надо забывать, что основы вѣры и богопочитанія глубоко коренятся въ духѣ человѣческомъ и въ сущности общи всѣмъ народамъ и племенамъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, при всѣхъ религіяхъ. По этому не всякое сходство въ проявленіи чувства вѣры у христіанъ съ выраженіемъ чувствъ вѣры въ другихъ религіяхъ свидѣтельствуетъ уже о совершенномъ непониманіи человѣкомъ или народомъ ученія христіанскаго. Не на религіозномъ индиферентизмѣ и презрѣніи къ чувству вѣры, какъ отжившему свое время предразсудку, а на высшемъ и на разумномъ началѣ, на признаніи всѣхъ силъ и сторонъ человѣческаго духа основано высокое чувство терпимости и уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. И чѣмъ они искреннѣе, при всей ихъ наивности или односторонности, тѣмъ «внимательнѣе и бережнѣе нужно къ нимъ относиться, чтобы вырывая плевелы, не затоптать пшеницы». Ред.

на крестъ лучинками, чтобы въ нихъ не попала мышь, которая, какъ и всѣ гады, наравнѣ съ червями и гусеницами, служитъ представительницею царства тьмы. „Крестъ на крестъ, чтобы чертъ не влѣзъ“—поговорка, существующая доселѣ въ устахъ простого народа. По общераспространенному народному повѣрью, не слѣдуетъ никогда купаться безъ шейнаго креста: въ противномъ случаѣ легко можно сдѣлаться добычею водяника. Спать безъ креста тоже не слѣдуетъ, потому что въ данномъ случаѣ спящаго давитъ кошмаръ, т. е. душитъ домовой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестъ или икона употребляется для того, чтобы узнать, въ какомъ мѣстѣ рѣки находится тѣло утопленника. Если человѣкъ утонулъ и долго не могутъ найти тѣло его, то въ этомъ случаѣ берутъ горшокъ, до половины насыпаютъ его горящими угольями, въ угли насыпаютъ ладону, къ горшку привязываютъ крестъ или икону и опускаютъ такой горшокъ на воду.

По народному повѣрью, горшокъ этотъ будетъ кружиться по водѣ и плавать до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до того мѣста, гдѣ лежитъ утопленникъ: здѣсь онъ будетъ кружиться на одномъ мѣстѣ или даже остановится совершенно неподвижно.

Перечисливъ суевѣрія и предразсудки, соединенные съ иконопочитаніемъ, мы замѣтимъ въ заключеніе, что вѣра простолюдина тѣсно связана съ суевѣріемъ; даже самый актъ молитвы и тотъ обставляется суевѣрьями и предразсудками. Становясь на молитву, простолюдинъ плотно сдвигаетъ свои ноги, такъ какъ, по его мнѣнію, между раздвинутыми ногами будетъ бѣгать бѣсъ и тревожить молящагося. Слагая крестное знаменіе, простолюдинъ первоначально дунетъ на персты, чтобы согнать сидящаго на нихъ бѣса.

А. Баловъ.

Г. Пошехонье, Ярославской губерніи.

Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и культѣ Черемисъ.

И. Н. Смирновъ, профессоръ Казанскаго Университета, въ своемъ трудѣ: „Черемисы. Историко-Этнографическій очеркъ. Казань 1889 г.“ въ главѣ V-й сказавши о томъ, что Черемисы покланялись бездушнымъ предметамъ, боготворили камни и что одинъ изъ такихъ камней подъ названіемъ: „Чембулатъ“ былъ разрушенъ по распоряженію духовнаго начальства, заключаетъ: „Какъ бы ни было низко умственное развитіе Черемисъ, мы не въ правѣ предположить, чтобы они обращались со своими мольбами къ безжизненному камню, который находится весь въ ихъ власти. Они предполагаютъ очевидно, что въ камнѣ есть духъ, который, подобно другимъ духамъ, можетъ быть полезенъ или вреденъ. На томъ же соображеніи основано поклоненіе другимъ бездушнымъ, по нашимъ воззрѣніямъ, предметамъ. Въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ приносятъ жертвы горному духу (курукъ—ширтъ)“. Какъ возникали у Черемисъ горные духи и учреждалось поклоненіе неодушевленнымъ предметамъ, отчасти поясняетъ Московскій протоіерей Покровскій, который былъ отправленъ миссіонеромъ въ Вятку въ 1829 году и который настаивалъ на разрушеніи вышеупомянутаго камня Чембулата [1]). Въ своемъ донесеніи митрополиту Московскому Филарету отъ 24-го Января 1830 года, вслѣдъ за сообщеніемъ о своей поѣздкѣ для разрушенія священнаго для Черемисъ моста, протоіерей Покровскій сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, которыхъ мы не нашли ни въ книгѣ г. Смирнова, ни въ нижеуказанномъ Сборникѣ. „Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу рѣки Немды находится высокая гора, которая со стороны рѣки такъ крута,

---

[1]) См. Столѣтіе Вятской губерніи. 1780—1880. Вятка. 1881 г. стр. 544—551. Отчетъ о дѣятельности миссіонера прот. Покровскаго.

что вершина ея кажется висящею надъ водою. Гора сія составлена изъ камней и глины разноцвѣтныхъ, такъ что съ противной стороны рѣки, и особливо издали, она представляетъ нѣчто похожее на человѣческую фигуру. Черемисы издревле сію гору боготворили подъ именемъ: „Немде-Кюрокъ“, что̀ значитъ: на Немдѣ гора, пріѣзжали издали и дѣлали значительныя жертвоприношенія скотомъ, которыя по причинѣ крутизны горы необходимо совершаемы были по другую сторону рѣки. Въ одну ночь нѣкто изъ усердныхъ поклонниковъ Немде-Кюбаръ видитъ во снѣ сего бога, который, благодаря его за частыя жертвоприношенія, жаловался на то, что онъ для принятія и вкушенія его жертвъ, переходя чрезъ рѣчку (которая довольно глубока), долженъ всякій разъ мочиться, а посему онъ объявляетъ ему, что весьма бы для него было пріятно, если-бы усердные его почитатели построили мостъ для его хожденія. Сновидецъ, вставши отъ сна, поспѣшилъ сновидѣніе свое разсказать жителямъ всѣхъ окружныхъ деревень, кои несомнѣнно, почитая оное за волю Немде-Кюрокъ, немедленно построили мостъ съ огромными и довольно красивыми посрединѣ воротами. Въ послѣдствіи времени, когда сновидѣніе сіе у многихъ изъ памяти изгладилось, мостъ сей, для хожденія бога Немде-Кюбаръ, построенный, наконецъ, самъ для глупыхъ Черемисъ сдѣлался богомъ и получилъ названіе: „Немде-Кюбаръ“ (Кюбаръ значитъ мостъ). Сей мостъ, какъ совершенно не нужный для проѣзда, ибо къ оному не только дороги, но и тропинки никакой мы не примѣтили, сломанъ и разбросанъ по рѣкѣ“. (См. дѣло Св. Правит. Сѵнода за 1828 г. за № 1605—1471).

Н—ій.

Праздникъ „Рипей“.

Такъ называется извѣстный праздникъ „Семикъ“ въ городѣ Азовѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ этотъ праздникъ обязательно праздновался въ названномъ городѣ; но потомъ священникъ запретилъ „водить Репей“, видя въ немъ остатокъ язычества.

Воспользовавшись счастливымъ случаемъ, столкнувшимъ меня съ одной изъ старожилокъ г. Азова въ бытность мою на Дону лѣтомъ 1889 года, я записалъ со словъ Акулины Концуровой, какъ праздновался когда-то этотъ праздникъ и одну изъ пѣсенъ, которыя пѣлись при этомъ.

Упомянутая старожилка Акулина Концурова имѣетъ отъ роду 80 лѣтъ, но еще довольно бодрая старуха и хранитъ богатый запасъ разныхъ пѣсенъ и разсказовъ. Она была, по ея разсказу, лѣтъ 15-ти, когда черезъ г. Азовъ проѣзжалъ, направляясь къ г. Таганрогу, императоръ Александръ I-й. Интересна названная старуха и тѣмъ еще, что, будучи по рожденію на половину великороссской и на половину малороссской (отецъ ея—донской казакъ изъ станицы Синявской, а мать—изъ Кіева) и всю жизнь проживъ на Дону, она сохранила въ языкѣ своемъ смѣсь элементовъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій.

По словамъ ея, „Рипей“ праздновался на второй день Троицы. „Водили этотъ праздникъ исключительно дѣвушки (и подростки-дѣвочки лѣтъ 14—15-ти). Нѣкоторыя изъ нихъ наряжались добрыми молодцами или горбатыми старухами и, взявъ въ руки убранную разноцвѣтными лентами вѣтку какого-либо дерева, носили по городу, плясали и пѣли:

Какъ по вулицѣ Рипей,
По широкай маладой.
Ой Диди мой Рипей, ой Диди маладой!
Какъ за батюшкинымъ дваромъ,
А за маминькинымъ тиримомъ,

Ой Диди мой Рипей и проч. [1])
Изъ луга зилёнава, а падворья широкава
Нивиличка птичка-пташичка
Синя моря пирилётывала,
Чистёхонька пириплохивала.
„Какъ я слушила, пташичка,
Какъ красная дѣвка плакала,
За старова замужъ идучи:
Ужъ ты старый, ты старый мужъ,
Ужъ ты старый, пагубитель мой!
Пагубилъ маю галовачку,
Всю дѣвичію красоту,
Маладецкую маладу".

Ходили съ пѣснями цѣлый день, причемъ носили съ собой всякія закуски, а то дѣлали остановки у извѣстнаго дома и пировали (пили чай, кофе и проч.).

Иногда „Рипей водили" и пожилыя женщины; тогда давалось нѣчто въ родѣ представленія. Такъ, по словамъ Акулины Концуровой, она видѣла разъ такое представленіе: Изъ водившихъ Рипей одна женщина изображала молодого человѣка, а другая—старуху. Это—супруги. Въ кругъ, образованный участниками праздника, входила эта пара, и старуха притворно била молодого челвѣка. Хоръ спрашивалъ, за что она его бьетъ. Старуха отвѣчала: за то, что онъ ее бросаетъ и ходитъ къ молодымъ...

Отъ той-же Акулины Концуровой я записалъ еще нѣсколько пѣсенъ и повѣрій; съ ними подѣлюсь съ читателями „Живой Старины" послѣ, а теперь приведу:

Способъ лѣченія отъ сглазу.

Нужно набрать воды въ супникъ, или глубокую чашку, потомъ взять соли и ножъ и провести ими по водѣ три раза крестъ. По прочтеніи трехъ разъ молитвы „Отче нашъ!"..., надо набрать въ ротъ воды изъ чашки или супника и прыскать ее на больного черезъ пять пальцевъ поднятой вертикально руки. Потомъ рубахою больного обернуть руку и верхнею частью ея, а не ладонью, вытирать, приговаривая: „Кака̀ родѝла, та тибе и отходѝла рожденнаго, крещеннаго такого-то (NN). Тутъ тибѣ ни стоять, червонной воды ни пить и рожденной и молитвенной". Прыскать и вытирать надо лицо, шею, грудь и ноги больного.

Можно, по словамъ старухи, узнать, въ самомъ-ли дѣлѣ боленъ такой-то отъ сглазу, или притворяется. Если дѣйствительно боленъ тотъ, кто призываетъ къ себѣ старуху-знахарку, то у послѣдней, когда она „отчитываетъ", изъ глазъ идутъ слезы и ее будетъ одолѣвать зѣвота; если-же обманъ, то ничего подобнаго не будетъ.

С. Брайловскій.

г. Нѣжинъ.

---

[1]) Припѣвка повторяется черезъ каждые два стиха.

Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ [1]).

Въ мѣстности, которая здѣсь мною описывается, лѣтъ сорокъ тому назадъ едва-ли кто изъ деревенскихъ обывателей-Латышей слыхалъ о докторѣ, что его гдѣ-то можно отыскать и что къ нему слѣдуетъ обращаться за помощью въ трудномъ состояніи болѣзни. Докторъ — это было что-то туманно отдаленное, недосягаемое, о чемъ, особенно бѣдняку Латышу, не полагалось и думать. Поэтому во всѣхъ болѣзняхъ, легкихъ и тяжкихъ, лѣчили сами, чѣмъ знали и чѣмъ кто посовѣтовалъ, больше-же всего надѣясь на цѣлительную силу самой природы. Какая-бы болѣзнь — лихорадка, горячка и т. под. ни захватила Латыша и у него пропадалъ аппетитъ, окружающіе его непремѣнно рекомендовали ему ѣсть, и ѣсть во чтобы то ни стало, такъ какъ, не принимая пищи, можно-де весьма скоро ослабѣть, силы упадутъ совсѣмъ и болѣзнь приметъ болѣе опасные размѣры. Все, что въ домѣ было лучшаго, болѣе вкуснаго и питательнаго по съѣдобной части, все предлагалось къ его услугамъ, лишь-бы онъ только не морилъ себя голодомъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда, особенно тяжко-больному, вдругъ самому приходило желаніе поѣсть или попробовать чего нибудь такого, чего даже не оказывалось дома, напр. меду или другой какой сладкой или соленой снѣди, то близкія къ нему лица прилагали все свое стараніе, чтобы добыть желаемое, для чего нерѣдко бѣгали за добрый десятокъ верстъ. Когда-же народные способы лѣченія, извѣстныя цѣлебныя травы, даже, въ крайнихъ случаяхъ, съ трудомъ добытыя „докторскія лѣкарства" (daktera zahles) и удовлетвореніе всѣхъ прихотей (eegribas, kahrojumi) больного не приводили ни къ чему, и ему съ часу на часъ становилось все хуже и хуже, тогда уже дѣло предоставляли волѣ Божіей (Deewa prahts) и трепетно, безмолвно ждали исхода... Между тѣмъ приближалась смерть. Странное явленіе! Многимъ изъ такихъ безнадежно больныхъ, предоставленныхъ волѣ Божіей, предъ наступленіемъ страшной минуты смерти, вдругъ дѣлалось замѣтно лучше. У здоровыхъ сверкалъ радостный лучъ надежды... Въ этотъ мимолетный промежутокъ времени у страдальца нерѣдко являлось непреодолимое желаніе побывать на дворѣ; выведенный подъ руки изъ избы, онъ внимательнымъ взоромъ окидывалъ горизонтъ неба и даль земли, какъ-бы прощаясь съ ними; затѣмъ, заявивъ, что „довольно", просилъ вести себя назадъ; но на обратномъ пути ноги его вдругъ подкашивались, и его уже на рукахъ вносили въ избу и видя, что смерть написана на его лицѣ, клали прямо на такъ называемый смертный одръ (nahwes cisas)... Когда окружающіе тяжко-больнаго стали примѣчать вѣрные признаки приближенія смерти, тогда обыкновенно снимали его съ его обыкновенной постели (кровати) и клали на полъ, на вышепомянутый смертный одръ. Одръ этотъ обыкновенно приготовлялся изъ разстилаемой охабки гороховой соломы, на которую набрасывалась простыня, а въ изголовье подкладывалось какое нибудь старье — платье. На такой жесткой (ceets) постели лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ больной. Въ эту минуту, по обыкновенію, къ одру умирающаго собирались всѣ домашніе, родные и чужіе, малые и большіе, и безмолвно, со страхомъ, смотрѣли на послѣднія муки отходящаго. Кричать и рыдать роднымъ въ эту страшную, какъ-бы священную, минуту не рекомендовалось, потому что чрезъ это можно было встревожить, испугать (istrauceht), пробудить умирающаго и такимъ образомъ, замедливъ его кончину, причинить ему лишнія, болѣе продолжительныя страданія. Если умирающій въ предсмертныхъ судорогахъ бился ногами и руками, раскидывая свою одежду, то его нерѣдко придерживали. Въ пору барщины, у Латышей было вообще повѣрье, что мызные старосты (stahrasts, — распорядители работы и наблюдатели за работниками) не могутъ умереть спокойно, что смерть ихъ (какъ мучителей рабочихъ) должна непремѣнно сопровождаться и сопровождается страшнымъ бредомъ, судорогами, ломаніемъ ногъ и рукъ, и что наконецъ тѣхъ изъ нихъ, которые

---

[1]) Обрядъ этотъ описывается по воспоминаніямъ моего дѣтства, на родинѣ моей, расположенной на границѣ губерній — Лифляндской, Курляндской и Витебской, въ Штокмангофской волости, на правомъ берегу Западной Двины, въ деревнѣ Лустахъ или Версенахъ.

особенно были безжалостны къ крестьянскимъ лошадкамъ, гоняя ихъ отъ утренней зари до темной ночи длинныхъ лѣтнихъ дней, обыкновенно приходилось, въ минуту смерти, класть на разостланную по землѣ лошадиную шкуру (иначе они не могли умереть, смерть къ нимъ иначе не шла), при чемъ имъ представлялись страшныя видѣнія въ родѣ того, что вмѣсто собственной головы, рукъ и ногъ, имъ приставлены голова и ноги лошадиныя... Когда умирающій испускалъ послѣдній вздохъ и вытягивался, тутъ уже допускался полный просторъ проявленію горестныхъ чувствъ, смотря по тому, на сколько кому дорогъ и близокъ былъ покойникъ... Пока не остылъ покойникъ, спѣшили приготовить теплую воду, которую вливали въ большую кадку. Черезъ край кадки или въ самую кадку вставляли стулъ. Старухи, въ случаѣ надобности и съ помощью пожилыхъ, солидныхъ мужчинъ, брали покойника, раздѣвали его (при этомъ дѣти и молодые высылались вонъ изъ избы, такъ какъ почиталось неприличнымъ присутствовать имъ при этомъ), сажали на стулъ, опуская ноги въ кадку и, придерживая голову и плечи, чисто обмывали его, какъ въ банѣ, съ головы до ногъ. Такъ какъ Латыши въ описываемое время, по воспринятому отъ Нѣмцевъ обычаю, всѣ брились, то и его (если это былъ возрастный), обросшаго волосами во время болѣзни, подвергали этой операціи. Обритаго и вымытаго одѣвали въ чистую, новую бѣлую рубашку и такіе-же штаны; женщинамъ-покойницамъ сверхъ такой-же рубашки надѣвали пеструю, часто купленную юбку. На ноги надѣвали чистые носки или чулки и накрывали его бѣлымъ покровомъ изъ куска новаго тонкаго холста. У мужчинъ голова оставалась непокрытой. Молодымъ дѣвушкамъ, если это было въ лѣтнюю пору, надѣвали на голову вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ; сверхъ того, живые цвѣты клали имъ вокругъ въ гробѣ; въ зимнюю-же пору надѣвали имъ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, изъ разноцвѣтнаго бисера и проч.; расчесанные ихъ волоса не всегда собирались въ косу, а нерѣдко раскидывались по плечамъ, какъ-бы во свидѣтельство всѣмъ, что безжалостная смерть рановременно и безпощадно скосила красоту и молодость... Голову замужнихъ женщинъ убирали новымъ чепцомъ (mice) съ цвѣтными ленточками, который старухи приготовляли для себя заблаговременно; впрочемъ и объ остальныхъ частяхъ своего похороннаго наряда эти старухи заранѣе прилагали тщательную заботу. Вотъ весь костюмъ и нарядъ латышскаго покойника и покойницы въ описываемое мною время! Обряженнаго такимъ образомъ покойника въ избѣ не держали, а сейчасъ-же относили его въ гумно или ригу, если это было не въ пору сушки и молотьбы хлѣба, или-же въ клѣть, нерѣдко и въ погребъ, если онъ отличался просторомъ, напр. въ очень жаркую лѣтнюю пору; здѣсь его клали на длинный столъ или просто на сложенныя куски досокъ, пока не поспѣвалъ гробъ; въ руки его, сложенныя на груди, ладонь на ладонь, вставлялся маленькій крестикъ, наскоро сооруженный изъ двухъ кусочковъ лучины, при чемъ въ расщепленный, нерѣдко зубами, одинъ его кончикъ вставлялся поперекъ другой, меньшей длины, кусочекъ ея. Собравшіеся провожали тѣло покойника на то мѣсто, гдѣ предположено было его временно положить, пѣніемъ священныхъ гимновъ, говорящихъ о смерти человѣка и вѣчности. Я слышалъ только одни гимны лютеранскіе — переводъ съ нѣмецкаго (въ ту пору православныхъ Латышей еще не было въ Прибалтійскомъ краѣ; и родители мои и я въ ту пору также были еще лютеранами). Въ избранномъ мѣстѣ оставляли покойника и, уходя, тщательно осматривали помѣщеніе, чтобы тамъ не осталась или не забралась кошка, которая отличается самою хищническою наклонностью уродовать лице покойника, обгрызая его носъ, губы и проч. Если гробъ (skirsts, zahrks) для покойника приходилось дѣлать вновь, тогда, конечно, на это требовался день и полтора времени. Болѣе благоразумные изъ Латышей, конечно старики и старухи, заблаговременно приготовляли и теперь приготовляютъ для себя гробъ, этотъ „вѣчный домъ“ (muhžu mahja), какъ называетъ его въ пѣсняхъ латышская народная поэзія, чтобы не суетиться, не платить за него въ три-дорога, когда онъ имъ вдругъ понадобится, особенно въ лѣтнюю, страдную пору. Сдѣланный изъ сосновыхъ досокъ, бѣлый, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выкрашенный въ черный цвѣтъ (когда хозяинъ его считался состоятельнымъ), гробъ хранился на чердакѣ клѣти, гдѣ въ него обыкновенно сыпали хлѣбъ, напр. гречиху, или складывали иныя вещи. Къ этому явленію всѣ такъ при-

выкли, что подобные гробы никому не внушали ни страха, ни смущенія. Бывало однако такъ, что иной сдѣлаетъ для себя два-три и болѣе гробовъ, но все-таки въ концѣ концовъ ляжетъ въ чужомъ гробѣ. Происходило-же это оттого, что появится у кого нибудь покойникъ, не откуда взять или некому по близости сдѣлать гробъ; узнавали родственники, что у такого-то родственника, знакомаго или просто чужаго имѣется готовый гробъ, являются, бывало, къ его обладателю и умоляютъ его уступить свой вѣчный домъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ (обыкновенно предлагали новыя доски, съ значительной денежной приплатой). Извѣстно, что отказать на долю покойника очень трудно, и потому запрошеный гробъ скоро уходилъ по своему назначенію. Эта исторія повторялась нѣсколько разъ. Я по крайней мѣрѣ знаю, что мой отецъ, такимъ образомъ, сдѣлалъ для себя и матери моей уже нѣсколько гробовъ и продолжаетъ ихъ дѣлать въ настоящее время. Надо здѣсь пояснить, что гробы въ описываемой мною мѣстности дѣлаются довольно красивыми, по формѣ своей мало чѣмъ отличающіеся отъ тѣхъ, въ которыхъ мы видимъ покойниковъ, хоронимыхъ въ настоящее время въ городахъ; какой либо особой формы ихъ, свойственной, быть можетъ, болѣе отдаленной древности, напр. въ родѣ корыта, выдолбленнаго въ цѣльномъ кускѣ дерева, я не видалъ, хотя приводилось слышать, что гробовщики, копая новую могилу, иногда находили остатки отъ такихъ корытообразныхъ гробовъ. Когда такимъ образомъ заказанный или добытый въ готовомъ видѣ гробъ доставленъ былъ къ описываемому нами покойнику, въ него насыпали мягкихъ стружекъ, которыя накрывали новой чистой простыней; въ изголовье клали подушку, начиненную тѣми-же стружками. Это вѣчная постель покойника, въ которую и укладывали его опять съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Всякаго новаго знакомаго или родственника приводили взглянуть на покойника, при чемъ снова, если набиралось нѣсколько человѣкъ, пѣлся священный гимнъ, сопровождаемый и прерываемый слезами...

Одновременно со смертію покойнаго, родственники его отправляли, во первыхъ, посланца къ своему пастору съ донесеніемъ ему о кончинѣ такого-то; отъ пастора посланный получалъ з а п и с о ч к у или, не знаю, значокъ какой-то (zihme) къ наблюдателю за кладбищемъ (которымъ нерѣдко былъ ближайшій корчмарь), что хоронить умершаго позволяется; этимъ актомъ и ограничивалось все участіе пастора по отношенію къ своему прихожанину, отошедшему въ вѣчность. Во вторыхъ, объ этомъ-же тѣми-же родственниками разсылались вѣсти во всѣ концы, съ просьбою (aicinaht) ко всѣмъ роднымъ покойнаго пожаловать на похороны (behres) его въ такой-то день, который въ семьѣ признанъ наиудобнѣйшимъ. Пока это приводилось въ исполненіе, дома, какъ только успѣвали убраться съ покойникомъ и поставить его на мѣсто, начинались дѣятельныя приготовленія къ пріему похоронныхъ гостей (behreneeki) и предстоящимъ проводамъ: пекли п л а ц е н и (родъ ватрушекъ) и б у л к и, для которыхъ покупалась пшеничная мука, к и с л о-с л а д к і й (пеклеваный) х л ѣ б ъ; приготовляли собственное— или покупали — м а с л о, т в о р о г ъ; запасали добрый б о ч е н о к ъ (въ 10, 15 или 20 штофовъ) в о д к и, привозили полъ бочки, бочку или двѣ п и в а, смотря по состоянію и ожидаемому числу гостей; пиво весьма часто, въ подобномъ случаѣ, варилось и дома — свое собственное; въ заключеніе-же непремѣнно закалывалась одна голова изъ крупнаго домашняго скота: телка, яловица или бычекъ; это послѣднее въ особенности считалось долею покойника; если кто, бывало, поскупится удѣлить эту долю, то покойникъ, по народному повѣрью, самъ приходилъ впослѣдствіи и бралъ свое съ лихвою, — онъ посылалъ, напр., изморъ, и тогда бездушный скупецъ вмѣсто одной головы крупнаго скота могъ потерять двѣ-три и болѣе таковыхъ. Время похоронъ, какъ самый близкій срокъ, назначалось чрезъ два-три дня, если болѣзнь покойнаго была такова, что трупъ быстро разлагался, напр. отъ водянки, горячки, въ пору эпидеміи и если сверхъ того была очень жаркая погода; обыкновенно-же этотъ срокъ опредѣлялся чрезъ 6—7 дней, или даже далѣе, если это случалось напр. въ зимнее время, когда замерзшее тѣло покойника не могла ожидать скорая порча.

Соблюдаемый въ настоящее время послѣ покойниковъ трауръ въ описываемое мною время у Латышей былъ вовсе неизвѣстенъ; для похоронъ всѣ наряжались въ то-же

праздничное, пестрое, цвѣтное, платье, которое надѣвалось и на свадьбу, крестины, въ церковь, въ гости и проч.

Званые родственники, пріѣзжая на похороны, всѣ обязательно привозили съ собой узелъ гостинцевъ (kukulu aizsains), состоящихъ изъ тѣхъ же плаценей, булокъ, миски или тарелки масла и бутылки водки. Все это передавалось хозяйкѣ дома и шло въ общій запасъ для предстоящаго похороннаго торжества. Когда уже всѣ званые и ожидаемые родственники-гости находились на лицо, въ слѣдующій день предстояло совершить самый обрядъ похоронъ. Обрядъ этотъ начинался пополудни и былъ разсчитанъ такъ, чтобы успѣть отправить покойника на кладбище и зарыть его въ землю до заката солнца; тутъ принимались во вниманіе многія условія, напр. дурное или хорошее состояніе дороги и самая отдаленность кладбища. Въ опредѣленный часъ, всѣ гости, подъ предводительствомъ заранѣе приглашеннаго, всѣмъ извѣстнаго своею степенностію и солидностію, грамотнаго (по печатному) пожилыхъ лѣтъ Латыша, знающаго хорошо напѣвы латышскихъ священныхъ гимновъ, умѣющаго справить несложный духовный обрядъ латышскаго погребенія, извѣстнаго у Латышей подъ именемъ отпѣвателя (apdzeedatais), отправлялись въ то помѣщеніе, гдѣ лежалъ покойникъ; здѣсь всѣ хоромъ пѣли одинъ или два гимна, и затѣмъ, съ пѣніемъ такого же послѣдующаго гимна, брали гробъ съ покойникомъ на полотенцы и несли его къ избѣ. Пока шла эта церимонія, дома, въ избѣ, спѣшили накрыть большой столъ и уставить его всѣми холодными яствами; это былъ пиршественный столъ, въ буквальномъ смыслѣ, въ честь покойнаго. Когда столъ былъ уже готовъ, покойника вносили въ избу и ставили гробъ его посреди комнаты, ногами по направленію къ двери. Всѣ гости и домашніе люди, которые должны были сопровождать покойника на кладбище, подходили и садились за убранный столъ. Гробъ раскрывали, при чемъ въ него опускалась денежная монета, напр. копѣйка, грошъ. При этомъ на покойника ставили пустую, бѣлую тарелку, въ которую каждый подходящій къ гробу прощаться долженъ былъ положить какую нибудь монету. Что означалъ этотъ сборъ, у меня не сохранилось въ памяти; быть можетъ, это тоже считалось походными деньгами покойника, или, что также весьма вѣроятно, это была добровольная складчина присутствующихъ въ пользу оставляемыхъ покойникомъ сиротъ. Къ пищѣ почти никто не притрогивался. Въ эту минуту къ гробу начинали подходить на прощаніе съ покойникомъ ближайшіе родственники; раздавались рыданія и стоны, смотря по тому, жена ли теряла молодаго мужа—надежду и кормильца семьи, или родители разставались съ любимою дочерью—невѣстою, наслѣдникомъ—сыномъ, или осиротѣлыя дѣти теряли навсегда дорогую мать, отца, и т. под. Когда кончалась печальная сцена прощанія, гробъ закрывали и, при общемъ пѣніи подходящаго священнаго гимна, выносили на дворъ. На дворѣ уже стояли приготовленныя лошади для провожатыхъ (behreneeki) и повозка для покойника. Для повозки этой выбиралась получше и покрѣпче кованная телѣга, къ которой приспособлялись постромки для припряжки второй лошади. Дуга лошади, запряженной въ эту импровизированную похоронную колесницу, обвивалась гирляндою изъ зелени и цвѣтовъ, если это было въ лѣтнюю пору. Поставленный въ телѣгу гробъ прикрѣпляли къ ней веревками, чтобы онъ не вывалился на ухабистой и рытвинистой дорогѣ, и при подъемахъ на горки. На гробѣ, кромѣ возницы (во свидѣтельство особенной любви къ покойнику, а, можетъ быть, частью и для того, чтобы прочнѣе держался гробъ) усаживались верхомъ ближайшіе родственники покойнаго, въ особенности подростки-дѣти, братья и проч., столько, сколько могло на немъ умѣститься [1]). Когда все было улажено и всѣ разсѣлись по своимъ мѣстамъ, печальный поѣздъ трогался въ путь. Въ пути не пѣлось никакихъ священныхъ гимновъ; поѣздъ двигался впередъ безмолвно; мужчины сидѣли въ шапкахъ. Впереди, предъ гробомъ, тоже на парѣ, ѣхалъ расторопный, важный какой нибудь родственникъ покой-

---

[1]) Пишущій эти строки, имѣя 5—6 лѣтъ, самъ такимъ же образомъ сидѣлъ на гробѣ своей любимой, рановременно скончавшейся 7—8 лѣтней сестры Мады (Магдалины), съ которою незадолго предъ тѣмъ еще игралъ въ песочекъ, въ щепочки, палочки...

наго; телѣга его была обильно нагружена гостинцами, плаценями, водкою и пивомъ. На дорогѣ, при встрѣчѣ съ путникомъ, будь то знакомый или совершенно чужой, первая телѣга останавливалась, а за нею и весь поѣздъ. Встрѣчнаго просили помянуть покойника и выпить рюмку водки, кружку пива и закусить кускомъ плаценя. Приглашенный, принимая налитую рюмку, снималъ шапку и произносилъ слѣдующее благопожеланіе: „Ну, дай Боже, (произносилось имя покойника съ произнесеніемъ краткой похвалы ему) лежать ему подъ легкимъ песочкомъ!“ Поѣздъ трогался дальше. Новая встрѣча,—повтореніе того же, и такъ далѣе, до самаго кладбища. Гдѣ дорога была худа, поѣздъ ѣхалъ шагомъ, на хорошей же дорогѣ, и особенно, если нужно было поспѣшить, онъ мчался полной рысью. Впрочемъ, быстрой ѣзды требовалъ и древній народный обычай; въ древней своей пѣснѣ народъ поетъ отъ имени сопровождаемаго на кладбище покойника, что онъ (имя)

„Проситъ возницу
„Быстро погонять коней:
(потому что) „Ангелочки замерзли,
(въ ожиданіи его) „Стоя у воротъ“ (кладбищенскихъ) [1]).

Латыши, какъ и другіе народы, любятъ располагать кладбища свои вдали отъ жилыхъ помѣщеній, въ пустынной мѣстности, на красивой, холмистой возвышенности, склоны которой опушены лѣсомъ. Такое кладбище, по большей части, обводилось каменной оградой изъ сложеннаго безъ цемента въ гряду булыжника или плитняка. Въ оградѣ этой, гдѣ удобнѣе было подъѣзжать и останавливаться похоронному поѣзду, устроялись деревянныя рѣшетчатыя ворота, ключъ отъ которыхъ хранился у кладбищенскаго распорядителя или звонаря. На самомъ возвышенномъ пунктѣ кладбища воздвигался изъ кирпича сквозной двуногій каменный столбъ, вышиною въ сажени три. На верху этого столба, въ особой, тоже сквозной, нишѣ, утверждался на оси небольшой (въ пудъ или два) колоколъ; отъ ушка этого колокола, перпендикулярно къ нему, шелъ небольшой, въ видѣ обруча, желѣзный рычажокъ; къ концу этого рычажка прикрѣплялась веревка, которая спускалась до земли; если взять снизу за эту веревку и начать ее дергать, то колоколъ приходилъ въ качательное движеніе, и раздавался звонъ, который въ тихую погоду бывалъ слышанъ за версты четыре и далѣе. Устроенное такимъ образомъ кладбище, со дня освященія его, почиталось у народа священнымъ, какъ бы храмъ Божій. Вступающіе за его ограду немедленно должны были снимать шапку и прочитывать молитву „Отче Нашъ“ и затѣмъ оставаться съ непокрытой головой во все время пребыванія тамъ.

Но возвращаюсь къ оставленному мною похоронному поѣзду. Когда поѣздъ этотъ, поднимаясь на гору, начиналъ приближаться къ кладбищу, тогда звонарь, замѣтивъ съ возвышеннаго своего пункта это приближеніе, начиналъ звонить въ описанный мною колоколъ и звонилъ до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не подъѣхалъ и не остановился у кладбищенской ограды, предъ воротами. Пріѣхавшіе вылѣзали изъ телѣгъ и привязывали своихъ лошадей къ нарочно устроеннымъ здѣсь для этой цѣли деревяннымъ периламъ. Освободивши гробъ отъ веревокъ, брали его на полотенца и съ пѣніемъ священнаго гимна, начинающагося словами:

„Теперь хотимъ мы погребсти покойника,
„Который, проспавъ ночь смерти,
„Возстанетъ въ новый день
„И выйдетъ живымъ изъ гроба“.—

вносили чрезъ раскрытыя настежъ ворота на кладбище, къ приготовленной заранѣе для покойника могилѣ. Принесенный гробъ устанавливали на краю могилы и еще разъ раскрывали его, для того, чтобы оправить покойника, у котораго отъ ухабовъ и скорой

[1]) См. Сборникъ Памятниковъ Латыш. народ. творч. Вильна. 1868 г. стр. 217, пѣсня № 12.

ѣзды нерѣдко сворачивалась голова на бокъ и слѣзали всѣ покровы, и, наконецъ, съ тою цѣлью, чтобы близкіе еще разъ и въ послѣдній разъ могли взглянуть на черты дорогаго имъ лица. Въ эту минуту опять раздавались рыданія и стоны... Гробъ закрывали. Приносили пару возжей, снятыхъ между прочимъ и съ той же повозки, на которой былъ доставленъ покойникъ. Обматывали возжи вокругъ гроба и затѣмъ тихо, осторожно, опускали его въ могилу (глубина которой была таже, что и нынѣ, т. е. отъ 6—7 футовъ) тѣмъ концомъ, гдѣ были ноги покойника, на востокъ. Въ это время апдзедатайсъ (отпѣватель) читалъ молитву и затѣмъ, взявъ въ руки лопатку, съ произнесеніемъ словъ: „отъ земли ты взятъ и въ землю превратишься“ посыпалъ гробъ пескомъ. При этомъ нерѣдко самъ апдзедатайсъ или кто нибудь изъ провожатыхъ, или даже совершенно постороннихъ, произносилъ импровизированную проповѣдь или рѣчь, въ которой восхвалялись добродѣтели покойнаго или указывались тяжелыя потери, понесенныя близкими рановременною его кончиною. — Вслѣдъ за первою горстью, брошенною на гробъ покойника отпѣвателемъ, всѣ пріѣхавшіе съ покойникомъ и всѣ присутствующіе брали рукою по горсти песку и троекратно бросали его на гробъ, съ приговоромъ: „Спи сладкимъ сномъ, подъ легкимъ песочкомъ!“ Гробокопатели и гости изъ мужчинъ быстро заполняли заступами могилу пескомъ. Тутъ же, въ изголовьи могилы, вставлялся деревянный крестъ, который въ весьма частыхъ случаяхъ изготовлялся изъ дуба; онъ состоялъ изъ четырехъугольнаго, толстаго, къ низу заостреннаго, стержня съ поперечиной, меньшей толщины, врѣзанной въ него близъ верхняго конца. Отъ верхней оконечности стержня къ двумъ концамъ поперечника спускались съ одной и другой стороны дощечки, образующія родъ крыши. Крестъ этотъ, утвержденный въ могилѣ, возвышался надъ поверхностію земли не болѣе, какъ на аршинъ, полтора, иногда два. На многихъ такихъ крестахъ дѣлались доморощенныя надписи, гласящія, что „здѣсь покоится достойный чествованія хозяинъ, жена и т. под., родившійся и умершій“ (тогда-то). На засыпанную грядкою могилу почти всегда клали вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ; на крестъ же надѣвали вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтковъ, а также къ стержню его привязывали цвѣтныя ленточки.

Когда такимъ образомъ покойникъ былъ зарытъ и могила его убрана, всѣ провожатые, на короткое время разсѣевались по кладбищу и посѣтивъ могилы другихъ своихъ дорогихъ лицъ, у кого таковыя тутъ были схоронены, удалялись за ограду, къ своимъ повозкамъ. Въ это время за кладбищенской оградой начинался поминальный пиръ. Привезенными гостинцами, т. е. плаценями, водкою и пивомъ угощали всякаго, своего и посторонняго, кто только пришелъ на кладбище и пожелалъ воспользоваться этимъ угощеніемъ. При этомъ въ нескончаемое число разъ повторялось одно и тоже, съ разными варіяціями, вышепомянутое мною благопожеланіе покойному. Случай даромъ полакомиться хорошимъ кускомъ плаценя, выпить не одну, а двѣ—три рюмки водки, кружку пива развилъ такую охоту во многихъ кладбищенскихъ посѣтителяхъ, что мужчины и женщины изъ ближайшихъ къ кладбищу деревень, заслышавъ похоронный звонъ, цѣлою толпою устремлялись на кладбище въ ожиданіи похороннаго пира; изъ этого народнаго обычая многіе положительно сдѣлали для себя ремесло; этихъ добровольныхъ, надо справедливѣе сказать, нахальныхъ посѣтителей нерѣдко набиралось до того много, что далеко не хватало на всѣхъ привезенныхъ гостинцевъ, тѣмъ болѣе, что добрая половина изъ нихъ не стыдилась подходить къ мѣсту угощенія по нѣсколько разъ, каждый разъ увѣряя, что они ничего еще не получили...

Пока происходило зарываніе покойника, за оградой раздавалось нерѣдко ржаніе лошадей. Это народомъ вообще признавалось за тревожный признакъ, что скоро опять послѣдуетъ новый покойникъ.

Но кони вновь запряжены, гости размѣстились по своимъ повозкамъ, и похоронный поѣздъ тронулся обратно. Но теперь онъ уже не ѣхалъ шагомъ или рысью, а несся въ полную рысь и вскачь. При этомъ нѣкоторые изъ ѣдущихъ молодыхъ людей успѣвали остановиться гдѣ нибудь близъ кладбища и быстро наломать себѣ нѣсколько вѣтокъ ельника или сосняка. По пріѣздѣ домой, что большею частью совпадало уже съ глубокими сумерками, вооруженные наломанными вѣтками, молодые люди—мужчины

и женщины, шумно входили въ избу и принимались ударять ими оставшихся дома, приговаривая—молодымъ: „не умирай, не умирай, на кладбищѣ нѣтъ мѣста!“ (ne mirst, ne mirst, kapôs nau ruhmas!)“, а старымъ: „умирай, умирай, на кладбищѣ много мѣста!“ (mirst, mirst, kapôs dauds ruhmas!), что̀ послѣднимъ не особенно нравилось...

Похоронный пиръ продолжался и на слѣдующій, третій, день, но уже начиналъ терять тотъ характеръ тишины, степенности, которымъ онъ отличался въ первые два дня; всѣ теперь пили, ѣли веселѣе, вели шумливые разговоры, недоставало только, чтобы начались танцы... Впрочемъ, въ этотъ день и дѣло дѣлалось. Старшіе родственники разсуждали, какъ быть съ дѣлами покойнаго, домашнимъ его имуществомъ, семьею и проч., и тутъ же опредѣляли мѣры, какъ что слѣдуетъ сдѣлать; на этомъ родственномъ совѣтѣ постановлялось, напр. и то, что оставшаяся послѣ покойника вдова должна въ самомъ непродолжительномъ времени (кратчайшій срокъ—шесть недѣль) взять себѣ новаго мужа, что иначе ни она сама, ни хозяйство ея не можетъ благополучно существовать. Постановленное на этихъ родственныхъ совѣтахъ, по возможности, исполнялось въ точности. Вечеромъ этого же дня большинство изъ прибывшихъ на похороны родственниковъ-гостей расходилось и разъѣзжалось во свояси. Нѣкоторые же, болѣе близкіе, оставались и до четвертаго дня. Когда уѣзжали послѣдніе гости, въ домѣ, послѣ большой суеты и шума, воцарялась совершенная тишина. И вотъ, въ эти то минуты, становилось особенно тяжкимъ и рѣжущимъ горе осиротѣвшихъ членовъ семьи... Но все проходитъ, всеисцѣляющее время приносило облегченіе и этимъ покинутымъ страдальцамъ...

Въ заключеніе я долженъ упомянуть, что при описываемомъ мною латышскомъ погребеніи мнѣ ни разу не приводилось слышать тѣхъ исполненныхъ высокой поэзіи и глубокаго философскаго народнаго міро-созерцанія пѣсенъ, которыя на этотъ случай созданы народною поэзіею. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ заключить, что пѣсни эти (см. напр. вышепомянутый Сборникъ: „Памятники Латышскаго народнато творчества. Вильна. 1868 г., стр. 214—227), которыхъ невозможно читать безъ внутренняго волненія, несомнѣнно относятся къ глубокой, большею частію до-христіанской древности [1]).

И. Спрогисъ.

27 Октября 1886 г. Г. Вильна.

Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ.

(Село Ремонтное и окрестности Астрах. губ.).

1. Клады.

Въ клады здѣсь вѣрятъ почти всѣ, и чуть не въ каждомъ еще неразрытомъ курганѣ многіе готовы видѣть хранилище какого нибудь сокровища. Немудрено поэтому, что находятся охотники, предпринимающіе раскопки кургановъ именно съ цѣлью завладѣть этими сокровищами. На поиски отправляются обыкновенно ночью компаніей иногда даже человѣкъ въ 10 и болѣе, изъ опасенія шутокъ „нечистой силы“. О счастливцахъ, которымъ удалось найти что нибудь, народъ думаетъ, что это „такъ ужъ суждено“, „такое ужъ счастье“. Нашедшій кладъ на чужой землѣ (кромѣ общественной) долженъ подѣлиться съ собственникомъ земли: иначе можетъ произойти тяжба.

---

[1]) О похоронныхъ обрядахъ Витебскихъ Латышей см. прекрасный сборникъ г. Вольтера «Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебск. губ. Ч. I. (Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этн. Т. XV Вып. I. СПБ. 1890. стр. 369—335. *Ред.*

Происхожденіе кладовъ преданіе объясняетъ такъ: Въ этой мѣстности жили когда-то „Мамаи" и разбойники, и они-то въ случаяхъ опасности или когда имъ приходилось переходить на другое мѣсто, зарывали сокровища въ различныхъ чѣмъ либо примѣтныхъ мѣстахъ степи, напр. въ балкахъ, на берегахъ рѣчекъ и ручьевъ, въ кустарникахъ, въ курганахъ и близъ кургановъ, а курганы эти, въ свою очередь, какъ объясняетъ преданіе, образовались отъ того, что „Мамаи", хороня своихъ начальниковъ, полководцевъ, старшинъ и друг. важныхъ людей съ лошадью и разнымъ имуществомъ, насыпали надъ ними большія кучи земли.

Въ народѣ ходятъ особые „списки", въ которыхъ перечисляются многіе клады съ обозначеніемъ мѣста нахожденія того-или другого клада и условій, при соблюденіи которыхъ кладъ можетъ быть открытъ или дастся въ руки искателя. Это преимущественно клады, зарытые разбойниками, бродягами, и т. д.: зарывая свой кладъ, такой человѣкъ произносилъ „заклятіе" или „заговоръ" (напр., чтобы кладъ объявился по истеченіи опредѣленнаго срока, или дался въ руки человѣку съ такимъ-то именемъ и т. п.) и затѣмъ, находясь далеко отъ своихъ близкихъ (напр. сидя въ тюрьмѣ или попавши въ ссылку), сообщалъ имъ необходимыя свѣдѣнія о кладѣ черезъ разныхъ людей. Эти свѣдѣнія и составляютъ содержаніе „списковъ".

Народная молва передаетъ разсказы о различныхъ случаяхъ исканія и находки кладовъ, называя порою даже имена кладоискателей.

Такъ разсказываютъ, что нѣкій Калмыкъ Джидоновъ, служившій табунщикомъ у коннозаводчика Калашникова, въ Донскихъ предѣлахъ, прослышавши, что въ одномъ мѣстѣ близъ Яра (оврагъ между треия холмами надъ рѣкою) существуетъ кладъ-бочка (или боченокъ) съ золотомъ, зарытая на глубинѣ 1-го аршина, поѣхалъ, отыскалъ и взялъ уже немного золота, но вдругъ его охватилъ ужасъ, и онъ, наскоро закопавши остальной кладъ, ускакалъ домой; хозяинъ, которому онъ отдалъ свою находку, далъ до 5000 рублей. Джидоновъ поправился и сталъ въ послѣдствіи богачемъ. Воспользовался ли онъ еще послѣ своимъ кладомъ, неизвѣстно. Рыли послѣ него тутъ и другіе, но нашли только ржавый кинжалъ, панцырь и другія на видъ малоцѣнныя вещи.

Говорятъ также, что къ одному пастуху явился какъ-то утромъ неизвѣстный старикъ и спросилъ, хочетъ-ли онъ сдѣлаться богатымъ; чабанъ, конечно, отвѣчалъ утвердительно, и старикъ ему признался, что онъ—вернувшійся теперь изъ Сибири разбойникъ и что изъ-за клятвы онъ самъ не можетъ воспользоваться кладомъ, и при этомъ указалъ мѣсто, гдѣ находится кладъ—порядочный котелокъ съ драгоцѣнностями; чабанъ отправился, началъ копать, но вдругъ на него напалъ сильный страхъ, и онъ убѣжалъ, бросивъ все, а въ послѣдствіи даже и совсѣмъ удалился изъ этихъ мѣстъ; потомъ ходили сюда рыть и другіе, кому онъ передавалъ всю эту исторію, но ничего не находили.

Одинъ человѣкъ имѣлъ списокъ, гдѣ былъ указанъ кладъ—„боченокъ съ золотомъ"; пошелъ съ товарищами откапывать и, дѣйствительно, нашелъ кладъ—боченокъ... величиною съ средній наперстокъ.

Въ другихъ случаяхъ кладоискатели натыкались на сложенные изъ жженаго угля погреба; встрѣчались и каменныя бабы, а болѣе всего—скелеты Т а т а р ъ и лошадиные остовы. Здѣсь кстати упомянуть, что ночнымъ кладокопателямъ часто представляются видѣнія: всадники (въ родѣ Калмыковъ) съ отрубленными головами и съ текущею кровью и вмѣстѣ съ ними другіе, уже съ головами, которые пугали искателей и грозили имъ отрубить голову.

2. Отношенія Калмыковъ къ русскому населенію.

Калмыки въ русскомъ поселенцѣ видятъ какъ-бы своего врага и потому стараются всѣми средствами вредить здѣшнимъ Русскимъ.

Лѣтъ 45—30 тому назадъ, когда эта мѣстность еще не была заселена, Калмыки изъ опасенія заселенія степи Русскими портили лучшіе источники и колодцы, заваливая

ихъ шерстью, пескомъ, глиной и вообще всякимъ мусоромъ, не легко пропускающимъ чрезъ себя воду. Еще и теперь встрѣчаются старые Калмыки, которые берутся за извѣстное вознагражденіе указать, гдѣ находятся самые лучшіе и когда-то удобные, но теперь зарытые и заваленные источники (напр. въ сел. Шандоста въ 30 и Уланъ-Эрге въ 100 верстахъ отъ с. Ремонтнаго, на Юго-Востокъ). Ходитъ молва, что когда-то и въ с. Ремонтномъ существовалъ большой и прекрасный источникъ. И этому можно вѣрить, такъ какъ въ старину, по преданію, здѣсь было главное кочевье Калмыковъ, паслись огромные табуны лошадей (а для нихъ нужны большіе водопои) и здѣсь запасались ими полковые ремонтеры (оттого и „Ремонтное", а настоящее названіе—Дожурунъ, калмыцкое названіе рѣчки, на которой стоитъ Ремонтное).

Точно также одинъ Калмыкъ берется (за 50 р.), указать мѣстонахожденіе такъ называемаго землянаго угля: прежде этотъ уголь былъ видѣнъ и при испытаніи оказался годнымъ въ дѣло, но Калмыки, боясь, что у нихъ отнимутъ землю, скрыли мѣсто и молчатъ.

Когда же, несмотря на всѣ предосторожности Калмыковъ, степи были заселены, то они стали мстить русскому населенію грабежами, воровствомъ и смѣлыми угонами скота, преимущественно лошадей.

Укравшему лошадь Калмыку помогаетъ весь его хотонъ, т. е. община или селеніе, и если потерпѣвшему Русскому удастся выслѣдить конокрада, то за него отвѣчаетъ хотонъ; при этомъ потерпѣвшему не возвращается его „шерсть", т. е. украденное животное, а дается другая, калмыцкая: этимъ Калмыки хотятъ показать, что лошадь не ими украдена и что они, стало быть, страдаютъ невинно. Это вознагражденіе производится по соглашенію съ потерпѣвшимъ на мѣстѣ, въ хотонѣ, безъ всякихъ росписокъ; развѣ иногда Русскій даетъ росписку хотону въ томъ, что онъ не ищетъ съ такого-то ничего. Скотомъ же (рѣдко деньгами) получаетъ потерпѣвшій и вознагражденіе за убытки и расходы на слѣдовщиковъ и т. п. Это называется, даже и у Русскихъ, „барантой".

Такая полюбовная сдѣлка представляетъ лучшій исходъ, потому что если обратиться съ жалобой въ судъ, то слѣдствіе, судъ и т. д. можетъ затянуться года на 4—6, тѣмъ болѣе, что Калмыки и тутъ дѣйствуютъ всѣмъ хотономъ, а виновный все время остается на свободѣ и, слѣдовательно, можетъ продолжать свои похожденія. Бываетъ и такъ: выдадутъ исполнительный листъ и дѣло опять затянется на два на три года, а когда придутъ къ Калмыку для оцѣнки его имущества, то у него не окажется ничего, а дѣлается это очень просто: скотъ угоняютъ въ глубокую степь, гдѣ его отыскать почти невозможно. Кромѣ того случается, что присуждается сумма значительно меньшая дѣйствительной стоимости украденнаго, а также и не принимается въ расчетъ приплодъ или приростъ, который могъ бы получиться въ теченія 2—10 лѣтъ судебнаго разбирательства.

Съ другой стороны и баранта имѣетъ дурныя стороны: получившій баранту и не донесшій на вора привлекается къ суду; а доносить на вора по полученіи баранты боятся, потому что Калмыки въ такомъ случаѣ въ конецъ разорятъ доносчика, такіе примѣры можно указать чуть ни въ каждомъ селѣ.

Бываетъ и такъ, что потерпѣвшій доводитъ дѣло до суда, но потомъ, наскучивши долгою волокитой, входитъ въ полюбовную сдѣлку съ Калмыками и получаетъ отъ нихъ баранту, а судебное дѣло само собою уничтожается.

Соснинъ.

С. Ремонтное, Астр. г.

Извѣстія о Болгаріи 1835 г.

(Письмо Яна Непом. Фортнера, сообщенное Іос. Штурмомъ, администраторомъ въ Манетинѣ).

(Изъ бумагъ П. И. Прейса).

«Полагаемъ, что доставимъ читателямъ удовольствіе, сообщая имъ письмо умершаго Яна Непом. Фортнера, Апостольскаго Викарія въ Филиппополѣ, посланное 14-го ноября 1835 года къ г Генеральному Викарію ордена Редемптористовъ въ Вѣнѣ. — Это письмо изображаетъ состояніе Христіанъ Болгарскихъ.

Высокодостойный Отче!

По милосердію Божію и заступничеству благословенной Дѣвы Маріи, мы всѣ здоровы, кромѣ фратера Яна, который уже третій мѣсяцъ страдаетъ лихорадкою. — Эта болѣзнь здѣсь обыкновенна, но отъ нея не умираютъ. Перенесшій лихорадку дѣлается здоровѣе и толстѣетъ. — Отъ турецкаго правительства я не получалъ еще фермана на построеніе церкви. Надѣюсь, однакоже, что скоро его получимъ при извѣстной дѣятельности и попеченіи объ этомъ дѣлѣ австрійскаго посланника барона Штюрмера.—Султаномъ сдѣланъ уже запросъ, находится-ли здѣсь какой нибудь храмъ христіанскій. Вмѣсто церкви у насъ хлѣвъ Виѳлеемскій. За планъ постройки мы должны были тотчасъ отослать 4,000 піастровъ турецкимъ коммиссарамъ; столько же придется заплатить, когда дѣйствительно получимъ позволеніе изъ Константинополя.

Здѣсь въ продолженіе десяти лѣтъ не совершали Таинства Мѵропомазанія; для возданія Богу чести и славы просилъ я Епископа Никопольскаго посѣтить насъ. Получивъ отъ него обѣщаніе, я отлагалъ до сихъ поръ каноническую визитацію: она будетъ дѣйствительнѣе, если милость Епископа подкрѣпитъ меня. Въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія, я бы нашелся принужденнымъ просить изъ Рима позволенія самому совершить сіе Таинство.

Состояніе нашей миссіи равняется тому, котораго нашъ благословенный отецъ Альфонсъ желаетъ для нашей цѣли и назначенія, т. е. оно очень худое. Мы твердо, однакоже, уповаемъ на Божію милость, что Онъ дастъ насажденію нашему преуспѣяніе и сотворитъ обильнымъ вертоградъ Господній. Въ этомъ отношеніи мужескій полъ здѣсь не подаетъ надежды на успѣхъ быстрый и отрадный. Ему надобно выродиться: ибо, за исключеніемъ не многихъ хворыхъ, мужчины здѣсь преданы пьянству. Отъ нихъ вѣра наша въ презрѣніи у Турокъ и Грековъ. Сверхъ того они принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ обывателямъ города, не имѣютъ поземельной собственности и не занимаются ремеслами. Изъ нихъ человѣкъ сорокъ мелкіе торговцы, прочіе служатъ работниками у Турковъ, или суть поденьщики и судовщики, которые по рѣкѣ Марицѣ привозятъ сюда сорочинское пшено. Онъ этого-то они по воскресеньямъ не приходятъ къ обѣднѣ.—Хотя жены совершенныя рабыни своихъ мужей, при всемъ томъ достойны особенной похвалы. У здѣшнихъ христіанъ невѣста не получаетъ приданаго и, бывъ выдана замужъ, въ своихъ рукахъ вовсе не имѣетъ денегъ: мужъ все самъ покупаетъ.—Почли бы за стыдъ, если бы жена по-

[1]) Мы нашли это письмо въ бумагахъ П. И. Прейса, хранящихся у М. С. Куторги. Это донесеніе о болгарскихъ католикахъ въ Болгаріи, собственно въ Филиппополѣ, тѣсно примыкаетъ къ цѣлому ряду донесеній духовныхъ лицъ о римскихъ католикахъ въ Болгаріи, изданныхъ Юго-Славянскою Академіею въ особомъ сборникѣ: «Acta Bulhariae ecclesiastica ab a. 1565 usque ad a. 1799. Collegit et digessit P. Fr. Euseb. Fermendžin. Zagrabiae. 1887. (28-й т. Monum. spect histor. Slavor merid.). Не знаемъ, было ли гдѣ это, переведенное Прейсомъ, донесеніе напечатано въ подлинникѣ. Во всякомъ случаѣ оно мало извѣстно и не безъинтересно. *Ред.*

[illegible] — Жены [illegible] всѣхъ земныхъ благъ и [illegible] отъ [illegible] на [illegible] ствѣ. Отъ этого [illegible], что жены очень радуются, когда [illegible]. Отъ нихъ много можно ожидать, если лучше будутъ воспитаны въ [illegible].

Едва дѣвицѣ исполнилось 18 лѣтъ, ее уже выдаютъ замужъ. До сихъ поръ мы знаемъ одного только [illegible], который бы и женился, если бы никая-нибудь дѣвица пошла за него. Болгары въ [illegible] вступаютъ въ бракъ, между молодыми нарушеніе цѣломудрія рѣдко. Для 18-лѣтняго сына [illegible] торопится отыскать невѣсту, на которой сей и женится [illegible]. До [illegible] онъ не видится и не говоритъ съ нею. — Жена никакого не имѣетъ значенія; со смертію мужа она вновь дѣлается свободною. Неудивительно, что [illegible] много утѣшать ее о потерѣ мужа.

Филиппополь и шесть деревень, принадлежащихъ къ городу, лежатъ въ прекраснѣйшей и плодороднѣйшей странѣ въ цѣлой Турціи. — Будь здѣсь жители болѣе образованы, страна бы эта могла назваться земнымъ раемъ. — Все [illegible] плодамъ не даютъ доспѣть, ихъ ѣдятъ полусозрѣвшими. Вино собирается, когда грозды еще кислы, винный камень остается безъ употребленія, о немъ вовсе не прилагаютъ старанія, [illegible] и о прочихъ произведеніяхъ, которыя дико ростутъ и родятся. О [illegible] деревьевъ не имѣютъ понятія; овощь ростетъ безъ всякаго о немъ попеченія. Пшеница, изъ которой здѣсь хлѣбъ пекутъ, тотчасъ вымолачивается на поляхъ быками или лошадьми, которые волочутъ за собой доску, обложенную остроконечными камнями. Очищать хлѣба вовсе не умѣютъ, притомъ изъ этого неочищеннаго хлѣба приготовляется одна только мука, въ которой и отруби остаются. Въ Вѣнѣ изъ подобной муки печется хлѣбъ для солдатъ. — Только въ октябрѣ можно достать говядину, и то все баранина. Въ самомъ городѣ Филиппополѣ не увидишь живой свиньи, только о [illegible] изъ окрестныхъ странъ привозятъ сюда на продажу битыхъ свиней. — Въ городѣ на деньги даже нельзя получить яицъ и молока; отъ этого для нашего хозяйства мы принуждены держать собственную корову. Овецъ здѣсь доятъ съ весны по ноябрь; изъ молока приготовляютъ вкусный сыръ.

Въ Филиппополѣ всѣ христіане, за исключеніемъ немногочисленныхъ торговцевъ, такъ недостаточны и бѣдны, что не рѣдко мы должны ихъ снабжать даже гробовыми досками. Напротивъ того христіане, поселившіеся въ шести нашихъ деревняхъ, всѣ безъ исключенія люди зажиточные, чрезвычайно заботливы въ уплатѣ податей, которыя возложены на нихъ Турками. Ни въ какихъ ремеслахъ, товарахъ или другихъ вещахъ они не нуждаются, кромѣ соли, которую должны [illegible]. Жены приготовляютъ все нужное изъ бумаги или шерсти; [illegible] на подшивку обуви. Зимой хозяинъ приготовляетъ [illegible]. На лошадяхъ ѣздятъ только верхомъ; воловъ же запрягаютъ въ [illegible]. Жилища нашихъ христіанъ въ деревняхъ состоятъ изъ нѣсколькихъ [illegible], [illegible] ихъ оплетаютъ прутьями, и наконецъ все это [illegible] глиною или [illegible] крыши лежатъ вѣтви на крестъ [illegible]; на это [illegible] или другую какую нибудь настилку. Во всей деревнѣ ни одинъ христіанинъ не имѣетъ [illegible], [illegible]чей, стула, стола, кровати или шкафа. [illegible] жилищахъ крестьянъ, съ тѣмъ [illegible], что [illegible] вмѣсто окна. — До [illegible] одеждѣ, пищѣ и жилищѣ [illegible]. Такъ какъ въ нашемъ жилищѣ [illegible], то мы должны [illegible] нѣйшія [illegible]. — [illegible]

Все это [illegible] научиться, въ [illegible] день [illegible] и [illegible] сравнивать [illegible]. Въ [illegible] [illegible] и [illegible].

чужеложство наказываются смертію. Впрочемъ Турки и Греки не большіе охотники до этихъ добродѣтелей. Въ корчмахъ не увидишь женщины, даже жены корчмаря. За первое воровство отсѣкають руку; въ числѣ нашихъ христіанъ есть такіе, у которыхъ за это отрублена правая вука. — За второе воровство преступника вѣшають. Не смотря на то по всѣмъ дорогамъ разбойниковъ довольно.

Дрова въ Филиппополѣ дороже, нежели въ Вѣнѣ, отъ того, что жалкіе возы жителей очень малы. На нихъ вообще привозятъ только тонкія жерди и хворостъ; до сихъ поръ я не видалъ еще крупныхъ дровъ. Наши христіане, какъ мнѣ сказывали, въ сильнѣйшіе морозы ходятъ босикомъ, а въ Крещенье многіе даже купаются въ рѣкѣ Марицѣ.

Турки въ Ноябрѣ соблюдаютъ самый строгій постъ и притомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, всѣ, начиная съ двѣнадцатилѣтнихъ, цѣлый день ничего въ ротъ не берутъ, даже не курятъ табаку. За то ночью не спятъ и ѣдятъ три раза; днемъ же отдыхаютъ. У Грековъ въ году четыре великихъ поста. Первый бываетъ передъ Святымъ Христовымъ Воскресеніемъ; въ это время только два раза ѣдятъ рыбу, въ день Благовѣщенія и въ Вербное Воскресеніе; во все прочее время не употребляютъ ни рыбы, ни молока, ни яицъ, въ послѣднія двѣ недѣли держатъ постъ безъ вина.—Другой постъ бываетъ за пятнадцать дней до Вознесенія, третій предъ Петровымъ днемъ и продолжается двадцать дней, четвертый же начинается за шесть недѣль предъ Рождествомъ.— Теперь только узнаю, какъ жили наши Святые Отцы! Болгары, рожденные и воспитанные въ землѣ Турецкой, могли бы легче возслѣдовать сему тяжкому житію, нежели мы непривычные, испорченные и дряхлые Европейцы.

Большая часть здѣшнихъ поселянъ носятъ одежду изъ грубаго сукна, оно толще того, которое употребляютъ Капуцины. Самыя именитыя жены въ нашей паствѣ приходятъ въ церковь босыя, нѣкоторыя надѣваютъ также турецкіе башмаки безъ чулковъ. — Такъ и многіе изъ нашихъ торговцевъ, хотя это знатнѣйшія особы въ приходѣ, часто босые являются въ церковь и на базаръ. — Наши болгарскіе деревенскіе жители и зимой вездѣ ходятъ съ открытою грудью, не смотря на то, что одежда у нихъ изъ мѣху, а бритыя головы и въ сильнѣйшія лѣтнія жары покрыты мѣховыми шапками.

Въ турецкой землѣ до сихъ поръ мы не могли свѣдать, чтò дѣлается на свѣтѣ; даже въ Вѣнѣ болѣе знаютъ о турецкой землѣ, чѣмъ мы, живущіе въ ней. Нерѣдко случается, что къ намъ заходятъ католики изъ Албаніи и Вавилоніи, ища у насъ ночлега. Но прихожане наши не допускаютъ ихъ, боясь, чтобы насъ не обокрали и не убили: ибо они слывутъ здѣсь величайшими разбойниками. — Намъ священникамъ стыдно, что наши единовѣрцы въ такомъ презрѣніи у Турковъ и Грековъ.

Въ турецкихъ земляхъ каждая духовная особа въ своей общинѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и судія въ дѣлахъ мірскихъ, поэтому я принужденъ также разбирать всѣ распри.— Это разбирательство каждый день отнимаетъ у меня по нѣскольку часовъ, и принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ трудамъ моимъ, отъ того, что оправдать можно одну только сторону, чѣмъ другая обижается. Старые туземные миссіонеры очень ласково и дружески обходятся съ нами; но это только для виду, по греческому обычаю. Въ тиши же они постоянно дѣйствуютъ противъ насъ. До настоящей минуты мы все переносили терпѣливо; если потеряемъ ихъ благосклонность и расположеніе, то прощай и миръ и ладъ. Въ самомъ началѣ приходилось многое измѣнять и улучшать. Они принимали все это охотно и безъ отговорокъ, а между тѣмъ тайно вели жалобу. Нѣтъ сомнѣнія, что самой правды они не сказали въ письмахъ своихъ къ Папѣ, но осмѣлились оболгать его: правдивое слово рѣдко выходитъ изъ устъ ихъ. Надѣюсь, что великое смиреніе спасетъ душу мою отъ многихъ золъ и обогатитъ милостію.—Ежедневно могу всего ожидать: даже могу лишиться своего сана, и какъ простой миссіонеръ служить и покорствовать величайшему врагу моему. Много трудясь въ потѣ лица, я извѣдаю то, чтò испытали Святые, т. е. что мы должны только на Бога уповать и отъ Него просить благъ и благословенія.

Кстати представился намъ случай къ благочестивой думѣ: въ самой населенной деревнѣ нашей открылась моровая язва. Впрочемъ съ наступленіемъ жестокой зимы

опять исчезла. — Хотя отъ нея не многіе погибли, но нельзя однакоже не опасаться, что будущею весною она снова воротится. Смерть отъ чумы вѣрнѣе смерти мученической, да и отъ душегубцевъ мы не совсѣмъ безопасны. Да будетъ святая воля Его!

Когда мы въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1835 года прибыли сюда, то всѣ жители питались сырымъ молодиломъ и чеснокомъ, а въ Маѣ обыкновеннымъ кушаньемъ ихъ были салатные ростки; ибо здѣсь не дожидаются, чтобы салатъ выросъ и созрѣлъ. Въ Іюнѣ и Іюлѣ пища у нихъ—огурцы безъ уксуса и соли. Въ Августѣ, Сентябрѣ и Октябрѣ ѣдятъ сахарныя или обыкновенныя дыни.—Это для нихъ то же, что для насъ картофель, котораго нѣтъ и который бы здѣсь не уродился на почвѣ жирной и влажной.—Дурная пища есть главная причина, отъ которой въ Августѣ мѣсяцѣ здѣсь свирѣпствовали лихорадки, что̀ и донынѣ продолжается. Изъ 1,500 нашихъ христіанъ перенесли лихорадку по меньшей мѣрѣ 1,200 человѣкъ. — Болѣзнь эта сдѣлалась домашнею, никто отъ нея не умираетъ. Здѣшніе жители на зиму приготовляютъ себѣ припасы изъ мяса коровъ и быковъ; посоливъ, сушатъ его на свѣжемъ воздухѣ.

Въ началѣ Октября начали жать сорочинское пшено; при этомъ работало семьсотъ жнецовъ. Во все это время шли дожди, а поле здѣсь и безъ того болото. Неудивительно, что жатва продолжалась цѣлые пятдесятъ дней. Жнецы находились въ полѣ днемъ и ночью, и должны были спать на мокрой землѣ; весьма немногіе изъ нихъ заболѣли.—У насъ такая работа стоила бы людямъ смерти! У нашихъ христіанъ нѣтъ печей для хлѣба: пекутъ его въ золѣ или на угляхъ. Мы, священники, посылаемъ за хлѣбомъ къ Греку. Булокъ или другаго какого нибудь печенія изъ дрожжей мы и не видали.—Кукуруза составляетъ здѣсь преимущественную пищу. Чаша, полная поджаренныхъ зеренъ кукурузы, бутылка хлѣбнаго вина и кусокъ полотна суть подарки, которые обыкновенно получаетъ священникъ при крестинахъ; другіе приносы неизвѣстны.

Что до насъ касается, то, по милосердію Божію, мы довольны; я ни на комъ не видалъ лица угрюмаго и печальнаго, на устахъ не слыхалъ словъ негодованія. Съ 2-го Августа сказываемъ проповѣди, и учимъ ежедневно закону Божію взрослыхъ и дѣтей, отдѣльно.

Языкъ Болгаръ перемѣшанъ со множествомъ турецкихъ словъ, которыя составляютъ приблизительно четвертую часть его.—Ему выучиться нелегко, потому что книгъ болгарскихъ у насъ вовсе нѣтъ; самый же языкъ не подведенъ еще подъ твердыя правила. Приходъ совершенно на сторонѣ добраго дѣла. Только два человѣка противъ насъ и то по извѣстной намъ причинѣ, т. е. они думаютъ пріобрѣсть расположеніе стараго Апостольскаго Викарія, которому должны много денегъ. Не будь этого, всѣмъ недоразумѣніямъ былъ бы конецъ.

Народъ почти ежедневно приходитъ исповѣдоваться и пріобщаться Святыхъ Таинъ. Въ селеніи нашемъ одинъ человѣкъ, всего болѣе преданный піянству, именемъ Бомбалъ, который въ продолженіе четырехъ лѣтъ велъ жизнь нетрезвую, воздерживается отъ вина уже три недѣли, и всякій день бываетъ у обѣдни. Пошли ему Господь постоянства! Я усердно посѣщаю его и стараюсь склонить къ покаянію.

Во время стараго Викарія здѣсь чума свирѣпствовала четыре раза, и при всемъ томъ пощадила пьяницъ. — Отъ этого зла очень трудно отучить причинами физическими, нравственныя же средства не дѣйствуютъ на народъ, который столь низко упалъ.—Надѣюсь, что непрестанныя молитвы благочестивыхъ женъ призовутъ милость Божію на несчастныхъ мужей. Осѣненный сею милостію Божіею, хотѣлъ бы я отсюда отправиться въ Китай.

Отъ всей братіи и фратера Яна благоговѣйное цѣлованіе руки! Кланяемся всей братіи и фратерамъ. Теперь мы работаемъ, пашемъ, сѣемъ, поливаемъ и прививаемъ; если явятся сладкіе плоды въ обиліи, то къ богатой жатвѣ пригласить своихъ собратій не преминемъ.

Вашъ искренній братъ *Янъ Неп. Фортнеръ* (†).

Священникъ изъ Ордена Редемптористовъ и Апостольскій Викарій въ Филиппополѣ.

Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу.

Буддійскій монастырь Эрдени-Цзу находится въ Монголіи на правомъ берегу Орхона въ 270 верстахъ отъ Урги и въ 400 в. отъ Кяхты на юго-западъ. Онъ считается древнѣйшимъ монастыремъ въ сѣверной Монголіи. Нѣтъ другой мѣстности, къ которой было бы пріурочено столько легендъ, какъ къ этому монастырю и его окрестностямъ, что указываетъ на большое историческое значеніе этой мѣстности.

Имя свое монастырь получилъ отъ статуи, стоящей въ главномъ его храмѣ и называющейся Эрдени-Цзу. Привозъ этой статуи изъ Тибета въ Монголію составляетъ содержаніе одной изъ упомянутыхъ легендъ. Другая легенда разсказываетъ о нападеніи на монастырь ӧлӧтскаго хана. Третья, о невѣстѣ, просватанной за китайскаго императора, пріурочена не къ самому монастырю, а къ его окрестностямъ.

Эти окрестности въ послѣднее время привлекли къ себѣ большое вниманіе оріенталистовъ и археологовъ. Къ нимъ, благодаря новѣйшимъ открытіямъ, пріурочивается мѣстонахожденіе древняго уйгурскаго города Каракорума VI вѣка. Вѣроятно и сообщаемыя нами легенды ведутъ свое начало отъ этой уйгурской древности, то есть онѣ древнѣе буддизма въ Монголіи.

Здѣсь мы предлагаемъ читателю новые варіанты легендъ о привозѣ статуи Эрдени-Цзу и о нападеніи на монастырь ӧлӧтскаго хана. Одинъ варіантъ записанъ нами самими отъ грамотнаго Бурята, пріѣзжавшаго въ Иркутскъ лѣтомъ 1890 г.; другіе доставлены намъ Н. М. Ядринцевымъ, записавшимъ ихъ черезъ переводчика, во время его поѣздки въ Монголію въ 1889 г. Въ варіантахъ не всегда статуя называется Эрдени-Цзу; иногда она называется Гомбогуру; по другимъ варіантамъ имя Гомбогуру придается не главной статуѣ храма, а двумъ второстепеннымъ, стоящимъ по сторонамъ главной.

Сначала помѣщаемъ варіантъ, записанный нами отъ Жигжида Г. Галсанова, Бурята Хоринскаго вѣдомства. Ж. Г. Галсановъ живетъ постоянно близь дацана Шолоту въ верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области.

Будда оставилъ два ученія: сутру и тарни. До Зонхавы изучали преимущественно тарни, когда не было Далай-ламы, а былъ Сачжи-банчень. Но съ теченіемъ времени люди ослабѣли, не въ состояніи были исполнять многіе обѣты, а потому изученіе тарни, требовавшее большихъ обѣтовъ, не соотвѣтствовало новой породѣ людей. Явился Зонхава и началъ настаивать на преимущественномъ изученіи сутры. Это новое направленіе въ церковной практикѣ буддистовъ было усвоено въ Тибетѣ и распространилось также у ӧлӧтовъ. Но халха съ своимъ ханомъ Абатаемъ остались въ красной вѣрѣ (уланъ шачжинъ). Явились однако проповѣдники новаго направленія и въ Халху; тогда Абатай сталъ изгонять ихъ и рѣшился повоевать ӧлӧтскія кочевья, откуда въ Халху приходили проводники. Онъ велъ съ ӧлӧтами войну въ теченіи сорока двухъ лѣтъ; мѣдныя стремена истерлись до половины, наконечники стрѣлъ истерлись до половины. Потомъ онъ пошелъ войной и на Тибетъ. Но въ Тибетѣ его встрѣтили безъ всякой вражды, миролюбиво. Ласковый пріемъ, оказанный ему, заставилъ Абатая смягчить свое сердце. Далай-лама пригласилъ его къ себѣ въ гости и пока ханъ сидѣлъ у него, Далай-лама убѣдилъ хана въ правотѣ Зонхавы и направленія, которое онъ далъ буддійской практикѣ. Тогда Абатай сталъ просить Далай-ламу поѣхать въ Монголію и убѣдить ея населеніе. Но Далай-лама отказался; онъ сказалъ, что ему нельзя оставить Тибетъ въ этомъ перерожденіи и что тибетскій народъ его не отпуститъ. Но Далай-лама предложилъ ему выбрать любаго изъ семи сорчжи, которые были въ его монастырѣ. Но и этихъ тибетцы не хотѣли отпустить въ Халху и придумали обмануть хана; они простыхъ ламъ одѣли въ костюмы сорчжи, а сорчжи-ламъ одѣли въ платье обыкновенныхъ ламъ; самый важный сорчжи былъ одѣтъ въ одежду молодаго ничего не знающаго ламы. Абатай вошелъ въ собраніе и началъ выбирать и испытывать ламъ; онъ подошелъ къ тѣмъ, которые были одѣты, какъ сорчжи; взялъ въ руки саблю, направилъ ея остріе на глаза одного мнимаго сорчжи и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ выколоть ихъ; лама отшатнулся и зажмурилъ глаза; тогда онъ перешелъ къ другому и съ

тѣмъ тоже сдѣлалъ. Всѣхъ, которые отшатывались, онъ забраковалъ. Подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ сидятъ переодѣтые сорджи. Сидитъ самый не важный по виду лама; онъ ткнулъ ему саблей противъ глазъ; лама не моргнулъ ими. Вотъ этого дайте мнѣ! сказалъ Абатай. А это былъ Замьянъ-сорчжи, самый главный сорчжи. Какъ только сказалъ это Абатай, унзатъ запѣлъ рѣчь, въ которой оплакивалъ разлуку монастыря съ Замьяномъ. Эту пѣснь онъ импровизовалъ. Но все собраніе спѣло ее, вторя ему одновременно, какъ будто оно было подготовлено къ тому и заучило её предварительно. Этотъ Замьянъ-сорчжи воплотился потомъ подъ видомъ Ундуръ-гэгэна [1]).

Потомъ Абатай сталъ просить себѣ бурхана Цзу (Чжу). Тибетцы имѣли двѣ Цзу, большую и малую и обѣихъ имъ было жаль отдать. Они стали дѣлать для Абатая копію съ малой Цзу. Абатай сталъ сердиться и говорить Далай-ламѣ: „Вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы; я зову Далай-ламу пріѣхать въ Халху, онъ не ѣдетъ; прошу хорошаго ламу, вы хотите подмѣнить его худымъ. Прошу бурхана, вы жалѣете и хотите дать только копію. Если такъ, то пусть же вамъ не суждено будетъ пріѣхать въ Халху въ этой жизни“. Тогда Далай-лама предложилъ Абатаю взять какого нибудь другого бурхана, любаго изъ находившихся у него за исключеніемъ Цзу. Абатай вошелъ въ храмъ и сталъ выбирать бурхана; онъ приставилъ къ первому бурхану остріе своей сабли и двинулъ ею въ бога; глиняная статуя откачнулась назадъ; то же случилось и съ слѣдующими статуями; нѣкоторые бурханы зажмуривали глаза. Только бурханъ Очиръ-вани не только не откачнулся назадъ, но даже двинулся на встрѣчу саблѣ. Этого бурхана и выбралъ Абатай. Всѣ же остальные бурханы, откачнувшіеся передъ саблей, такъ и остались въ откачнувшемся положеніи. Взялъ Абатай бурхана Очиръ-вани и копію съ малой Цзу и поѣхалъ въ Халху. По сю сторону Менгу-Цзу [2]) есть высокій хребетъ; Абатай остановился на перевалѣ на ночлегъ. Священную статую сняли съ вьючнаго животнаго и поставили на камень. Утромъ, когда надо было собираться въ дальнѣйшій путь, Абатай не могъ поднять бурхана Очиръ-вани; бурханъ прилипъ къ скалѣ. Тогда Абатай осердился, вынулъ саблю, сказалъ: „Не желающая ѣхать въ Халху бокси (нижняя часть тѣла) оставайся здѣсь, а желающая ѣхать въ Халху чеджи (торсъ) поѣзжай со мной!“ разрубилъ бурхана пополамъ и верхнюю половину его увезъ съ собой.

Далай-лама, прощаясь съ Абатаемъ, обѣщалъ пріѣхать къ нему въ Халху. Въ назначенный день Абатай сидитъ въ юртѣ и ждетъ прибытія Далай-ламы. Проходитъ полуденный часъ, а Далай-ламы все нѣтъ. Абатай начинаетъ сердиться и посматриваетъ черезъ уркö на солнце, которое начинаетъ уже опускаться къ горизонту. Взглянулъ въ уркö [3]), увидѣлъ въ небѣ сидящаго на облакѣ Далай-ламу и услышалъ звонъ дамару [4]); въ одной рукѣ у Далай-ламы былъ колокольчикъ, въ другой дамару. Далай-лама бросилъ на землю зерна пестраго ячменя (халтыръ арбай). Такимъ образомъ онъ благословилъ постройку храма. Абатай крикнулъ Далай-ламѣ, чтобъ онъ спустился на землю и вошелъ къ нему въ юрту, но Далай-лама сказалъ ему, что онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что самъ же Абатай, когда былъ въ Тибетѣ, въ сердцахъ заклялъ тибетскихъ ламъ пріѣзжать въ Халху въ теченіи ихъ настоящей жизни.

Во время сорокадвухлѣтней войны Абатая съ Öлöтами, öлöты, изнемогая въ борьбѣ, послали посольство къ Далай-ламѣ съ просьбою о помощи. Они велѣли спросить у Далай-ламы, что это за вѣра, которую онъ далъ имъ и которая навлекаетъ на нихъ столько бѣдствій. Въ это время въ монастырѣ Галданѣ жилъ одинъ лама изъ Öлöтовъ; онъ странствовалъ прежде во многихъ мѣстахъ, пришелъ въ Галданъ и здѣсь былъ избранъ наконецъ намѣстникомъ Зонхавы. Имя его было Бошöхту. Узнавъ объ немъ, послы пошли предварительно посовѣтоваться съ своимъ землякомъ. Бошöхту

---

[1]) Такъ называется у Монголовъ первый по времени изъ тѣхъ перерожденцевъ, которые имѣютъ резиденцію въ Ургѣ и извѣстны подъ именемъ ургинскихъ хутухтъ.
[2]) Т. е. Лассы.
[3]) Верхнее или дымовое отверстіе въ юртѣ.
[4]) Небольшой бубенъ.

выслушалъ ихъ разсказъ о бѣдствіяхъ ӧлӧтскаго народа, отправился самъ къ Далай-ламѣ и сказалъ ему: «Я до сихъ поръ вращалъ колесо ученія, теперь хочу вращать колесо меча». Далай-лама возразилъ, что это не совмѣстимо съ званіемъ гелюнга. Тогда лама просилъ снять съ него званіе гелюнга и такъ сильно упрашивалъ Далай-ламу, что тотъ наконецъ уступилъ, взялъ изъ рукъ бога Сакюса мечъ и подалъ Бошӧхту. Тогда Бошӧхту во главѣ ӧлӧтскихъ войскъ вторгся въ Халхаскую землю. За то, что онъ жилъ въ монастырѣ Галданѣ, его прозвали Бошӧхту-Галданъ. Онъ дошелъ до Орхона и вошелъ въ Эрдени-Цзу. Войдя въ храмъ, онъ сталъ саблей выковыривать драгоцѣнность бадмаракъ изъ лба бога (у бога зодбо, «бородавка на лбу», была бадмараковая). Два бога Гомбогуру, стоявшіе по сторонамъ Цзу, бросились на него съ мечами, и онъ въ ужасѣ выбѣжалъ изъ храма. Въ это время Абатай сказалъ своимъ Халхасцамъ: «Лучше умремъ, утонемъ въ Орхонѣ, чтобъ непопасть въ плѣнъ или въ руки Галдана». И всѣ Халхасцы бросились къ Орхону. Но Орхонъ поднялъ ихъ на своихъ водахъ; они перешли по нему, какъ по льду; водяная поверхность поддержала ихъ. Когда же слѣдомъ за ними пошли Ӧлӧты, вода перестала на себѣ держать и Ӧлӧты всѣ перетонули.

Слѣдующіе варіанты записаны Н. М. Ядринцевымъ отъ Халхасцевъ въ окрестностяхъ Эрдени-Цзу.

Ӧлӧтскій ханъ пріѣхалъ въ гости къ монгольскому хану. Они вмѣстѣ гуляли и поссорились. Ӧлӧтскій ханъ убилъ монгольскаго въ этой ссорѣ, отрѣзалъ ему голову, завернулъ въ войлокъ, привязалъ къ ханскому коню и отпустилъ коня. Конь пришелъ домой. Увидѣла царица коня, привезшаго голову ея мужа, загоревала и послала за его братомъ, который жилъ въ Тибетѣ у кутухты и былъ ламой. Получивъ извѣстіе о смерти брата, лама сказалъ: «Я пойду воевать и отомщу ӧлӧтскому хану!» — Но какъ же ты, будучи ламой, пойдешь на войну? спросили его. Тогда онъ снялъ ламскій санъ, возвратился домой и собралъ войско; такъ завязалась война съ Ӧлӧтами. Ӧлӧты явились къ Эрдени-Цзу и начали стрѣлять въ кумирню. Выстрѣлъ попалъ въ кумира Гомбогуру. Богъ разсердился. Тогда Орхонъ вышелъ изъ береговъ и потопилъ сорокъ тысячъ Ӧлӧтовъ. Изъ нихъ осталось всего тридцать человѣкъ. Они живутъ и понынѣ близь озера Угей-норъ.

У Эрдени-Цзу есть гора Банченъ-обо. Ӧлӧты начали войну съ Монголами при Гомботу-Тушету-ханѣ. Ӧлӧтовъ привелъ Галданъ-Бӧшохту-дойнъ. Ӧлӧты стали у Банченъ-обо и набросали (изъ камней) большую сопку, чтобы съ нея стрѣлять. Монголы стояли ниже, а Ӧлӧты выше. Послѣ сраженія Монголы потерпѣли пораженіе; ихъ была убита половина войска. Тогда Ӧлӧты взяли Эрдени-Цзу; они вошли въ кумирню и хотѣли взять камень молонъ-эрдени, вставленный въ кумиръ Гомбогура. Ӧлӧтскій ханъ хотѣлъ саблей выковырять этотъ камень. Въ это время богъ закричалъ, какъ драконъ. Ӧлӧты испугались и бросились къ Орхону. Орхонъ сначала разступился; но потомъ поглотилъ всѣхъ Ӧлӧтовъ; отъ нихъ осталось только семь человѣкъ. Въ это время Орхонъ тёкъ кровью.

Ӧлӧты не разъ приходили къ Эрдени-Цзу. Во второй разъ приходилъ съ войскомъ Ӧлӧтъ Ухурчебъ-хой. Тогда также монастырь спасъ богъ Гомбогуръ; у Гомбогура сабля была въ лѣвой рукѣ, а очутилась въ правой. Орхонъ также въ это время разлился и потопилъ Ӧлӧтовъ.

Самое давнее указаніе на орхонскія легенды въ русской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, было сдѣлано 25 лѣтъ назадъ Я. П. Шишмаревымъ (въ его статьѣ «Свѣдѣнія о халхаскихъ владѣніяхъ», помѣщенной въ Запискахъ Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., кн. VII, Ирк., 1864, стр. 66). Вотъ этотъ варіантъ въ краткомъ изложеніи. Маньчжурскій императоръ, желая узнать силы Монголіи, послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ въ эту страну. Посланный пріѣхалъ въ мѣстность Хурэнъ-бильчиръ (хурэнъ, по объясненію г. Шишмарева, значитъ бурокрасный цвѣтъ крови, бильчиръ—скопившаяся на возвышенности вода), куда обыкновенно собиралось для смотра войско всѣхъ семи монгольскихъ хошуновъ (княжествъ), и потомъ донесъ

императору, что мѣстность Хурэнъ-бильчиръ [1]) самая несчастная и что войско Монголовъ плохое. Вслѣдъ за этимъ посломъ на другой подобный смотръ пріѣхалъ ванъ (князь) олютскихъ тридцати-трехъ хошуновъ Галданъ-бошхоту, братъ жившаго въ Тибетѣ хубилгана Хлрамбо. Цѣль была высмотрѣть силы Монголовъ и начать войну; но Халхасцы догадались объ этомъ, отрубили ему голову и привязали ее подъ шею лошади. Хлрамбо отправляется мстить за брата, снявъ съ себя духовный санъ. Онъ отрѣзалъ хвостъ у своей лошади и сказалъ, что будетъ воевать до тѣхъ поръ, пока отростетъ хвостъ; затѣмъ онъ пошелъ по направленію къ кумирнѣ Эрдино-дзоу, опустошая монгольское населеніе. Когда Олюты приблизились, каменная собака, бывшая у воротъ кумирни, залаяла. Хлрамбо выстрѣлилъ въ собаку и отломилъ ей ногу. Затѣмъ войско заняло кумирню. Увидѣвъ у бога Гомбогуру большой рубинъ во лбу, солдаты хотѣли вытащить его пиками, но богъ зашевелился и поднялъ мечъ. Войско пришло въ смятеніе; Олюты начали бить другъ друга; при этомъ поднялась въ Орхонѣ вода и большую часть войска потопила. Въ это время Халхасцами командовалъ предокъ Тушету-хановъ Абатай-Сайнъ-ханъ. Богдо-ханъ за эту услугу далъ Орхону названіе Олосонъ-туше-гунъ [2]) и положилъ рѣкѣ жалованье въ 300 ланъ серебра, которое ежегодно и бросается въ рѣку. Плѣненные тогда Олюты поселены по Орхону, Селенгѣ и Хара. Они ламаиты, но не поклоняются богу Гомбогуру.

Въ варіантѣ г. Ядринцева также, какъ и у г. Шишмарева, упоминается объ Ӧлӧтахъ, поселенныхъ на Орхонѣ. Дѣйствительно, въ долинѣ Орхона и на его притокахъ къ з. отъ Эрдени-Цзу находятся два хошуна или княжества, населеніе которыхъ считается Ӧлӧтами; одинъ хошунъ управляется потомками князя Даньцзила, другой—потомками Рабтана (З. Матусовскій, Географич. описаніе Китайской имперіи, Спб., 1888, стр. 287). Народная легенда ставитъ странное нахожденіе этихъ Ӧлӧтовъ среди сплошнаго халхаскаго населенія въ связь съ событіемъ въ монастырѣ Эрдени-Цзу, и въ тоже время народнымъ преданіемъ это событіе относится ко времени войнъ Халхасцевъ съ ӧлӧтскимъ ханомъ Галданомъ въ XVII столѣтіи. Это пріуроченіе какъ-то не вяжется съ логикой фактовъ. Невѣроятно, чтобы Халхасцы, разгромивъ Ӧлӧтовъ, отдали имъ самую теплую долину въ своей землѣ, дорогую имъ по историческимъ воспоминаніямъ, бывшую, какъ видно изъ достовѣрныхъ источниковъ, любимымъ мѣстомъ для ежегодныхъ перекочевокъ монгольскихъ хановъ (какъ наприм., Хубилая). Извѣстная исторіи война Галдана съ Халхой имѣла вѣроятно характеръ военныхъ набѣговъ, совершаемыхъ отрядами чириковъ или солдатъ, тогда какъ осажденіе въ иностранной землѣ двухъ хошуновъ могло случиться только въ томъ случаѣ, если нашествіе имѣло видъ переселенія со скотомъ и семьями.

Мною записанные варіанты орхонской легенды помѣщены въ «Очеркахъ с.-з. Монголіи», в. IV (Спб., 1883, стр. 332—341, 410). Имѣютъ ли Монголы записанною эту легенду, мнѣ неизвѣстно. Г. Позднѣевъ вывезъ изъ Монголіи монгольское сказаніе о построеніи монастыря Эрдени-Цзу въ видѣ рукописи [3]) и пользовался имъ при составленіи своихъ комментаріевъ къ изданной имъ монгольской лѣтописи Эрденіинъ эрихэ. Въ самой этой лѣтописи нападеніе на Эрдени-Цзу отнесено не ко времени Галдана-Бошохту, а къ позднѣйшимъ годамъ, именно оно записано подъ 1732 годомъ. Событіе описано такъ: (Мятежники) «собрали войска и направились къ Эрдени-Цзу. Провѣдавъ, что непріятель обращенъ въ бѣгство, они сильно поразили бѣгущихъ. Въ этотъ приходъ мятежниковъ къ Эрдэни-Цзу кумиръ Гомбо-гуру, стоящій передъ (статуею) Цзу, согнулся и высунулся, а когда каменные львы начали издавать рычаніе, то многочисленные мятежники оттого обратились въ бѣгство и, бросаясь въ рѣку

[1]) Урочище Хурэнъ-бильчиръ находится на рѣкѣ Байдарикъ, въ 300 верст. къ юго-западу отъ Эрдени-Цзу.

[2]) Титулъ Улусунъ-туше-гунъ носятъ теперь два князя; хошунъ одного расположенъ въ низовьяхъ р. Онгіинъ, другаго — около оз. Буиръ (Матусовскій, «Геогр. опис. Китайск. Имп.», Спб., 1888, стр. 282 и 284).

[3]) Она называется Эрдэни-цзуинъ-тухэ.

Орхонъ, находящуюся у Эрдэни-Цзу, погибали въ ней; это и есть обстоятельство, по которому рѣка Орхонъ называется «Туше-Гуномъ» [1]).

Въ комментаріи г. Позднѣева къ лѣтописи попали нѣкоторыя черты изъ народной легенды о привозѣ Эрдени-Цзу и о нападеніи ӧлӧтскаго хана, но не всѣ.

Тема о разливающихся водахъ въ связи съ темой о похищеніи, повидимому, была пріурочена и къ озеру Байкалу. Бурятское преданіе разсказываетъ о какихъ-то дѣтяхъ Байкала, которыя выходили изъ водъ и играли на его берегу; шаманка Асухэнъ задумала похитить ихъ; дѣти были напоены виномъ и, когда они заснули, шаманка завернула ихъ въ войлокъ и понесла. На крикъ дѣтей: «море мать, спаси»! воды Байкала бросились преслѣдовать шаманку и едва не сбили ее съ ногъ. Одно дитя ускользнуло изъ рукъ шаманки, ушло въ воду и обратилось въ нерпу (тюленя), живущую и теперь въ озерѣ (Записки Вост.-Сиб. отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I., в. в. 2, стр. 94—106). Эта связь темы о людяхъ, обращенныхъ въ морское животное, съ темой о разливающихся водахъ вѣроятно уже въ древности существовала въ мѣстныхъ сказаніяхъ и не можетъ быть отнесена на счетъ позднѣйшихъ западныхъ вліяній. Легенда, идущая изъ книжнаго источника, хотя и искажается и наслаивается мѣстными преданіями, но, не смотря на географическую отдаленность отъ ея первоначальной родины, устойчиво удерживаетъ свои главныя черты; искусственная склейка съ развѣтвленіями мѣстнаго народнаго миѳа можетъ быть отличаема отъ органической связи. Бурятское преданіе не имѣетъ никакихъ слѣдовъ происхожденія отъ идущей изъ семитическаго міра легенды о людяхъ, обращенныхъ въ морскихъ звѣрей. Повѣрья о людяхъ, обращенныхъ въ водяныхъ животныхъ, записаны неоднократно на протяженіи отъ вершинъ Енисея до устья Амура.

Вѣроятно, область распространенія этой темы въ дѣйствительности еще шире.

Въ свою очередь, преданія о разлившемся озерѣ также очень обыкновенны въ центральной Азіи; они разсказываются объ озерахъ Хухунорѣ, Иссыкъ-кулѣ и Гусиномъ. Нѣкоторыя черты преданія о Хухунорѣ очень сходны съ преданіемъ о разливѣ Байкала, не съ тѣмъ, въ которомъ является шаманка Асухэнъ, а съ другимъ, помѣщеннымъ въ Запискахъ Вост.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 109. Разнообразіе, въ которомъ передаются обѣ эти темы о водяныхъ животныхъ и о разливѣ водъ, и ихъ обширная распространенность свидѣтельствують, что они очень древни на почвѣ центральной Азіи. Срощеніе ихъ могло произойти на востокѣ безъ всякаго посредства семитической легенды. Участіе послѣдней можно было бы видѣть только въ томъ случаѣ, если-бъ въ легендѣ стояло не одно дитя, а цѣлое войско, обращенное въ тюленей. Сомнительно, чтобы народная передача сказанія «войско» замѣнило однимъ ребенкомъ; сомнительно даже и то, чтобъ легенда объ утонувшемъ войскѣ повліяла на мѣстныя легенды о водяныхъ звѣряхъ, въ смыслѣ привлеченія къ нимъ темы о разлившихся водахъ.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Позднѣевъ, «Монгольская лѣтопись Эрдэніинъ-Эрихэ», Спб., 1883, стр. 90. Въ своихъ комментаріяхъ, приложенныхъ къ переводу этой лѣтописи, г. Позднѣевъ говоритъ, что лѣтопись Эрдэни-Цзускаго монастыря (Эрдэни-Цзуйнъ-тухэ), вывезенная имъ изъ Монголіи, описывая судьбы этой обители въ періодъ войнъ Галдана, разсказываетъ, что войска Галдана три раза подступали къ монастырю, но подробностей не сообщаетъ. Г. Позднѣевъ думаетъ, что Эрдэни-Цзу не подвергался военной осадѣ въ это время. Обѣ лѣтописи и Эрденійнъ-Эрихэ и Эрдэни-Цзуйнъ-тухэ пріурочиваютъ ограбленіе монастыря не къ Галдану, бывшему монахомъ, а къ другому Галдану, жившему позднѣе (Галданъ-цэрэну). См. Позднѣевъ, I с., 197, 347.

Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Гâбери въ Кимре—„на дубахъ".

Предложенное А. А. Потебней превосходное объясненіе долго непонимаемаго образа или выраженія нашей былины „Соловей на дубахъ" (Этимологическія замѣтки, стр. 118), невольно наводитъ мысль на другія свидѣтельства, о томъ какъ пользовались и пользуются деревьями люди различныхъ племенъ и въ разныхъ частяхъ свѣта въ видахъ самообороны и даже наступленія.

Извѣстный средневѣковый путешественникъ, исколесившій всю почти Европу, Египетъ и часть турецкой Азіи, въ первой половинѣ XV в. посѣтившій Пруссію, Ливонію, Новгородъ, Псковъ, Литву и Польшу и весьма живо описавшій свои странствія, французскій дворянинъ Гильберъ де Лануа упоминаетъ, между прочимъ, о видѣнномъ имъ на одномъ островкѣ на Вислѣ, дубѣ, въ одной мили (льё) отъ Торуня (Торна). Этотъ дубъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ, подобно нашему Соловью разбойнику сиживали и проживали первые нѣмецкіе крестоносцы.

„Et de là fus mené sur la rivière de le Wisle à une lieue de Thore en une islette ou jadis, du temps que tout le païs de Prusse estoit mescréant, les seigneurs des blancs-manteaux, de l'ordre de Prusse, firent leur première habitation sur un gros fouellu arbre de quesne, assis sur le bort de la rivière, où ilz firent ung chastel de bois et le fortefièrent de fossez autour arrousez de ladicte rivière, dont depuis par leur vaillance à l'ayde et retraitte dudit chastel concquirent tout le païs de Prusse et le mirent à nostre créance, et est ce lieu la nommé Aldenhoux."

(Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy. 1399 — 1450. Mons. MDCCCXL, p. 29).

Объ этомъ дубѣ сами рыцари говорятъ въ своей оправдательной противъ польскихъ обвиненій запискѣ, представленной Собору Констанцкому въ 1416 г.: „fratres vero ordinis in quadam insula fluminis Wisla edificaverunt sibi quoddam aliud castrum super una magna quercu, quod fossis, sepibus et basatis adeo firmaverunt, quod Pruteni ad eos accessum habere non potuerunt; et illic christiani et peregrini confluebant adeo quod magno numero tam in castro quam in quercu habundabant, quia per naves huc atque illuc ducebantur et sic de dictis castris et quercu Pruthenorum maliciam refrenabant et prefatum ducem et regem Poloniae ab horum impetu defendebant". (Prochazka Cod. ep. Vit. p. 1032). Вѣроятно, отсюда или вообще отъ самихъ рыцарей заимствовалъ свое извѣстіе объ этомъ дубѣ Эней Сильвій (Pistor. Pol. hist. corp. I, 5).

Д-ръ Нахтигаль въ описаніи своего шестилѣтняго путешествія по Африкѣ приложилъ и интересный рисунокъ укрѣпленій на могучихъ вѣтвяхъ огромныхъ деревъ въ Суданѣ, въ Кимре, и живой разсказъ о видѣнной имъ осадѣ и мужественной защитѣ этихъ воздушныхъ на-скоро сооружаемыхъ крѣпостей. (Sahârâ und Sûdân Ergebnisse sechsjähriger Reisen in Afrika von Dr. Gustav Nachtigal. B. II. Berlin. 1881).

Вождь племени Багирми (мусульманъ) пригласилъ его съ его спутниками и проводниками принять участье въ его походѣ противъ не мусульманскаго (языческаго) племени Гâбери въ обл. Кимре.

Вождь взялъ съ собой своихъ людей и рабовъ, около 60 всадниковъ и до 400 пѣшихъ, вооруженныхъ копьями, мечами, щитами, и съ ними такое же почти количество разныхъ язычниковъ (Sâra Bûa, Ndamm, Tummok), все пѣшихъ. За опушкою лѣса разстилались поля и въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ помѣщались далеко раскинутыя жилища непріятеля. Но жители разбѣжались и укрывались въ лѣсу, на своихъ возвышенныхъ укрѣпленіяхъ. „Вскорѣ мы увидали, говоритъ Нахтигаль, нашихъ враговъ. Надо всѣми деревьями возвышался эріодендронъ (пуховикъ, Wollbaum). Его, кажется, исключительно избираютъ себѣ въ убѣжище во времена опасностей. Его вышина, твердый и прямой, какъ свѣчка, стволъ, расположеніе его вѣтвей, въ видѣ мутовки, въ нѣсколько этажей и ихъ почти горизонтальное направленіе дѣлаютъ это дерево особенно удобнымъ къ такому употребленію. Самый нижній этажъ, какъ

слишкомъ доступный нападающимъ, по большей части остается не занятымъ. Но на высшихъ этажахъ прямыя сосѣднія вѣтви по возможности соединяются посредствомъ положенныхъ на нихъ жердей въ одну платформу. На ней укрѣпляется прочная и твердая соломенная плетенка, и тутъ устраивается своего рода жилище. Оно состоитъ обыкновенно изъ хижины; въ ней же находятся хлѣбные запасы, горшки съ водою, разная посуда, въ родѣ ступки для приготовленія муки, и даже домашнія животныя, козы, собаки и куры. Надъ этими вѣтвями часто у самаго ствола утверждается крѣпко сплетенная изъ вѣтокъ и соломы корзина, въ родѣ марса на кораблѣ. Въ этой корзинѣ могутъ сидѣть одинъ или два человѣка и обыкновенно еще хранится главный запасъ оружія всѣхъ находящихся на деревѣ людей. Главные же его воины находятся въ этой корзинѣ, вышины съ метръ, изъ нея они бросаютъ свои безвредныя метательныя орудія и держатъ на готовѣ свои пики на случай, если нападающимъ удастся взлѣзть на нижній этажъ. Смотря по обхвату и высотѣ деревьевъ на нихъ помѣщается одно или нѣсколько семействъ. Ночью, когда нечего бояться нападенія, жители смотря по надобности, слѣзаютъ на землю и забираютъ изъ прикрытыхъ ими ямъ свои запасы воды и хлѣба. Для спуска и вздыма они пользуются самыми первобытными лѣстницами изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ, ползучихъ растеній и мочалокъ (Ss. 628 и сл.).“

Рабы вождя имѣли съ собой нѣсколько ружей, но стрѣлять изъ нихъ почти не умѣли. Едва имъ удавалось поджигать солому, но осажденные успѣвали заливать огонь водой. Если бы негодяи-мусульмане изъ проводниковъ Нахтигаля не стали стрѣлять, не взирая на его увѣщанья, въ несчастныхъ, то вѣроятно нападающіе ничего бы не подѣлали и съ сидѣвшими на первомъ деревѣ. Многія деревья были укрѣплены и обращены въ убѣжища спасавшагося населенія.

„На другомъ деревѣ находился главный старшина племени. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался мелкій скотъ. Главный его защитникъ изъ своей корзины съ большою ловкостью отражалъ вражескіе брандеры (шесты съ зажженною соломою) и отбивалъ непріятелей, взобравшихся уже въ первый этажъ. Самъ вождь сидѣлъ съ двумя женщинами и четырьмя дѣтьми на раздѣлѣ трехъ могучихъ вѣтвей и металъ оттуда свои плохія ручныя стрѣлы. Малый запасъ пороху и свинцу у Багирміевъ былъ весь истощенъ противъ этого дерева, но по счастью безъ успѣха, какъ ни худо былъ прикрытъ старшина со своей семьей. Когда же удалось ранить младшаго воина и принудить его къ отступленію на высшія мѣста, тогда и Багирміи, т. е. осаждающіе старались выше подняться. Но вождь ни на минуту не потерялъ своего хладнокровія и постарался удержать свою отчаянную позицію. Безо всякаго прикрытія отъ выстрѣловъ, женщины и дѣти были переведены на верхъ. Это было нелегко, по нѣжности возраста дѣтей, каждое изъ нихъ порознь было переносимо на верхъ матерью. Въ это время мужественный отецъ пикою и метательными копьями отбивалъ нападавшихъ. Судьба его и его семьи долго не могла быть подъ сомнѣньемъ. Но для завоеванья однимъ ручнымъ оружіемъ дерева, хотя защищаемаго и однимъ человѣкомъ, требовалось столько самопожертвованія отъ нападающихъ, сколько не могла возбудить надежда на скромную добычу лядащей козы, собаки или маленькаго ребенка. Къ моему великому удовольствію, заключаетъ Нахтигаль, старшина и его семья были спасены“.—„Багирміи удовлетворились своею побѣдою надъ однимъ первымъ деревомъ и удалились во свояси. Большая часть укрѣпленій на прочихъ деревьяхъ остались безъ нападенія“. (ib. S. 633).

В. Ламанскій.

«Бѣлая Русь».

I.

Относительно этого названья, его значенья, его давности позволяю себѣ предложить нѣсколько историческихъ указаній и... одну догадку—уже въ слѣд. выпускѣ.

Положительныя данныя несомнѣнно доказываютъ, что во второй половинѣ XIV и въ нач. XV в. Полякамъ и Нѣмцамъ Прусскимъ и Ливонскимъ, а черезъ нихъ и другимъ Нѣмцамъ, даже южнымъ, названіе бѣлой Руси было хорошо извѣстно, что подъ этимъ именемъ у нихъ разумѣлась, если не вся нынѣшняя, то, всячески, часть нынѣшней бѣлой Руси.

Превосходный польскій лѣтописецъ или авторъ любопытнѣйшихъ записокъ о своемъ времени, Янъ Чарнковскій, коронный подканцлеръ съ 1367 по 1370 г. и умершій не раньше 1384 г., говоря подъ 1382 г. объ отношеніяхъ Кейстута къ племяннику его Ягайлѣ, замѣчаетъ, что за годъ слишкомъ передъ этимъ, Ягайло, по повелѣнію дяди, былъ заключенъ вмѣстѣ съ своею матерью въ темницу (въ оковы) въ Полоцкѣ—in quodam castro Albae Russiae, Poloczk dicto [1]).

Изъ этихъ словъ Чарнковскаго видно, что онъ предполагалъ для большинства своихъ польскихъ читателей недостаточно извѣстнымъ городъ Полоцкъ и вполнѣ извѣстными и самое названіе и приблизительныя границы бѣлой Руси—albae Russiae. Очевидно, что biała Ruś, какъ терминъ и понятіе, для Поляковъ времени Казиміра В. (1333—1370) была живымъ народнымъ выраженьемъ, издавна общеупотребительнымъ. Съ вѣроятностью можно полагать, что оно древнѣе вѣка Олгердова и даже Гедиминова, что оно существовало и въ концѣ и даже половинѣ XIII в., слѣд. въ весьма тяжкое для Бѣлой Руси время, когда она такъ терпѣла и отъ Латинянъ Нѣмцевъ и отъ язычниковъ Литовцевъ. Не лучше жилось Двинской землѣ, Полочанамъ и въ исх. XII в., когда, по словамъ Слова о п. Игоря, внуки Всеславовы выскочили изъ дѣдней славы и своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславлю. Если и въ то время уже было названье бѣлой Руси, какъ очень вѣроятно, то бѣлая не означала тогда Руси вольной, независимой, какъ не могла ее означать и гораздо позже, даже при Витовтѣ и послѣ, до конца XV в., когда латинство и полонизмъ все болѣе стремятся въ Литовскомъ княжествѣ къ преобладанію. Въ нач. XVI в., знакомые съ внутреннимъ положеніемъ княжества, Поляки уже прямо замѣчаютъ о наклонности и тяготѣніи Руси Литовской къ Москвѣ: „Quod vero Ruthena gens imperio regis in Lithuania tam facile ad Moscos deficiat, plures sunt ejus rei causae, prima: quod Russii ipsi, gens barbara naturae vitio insitam habet lubricitatem in fide et mutandi dominos studium, secunda causa: quod Russiis cum Moscis lingua est communis, communis morum foeditas, communis religio, communis in Moscovia patriarchia, commune odium in sedem ac religionem romanam contraque gentem polonam victoriosam, a qua saepe olim fusi sunt: tertia quod praefecti regis sacrum in eos exercent imperium et in spoliandis eis inhumanam crudelitatem, idque impune. Nam quoties queruntur de eis apud reges homines afflicti, aut non audiuntur aut tanquam calumniatores repelluntur et carcerantur, insultan-

---

[1]) Bielowski Mon. hist. Pol. II, 719.

[2]) Acta Tomic. III, 10 и слѣд. (1514). Если эта записка написана и позже, б. м. около 1536 г., то нѣтъ сомнѣнія, что и въ нач. XVI и въ концѣ XV в. точно также думали Поляки, знавшіе эти отношенія Литовской Руси къ Москвѣ. Въ письмѣ папск. легата Пизона изъ Вильны 26-го сентября 1514 г. читаемъ: «Sentiunt multi ex iis (Ruthenis) secreto (ut creditur) pro Mosco, nulla alia magis quam religionis causa; eam enim per omnia communem habent, transfugerentque passim multi, nisi exploratam Mosci tirannidem formidarent. (А. Г. III, 206). И такъ и для Пизона главная, а не единственная, причина тяготѣнія къ Москвѣ—единовѣріе съ нею Литовской Руси.

tibus scilicet atque accusantibus eosdem afflictos apud regem consiliariis et praefectis regiis, qui similem crudelitatem in homines regios agunt. Invitantur enim iidem praefecti ad eam saevitiam et rapacitatem partim conniventia, partim desidia regis, quae per scrutinium investigare rei veritatem gravatur, aut si mittebat aliquos inquirendi gratia, hi corrupti a praefectis pecunia, nunquam veritatem regi dixerunt, et insuper injuriam passos culpabiles esse censuerunt. Hinc fit, ut homines male tractati ab imperio regis ad Moscum deficiant. Nec dubium, quin universi, quicunque sunt ruthenae religionis in Lithuania, malint Moscum dominium quam regem suum, nisi eos a dedendo se saevissima tyrannis moscitia deterreret; enimvero apud tyrannum illum non honestum, non fas, non jus, non fides, non jusjurandum ullum est. Quicquid subditi acquirunt, tyranno suo acquirunt; nemo suum quidquam illic habet, nisi quamdiu tyrannus velit"... Далѣе все въ томъ же родѣ Польскій авторъ развиваетъ свое мнѣніе о грубости и тиранніи Московской и тѣмъ не менѣе признаетъ, что Русь Литовская къ Москвѣ тяготѣетъ. Если бы, прибавляетъ онъ, Литовская Русь не боялась этой суровой Московской тиранніи, (omnes (Russii regi subjecti) nisi formidarent), omnes ad hunc tyrannum deficerent, cui mirifice affecti sunt propter solam scismatis communionem, ut etiam actiones et consilia regis ac dominii sui ad Moscos ultra prodant ac denuncient".

Впрочемъ Поляки того времени это тяготѣнье Литовской Руси къ Москвѣ объясняли не однимъ лишь единовѣріемъ, но и единокровіемъ, общностью языка, старой исторіи, нравовъ и обычаевъ, симпатій и антипатій (къ Риму и Полякамъ см. выше). Иные замѣчали еще другую особенность Московіи, сближавшую ее въ этомъ отношеніи съ Турціею XVI в. . . : hoc primum est et maximum, quia in toto ejus regno (Султана) nemo potest possidere unum hominem rusticum, sed omnes universaliter sunt caesaris, sicut et in Moscovia [1]).

Вообще Литовская Русь,—разумѣемъ народъ русскій, православный—ни въ XIV, ни въ XV в. за исключеніемъ развѣ вѣка Витовта и то за послѣднія 15, 10 лѣтъ его княженія, не имѣла причинъ и основаній называть себя бѣлою въ смыслѣ вольной, независимой, въ отличіе отъ Руси сѣверной и восточной. Если Русь восточная зависѣла отъ Орды и Великихъ Хановъ, то не больше, чѣмъ Чехи X—XIII в., отъ нѣмецкихъ императоровъ или Болгаре и Сербы отъ византійскихъ, за исключеніемъ кратковременныхъ періодовъ такихъ царствованій, какъ Оттокара I и II, Симеона, Самуила, Асѣней, Стефана Милутина и Стефана Душана, эпохъ крайней слабости Нѣмецкой и Восточной имперіи. Южная же Русь, подчиненная князьямъ Литовскимъ, сначала язычникамъ [2]), а потомъ католикамъ, все болѣе подпадавшимъ вліянію польскому, терпѣла въ теченіе цѣлыхъ столѣтій отъ Татаръ и ихъ опустошительныхъ набѣговъ ничуть не менѣе, а иногда еще болѣе, чѣмъ Русь восточная, про сѣверную и говорить нечего. Точно также еще менѣе можно говорить о вольности и независимости польской Руси т. е. Червоной, подпавшей Польскому владычеству съ полов. XIV в. и, наравнѣ съ Русью Литовскою, очень много страдавшей отъ Татаръ.

Можно кажется утвердительно сказать, что въ к. XV и въ XVI в., когда подъ

---

[1]) A. Tom. III, 178. О Турціи отъ Сигизмунда I къ Папѣ.—Въ этой особенности Турціи умные дипломаты венеціанскіе справедливо видѣли ея превосходство надъ большею частью западн. Европы XVI в., гдѣ было сильно крѣпостное право. Въ этомъ и въ гораздо большей терпимости Турокъ, чѣмъ Латинскаго запада, къ православію заключались всѣ причины успѣховъ Османовъ въ Европѣ—въ XV—XVIII в.

[2]) Herm. de Wartberge Chr. Liv. 1377 г. † Олгердъ (Algarden summus rex Letwinorum. In exsequiis magna pompa in cremacione diversarum rerum de XVIII equorum dextrariorum secundum ritum eorum. (Scr. rer. pruss. II, 113). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы Олгердъ былъ ревностнымъ язычникомъ, но всячески можно заключать, что онъ не былъ, однако, и открытымъ христіаниномъ, если вообще таковымъ былъ. По князѣ христіанинѣ некрещеная Литва своихъ тризнъ не справляла бы. Такая тризна не доставляла конечно, и Русскимъ въ Литвѣ особаго утѣшенія, а только во очію имъ раскрывала не первостепенное ихъ значеніе въ Литовскомъ княжествѣ.

бѣлою Русью понимали Русь вольную и независимую, то подразумѣвали не бѣлую Русь въ собственномъ смыслѣ, а Русь сѣверно-восточную, Московскую [1]).

Такимъ образомъ бѣлая Русь настоящая получила свое названіе не за вольность и независимость, которой не имѣла ни въ XIV, ни XIII в., а по иной какой либо причинѣ. Въ XIV в., кромѣ Поляковъ и Нѣмцы, прежде всего Ливонскіе и Прусскіе, а за ними даже южные Нѣмцы, въ Австріи, знають и говорятъ о weissen Reussen и разумѣютъ подъ ними именно бѣлую Русь.

Такъ въ письмѣ изъ Пруссіи къ чешскому королю 1412 г. читаемъ: „..so haben der von Polan und herczog Wytawt mit den von Pleschkow (Псковъ) und den weisen Rewsen sich voreinet, die sie dorczu gehalden haben und noch haldin, das sie dem Ordin in Leifland den gemachten friden offsagen und brechin solden, in deme sie sich mitenandir vorsshreben" [2]).

Въ письмѣ вел. магистра къ чешскому королю 1413 г. говорится о полученномъ письмѣ отъ маг. Ливонскаго съ извѣщеніемъ: wi sich herczog Witawt mit den Plescouwern und den Grossen Nougardern und der ganzen Russchen czungen voreineget hat und vorbunden mit in uff minen orden czu krigen; und uff das herczog Wytawt mit geschidekeit geste czu im moge brengen, so let her rede usgeen, her welle mit den Wissen Russen krigen und gibt sin ding schone vor [3]).

У Нѣмцевъ Ливонскихъ и Прусскихъ еще въ половинѣ XIV в., а надо полагать и гораздо раньше, названіе бѣлой Руси было въ общемъ употребленіи, такъ что южно-нѣмецкій поэтъ Петръ Сухенвиртъ, жившій въ Австріи, большею частью въ Вѣнѣ, во второй половинѣ XIV и въ началѣ XV в., и воспѣвшій похожденія и подвиги разныхъ южно-нѣмецкихъ рыцарей, ѣздившихъ въ Пруссію и Ливонію биться съ Литвою и Русью, говоритъ не разъ о бѣлой Руси. Такъ въ стихотв. о Фридр. Крейцпекѣ (Fridr. von Chriuzpeck d. i. Krebsbach) умершемъ въ 1360 г., ландъегермейстеромъ австрійскимъ, объѣздившемъ почти всю Европу и разныя части Азіи и Африки и бывшемъ два раза въ Пруссіи, въ первый разъ въ 1328/9 г. Во второй разъ, ворочаясь изъ Св. земли, черезъ Кипръ и Константинополь, онъ пріѣхалъ въ Крымъ къ Татарамъ, въ Каффу,

von Tatrei hin gên Reuzzen (малую и черную Русь).
von dan rait er gên Preuzzen
durch die Masau und durch Polân:
er tet di haiden lebens ân
mit seiner ellenthaften hant.
Von Preuzzen hin gên Eiflant
mit stolzen helden heuzzen. (т. е. feurig)
Darnach gên Weizzen-Reuzzen
vur Eisenburk vûr der geheuer, (Изборскъ).
da ein grôzz schumpfenteuer (пораженье)
geschah, dâ wol ist von ze reden [4]).

Въ стихотвореніи П. Сухенвирта о похожденіяхъ Іоанна фонъ Трауна и Аберсберга изъ древне-баварскаго и затѣмъ австрійскаго рода—имя этого рыцаря упоминается еще подъ 1320 г.,—въ 1362—63 г. онъ былъ земскимъ гетманомъ въ верхней Австріи и умеръ въ 1370 г.,—также говорится о Бѣлой Руси.

---

[1]) Raynaldi Ann. Eccles. 1472. XLVIII.—Vocati hodie (22 мая) sunt in consilium patres. Vocationis causam praebuerunt oratores Ioannis ducis Albae Russiae... затѣмъ гов. о присланной имъ папѣ грамотѣ (только по-русски—lingua ruthenica) съ титломъ: Ioannes dux Albae Russiae... (Ссылка на рукопись арх. Ватик.).

[2]) Prochazka Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae. 1882. P. 245.

[3]) Ib. P. 262.

[4]) Scr. rer. pruss. Lpz. 1863. II, 148—9.

dâ rait er an derselben stet
gên Eiflant hin von Preuzzen,
dâ man gên Weissen Reuzzen
raist mit stolzen helden-frût.
Die Weizzen-Reuzzen hêten mût
ze raisen auf di christen;
. . . .
dâ ritterlich gestürmet wart
Eysenburch (Изборскъ) dî gûten stat
in Weizzen-Reuzzen, dô er trat
gên schüzzen und gên würfen [1]).

Съ полною вѣроятностью можно полагать, что даже у южныхъ Нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе у ливонскихъ и прусскихъ „Бѣлая Русь“ была извѣстна гораздо раньше, чѣмъ она въ первый разъ и случайно встрѣтилась въ сочиненіи Поляка Чарнковскаго (1382 г.), что „Бѣлая Русь“ никакъ не позже названія Малой Руси. Малая же Русь, сколько извѣстно, въ первый разъ встрѣчается въ грамотѣ Юрія 1335 года (nos Georgius Dei gratia natus Dux tocius Russie Mynoris) [2]).

Въ половинѣ XIV в. это названіе М. Руси пользуется общею извѣстностью и у Грековъ и у Поляковъ. Такъ въ хрисовулѣ императора Іоанна Кантакузина 1347 г., о присоединеніи галицкой митрополіи къ кіевской епископіи Галицкая, Владимірская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская названы епископіями, находящимися въ мѣстности Малой Руси, называемой Волынью (αἱ κατὰ τὸν τόπον τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας τὸν ἐπικεκλημένον Βολούνιον εὑρισκόμεναι ἁγιώταται ἐπισκοπαί). Въ этомъ же памятникѣ тоже кажется впервые встрѣчается и названіе Великой Руси, возникшее, надо полагать, единовременно съ названіемъ Малой Руси и во всякомъ случаѣ не позже, а скорѣе раньше нач. XIV или даже конца XIII в. Здѣсь подъ епископіями Великой Руси (αἱ τῆς Μεγάλης Ῥωσίας ἁγιώταται ἐπισκοπαί) разумѣются епархіи не малорусскія и не бѣлорусскія, а находившіяся въ русскихъ земляхъ, признававшихъ въ то время верховную власть московскаго князя Симеона и его ближайшихъ предшественниковъ, строго державшихся титула великаго князя всея Руси. Въ грамотѣ того же императора 1347 г. Владимірскому князю на Волыни Димитрію Любарту, между прочимъ, высказано, что со времени крещенія русскаго народа установлено обычаемъ и закономъ, чтобы „во всей Руси, Великой и Малой, находился одинъ митрополитъ Кіевскій“ (ἵνα εὑρίσκηται εἰς πᾶσαν τὴν Ῥωσίαν, τήν τε Μεγάλην καὶ τὴν Μικράν, εἷς μητροπολίτης ὁ Κυέβου) [3]). Тутъ замѣчательно опущеніе бѣлой Руси. Но, конечно, она опущена не потому, что въ то время (1347 г.) она обыкновенно включалась въ малую или великую Русь и названія особаго не имѣла, а потому, что въ посланіи къ князю Владиміро-Волынскому надо было собственно уяснить, что Волынскія епископіи подчиняются снова митрополиту Кіевскому, жившему въ то время въ Великой Руси. Бѣлорусскія епископіи Галицкой митрополіи, теперь упраздняемой, подчинены прежде не были, и слѣд. о нихъ нечего было и поминать. Епископія бѣлорусская—Полоцкая и Туровская съ Новымъ городкомъ упоминаются въ патріаршей грамотѣ 1361 г. къ митрополиту Роману, поставленному по требованію литовскаго князя, и называемому Литовскимъ (ὁ μητροπολίτης Λιτβῶν). Эти епископіи названы не бѣлорусскою и малорусскою, а литовскими не потому, что въ то время названія бѣлой Руси не было, а вѣрнѣе—краткости ради, или можетъ также и потому что въ Литовскомъ княжествѣ, и въ государственномъ титулѣ и

[1]) Ib. II, 152.
[2]) Карамз. IV, Пр. 276.
[3]) Павловъ, А. С. Пам. др. русск. кан. права. (Р. Ист. Библ. Л. VI) 1880. Прилож., стр. 14 исл., 22, 30 и пр.

вообще офиціально, de jure, Русь Бѣлая да и Малая и въ XIV и въ XV в. занимали не первое, а второе мѣсто, какую бы въ дѣйствительности, de facto, благодаря своимъ способностямъ, многолюдству и старой относительно образованности, важную роль ни играли тогда Русскіе въ Литовскомъ княжествѣ. Все же, въ самое даже цвѣтущее время самостоятельности Литовскаго княжества Русь Бѣлая и Малая при Гедиминѣ, Олгердѣ, Ягайлѣ и Витовтѣ стояла не на первомъ, а на второмъ мѣстѣ. Эти князья литовскіе и ихъ сильные сродники, помощники хотя самолюбіе русскихъ людей по возможности щадили и наружно ихъ уважали, но въ душѣ, конечно, ихъ боялись и имъ вполнѣ никогда не довѣряли. Все же Русь литовская была „Русь, што Литвы слушаеть", а Русь галицкая—„Русь, што короля (Польскаго) слушаеть", какъ говаривали на Руси литовской въ полов. XIV в. (около 1340 и слѣд. г.) [1]).

Впрочемъ возможно, что разумѣя Бѣлую Русь не въ смыслѣ политическомъ и не включая ее въ Малую, дабы, быть можетъ, эту послѣднюю не увеличивать и черезъ то не смѣшивать съ Великою, а частью можетъ быть и по соображеніямъ этнографическимъ, по бóльшимъ ея отличіямъ отъ Малой, чѣмъ отъ Великой Руси, иногда Бѣлую Русь и въ самомъ дѣлѣ включали въ Великую. Такъ Длугошь говоритъ, что Березина вытекаетъ изъ болотъ и пустынь Великой Руси подлѣ города Полоцка—ex paludibus et desertis Russiae maioris prope oppidum Polocsko" [2]).

Подъ Великою Русью разумѣлась вся Русь не литовская и не польская, Русь имѣвшая у себя великаго князя всея Руси и другихъ князей Рюриковичей, наконецъ держава или земля Новгородская, область великаго Новгорода. Трудно сказать, получила ли Великая Русь свое названье изъ-за великаго князя (Суздальскаго, Владимірскаго, Московскаго) или изъ-за великихъ владѣній Великаго Новгорода на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Можно думать, что первоначально Великою Русью въ собственномъ смыслѣ и была земля именно Новгородская. На такое заключеніе наводятъ насъ слова Гильбера де Лануа, посѣтившаго въ 20-хъ годахъ XV в. великій Новгородъ и удивлявшагося его богатству и могуществу (la grant Noegarde en Russie, la cité de la grant Noegarde, — est la ville de la grant Noegarde merveilleusement grant ville").

Et tiennent aussi tous les autres Russes de la Russie qui est moult grande, la loy crestienne en leur créance, sy comme les Grecs. Et ont un chastel assis sur ladite rivière où la maistre-esglise de Sainte-Sophie qu' ils asureot, est fondée, et la demeure leur dit évesque.

Item y a de dans la dicte ville molt grans seigneurs qu'ils appellent Bayares. Et y a tel bourgeois qui tient bien de terre deux cens lieues de long, riches et puissans à merveilles; et n'ont les Russes de la grant Russie autres seigneurs que iceulx par tour, ainsy que le commun veult».

Русскіе великой Руси были кажется первоначально Новгородцы, Русь сѣверная, окающая, а затѣмъ уже это названье перешло и на Русь восточную, акающую.

Гильберъ де Ланнуа былъ и во Псковѣ. Называя Псковичей Русскими — онъ отдѣляетъ ихъ, повидимому, отъ великой Руси, и сохранилъ о нихъ одну любопытную этнографическую черту, сближавшую ихъ съ Литовцами.

«Et ont les Russes d'icelle ville (Plesco т. е. Пльскова, Пскова) leur cheveulz longs épars sur leurs espaulles, et les femmes ont ung ront déadême derrière leur testes commes les sains».

А про Литовцевъ умный, наблюдательный Французъ замѣчаетъ: «Et ont ung langaige à part eux; et ont les hommes leurs cheveulz longs et espars sur leurs espaules, mais les femmes sont ornées simplement aucques à la coustume de Picardie» [3]).

---

[1]) Ак. Зап. Р, I, 1.

[2]) Dlug. Hist. Pol. I, p. 24 (изд. Przezdz).

[3]) Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy 1399—1450. Mons. 840. pp. 18, 19, 20.

Такимъ образомъ Псковичи въ нач. XV в., подобно Литовцамъ, носили длинные до плечъ волосы. Но это сходство еще не можетъ служить указаніемъ литовскаго происхожденія Кривичей, такъ какъ и въ наше время, и безъ сомнѣнія издавна, чистые Славяне-Словаки Зволѣнскіе (Дѣтване напр.) носятъ такіе же длинные по плечи волосы.

Сверхъ Бѣлой извѣстны еще Русь Черная и Червоная. Галицкая, какъ мы видѣли выше, называлась въ полов. XIV в. и малою Русью, къ которой относили и Кіевъ. Казиміръ въ своемъ посланіи 1370 г. къ патріарху Цареградскому называетъ себя ὁ κράλης τῆς γῆς τῆς Λαχίας καὶ τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας [1]).

Когда и гдѣ впервые является названіе Червоной Руси, [2]) намъ неизвѣстно. Что-же касается Черной Руси, то ея названіе какъ и червоной, было извѣстно въ Венеціи въ полов. XV в.: она уже отмѣчена на картѣ Фра-Мауро (1459—1470) и потому можно полагать, что на Руси, въ Литвѣ и у Поляковъ Черная Русь была извѣстна въ XIV в., а можетъ и раньше. Прибавимъ впрочемъ, что прусскій лѣтописецъ Петръ Дусбургъ (перв. пол. XIV в.) и его переводчикъ Николай Іерошинъ (подъ 1315 г.), говоря о Гроднѣ или Городнѣ и Новогрудкѣ или Новѣгородкѣ [3]) и ихъ земляхъ, эту Черную Русь называютъ землею Кривичей—terra Criwiciae (подъ 1315 г.), das lant Kriwitzin, Kriwitzinland. Но какъ земля Ятвяговъ была завоевана и занята преимущественно Волынянами, то кажется эти Кривичи, Кривицкая земля (Черная Русь) съ Бѣлой Русью были нетожественны и ею не покрывались. Не называла ли когда Литва или ея часть, напр. Ятвяги, Русскихъ Славянъ не только Гудами, какъ и теперь, но, подобно Латышамъ, и Кривами (Кривичами)? Впрочемъ объ этихъ названьяхъ и о временахъ гораздо болѣе стародавнихъ въ слѣд. выпускѣ.

В. Ламанскій.

---

[1]) А. Павловъ. Пам. др. русск. кан. права. I, 125. Спб. 1880. (Р. Ист. Библ. VI).

[2]) У Фра Мауро встрѣчаются: Rossia bianca, Rossia negra, Rossia rossa (Матер. для ист. ист.-геогр. Атласа Россіи. Изд. Арх. К. Спб. 1871).

[3]) Scr. rer. pruss. I, 180 и сл. 584—586.

† Францъ Миклошичь

(род. въ ноябрѣ 1813 г.)

23-го февраля (7-го марта н. ст.) скончался въ Вѣнѣ, на 78-мъ году знаменитый славистъ, одинъ изъ крупныхъ филологовъ нашего столѣтія. Родомъ Словѣнецъ, Миклошичъ родился въ Штиріи 8/20 ноября 1813 г. Въ университетѣ Грацкомъ онъ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ. По окончаніи курса онъ поѣхалъ въ Вѣну для занятій адвокатурой, но его ученый землякъ, извѣстный славистъ, Копитаръ уговорилъ его заняться славянскою филологіею. Ученая дѣятельность Миклошича началась поэтому сравнительно довольно поздно: въ 1844 и въ 1847 г. въ Wiener Jahrbücher появились два его замѣчательныхъ критическихъ разбора—сравнительной грамматики Боппа и труда Востокова: Остромирово Евангеліе. Въ 1845 же году издалъ онъ въ Лейпцигѣ — Radices linguae palaeoslovenicae и въ Вѣнѣ «S. Ioannis Chrysostomi Homilia in ramos palmarum. Slovenice, latine et graece cum notis criticis et glossario.» и въ 1847 г. „Vitae Sanctorum"...

Въ 1846 г., если не въ 1847 г., Миклошичь обращался въ Императорскую Петербургскую Академію Наукъ, въ слѣдъ за Шафарикомъ, кажется черезъ посредство акад. Куника, съ предложеніемъ своихъ услугъ приготовить къ изданію на счетъ Академіи нѣкоторые древне-славянскіе памятники. Наша Академія оба предложенія Шафарика и Миклошича одобрила, но, сколько извѣстно, ничего для нихъ не сдѣлала, а въ 1851 г. была основана въ Вѣнѣ Академія Наукъ, которая съ того времени по крайней мѣрѣ по средневѣковой германской и вообще австрійской исторіи сдѣлала для науки и выпустила въ свѣтъ трудовъ и изданій болѣе, чѣмъ наша по русской, за все свое существованіе съ 1726 г. Миклошичь, уже библіотекарь придворной библіотеки и профессоръ Вѣнскаго университета, былъ избранъ членомъ и въ новооснованную Академію и оставался до смерти однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ ея работниковъ и одною изъ лучшихъ ея славъ. Самыми главными и важными его трудами были и останутся его Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen (4 т. 1 и 2 изд.). Lexicon palaeoslovenicnm (1862 — 1865), Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen 1886 и цѣлый рядъ частныхъ изслѣдованій по грамматикѣ славянской, частью вошедшихъ во второе изданіе грамматики, частью служащихъ ей дополненіемъ. Столько же важны, въ филологическомъ и въ историко-этнологическомъ отношеніи, близкія къ этимъ трудамъ работы его, посвященныя образованію личныхъ и мѣстныхъ славянскихъ именъ, разбору славянскихъ словъ въ языкахъ мадьярскомъ, румынскомъ, новогреческомъ, его замѣчательныя и обширныя изслѣдованія объ языкѣ румынскомъ и о румынскихъ переселеніяхъ, объ Албанцахъ, о Цыганахъ, о турецкихъ стихіяхъ въ юго-восточныхъ и въ восточно-европейскихъ языкахъ и нѣк. др.

Меньше занимался Миклошичъ народною поэзіею и древностями, но и по этой части оставилъ онъ нѣсколько цѣнныхъ монографій, напр. объ эпической поэзіи Сербовъ, Хорватовъ о русальяхъ, о кровной мести у Славянъ, о глаголицѣ и пр. Съ его именемъ навсегда связано и нѣсколько весьма важныхъ для сла-

вянской филологіи, византійской и славянской исторіи, изданій памятниковъ и документовъ—таковы Супрасльская Минея XI в., Шишатовецкій Апостолъ, Monumenta Serbica, Житіе Св. Климента, Acta patriarchatus Constantinopolitani 6 т. (изд. М-мъ вмѣстѣ съ Миллеромъ). Заслуживаютъ признательнаго упоминанія—Slawische Bibliotek (2 части) и къ сожалѣнью остановившееся на первой части собраніе статей Копитара (Kleinere Schriften), изданіе притчи Троянской, ц.-славянской христоматіи и проч.

Уступая въ даровитости и оригинальности Добровскому, Востокову, даже Копитару (за то часто пристрастному, узкому и склонному къ софизмамъ), Миклошичь ума положительнаго, трезваго, отличался необычайною, особено у Славянъ, настойчивостью и твердостью въ исполненіи однажды задуманнаго. Противъ его замысла или его пониманія извѣстной задачи, противъ его системы, иногда слишкомъ деревянной, механической, всегда могли быть возраженія, но въ очерченныхъ имъ рамкахъ онъ исчерпывалъ свою задачу сполна, съ строжайшею неуклонною послѣдовательностью. Точки зрѣнія на предметъ, объясненія явленія могли быть и бывали нерѣдко односторонни, но массы и массы фактовъ, критически собранныхъ и въ извѣстной системѣ расположенныхъ, въ трудахъ Миклошича сдѣлали ихъ надолго, если не навсегда, необходимыми пособіями не для однихъ славистовъ, а для всѣхъ филологовъ, историковъ-классиковъ, романистовъ, германистовъ, оріенталистовъ,—когда они чувствуютъ надобность въ ознакомленіи съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, съ тѣмъ или другимъ рядомъ явленій въ языкахъ славянскихъ, въ грамматическомъ или словарномъ отношеніи.

Его точный, положительный, не богатый и не разнообразный, но строгій и самодовлѣющій себѣ умъ, его твердость и упрямка въ безустальной, всегда доводимой до конца, работѣ не создали правда ничего геніальнаго или высокодаровитаго — ничего равноцѣннаго трудамъ В. Гумбольдта или Я. Гримма, ни даже трудамъ Потта и Боппа, тѣмъ не менѣе оставили современникамъ и дальнему потомству труды, хотя лишенные творческой мысли, глубины и особеннаго ясновидѣнія, все жь таки по истинѣ монументальные, отмѣченные чрезвычайною силою, благодаря всегда одушевлявшей Миклошича любви къ предмету, строгой послѣдовательности и желѣзной его энергіи въ работѣ.

Большой ученый, Миклошичь былъ и доброжелательный, прямой и благородный человѣкъ. Вѣрный Австріецъ, почти Вѣнецъ,—онъ прожилъ въ Вѣнѣ безпрерывно чуть не 50 лѣтъ—выѣзжалъ обыкновенно не надолго и то кажется только до 1860 г.: такъ въ (1836 и) 1842 г. онъ ѣздилъ въ Италію, въ 1851 г. въ Константинополь, потомъ во Францію и Германію, въ 1856 г. въ Далмацію и въ Черную Гору,—своего славянскаго происхожденія онъ никогда не скрывалъ и за Нѣмца себя не выдавалъ. Справедливый къ Нѣмцамъ, онъ, сколько было слышно, къ славянскимъ своимъ слушателямъ и ученикамъ, бывалъ особенно участливъ и внимателенъ. Изъ его учениковъ наиболѣе извѣстны — Даничичь, Богишичь, Семеновичь, Калужняцкій, Вальявецъ, наконецъ Ягичь... Къ своей родинѣ и народности словѣнской Миклошичь не былъ равнодушенъ и холоденъ. Въ ранней молодости онъ былъ связанъ дружбой съ самыми видными словѣнскими народными дѣятелями: Ст. Вразомъ, Прешерномъ, писалъ самъ по словѣнски и издалъ въ послѣдствіи словѣнскую христоматію, для старшихъ классовъ гимназій. Его словѣнизмъ сказался и въ его излюбленной мысли о паннонизмѣ и особенно тѣсномъ родствѣ древне-хорутанскаго съ древне-ц.-слав. языкомъ.

Врагомъ Чеховъ онъ тоже не былъ, хотя и напалъ однажды жестоко, впрочемъ заслуженно на Ганку, неприлично и недостойно, изъ-за угла, его обвинявшаго въ присвоеніи себѣ Копитаровскихъ рукописныхъ работъ. Миклошичь не былъ и непріятелемъ Россіи и Русскихъ. Хорошимъ русскимъ трудамъ, даже юнымъ, онъ радовался. Россіи, какъ и большинство австрійскихъ Славянъ, онъ не зналъ, но къ ея успѣхамъ въ искусствѣ, наукѣ, даже въ политической сферѣ онъ относился, какъ и ко всѣмъ почти, съ нимъ имѣвшимъ дѣло, Русскимъ, вообще доброжелательно. Смѣю думать, что не одинъ хорошій гонораръ, но и убѣжденіе въ важности знанія русскаго языка для всѣхъ Славянъ, побудили его принять предложеніе покойнаго принца Ольденбургскаго приготовить къ печати—извѣстный „Словарь шести славянскихъ языковъ“ (словарь русско-церковно-

славянско-болгарско-сербско-польско-французско-нѣмецкій. Вѣна. 1885. 954 стр. въ 8-ку.

Пожизненный членъ палаты господъ съ 1861 г., Миклошичь въ вопросахъ внутренней политики, прямо и категорически, необлыжно, безъ виляній высказывалъ свое мнѣніе. Кажется ни одинъ славянскій журналъ не помянулъ добромъ одного его публичнаго поступка, а между тѣмъ онъ приноситъ честь его уму, сердцу и характеру. Когда на извѣстнаго Деллингера за его смѣлое выступленіе противъ рѣшенія Ватиканскаго собора о непогрѣшимости папской обрушились преслѣдованія, то Миклошичь, не сомнѣваясь, что въ Вѣнѣ многимъ оно не понравится, поспѣшилъ публично заявить, въ слѣдъ за многими нѣмецкими католиками учеными и общественными дѣятелями, свое глубокое уваженіе и свое полное сочувствіе Деллингеру. Въ этомъ отношеніи Миклошичь едва ли не былъ одинокъ между Славянами католиками въ Австріи. Вообще въ смыслѣ свободы, прямоты и искренности убѣжденій и дѣйствій, Миклошичь былъ несравненно выше не только своего учителя Копитара, но и многихъ своихъ соплеменниковъ, ровесниковъ и значительно его младшихъ товарищей...

Да сохранятся же навсегда славное имя и крупныя заслуги этого великаго славянскаго трудолюбца и знаменитаго филолога слависта въ признательной памяти всего славянскаго міра.

В. Ламанскій.

25 марта.

Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ,

съ замѣчаніемъ проф. В. Ламанскаго.

От ъ Ред. Въ Чешскомъ еженедѣльномъ журналѣ „Čas“ (№ 13) въ статьѣ, посвященной памяти Миклошича, сообщена рѣчь проф. Ягича, произнесенная имъ, при большомъ стеченіи публики, въ славянскомъ семинаріи въ Вѣнскомъ университетѣ 11-го марта н. с. „Рѣчь эта, говоритъ „Часъ“, содержитъ важныя данныя объ обоихъ славистахъ, въ особенности же объясняетъ ихъ дружественныя отношенія. Это важный вкладъ въ исторію славистики“.

Интересуясь этою исторіею, Ж. Ст. помѣстила уже и намѣрена далѣе помѣщать разные болѣе или менѣе важные матеріалы по исторіи славистики (письма Срезневскаго, Прейса), считаетъ поэтому не безполезнымъ помѣстить и это слово проф. Ягича, имѣющаго въ Россіи много почитателей [1]).

Сказавъ въ началѣ „о неожиданной смерти Миклошича и о великой утратѣ, надолго еще невознаградимой“ для славистики, г. Ягичь прибавилъ: „мнѣ же смерть эта вдвойнѣ тяжела; я давно лично былъ съ нимъ знакомъ и имѣлъ возможность раньше другихъ удивляться его учености“. Далѣе г. Ягичь говорилъ о своемъ пріѣздѣ въ Вѣну въ 1856 году для изученія „классической филологіи на нѣмецкомъ языкѣ“ и о томъ, что въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ классическою филологіею онъ занимался и славянскою. Не столько на лекціяхъ, сколько въ придворной библіотекѣ развились сердечныя его отношенія къ Миклошичу. Здѣсь Ягичь, „описывая рукописи или исправляя выписки изъ нихъ для Даничича, встрѣчалъ Миклошича и бесѣдовалъ съ нимъ, провожая его домой. Благодаря Миклошичу я познакомился письменно съ Даничичемъ и лично съ Вукомъ Караджичемъ“. По отъѣздѣ изъ Вѣны Ягичь продолжалъ знакомство съ Миклошичемъ и стоялъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ. „Первую мою литературную работу онъ принялъ съ радостью, всегда помня своихъ вѣрныхъ учениковъ, онъ посылалъ имъ отдѣльные оттиски (и экземпляры) своихъ трудовъ. Такъ продолжалось цѣлые годы. Психологически особенно любопытно въ нашей корреспонденціи одно его письмо, коимъ онъ далъ мнѣ знать, что подумываетъ оставить профессуру. Онъ хотѣлъ также, чтобъ я былъ его преем-

---

[1]) Мы отмѣчаемъ всѣ мѣста рѣчи, важныя въ біографическомъ отношеніи. Ред.

никомъ. Никогда однако я его не спрашивалъ о причинѣ этого намѣренія, полагая, что со временемъ это выяснится, тѣмъ не менѣе я былъ этимъ поощренъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Но никогда я не предавался надеждѣ, напротивъ я радовался, что время его отставки довольно отдаленно. Мое положеніе было тогда скромное и потому все-таки это меня утѣшало [1]). Была въ томъ благопріятная судьба и какъ бы Божья воля, что Миклошичъ былъ ко мнѣ постоянно расположенъ. Когда въ 1870 году разыгралась въ моей жизни маленькая драма, то Миклошичъ не могъ этому помѣшать. Я покинулъ Австрію, хотя о своемъ пребываніи на чужбинѣ я не сожалѣю. Но уже первые мои шаги въ Россіи провожала его дружба. Онъ и Богишичъ напутствовали меня въ Одессу. Когда же я однажды былъ въ Берлинѣ, гдѣ должна была устроиться каѳедра славистики по волѣ и противъ воли Поляковъ, я сказалъ тамъ:

«Schaffen Sie etwas, was Miklosich in Wien gemacht hat». Я не думалъ, что самъ черезъ три года буду приглашенъ въ Берлинъ, и опять таки благодаря пріязни Миклошича. Тамъ я долженъ былъ заниматься сравнительнымъ языкознаніемъ и санскритомъ [2]). Въ Берлинѣ я издалъ важное евангеліе Зографское, въ Петербургѣ Маріинское, и Миклошичъ всегда слѣдилъ за моими трудами съ величайшимъ интересомъ.

„Его посредничеству мы обязаны, что намъ можно было издать важную переписку Добровскаго и Копитара. Всякій разъ какъ наѣзжалъ я въ Вѣну, Миклошичъ принималъ меня радушно и дружески. Но никогда я и въ думахъ не помышлялъ, что я бы могъ стать его преемникомъ. Вдругъ въ іюлѣ 1885 г., въ Петербургѣ, я получилъ отъ него лаконическое письмо. „Выхожу въ концѣ этого семестра. Я предложилъ Васъ на мое мѣсто. Будьте готовы, чтобы рѣшиться, когда придетъ запросъ".

„Любовь къ Миклошичу побудила меня оставить мою дѣятельность въ Петербургѣ. Теперь наступили прекраснѣйшіе годы нашей связи! Миклошичъ хотѣлъ меня имѣть возлѣ себя въ Академіи Наукъ, и это ему также скоро удалось. Мы были друзья, тѣсно связанные несмотря на различіе возраста. Нашъ городъ Вѣна, хотя скудный славянскими интересами [3]), все же доставлялъ намъ довольно матеріала для бесѣдъ нашихъ о славянщинѣ. Когда я начиналъ изданіе Архива, то дѣло шло съ его вѣдома и совѣта, хотя онъ немного для него писалъ, впрочемъ все-таки, онъ меня всегда поддерживалъ. Онъ читалъ статьи въ Архивѣ и всегда обсуждалъ ихъ, то соглашаясь съ ними, то ихъ опровергая. Время это для меня возбудительное, незабвенное. Вся моя семья знала его простоту и сердечность, онъ бывало цѣлые часы проводилъ въ кругу нашемъ. Поймите, Милостивые Государи, что съ утратою для науки соединяется еще для моего сердца и на всю жизнь утрата дорогого благопріятеля (příznivce)".—

Это интересное слово бывшаго профессора Петербургскаго Университета И. В. Ягича живо рисуетъ намъ покойнаго Миклошича въ отношеніи къ его любимому ученику, замѣстителю Миклошича въ Вѣнскомъ университетѣ, въ Вѣнской Академіи Наукъ и въ Цислейтанской палатѣ господъ, куда, недѣли черезъ двѣ по смерти Миклошича, Австрійскій императоръ соизволилъ назначить Ягича пожизненнымъ членомъ.

---

[1]) Собственно каѳедру, согласно закону австрійскому, долженъ былъ оставить Миклошичъ лишь въ ноябрѣ 1883 г., когда ему имѣло минуть 70 лѣтъ. Очевидно, онъ тогда лишь заблаговременно предварялъ Ягича. Ред.

[2]) Это конечно для себя или до поступленія на каѳедру въ Берлинѣ, гдѣ пр. Ягичъ преподавалъ славистику, а не санскритъ и не сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Вѣроятнѣе, что здѣсь идетъ рѣчь объ его собственныхъ занятіяхъ у проф. Вебера санскритомъ до поѣздки еще въ Одессу. Ред.

[3]) Столица имперіи Габсбурговъ въ интересахъ уже Австріи волнуется и занимается издавна и постоянно, если не интересами, то вопросами, славянскими. Ред.

Это слово кидаетъ новый свѣтъ и на одинъ эпизодъ новѣйшей исторіи славистики, въ коемъ покойный Миклошичь игралъ такую преобладающую роль. Говоримъ о приглашеніи проф. Ягича изъ Берлина въ Петербургъ, по смерти Срезневскаго, въ 1880 г. и объ его отъѣздѣ изъ Петербурга въ Вѣну въ 1886 г. Старый почитатель дарованій и ученой дѣятельности проф. Ягича, пишущій эти строки принималъ живое участіе въ приглашеніи его къ намъ и столь же живо чувствовалъ горькое сожалѣніе, разставаясь съ почтеннымъ коллегою весною 1886 г. У насъ многіе готовы были въ то время винить того или другого изъ русскихъ вліятельныхъ людей въ томъ, что они не умѣли или не успѣли ничего сдѣлать, чтобъ удержать проф. Ягича въ Россіи. Теперь это мнѣніе оказывается совершенно неосновательнымъ. Теперь можно положительно сказать, что въ этомъ отъѣздѣ И. В. Ягича изъ Россіи въ его отечество, если кто былъ виноватъ, то развѣ только Миклошичь. Полюбивъ и оцѣнивъ своего ученика, Ягича, Миклошичь еще до отъѣзда его въ Одессу, куда онъ самъ его напутствовалъ, далъ ему знать, что онъ желаетъ его имѣть своимъ преемникомъ въ Вѣнѣ и что, передъ подачею отставки, онъ будетъ его рекомендовать, какъ своего желаннаго преемника. Когда проф. Ягичь покинулъ Новороссійскій университетъ, Миклошичь рекомендовалъ его въ Берлинъ, конечно, не желая, чтобы онъ тамъ оставался дольше 1883 г. (срока отставки Миклошича). Намъ неизвѣстно—проф. Ягичъ ничего не сказалъ въ своемъ воспоминаніи о Миклошичѣ,—какъ относился его старый учитель къ приглашенію Ягича въ Петербургъ. Не спрашивалъ проф. Ягичъ въ этомъ случаѣ мнѣнія, совѣта Миклошича? Напутствовалъ ли онъ также его въ Петербургъ, какъ прежде въ Одессу? Или онъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ своего ученика, о которомъ онъ давно лелѣялъ мысль, какъ о своемъ преемникѣ? Ничего мы не знаемъ, но можно полагать, что Миклошичь не охладѣлъ въ своей привязанности къ Ягичу и по отъѣздѣ его въ Петербургъ. Не отказался Миклошичь и отъ старой своей мечты—видѣть своимъ преемникомъ Ягича. Очевидно, онъ не допускалъ и мысли, чтобы Ягичь уѣхалъ въ Петербургъ на долго и можетъ со временемъ отвергнуть его предложеніе. Для Ягича, любимаго своего ученика, Миклошичь остается въ Вѣнскомъ университетѣ, послѣ своихъ семидесяти лѣтъ—еще на два года—1884 и 1885. Для не Ягича у Миклошича не могло быть ни охоты, ни нужды оставаться на каѳедрѣ эти два года, вопреки закону, и слѣдовательно не безъ разрѣшенія высшей власти.

Это твердое рѣшеніе Миклошича видѣть пр. Ягича вмѣсто себя въ Вѣнѣ не могло не увѣнчаться успѣхомъ, и проф. Ягичу нельзя было, просто нравственно было невозможно-сурово отринуть столь нѣжное, дружелюбное настояніе его стараго и многозаслуженнаго учителя. Эта заботливость Миклошича приноситъ ему великую честь и рисуетъ его весьма сочувственно.

Въ Вѣнѣ не могли не понимать, что предлагаемый Миклошичемъ кандидатъ непремѣнно долженъ быть предпочтенъ всякому иному кандидату. Какъ ни скроменъ проф. Ягичь, самъ онъ не могъ также не сознавать, что ни на комъ иномъ, кромѣ его, не могла спокойно остановиться Вѣна, что онъ, кандидатъ Миклошича, есть въ данное время наилучшее лицо для занятія каѳедры Миклошича.

Кромѣ Ягича, наилучшими учеными кандидатами могли быть два слависта-Нѣмца (одинъ Лейпцигскій и другой Дерптскій), два Поляка (между прочимъ проф. Брикнеръ) и одинъ Чехъ. Но приглашать Нѣмца—тотъ и другой—сѣверные Нѣмцы,—на мѣсто Миклошича, въ министерство гр. Таафе, въ періодъ примиренія или заигрыванія съ разными Славянами, было совершенно неудобно. Избѣгая всегда, гдѣ можно, всего рѣзкаго, исполненная великаго такта, Вѣна не могла желать и Поляка на мѣсто Миклошича, изъ соображеній внѣшнихъ и внутреннихъ: устраняя не нужнаго ей тутъ особенно Поляка, скорѣй еще не угоднаго большинству австрійскихъ Славянъ, Вѣна могла такой отказъ представить своимъ Полякамъ, какъ грустную жертву своей жестокой сосѣдкѣ, а ей, какъ новое доказательство своего корректнаго поведенія и всегдашней къ ней атенціи даже въ дѣлахъ маловажныхъ... Сажая же въ университетъ новаго Чеха, можно только было безъ нужды раздражить университетскихъ и всѣхъ либераловъ Нѣмцевъ, принимающихъ участіе въ дѣлахъ университета.

Редакторъ нѣмецкаго Архива славянской филологіи, бывшій профессоръ Берлинскаго университета, докторъ Ягичь былъ пріятенъ всѣмъ Австрійскимъ Нѣмцамъ, даже состоящимъ въ оппозиціи. Бывшій новороссійскій и настоящій петербургскій профессоръ и академикъ, И. В. Ягичь былъ извѣстенъ въ оффиціальныхъ сферахъ Россіи съ отличной стороны и пользовался въ русскомъ обществѣ большимъ уваженіемъ, былъ дорогъ Хорватамъ, Сербамъ и любъ большинству австрійскихъ Славянъ. Вѣнское министерство въ Ягичѣ видѣло наконецъ перваго извѣстнаго въ Австріи слависта, наилучше знакомаго не только съ богатыми русскими собраніями славянскихъ рукописей, но и вообще съ Россіею, ея литературою, ея общественнымъ движеніемъ, направленіями и партіями консерваторовъ, либераловъ, панславистовъ, украйнофиловъ и пр. Всѣмъ этимъ въ Вѣнѣ уже давно, а въ послѣдніе годы особенно, живо интересуются.

Такимъ образомъ научныя, общественныя и государственныя соображенія должны были заставить Вѣну твердо остановиться на кандидатѣ Миклошича и самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовать для вызова проф. Ягича изъ Петербурга въ Вѣну и уже, конечно, навсегда.

Что могъ петербургскій университетъ, что могла петербургская академія наукъ, что могъ русскій министръ народнаго просвѣщенія подѣлать, дабы помѣшать профессору Ягичу уѣхать изъ чужбины въ свое отечество, куда его настойчиво звали дружескія убѣжденія его добраго, стараго, заслуженнаго учителя, давно его готовившаго на свое мѣсто, въ отечество, откуда къ нему шло приглашеніе своего министра, скрѣпленное монаршею волею,—въ монархіяхъ это категорическій императивъ,—волею Австрійскаго императора, цѣнившаго проф. Ягича, своего вѣрноподданнаго, не только какъ прекраснаго ученаго, но и какъ отличнаго патріота, достойнаго быть пожизненнымъ австрійскимъ перомъ, всегда способнаго подать полезный совѣтъ въ дѣлахъ государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Въ этомъ состязаніи, въ этой безкровной борьбѣ Россіи и Австро-Венгріи за то, чтобъ имѣть у себя профессора Ягича, побѣда неизбѣжно должна была остаться за послѣднею. Всѣ шансы побѣды въ данномъ случаѣ были на сторонѣ нашей счастливой соперницы. Въ случаѣ неудачи заранѣе можно было предвидѣть, что Россія будетъ только жалѣть, а Австро-Венгрія — не только жалѣть, но и обижаться, сердиться... что̀ конечно ни Россіи, ни проф. Ягичу не могло быть желательно.

Проф. В. Ламанскій.

Въ Нео-филологическомъ Обществѣ

(Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій за 1890 годъ).

Съ осени 1889 г. бывшее Отдѣленіе Филологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ преобразовано въ самостоятельное Общество Нео-филологіи, при чемъ перемѣна названія была вызвана желаніемъ нѣсколько расширить предметы занятій, главнымъ образомъ въ области сравнительнаго изученія произведеній народной литературы, чтобы не ограничиваться исключительно предѣлами Романо-Германскаго міра. Цѣлью Общества остается, по прежнему, изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ изученію литературъ и народной поэзіи новыхъ европейскихъ, преимущественно романскихъ и германскихъ народовъ, а также ихъ быта, искусства, исторіи „миѳологіи", насколько они служатъ къ объясненію произведеній поэтическаго творчества собирательнаго и личнаго; затѣмъ—изслѣдованіе вопросовъ по лингвистикѣ о разныхъ нарѣчіяхъ Романцевъ и Германцевъ, наконецъ, разсмотрѣніе нѣкоторыхъ прикладныхъ вопросовъ по преподаванію у насъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Само собою разумѣется, что многія изъ сообщеній и докладовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ Нео-филологическаго Общества, соотвѣтственно указанной программѣ, не подходятъ къ задачамъ, которыя преслѣдуетъ „Живая Старина", поэтому мы ограничимся отчетомъ лишь объ нѣкоторыхъ чтеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. Протоколы первыхъ пяти засѣданій Нео-филологическаго Общества были напечатаны въ „Пантеонѣ Лите-

ратуры“; отмѣтимъ въ нихъ слѣдующія сообщенія, которыя могутъ представить нѣкоторый интересъ читателямъ „Живой Старины“: на первомъ засѣданіи (19 января 1890 г.). А. Н. Веселовскій прочелъ дополнительныя замѣтки къ своей прежней работѣ—„Параллели къ сказанію о Новгородскомъ раѣ“ (см. Филологическія Записки, 1875, вып. III, 1—7), указавъ на нѣкоторыя сходныя черты новгородскаго сказанія съ ирландскою легендою о св. Брандане (ср. Zimmer, въ Zeitschr. für deutsch. Alterthum, 1889, № 3—4). Въ томъ же засѣданіи онъ представилъ разборъ изслѣдованія г. Поливки о двухъ чешскихъ повѣстяхъ XV вѣка: повѣсти о Гризельдѣ и о невѣрной женѣ Бризальдѣ (рецензія А. Н. В. напечатана въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1890, февраль, 356—361). Е. В. Балобанова прочла замѣтку по поводу статьи Cerquant, въ „Revue celtique“, сближавшаго Скандинавскаго бога Тора съ кельтскимъ божествомъ Таронисъ.

Во второмъ засѣданіи (16 февраля) А. И. Пономаревъ сообщилъ народную редакцію легенды, послужившей источникомъ разсказа Льва Толстого — „Чѣмъ люди живы“, по записи одного священника Олонецкой губерніи.

Въ третьемъ засѣданіи (2 марта) П. А. Сырку доложилъ о первомъ выпускѣ изданія болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія: Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина (София, 1889). Въ засѣданіяхъ 2 и 23 марта О. Д. Батюшковъ представилъ разборъ изслѣдованія г. Жанруа—о зачаткахъ французской лирики, въ которомъ авторъ коснулся нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о происхожденіи народной поэзіи и привелъ параллели изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ (см. Журн. Мин. Нар. Просв., 1890, апрѣль, 425—457). Въ томъ же четвертомъ засѣданіи А. Н. Веселовскій доложилъ объ новыхъ журналахъ по фолькъ-лору „Этнографическомъ Обозрѣніи“, „Вислѣ“, голландскомъ журналѣ „Volkskunde“, американскомъ— „Journal of american Folk-lore“, южно-итальянскомъ—„La Calabria“, и нѣмецкомъ „Zeitschrift für Volkskunde“. Докладчикъ выразилъ сожалѣніе объ отсутствіи системы въ новѣйшихъ изданіяхъ произведеній народной словесности и съ особой подробностью разсмотрѣлъ статью о космогоніи Арійцевъ въ журналѣ Феккенштедта, которая представляетъ много серьезныхъ недочетовъ. Остановившись на вопросѣ о взаимоотношеніи и сравнительной древности пѣсни и сказки, докладчикъ разсмотрѣлъ сказку объ Ильѣ-Змѣеборцѣ по сравненію ея съ былинами объ Ильѣ (см. Журн. Нар. Пр. 1890, май, 61—73). Въ пятомъ засѣданіи (13 апрѣля) Н. В. Чарыковъ сообщилъ о двухъ легендахъ, касающихся озера Искандеръ-Куль, въ окрестностяхъ Самарканда, свидѣтельствующихъ о живучести преданій объ Александрѣ Македонскомъ.

Въ прошломъ году состоялось еще пять засѣданій, протоколы которыхъ не были напечатаны. Изъ прочитанныхъ за это время сообщеній отмѣтимъ: докладъ А. И. Пономарева (въ засѣданіи 12 октября), уже извѣстный читателямъ „Живой Старины“, по поводу легенды объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ (см. Жив. Стар., вып. II, 196—200). Въ томъ же засѣданіи А. Н. Веселовскій отмѣтилъ любопытное мѣсто въ рукописной псалтыри XVI вѣка (по указанію Н. С. Тихонравова), гдѣ упоминается „конь... Редриковъ, нѣмецкаго богатыря“. Докладчикъ объясняетъ форму „Редрикъ“ искаженіемъ нижне-нѣм. формы „Дедрикъ“ и заключаетъ отсюда, что настоящая приписка въ псалтыри, подтверждая популярность на Руси сказаній о Дидрихѣ Бернскомъ, даетъ опредѣленную дату для опредѣленія времени ихъ распространенія. Въ засѣданіи 9 ноября, С. Н. Сыромятниковъ прочелъ рефератъ о „Guta-Saga“ и и высказалъ нѣсколько догадокъ о ближайшемъ сродствѣ Гутовъ (населившихъ островъ Готландіи) съ Готами. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (9 декабря) референтъ дополнилъ свое сообщеніе лингвистическими данными, на основаніи сличенія нѣкоторыхъ формъ гутскаго нарѣчія (по Guta-Saga) съ готскимъ (по тексту Вульфилы), но Ѳ. А. Браунъ указалъ шаткость сближеній, многія изъ которыхъ объясняются общностью прагерманскаго языка, и отмѣтилъ необходимость изученія современныхъ говоровъ Готландіи, неограничиваясь скудными свѣдѣніями, почерпаемыми изъ одного только памятника XIII в. А. Н. Веселовскій тоже пожелалъ болѣе вѣскихъ доводовъ въ пользу гипотезы о ближайшемъ сродствѣ Гутовъ и Готовъ. На девятомъ

засѣданіи (17 ноября) Г. Н. Потанинъ доложилъ объ одномъ Тангутскомъ преданіи, записанномъ имъ со словъ монгольскаго переводчика во время его путешествія по Тибету. Преданіе это пріурочено къ построенію Лабрана (т. е. резиденціи верховнаго церковнаго служителя) въ Лассѣ и къ привозу въ Тибетъ статуи Цзу, исполненной, по преданію, 32 художниками, причемъ сандальный слѣпокъ ея считается самымъ вѣрнымъ снимкомъ съ изображенія Будды. Двѣ такихъ статуи Цзу имѣются въ Тибетѣ, одна — въ Пекинѣ и одна въ Орханской долинѣ. Схема Ласскаго преданія представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) въ началѣ излагается мотивъ сватовства и трудныхъ порученій, чтобы снискать руку красавицы, ревниво оберегаемой ея отцомъ (сватается Тибетскій царь за дочерью Китайскаго императора, посломъ жениха является нѣкто Гвардамбо, которому и выпадаетъ на долю исполнить трудныя задачи, предложенныя Китайскимъ императоромъ женихамъ ея дочери, какъ-то: продѣть нить черезъ бусину, внутри которой продѣланы крайне сложные ходы (Гвардамбо рѣшаетъ задачу при содѣйствіи науки); затѣмъ—узнать царевну между 21 дѣвицами, схожими между собой до неузнаваемости (Гвардамбо признаетъ царевну благодаря пчелѣ, которая подлетаетъ къ цвѣтку, намѣренно скрытому въ платьи царской дочери). Добившись такимъ образомъ согласія Китайскаго императора, Гвардамбо увозитъ его дочь, причемъ въ приданое за нею выговариваетъ небесныя свѣтила (солнце и луну). Дорогой обнаруживается обманъ, такъ какъ вмѣсто настоящихъ свѣтилъ (sic!) Китайской принцессѣ дали поддѣльныя, вырѣзанныя изъ бумаги. Узнавъ это, принцесса перестаетъ горевать о своихъ родителяхъ). 2) Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о вѣроломствѣ царскаго свата и его наказаніи (Гвардамбо надумалъ выдать царскую невѣсту за своего собственнаго сына и прибѣгъ къ хитрости: онъ посовѣтовалъ царевнѣ закрывать носъ руками въ присутствіи Тибетскаго царя, чтобы избавиться отъ запаха сала, которымъ будто бы царь наѣдался; царю же онъ сказалъ, что его невѣста безъ носа, оттого-де она и закрывается; обманъ обнаруживается. Гвардамбо ослѣпленъ и сосланъ вмѣстѣ съ сыномъ въ сѣв.-вост. часть Тибета, гдѣ онъ занялся скотоводствомъ). 3) Послѣ этого въ легендѣ повѣствуется о построеніи дворца въ Лассѣ, причемъ оказывается, что долгое время постройка идетъ неудачно. Царь посылаетъ развѣдчиковъ за Гвардамбо, который одинъ можетъ разъяснить причину неудачи постройки и дать полезный совѣтъ. Послѣ долгихъ поисковъ Гвардамбо найденъ и послы хитростью вывѣдываютъ и у него,—какія условія необходимы для успѣшнаго продолженія зданія (требуется добыть загадочнаго быка, названнаго „пупомъ океана“ и молока козлухи, которымъ слѣдуетъ совершить либацію). Догадавшись, что любознательные богомолы, узнавшіе тайну построенія дворца, суть царскіе развѣдчики, Гвардамбо посылаетъ за ними сына, чтобы воротить ихъ; онъ требуетъ назадъ свою „олу“—т. е. умъ, добрый совѣтъ, но послы обманываютъ юношу, благодаря игрѣ словъ, такъ какъ „олу“ означаетъ также подпругу, каковая и возвращена сыну Гвардамбо. Послѣдній долженъ погибнуть, такъ какъ его завѣтная тайна обнаружена: происходитъ разливъ озера, затопляющій всю мѣстность, гдѣ жилъ Гвардамбо, который тонетъ въ волнахъ розлива вмѣстѣ со своимъ сыномъ. 4) Въ преданіи сообщается и дальнѣйшая судьба преемниковъ Тибетскаго царя, послѣ того какъ постройка дворца была благополучно доведена до конца, благодаря совѣтамъ Гвардамбо.

На пиршествѣ, устроенномъ по случаю обновленія новаго зданія, призывается благословеніе на всѣхъ, содѣйствовавшихъ успѣшному сооруженію его, но забытъ былъ быкъ, который обиженъ и мститъ: у одного изъ потомковъ царя родился сынъ Ландарма, съ бычачьими рогами на головѣ. Возмужавъ и вступивъ на престолъ, Ландарма становится гонителемъ будуистовъ. Опасаясь обнародыванія недостатка, которымъ онъ надѣленъ отъ рожденія, Ландарма казнитъ всѣхъ юношей, которые его брѣютъ. Однако, одинъ изъ нихъ спасся, благодаря хитрости: онъ далъ царю отвѣдать лепешки, приготовленной на молокѣ его матери, и такимъ образомъ оказался молочнымъ братомъ царя; послѣдній даруетъ ему жизнь, подъ строгимъ приказомъ соблюсти тайну о рогахъ царя. Тайна мучитъ юношу и, по совѣту матери, онъ рѣшается ее выдать полевой мыши; послѣдняя передаетъ объ ней другимъ звѣрямъ и вскорѣ стало обще-

извѣстнымъ, что у Ландармы на головѣ рога быка. Нѣкто Балъ-Доржи замыслилъ извести царя и, переодѣвшись танцовщикомъ, спряталъ въ рукавъ лукъ и стрѣлы; танцуя передъ царемъ, онъ поразилъ его стрѣлой и обратился въ бѣгство. За Балъ-Доржи послана погоня, но юноша спасается, переплывая черезъ рѣку, причемъ его его конь, окрашенный первоначально въ темный свѣтъ, побѣлѣлъ послѣ переправы такъ, что всадникъ не признанъ. 5) Въ заключеніе приводится еще одинъ разсказъ въ связи съ преданіемъ о построеніи дворца: одинъ изъ плотниковъ, не надѣясь на полученіе обѣщанной царемъ награды, задумалъ западню: одну изъ колоннъ зданія онъ поставилъ комелемъ вверхъ, а подъ вершину, положенную внизъ, положилъ камень, который при случаѣ можно было выдернуть и разрушить, такимъ образомъ, всю постройку. Предусмотрительность плотника оказалась излишней, такъ какъ царь со всѣми расплатился какъ слѣдуетъ. Тогда плотникъ сознался въ своемъ коварномъ умыслѣ и въ наказаніе онъ былъ присужденъ къ тому, чтобы его, привязаннаго къ канату, спускали съ горы и затѣмъ опять втягивали; обрядъ этотъ, по преданію, до сихъ поръ совершается надъ потомками вѣроломнаго плотника. Докладчикъ указалъ рядъ параллелей отдѣльнымъ эпизодамъ вышеизложенной легенды въ тюркскихъ преданіяхъ, переведенныхъ Радловымъ, въ бурятскихъ и хотанскихъ сказаніяхъ (между прочимъ—алтайскую легенду о горѣ Алтакъ-ту и хотанское преданіе о висячей башнѣ), наконецъ, припомнилъ и миѳы классической древности — о Минотаврѣ, объ ослиныхъ ушахъ царя Мидаса, объ Аріаднѣ и Тезеѣ. Нѣсколько замѣчаній по поводу прослушаннаго сообщенія были высказаны присутствующими членами, причемъ П. А. Сырку напомнилъ о сходныхъ мотивахъ въ румынскихъ балладахъ о Маноли и построеніи моста (см. Журн. Мин. Нар. Просв., 1890, январь и февраль, и отдѣльнымъ оттискомъ П. А. Сырку, Научный Боснійскій Журналъ, баллада о построеніи мостовъ), а Е. В. Балобанова привела ирландское преданіе въ параллель къ эпизоду о бѣгствѣ Балъ-Доржи черезъ рѣку, причемъ измѣнился цвѣтъ коня. На десятомъ засѣданіи (9 декабря) Ѳ. А. Браунъ прочелъ отчетъ о своей поѣздкѣ прошлымъ лѣтомъ въ Маріупольскій уѣздъ, Екатеринославской губ., и въ Крымъ, предпринятой имъ съ цѣлью отыскать слѣды Готской жизни на Таврическомъ полуостровѣ (см. Жив. Стар., вып. II, 78—92); напечатанныя въ Жив. Стар., II, 78—82 свѣдѣнія г. Браунъ, дополнилъ отчетомъ о своихъ археологическихъ находкахъ.

Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи—29-го ноября 1890 г.

Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ д. чл. В. И. Ламанскаго, въ присутствіи помощника предсѣдательствующаго д. чл. Н. И. Веселовскаго, гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, при секретарѣ, чл.-сотр. Ѳ. М. Истоминѣ.

Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія 12-го октября.

Доложены нижеслѣдующія заявленія: 1) Предсѣдателя Газенпотъ-Гробинскаго съѣзда мировыхъ судей, г. Башмакова, который, получивъ въ свое распоряженіе 40 экземпл. „Программы для собиранія юридическихъ обычаевъ", высланныхъ Отдѣленіемъ по его просьбѣ, обращается съ предложеніемъ, не найдетъ-ли Отдѣленіе Этнографіи своевременнымъ и возможнымъ принять на себя иниціативу организаціи повсемѣстнаго и непрерывнаго собиранія юридическихъ обычаевъ по этой-же программѣ, черезъ тѣ учрежденія, которымъ поручена организація и контроль волостныхъ судовъ, при чемъ сообщаются подробности предлагаемой организаціи. Отдѣленіе, отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ предложенію г. Башмакова въ принципѣ, постановило: препроводить настоящее заявленіе на обсужденіе Комиссіи по собиранію юридическихъ обычаевъ. 2) Заявленіе крестьянина Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи, А. А. Шустикова, въ которомъ предлагаетъ Обществу для изданія собранные имъ въ 12 волостяхъ Кадниковскаго уѣзда, этнографическіе матеріалы, изъ коихъ часть уже напечатана имъ въ мѣстныхъ губернскихъ изданіяхъ и въ журналѣ „Сельскій Хозяинъ".

Опредѣлено: просить о высылкѣ названнаго матеріала для предварительнаго съ нимъ ознакомленія.

Доложено: о поступленіи нижеслѣдующихъ рукописныхъ матеріаловъ: 1) Отъ И. Юркина: „Чувашскія народныя пѣсни: Йуръ съввисемъ", при письмѣ, въ которомъ проситъ Отдѣленіе ускорить изданіе присланныхъ имъ матеріаловъ по чувашскому народному творчеству, въ виду того, что собираніе и изданіе такихъ-же матеріаловъ предпринято другимъ лицомъ. Опредѣлено: Препроводить доставленные г. Юрковымъ матеріалы на разсмотрѣніе чл. сотр. И. Н. Смирнову въ Казань. 2) Отъ П. А. Шилкова изъ Екатеринбурга: „Народное творчество Билимбаевскаго графа Строганова завода—пѣсни". Опредѣлено: хранить въ ученомъ архивѣ. 3) Отъ чл.-сотр. В. Н. Добровольскаго: „Смоленскій сборникъ. Пословицы", отъ него же получены 5 куколъ съ точнымъ воспроизведеніемъ костюмовъ Смоленской губ. Опредѣлено: благодарить г. Добровольскаго, рукопись имѣть въ виду для изданія, куклы хранить въ музеѣ Общества. 4) Отъ д. чл. Д. Н. Островскаго, изъ Вардэ—три фотографіи надписей на плитѣ (2 кв. саж.), находящейся на Аникіевомъ островѣ и представляющей собою каменную лѣтопись Мурманскаго берега, а также снимокъ съ находящихся въ Вардэ развалинъ земляного укрѣпленія, извѣстнаго въ городѣ подъ именемъ Russisk Baterri. Опредѣлено: снимки передать на храненіе въ библіотеку Общества, Д. Н. Островскаго благодарить. 5) Отъ В. А. Георгіевскаго: „Пословицы и поговорки Орловской губ." 6) Отъ д. чл. Е. Р. Романова: „Царь Максиміанъ" — одна изъ пьесъ, составляющихъ бѣлорусскій „мушкаратъ". (Корректурный оттискъ изъ 5 вып. „Бѣлорусскаго Сборника") Опредѣлено: №№ 5 и 6 хранить въ ученомъ архивѣ Общества. 7) Отъ С. К. Патканова: „Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ, при нижеслѣдующемъ отзывѣ д. чл. Н. И. Веселовскаго:

„Серафимъ Кероповичъ Паткановъ, кандидатъ Петербургскаго университета по разряду естественныхъ наукъ, представилъ въ отдѣленіе Этнографіи статью: „Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ". Г. Паткановъ два раза былъ командированъ министерствомъ государственныхъ имуществъ въ Тобольскую губернію для изученія быта Остяковъ, изучилъ остяцкій языкъ и собралъ богатый этнографическій матеріалъ объ этомъ народѣ. Часть этого матеріала теперь поступила къ намъ. Статья вышеназванная находилась у меня на разсмотрѣніи, и я имѣю честь заявить Отдѣленію, что она, по интересному изложенію и новизнѣ сообщаемыхъ данныхъ, вполнѣ заслуживаетъ быть напечатанной въ изданіяхъ нашего Общества."

Опредѣлено: рукопись г. Патканова имѣть въ виду для изданія.

Сверхъ того доложены отзывы: 1) Д. чл. Н. И. Веселовскаго о серебряной монетѣ изъ крѣпости Дая-Хатына; монета оказалась принадлежащею династіи, царствовавшей въ Бухарѣ въ началѣ владычества тамъ Арабовъ; династія называется Бухаръ-Худадъ. Время монеты точно опредѣлить нельзя, такъ какъ надпись стерта, приблизительно она относится къ VIII в. по Р. Х. Дальнѣйшая присылка такихъ монетъ желательна. Опредѣлено: Сообщить настоящій отзывъ г. Ченчерову, приславшему монету. 2) Нижеслѣдующій отзывъ д. чл. А. И. Соболевскаго о сборникахъ пѣсенъ, доставленныхъ изъ Галиціи г. Купчанкомъ:

Разсмотрѣвъ, согласно порученію этнографическаго отдѣленія, доставленныя въ Общество г. Купчанкомъ малорусскія пѣсни, я нашелъ, что они заключаются въ пяти сборникахъ; это —

1) Сборникъ, составленный въ селѣ Рожновѣ, въ Галиціи, близь границы Буковины, А. П. Гаврилюкомъ. Онъ состоитъ изъ 85 №№ эпическихъ, лирическихъ пѣсенъ, и такъ называемыхъ коломыекъ, большая часть которыхъ мнѣ извѣстна изъ сборника Головацкаго. Сверхъ пѣсенъ, здѣсь находится 6 №№ сказокъ и 3 заговора;

2) Сборникъ, составленный въ г. Львовѣ Д. Якубовичемъ, и состоящій изъ 10 №№ пѣсенъ; онъ не представляетъ ничего заслуживающаго особаго вниманія;

3) Сборникъ, составленный въ селѣ Чунковѣ, въ Буковинѣ, И. Бѣлецкимъ, состоящій изъ 155 №№ пѣсенъ разнаго рода. Здѣсь рядъ пѣсенъ неизвѣстныхъ мнѣ

по другимъ сборникамъ, главнымъ образомъ рекрутскихъ и солдатскихъ. Между ними интересны пѣсни о панщинѣ въ Буковинѣ (№ 1), о войнѣ Австріи съ Пруссіею (№ 3), о войнѣ Русскихъ въ Болгаріи (№ 58). Нѣкоторыя пѣсни этого сборника (№№ 96—98, 100, 101) едва ли принадлежатъ къ числу народныхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова;

4) Сборникъ, составленный учителемъ въ Бачъ-Керестурѣ М. А. Враблемъ въ тѣхъ мѣстахъ Угорской Руси, гдѣ русское населеніе говоритъ смѣшаннымъ русско-словацкимъ языкомъ и поетъ по преимуществу словацкія пѣсни. Здѣсь 53 №№;

5) Сборникъ, составленный въ томъ же селѣ Рожновѣ, въ которомъ составленъ и 1-й сборникъ, Г. И. Бѣдолахомъ. Здѣсь 77 №№ пѣсенъ, которыя едва ли не всѣ извѣстны по другимъ сборникамъ.

Первые три сборника переписаны, по порученію г. Купчанка, переписчикомъ, который держался иного правописанія, чѣмъ собиратели. Отсюда въ этихъ сборникахъ нѣкоторая невыдержанность правописанія, два другіе сборника—подлинники собирателей.

Наиболѣе интереса заключаетъ сборникъ Врабля, составленный въ такихъ мѣстахъ, изъ которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ почти никакого матеріала. Онъ заслуживаетъ изданія.

Опредѣлено: сборники Бѣлецкаго и Врабля имѣть въ виду для напечатанія.

Чл.-сотр. А. В. Елисѣевъ сдѣлалъ сообщеніе: „Потребители опія и гашиша на Востокѣ“:

Указавъ прежде всего границы употребленія опія и гашиша на Востокѣ вообще, докладчикъ остановился подробно на степени ихъ распространенія у различныхъ народовъ Востока. Перечисливъ названія, подъ которыми извѣстны эти наркотики и описавъ различные способы ихъ приготовленія и употребленія, докладчикъ разобралъ подробно, какъ физіологическое, такъ и психическое вліяніе на человѣка опіума и гашиша; была показана причина разнорѣчивыхъ выводовъ, полученныхъ различными наблюдателями, въ слѣдствіе нетожества самыхъ препаратовъ, разнообразныхъ не только по способу приготовленія, но и по химическому содержанію тѣхъ или другихъ ядовъ интеллекта. Объяснена также разница между дѣйствіемъ аптечныхъ и настоящихъ „восточныхъ“ препаратовъ опіума и гашиша или сока индѣйской конопли. Подробно также докладчикъ остановился на дозахъ этихъ ядовъ превышающихъ въ десятки разъ максимальные медицинскіе пріемы. По степени вліянія на психику человѣка, яды интеллекта располагаются по возрастающимъ степенямъ, при чемъ первымъ членомъ этого рода является алкоголь, а послѣдними опій и сокъ индійской конопли, являющійся самымъ сильнымъ ядомъ вліяющимъ болѣе на мозговыя, т. е. душевныя, чѣмъ, на физіологическія отправленія. При описаніи психическаго дѣйствія опія и гашиша были указаны періоды или серіи психическихъ проявленій, которыхъ для опія авторъ насчитываетъ 5, тогда какъ для гашиша до 10. Особенно интересна для этого послѣдняго—ослабленіе воли, повышеніе аффектовъ, волшебныя галюцинаціи и видоизмѣненіе сознанія. Сравнивъ дѣйствіе спиртъ содержащихъ наркотиковъ съ опіемъ и гашишемъ, докладчикъ отмѣтилъ тотъ удивительный фактъ, что на Востокѣ оба эти яда интеллекта при умѣренномъ употребленіи вовсе не производятъ того страшнаго разрушительнаго дѣйствія на организмъ человѣка, которое имъ обыкновенно приписывается, при чемъ и приведено было много фактовъ, подтверждающихъ его положеніе. Постепенное распространеніе на Востокѣ спиртныхъ напитковъ вытѣсняетъ мало по-малу употребленіе опія и гашиша и сокращаетъ область ихъ распространенія.

Сообщеніе г. Елисѣева, прослушанное съ интересомъ, вызвало нѣкоторыя замѣчанія, при чемъ чл.-сотр. В. А. Жуковскимъ было высказано о нѣкоторой преувеличенности той роли, какую приписываетъ докладчикъ употребленію наркотикъ на Востокѣ въ дѣлахъ государственныхъ и особенно политическихъ.

Чл.-сотр. Э. А. Вольтеръ сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ историческихъ матеріалахъ по этнографіи Витебскихъ Латышей.

Сообщивъ о томъ, что печатаніе Сборника латышскихъ матеріаловъ, имъ собранныхъ, быстро подвигается впередъ, онъ заявилъ, что для пополненія свѣдѣній,

представленныхъ имъ въ этомъ сборникѣ по этнографіи восточной Лотавіи или Ливоніи, необходимо было бы имѣть еще: а) списокъ населенныхъ мѣстъ обитаемыхъ Латышами въ инфлянтскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, б) сдѣлать сводъ историческимъ извѣстіямъ о повѣрьяхъ и духовно-этнологическихъ особенностяхъ этой мало изслѣдованной части Латышскаго племени. При этомъ онъ представилъ планъ Латышскаго сборника, имѣющаго составить двѣ части. Въ первую, нынѣ уже оканчивающуюся часть, состоящую изъ 25 листовъ, вошли I. Праздники Латышей. II. Семейныя пѣсни Латышей вмѣстѣ съ описаніемъ обрядовъ: родинныхъ, крестинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ. Вторая часть составляется изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Пѣсни-четверостишія: общественныя, рабочія, гулевыя, миѳологическія, символическія; 2) Длинныя пѣсни или зингесъ; 3) Сказки и легенды; 4) Пословицы, загадки и другіе мелкіе этнографическіе тексты; 5) Свѣдѣнія по грамматикѣ и словарю инфлянтско-латышскихъ говоровъ; 6) Извлеченія изъ путеваго дневника; 7) Указатели предметовъ лицъ и мѣстностей.

При составленіи свода историческихъ извѣстій о Латышахъ Витебской губерніи и ихъ этнографическихъ особенностей особое вниманіе, по мнѣнію докладчика, слѣдовало бы обратить на іезуитскія реляціи или описанія духовнаго состоянія обывателей латышскихъ приходовъ во время контрреформаціи въ 17 вѣкѣ. Іезуитскія лѣтописи появлялись въ извлеченіи на 1584—1614, 1650—51 гг. въ печатномъ видѣ въ извѣстныхъ Literae Annuae Societatis Jesu въ Римѣ и другихъ мѣстахъ. Часть этихъ L. Annuae (20 томовъ, всего ихъ вышло 30) имѣется въ Имп. Публичной Библіотекѣ и составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Но кромѣ того существуютъ неизданныя провинціальныя лѣтописи Рижской, Венденской, Дерптской, Полоцкой и Виленской коллегій. Содержаніе этихъ провинціальныхъ лѣтописей извѣстно намъ только изъ извлеченій, сообщенныхъ г. Бунге въ Lief-Kur-Estländisches Urkundenbuch, г. Гетце въ Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Lief-Kur-und Estland (томъ IV, 3 стр. 490—501), а также Л. Наперскимъ въ Mitteilungen aus der livländischen Geschichte (Томъ 14, вып. 3. Рига. 1889). Всѣ три статьи сообщаютъ свѣдѣнія о Латышахъ Витебской губерніи изъ рукописныхъ лѣтописей Венденской, Полоцкой и Рижской коллегій, при чемъ выясняется область латышскихъ вѣрованій въ боговъ — покровителей домашняго скота. Также приводятся извѣстія о почитаніи особыхъ жертвенныхъ камней, называемыхъ у Латышей Atmeszanaswieta, у Литовцевъ Deiwes, наконецъ сообщается о какомъ-то 90-лѣтнемъ высшемъ жрецѣ-духовникѣ, называемомъ Popus. Самыя полныя свѣдѣнія для Латышской этнографіи представляютъ Рижскія лѣтописи, сохраняющіяся въ рукописи, принадлежащей библіотекѣ рыцарства и состоящей изъ 174 страницъ въ малую четвертку.

Лѣтописи провинціальныхъ коллегій вошли въ общую орденскую лѣтопись иногда только по пятой своей части. Кромѣ того нѣкоторыя извѣстія о Латышахъ и Литовцахъ включены въ сочиненіе Ростовскаго — Исторія іезуитовъ: „Lithuanicarum Societatis Jesu historiarum pars prima“. Vilna. 1768 (подъ 1587 годомъ, напр. о жмудскихъ повѣрьяхъ, подъ 1606 годомъ о латышскихъ и т. д.).

Изслѣдователи литовской и латышской миѳологіи этими провинціальными лѣтописями не пользовались, ограничиваясь по преимуществу выписками изъ Ростовскаго (какъ напр. А. Брикнеръ въ своихъ Mythologische Skizzen). Въ виду этого крайне желательно, чтобы съ историко-этнографическою цѣлью были изслѣдованы провинціальныя лѣтописи Полоцкія, Виленскія и Рижскія. Для латышской миѳологіи и этнографіи первостепенную важность имѣютъ Рижскія лѣтописи. Извлеченія изъ этихъ лѣтописей слѣдовало бы напечатать какъ на основаніи приведенныхъ рукописей, такъ и при сравнительномъ изученіи печатныхъ Annuae Literae 1584—1614 г.

Что же касается списка населенныхъ мѣстъ, то важность таковыхъ несомнѣнна, особенно при историко-топографическихъ и этнологическихъ изслѣдованіяхъ.

Отдѣленіе, прослушавъ съ интересомъ сообщеніе г. Вольтера, признало важное значеніе указанныхъ имъ дополненій и предоставило докладчику получить точныя свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ можно было бы воспользоваться рукописью, при-

надлежащею Рижской Библіотекѣ Рыцарства, для извлеченія изъ нея необходимыхъ данныхъ.

Въ томъ же засѣданіи по произведенной баллотировкѣ избраны кандидатами отъ Отдѣленія въ члены Ревизіонной комиссіи: А. Ѳ. Бычковъ, И. С. Ремезовъ и А. И. Соболевскій.

Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи—21 декабря 1890 г.

Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдательствующаго д. чл. Н. И. Веселовскаго, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, при секретарѣ чл. сотр. Ѳ. М. Истоминѣ.

Читанъ и утвержденъ журналъ засѣданія 29 ноября.

Доложены письма: 1) отъ И. Шаврова, изъ Томской губ., въ которомъ онъ сообщаетъ о ходѣ предпринятаго собиранія памятниковъ русскаго народнаго творчества въ Сибири и проситъ нравственной поддержки. Опредѣлено: послать г. Шаврову выпускъ „Извѣстій", въ которомъ напечатанъ журналъ засѣданій 3 ноября 1889 г. гдѣ выражено сочувствіе его предпріятію, и представить въ Совѣтъ объ утвержденіи его въ званіи члена-сотрудника: 2) отъ чл.-сотр. Вост.-Сибирскаго Отдѣла Я. Дубровы, въ которомъ предлагаетъ къ избранію въ члены-сотрудники Отдѣленія Зайсанга Больше-Дербетовскаго Улуса въ Калмыцкой степи, Бадьмы Лапиновича Опошнова, занимающагося собираніемъ историко-статистическихъ свѣдѣній о времени заселенія Калмыками Ставропольской губерніи и распространеніемъ земледѣльческой культуры среди своихъ сородичей, желающаго при этомъ сообщать Обществу свои наблюденія. Опредѣлено: выслать программу и имѣть сужденіе объ избраніи по полученіи отъ г. Опошнова матеріаловъ.

Доложено о поступленіи нижеслѣдующихъ рукописныхъ матеріаловъ: 1) отъ г. Миловзорова, изъ Бійска — „Территорія Алтайцевъ въ естественно-историческомъ отношеніи", при письмѣ, въ которомъ сообщаетъ о готовности прислать рядъ статей объ Алтайцахъ, для помѣщенія ихъ въ „Живой Старинѣ".

2) отъ А. Бурцева—„5 духовныхъ стиховъ, записанныхъ въ Вологодск. губ., Кадниковск. у., дер. Степанцово, отъ слѣпого Василія Никуличева".

Опредѣлено: вручить на разсмотрѣніе редактору „Живой Старины".

3) отъ чл.-сотр. Н. Ѳ. Катанова. „Путешествіе по Сибири, Дзунгаріи и Восточному Туркестану".

4) черезъ посредство д. чл. князя Г. С. Голицына, отъ Начальника Такмакскаго у. Семирѣч. обл., Войсковаго старшины И. Нарбута: „Каракунузскіе Дунгане". Опредѣлено: №№ 3 и 4, вручить на разсмотрѣніе д. чл. Н. И. Веселовскому.

5) отъ редакціи журнала „Сѣверный Вѣстникъ"—многочисленное собраніе рукописныхъ этнографическихъ матеріаловъ, оставшихся послѣ смерти сотрудника журнала—г. Пономарева. Опредѣлено: благодарить редакцію „Сѣв. Вѣсти."; матеріалы вручить на разсмотрѣніе чл.-сотр. Ѳ. М. Истомину.

Доложены нижеслѣдующіе отзывы о разсмотрѣнныхъ рукописяхъ: 1) Отзывъ чл.-сотр. А. Н. Пыпина о рукописи священника Розанова „Простонародная медицина въ Саратовскомъ уѣздѣ".

„Это—статья (не подписанная) подъ названіемъ: „Простонародная медицина въ Саратовскомъ уѣздѣ". Она сообщена д-ромъ С. А. Розановымъ, но принадлежитъ его отцу, въ теченіе многихъ лѣтъ состоявшему сельскимъ священникомъ. По своему положенію въ сельской средѣ, авторъ имѣлъ возможность самымъ близкимъ образомъ наблюдать народный быть, и въ настоящемъ случаѣ остановился на народной медицинѣ въ томъ смыслѣ и объемѣ, какъ она практикуется мѣстнымъ населеніемъ,—т. е. онъ остановился не только на способахъ леченія собственно, на лекарственныхъ травахъ и иныхъ снадобьяхъ, но также на средствахъ знахарскихъ и колдовскихъ заговорахъ, заклинательныхъ апокрифическихъ молитвахъ и т. п. Кромѣ болѣзней людскихъ, онъ говоритъ также и о леченіи животныхъ.

Статья не есть научное изслѣдованіе, а именно только собраніе фактовъ. Авторъ даетъ понятіе объ условіяхъ народнаго быта и земледѣльческаго труда, о своеобразномъ народномъ взглядѣ на болѣзни, и затѣмъ приводитъ длинный рядъ болѣзней, подъ ихъ народными наименованіями, и употребляемыхъ противъ нихъ средствъ леченія. Намъ не припоминается въ литературѣ столь подробнаго списка, — во всякомъ случаѣ такихъ немного. Кромѣ этого списка, въ статьѣ приведены многочисленные заговоры, обыкновенно съ указаніемъ ихъ примѣненія, упомянутыя апокрафическія молитвы и, наконецъ, извлеченъ изъ старой рукописи „Травникъ", по составу совсѣмъ не похожій на тотъ „Травникъ", который изданъ былъ В. М. Флоринскимъ.

По моему мнѣнію, рукопись вполнѣ заслуживаетъ вниманія Отдѣленія и заслуживаетъ также мѣсто въ его изданіяхъ, или въ „Живой Старинѣ". Въ случаѣ печатанія, статья потребовала бы нѣкоторой предварительной редакціи и нѣкоторыхъ сокращеній; напр., нѣсколько имѣющихся въ ней варіантовъ „Сна Богородицы" могли бы быть исключены, такъ какъ много подобныхъ уже издано и настоящіе варіанты не представляютъ интереса".

Опредѣлено: имѣть въ виду для изданія.

2) Отзывы чл.-сотр. Э. А. Вольтера о рукописяхъ: а) П. Бендеровича, учителя Мацьковскаго нач. училища Кальвар. у., Сувалкской губ. (на литовск. яз.; № 36, 1887 г.).

„Рукопись г. Бендеровича написана исключительно на литовскомъ языкѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

A. Сказки (pasakos). B. Описаніе случайныхъ археологическихъ находокъ (Apraszimas rasliniu daiktu). C. Описаніе сопки (Pilekalnis). D. Свадьба у Дзуковъ (Svodba Dzukuose). E. Описаніе крестинъ (Kriksztynos). F. Похороны (Szermenys). G. 126 дайнъ, лит. народн. пѣсенъ (новая пагинація). H. Различныя пѣсни. I. Загадки (Mislys). K. Поговорки (Patarles).

Сборникъ г. Бендеровича въ представленномъ видѣ напечатанъ быть не можетъ. такъ такъ къ пѣснямъ и вообще литовскимъ этнографическимъ текстамъ русскій переводъ не прибавленъ. Что же касается статей археологическаго содержанія, то ими пользоваться можно только въ извлеченіи. Несмотря на большое число уже изданныхъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, народнопоэтическій матеріалъ г. Бендеровича отличается какъ языкомъ, такъ и содержаніемъ. Въ языкѣ пѣсенъ сборника Бендеровича сохранилось много древнихъ формъ (между прочимъ средняго рода), сами же пѣсни поражаютъ архаистичностью поэтическихъ оборотовъ и символовъ.

Въ виду этого нельзя не поощрить собирателя присужденіемъ серебряной медали, самую же рукопись послѣ выдѣленія нѣкоторыхъ частей (B. C.) можно будетъ приготовить къ печатанію, прибавивъ, послѣ провѣрки и сравнительнаго изученія варіантовъ на основаніи литовскихъ сборниковъ Академіи Наукъ и Казанскаго Университета, подходящій русскій переводъ.

Мѣстность, изучаемая г. Бендеровичемъ мало извѣстна въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, и оттого матеріалъ, доставленный чрезъ меня г. Бендеровичемъ Обществу, заслуживаетъ полнаго вниманія любителей литовской этнографіи, тѣмъ болѣе, что древній бытъ и языкъ этихъ мѣстъ быстро исчезаетъ, въ слѣдствіе общаго въ Сувалкской губ. стремленія литовскаго племени къ выселенію въ Америку".

б) о рукописи врача Ивана Спудулиса въ Ташкентѣ „Куртовянскій говоръ, Kûrtavienu kàlba, или вѣрнѣе Pászviniu kalba".

„Изъ отвѣтовъ доставленныхъ на мою программу для указанія особенностей говоровъ Литвы и Жмуди, рукопись г. Спудулиса о родномъ его Куртовянскомъ говорѣ, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губ., отличается, какъ полнотою представленныхъ свѣдѣній, такъ и точностью наблюденій надъ живой рѣчью современныхъ Литовцевъ.

Рукопись г. Спудулиса состоитъ: а) изъ топографическаго очерка говора: стр. 1—6. b) изъ отвѣта на вопросы нашей діалектологической програмы, стр. 6—20. c) изъ текстовъ, характеризующихъ рѣчь родного говора отвѣтчика.

Къ своей задачѣ дать характеристику Куртовянскаго говора г. Спудулисъ отнесся

вполнѣ сознательно и весьма внимательно. Не ограничиваясь предѣлами програмы, онъ на страницѣ 10 указываетъ на пропущенный вопросъ о звукѣ е (по Шлейхеру), имѣющій весьма важное значеніе для характеристики говоровъ. „Это е, говоритъ г. Спудулисъ, строго отличается отъ ė, которое есть дифтонгъ, а первое е есть гласная протяжная и узкая, аналогичная въ своемъ родѣ звуку о; о съ предъидущей мягкой переходитъ въ е: dirbau, dirbo, dirbome; но rodziau, rode, rodeme etc. Въ жемайтскихъ говорахъ ė произносится нѣсколько короче и шире, чѣмъ въ литовскихъ: совершенно такъ какъ русское е въ словѣ день, пень, или русское ѣ, что для произношенія одинаково. По этому писанные по Шлейхеру deti, sėdėti, sėmū произносятся въ моемъ говорѣ какъ русское одѣть, сидѣть, сѣмя, день и проч. Произношеніе е въ литовскихъ говорахъ трудно описать, такъ какъ аналогичнаго произношенія въ русскомъ нѣтъ (см. Шлейхера грамм.). Такое произношеніе какъ русское ѣ или е Поляки пишутъ ie (dzień, cień, cierpło, почему и въ Литвѣ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ стали писать ie. Въ нынѣшнемъ описаніи я тоже писалъ ie, гдѣ слышится звукъ въ родѣ русскаго ѣ, т. е. е умѣренно протяжное и не очень узкое, съ мягкой предъидущей согласной" (стр. 71). Изъ областныхъ словъ особое вниманіе на себя обращаютъ по полнотѣ описанія группа выраженій относящихся къ литовскому дому, который въ тематическомъ рисункѣ представленъ съ добавленіемъ подходящихъ termini technici. Въ историко-этнографическомъ отношеніи любопытно извѣстіе объ употребленіи слова leitis и глагола leiczuot leiczuoj), онъ говоритъ по литовски, какъ житель Вилкомирскаго и Новоалександровскаго уѣздовъ). Какъ извѣстно изъ статейки Бецценбергера и Куника объ имени Литовцевъ и Земгалловъ въ Beiträge zur Kunde der indogermanishen Sprachen. Bd. X p. 323 и 324. Göttingen. 1886, въ скандинавскихъ сагахъ еще слово Лейтисъ, множ. число Лейши, употребляется о Литовцахъ, ныньче же Лейтисами называютъ Литовцовъ одни Латыши.

Діалектологическіе тексты г. Спудулиса записаны имъ еще въ 1878 году и состоятъ изъ 5 дайнъ—пѣсенъ и одного народнаго разсказа. Не менѣе интересны замѣчанія объ азбукѣ и ороографіи литовской, вполнѣ доказывающія начитанность и наблюдательность автора разбираемой мною рукописи. Нужно желать, чтобы г. Спудулисъ продолжалъ заниматься изученіемъ своей родины не въ одномъ лингвистическомъ, но вообще въ этнографическомъ отношеніяхъ. Въ виду изложеннаго предлагаю г. Спудулиса вниманію Отдѣленія, которое его могло бы снабдить подходящими изданіями по изученію языка и быта Сѣверозападнаго края. Наконецъ наблюдательность автора и знаніе литературы по литовской грамматикѣ даютъ ему право разсчитывать на нѣкоторое поощреніе со стороны Общества".

Опредѣлено: представить вниманію Медальной Комиссіи.

3) Отзывъ чл.-сотр. П. В. Шейна о рукописи П. И. Иванова: „Знахарство, шептанья и заговоры въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ Харьковской губ.".

Г. Ивановъ давно извѣстенъ ученому міру, какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ и серьезнѣйшихъ мѣстныхъ наблюдателей бытовой жизни сельскаго населенія. Его труды весьма цѣнятся спеціалистами, такъ, недавно, во 2-мъ томѣ сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества напечатана одна изъ его крупныхъ работъ: „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи", обратившая на себя съ разу вниманіе извѣстнаго нашего ученаго этнографа, профессора Н. Ѳ. Сумцова, который въ предисловіи къ названной работѣ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Сборникъ г. Иванова потому еще заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны людей науки, что составленъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, который до послѣдняго времени стоялъ внѣ этнографическихъ изученій, хотя вполнѣ того заслуживаетъ. Этотъ уѣздъ, вообще глухой, мало затронутый заводской и фабричной цивилизаціей, сохранилъ еще кое-какія архаическія черты въ бытѣ и поэзіи. Къ тому же здѣсь сталкиваются взаимныя племенныя вліянія малоруссовъ и великоруссовъ, по близкому ихъ сосѣдству. (См. Этногр. Обозр. этого года, кн. 3, стр. 165).

Ужъ одно то обстоятельство, что подлежащій нашей оцѣнкѣ сборничекъ записанъ г. Ивановымъ б. ч. въ той же „стоявшей доселѣ внѣ этнографическихъ изуче-

ній мѣстности", гдѣ и названныя выше игры, значительно расширяетъ кругъ нашихъ этнографическихъ свѣдѣній новыми данными изъ того же района, вполнѣ заслуживаетъ пристальнаго вниманія со стороны людей науки Но когда мы узнаемъ тутъ же, что г. Ивановъ старожилъ названной мѣстности, съ любовью изучаетъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ окружающую его бытовую и духовную жизнь народныхъ массъ и что всѣ запасы его сборника сдѣланы б. ч. имъ самимъ, или близкими ему людьми, то интересъ нашъ къ его труду еще болѣе возрастаетъ. „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности", говоритъ почтенный собиратель, „и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ районѣ двухъ уѣздовъ Харьковской губ., Купянскаго и Старобѣльскаго у., я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 заговоровъ и шептаній, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе цѣнными варіантами".

Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія, и 122 заговоровъ и шептаній, въ число которыхъ включаемъ и свадебный оберегъ. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ Кіевской Старинѣ 1885 г. въ декабр. кн. и присланы въ Геогр. Общество въ видѣ оттиска оттуда, остальная же часть сборника составляетъ рукопись въ 24 л. формата почтовой бумаги. Заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: а) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота; б) для предупрежденія и отклоненія различныхъ напастей, какъ, напримѣръ, отъ воровъ, клеветы, чтобы удалить изъ дому гадюку (змѣя) таракановъ и пр., и в) на разные случаи, какъ, напр., чтобы быть въ почетѣ, предъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный оберегъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о непоколебленной еще доселѣ крѣпкой вѣрѣ народа во всемогущую чарующую силу знахаря, что особенно обнаруживается на свадьбахъ, гдѣ его присутствіе, за исключеніемъ церковнаго обряда, считается необходимымъ. Во всѣхъ перипетіяхъ этой торжественной семейной драмы ему дается первый почетъ и отводится первое мѣсто. Всѣ участники свадебныхъ празднествъ изъ всѣхъ силъ стараются ему угождать во всемъ, потому что при малѣйшемъ невниманіи къ нему съ ихъ стороны онъ можетъ обратить ихъ въ волковъ (волколяквъ), въ подтвержденіе чего приводится нѣсколько ходячихъ въ народѣ разсказовъ на этотъ счетъ. Это вѣрованіе, замѣчу кстати, весьма распространено и среди русскаго населенія сѣверо-западныхъ губерній.

Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ, при которыхъ заговоръ примѣняется къ больному или къ случаю и т. п.

По своему содержанію, заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются тѣмъ же двоевѣрческимъ характеромъ, какъ и всѣ прочіе, появившіеся доселѣ въ печати: грубую смѣсь христіанскихъ понятій съ обломками представленій древне-языческаго религіознаго культа мы встрѣчаемъ въ нихъ то и дѣло. Въ иныхъ заговорахъ попадаются курьезнѣйшія имена и названія, какъ, напр., въ заговорѣ при выпускѣ весною пчелъ изъ ульевъ. Приводимъ его здѣсь цѣликомъ, благо не великъ;

„Пропускаю тебя Скидра и Фитра, Фальяна и Ульяна всею Божіею силою на бѣлые цвѣты, на желтые воски". Но что еще любопытнѣе, это то, что именемъ Ульяна (въ нѣкоторыхъ заговорахъ) обозначается вода, какъ, равно, именемъ Тытяна (Татьяна)—земля: здравствуй, водо Ульяно, земле Тытяно, колодезь Якимъ" и т. д.

Въ разсматриваемомъ сборникѣ заговоровъ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины, въ особенности для изучающихъ былинный эпосъ. Такъ, между прочимъ, встрѣчаемъ въ нихъ два раза имя Владиміра князя Кіевскаго, какъ приложеніе къ слову мѣсяцъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ и эти заговоры, тѣмъ болѣе что и они отличаются краткостью:

Отъ зубной боли:

я) Мѣсяцю Владиміру! чи бувъ ты въ Кіеви? чи не видавъ ты святіе мощи? Якъ святіе не горять, такъ зубы не болять. Отъ черпои крови, отъ билаго тила, отъ семидесяти суставивъ.

б) Мисяцю Владиміру! васъ два есть на свѣтѣ: одинъ на неби, другый на земли; якъ изійдетесь меду вина питы у рожденои рабы (имя) отъ черпои крови, отъ билаго тила, отъ 70 суставивъ.

Что же касается до языка заговоровъ, собранныхъ г. Ивановымъ, то онъ, на сколько можемъ судить, сохраненъ тщательно, со всѣми его мѣстными оттѣнками и, безспорно, привлечетъ къ себѣ вниманіе нашихъ діалектологовъ.

Изъ нашего бѣглаго обзора настоящаго труда г. Иванова уже кажется достаточно ясно, что онъ составляетъ цѣнный вкладъ въ этнографическую науку и можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ существующимъ въ нашей литературѣ немногочисленнымъ пока сборникамъ этого рода, какъ напр. Л. Н. Майкова, Чубинскаго, Ефименко и немногихъ другихъ. Поэтому мы полагаемъ, что названный трудъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы его напечатали цѣликомъ (т. е. вмѣстѣ съ напечатаннымъ уже его началомъ), или въ общихъ изданіяхъ нашего отдѣла, или же, если можно въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Живой Старины“.

Опредѣлено: имѣть въ виду для изданія.

С. К. Паткановъ сдѣлалъ сообщеніе: „О результатахъ этнографическихъ наблюденій его, надъ бытомъ Остяковъ“.

Сообщеніе С. К. Патканова было прослушано съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ томъ же засѣданіи, по произведенной баллотировкѣ, предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи на новое четырехлѣтіе вновь былъ избранъ единогласно д. чл. В. И. Ламанскій.

Записки по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ I, подъ редакціею дѣйств. чл. В. И. Ламанскаго. СПБ. 1867. Ц. 2 р.
» II, » » » » Л. Н. Майкова. СПБ. 1869. Ц. 2 р. 50 к.
» III, » » » » Л. Н. Майкова. СПБ. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
» IV, » » » » А. И. Савельева. СПБ. 1871. Ц. 3 р. 50 к.
» V подъ наблюденіемъ дѣйств. чл. С. Ѳ. Миллера и П. А. Гильтебрандта. СПБ. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
» VI, подъ редакціею дѣйств. чл. Л. Н. Майкова. СПБ. 1877. Ц. 3 р.
» VII, подъ редакціею дѣйств. чл. Н. И. Веселовскаго и П. И. Лерха. СПБ. 1880. Ц. 2 р.
» VIII, Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Подъ редакціею дѣйств. чл. П. А. Матвѣева. СПБ. 1878. Ц. 3 р.
» IX, 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ, К. Я. Грота. 2) Волжскій бассейнъ по Книгѣ Большаго Чертежа, Е. К. Огородникова. 3) Изслѣдованія по каменному вѣку. И. С. Полякова. Подъ редакціею дѣйств. чл. Л. Н. Майкова. СПБ. 1882. Ц. 2 р. 50 к.
» X, вып. 1. Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Спаѳарія въ 1675 г. Подъ редакціею дѣйств. чл. Л. Н. Майкова. СПБ. 1882. Ц. 1 р.; вып. 2. Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ Рабтану Ивана Цыковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. СПБ. 1887. Ц. 1 р., вып. 3. Демонологическіе разсказы Киргизовъ. М. Миропіева. Подъ редакціею дѣйств. чл. Н. И. Веселовскаго. СПБ. 1883. Ц. 30 к.
» XI, Антропологическія изслѣдованія среди Мордвы-Эрзи, В. Н. Майнова. Подъ редакціею дѣйств. чл. Л. Н. Майкова. СПБ. 1883. Ц. 3 р.
» XII, Сказки и преданія Самарскаго края, собранныя Д. Н. Садовниковымъ. Подъ редакціею Л. Н. Майкова. СПБ. 188. Ц. 2 р. 50 к.

Томъ XIII, вып. 1. Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя Г. А. Де-Волланомъ. СПБ. 1885. Ц. 1 р. вып. 2. Гомельскія народны пѣсни, записаны З. Радченко. СПБ. 1880. Ц. 1 р. 50 к. вып. 3. Пинчуки. Этнограф. Сборникъ. СПБ. 1890. Ц. 1 р. 20 к. подъ редакціею чл.-сотр. Ѳ. М. Истомина.

» XIV, подъ редакціею дѣйств. чл. П. А. Соколовскаго; вып. 1. Очеркъ юридическаго быта Мордвы, В. Н. Майнова. СПБ. 1885. Ц. 1 р. вып. 2 Вотяки Сосновскаго края. Гр. Верещагина. СПБ. 1886, Ц. 1 р.; вып. 3. Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятск. губ., Гр. Верещагина. СПБ. 1888. Ц. 1 р.

» XV, вып. 1. Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губ. Собралъ и снабдилъ объясн. Э. А. Вольтеръ. Ч. I. Подъ наблюденіемъ дѣйств. чл. П. А. Соколовскаго и чл.-с. Ѳ. М. Истомина.

» XVI, Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи, А. М. Позднѣева. СПБ. 1887. Ц. 3 р.

» XVII, Таранчинскія пѣсни, собраны и переведены Н. Н. Пантусовымъ. СПБ. 1890. Ц. 1 р.

» XVIII. Македонскій Сборникъ. Драганова. Печатается.

» XIX, вып. 1. Соловки. П. Ѳ. Ѳедорова. Кронштатъ. 1889, подъ редакціею дѣйств. чл. В. И. Ламанскаго. Ц. 3 р.
вып. 2. Народные обычаи Саратовск. губ. А. Н. Минха, подъ редакціею чл.-сотр. А. Н. Пыпина. Ц. 1 р.

» XX. Смоленскій Сборникъ чл.-сотр. В. Н. Добровольскаго. Ч. I. подъ редакціей дѣйств. чл. В. И Ламанскаго и чл. сотр. И. Н. Половинкина. Ц. 5 р.

» XXI, вып. I. Указатель литературы о Литвѣ Балтромайтиса. (печат.).

Отдѣлъ II. Памятники языка и народной словесности. 1. Три былины, Л. Майкова. 2. Пѣсни крестьянъ с. Молодова, Гродн. губ., Кобринск. у., г-жи Сакович. 3. Катрушницкій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ м. Дринова) Е. Романова. 4. Лопарскія сказки, свящ. Щекодина. 5. Якутскія загадки. 6. Якутская пѣсня о водкѣ. 7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ въ Духовъ день въ старину.

Отдѣлъ III. Критика и библіографія. 1—22. Отчеты о русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ по этнографіи. 23. Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи, Э. А. Вольтера. Отзывы о книгахъ: Народовѣдѣнія О. Пешеля (пер. Петри), Исторія Р. этнографіи Пыпина т. I, Славянофильскія отношенія,, Веске. Sprachvergleichung n. Urgeschichte, Schrader и пр.

Отдѣлъ IV. Смѣсь. 1. Дѣтскія игры, К. М. Петрова и Е. Рѣпникова. 2. Taulenkopra, или вихорь, Н. Кузнецова. 3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ, Я. Лейцингера. 4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ названіемъ «Калуте», Арминайтиса. 5. Литовскія повѣрья, М. Гилиса. 6. Некрологи: М. П. Веске, О. Кольбергъ, д-ръ Пфуль, С. П. Микуцкій.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. 1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ, И. Н. Жданова (окончаніе). 2. Три года въ Якутской области, В. Л. Приклонскаго (продолженіе) 3. Сербо-лужицкій народный календарь (изъ бум. И. Срезневскаго). 4. Сербо-лужицкія народныя повѣрья (изъ бум. И. Срезневскаго). 5. Умиренье крови въ Грблѣ, П. А. Ровинскаго. 6. Маріупольскіе греки, О. А. Брауна. 7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ былинахъ, А. И. Соболевскаго. 8. Письма Прейса, съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго. 9. Отчего канунъ Иванова дня называется Купальницею, М. И. Соколова. 10. Огонь на свадьбѣ.

Отдѣлъ II. Памятники языка и народной словесности. 1. Великорусскія народныя легенды, И. Мамакина. 2. Пѣсни с. Молодова, Гродн. губ., Кобринск. у., г-жи Сакович. 3 и 4. Болгарскія народныя сказки и пѣсни (изъ Прилѣпа). 5. Лопарскія сказки, свящ. Щекодина. 6. Якутскія повѣрья, В. Приклонскаго.

Отдѣлъ III. Критика и библіографія. 1. Обзоръ трудовъ по литовской этнографіи, Э. А. Вольтера (окончаніе). 2—17. Рецензіи: В. Ламанскаго: Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской этнографіи, Т. II; А. С—скаго: Максимовъ, С. В. Крылатыя слова; А. Васильева: Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ; А. Пономарева: Легенда о св. Алексѣѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія; и другихъ — о русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ.

Отдѣлъ IV. Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V. Смѣсь. Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 октября 1890 г.

Объявленія.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. 1. Письма Прейса изъ славянскихъ земель 2. Три года въ Якутской области, В. Л. Приклонскаго (продолженіе). 3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатырей, по народнымъ былинамъ и сказаніямъ, С. К. Патканова. 4. Этимологическія замѣтки, А. А. Потебни. 5. Отрывокъ былины изъ сибирской лѣтописи, сообщ. Л. Н. Майковымъ.

Отдѣлъ II. Памятники языка и народной словесности. 1. Ермакъ взялъ Сибирь (былина). 2. Заговоры донскихъ казаковъ, Л. Н. Майкова. 3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. 4. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа). 5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ джатакъ Палійскаго канона (изъ бум. И. П. Минаева). 6. Якутскія народныя повѣрья и сказки, В. Л. Приклонскаго.

Отдѣлъ III. Критика и Библіографія. Рецензія С. К. Булича: Н. Лопатинъ и В. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ.—Шемякинъ судъ (библіограф. указ.). С. Ѳ. Ольденбурга.—Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по Польской діалектологіи, И. Лося.—Рецензія С—скаго, Сумцовъ, Н. Ѳ. Культурныя переживанія.

Отдѣлъ IV. Вопросы и отвѣты. Письмо изъ Кадникова о Тобольскомъ музеѣ. Письмо изъ Тобольской губ. Замѣтка редак. объ уѣздныхъ нашихъ библіотекахъ и отсутствіи уѣздн. город. музеевъ. Письма свящ. Сахарова, (изъ Тульск. губ.) и г. Станиславскаго (изъ Екатеринослава), съ отвѣтами. О псковскихъ говорахъ, двѣ статьи студ. Спб. Дух. Ак.

Отдѣлъ V. Урочные Посты, Русская гигіена XVI в., Лунникъ, М. Н. Соколова.—Народныя дѣтскія игры, И. Мамакина.—Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи, А. Балова.—Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ Черемисъ, Н—аго.—Праздникъ Рписй, Способъ лѣченія отъ сглазу, Брайловскаго.—Похоронный обрядъ у Латышей въ 1840-хъ годахъ, Н. Спрогиса.—Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ (Астрах. г.), Н. Соснина.—Извѣстія о Болгаріи 1835 г.—Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цзу, Г. Н. Потанина.—Прусскіе нѣмцы и Суданцы Габори «на дубахъ», В. И. Ламанскаго.—Бѣлая Русь, В. И. Ламанскаго.—Некрологъ: Ф. Миклошичь, В. И. Ламанскаго.—Слово проф. Ягича о Миклошичѣ, съ замѣткою проф. В. И. Ламанскаго. Извлеченія изъ протоколовъ Нео-филологическаго Общества.—Журналы засѣданій Отд. Этнографіи И. Р. Г. О.

Выпускъ IV-й выйдетъ въ сентябрѣ.

Желающіе доставлять сообщенія могутъ обращаться къ редактору (Владиміру Ивановичу Ламанскому, Спб., Коломенская, 33, или Императорское Русское Географическое Общество, а съ нач. Мая до 1 Сент. въ г. Боровичи (Новг. г.).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. **В. И. Ламанскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1891 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 р., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Утвержденная Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ программа «Неоффиціальнаго отдѣла Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

ОТДѢЛЪ ОБЩІЙ: 1) Важнѣйшія Правительственныя распоряженія и придворныя извѣстія. 2) Телеграфныя извѣстія. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Смѣсь. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ мѣстной общественной жизни. 2) Хроника г. Гродны и Гродненской губерніи. 3) Корреспонденціи. 4) Періодическая печать о Гродненской губерніи. 5) Сельскій отдѣлъ. 6) Къ исторіи края. 7) Справочныя извѣстія и 8) Объявленія.

„Неоффиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей" будетъ выходить съ 1-го Января 1891 года два раза въ недѣлю—по Средамъ и Субботамъ.

Digitized by Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

выходитъ четыре раза въ годъ. Подписная плата — въ Петербургѣ 5 р., внутри Имперіи и за границею—5 р. 50 к. Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (у Чернышева моста), въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), Стасюлевича, Девріэна, Березовскаго (въ Петербургѣ).

Выпуски продаются отдѣльно: Цѣна Перваго выпуска — 2 р. Втораго — 1 р 75 к. Третьяго — 2 р.

Предположивъ второй годъ «Живой Старины» начать съ января 1892 г. (вм. сентября 1891 г.), редакція рѣшила выпустить четвертую книжку перваго года—въ сентябрѣ 1891 г.